И 80/342
1912 т 1

„Смутное время и Отечественная война"

Т. I

о. Пирлингъ.

(Къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.)

НЕ КОПИРОВАТЬ

Димитрій Самозванецъ

Конецъ дома Рюриковичей. Легенда объ императорѣ.
Апогей и катастрофа — Поляки въ Кремлѣ.

К-во Сфинксъ.

Петръ Афанасьевъ.

„Смутное Время и Отечеств. Война“

(къ юб. 1613 и 1812 годовъ).

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

И. Н. БОРОЗДИНА.

Томъ I.

1.2.65.

1912.

И 80/342
И 80/342
201-90
11630-Х

о. Пирлингъ.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Конецъ дома Рюриковичей. — Легенда объ императорѣ. — Апогей и катастрофа. — Поляки въ Кремлѣ.

Полный переводъ съ французскаго
В. П. ПОТЕМКИНА.

XI-3307б
ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

МОСКВА,
К-во „СФИНКСЪ“.

2007089512

МОСКВА.
Типографія Торг. Дома „Мысль“, Петровка, д. 17.
1911 г.

Смутное время и Отечественная война.

(Къ юбилеямъ 1613 и 1812 годовъ).

Смутное время съ его знаменательнымъ эпилогомъ и Отечественная война 1812 года, юбилейное празднованіе которыхъ стоитъ на первой очереди, представляютъ богатѣйшіе циклы крупныхъ и важныхъ событій нашей отечественной исторіи. И эпоха смуты—этотъ прологъ новой русской исторіи и война 1812 года—великое столкновеніе Россіи съ Наполеоновской Европой собираютъ, какъ въ фокусѣ, цѣлый рядъ сложныхъ и многообразныхъ историческихъ явленій. Помимо чисто-внѣшней стороны, богато представленной фактически и изобилующей рядомъ драматическихъ моментовъ, громадный интересъ представляетъ разсмотрѣніе внутреннихъ, общественныхъ и культурно-бытовыхъ отношеній этихъ замѣчательныхъ эпохъ. Для пониманія и уясненія всѣхъ особенностей и деталей проходящихъ передъ нами историческихъ картинъ необходимы и широкій фонъ и возможно широкая перспектива.

Современной исторической наукой уже многое сдѣлано въ изученіи причинъ, хода и исхода Смутнаго времени; достаточно упомянуть о классическомъ изслѣдованіи проф. Платонова и о соотвѣтствующихъ отдѣлахъ замѣчательнаго курса русской исторіи и „Боярской Думы“ проф. Ключевскаго. Передъ нашими глазами уже рельефнѣе (хотя все еще не вполнѣ) вырисовывается величавая трагедія со многими, быстро и неожданно смѣняющимися дѣйствіями, поражающими насъ и тонкими изгибами психологическихъ настроеній и причудливой пестротой фактическихъ деталей. Но за этой яркой и дѣйствующей на наше воображеніе внѣшней формой не надо забывать внутренней подпочвы, не надо забывать приводящихъ въ движеніе силъ. Рѣзко

обострившіяся классовыя противорѣчія, кризисъ хозяйственнаго уклада, ходомъ событій поставленныя на неотложное разрѣшеніе проблемы о взаимоотношеніи государства и общества—все это является фундаментомъ, базисомъ грозныхъ и бурныхъ событій начала XVII вѣка. На ряду съ этими сторонами эпоха „великой разрухи“ русскаго государства представляетъ крупный интересъ съ чисто-психологической и культурно-бытовой стороны. Умственный и духовный ростъ русскаго человѣка, застигнутаго лихолѣтьемъ и въ горнилѣ бѣдствій выковывающаго свое общественное сознаніе, такъ ярко отражается въ „Повѣстяхъ и сказаніяхъ о смутномъ времени“—этихъ запискахъ современниковъ и очевидцевъ, непосредственныхъ дѣятелей или вдумчивыхъ наблюдателей; эти драгоцѣнные источники такъ перепосятъ насъ за триста лѣтъ, въ дни бурь и мятежа и заставляютъ насъ прислушиваться къ давно замолкнувшимъ голосамъ. А рядъ дѣятелей смуты? Какой благодарный матеріалъ даютъ они для психолога и художника. Такъ и предстаютъ передъ нами—трагическая фигура Бориса Годунова, загадочный обликъ перваго Лжедимитрія, хитроумный, но ограниченный „боярскій царь“ Василій Шуйскій, побѣдоносный вождь Скопинъ-Шуйскій, своеобразный конституціоналистъ Салтыковъ съ „товарищи“, честолюбивый вождь перваго ополченія Ляпуновъ, удалые и безпринципные атаманы казацкой вольницы—„лихихъ людей“, „человѣкъ земли“ Мининъ, Пожарскій, Авраамій Палицынъ и многіе, многіе другіе.

Меньшій періодъ времени, но широкій кругъ событій охватываетъ Отечественная война. Здѣсь на протяженіи одного года разыгрываются міровыя событія; въ Россіи сходятся всѣ нити запутанныхъ и сложныхъ международныхъ отношеній, отъ исхода русской кампаніи зависитъ судьба всей Европы. Это было время величайшаго международнаго напряженія, время грандіозныхъ плановъ, широкихъ замысловъ, обманутыхъ надеждъ и неисполнившихся желаній; завоевательная фантасмагорія нашла свой конецъ въ снѣж-

ныхъ сугробахъ Россіи. За этимъ уже слѣдовало—Европа противъ Наполеона. Но на ряду съ этимъ международнымъ, такъ сказать, интересомъ война 1812 года глубоко интересна и значительна сама по себѣ, на фонѣ русской исторіи; грандіозная эпопея борьбы всего народа, перешедшаго отъ обороны къ нападенію, такъ обильна рядомъ красочныхъ и величавыхъ моментовъ. Смоленскъ, Бородино, Москва, Березина — сколько воспоминаній связано съ этими такъ кратко и отрывочно звучащими наименованіями. Но это лишь главнѣйшее, а сколько другихъ знаменательныхъ и многое говорящихъ эпизодовъ мы можемъ еще назвать. Великія событія и дѣятели славнаго прошлаго — они такъ еще живы среди насъ, такъ интимно близки и родны намъ. Не прервалась еще непосредственная связь поколѣній, живы фамильныя преданія, легенды и дѣйствительность, изустно передаваемыя; все это роднитъ и сближаетъ, унося насъ въ прошлое и приближая прошлое къ намъ. Читая-ли спеціальныя ученыя изслѣдованія или мемуары современниковъ —живыя свидѣтельства очевидцевъ, мы такъ и переносимся въ великую годину, переживая ея горе и радости.

И теперь въ дни, ближайшіе къ юбилеямъ, ощущается настоятельная потребность въ обобщеніи и популяризаціи историческихъ данныхъ. Обширный, зачастую разбросанный матеріалъ нуждается въ обработкѣ, систематизаціи и извѣстномъ подборѣ. На ряду съ трудами ученыхъ многое могутъ сказать и отрывки изъ источниковъ, сказаній и записокъ современниковъ и очевидцевъ. Легче тогда усвоить духъ эпохи, проникнуть въ ея идеалы и настроенія.

Настоящее изданіе подъ общимъ заглавіемъ „Смутное время и Отечественная война“ и явится серіей книгъ научно-популярнаго характера, предназначенныхъ для широкихъ слоевъ читающей публики. Въ составъ серіи войдутъ, какъ отдѣльныя сочиненія и монографіи, такъ и сборники оригинальныхъ статей, написанныхъ спеціально для настоящаго изданія и характеризующихъ основные моменты инте-

ресующихъ эпохъ и ихъ главнѣйшихъ дѣятелей. Кромѣ того, въ серіи широко будетъ использована мемуарная литература, литература записокъ и воспоминаній. Въ ближайшихъ выпускахъ появятся записки иностранцевъ о походѣ 1812 года, неизвѣстныя русской публикѣ и еще не использованныя. На ряду съ трактованіемъ внѣшней, эпизодической степени имѣетъ быть подробно освѣщена и внутренняя, культурная и общественно-бытовая сторона историческихъ годинъ. Особое вниманіе будетъ обращено на иллюстративную сторону изданія; каждый томъ серіи будетъ украшенъ многими портретами и рисунками, снимками съ рѣдкихъ гравюръ и старинныхъ иллюстрацій. Изданіе будетъ выходить въ видѣ отдѣльныхъ, законченныхъ томовъ, представляющихъ и самостоятельный интересъ.

Выходящій первымъ томомъ серіи трудъ ученаго патера Пирлинга посвященъ Лжедимитрію I. Врядъ-ли надо много говорить, какое значеніе и интересъ представляетъ загадочная личность назвавшаго Димитрія и какую роковую роль сыграла она въ началѣ смуты. Своего героя Пирлингъ рисуетъ на широкомъ историческомъ фонѣ, привлекая данныя русской и западно-европейской исторіи; такимъ образомъ трудъ этотъ является прекрасно-написаннымъ очеркомъ ранняго періода смуты, преимущественно съ ея внѣшней стороны. Многія положенія Пирлинга и его основанный на тщательномъ изученіи источниковъ взглядъ на Лжедимитрія представляютъ исключительный интересъ. Конечно не все въ трудѣ ученаго патера, интересовавшагося прежде всего и главнымъ образомъ отношеніями Россіи къ римской куріи,*) освѣщено съ достаточной полнотой, но это уже является въ извѣстной степени задачей послѣдующихъ выпусковъ серіи, посвященныхъ Смутному времени.

Редакція.

---

*) Книга Пирлинга о Лжедимитріи входитъ въ составъ его обширнаго сочиненія „Россія и папскій престолъ“.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Рукописные матеріалы.

Венеція. Государств. Архивъ. Germania. Dispacci, an. 1605, XXXVI.—Polonia, II.

Вѣна. Госуд. Архивъ. Polonica, 1603, 22 авг., Рангони къ Рудольфу II; 1605, представленіе Рангони къ сану кардинала; 1608, Gesuch oesterreichischer Unterthanen bei Rudolf II; 1613, 14 апр., 1615, 11 мая, Сигизмундъ III къ Матвѣю; 1615, 8 окт., Матвѣй къ Сигизмунду; 1616, 6 апр., 23 іюля, Сигизмундъ къ Матвѣю, Владиславъ къ нему же и къ императрицѣ Аннѣ; 1620, представленіе Рангони къ сану кардинала.—Russica, Geheime Instruktion; 1597, 1598, донесенія Дона; 1600, Responsum legati Mosci in negotio secreto matrimonii; 1604, донесеніе ф.-Логау; 1605, 7 янв., Gutachten Heinrichs von Logau; 1607, 27 янв., Рудольфъ II къ Василію Шуйскому; 1607, май, Вас. Шуйскій къ Рудольфу II.

Казань. Духовн. Академія, 18, Соловецкій Сборникъ.

Краковъ. Библіотека Ягеллоновъ, 5, 102.—Музей Чарторыйск., 820, Panowanie Zygmunta III; 1639, Historya Dimitria Cara Moskiewskiego y Maryny Mniszkowny; 1633, O Dymitrze Iwanowiczu; 1654, f. 39—59, Dyamentowski, Gody Moskiewskie, 1604—1609; 2101, Poselstwo od Dymitra Iwanowicza, Cara Moskiewskiego, wzaiem od Zygmunta III; 2726, Wladislawa Krolewicza wyprawa do Moskwy, 1620; 2763, Diarius Expeditiey moskiewskiey dwuletny Krolewicza Wladislawa anno Dni MDCXVII pisani przez Jakuba Sobieskiego, commisarza teyze expeditiey; Teka Naruszewicza 108, f. 155—169, Extractum ex Archivo Conventus Leopoliensis Patrum Bernardynorum.

Львовъ. Арх. Бернардинц., Chronica Cypriani Damyrski, Chronica Bernardini Kaliski.—Archiwum Krajowe Aktow Grodzkich i Zemskich, 331, Inducta Querelarum Castrensium Sanocensium.—Библіотека Баваровск., Marcin Stadnicki, Dyaryusz Legacyi od Dymitra, Cara Moskiewskiego.—Библіотека Оссолинскаго, 113, f. 550—605, O Moscwie, o Weselu Dymitra, Cara; 196, f. 104—174, Process powodzenia Dimitra Iwanowicza.

Мантуя. Арх. Гонзага, Busta 559.

Москва. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Метрика В. Кн. Литовскаго, Сношенія Польши съ Россіею, 1554—1615 I; Польскій статейный списокъ, 26, 30.—Арх. Мин. Юст., Литовск. Метрика, Новыя книги, 53, 54, 55.

Неаполь. Національная Библіотека, X, 9, 12, Relationi di Pollonia et Moscovia, f. 47—56; Raguaglio a qualunque si voglia persona che volesse andare o mandare in Moscovia secondo raguaglio del viaggio fatto l'anno 1610.

Оксфордъ. Queen's College, CCCLXXXIV.

Парижъ. Національная Библіотека, французскій отдѣлъ, 15967.— Наше Собраніе Diarium о. Лавицкаго: 1605, 13, 20 февр., Савицкій къ Поссевину; 8 мар., Чпржовскій и Лавицкій къ N.N.; 11 марта, Ла Бланкъ къ Поссевину; 17 марта, Чпржовскій и Лавицкій къ N.N.; 15 апр., Лавицкій къ Аквавивѣ; 9, 13 мая, Чпржовскій къ Стриверп: 15 мая, Савицкій къ Поссевину; 22 мая, Чпржовскій къ Аквавивѣ; 22 мая, Лавицкій къ Стриверп; 23 мая, Чпржовскій къ нему же; 23 мая, Лавицкій къ Аквавивѣ; 12 іюня, Савицкій къ Поссевину: 15 іюня, Чпржовскій къ Стриверп, Лавицкій къ нему же: 19 іюня, Савицкій къ Поссевину: 10 іюля, онъ же къ тому же лицу; 10 іюля, Поссевинъ къ Дмитрію: 17 іюля, Савицкій къ Поссевину; 24 іюля, онъ же къ тому же лицу: 26 іюля, Стриверп къ тому же лицу; 4 авг., Nova Moscovitica: 13 сент., Стриверп къ Поссевину; 21 сент., Чпржовскій и Лавицкій къ Стриверп: 29 дек., Чпржовскій къ тому же лицу; 31 дек., онъ же къ Аквавивѣ: 1606, 10 февр., 18, 22 апр., Лавицкій къ Аквавивѣ: 29 апр., посланіе Павла V. Salvator noster: 29 іюля, Скарга къ Аквавивѣ: 12 авг., Босгравенъ къ Поссевину: 1609, 14 февр, Чпржовскій къ Аквавивѣ.

Петербургъ. Имп. Публичная Библіотека, Автографы, 63, т. II, 1604—1630, Оригиналы писемъ и рескриптовъ Сигизмунда III; Латинская, O, IV, 16, Idea magni Herois seu illustrissimus Dominus D. Leo Sapieha, Palatinus, Viln. supremus M. D. L. Bellorum Dux etc., panegyrice descriptus a R. P. Ioann. Rywocki. Soc. Iesa: Польская, F, IV, 119: Разноязычная, F, IV, 85.

Римъ. Арх. Вонкомпаньи. E, 7. Paolo V. Lettere scritte nel di lui pontificato; E, 34, 1609, Симонетта къ Боргезе; E, 35, 1610, январь—май, онъ же къ тому же лицу: E, 36, 1610, іюнь—ноябрь, онъ же къ тому же лицу; E, 37, 1611, янв.—май, E, 38, 1611, іюнь—декабрь, онъ же къ тому же лицу; E, 39, 1612, Симонетта и Барофи къ тому же лицу; E, 40, Lettere spettanti agl'interessi del Regno di Polonia colla corte di Roma dall'anno 1609 fino à tutto 1613.—Архив. Дорія Памфили, отд. Альдобрандини, VII, 1605, 23 янв., II. Симонъ къ Санъ Джорджо; 14 авг., Аркудій къ Павлу V, онъ же къ С.-Джорджо. -Арх. Св. Инквизиціи, IV, Dubia aliqua seu Errores Schismaticorum super quibus dispensari petunt Demetrius, Moschorum Dux, Marina, ejus sponsa, et Wladislavus, Sigismundus, Poloniae Princeps, electus Moschorum Dux 1604—1619. Ватик. Арх., Arm. XI, t. 121: 124; Arm. XLV, t. I—XII, Pauli V. Epistolae ad Principes viros et alios: De Casu Demetrii: Germania, 114 A, 1609, Симонетта къ Боргезе: Miscellanea, t. III, Istruttioni; Pauli V Brevia t. XIII, 1619: Polonia, 37 A, 1609 -1610, Симонетта къ Боргезе; Polonia, 173, 1605—1609, Del Secretario Malacrida à li Nuntii in Polonia: 174, 1609—1611, Лапфранко и Боргезе къ Симонетта: 217, 1615, Боргезе къ Діоталлеви; 218, 1616, онъ же къ тому же лицу; 219, 1619, онъ же къ тому же лицу: отд. Боргезе, I, 237, 238, 633, 933, 1605—1609, A diversi di Malacrida: II, 13, 24, 38, 64, 65, 66, Venezia, 67 Scritture di mano di Paolo V, 68, 74, 1616—1617, Polonia, 157, 221, Lettere del Nuntio in Polonia nel 1615 in cifra circa il cardinalato di Mgr. Raugoni, 223, 1607, Рангони и Симонетта къ Боргезе, 225, 1617, Діоталлеви къ Боргезе, 226, 1608, Симонетта къ Боргезе, 230, 1606, Рангони и Симонетта къ Боргезе, 232, 1605, Рангони къ Боргезе, 234, 1607, Симонетта къ Боргезе, 241, 1606, Polonia, Varia, 335, 338, 358, 1615—1617, Al. Nuntio di Polonia, 427, Instruttione et lettere scritte a Mgr. Nuntio in Polonia dal 1614 al. 1621, 435, 499, Polonia et Russia; III, 7, c. 1605– 1607, Lettere di diversi a Paolo

V, 90, a, 1603, депеши Рангони, 90, b, 1604, то же, item, 90, c, 1605, item, 103, 1606, Polonia, 112, 129; IV, 21, 1606—1607, Polonia, Lettere del re Sigismondo 79, 1608, Спиноцетта къ Боргезе, 81, 233, 274 (f. 58—100) 1606—1609, Relationi del nuntio pontificio in Polonia. Библіотека Chigi, I, III, 57.

Самборъ. Арх. Бернардинцевъ, Acta seu Monumenta diversa ex duobus vetustissimis Protocollis conventus istius Samboriensis, sub tempus tertiae Visitationis canonicae mediis diebus Augusti Anno Christi 1780 absolutae collecta et in unum volumen istud compillata. (Kronika Samborskiego Klasztoru O. O. Bernardynow).

Стокгольмъ. Корол. Архивъ. отд. Браге—Врангель, 339, Causae consiliumque belli Moscovitici; 349, 1608—1612, Diarium Ioannis Petri Sapieha, capitanei Uswiatensis.

Флоренція. Госуд. Архивъ, отд. Медичи, 933, 4295; отд. Урбино, Cl. I, Div. 9, f. CLXXI, CCXIX.

II.

Печатные источники.

Акты Историческіе, СПБ., т. II, III, 1841.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, СПБ., IV, 1851.

Акты, собранные... Археографической Экспедиціей, СПБ., II, 1836.

Anzerinus, Podroz Maryny... въ Przyjaciel Ludu. W Lesnie, t. I, 1842.

Archivum Domu Sapiehow, Lwow, t. I, 1892.

Archiv für Slavische Philologie, Berlin, t. XX, 1898, t. XXI, 1899, t. XXII, 1900.

Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, М., 1894—1897, 3 т.

Переписка между Россіей и Польшею по 1700 г., М., 1862, 3 т.

Barezzo Barezzi, Relatione della... Conquista del paterno Imperio conseguita dal Sereniss. Giovine Demetrio Gran Duca di Moscovia l'anno 1605 etc... In Firenze, appresso il Guidicci MDCVI. Воспроизв. княземъ Оболенскимъ въ Иностранныхъ Сношеніяхъ и Актахъ, М. 1847.

Водуэнъ де Куртенэ, Strona jenzykowa originalu polskiego listu „Dymitra Samozwanca" do Papieza Klemensa VIII. W Krakowie, 1899.

Болдаковъ. Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. СПБ., 1896.

Bond, Russia at the close of sixteenth century. Comprising the treatrise „of the Russe Common Wealth" by D. R. Giles Fletcher; and The Travels of Sir Ierome Horsey, London, MDCCCLVI.

Borsza, Wyprawa Czara Moskiewskiego Dymitra do Moskwy—въ Русск. Истор. Библіотекѣ, т. I.

Bussow, Chronikon Moscoviticum—въ Rerum Rossicarum Scriptores exteri, т. I.

Бѣловъ, О смерти Царевича Димитрія—въ Ж. М. Н. Пр., іюль—авг., 1873, т. CLXVIII, с. 1—44, 277—320.

Vannozzi. Delle lettere miscellanee del Sig. Bonifatio Vannozzi, т. II. Roma MDCVIII.

Widekind, Historia Belli Sueco-Moscovitici decennalis, Holmiae, MDCLXXII.

Wielewicki. Historici Diarii Domus professae Societatis Jesu Cracoviensis. Cracoviae, 1881—1899, 4 т., въ Scriptores Rer. Pol., т. VII, X, XIV, XVII.

Бѣржбовскій, Матеріалы къ исторіи Московскаго Государства въ XVI и XVII ст., Варшава, т. II, 1898, III, 1900.

Его же—Materiały do Dziejow Piśmiennictwa Polskiego, Warszawa, I, 1900.

Hirschberg, Dymitr Samozwaniec. We Lwowie, 1898.

Historia generalis Fratrum Discalceatorum Ordinis B. Virginis Mariae de Monte Carmelo. Romae, t. II, MDCLXXI.

Golichowski, Pamiontka... Jana z Dukli, Lwow, 1886.

Его же -Prominek... Bernardynow; Lwow, 1 и 2 ч. 1859.

Grochowski, Piesni... w Kracowie, 1606.

Darowski, Przyczynek do dziejow Samozwanca—въ Kraj. № 47. 1898.

Дмитріевскій, Архіепископъ Элассонскій и Мемуары его изъ русской исторіи. Кіевъ, 1899 г.

Добротворскій, Свѣдѣнія о Книгѣ Василія Великаго—въ Зап. Имп. Арх. О-ва, т. II, СПБ., 1856.

Du-Perron, Les Ambassades et Negociations... Paris, MDCXXXIII.

Жолкѣвскій, Записки Гетмана Жолкѣвскаго о Московской войнѣ. СПБ., 1871.

Canaye, Lettres et Ambassade de Messire Philippe Canaye, seigneur de Fresne. Paris, MDCXXXV—VI, 3 vol.

Cappelletti, I Gesuiti et la Republica di Venezia. Venezia, 1873.

Карамзинъ, Исторія госуд. россійскаго. СПБ. 1818—1829, 12 т.

Карзинкинъ, О медаляхъ царя Димитрія, М., 1889.

Ключевскій, Боярская Дума, М., 1882.

Kobierzycki, Historia Vladislai Poloniae et Sueciae Principis. Dantisci, 1655.

Kognowicki, Zycia Sapiehow y listy od monarchow, W Warszawie, 1791, 3 т.

Cornet, Paolo V et la Republica Veneta, Vienna, 1859.

Костомаровъ, Кто былъ первый Лжедимитрій? СПБ., 1864.

Его же, Смутное время... СПБ., 1883.

Kronika Miasta Sambora, Sambor, 1891.

Listy Stanislava Zolkiewskiego, 1584—1620. W Krakowie, 1868.

Lubienski, Opera posthuma historica, historica-politica, Antverpiae, MDCXLIII.

Margeret, Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie, Paris, 1860.

Massa, Histoires des guerres de la Moscovie (1601 -1610), Bruxelles, 1866, 2 v.

Mutinelli, Storia arcana et anneddotica d'Italia racontata dai veneti ambasciatori, Venezia, t. III, 1858.

Мухановъ, Сборникъ, Москва, 1836.

Niemojewski, Pamientnik Stanislawa Niemojewskiego (1600 - 1608), We Lwowie, 1899.

Niemcewicz, Dzieie Panowania Zygmunta III. W Wroclawiu, 1836, 3 т.

Nowakowski, Zbrodla do Dziejow Polski, W Berlinie, 1841, 2 т.

Orzelski, Bezkrolewia Ksiang osmioro, Petersburg i Mohilew, 1856, 3 т.

Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева Монастыря, М. 1822.

Пирлингъ, Бареццо Барецци или Поссевинъ? Русск. Стар., СПБ., 1900, X.

Его же, Lettre de Dmitri dit le Faux à Clement VIII. Paris, 1898.

Его же, Rome et Démétrius, Paris, 1878.

Его же, Un Manuscrit du Vatikan sur le tzar Dmitri de Moscou, Revue des Questions Historiques, Paris, 1894, X.

Платоновъ, Древнерусскія Сказанія и Повѣсти о Смутномъ Времени XVII в., СПБ., 1888.

Его же, Очерки по исторіи Смуты, СПБ., 1899.

Его же, Сказаніе о Самозванствѣ по списку Московскаго Публичнаго Музея, n⁰ 3141, СПБ., 1895.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, СПБ., 1846—1859, 8 т.

Поповъ, Изборникъ, М., 1869.

Его же, Обзоръ Хронографовъ, М., 1866.

Przeglond polski, W Krakowie, 1887.

Пташицкій, Десноты Зеновичи, Русск. Стар., СПБ., 1878, т. XXI.

Его же, Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту, VIII. СПБ., 1899.

Regel, Analecta Byzantino-Russica, Petropoli, 1891.

Rerum Rossicarum Scriptores Exteri a Collegio Archeographico editi, Petropoli, 1857—68, 2 т.

Rostowski, Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum libri decem Parisiis, 1877.

Ровинскій, Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, СПБ., т. I, 1886, т. II, 1887.

Russel, La Légende de la vie et de la mort de Démétrius... Amsterdam.

Récit du sanglant et terrible massacre arrivé dans la ville de Moscou, Paris, MDCCCLIX.

Середонинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера, СПБ., 1891.

Смисъ, Сэра Томаса Смита путешествія... въ Россіи, перев. Болдакова, СПБ., 1893.

Scriptores rerum polonicarum, Cracoviae, t. VII, 1881, t. X, 1886, t. XIV, 1889, t. XVII, 1899.

Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ, М., 1819—1894, 5 т.

Соловьевъ, Исторія Россіи, М., 1854—79, 29 т.

Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, Romae, 1860—1864, 4 т.

Tolstoy, Englang and Russia, 1553—1593, СПБ., 1875.

Тургеневъ, Historica Russiae Monumenta, Petropoli, 1841, 2 т.

Его же, Supplementum, Petropoli, 1848.

Turkawski, Dymitr carewicz w Polsce, въ Przeglond Lwowski, Lwow, т. XXIII, XXIV, 1882.

Его же, Wesele Maryny Mniszchowny, ib., т. XXIV, 1882, т. XXV, 1883.

Цвѣтаевъ, Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій, Ж. М. Н. Пр., СПБ., т. CXCVI, 1878.

Предисловіе.

Три столѣтія отдѣляютъ насъ отъ Димитрія Самозванца, но образъ этого Императора русской земли все еще одѣтъ покровомъ тайны.

Есть нѣчто ослѣпительное въ порфирѣ, украшавшей его плечи. Не даромъ пытались связать Димитрія со старой династіей московскихъ государей; не даромъ хотѣли признать въ его лицѣ потомка Ивановъ и Васильевъ. Въ сказочныхъ успѣхахъ и въ трагическомъ концѣ этого героя, дѣйствительно, выступаютъ, какъ будто, черты его царственнаго происхожденія,—и все кажется возможнымъ, все представляется естественнымъ въ чудесно-романической судьбѣ этого исключительнаго человѣка. Легко понять, что манило къ нему такихъ геніевъ, какъ Шиллеръ или Пушкинъ.

Признаюсь, я самъ пережилъ увлеченіе этой соблазнительной исторической гипотезой. То было тогда, когда впервые въ моихъ рукахъ оказались подлинныя письма Димитрія къ папамъ Клименту VIII и Павлу V, неизданныя депеши нунція Рангони и нѣкоторые другіе документы. При чтеніи ихъ, на фонѣ

положительныхъ свидѣтельствъ передо мною выступалъ вдали привлекательный образъ; то былъ, казалось, настоящій потомокъ царей, во всемъ характерѣ, во всѣхъ проявленіяхъ котораго чувствуется благородная кровь; онъ преисполненъ сознаніемъ своего высокого происхожденія; онъ, повидимому, непоколебимо вѣритъ въ свое дѣло. Восторженные клики ликующаго народа: торжественное коронованіе въ Кремлѣ; пышныя посольства королей и папъ—все сообщало этому призраку черты несомнѣнной исторической дѣйствительности. И, однако, рѣшительныхъ доводовъ въ пользу гипотезы не оказывалось; вотъ, почему я и считалъ нужнымъ оговориться тогда же, что окончательное разрѣшеніе вопроса о Лжедимитріи принадлежитъ еще будущему времени *).

Хорошо, что я догадался объ этомъ. Время сдѣлало свое дѣло; наука значительно шагнула впередъ. Вскрылись новые источники знанія: всякія химеры разсѣялись, какъ дымъ.

Уже давно историки лелѣяли надежду, что окончательное слово, необходимое для разрѣшенія нашей загадки, будетъ сказано римскимъ Ватиканомъ. И дѣйствительно отношеніе Куріи къ царю Димитрію всегда было проникнуто особыми симпатіями. Чѣмъ же пріобрѣлъ себѣ Самозванецъ подобное сочувствіе? Напрашивалась естественная мысль, что „Императоръ“ московскій довѣрилъ св. Престолу тайну своего происхожденія. Однако, ничего подобнаго не было: самъ

*) Rome et Demetrius, p. XXII.

читатель убѣдится въ этомъ ниже. Папа не получалъ отъ Димитрія никакихъ конфиденціальныхъ сообщеній; онъ о немъ зналъ ровно столько же, сколько его краковскій нунцій,—а тотъ основывался только на офиціальныхъ данныхъ.

Итакъ, Римъ безмолвствуетъ въ этомъ вопросѣ. Зато въ другомъ онъ располагаетъ драгоцѣнными свѣдѣніями. Дерзкое предпріятіе Димитрія начинается съ торжественнаго объявленія Самозванцемъ своего новаго credo; пылкій неофитъ, онъ требуетъ отъ Церкви чрезвычайно широкихъ изъятій. Всѣ эти заявленія и просьбы были переданы на разсмотрѣніе инквизиціоннаго судилища римско-каталической церкви. Какой счастливый случай для будущихъ историковъ! Инквизиціонный трибуналъ является высшимъ судьею въ вопросахъ совѣсти. Для него нѣтъ никакихъ тайнъ; онъ не признаетъ политики умолчаній; онъ отвергаетъ всякія условности и подтасовки. Благодаря этому, документальный матеріалъ, касающійся Димитрія, обогащается и пріобрѣтаетъ необыкновенную цѣнность. Въ теченіе трехъ вѣковъ онъ хранился въ архивахъ, подъ покровомъ тьмы; но, наконецъ, ему суждено было увидѣть свѣтъ,—и съ этихъ поръ историки должны прислушиваться къ его свидѣтельству. Передъ нами ясно выступаетъ политика римскаго Престола. Можно признать ее слишкомъ легковѣрной и даже наивной; но, во всякомъ случаѣ, ею неизмѣнно руководятъ благородныя побужденія. Она стремится къ высшимъ цѣлямъ; ей чужды какіе бы то ни было двусмысленные компромиссы.

Нельзя сказать, чтобы этотъ драгоцѣнный матеріалъ по исторіи Димитрія отыскать былъ безъ всякаго труда. Какъ извѣстно, инквизиціонный трибуналъ склоненъ, въ большинствѣ случаевъ, ревниво охранять свои тайны. Однако, на этотъ разъ, онъ отступилъ отъ своего правила. Этимъ мы обязаны благородной иниціативѣ Его Высокопреосвященства, кардинала Рамполлы, и высокомилостивому благоволенію Его Святѣйшества, Папы Льва XIII, историческіе труды котораго всегда были достойны славы.

Несомнѣнно, тайныя сношенія Димитрія съ Римомъ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на его загадочную личность. И все же, передъ нами встаетъ прежній неотступный вопросъ. Кто былъ Самозванецъ? Хищный узурпаторъ или несчастная жертва? Царскій сынъ или геніальный авантюристъ? Вѣдь, былъ моментъ, когда вся Русь склонилась передъ нимъ. Затѣмъ разразилась катастрофа, стоившая ему трона и жизни. Послѣ этого его стали считать обманщикомъ и жалкимъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ.

Сколько разъ пытались историки рѣшить эту загадку! Правда, никому оно не удавалось вполнѣ. Но, во всякомъ случаѣ, изслѣдователи все тверже и тверже укрѣпляли свою позицію, все дальше и дальше вели свои подготовительныя работы. Въ настоящее время въ распоряженіи ихъ оказываются совершенно новыя данныя.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ показанія Льва Сапѣги, великаго канцлера Литовскаго и тонкаго законника. На его свидѣтельство ссылался нѣкогда князь

Оболенскій; но самый первоисточникъ исчезъ куда-то и скоро былъ преданъ забвенію. Теперь настало время опять вызвать его къ жизни. Упомянемъ еще до сихъ поръ неизданныя письма воеводы Мнишка, князя Константина Острожскаго и нѣкоторыхъ польскихъ сенаторовъ: всѣ эти документы даютъ намъ важныя показанія. Относятся они къ 1605 году; содержаніе ихъ въ той или иной мѣрѣ касается Димитрія; нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ искренни до наивности. Существенныя дополненія къ этимъ даннымъ мы находимъ въ Италіи. Въ Ватиканѣ собирались всѣ извѣстія изъ Москвы; Поссевинъ живѣйшимъ образомъ интересовался судьбою Димитрія; великій герцогъ Тосканскій мечталъ о торговомъ союзѣ съ Русскимъ Государствомъ; наконецъ, венеціанскій посланникъ старался вывѣдать у короля Сигизмунда III тайну его отношеній къ Самозванцу. Добавимъ къ этому, что нунцій Симонетта велъ записки о войнѣ Польши съ Москвою. Его донесенія были любезно предоставлены мнѣ княземъ Бонкомпаньи: между тѣмъ, до послѣдняго времени, они были совершенно недоступны для посторонняго глаза,

Во всѣхъ этихъ документахъ — частію, позабытыхъ, частію же, неизвѣстныхъ,—разсѣяны черты, дополняющія картину Русскаго государства въ началѣ XVII вѣка.

Мы видимъ, что внѣшнее процвѣтаніе этой державы скрывало подъ собою глубочайшія язвы... Все это, думается, оправдываетъ наше рѣшеніе вновь пересмотрѣть старый вопросъ о царѣ Димитріи.

Моя задача историка была чрезвычайно облегчена любезнымъ содѣйствіемъ тѣхъ славныхъ ученыхъ, которые стоятъ во главѣ публичныхъ библіотекъ и архивовъ Европы. Съ глубокой благодарностью вспоминаю я счастливые часы, проведенные мною въ хранилищахъ Рима, Венеціи, Флоренціи, Вѣны, Кракова, Стокгольма, Петербурга и Москвы. Сокровища, собиравшіяся тутъ вѣками, позволяютъ намъ воскресить прошлое. Оно встаетъ передъ нами и во всемъ своемъ величіи, и во всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ. Разумѣется, нужно имѣть мужество говорить о немъ все и ни очемъ не умалчивать.

Парижъ, 5 Декабря 1910 г.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ одной династіи.

I. Наслѣдіе Ивана IV. –Плодовитая династія.—Живое противорѣчіе мальтузіанству. Большое гнѣздо.—Василій III и его мечты о потомствѣ.—Поэтическія жалобы великаго князя.—Назиданіе въ разумномъ садоводствѣ.—Разводъ Василія и его второй бракъ, противный правиламъ церкви.—Рожденіе Ивана IV.—Негодованіе однихъ и снисходительность другихъ.—Расправа Ивана Грознаго съ ближайшими родственниками.—Заключеніе князя Андрея.—Роль князя Владиміра при взятіи Казани.—Тяжелая болѣзнь Ивана IV.—Подозрѣнія царя противъ Владиміра.—Мѣры Грознаго противъ этого князя. Привѣтствія костромичей. –Преданіе смерти участниковъ манифестаціи.—Владиміръ съ семьей въ Александровской слободѣ.—Четыре жертвы.—Потопленіе матери Владиміра.—Династическія притязанія Грознаго.—Убійство царемъ собственнаго сына.

II. Ѳеодоръ Іоанновичъ.—Призракъ царя.—Ближній бояринъ ничтожнаго государя.—Тайны Кремля.—Мстиславскій, какъ первая жертва Годунова.—Замыселъ Шуйскихъ.—Вопросъ о разводѣ царя съ Ириной.—Слѣдствіе по дѣлу о государственной измѣнѣ. Опала и ссылка Шуйскихъ.—Мѣры предосторожности со стороны Годунова. –Марія Владиміровна.—Вѣнчаніе на разстояніи.—Рижская крѣпость.—Возвращеніе Маріи въ Москву.—Заключеніе ея въ монастырь.—Смерть Димитрія, Ѳеодосіи и царя Ѳеодора.—Предчувствія и предсказанія.—Флетчеръ и Дона.—Борисъ Годуновъ, его титулы, честолюбіе и богатство.—Воцареніе Бориса.—Восхваленіе его въ тогдашней литературѣ.—Домъ Романовыхъ.—Опала противъ нихъ въ изображеніи лѣтописи.—Тенденціозное слѣдствіе.—Ссылка Романовыхъ.—Основатель новой династіи.

III. Угличская драма 1591 года. Неясность и противорѣчивость извѣстій по этому поводу.—Чернильная война.—Рожденіе Димитрія. Ссылка его въ Угличъ.—Кровавая катастрофа.—Ужасъ и толки современниковъ.—Официальное слѣдствіе.—Руководящая роль Василія Шуйскаго въ слѣдственной комиссіи.—Показанія Михаила Нагого.—Опасность серьезныхъ осложненій.—

Любитель присяги.—Контръ - показанія Василисы Волоховой.—Свидѣтельница, видавшая виды и не лѣзущая въ карманъ за словомъ. Ложь, оставшая неизобличенной.—Затверженное показанія дѣтей.—Изобиліе свидѣтелей.- Все тѣ же сакраментальныя слова. -Князь Михаилъ былъ пьянъ.—Огнѣздь комиссіи въ Москву.—Черви земные.—Критическій анализъ слѣдственныхъ данныхъ.—Отрицательный результатъ оцѣнки.—Привычное клятвопреступничество Василія Шуйскаго.—Передача дѣла царю. -Мнѣніе патріарха Іова.—Официальная санкція приговора. Заточеніе царицы Маріи въ монастырь.—Ссылка нагихъ.—Жестокія кары противъ Угличанъ.—Жатва проклятій.

I.

Иванъ Грозный оставилъ по своей смерти чрезвычайно тяжелое наслѣдство. Конечно, не хилому Ѳеодору было справиться съ такой ношей. Молодой царь не имѣлъ ничего общаго съ мрачнымъ геніемъ своего отца. Ряса инока была ему больше къ лицу, чѣмъ роль свирѣпаго и коварнаго деспота. Честолюбивый выскочка, отъ надменности переходившій къ грубости, самъ Борисъ Годуновъ не могъ, въ концѣ концовъ, остаться господиномъ положенія. Въ сѣтяхъ злого обмана и всеобщаго предательства, въ рукахъ грабителей и хищниковъ всякаго рода, во власти чужеземныхъ враговъ,— русское государство возстало противъ самого себя. Казалось, ему грозило окончательное крушеніе. Избѣгнуть этой участи ему помогло лишь стихійное и грозное пробужденіе національнаго чувства.

Изслѣдуя происхожденіе смуты и ея скрытыя причины, историкъ восходитъ къ мрачной порѣ опричнины и углубляется еще дальше въ прошлое. Уже давно великій князь московскій превратился въ византійскаго базилевса. Уже давно потомки удѣльныхъ князей стали его слугами, а новая знать, возвеличенная милостями государя, начала вытѣснять собою старыхъ бояръ-княжатъ. Все подвергалось нивеллировкѣ вокругъ московскаго трона,—и этотъ процессъ естественно отразился на строѣ тогдашняго землевладѣнія. Здѣсь, на счетъ прежнихъ хозяевъ земли, правительство стало обогащать новыхъ своихъ агентовъ, надѣляя ихъ

земельными участками. Иванъ IV возвелъ въ политическую систему массовое переселеніе—„переборку“—подозрительныхъ элементовъ: на ихъ мѣсто онъ сажалъ служилыхъ людей, несущихъ на себѣ податное тягло. За исключеніемъ незначительной группы привиллегированныхъ лицъ, гнетъ этого режима почувствовало все общество, отъ знатныхъ людей до самыхъ худородныхъ. Права всѣхъ были нарушены; интересы грубо попирались; завязалась жестокая борьба; начались репрессіи; возникла крамола. Назрѣвалъ страшный соціальный кризисъ: онъ приближался медленно, но вѣрно. Гроза разразилась тогда, когда династія могучихъ людей, создавшихъ величіе Москвы, стала вырождаться, а затѣмъ и вовсе сошла со сцены.

Казалось, что плодовитое дерево Рюрикова дома смѣло устоитъ передъ вѣками: не даромъ этой династіи было тѣсно въ границахъ древней Руси. Желая надѣлить каждаго изъ многочисленныхъ дѣтей своихъ землею, великій князь Владиміръ не остановился передъ раздробленіемъ своего государства. Прежнее единство Руси возсоздано было вновь, болѣе или менѣе, при Ярославѣ Мудромъ. Но, тотчасъ за нимъ, наслѣдники опять подѣлили между собою національную территорію: каждый изъ нихъ стремился къ возможно большей самостоятельности.

Анархія, порожденная княжескими усобицами, продолжалась до самого конца XV вѣка. Бывала ли Русь вполнѣ независима, или же тяготѣло надъ нею иго монголовъ,—все равно: со смертью каждаго князя она распадалась все больше и больше. Порою, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти осколки государства вновь собирались воедино, но лишь затѣмъ, чтобы опять раздробиться еще мельче. При такихъ условіяхъ, естественно возникали родовыя распри; происходили вражескіе набѣги; населеніе подвергалось военнымъ репрессіямъ; страну раздирали внутреннія смуты. Честолюбивые или непокорные князья платились жизнью среди непрерывной борьбы; мстителями за нихъ не-

медленно являлись болѣе или менѣе близкіе сородичи. Воинственный и предпріимчивый духъ людей той эпохи плохо мирился съ требованіями мальтузіанской теоріи. Правда, періодическій передѣлъ земель заключалъ въ себѣ крупныя неудобства. Но самая численность участниковъ этого дѣлежа, естественно, вызывала стремленіе расширить границы государства; съ другой стороны, кровная связь князей этой многовѣтвистой династіи содѣйствовала укрѣпленію и развитію національнаго единства въ государствѣ, находившемся въ процессѣ образованія и заселявшемъ все новыя и новыя области. Вотъ, почему русскіе князья всегда стремились оставить по себѣ возможно большее потомство; вотъ, почему въ шутливомъ прозвищѣ „Большое Гнѣздо", данномъ одному изъ нихъ, они не видѣли ничего обиднаго.

Однако, уже въ первой половинѣ XVI вѣка жизненныя силы Московской династіи начали изсякать. Въ эту пору великимъ княземъ былъ Василій III. Въ жилахъ его текла кровь византійскихъ императоровъ: какъ извѣстно, онъ былъ сыномъ Софіи Палеологъ. Въ бракѣ его съ Соломонидой Сабуровой эта кровь слилась съ чисто-русскою рудою. Но подобный союзъ не оправдалъ и самыхъ скромныхъ надеждъ. Миновало двадцать лѣтъ брачной жизни Василія съ супругой; однако, домъ его все еще оставался бездѣтнымъ. Неужели скипетръ великаго князя долженъ былъ перейти къ братьямъ Василія? Послѣдній считалъ ихъ неспособными къ правленію: и тутъ ему было нечѣмъ похвалиться. Нѣтъ, такой исходъ отнюдь не могъ удовлетворить Василія. Политическій расчетъ и непосредственное чувство внушали ему убѣжденіе, что единственно достойнымъ преемникомъ его можетъ быть только сынъ. Эта мысль сдѣлалась у него своего рода маніей; совершенно естественно, что онъ рѣшилъ, наконецъ, принять практическія мѣры, чтобы осуществить свои желанія и стать отцомъ. Сперва назначено было официальное слѣдствіе, которое должно было выяснить причины неплодія злополучной великой княгини. Разумѣется, все

это кончилось ничѣмъ. Только одинъ выводъ напрашивался самъ собою: всякому очевидно было, насколько безсильны тѣ зелья и колдовства, которыя считались въ Москвѣ наилучшимъ средствомъ противъ всякой напасти *). Легко можно было предвидѣть, что дѣло Сабуровой разрѣшится самымъ грубымъ насиліемъ. Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, сообщающихъ объ этихъ событіяхъ, мы находимъ, несомнѣнно, тенденціозныя вставки: во всякомъ случаѣ, тщетно пытаются онѣ набросить на всю эту исторію покровъ поэтическаго вымысла. По ихъ свидѣтельству, великій князь изливалъ свою скорбь въ трогательныхъ жалобахъ; съ завистью смотрѣлъ онъ на птицъ, сидящихъ на своихъ гнѣздахъ, и на рыбъ, стаями гуляющихъ въ глубинѣ водъ. Онъ говорилъ, что чуетъ вокругъ себя трепетаніе жизни: все волнуется, все поетъ, все расцвѣтаетъ... За что же онъ одинъ лишенъ радостей отца? То былъ лукавый вопросъ,—и придворные Василія, не слишкомъ озабоченные соблюденіемъ его супружескихъ клятвъ, принялись нашептывать ему желанные совѣты. Они напоминали ему о безплодной смоковницѣ, которая посѣкается; они говорили о необходимости замѣнить ее другою, способною цвѣсти и приносить плодъ... Какъ легко было угадать истинный смыслъ этихъ внушеній! **) Во всякомъ случаѣ, если Василій, дѣйствительно, слушалъ этихъ мудрыхъ садоводовъ, онъ, очевидно, понялъ прекрасно ихъ уроки. Дальнѣйшій ходъ событій всѣмъ извѣстенъ. Великій князь развелся съ Соломонидой Сабуровой; несчастная была насильно заточена въ монастырь. Затѣмъ, вопреки правиламъ Церкви, Василій сочетался бракомъ съ княжной Еленой Глинской. На этотъ разъ судьба исполнила желанія князя-двоеженца. Въ 1530 году онъ сталъ отцомъ Ивана IV ***).

*) *Акты Историческіе*, I, 192, п. 130.

**) *Полное Собраніе*, IV, 235. Ср. жалобы Василія съ аналогичными тирадами апокрифич. книгъ.

***) I. 314. Второй сынъ Василія былъ слабоуменъ, О немъ мы не будемъ упоминать, т. к. онъ не игралъ въ исторіи никакой роли.

Оставляя въ сторонѣ всякія юридическія фикціи, нужно было признать, что новый „порфпрородный", въ сущности, не является ни законнымъ наслѣдникомъ трона, ни подлиннымъ потомкомъ Рюрика. Плодъ прелюбодѣйнаго союза, Иванъ рожденъ былъ еще при жизни первой супруги великаго князя. Такимъ образомъ, на немъ лежала двойная печать грѣха и отверженія. Въ виду этого, отецъ его постарался, насколько возможно, прикрыть вопіющее нарушеніе закона. На помощь себѣ онъ призвалъ авторитетъ высшаго духовенства и все обаяніе церковнаго обряда. Къ великому негодованію неподкупнаго Вассіана и Максима Грека, митрополитъ Даніилъ пошелъ навстрѣчу настоятельнымъ желаніямъ великаго князя: онъ призналъ законнымъ разводъ Василія съ Соломонидой и торжественно благословилъ его клятвопреступный союзъ съ Еленой Глинской. Этого было совершенно достаточно въ глазахъ массы, которая не слишкомъ вникала въ дѣло. Впрочемъ, и сами бояре не устояли передъ соблазномъ и признали совершившійся фактъ. Такимъ образомъ, главныя возраженія были устранены, и дѣтище Василія могло спокойно пользоваться правами и почестями, приличествующими велико-княжескому сыну. При этихъ условіяхъ, Московской династіи уже не грозила опасность прекращенія.

Нѣтъ нужды воспроизводить здѣсь всю исторію Ивана IV и его сношеній съ Римомъ. Читатели мои помнятъ о тѣхъ злополучныхъ войнахъ, которыя велъ Грозный съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ; они не забыли, вѣроятно, какъ заискивалъ московскій царь передъ папою Григоріемъ XIII. Какъ извѣстно, эта политика завершилась вмѣшательствомъ римской куріи въ дѣло борящихся сторонъ; затѣмъ послѣдовалъ богословскій турниръ Ивана съ Поссевиномъ. Теперь Грозный долженъ быть обрисованъ нами съ иной стороны. Онъ истреблялъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; кровожадные инстинкты его ускорили гибель Московской династіи. Попытаемся же изоб-

разить здѣсь губительную работу этого вѣнцепоснаго палача въ кругу своего собственнаго дома.

Мучимый боязнію потерять скипетръ, Иванъ повсюду чуялъ соперниковъ и предателей. Въ мрачную пору опричнины эта подозрительность Грознаго еще усилилась. Тогда онъ вступилъ на путь кровавыхъ казней. Болѣе всего сомнѣній возбуждалъ въ немъ его двоюродный братъ Владиміръ, сынъ Андрея Ивановича. Долгое время Иванъ не рѣшался открыто поднять на него руку. Но, наконецъ, его колебанія прекратились. На голову князя Владиміра и обрушился первый ударъ.

Въ правленіе матери Ивана, Елены Глинской, у князя Андрея были какія-то нелады съ нею. Правительница заподозрѣла его въ честолюбивыхъ замыслахъ, и ему пришлось поплатиться за это тюремнымъ заключеніемъ. Эту участь раздѣлилъ съ нимъ и сынъ его Владиміръ. Впрочемъ, пробыть въ тюрьмѣ обоимъ пришлось недолго. За нихъ вступились бояре и высшее духовенство, и на Рождествѣ 1541 года, узники были освобождены. Падъ всѣмъ этимъ непріятнымъ происшествіемъ, казалось, былъ поставленъ крестъ. Въ свое время, Владиміръ унаслѣдовалъ права отца и получилъ въ удѣлъ Старицу. Въ довершеніе всего, онъ принялъ участіе въ завоеваніи Казани—этомъ великомъ дѣлѣ царя Ивана.

Раскинувшись по берегамъ Волги и Камы, татарское царство препятствовало внѣшнему росту Московской державы и преграждало ей путь въ Азію. Московское правительство поклялось сокрушить эту твердыню мусульманства: въ 1552 году мечта его, наконецъ, осуществилась. Татары оборонялись съ рѣшимостью отчаянія: городъ удалось взять приступомъ лишь послѣ продолжительной осады; разумѣется, штурмъ сопровождался ужасной рѣзнею. Во всякомъ случаѣ, побѣда царя надъ „басурманами“ громкимъ эхо прокатилась по русской землѣ. Паденіе Казани стало излюбленнымъ предметомъ народнаго творчества; конечно,

это событіе было богато изукрашено поэтическимъ вымысломъ. А, между тѣмъ, князь Владиміръ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ войны съ Казанью. Имя его гремѣло по рядамъ московской рати; его подвиги, естественно, привлекали къ нему сердце народа. Все это не могло не возбудить ревнивыхъ и завистливыхъ чувствъ въ душѣ Ивана, и безъ того склоннаго къ болѣзненной подозрительности. На слѣдующій годъ отношенія царя къ князю Владиміру приняли еще болѣе натянутый характеръ. Дѣло въ томъ, что въ критическій моментъ національный герой превратился въ явнаго соперника своего государя.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего блестящаго похода на Казань, царь Иванъ былъ внезапно постигнутъ какою-то ужасной болѣзнью: передъ подобными недугами терялась медицинская наука XVI вѣка. Въ тогдашнемъ обиходѣ эту болѣзнь называли нѣсколько случайнымъ именемъ огневицы: быть можетъ, то была форма злокачественной лихорадки, которая принимала тѣмъ болѣе жестокій характеръ, чѣмъ сильнѣе былъ организмъ больного. Такъ или иначе, положеніе Ивана очень скоро стало въ высшей степени серьезнымъ. Появились тревожные симптомы, предвѣщавшіе близость рокового конца... Тогда-то, не взирая на предсмертныя муки царя, не дожидаясь, пока корона сама спадетъ съ его головы, приближенные Грознаго начали жестокую борьбу изъ-за власти у самаго его ложа.

Создалось крайне затруднительное положеніе. У царя не было сына, который могъ бы немедленно принять бразды правленія. Наслѣдникомъ Грознаго являлся грудной младенецъ: а, между тѣмъ, именно ему желалъ умирающій государь передать свою власть *). Но люди, пережившіе регентство Елены Глинской, со страхомъ думали о такомъ исходѣ.

---

*) Этотъ сынъ, носившій имя Димитрія, утонулъ въ томъ же году въ Бѣлоозерѣ. Его имя было дано затѣмъ сыну Иванову, о которомъ—ниже.

Они слишкомъ хорошо помнили смуты и насилія этого времени; они боялись, какъ бы, при малолѣтнемъ царѣ, имъ не пришлось поступаться своимъ достоинствомъ. Матерью наслѣдника была Анастасія Романова; къ ней, естественно переходила и власть правительницы: было очевидно, что всему ея роду будущее сулитъ господствующую роль въ жизни государства. Правда, Романовы принадлежали къ лучшимъ людямъ тогдашняго общества; у нихъ были блестящія родственныя связи; они всегда отличались умомъ и энергіей, почему имъ и поручались самыя отвѣтственныя должности. Но, во всякомъ случаѣ, они не принадлежали къ избранному кругу древней знати: они представляли собою, скорѣе, новую аристократію, возвеличенную милостями государей и собственными заслугами. Гордымъ Рюриковичамъ не хотѣлось подчиниться потомству какихъ-то Кошкиныхъ и Кобылиныхъ, а, вмѣстѣ съ ними, признать надъ собою олигархію новыхъ бояръ. Въ сущности, на помощь, этой гордой знати приходило и обычное право древности: оно отдавало предпочтеніе дядьямъ передъ племянниками, такъ что законнымъ наслѣдникомъ признавался не ближайшій прямой потомокъ, а старшій представитель рода въ боковой восходящей линіи. На сторонѣ князя Владиміра было, именно, это юридическое преимущество. Такимъ образомъ, самими обстоятельствами ему создавалась роль естественнаго вождя оппозиціонной партіи.

Какъ сказано, борьба изъ-за наслѣдства Грознаго завязалась тотчасъ же, какъ обнаружилась опасность, угрожавшая жизни государя. Но крайней своей силы она достигла тогда, когда Иванъ потребовалъ отъ приближенныхъ, чтобы они принесли его младенцу сыну присягу въ вѣрности. Къ этому требованію бояре отнеслись самымъ серьезнымъ образомъ. Одни подчинились ему добровольно; но нашлись и такіе, которые отказались выполнить волю царя; при этомъ они и не думали скрывать свои истинныя побужденія. Конечно, прославленная добродѣтель царицы Анастасіи

устраняла всякія сомнѣнія во всемъ, что касалось ея одной; но, по заявленію непослушныхъ бояръ, они не желали служить Романовымъ. Во всякомъ случаѣ, говорили они, лучше имѣть государемъ взрослаго человѣка, нежели ребенка. Поведеніе самого князя Владиміра придавало особую силу этимъ намекамъ. Предпріимчивый соискатель престола не дремалъ: онъ совѣщался съ матерью, старался привлечь на свою сторону возможно больше людей и, кажется, не жалѣлъ для этого денегъ.

Два дня продолжалась эта борьба. Какъ только къ умирающему царю возвращались силы, онъ заклиналъ вѣрныхъ бояръ хранить его малолѣтняго сына и не давать никому лишить его престола—хотя бы это угрожало имъ изгнаніемъ. Противъ непокорныхъ бояръ онъ былъ пока безпомощенъ: онъ только грозилъ имъ судомъ Божіимъ. Однако, повидимому, начались какіе-то переговоры у ложа умирающаго царя. Закулисной стороны ихъ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, оппозиція пошла на уступки и, въ концѣ концовъ, цѣловала крестъ царевичу. Пришлось подчиниться и Владиміру. Сперва, правда онъ явно уклонялся отъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ; но волей-неволей и онъ принужденъ былъ подписать тягостное обязательство.

И вдругъ, умирающій воскресъ. Повидимому, реакція его могучаго организма была тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе была болѣзнь. Напрасно поторопились бояре строить свои расчеты на смерти Ивана: передъ ними возсталъ безпощадный мститель. Его сына хотѣли лишить престола; его собственной гибели добивались злые люди!.. Грозный никогда не позабудетъ этого. Конечно, онъ приметъ свои мѣры противъ виновныхъ.

На первыхъ порахъ онъ потребовалъ отъ Владиміра Андреевича, чтобы тотъ покрылъ свою вину, выдавъ царю грамоту съ изъявленіемъ полной покорности и за надлежащей подписью и скрѣпой.

Въ 1554 году у Ивана родился второй сынъ; тогда онъ удвоилъ свою бдительность. Пришлось Владиміру Андреевичу выдать новое письменное обязательство—не выѣзжать изъ Москвы; одновременно съ тѣмъ онъ принужденъ былъ сократить число своихъ слугъ и обѣщать царю неукоснительно доносить ему о всякой измѣнѣ—если бы даже замыслила ее собственная мать его, Евфросинія *). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, разразилось новое событіе. Оно явно было подготовлено заранѣе и вызвало со стороны царя цѣлый рядъ строгихъ мѣръ. Владиміръ Андреевичъ посадилъ въ тюрьму одного изъ своихъ слугъ. Тотъ обратился съ жалобой къ царю, обѣщая разоблачить ему всѣ злыя дѣла своего господина. Въ Москвѣ подобные доносы были обычнымъ явленіемъ; самъ Грозный умѣлъ, какъ никто, инсценировать ихъ и пользоваться этимъ для своихъ цѣлей Началось слѣдствіе; стали производить розыскъ: въ концѣ концовъ, открыли все, что было нужно. Князь Владиміръ Андреевичъ былъ объявленъ виновнымъ. Царь созвалъ высшее духовенство и изложилъ ему всѣ свои жалобы и обиды. Его рѣчь была полна угрозъ, но потомъ онъ, какъ-будто, поддался увѣщаніямъ и оставилъ намѣреніе наказать преступника самымъ жестокимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ окружилъ Владиміра Андреевича новыми слугами. Въ сущности, то были шпіоны, которые не покидали несчастнаго ни на шагъ. Грозный на этомъ не остановился. Онъ отнялъ у Владиміра Андреевича наслѣдственныя владѣнія и поселилъ его въ Кремлѣ, чтобы отнюдь не упускать его изъ виду. Все это произошло въ 1563 году. Окончательная развязка послѣдовала лишь шесть лѣтъ спустя.

Въ ту пору царила опричнина. Москва была охвачена ужасомъ. Кровь текла ручьями. Казни обрушивались на самыхъ именитыхъ людей. Неумолимый и безстрастный, Грозный творилъ самыя ужасныя злодѣйства. Очевидно,

---

*) *Собр. Госуд. Грам.*, т. I. с. 460 сл. №№ 167—169.

убійства не только оправдывались политическими расчетами царя, но и тѣшили его дикіе инстинкты. Князь Владиміръ былъ слишкомъ замѣтенъ, слишкомъ близокъ къ трону, слишкомъ знаменитъ своими заслугами. Могъ ли онъ избѣгнуть удара? Гибель его ускорилъ восторженный пріемъ, оказанный князю костромичами. Дѣло въ томъ, что на границѣ государства показались татары. Владиміръ уже собирался стать во главѣ войска, чтобы отразить набѣгъ степныхъ кочевниковъ. Населеніе Костромы горячо привѣтствовало того, кто могъ предотвратить великую бѣду Грозный тотчасъ же воспользовался этимъ. Представители Костромы были вызваны въ Москву: здѣсь, безъ суда, ихъ предали казни. Что касается самого Владиміра, то царь милостиво пригласилъ его пріѣхать со всей семьей въ Александровскую слободу. Здѣсь, въ этомъ мрачномъ притонѣ убійствъ и оргій, несчастнаго князя ожидала коварная ловушка. Впрочемъ, съ этого момента традиціонная передача событій окрашивается оттѣнкомъ легенды. Одни свидѣтели утверждаютъ, что Владиміръ Андреевичъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ своей гибели: онъ подкупилъ царскаго повара и тайкомъ вручилъ ему ядъ. По другимъ показаніямъ, все это было гнуснымъ вымысломъ самого Ивана, и на который, очевидно, стремился найти предлогъ для того чтобы подвергнуть своего двоюроднаго брата заранѣе придуманной казни. Такимъ образомъ, Владиміру, его женѣ и обоимъ сыновьямъ, пришлось выпить ядъ, предназначавшійся, будто бы, для государя. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно одно, — что всѣ четверо погибли насильственной смертію. Уцѣлѣли только двѣ малолѣтнихъ дочери несчастнаго князя.

Пролитая кровь опьянила Грознаго. Тотчасъ послѣ казни Владиміра Андреевича съ семьей, ненасытная месть Ивана обрушилась на мать князя Старицкаго. Нѣкогда княгиня Ефросинія была, дѣйствительно, заодно съ сыномъ; поэтому она и дѣлила съ нимъ его горькую судьбу.

Но, послѣ того, она удалилась отъ міра и уже давно замкнулась въ монастырѣ. Однако, стѣны обители не защитили ея отъ подозрительности Грознаго. Не избѣжала жестокой смерти престарѣлая Евфросинія! Иванъ не слишкомъ заботился о томъ, виновата она, или нѣтъ: по его приказанію, несчастную утопили въ Шекснѣ. Рѣка поглотила трупъ княгини, единственнымъ преступленіемъ которой было то, что она родила на свѣтъ ненавистнаго Ивану человѣка.

Такъ, въ самый короткій срокъ, сошла съ исторической сцены цѣлая линія древняго Рюрикова дома. И кто же обрекъ ее на столь жестокое истребленіе? Отпрыскъ того же самаго могучаго корня... Что же побудило его къ этому злодѣйству? Былъ ли то кровожадный капризъ тиранической натуры? Былъ ли тотъ неумолимый расчетъ холоднаго политика? Мы знаемъ, что царь Иванъ IV былъ глубоко проникнутъ династической идеей. Онъ постоянно хвалился своимъ знатнымъ происхожденіемъ: повидимому, совершенно серьезно, онъ считалъ своимъ предкомъ самого кесаря Августа... Вспомнимъ, съ какимъ великолѣпнымъ презрѣніемъ относился онъ къ такимъ выскочкамъ, какъ, напримѣръ, Стефанъ Баторій. Но Грозный былъ убѣжденъ, что власть дана ему Божьимъ произволеніемъ, а не мятежнымъ хотѣніемъ людей. Передать этотъ священный даръ онъ могъ, по его мнѣнію, только прямому своему наслѣднику. Всякій другой соискатель царства—будь онъ такой же Рюриковичъ—являлся въ его глазахъ не болѣе, какъ самозванцемъ. Вотъ почему, не колеблясь, онъ и обрекалъ его въ жертву своей себялюбивой политикѣ.

Несомнѣнно, Иванъ былъ проникнутъ заботой о будущемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ ревнивымъ образомъ, охранялъ свое царственное величіе. Однако, имъ владѣли дикія страсти. Поэтому, порою онъ терялъ самообладаніе; кровь бросалась ему въ голову. Тогда Грозный позабывалъ и о своемъ достоинствѣ государя, и объ интересахъ своей династіи. Въ 1581 году, въ припадкѣ гнѣва, онъ занесъ свой

страшный посохъ на собственнаго сына: царевичъ замертво упалъ къ ногамъ отца. Какъ извѣстно, вскорѣ затѣмъ въ Москву прибылъ Поссевинъ; отъ него мы узнаемъ страшныя подробности этого событія. А, между тѣмъ, и по своему уму, и по годамъ, старшій сынъ Ивана былъ единственнымъ лицомъ, которое могло бы принять наслѣдіе Грознаго. Послѣ его гибели, преемниками царя оставались двое другихъ сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ слабоумный; другой находился еще въ младенческомъ возрастѣ. По праву старшинства, на тронъ вступилъ „скорбный главой“ царевичъ Ѳеодоръ.

II.

Отнынѣ судьба московскаго государства была ввѣрена жалкому выродку. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ не болѣе, какъ видимостью царя на престолѣ Грознаго. Въ сущности, онъ являлся только манекеномъ: всю полноту власти онъ передалъ шурину своему, Борису Годунову. То былъ одинъ изъ старѣйшихъ опричниковъ; онъ едва умѣлъ читать и писать. Но въ лицѣ его своеобразно сочетались способности государственнаго человѣка съ влеченіями азіата-татарина. Возведенный въ званіе ближняго боярина при царѣ Ѳеодорѣ, Годуновъ ревниво сторожилъ московскій престолъ. Въ рѣшительный моментъ, послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича, ему оставалось только протянуть руку къ царскому вѣнцу, который, казалось, былъ предназначенъ для головы этого смѣлаго игрока. И, однако, тотъ же самый Годуновъ, мечтавшій завѣщать престолъ своему сыну, собственными руками подготовлялъ побѣду нежданному сопернику. Мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ воочію: для этого нужно лишь напомнить о тѣхъ ковахъ и борьбѣ, которыми полно было царствованіе Бориса.

Впрочемъ, московскій Кремль XVI вѣка похоронилъ въ своихъ стѣнахъ тайну всѣхъ этихъ мрачныхъ драмъ. Въ нѣдрахъ его кипѣли яростныя битвы: объ этомъ мы знаемъ по пятнамъ крови; однако, чаще всего, подробности этихъ

событій ускользаютъ отъ нашего глаза. Стремясь сохранить свое положеніе, Годуновъ роковой силой обстоятельствъ вынужденъ былъ слѣдовать по пути Грознаго; онъ отступалъ отъ него только тогда, когда страшная колея слишкомъ явно уклекала его въ область кроваваго безумія. Уполномоченный королевы Елисаветы,—Флетчеръ, справедливо замѣтилъ, что ярость Ивана IV направлялась, главнымъ образомъ, противъ высшей знати, другими словами, противъ потомства прежнихъ князей *). Въ этой средѣ хранились свободолюбивыя преданія; здѣсь жили притязанія, съ которыми, волей-неволей, приходилось считаться московскимъ государямъ. Иванъ стремился преодолѣть — точнѣе говоря, сокрушить эту упорную силу прошлаго; онъ понималъ, что утвердить самодержавіе можно лишь тогда, когда оно вознесется на недосягаемую для всѣхъ другихъ высоту. Во имя этого, онъ и погубилъ своего двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича. Борисъ Годуновъ отождествлялъ себя съ личностью царя Ѳеодора. Онъ чуялъ враговъ въ старомъ, родовитомъ боярствѣ; онъ зналъ, что, уцѣлѣвъ отъ бурь эпохи Грознаго, оно все еще живетъ преданіями своего блестящаго прошлаго и помнитъ о своихъ правахъ. Борьба продолжалась; но характеръ ея измѣнился. На Ѳеодора не посягалъ никто; вся злоба, вся ненависть, направлялись противъ того, кто фактически царствовалъ въ Москвѣ. Дѣло шло о господствѣ Годунова; конечно, онъ готовъ былъ на все, чтобы побѣдить.

Одной изъ первыхъ жертвъ новаго порядка вещей, явился старый князь Иванъ Мстиславскій. То былъ представитель древняго рода, прославившійся на службѣ государству, гдѣ ему всегда принадлежало наиболѣе почетное мѣсто; онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, въ которомъ не отказывалъ ему даже Иванъ IV. Опала князя Мстислав-

*) Bond, 34. сл.

ского была только первымъ предостереженіемъ. Гораздо серьезнѣе оказалось громкое дѣло Шуйскихъ.

Борьба Годунова съ Шуйскими происходила на очень скользкой почвѣ. Дѣло въ томъ, что, независимо отъ своихъ личныхъ качествъ, Борисъ былъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возвышеніемъ сестрѣ — Иринѣ, супругѣ царя Ѳеодора. Была ли она вліятельна во дворцѣ, или нѣтъ—не такъ важно; достаточно того, что сердце государя принадлежало ей; и, конечно, Годуновъ умѣлъ извлечь свою выгоду изъ этой привязанности. Только одно омрачало тихое счастіе царственной четы: у Ирины не было дѣтей. Однако, надежда на потомство не оставляла супруговъ. Они ждали его терпѣливо; королева Елисавета слала имъ изъ Лондона, врача и бабку *)... Но враги Бориса не дремали. Они замыслили развести царя съ женою и сочетать Ѳеодора новымъ бракомъ; согласно обычаю, Ирина должна была уйти въ монастырь. Для осуществленія задуманнаго плана, они расчитывали привлечь на свою сторону народъ; затѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ, они намѣревались ударить царю челомъ и просить его пожертвовать во имя государства своимъ семейнымъ счастіемъ. Развѣ дѣдъ его, Василій, не развелся съ первою женой? Развѣ не вступилъ онъ въ новый бракъ? Почему же Ѳеодору не послѣдовать его примѣру? Вѣдь все будущее русской державы висить на волоскѣ. Не трудно угадать, каковы были истинные расчеты этихъ людей. Конечно, удаленіе Ирины повлекло бы за собой паденіе Бориса; такимъ образомъ, однимъ и тѣмъ-же ударомъ, достигались сразу двѣ цѣли: династія была бы спасена отъ гибели, а ненавистный временщикъ, былъ бы устраненъ съ дороги **).

*) *Толстой*. 284, п. 50.

**) *Русск. Лѣтоп.* т. VIII, 8, 9.—*Поповъ*, Изборникъ, с. 187. *Платоновъ*, Очерки, с. 200.—Здѣсь приходится коснуться чрезвычайно темнаго сообщенія лѣтописи. Несомнѣнно, что противъ Бориса былъ составленъ заговоръ; однако, былъ ли разводъ его лозунгомъ—сказать трудно.

Душою заговора были, повидимому, князья Шуйскіе Рюриковичи по крови, владѣвшіе нѣкогда Суздалемъ, они, конечно, затмевали Годунова блескомъ своего происхожденія. Наслѣдственныя права дома Шуйскихъ были извѣстны даже за предѣлами Руси; мы знаемъ, напримѣръ, что великій канцлеръ Польши не задумался признать ихъ публично. „За отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ престола“,—заявилъ Замойскій на сеймѣ 1605 года,—„наибольшія права на тронъ московскій принадлежатъ князьямъ Шуйскимъ“. Къ знатному происхожденію этой семьи присоединялись заслуги ея передъ отечествомъ, и все это озарялось блескомъ несмѣтнаго богатства, заключавшагося не только въ движимости, но и въ обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ. Конечно, у Шуйскихъ были могущественныя связи: сторонниковъ этого княжескаго рода можно было найти во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, начиная съ высшей знати и кончая простыми людьми. Такимъ образомъ, въ заговорѣ противъ Бориса принимали участіе самые разнообразные элементы. Здѣсь были и представители духовенства, и бояре, и купцы, и черный городской людъ; словомъ, въ рядахъ оппозиціи представлены были всѣ группы московскаго населенія. Движеніе усиливалось съ каждымъ днемъ; къ нему присоединялись все новые и новые участники... Наконецъ, ударъ разразился. Однако его постигла самая плачевная неудача. Раздалось слово —„государственная измѣна“; правда, оно еще не имѣло тогда страшнаго теперешняго смысла. Тѣмъ не менѣе, началось слѣдствіе, которое правительство повело съ величайшей строгостью.

Вся тяжесть обвиненія обрушилась на Шуйскихъ. Вмѣстѣ со всей родней, слугами и друзьями, они подверглись неумолимому гоненію. Уголовное законодательство этой эпохи отличалось крайней суровостью; судьи могли свирѣпствовать, какъ имъ угодно. Однако, и здѣсь сказалось уваженіе къ принципу соціальной іерархіи: бояре избѣгли

пытки; ихъ не коснулись ни огонь, ни желѣзо; все это досталось на долю подсудимыхъ менѣе знатнаго происхожденія. Только одно правило проводилось безъ всякихъ изъятій: тайна покрывала судебное слѣдствіе, допросъ, всѣ показанія; она облекала все непроницаемой завѣсой. Вообще, темницы Кремля умѣли хранить молчаніе не хуже, нежели страшные казематы Венеціи. Тѣмъ неожиданнѣе разразился обвинительный приговоръ; тѣмъ сильнѣе было произведенное имъ впечатлѣніе. Кара обрушилась прежде всего на Шуйскихъ; ея не избѣгъ и герой псковской обороны, счастливый противникъ Баторія, непобѣдимый князь Иванъ Петровичъ: пришлось и ему удалиться въ ссылку. Участь его раздѣлилъ князь Андрей Ивановичъ. Достовѣрны или нѣтъ показанія лѣтописи,—но она сообщаетъ намъ, что, немедленно по прибытіи на мѣсто, оба князя были убиты. Другіе члены рода Шуйскихъ, вмѣстѣ со своими сообщниками-боярами, также были высланы изъ Москвы: имущество ихъ было конфисковано. Правительство не пощадило самого митрополита Діонисія, который, очевидно, лучше зналъ грамматику, нежели умѣлъ вести политическую игру: мѣстомъ заточенія былъ назначенъ для него отдаленный монастырь. Согласно обычаю, самыя жестокія кары постигли менѣе виновныхъ и менѣе знатныхъ участниковъ заговора: то были подлинныя жертвы общественнаго неравенства. Шесть или семь человѣкъ поплатились головой; значительно большее число было посажены по тюрьмамъ. Такъ разсѣяна и сокрушена была партія Шуйскихъ: отнынѣ ей трудно было возродиться. Однако, Годуновъ со страхомъ думалъ о послѣдствіяхъ своихъ жестокихъ мѣръ; онъ боялся, какъ бы онѣ не повредили славѣ Ѳеодора. Ему не хотѣлось, чтобы кто-либо вообразилъ, будто на тронѣ московскомъ возсѣдаетъ новый Грозный. Въ это время въ Польшу отправлялось изъ Москвы посольство. Желая разсѣять тяжелое впечатлѣніе своихъ репрессій, Годуновъ далъ посламъ тонко обдуманныя инструкціи. Пусть они

превозносятъ царя Ѳеодора и его милосердіе; пусть, напротивъ, всячески чернятъ Шуйскихъ; пусть говорятъ, что князья задумали измѣнить государю, стакнувшись съ „мужиками“. Такимъ образомъ, всякому будетъ ясно, что виновные вполнѣ заслужили ссылку и смерть.

Все это происходило въ 1587 году. Поглощенный борьбою не на жизнь, а на смерть со своими врагами, Годуновъ, однако, не удовлетворялся своимъ торжествомъ надъ ними. Въ ту пору, въ Рижскомъ заливѣ, забытая всѣми, жила молодая вдова *). Казалось, никому она не внушала ни участья, ни подозрѣній. Однако, она была связана кровными узами съ домомъ Рюрика; честолюбцы могли легко воспользоваться ея именемъ: этого было достаточно, чтобы привлечь къ ней вниманіе Бориса. Молодая женщина была одной изъ двухъ дочерей князя Владиміра, подвергшагося столь жестокой казни въ Александровской слободѣ. Капризомъ судьбы она была брошена на берега Двины. Иванъ IV внезапно вспомнилъ о ней, чтобы провозгласить ее королевой фантастическаго государства Ливонскаго. Послѣднее создано было, якобы, для Магнуса, но, въ дѣйствительности, должно было служить цѣлямъ московской политики. Чтобы обезпечить союзъ Магнуса съ Грознымъ, будущаго короля заставили вступить въ бракъ съ русской княжной: такимъ образомъ, Марія Владиміровна и стала его супругой. Бѣдной дѣвочкѣ едва минуло 13 лѣтъ; но это не помѣшало осуществленію плана: Стоглавый соборъ допускалъ бракъ и съ двѣнадцатилѣтними невѣстами. Однако, Датскій герцогъ былъ протестантомъ. Желая избѣгнуть скандала, благочестивый Иванъ придумалъ особую форму бракосочетанія Магнуса съ Маріей. Передъ алтаремъ обрядъ совершалъ православный священникъ; протестантскій пасторъ дѣлалъ свое дѣло

*) *Цветаевъ*, Марія Владиміровна.—*Устрялов*, 104.—Bond, 210 сл.

въ дверяхъ церкви... Такимъ образомъ, молодые вѣнчались, стоя врозь другъ отъ друга: зато святыня храма не была осквернена еретиками. Вся дальнѣйшая жизнь Маріи была сплошнымъ рядомъ жестокихъ испытаній. Первое разочарованіе постигло ее уже при полученіи приданаго. Царь обѣщалъ Магнусу дать за невѣстой кучи серебра; вмѣсто этого, онъ прислалъ лишь рухлядь и платья. Въ довершеніе всего, Магнусу такъ и не удалось поцарствовать нигдѣ. Одни не соглашались признать его королемъ; другіе оказывали ему слишкомъ слабую поддержку; большинство вело противъ него тайную, или явную борьбу. Въ концѣ концовъ, потерявъ все, злополучный „король“ умеръ съ горя въ 1583 году, когда Ливонія, грабимая и разоряемая со всѣхъ сторонъ, стала добычей поляковъ. Стефанъ Баторій назначилъ вдовѣ Магнуса скромную пожизненную пенсію: она едва спасала ее отъ нищеты.

При такихъ условіяхъ не было никакого труда представить для Маріи возвращеніе на родину въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Честь удачнаго выполненія этого плана приписываетъ себѣ дипломатическій агентъ Англіи при московскомъ дворѣ, Горсей. Мы знаемъ, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ московскаго правительства; однако, въ свой разсказъ онъ вноситъ слишкомъ явный элементъ романическаго вымысла. По его словамъ, самъ Годуновъ возложилъ на него порученіе склонить Марію вернуться на родину. Горсею, будто бы, скоро удалось вкрасться въ душу молодой вдовы: своими рѣчами онъ довелъ ее до слезъ,— хотя одновременно и сыпалъ золотомъ направо и налѣво... Затѣмъ онъ такъ сумѣлъ организовать отъѣздъ Маріи что всякое преслѣдованіе ея было невозможно. Обращаясь къ офиціальнымъ даннымъ, мы не находимъ тамъ ничего подобнаго этимъ пикантнымъ подробностямъ. Содержаніе ихъ сухо и просто, какъ сама дѣйствительность. По свидѣтельству этихъ документовъ, въ февралѣ 1586 года царь

Ѳеодоръ сообщилъ кардиналу Радзивиллу, временному правителю Ливоніи, что Марія желала бы вернуться въ свое отечество. Этимъ высокимъ посредничествомъ дѣло было рѣшено,—и вдова Магнуса безпрепятственно уѣхала въ Москву. Надо думать, однако, что между заинтересованными лицами уже раньше состоялось тайное соглашеніе по этому поводу. Очевидно, кое-кому хотѣлось не отпускать дочери князя Владиміра съ глазъ; вѣроятно, ее заманили обратно всяческими обѣщаніями,—и бѣдная вдова поддалась на эту уловку. Но скоро ее постигло горькое разочарованіе. Она попала лишь изъ одной тюрьмы въ другую, и остатокъ дней своихъ провела въ печальномъ уединеніи далекаго монастыря. Въ 1587 году судьба отняла у нея послѣднее утѣшеніе: она потеряла свою единственную дочь.

Ближайшіе годы ознаменованы были гибелью новыхъ и новыхъ жертвъ. Ряды членовъ царствующаго дома становились все рѣже и рѣже. Смерть дѣлала свое дѣло. Она косила одного за другимъ, точно по намѣченному плану, причемъ порою эта страшная работа окутывалась непроницаемымъ покровомъ тайны. Въ 1591 году сошелъ со сцены послѣдній представитель дома Рюрика, младшій братъ Ѳеодора, царевичъ Димитрій. Былъ ли онъ убитъ, или, спасаясь отъ смерти, бѣжалъ куда-то изъ Углича,—дѣло темное. Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу. Въ 1594 году Кремль постигла особенно тяжелая утрата. Какъ извѣстно, царица Ирина уже нѣсколько разъ преждевременно разрѣшалась отъ бремени. Это подавало поводъ къ самымъ пессимистическимъ предсказаніямъ. И, однако, вопреки имъ, у государыни родилась, наконецъ, дочь, нареченная при крещеніи Ѳеодосіей. Этотъ „даръ Божій“ принесъ родителямъ больше горя, нежели радости. Ребенокъ оказался хилымъ и скоро изъ колыбели его перенесли въ могилу. Надежды семьи были разбиты. Между тѣмъ, слабое здоровье Ѳеодора также заставляло опасаться преждевременнаго конца. Эти страхи оказались не напрасными. Въ 1598 году

скончался и самъ царь. Въ его лицѣ сходила со сцены историческая династія Рюрика. Престолъ московскій оставался вакантнымъ. Наступалъ поворотный моментъ русской исторіи.

Смутное предчувствіе великихъ бѣдствій начинало овладѣвать умами русскихъ людей. Благочестивые книжники съ тревогой взирали на будущее и призывали народъ къ горячимъ молитвамъ. Зоркіе посторонніе наблюдатели уже давно предвидѣли гибель династіи; роль, которую судьба готовила Годунову угадывалась при этомъ сама собой *). Хотя Флетчеръ, въ 1588—1589 гг. провелъ въ Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, онъ отлично сумѣлъ понять то критическое положеніе, въ которомъ находилось государство. „Повидимому",—говорилъ онъ еще при жизни Ѳеодора и Димитрія, „царствующій домъ скоро прекратится". Онъ видѣлъ, что страна уже охвачена смутой, что ее терзаютъ неурядицы; все это, въ глазахъ Флетчера, было слѣдствіемъ тиранніи Ивана IV. Во всякомъ случаѣ, подобное зрѣлище отнимало у него всякую надежду на благополучный исходъ, такъ что, съ увѣренностью настоящаго ясновидца, онъ прозрѣвалъ вдали „пламя междоусобныя войны". Эти предчувствія вполнѣ раздѣлялъ представитель Рудольфа II при московскомъ дворѣ и тонкій дипломатъ, бургграфъ Дона. Онъ, не обинуясь, заявлялъ въ своихъ донесеніяхъ, что Годуновъ безконтрольно управляетъ русскимъ государствомъ и явно мечтаетъ о коронѣ. Поэтому въ Вѣнѣ господствовало убѣжденіе, что всемогущій правитель сумѣетъ въ должный моментъ завладѣть царскою властію, присвоивъ ее либо себѣ самому, либо сыну. Вотъ почему, учитывая эту возможность, вѣнскій дворъ обращался къ

*) Bond, 22. 34, 37. *Платоновъ*, „Очерки", 122, 205.—Ср. Матеріалы Вѣнскаго Государ. Архива. Geheime Instruction (безъ даты). 1597, 1598, Донесенія Дона.

Годунову съ изъявленіями дружбы и предлагалъ ему заключить союзъ для борьбы съ турками.

Надо замѣтить, впрочемъ, что сами обстоятельства слагались удивительно благопріятно для Бориса. Годуновъ неуклонно стремился занять первое мѣсто среди бояръ. Его успѣхи на этомъ поприщѣ шагъ за шагомъ приближали его къ трону. Борисъ сумѣлъ пріобрѣсти небывалый престижъ; постепенно онъ поднялся на высоту, совершенно недоступную для остальныхъ. Одними своими пышными титулами онъ затмевалъ всѣхъ другихъ придворныхъ. Изъ простого опричника онъ превратился въ конюшаго и ближняго боярина, воеводу царскаго двора, намѣстника царства Казанскаго и Астраханскаго и, наконецъ, правителя государства. Разумѣется, онъ постарался сообщить всѣмъ этимъ громкимъ званіямъ реальную силу. Годуновъ занималъ въ Кремлѣ совершенно исключительное положеніе. Ни одно дѣло не миновало его; онъ былъ источникомъ всевозможныхъ милостей. По словамъ Флетчера, онъ былъ настоящимъ „императоромъ". Между прочимъ, ему принадлежало небывалое доселѣ право: онъ могъ непосредственно сноситься съ иноземными державами — съ крымскимъ ханомъ, съ кесаремъ, съ какимъ угодно государемъ. При этомъ Борисъ явно стремился подчеркнуть свои прерогативы. Онъ окружилъ себя пышнымъ этикетомъ; онъ держалъ на почтительномъ разстояніи отъ себя прежнихъ своихъ сослуживцевъ; онъ присваивалъ себѣ самые высшіе знаки отличія. На его пріемахъ у иностранныхъ пословъ естественно рождался вопросъ: не царь ли даетъ имъ аудіенцію? Они видѣли передъ собою тѣ же вереницы бояръ, тѣ же роскошь, блескъ и пышность церемоніала. Рѣчи Бориса довершали иллюзію; онъ явно давалъ понять, что сносится съ государями, какъ равный съ равными, и старался показать, что къ голосу его внимательно прислушиваются заграницей. Политическимъ успѣхамъ Годунова соотвѣтствовалъ ростъ его богатства. Никто изъ бояръ не могъ равняться съ нимъ

своими доходами; онъ былъ самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ государства. Словомъ, то былъ настоящій царь; ему не доставало лишь одного, т. е. народнаго признанія. Но Годуновъ сумѣлъ добиться и этого, и восторженные клики его сторонниковъ заглушили робкій протестъ оппозиціонныхъ элементовъ.

Немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, Борисъ Годуновъ оказался истиннымъ ученикомъ Ивана IV. Онъ понялъ, что необходимо придать своей власти характеръ религіознаго принципа. Подобно священной особѣ византійскаго кесаря, русскій царь долженъ быть окруженъ ореоломъ сверхчеловѣческаго величія; источникомъ его могущества должно быть само небо. Съ этой цѣлью Борисъ приказалъ составить и разослать повсюду торжественное обращеніе—молитву къ „трипостастному Божеству нераздѣлимѣй Троицы". Здѣсь призывались благодать Божія къ „Божіему слузѣ великому и благочестиому и Богомъ избранному и Богомъ почтенному и превознесенному и Богомъ снабдимому и на царскій престолъ возведенному" Царю Борису Ѳеодоровичу „всеа Руссіи самодержцу" и къ его „Царскаго пресвѣтлаго Величества" Царицѣ Маріи Григорьевнѣ и къ ихъ „Царскимъ благороднымъ чадамъ" Царевичу Ѳеодору и Царевнѣ Ксеніи и ко всѣмъ „прекраспоцвѣтущимъ младоумножаемымъ вѣтвямъ царскаго изращенія", дабы оно „въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія было на вѣки и некончаемые вѣки безъ урыву". ...„Чтобы его Царская рука высилася и имя его славилося отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя надо всѣми недруги его... чтобъ всѣ подъ небеснымъ свѣтомъ великіе государи христіанскіе и бусурманскіе его Царскаго Величества послушни были съ рабскимъ послуженіемъ... и отъ посѣченія бы меча его, отъ храбраго подвига, всѣ страны бусурманскіе его Царскаго Величества имени трепетали съ боязнію и съ великимъ страхомъ и сѣтованіемъ. И просимъ у Господа Бога чтобъ... на насъ бы на рабѣхъ его

отъ пучины премудраго своего разума и обычая мудраго и милостивнаго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливался выше прежняго... святая бы непорочная христіанская вѣра сіяла на вселеннѣй превыше всѣхъ... тако же честь и слава его Царскаго Величества высилася превыше всѣхъ велнкихъ государствъ на вѣки вѣкомъ"... *).

Конечно, всѣ эти дѳнирамбы оказывали свое впечатлѣніе на умы простодушныхъ людей. Однако, притязанія, заключенныя въ нихъ, оставались эѳемерными. Царствованіе Бориса сопровождалось зловѣщими явленіями, которыя превратили подозрительнаго царя въ жестокаго тирана. Онъ чувствовалъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ; онъ зналъ, что тайные враги замышляютъ его гибель... Они были неуловимы,—и удары его обрушивались на ихъ мнимыхъ сообщниковъ. Казалось, въ государствѣ дѣйствуетъ какой-то тайный законъ о подозрительныхъ: страхъ измѣны не покидалъ царя ни на минуту. Месть его не щадила лучшихъ друзей. Однако, наибольшій шумъ вызвала опала Романовыхъ. Недавніе союзники оказались непримиримыми врагами.

Въ лѣтописи мы находимъ разсказъ о томъ, какъ произошла эта неожиданная катастрофа**). Повидимому, Борисъ уже заранѣе рѣшилъ про себя погубить Романовыхъ: нужно было найти только подходящій предлогъ для этого. Въ подобныхъ случаяхъ, чаще всего прибѣгали къ подкупу слугъ; послѣдніе становились обвинителями своихъ господъ. Однако, въ дѣлѣ Романовыхъ эта тактика не сразу увѣнчалась успѣхомъ. Враговъ Бориса окружили столь преданные люди, что даже пытка не исторгла у нихъ никакого показанія, обличающаго Романовыхъ. Тогда правительство попробовало подѣйствовать заманчивыми обѣщаніями. Это

---

*) *Попов.* „Изборникъ", 216 стр. 214, пр.

**) *Русскія Лѣтописи.* Т. VIII, стр. 41. *Акты Историческіе.* Т. II, пр. 338, с. 64, пр. 54.—*Платоновъ.* „Очерки". С. 243, сл.

средство оказалось болѣе вѣрнымъ: нашелся предатель, который вызвался помочь дѣлу. Впрочемъ, данное ему порученіе было не изъ трудныхъ: онъ долженъ былъ подбросить къ Романовымъ врученный ему мѣшокъ и затѣмъ сдѣлать донось. Эта хитрость оказалась вполнѣ достаточной. Правительство намѣренно подняло шумъ; преслоѣутый мѣшокъ былъ найденъ и пріобщенъ къ дѣлу; когда его содержимое высыпали на столъ, конечно, тамъ оказались подозрительные коренья. Послѣ этого виновные и ихъ сообщники не могли уже избѣгнуть наказанія. Всякому было очевидно, что они не даромъ хранили у себя зелье.

Все это представляется намъ теперь вздоромъ. Но въ то время подобныя выдумки принимались въ-серьезъ. Во всякомъ случаѣ, легко угадать, какова была подкладка всего этого дѣла. Въ 1601 году противъ Романовыхъ и ихъ сообщниковъ начато было формальное слѣдствіе; какъ принято говорить въ наши дни, оно велось самымъ тенденціознымъ образомъ. Въ сущности, противъ обвиняемыхъ нельзя было выдвинуть ни одной улики: никакого преступленія они не совершали. Годуновъ питалъ къ Романовымъ чисто личную непріязнь: онъ былъ убѣжденъ, что, при своихъ связяхъ и положеніи въ обществѣ, они мечтаютъ о престолѣ. Несомнѣнно, они находились въ оппозиціи; Борисъ чувствовалъ безмолвную силу этого сопротивленія. Это раздражало его подозрительность. Между тѣмъ, начинали распространяться слухи о какомъ-то новомъ соискателѣ престола: все это внушало опасенія насчетъ тайнаго заговора, направленнаго противъ законнаго царя.

Разумѣется, дѣло Романовыхъ не могло кончиться благопріятно для обвиняемыхъ. Судъ приговорилъ ихъ къ лишенію имущества и ссылкѣ. Первое мѣсто среди осужденныхъ принадлежало боярину Ѳеодору Романову, будущему патріарху Филарету. Его постригли въ монастырь; жена его также стала инокиней; оба были заключены по монастырямъ. Шестилѣтняго сына его, Михаила, отобрали у роди-

телей и передали родственникамъ, жившимъ далеко отъ Москвы. Въ лицѣ этого ребенка скрывался будущій основатель новой династіи. Напрасно думалъ Годуновъ, что онъ покорить себѣ судьбу: въ безвѣстности и тишинѣ уже подрасталъ тотъ, кто со временемъ явится избранникомъ народа и главою иного царствующаго дома.

Но, до этого, Русь должна была еще пережить тяжкія испытанія. Предвѣстіемъ ихъ явилась драма, разыгравшаяся въ Угличѣ. Напомнимъ здѣсь нѣкоторые ея моменты.

III.

15 мая 1591 года, въ далекомъ углу русской земли, во дворцѣ города Углича умеръ ребенокъ *). Кто былъ онъ?—царевичъ Димитрій,—говорятъ одни,—сынъ Ивана IV, братъ царя Ѳеодора, послѣдній представитель мужской линіи Рюрикова дома.—Отнюдь нѣтъ, возражаютъ другіе. Въ Угличѣ погибло другое дитя; отцомъ его былъ какой-нибудь князь, священникъ, кто угодно, только не Димитрій. Ибо послѣдній, по всѣмъ вѣроятіямъ, какимъ-то образомъ спасся отъ смерти.

Оставимъ пока открытымъ вопросъ о личности убитаго младенца. Спрашивается, вполнѣ ли достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что онъ погибъ насильственной смертью?—Какъ извѣстно, одни утверждаютъ, что его зарѣзали наемные убійцы; по мнѣнію другихъ, онъ самъ наткнулся на ножъ въ припадкѣ болѣзни. Любопытно, что каждая изъ двухъ противоположныхъ версій подтверждается показаніями очевидцевъ. Они клянутся, что говорятъ чистую правду; они противорѣчатъ другъ другу и себѣ самимъ и вновь даютъ клятвы.

---

*) Съ этого мѣста до конца главы всѣ даты соотвѣтствуютъ старому календарю. Въ XVIII вѣкѣ онъ отставалъ на 10 дней отъ Григоріанскаго.

Слѣдствіемъ такого рода свидѣтельствъ явилась литературная война, которая продолжается нотъ уже три вѣка. Ей предшествовала другая борьба—болѣе кратковременная, но, пожалуй, и болѣе жестокая. Противными сторонами въ ней были русскіе и поляки: уже не чернила, а кровь проливали они цѣлыми потоками... Одни выступали противъ Димитрія; другіе защищали эту загадочную личность, самое существованіе которой подвергалось сомнѣнію. Яблокомъ раздора служилъ московскій престолъ. Димитрій добивался его, какъ своего наслѣдственнаго достоянія; но Годуновъ совсѣмъ не былъ расположенъ отказаться отъ своей власти въ пользу преступника и темнаго искателя приключеній... На чьей сторонѣ была правда? Сами современники колебались въ рѣшеніи этого вопроса: мы имѣемъ отъ нихъ только обрывки истины. Къ тому же, слишкомъ часто ихъ показанія внушены страстью, и голосъ ихъ заглушается бряцаніемъ оружія. Первыя сомнѣнія рождаются уже около бѣднаго дѣтскаго трупика въ Угличѣ. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было происхожденіе этого ребенка, его агоніей открывается цѣлая эпоха. Съ этого момента начинается роковая пора великой *смуты*. Совершенно естественно остановить свое вниманіе на столь важномъ историческомъ событіи.

Въ своихъ основныхъ чертахъ, это событіе сводится къ слѣдующему. 19-го октября 1583 года, седьмая супруга Ивана IV, Марія Нагая, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Димитріемъ. Это дитя родилось не въ добрый часъ. Только что закончилась несчастная война Россіи съ Польшей, и Грозный уже велъ переговоры съ Лондономъ о новомъ бракѣ съ Маріей Гастингсъ. При этомъ онъ ссылался на то, что тогдашняя супруга его, Марія Нагая, не принадлежитъ къ царскому роду. Неожиданная смерть разрушила всѣ планы царя. Какъ извѣстно, престолъ его унаслѣдовалъ Ѳеодоръ. Что касается Димитрія, то онъ получилъ, въ качествѣ удѣла, три провинціальныхъ города. Глав-

нымъ изъ нихъ являлся Угличъ. Опекуномъ малолѣтняго царевича былъ назначенъ Богданъ Бѣльскій. То былъ одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ покойнаго государя; онъ же былъ его посредникомъ при сношеніяхъ съ Поссевиномъ.

Уже въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора по отношенію къ Димитрію была принята совершенно необычная и исключительная мѣра. По распоряженію царя, малолѣтній братъ его былъ отправленъ въ Углічъ. Можетъ быть, такое рѣшеніе имѣло въ виду ослабить борьбу придворныхъ партій. Можетъ быть, оно ставило своей цѣлью предупредить попытку дворцоваго переворота. Въ такомъ случаѣ, нельзя не признать этого хода достаточно ловкимъ. Богданъ Бѣльскій не уѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ маленькимъ царевичемъ. Онъ остался въ столицѣ, въ этомъ центрѣ государственныхъ дѣлъ и политическихъ интригъ; однако, онъ удержался здѣсь недолго. Предлогомъ для его удаленія отъ двора явился народный мятежъ. Бѣльскій былъ назначенъ намѣстникомъ въ Нижній-Новгородъ и, волей-неволей, долженъ былъ разстаться съ Москвой.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ Димитрія, давно пустовавшій и скромный Углицкій дворецъ сразу оживился. Въ сосѣдствѣ съ нимъ устроилось все семейство Нагихъ. Вмѣстѣ съ царевичемъ въ Углічъ явилась вся обстановка маленькаго двора. Ребенокъ былъ окруженъ цѣлымъ штатомъ женщинъ; при немъ постоянно находилась мать; за нею стояли его дядья. Конечно, и Борисъ Годуновъ не терялъ Димитрія изъ виду. Заботился ли онъ о его благополучіи? Выжидалъ ли онъ удобнаго момента, чтобы погубить царственнаго ребенка? Никому не удалось разрѣшить эту загадку,—и само время не разсѣяло окутывающей ее тайны. Во всякомъ случаѣ, уже рано начали ходить какіе-то зловѣщіе слухи. Въ 1588—1589 гг. въ народѣ толковали, что царевича пытались отравить, но неудачно; высказывались опасенія, какъ бы малютка не палъ жертвой того, кто самъ мечтаетъ сѣсть на престолъ по смерти бездѣтнаго Ѳео-

дора... *) И, вотъ, внезапно, вмѣстѣ съ ударами набата, изъ Углича разнеслась страшная вѣсть. Царевичъ убитъ; толпа растерзала убійцъ, захваченныхъ на мѣстѣ. Какъ всегда, въ передачѣ событія было много смутнаго и противорѣчиваго. Шли рѣчи то о несчастномъ случаѣ, то о злодѣйствѣ, то о народномъ смятеніи, то о возстаніи...

Москва была поражена, какъ громомъ. Борисъ Годуновъ понялъ, что нельзя медлить съ разъясненіемъ дѣла. Было слишкомъ опасно позволять подозрѣніямъ собираться надъ его головой. Немедленно была назначена правительственная комиссія: ей было поручено безотлагательно выѣхать въ Угличъ и произвести слѣдствіе. Разумѣется, Годуновъ позаботился ввести въ комиссію самыхъ подходящихъ людей. Во главѣ ихъ сталъ Василій Шуйскій. Уже нѣкоторое время онъ былъ въ чести при дворѣ, хотя и не получалъ разрѣшенія жениться: слишкомъ боялись того родового имени, которое носилъ этотъ князь... Василій Шуйскій былъ человѣкомъ способнымъ на все: онъ былъ безпринципенъ и безсовѣстенъ, ловокъ и хитеръ. Внѣшность его была самая вульгарная: взглядъ его красныхъ глазъ былъ неуловимъ и лживъ. Присягѣ этотъ человѣкъ измѣнялъ уже не разъ. Его сотоварищемъ по комиссіи являлся Андрей Клешнинъ, который находился въ большой милости при дворѣ. Женою его была княжна Волхонская: то была неразлучная подруга царицы Ирины; между ними не существовало тайнъ. Самъ Клешнинъ пользовался исключительнымъ довѣріемъ царя Ѳеодора и былъ глубоко преданъ Годунову**). Двое другихъ членовъ комиссіи были менѣе опредѣленными фигурами. Дьякъ Вылузгинъ выполнялъ лишь свои обычныя служебныя обязанности, а митрополитъ Геласій нуженъ былъ для

*) Bond, 21.—Эти толки приводятся у Флетчера.

**) Эти протоколы напечатаны въ *Собр. Гос. Гр.* Т. II, сл. 103—123 № 6. Недавно было констатировано, что воспроизведеніе ихъ не вполнѣ точно.

того, чтобы сообщить слѣдствію извѣстный религіозно-нравственный авторитетъ.

Комиссія съ величайшей поспѣшностью выѣхала въ Угличъ и 19-го мая 1594 года уже открыла свои дѣйствія. Протоколы ея засѣданій записывались на длинныхъ листахъ: пожелтѣвъ отъ времени, они дошли еще, въ полной почти неприкосновенности, хранятся въ Московскомъ Архивѣ *). Читая эти документы, мы слышимъ, какъ-будто, голоса съ того свѣта; они воскрешаютъ передъ нами весь ходъ судебнаго слѣдствія. Передъ нами проходятъ три главныхъ группы свидѣтелей. На первомъ мѣстѣ выступаютъ Нагіе, за ними идутъ очевидцы происшествія; наконецъ, слѣдуютъ показанія другихъ лицъ, которыхъ комиссія сочла нужнымъ привлечь къ дѣлу.

Что касается Нагихъ, то самыя важныя данныя могла бы сообщить, разумѣется, сама мать царевича, Марія. Однако, санъ царицы не позволялъ ей выступить съ показаніями при допросѣ. Поэтому ее оставили въ покоѣ съ ея материнскимъ горемъ. Три брата Нагихъ, напротивъ, не избѣгли дачи показаній; при этомъ самая важная роль выпала на долю князя Михаила. Ему задавали самые предательскіе вопросы; комиссія, во что бы то ни стало, хотѣла добиться отъ него признанія въ злодѣйствѣ; однако, князь не поддался на уловки и смѣло бросилъ въ лицо слѣдователямъ свой вызовъ. По его словамъ, въ субботу 15-го мая, онъ услышалъ набатъ. Испугавшись пожара, онъ бросился ко двору. Здѣсь онъ увидѣлъ убитаго царевича. Осипъ Волоховъ, Микита Качаловъ и Данила Битяговскій умертвили младенца. Сбѣжался народъ, привлеченный набатомъ; толпа бросилась на убійцъ и растерзала ихъ вмѣстѣ съ другими сообщниками. Что касается самого князя, то онъ былъ не при чемъ въ этой расправѣ: онъ не приказывалъ убивать никого. На него просто взвели гнусную клевету.

---

*) *Карамзинъ*, XII. с. 1 пр. 2; с. 33, пр. 97.

Заявленіе Михаила Нагого могло быть чревато самыми серьезными послѣдствіями. Какъ мы знаемъ, царевичу было всего восемь лѣтъ. Конечно, у него не могло быть личныхъ враговъ; единственное, чѣмъ онъ могъ возбудить темныя чувства, были его наслѣдственныя права на власть. Являлся вопросъ—ужъ не подослалъ ли къ нему наемныхъ убійцъ какой-нибудь тайный честолюбецъ? Легко понять опасность этой догадки: естественно, что слѣдователи желали уничтожить ее въ самомъ зародышѣ. Вотъ, почему они немедленно измѣняютъ все направленіе своей работы: теперь главной задачей ихъ является опровергнуть или, по крайней мѣрѣ, ослабить подавляющее показаніе князя Михаила. Для этой цѣли весьма нетрудно было воспользоваться свидѣтельствомъ двухъ другихъ Нагихъ — Андрея и Григорія. Оба они вмѣстѣ съ Михаиломъ прибѣжали ко дворцу, и, вообще, находились въ одинаковыхъ съ братомъ условіяхъ. И, однако, они не только не видѣли того, что видѣлъ старшій братъ, но, напротивъ успѣли замѣтить совсѣмъ другое. Такимъ образомъ, вся отвѣтственность за смѣлое показаніе падала на одного князя Михаила. Но этого мало. Явился еще новый свидѣтель: то былъ нѣкій Русинъ Раковъ—какая-то темная личность изъ категоріи низшихъ служащихъ. Онъ разыгралъ роль раскаявшагося соучастника злодѣйства и раскрылъ цѣлую махинацію, которая окончательно компрометировала старшаго Нагого. По словамъ Ракова, князь Михаилъ намѣренно натравилъ толпу на мнимыхъ убійцъ и погубилъ совершенно невинныхъ людей: онъ хотѣлъ, будто бы, чтобы эти несчастныя жертвы были признаны за настоящихъ преступниковъ. Самъ Раковъ, по приказанію князя, зарѣзалъ курицу 18-го мая; въ крови ея онъ омочилъ ножи и огнестрѣльное оружіе, а затѣмъ положилъ его возлѣ труповъ. Такимъ образомъ, князь Михаилъ хотѣлъ выгородить толпу и себя самого, какъ ея подстрекателя. Пусть-де видятъ, что убиты были вооруженные люди, которые,— ясное дѣло — пустили въ ходъ свое оружіе. Конечно, для

того, чтобы эта хитрость удалась, нужно было, чтобы она осталась тайной для московскихъ слѣдователей. Поэтому, шесть разъ въ теченіе одного дня князь Михаилъ требовалъ къ себѣ Ракова и бралъ съ него клятву, что тотъ будетъ молчать. Раковъ такъ и дѣлалъ. Но, затѣмъ, онъ одумался и рѣшилъ самъ притти въ комиссію, чтобы повиниться и загладить свой проступокъ.

Показанія Ракова нанесли свидѣтельству князя Михаила тяжкій ударъ. Для окончательнаго опроверженія словъ Нагого нужно было теперь противопоставить ему другого свидѣтеля, который далъ бы еще болѣе обоснованныя и удостовѣренныя показанія. Какъ мы видѣли, почву для этого подготовили уже двое другихъ братьевъ Нагихъ. Фундаментъ подъ все это построеніе былъ подведенъ Василисой Волоховой, которая сообщила при этомъ и всѣ необходимыя детали. Василиса занимала самое видное положеніе среди женщинъ, окружавшихъ царевича: она была мамкою несчастнаго Димитрія. Ее ужъ никакъ нельзя было признать нервно больной: зато она видала всякіе виды и не лѣзла за словомъ въ карманъ. Сынъ ея былъ убитъ въ свалкѣ, какъ одинъ изъ соучастниковъ преступленія; ее самое помяли изрядно,—но ни боль, ни горе матери, ни волненіе—ничего не могли сдѣлать съ нею. Василиса выступаетъ, какъ непосредственный свидѣтель происшествія. Она все видѣла, все слышала; память не измѣняетъ ей ни въ чемъ, и слова, какъ горохъ, сыплются съ ея языка. Если вѣрить ей, она обнаружила во время катастрофы изумительное хладнокровіе,—можно сказать, почти героическую твердость духа. Начинаетъ она съ Адама. По ея словамъ, царевичъ страдалъ эпилепсіей. Отъ времени до времени съ нимъ случались жестокіе припадки. Въ конвульсіяхъ онъ однажды поранилъ свою мать большимъ гвоздемъ и искусалъ руки дочери Андрея Нагого. За нѣсколько дней до несчастія онъ опять хворалъ. Потомъ ему стало лучше, и онъ снова вернулся къ своимъ обычнымъ играмъ. Въ субботу, 15-го мая, царица послала его къ обѣднѣ,

а затѣмъ отпустила его погулять на дворѣ. Тутъ-то и случилась бѣда.

На дворѣ, кажется, было всего-на-всего три женщины и нѣсколько дѣтей. Царевичъ весело игралъ въ тычки, и, собираясь бросить свой ножъ въ цѣль, держалъ его, какъ полагается, въ рукѣ. Вдругъ, съ нимъ случился припадокъ. Онъ опрокинулся навзничь и накололся горломъ на ножъ. Сейчасъ же онъ забился, затрепеталъ и скончался. Выбѣгаетъ царица. Она видитъ сына своего въ крови: сердце у ней упало... Но гнѣвъ въ ней оказывается сильнѣе любви. Она схватываетъ полѣно и бросается на мамку, грозя разбить ей голову. Мы представляемъ себѣ эту картину... Мать въ отчаяніи кричитъ, что царевича убили; въ лицо Василисѣ она бросаетъ имена злодѣевъ; между ними—сынъ мамки, Осипъ... А Волохова, подъ градомъ ударовъ, осыпаемая гнѣвными укорами, спокойно требуетъ суда... Между тѣмъ подбѣгаетъ Григорій Нагой. Царица передаетъ ему полѣно и велитъ бить мамку по пояснищѣ... Затѣмъ, полумертвую, ее бросаютъ и принимаются звонить въ набатъ. На вопли колокола собирается отовсюду встревоженный народъ; возбужденная, взволнованная чернь врывается на дворъ. Новая картина: Василису терзаетъ уже народъ; въ лохмотьяхъ вмѣсто платья, простоволосую ее тащатъ въ тюрьму. Но мамка не теряется и здѣсь: внимательнымъ окомъ своимъ она слѣдитъ за всѣми перипетіями разыгрывающейся кровавой драмы. Она видитъ, какъ одинъ за другимъ подбѣгаютъ тѣ, которыхъ называютъ убійцами царевича; только одного изъ нихъ приволокли на мѣсто силою. Василиса слышитъ, какъ царица и ея братъ Михаилъ требуютъ смерти злодѣевъ. На глазахъ ея тутъ же ихъ и приканчиваютъ... Но она не плачетъ, она не жалѣетъ сына: зато она помнитъ, какъ убили какого то несчастнаго только за то, что онъ выразилъ ему состраданіе. На слѣдующій день послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ она все еще настолько бодра, что помнитъ,

какъ казнили какого-то юродиваго. Его обвинили, будто бы, въ томъ, что онъ напустилъ бѣду на царевича.

Повидимому, показанія Василисы разомъ пролили свѣтъ на все дѣло. Можно сказать скорѣе, что розсказни мамки, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовали тайнымъ намѣреніямъ комиссіи. При такихъ условіяхъ, было совершенно неважно, видѣла-ли она все собственными глазами, или же нѣтъ *). Вотъ почему никто и не думаетъ провѣрять ея свидѣтельства. Явной несообразности въ передачѣ Василисы не обращаютъ ничьего вниманія. Объ очной ставкѣ съ другими лицами не возникаетъ и вопроса. Ловкая мамка разрушила версію о предумышленномъ убійствѣ царевича: этимъ самымъ устранялись всякія опасныя догадки. Василиса дала формулу, къ которой оставалось только присоединиться всѣмъ остальнымъ свидѣтелямъ. И, дѣйствительно, какъ-будто бы кто-то заранѣе продиктовалъ имъ условный отвѣтъ; точно они заучили его наизусть. Кое-что, наиболѣе трудное, они разсказывали на память, своими словами. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ показаніяхъ неизмѣнно повторяется одинъ и тотъ же мотивъ. Димитрій самъ убилъ себя въ пришадкѣ; онъ накололся горломъ на ножъ; онъ долго бился и, наконецъ, испустилъ духъ. Разумѣется, первое слово должно было принадлежать свидѣтелямъ-очевидцамъ. Мы знаемъ уже, что, въ моментъ несчастія, съ царевичемъ играли другія дѣти. Ихъ было четверо. Уже одинъ ихъ возрастъ являлся гарантіей искренности. Допрашивая каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, можно было, безъ всякаго труда, хитростію или насильно вынудить ихъ разсказать все, что они видѣли. Комиссія предпочла иной путь: дѣти всѣ вмѣстѣ, въ унисонъ, повторили передъ нею все тѣ же заученныя слова. То же самое, какъ эхо, услы-

*) Четверо дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ и бывшихъ очевидцами происшествія, не упомянули о Василисѣ, перечисляя женщинъ, присутствовавшихъ на дворѣ. Это умолчаніе, рѣшительно, необъяснимо.

шали московскіе слѣдователи и отъ двухъ женщинъ, состоявшихъ при царевичѣ. И, такимъ образомъ, списокъ главныхъ свидѣтелей по дѣлу былъ почерпанъ комиссіей съ удивительной быстротой. Казалось, что, найдя нужную версію, слѣдователи старались поскорѣе предупредить всякія возраженія противъ нея: очевидно, имъ хотѣлось, чтобы она, во что бы то ни стало, сохраняла свою силу.

Для этого комиссія воспользовалась цѣлой массой услужливыхъ свидѣтелей. Если очевидцевъ несчастья было мало, то людей, слышавшихъ о немъ, находилось сколько угодно. Страшная вѣсть мгновенно облетѣла городъ и распространилась по его окрестностямъ. Такимъ образомъ, свидѣтелей оказывалось безконечное множество: оставалось брать ихъ обѣими руками. И, вотъ, передъ комиссіей потянулись горожане и сельскіе жители, должностныя лица всякихъ званій и духовенство разныхъ родовъ... Тутъ были и архимандриты и монахи, и простые священники... Одинъ изъ такихъ поповъ, по прозвищу Огурецъ, былъ когда-то смѣщенъ въ пономари за то, что слишкомъ рано лишился жены. Конечно, были допрошены и всѣ служившіе во дворцѣ—начиная съ дѣтей боярскихъ и кончая поварами, поваренками, пекарями, истопниками, конюхами и скотниками. Раза два-три—правда, очень робко—послышались въ этомъ хорѣ свидѣтелей нѣкоторые диссонансы. Но, въ общемъ, формула Васплисы повторялась всѣми, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, весьма опредѣленно и въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ.

Допросъ подходилъ уже къ концу, когда новая группа свидѣтелей внесла въ дѣло совершенно неожиданный элементъ. Читатель помнитъ, что смѣлый обличитель убійства царевича, Михаилъ Нагой, самъ оказался въ роли подстрекателя къ расправѣ надъ мнимыми преступниками. Теперь свидѣтели заявили, что весь день 15-го мая князь былъ *мертвецки пьянъ*. Такимъ образомъ,—всѣ его показанія теряли силу; съ другой стороны, съ него снималась всякая

отвѣтственность: словомъ, зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое комиссіей, грозило рухнуть въ прахъ. Однако, слѣдователи торопились въ Москву: они совсѣмъ не были расположены снова приниматься за дѣло съ самаго начала. Поэтому они ограничились занесеніемъ новаго свидѣтельства въ протоколъ и не придали ему никакого значенія. Они едва согласились удѣлить нѣсколько минутъ царицѣ Маріи. Въ самый день ихъ отъѣзда, мать царевича пригласила къ себѣ митрополита Геласія. Она ни на что не жаловалась, никого не укоряла: она лишь просила помиловать „червей земныхъ“; такъ называла она собственныхъ братьевъ.

Протоколы, слѣдствія были увезены комиссіей въ Москву. Конечно, они должны были лечь въ основаніе судебнаго разбирательства. Что же можно сказать объ этомъ матеріалѣ?

Были ли вполнѣ добросовѣстно собраны всѣ данныя по Угличскому дѣлу? Конечно, нѣтъ. Повидимому, Шуйскій съ товарищами не слишкомъ озабочены были раскрытіемъ истины. Они запосятъ въ свои протоколы рядъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій и нисколько не стараются разобраться во всемъ этомъ хаосѣ. Невольно бросается въ глаза искусственное построеніе слѣдствія: оно ведется явно тенденціозно. Цѣль его не трудно угадать. Комиссія стремится, во что бы то ни стало, устранить предположеніе о предумышленномъ убійствѣ и подкрѣпить версію объ эпилептическомъ припадкѣ. Конечно, въ этомъ случаѣ, не зачѣмъ было бы отыскивать тайныхъ вдохновителей убійства.

Протоколы Угличкаго слѣдствія уже не разъ подвергались самому тщательному анализу со стороны историковъ *). По правдѣ говоря, весь этотъ трудъ намъ кажется потраченнымъ даромъ. Мы уже сказали, что комиссія Шуйскаго не заслуживаетъ никакого довѣрія. Если бы даже ея данныя, сами по себѣ, и были неуязвимы для критики, во

*) См. по этому предмету двѣ статьи *Бѣлова*.

всякомъ случаѣ, одно, чисто внѣшнее, обстоятельство сводитъ на-нѣтъ значеніе всего этого матеріала. Дѣло въ томъ, что самъ предсѣдатель комиссій. Шуйскій, отрекся отъ дѣла собственныхъ рукъ. Послѣ цѣлаго ряда самыхъ подозрительныхъ колебаній онъ поклялся торжественно передъ аналоемъ, что Димитрій палъ невинной жертвой наемныхъ убійцъ и заслужилъ мученическій вѣнецъ. Мы еще увидимъ, какъ этотъ клятвопреступникъ будетъ первый простираться во прахъ передъ останками „святого“ Димитрія при перенесеніи ихъ въ кремлевскую усыпальницу русскихъ царей. Развѣ не говоритъ все это о томъ, что руководимое Шуйскимъ слѣдствіе не заслуживаетъ никакой вѣры?

Впрочемъ, никто еще не предвидѣлъ возможности такого оборота дѣла со стороны Шуйскаго, когда, 2-го іюня, члены комиссіи прибыли въ Москву. Весь собранный ими матеріалъ былъ немедленно переданъ царю. Ѳеодоръ отослалъ его патріарху Іову, митрополитамъ и всему собору. Въ присутствіи высшаго духовенства и бояръ документы, привезенные изъ Углича, подверглись пересмотру. По прочтеніи ихъ, первое слово предоставлено было креатурѣ Годунова, патріарху. Іовъ былъ человѣкомъ непостояннаго и слабаго характера. Впослѣдствіи, подобно Шуйскому, и онъ отрекся отъ своихъ словъ. Но, въ данный моментъ, онъ высказалъ взглядъ, который, очевидно, былъ составленъ имъ заранѣе.

По мнѣнію патріарха, матеріалъ слѣдствія былъ достаточно полонъ и не заключалъ въ себѣ никакихъ противорѣчій. Ясно, какъ день, что Димитрій погибъ въ припадкѣ болѣзни, а князь Михаилъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы свести со своими врагами личные счеты: такъ совершилось неслыханное, гнусное злодѣйство. Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ въ преступленіи повинны оба его брата, а также всѣ угличане. Патріархъ, очевидно, совершенно не признавалъ ни смягчающихъ обстоятельствъ, ни различныхъ степеней виновности. Въ его глазахъ всѣ обвиняемые

оказывались убійцами: всѣ они должны были отвѣчать передъ судомъ и понести самую тяжелую кару. Словомъ, Іовъ былъ сторонникомъ массовыхъ мѣръ. Впрочемъ, въ виду мірского характера всего дѣла, онъ смиренно предоставлялъ его на благоусмотрѣніе царя. Вѣдь государь обладаетъ неограниченной властію казнить или миловать, и воля его руководится велѣніемъ свыше. Что касается его самого, то онъ, инокъ Божій, будетъ неустанно молить всеблагого Создателя за царя и царицу, прося ниспослать имъ здравіе, спасеніе и миръ. Всѣми этими заявленіями глава русской Церкви, очевидно, заранѣе развязывалъ руки Годунову. Мало того—онъ обѣщалъ ему безпрекословное одобреніе всѣхъ мѣръ, которыя тому заблагоразсудится принять.

Таковъ былъ судъ патріарха. Теперь оставалось только санкціонировать его приговоромъ самого царя. Трудно сказать, насколько былъ способенъ Ѳеодоръ понять то, что происходило; во всякомъ случаѣ, онъ предоставилъ судьямъ полную свободу дѣйствій. Такимъ образомъ, все теперь зависѣло отъ Бориса Годунова. Обвиняемые попадали въ руки безпощаднаго мстителя. Понятно, что кара, ихъ постигшая, была ужасна; согласно обычаю времени, она становилась тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ниже жертвы ея стояли въ обществѣ. Царицѣ Маріи пришлось постричься въ инокини и искупать въ монастырскомъ уединеніи свой мнимый недосмотръ за сыномъ. Трое братьевъ ея, которые, по даннымъ слѣдствія, были виновны далеко не въ равной степени, всѣ были отправлены въ дальнюю ссылку изъ Москвы: ихъ поселили безвыѣздно въ различные города. Самыя жестокія наказанія постигли, конечно, простыхъ углицкихъ людей. Всѣ они были признаны въ равной мѣрѣ отвѣтственными за совершенныя убійства: поэтому въ отношеніи къ нимъ не знали жалости. Двѣсти человѣкъ были казнены смертью, многимъ отрѣзали языки; большинству пришлось покинуть родину и ѣхать въ Сибирь, гдѣ они и поселились въ Пелыми. Судъ не пощадилъ даже

колокола, который своимъ набатомъ собралъ народъ ко дворцу: его сослали въ далекій Тобольскъ. Милостивымъ приговоръ оказался лишь для Василисы Волоховой, которая сумѣла найти версію, нужную слѣдователямъ и удобную для большинства свидѣтелей; разумѣется, такое же благопріятное положеніе создано было и для родственниковъ тѣхъ лицъ, которыхъ, во что бы то ни стало, хотѣли изобразить жертвою народной ярости.

Такимъ образомъ старался судъ стереть всякіе слѣды углицкаго преступленія. Но горько ошибался Годуновъ, надѣясь потопить въ крови и слезахъ самую память объ этомъ мрачномъ злодѣйствѣ. Уже одна жестокость кары, постигшей мнимыхъ виновныхъ, навсегда запечатлѣла это событіе въ народномъ воображеніи. Разумѣется, подозрѣнія, возникшія уже раньше, теперь должны были еще усилиться. Въ Угличѣ было убито нѣсколько человѣкъ... Неужели изъ-за этого нужно было наказывать его жителей чуть ли не черезъ десятаго? Неужели нужно было разгромить весь городъ и разсѣять въ разныя стороны его населеніе? Правительство должно было бы наказать только виновныхъ... Своими мѣрами не старалось ли оно скорѣе устранить всѣхъ свидѣтелей, которые могли быть для него опасны?

Не безнаказанно пролита была невинная кровь. Близился часъ, когда увлажненная ею земля должна была родить страшную жатву проклятія и мести.

ГЛАВА II.

Таинственный призракъ.

1601—1604 г.

I. Нунцій Клавдіо Рангони.—Завидный дипломатическій постъ. — Отношенія нунція къ Сигизмунду III.—Личность Рангони.—Persona grata при королевскомъ дворѣ.—Упреки современниковъ.—Александръ Рангони.—Легкомысленныя приключенія. — Отказъ въ пожалованіи нунцію кардинальскаго сана.—Инструкціи Рима по отношенію къ Москвѣ.—Воспоминанія о третейской роли папы.—Аудіенція 1 ноября 1603 г.—Появленіе Димитрія.—Скептическая помѣтка Климента VIII.—Донесеніе князя Адама Вишневецкаго.—Пересылка его въ Римъ.—Романъ и легенда.—Димитрій въ Кіевѣ, Острогѣ и Гощѣ.—Улыбка счастія.—Адамъ Вишневецкій признаетъ Димитрія царевичемъ.—Метаморфоза. — Наборъ казаковъ. — Уловка ливонца.—Торжество Димитрія.

II. Самборъ. — Родъ Мнишковъ. — „Сокола". — Расхищеніе королевскихъ богатствъ по смерти Сигизмунда II. — Обвиненія противъ Мнишковъ въ Сеймѣ.—Ни слѣдствія, ни приговора.—Изъ придворныхъ въ каштеляны. Суждение Рангони. — Доминиканцы и бернардинцы. — Забота о народномъ образованіи.—Щедроты Мнишка по отношенію къ бернардинцамъ. — Восторженныя восхваленія ими воеводы. — Финансовыя дѣла Мнишка. — Угрозы секвестраціей.—Неисправный плательщикъ. — Князь Константинъ Вишневецкій.—Димитрій въ Самборѣ.—Вліяніе среды.—Самсонъ и Далила.—Полячки.—Увлеченіе Димитрія Мариной.—Онъ предлагаетъ ей руку.—Дѣвическая тайна

Марины.—Осторожный отвѣтъ.—Прозелитизмъ Мнишка.—Помаскій въ авангардѣ.—О. Анзеринусъ и генеральныя сраженія.—Мнишекъ въ резервѣ.—Посланіе Павла V къ Помаскому.—Новая программа Димитрія, согласованная съ задачами міровой политики. — Желаніе Замойскаго. — Канцлеръ остается ни при чемъ.—Отъѣздъ Димитрія въ Краковъ.

I.

Съ 1599 года представителемъ Римскаго престола въ Краковѣ, при дворѣ Сигизмунда III, былъ нунцій Клавдіо Рангони—князь-епископъ Реджіо. Уроженецъ Модены, аристократъ по происхожденію, онъ едва успѣлъ четыре года пробыть въ своей епархіи, когда милость папы Климента VIII открыла ему дипломатическую карьеру въ Польшѣ. На этомъ поприщѣ все было ново для Рангони. Онъ не зналъ ни страны, куда долженъ былъ ѣхать, ни людей, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло. Самыя обязанности его при краковскомъ дворѣ едва ли представлялись ему достаточно ясно.

Между тѣмъ, постъ нунція въ Краковѣ былъ тогда однимъ изъ самыхъ завидныхъ. Ни одинъ вопросъ общеевропейской политики не миновалъ тогда польской столицы; война съ турками—этотъ кошмаръ тогдашней эпохи—неустанно обсуждалась здѣсь всевозможными дипломатами. Такимъ образомъ, для Рангони открывалось самое широкое поле дѣятельности. Но этого мало. Если въ Краковѣ было много привлекательнаго для государственнаго человѣка, то для уроженца Италіи здѣсь оказывался какъ бы уголокъ его отечества. Высшій классъ польскаго общества былъ уже затронутъ вѣяніями Ренессанса; вмѣстѣ съ Боной Сфорца сюда проникли новыя идеи, и піонеры гуманизма не даромъ перебрались черезъ Альпы, чтобы основаться на берегахъ Вислы.

Личныя отношенія папскаго нунція съ королемъ Сигизмундомъ III были, конечно, безукоризненны и даже не лишены извѣстной теплоты. Правда, этотъ государь былъ

потомкомъ дома Ваза; правда, что двоюроднымъ братомъ его являлся самъ Густавъ-Адольфъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что въ лицѣ Сигизмунда мы находимъ какъ бы другого Филиппа II—только безъ надменности испанскаго короля. Быть можетъ, глубокую религіозность свою онъ унаслѣдовалъ отъ матери, Екатерины. То была настоящая дочь Ягеллоновъ — и не столько по своему происхожденію, сколько по нравственнымъ качествамъ, въ особенности же, по страстности своей вѣры. Во всякомъ случаѣ, подъ высокимъ покровительствомъ короля, католическая реакція дѣлала въ Польшѣ все новые и новые успѣхи. Вотъ почему, когда папскому нунцію приходилось вмѣшиваться въ государственныя дѣла, онъ всегда былъ увѣренъ, что встрѣтитъ поддержку. Вѣрными союзниками его оказывались извѣстная часть знати и епископы—католики, которые всѣ засѣдали въ сенатѣ. Въ довершеніе всего, еще кое-что манило Рангони въ столицу славянскаго королевства: во имя этого онъ готовъ былъ примириться и съ ея снѣгами, и съ ея стужей. Далеко впереди онъ видѣлъ шляпу кардинала. Дѣло въ томъ, что, при возвращеніи въ Италію, папскій нунцій, обыкновенно, бывалъ украшенъ уже пурпурной мантіей.

Донесенія Рангони хранятся въ Ватиканскомъ архивѣ и у князя Доріа-Памфили. Въ нихъ, какъ нельзя лучше, выступаетъ весь нравственный обликъ этого человѣка. Листы эти выцвѣли отъ времени; нѣкоторые—увы!—скоро, быть можетъ, погибнуть навсегда. Но, перебирая ихъ, мы живо воскрешаемъ передъ собою образъ прежняго римскаго прелата. Передъ нами лицо, привыкшее къ самому избранному обществу. Это одновременно и клирикъ, и придворный. Онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ требованія этикета. Онъ—сама аккуратность, сама предупредительность, воплощенное самообладаніе. Къ услугамъ его въ любую минуту оказывается неистощимый запасъ банальныхъ формулъ. Всѣ эти черты мы встрѣчаемъ у большинства коллегъ Рангони. Лишь въ одномъ отношеніи этотъ дипломатъ превосходилъ другихъ

государственныхъ людей: онъ отлично умѣлъ добывать всякія свѣдѣнія и также хорошо информировалъ своего государя. Въ сущности, этимъ вполнѣ удовлетворялось его честолюбіе. Напрасно стали бы мы искать у него новыхъ идей или оригинальныхъ плановъ: Рангони менѣе всего былъ способенъ къ отвѣтственной роли реформатора или пропагандиста какихъ бы то ни было идей. Объ этомъ ясно говорятъ его пространныя и прѣсноватыя донесенія. Въ нихъ постоянно фигурируютъ какія-нибудь *комбинаціи*. Это не значитъ, чтобы Рангони злоупотреблялъ этимъ понятіемъ; мы хотимъ сказать только, что въ этой сферѣ онъ чувствуетъ себя особенно привольно.

Такъ или иначе, папскій нунцій былъ *persona grata* при польскомъ дворѣ. Являясь горячимъ сторонникомъ союза съ Австріей и брака съ эрцегерцогиней Констанціей, онъ вполнѣ сходился въ этомъ съ королемъ Сигизмундомъ. Мало того—онъ оказывалъ ему дѣятельную поддержку въ этомъ направленіи и даже былъ посредникомъ въ сношеніяхъ короля съ Прагой *). Болѣе нелюдимые современники упрекали порою Рангони въ томъ, что онъ слишкомъ былъ преданъ свѣтской жизни по ихъ мнѣнію, онъ переходилъ мѣру въ своемъ стремленіи играть роль въ обществѣ. Для этихъ суровыхъ судей, было великимъ соблазномъ видѣть, какъ епископъ весело пируетъ съ магнатами или ухаживаетъ за прекрасными полячками: подобныя слабости казались несовмѣстимы съ высокимъ саномъ папскаго нунція. Въ довершеніе несчастія, при Рангони состоялъ его племянникъ, графъ Александръ Рангони; надо сознаться, что суровая добродѣтель совсѣмъ не была его идеаломъ. Пусть даже онъ и не былъ притчей во языцѣхъ въ Краковѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что за свои легкомысленныя похожденія онъ поплатился

*) См. документы Вѣнск. Гос. Арх. Polonica, 1603, 22-го августа, письмо Рангони къ Рудольфу II.

впослѣдствіи высылкой изъ Рима *). Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Ватиканъ относился къ нунцію гораздо болѣе сдержанно, нежели краковскій дворъ. Нѣсколько разъ король Сигизмундъ просилъ папу возвести Рангони въ санъ кардинала: Павелъ V не хотѣлъ внять этимъ ходатайствамъ. Однако, король не сдавался. Онъ періодически возвращался къ этому вопросу; для него это стало какъ бы дѣломъ чести... Онъ не жалѣлъ похвалъ по адресу своего протеже; онъ горько укорялъ Римъ за противодѣйствіе. Онъ не остановился передъ отправленіемъ въ Ватиканъ особыхъ уполномоченныхъ; въ спеціальной запискѣ онъ возставалъ противъ „клеветниковъ", очернившихъ ни въ чемъ неповиннаго Рангони; наконецъ, онъ отвѣтилъ отказомъ на предложеніе папы назначить кардиналомъ кого-нибудь изъ среды польскаго духовенства. Все было тщетно: Павелъ V былъ неумолимъ. Снисходя къ предстательству Сигизмунда, онъ охотно соглашался жаловать своего нунція бенефиціями и пенсіями; но даровать ему пурпуровую мантію онъ находилъ рѣшительно невозможнымъ. Въ подробныя объясненія по этому поводу онъ не пускался: онъ просто заявлялъ, что имѣетъ самыя серьезныя основанія не отступать отъ принятаго разъ рѣшенія **).

Надо думать, что, при отъѣздѣ Рангони изъ Рима, онъ представлялъ себѣ будущее въ гораздо болѣе радужномъ свѣтѣ. Новый нунцій отправлялся въ Краковъ, полный самаго горячаго рвенія. Между прочимъ, онъ везъ съ собою спеціальныя инструкціи отъ 20 февраля 1599 года: здѣсь было нѣчто такое, что прямо касалось Москвы. Прошло

*) Ватиканскій Архивъ. Отдѣлъ Боргезе. II. 427, f. 16.

**) По вопросу о дарованіи Рангони кардинальскаго сана существуетъ обширнѣйшій документальный матеріалъ въ видѣ писемъ и записокъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. См. Ватиканск. Архивъ, Polonika, t. CCXVII, CCVIII, CCXIX; Pauli V, Brevia, t. XIII, f. XII, XI, январь 1619, отдѣлъ Боргезе, I, 237, 238, 632; II, 74, 221, 241, 335, 358; IV, 79 сл.—Архивъ Бонкомпаньи, E. 38.—Вѣнскій Гос. Арх., Polonica, 1605, 1620.

уже 17 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Поссевинъ побывалъ при русскомъ дворѣ; такой же срокъ миновалъ со времени перемирія при Киверовой Горѣ. Жизнь значительно двинулась впередъ. Но Римъ не спѣшилъ пересмотромъ своей традиціонной политики въ славянскихъ земляхъ. Онъ оставался вѣренъ своей мечтѣ о союзѣ Польши съ Москвою; тѣмъ самымъ онъ надѣялся установить религіозное единство на сѣверѣ Европы. По этому вопросу Рангони имѣлъ самыя подробныя указанія *); во всемъ остальномъ ему предоставили полную свободу дѣйствій. Папа зналъ о вступленіи на русскій престолъ Годунова; но онъ не былъ освѣдомленъ о ходѣ польско-русскихъ сношеній и, при такихъ обстоятельствахъ, предпочиталъ довѣриться чутью и такту своего представителя. Впрочемъ, онъ выражалъ желаніе, чтобы, если только не поздно, стороны обратились къ римскому посредничеству; при этомъ починъ долженъ былъ принадлежать Годунову. Такимъ образомъ, создался бы прекрасный поводъ оказать московскому государю важную услугу: разумѣется, это обязало бы и царя Бориса не остаться въ долгу. При переговорахъ съ русскимъ правительствомъ, нунцій могъ бы возбудить вопросъ о постройкѣ въ Москвѣ католической церкви, клиръ которой составился бы изъ іезуитовъ. Очевидно, Климентъ VIII стремился къ тому же самому, что и Григорій VIII. Если бы Борисъ Годуновъ оказался болѣе сговорчивымъ, чѣмъ Иванъ IV, Рангони удалось бы примирить Польшу съ Москвою торжественнымъ актомъ папскаго вмѣшательства. Тогда, опираясь на свой успѣхъ, упорно ускользавшій отъ всѣхъ его предшественниковъ, нунцій могъ бы добиться того, въ чемъ неизмѣнно отказывали Поссевину — другими словами, католическая церковь впервые могла бы обосноваться въ Москвѣ. Къ несчастью, весь расчетъ оказался неправильнымъ. Во главѣ польскихъ войскъ уже не было грознаго Стефана; надъ Москвою уже

*) Ватиканск. Архивъ. Miscellanea, t. III, Istruttioni, f. 236.

не тяготѣлъ ужасъ опричнины. Исконные враги находились въ равныхъ условіяхъ, при которыхъ чужое вмѣшательство становилось излишнимъ.

Скоро папскому нунцію пришлось самому убѣдиться въ этомъ. Въ 1600 году король Сигизмундъ отправилъ въ Москву съ предложеніемъ союза канцлера Литовскаго, Льва Сапѣгу. Какъ извѣстно, по всѣмъ вопросамъ, которые касались соединенія церквей, послу польскаго короля данъ былъ самый рѣшительный и высокомѣрный отпоръ. Сапѣга самъ сообщилъ объ этомъ Рангони, не скрывая отъ него своего разочарованія и досады. Впрочемъ, какъ мы знаемъ, ему удалось заключить съ Москвою перемиріе на 20 лѣтъ. Это вполнѣ соотвѣтствовало видамъ папы и традиціямъ старой дипломатической рутины. Все, казалось, налаживалось по-прежнему. И, вдругъ, совершенно фантастическое событіе открыло передъ римской куріей самыя неожиданныя перспективы.

1-го ноября 1603 года, Рангони былъ принятъ Сигизмундомъ *). Король заговорилъ о странныхъ слухахъ, распространяющихся по всему государству. По его словамъ, въ Польшѣ появилась какая-то загадочная личность. То пришелецъ изъ московскаго государства, который называетъ себя Димитріемъ, сыномъ царя Ивана IV. Нѣкоторые изъ русскихъ людей, будто бы, уже признали царевича и стали на его сторону. Этотъ Димитрій находится въ Волыни у князя Адама Вишневецкаго. Онъ мечтаетъ, не болѣе, не менѣе, какъ вернуть себѣ наслѣдственный престолъ при помощи казаковъ и татаръ. Всю эту затѣю король признавалъ чистымъ безумiемъ: ему казалось невозможнымъ возлагать свои надежды на наемниковъ, которые ищутъ не столько чести, сколько добычи. Что касается самого героя всѣхъ этихъ отчаянныхъ замысловъ, то король выражалъ желаніе узнать его поближе. Въ виду этого, онъ и приказалъ Вишне-

*) Ватиканск. Архивъ, отд. Боргезе. III. 90a—Rome et Démétrius, 175.

вецкому привезти новоявленнаго царевича въ Краковъ и представить королю особое донесеніе.

Къ той же темѣ обратился въ бесѣдѣ своей съ нунціемъ и вице-канцлеръ, Петръ Тылицкій. Онъ дополнилъ сообщеніе короля новыми подробностями. Разумѣется, Рангони не замедлилъ извѣстить Римъ о столь сенсаціонныхъ событіяхъ. Ватиканъ принялъ нѣсколько скептически донесенія своего уполномоченнаго. Самъ Климентъ VIII сдѣлалъ на поляхъ его депеши слѣдующую насмѣшливую помѣтку: *Sara un altro Rè di Portogallo resuscitato* *). Это было намекомъ на тѣхъ самозванцевъ, которые по смерти Донъ-Себастьяна мистифицировали Португалію.

Конечно, Рангони постарался раздобыть себѣ копію съ донесенія Вишневецкаго. По переводѣ польскаго текста на латинскій языкъ онъ отослалъ его въ Римъ. Этотъ документъ имѣетъ для насъ первостепенную важность: въ немъ содержится біографія Димитрія, записанная съ его словъ. Рангони свидѣтельствуетъ, что князь Вишневецкій лишь изложилъ то, что сообщилъ ему „царевичъ"; такимъ образомъ, сущность донесенія всецѣло принадлежитъ самому герою всей этой исторіи *). Между тѣмъ, Димитрій переживалъ самый критическій моментъ своей судьбы. Все будущее зависѣло отъ его показаній, которыя должны были убѣдить окружающихъ въ подлинности его царскаго происхожденія. Такимъ образомъ, мы можемъ предположить, что въ своей автобіографіи онъ далъ все, что могъ, и исчерпалъ

---

*) Помѣтка Климента VIII находится въ упом. собр. Боргезе III. 90.

*) Текстъ этого донесенія въ очень плохомъ видѣ—хранится въ Ватик. Арх., отд. Боргезе. III, 90, a. Онъ препровожденъ при письмѣ отъ 8/X 1603 г. Болѣе удовлетворительный текстъ напечатанъ *Новаковскимъ* Zbiòdla, t. II, 65—70 № 1. Этотъ разсказъ Димитрія послужилъ основой для всѣхъ другихъ версій, передающихъ исторію спасенія царевича въ Угличѣ. Исключенія не составляетъ и версія Товянскаго (*Когновицкій* II, 63—78). Такимъ образомъ, рядомъ съ показаніями самого Димитрія, эти редакціи не имѣютъ самостоятельной цѣнности.

всѣ свои рессурсы. Донесеніе Вишневецкаго касается, главнымъ образомъ, углицкихъ событій. Оно представляетъ попытку раскрыть тайну, окружавшую это темное дѣло. Какой контрастъ съ официальнымъ разслѣдованіемъ Шуйскаго! Главный виновникъ злодѣянія названъ здѣсь собственнымъ именемъ. Это, конечно, Борисъ Годуновъ. Димитрій характеризуетъ его, какъ человѣка, не боящагося ни желѣза, ни крови. По его словамъ, онъ возмечталъ о престолѣ тотчасъ послѣ смерти Ивана IV. Во имя этой честолюбивой цѣли онъ готовъ былъ пожертвовать, чѣмъ угодно. Царь Ѳеодоръ не могъ оказать ему никакого противодѣйствія: Годуновъ живо спровадилъ бы его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и по-своему расправился бы съ его совѣтчиками. Такимъ образомъ, оставался лишь царевичъ Димитрій. Чтобы очистить Годунову дорогу къ престолу, нужно было устранить этого единственнаго законнаго наслѣдника царской власти: въ противномъ случаѣ, онъ могъ бы современемъ заявить свои притязанія. Какъ же можно было достигнуть этого? Не иначе, какъ посредствомъ преступленія. И Борисъ не поколебался передъ нимъ: его злодѣйство было тѣмъ болѣе гнусно, что оно было задумано и подготовлено заранѣе съ адскимъ, поистинѣ, расчетомъ. Царевича окружали вѣрные слуги. Всѣ они были отравлены какимъ то тонко-дѣйствующимъ ядомъ. На мѣсто ихъ были поставлены предатели, которымъ было приказано отравить самого Димитрія. Однако, живымъ препятствіемъ для осуществленія этого плана явился воспитатель царевича. Этотъ энергичный и наблюдательный человѣкъ развѣдалъ о страшномъ заговорѣ и помѣшалъ его выполненію. Тогда Борису голей-неволей пришлось прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Къ дѣлу были привлечены подкупные убійцы. Съ наступленіемъ ночи, они должны были пробраться во дворецъ. Здѣсь имъ приказано было напасть на царевича, уже лежащаго въ постели, и заколоть тутъ же несчастнаго ребенка. Но неусыпная бдительность того же воспитателя разрушила и этотъ планъ;

желая спасти царевича отъ злодѣевъ, онъ придумалъ жестокую хитрость. Димитрія уложили спать на новомъ мѣстѣ, а на его постель положили одного изъ „двоюродныхъ братьевъ"—приблизительно, того же возраста. Какъ было условлено, убійцы прокрались во дворецъ: не подозрѣвая ничего, они умерщвляютъ злополучнаго младенца въ полной увѣренности, что передъ ними—царевичъ. Вѣсть о злодѣйствѣ съ быстротой молніи облетаетъ дворецъ. Прибѣгаетъ мать Димитрія. Она въ отчаяніи бросается на трупъ ребенка; въ своемъ горѣ она не замѣчаетъ подмѣна и горько оплакиваетъ сына, котораго считаетъ погибшимъ. Сбѣжавшійся народъ такъ же точно ничего не видитъ. Онъ внѣ себя отъ ярости; онъ хочетъ насытить месть свою кровью и, въ изступленіи, избиваетъ до тридцати другихъ дѣтей. Такимъ образомъ, исчезновеніе двоюроднаго брата царевича проходитъ незамѣченнымъ и не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній.

Борисъ Годуновъ былъ обманутъ, какъ и всѣ другіе. Теперь его единственной заботой было — скрыть истинную цѣль преступленія. Для этого нужно было придумать болѣе или менѣе правдоподобную версію, объясняющую событіе. Такой версіей явилась мнимая падучая болѣзнь царевича. Смерть Димитрія была приписана несчастной случайности, а жителямъ города Углича пришлось поплатиться жизнью за свое излишнее рвеніе. Между тѣмъ, царевичъ жилъ невреднымъ подъ охраной своего воспитателя: никто не зналъ о немъ, и никакая опасность не угрожала его жизни. Когда спаситель царевича почувствовалъ приближеніе конца, онъ довѣрилъ своего питомца одному вѣрному человѣку, которому предварительно раскрылъ всю тайну. Послѣдній охотно согласился выполнить все, что нужно было старику. Но и этотъ вѣрный человѣкъ умеръ въ свою очередь: передъ смертію онъ совѣтовалъ Димитрію искать себѣ убѣжища въ монастыряхъ. И, вотъ, потомокъ Рюрика облекается въ монашескую рясу. Скитаясь по Русской землѣ,

онъ стучится въ двери ея обителей и, какъ нищій, выпрашиваетъ себѣ кусокъ хлѣба. Злая судьба лишила его всего: у него оставалось лишь одно—именно, его царственная внѣшность. Но эта внѣшность и выдала его: въ концѣ-концовъ, какой-то монахъ по всей его повадкѣ (ex incessu moribusque heroicis) призналъ въ немъ царскаго сына. Это открытіе было роковымъ для Димитрія. Отнынѣ пребываніе его въ Русскомъ государствѣ становилось опаснымъ. Приходилось опять спасаться отъ Бориса Годунова. Димитрій перебирается въ Польшу. Нѣкоторое время, невѣдомый никому, онъ живетъ въ Острогѣ и Гощѣ. Но затѣмъ—не выдерживаетъ, и, проживая у Адама Вишневецкаго, сообщаетъ князю тайну своего высокаго происхожденія.

Какія впечатлѣнія долженъ былъ вынести король, читая донесеніе Вишневецкаго? Быть можетъ, въ первый моментъ онъ простодушно поддался обольщенію. Мы вполнѣ допускаемъ, что на мигъ Сигизмундъ былъ ослѣпленъ фантастическою судьбою Димитрія. Но, конечно, очень скоро въ душу его должны были закрасться сомнѣнія. Вѣдь слишкомъ очевидно было съ перваго взгляда, что „царевичъ“ не хочетъ посвятить короля во всѣ подробности своего прошлаго напротивъ, онъ старался распространяться объ этомъ возможно меньше. Пріемъ его оказался весьма удачнымъ. Теперь еще, по прошествіи трехъ столѣтій, передъ загадкою происхожденія Димитрія, обнаруживаетъ свою безпомощность наука, вооруженная всѣми современными средствами. Въ его біографію она не можетъ внести ни одного имени, ни одного новаго факта: какъ-будто жизнь этого человѣка протекла, не оставляя нигдѣ никакого слѣда.

Съ великимъ трудомъ мы настигаемъ Димитрія въ Кіевѣ. Здѣсь онъ появляется, вѣроятно, около 1601 года. Одѣтый въ грубую монашескую рясу, онъ теряется въ толпѣ себѣ подобныхъ. Онъ ходитъ по святынямъ города, а затѣмъ идетъ къ воеводѣ кіевскому, князю Константину

Острожскому *). Несмотря на свое мірское званіе, этотъ вельможа былъ патріархомъ юго-западнаго православія: вообще онъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя ранѣе возлагались на него. Подъ спѣгомъ своихъ сѣдинъ, онъ хранилъ страстную ненависть къ Брестской уніи и велъ противъ нея неустанную борьбу. Въ его острожскомъ замкѣ находили себѣ убѣжище всѣ противники католическаго вліянія: для князя было безразлично, являлись-ли эти враги Рима лютеранами или кальвинистами, тринитаріями или аріанами. Если же пришлецъ называлъ себя православнымъ паломникомъ, то, разумѣется, онъ могъ тѣмъ вѣрнѣе расчитывать на самое радушное гостепріимство вельможнаго хозяина. Быть можетъ, Димитрій и прибѣгъ къ этому средству. Однако, впослѣдствіи онъ благоразумно умалчивалъ объ этомъ. По его словамъ, онъ проникъ къ князю Острожскому, не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Съ своей стороны, и князь Константинъ упорно отрицалъ свои сношенія съ бродячимъ монахомъ. Когда король запросилъ его по этому поводу, онъ заявилъ ему, что ничего не можетъ ему сообщить за полной своей неосвѣдомленностью. Онъ увѣрялъ Сигизмунда, что онъ даже не знаетъ, жилъ-ли Димитрій у него самого, или въ подчиненныхъ ему монастыряхъ. Онъ даже не рѣшается высказать какія бы то ни было предположенія: такъ онъ далекъ отъ всего этого дѣла. Письмо князя датировано 3-мъ марта 1604 года. Однако, какъ разъ, наканунѣ, сынъ Константина Острожскаго, Янъ, высказалъ передъ королемъ либо меньшую осторожность, либо большую довѣрчивость. „Я знаю Димитрія, уже нѣсколько лѣтъ“,—писалъ этотъ краковскій каштелянъ:—„онъ жилъ довольно долго въ монастырѣ отца моего, въ Дерманѣ; потомъ онъ ушелъ оттуда и присталъ къ анабаптистамъ: съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ виду“. Слухи, ходившіе по Кракову, имѣли еще болѣе опредѣленный

*) *Вѣлевицкій*, II, 49. „Извѣтъ“ 21.

смыслъ, какъ всегда, нунцій Рангони собиралъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Здѣсь передавали другъ другу по секрету, что Димитрій попытался было открыть свои намѣренія кіевскому воеводѣ, т.-е. обратился къ нему за помощью. Однако, старый князь выпроводилъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ: разсказывали даже, будто бы одинъ изъ гайдуковъ вельможи позволилъ себѣ грубыя насилія надъ смѣлымъ просителемъ и вытолкалъ его за ворота замка *). Впрочемъ, Димитрій не впалъ въ уныніе отъ своей неудачи. Постигла она его въ дѣйствительности или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, онъ не потерялъ своей бодрости и изъ Острога отправился въ Гощу.

Этотъ городъ былъ центромъ аріанства. Мѣстныя школы пользовались самой широкой извѣстностью. Каштелянъ кіевскій и маршалъ острожскаго двора, Гавріилъ Хойскій дѣйствовалъ здѣсь съ неутомимой энергіей. Что влекло Димитрія въ Гощу? Что собирался онъ здѣсь дѣлать? Преподавать русскій языкъ—говорятъ одни; самому поучиться кое-чему,—утверждаютъ другіе. Можетъ быть, послѣднее мнѣніе и не заключаетъ въ себѣ ошибки: по крайней мѣрѣ, въ глазахъ компетентныхъ судей, теоретическія познанія Димитрія всегда обличали въ немъ ученика аріанства. Однако, Поссевинъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Бареццо Барецци и черпающій свои свѣдѣнія у польскихъ іезуитовъ, увѣряетъ, что въ Гощѣ будущій царь московскій выполнялъ болѣе, чѣмъ скромныя обязанности: попросту говоря, онъ служилъ на кухнѣ у Хойскаго **). Трудно сказать, какую версію изъ трехъ нужно предпочесть другимъ. Во всякомъ случаѣ, ни кухонный слуга, ни учитель, ни молодой питомецъ мѣстныхъ школъ не убили въ

---

*) Моск. Арх. М. Ю. *Лит. Метр., Нов. Кн.* 55, л. 40. Краковск. Музей Чарторыйскаго 320 f. 155. Ватик. Арх., отд. Боргезе. III, 90 b, f. 87. Ср. Прилож. 1.

**) Zabczyc, Mars, „Извѣтъ". 21, Barezzo Barezzi, 6.

Димитрій на претендента на русскій престолъ. Напротивъ, онъ только ждалъ удобнаго момента, чтобы заявить свои права.

До сихъ поръ Димитрій, можно сказать, одинокo носился в пространствѣ. Но въ 1603 году ему, наконецъ, улыбнулось счастіе. Онъ былъ въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго. Этотъ знаменитый кондотьеръ только и мечталъ, что о войнѣ. Русскій по крови, но подданный польскаго короля, бывшій литовецъ, онъ былъ іезуитовъ, но горячій сторонникъ православія и, по-своему, человѣкъ религіозный, князь Вишневецкій питалъ непримиримую вражду къ русскому правительству. Между нимъ и Москвою были давніе счеты злобы и крови. Огромныя владѣнія князя расположены были по обоимъ берегамъ Днѣпра; они тянулись вдоль по самой русской границѣ. Нерѣдко на этомъ рубежѣ возникали споры о правахъ или происходили враждебныя столкновенія: очень часто сабля являлась судьею въ чьей либо двухъ сосѣдей. Въ 1603 году, русскіе собравшись двумя порядочными мѣстечками, которыми, на томъ или другомъ основаніи, владѣлъ Вишневецкій безъ всякаго предупрежденія, московскія войска вторглись въ область князя и завладѣли упомянутыми мѣстечками. Дѣло не обошлось безъ кровавыхъ схватокъ, въ которыхъ съ той и другой стороны оказались убитые и раненые. Князю Острожскому, по его должности воеводы кіевскаго, было предписано произвести слѣдствіе по этому поводу. Въ своемъ докладѣ, представленномъ сейму, онъ высказывался за необходимость энергическихъ мѣръ и за возмѣщеніе понесенной Вишневецкимъ потери. Дѣло затянулось. Однако, князь Адамъ отнюдь не думалъ отступаться отъ своихъ требованій *).

Такой былъ этотъ воинственный магнатъ. Разумѣется, онъ не могъ равнодушно думать о своемъ пораженіи;

*) Моск. Арх. М. Ю. *Метр. В. Н. Лит.*, *Нов. Кн.* 55, л. 8. СПБ Имп. Публ. Биб. *Польская*. IV, 119, л. 99

конечно, онъ не забывалъ удара, нанесеннаго его интересамъ. Быть можетъ, не ему первому заявилъ Димитрій о своихъ наслѣдственныхъ правахъ; во всякомъ случаѣ, встрѣча съ княземъ Вишневецкимъ была началомъ его сказочной карьеры.

Нельзя не признать, что смѣлый „царевичъ" сумѣлъ выбрать человѣка, вполнѣ пригоднаго для своихъ цѣлей. Не менѣе удачно онъ воспользовался и моментомъ. Однако, надо было еще найти доступъ къ гордому вельможѣ. Какъ же проникъ къ нему бѣдный монахъ? Какъ онъ смогъ произвести на него должное впечатлѣніе и вкрасться въ его довѣріе? Здѣсь — начинается область безконечныхъ догадокъ для историковъ. Одни разсказываютъ, что Вишневецкій ударилъ Димитрія по лицу и тѣмъ самымъ, вызвалъ со стороны послѣдняго бурный взрывъ царственнаго негодованія. По словамъ другихъ, Димитрій открылъ князю свою тайну на ложѣ тяжкой болѣзни, причемъ, роль посредника выпала на долю болтливаго духовника. Третьи, наконецъ, говорятъ, что Самозванецъ, безъ всякой болѣзни, сумѣлъ извлечь пользу для себя изъ какой-то романтической страсти *)... Нерѣдко, на основаніи всѣхъ этихъ анекдотическихъ сообщеній строилась весьма сложная mise en scène. Надо замѣтить, однако, что подъ ними нѣтъ достаточной почвы. Въ донесеніи князя Адама отсутствуетъ хотя бы одинъ намекъ такого рода. Нельзя указать ни одного свидѣтеля, который могъ бы подтвердить все это, какъ очевидецъ. Вообще, мы не можемъ опереться здѣсь ни на чей достовѣрный авторитетъ. Несомнѣннымъ остается лишь одно: раньше всѣхъ другихъ Вишневецкій торжественно призналъ Димитрія истиннымъ царевичемъ и оказалъ поддержку первымъ его шагамъ. Онъ былъ воспріемникомъ этого не совсѣмъ

---

*) По свид. *Жабчика* (Mars), православный священникъ послужилъ лишь посредникомъ между Димитріемъ и Вишневецкимъ. Отсюда всѣ позднѣйшія легенды.

[illegible]наго рыцаря. Но, во всякомъ случаѣ, между тѣмъ [illegible] должно было произойти нѣчто загадочное для [illegible] Конечно, трудно допустить, чтобы доказательства [illegible] тождества съ царевичемъ Димитріемъ, приведенныя [illegible] Гиппиевецкаго, могли сами по себѣ имѣть серьезное [illegible] въ глазахъ князя Адама. Можетъ быть, болѣе [illegible] для польскаго вельможи было свидѣтельство [illegible] людей, которые примкнули къ смѣлому пре[illegible] [illegible] помнимъ, что князь мечталъ о реваншѣ; [illegible] [illegible], что онъ надѣялся извлечь личную [illegible] всего этого [illegible] дѣла. Все это могло сдѣ[illegible] [illegible] человѣка, чувствительно затро[illegible] [illegible] интересахъ и, по натурѣ своей, склоннаго [illegible]

[illegible] происшедшая въ положеніи Димитрія, [illegible] же радикальна, насколько она была и [illegible]. Человѣкъ, бывшій еще вчера никому неизвѣст[illegible] [illegible] бродягою, сталъ сегодня высокою особой. [illegible] риса была сброшена,—если только Димитрій [illegible] ранѣе: передъ изумленнымъ свѣтомъ [illegible] претендента, который смѣло заявлялъ свои [illegible] на одну изъ самыхъ блестящихъ въ мірѣ коронъ. [illegible] магнатъ готовъ былъ поддержать эти [illegible]. Что же оставалось? Немедленно присту[illegible] [illegible] собирать армію; привлечь на свою сторону [illegible]—[illegible] словами, выполнить тотъ планъ, кото[illegible] подвергся столь убійственной критикѣ со стороны [illegible]. И, вотъ, въ [illegible]ровскія и донскія степи полетѣли [illegible], чтобы [illegible] тамъ добровольцевъ. По слухамъ, [illegible] до Сигизмунда, самъ Димитрій ѣздилъ къ [illegible] казачеству, всегда готовому взяться за ору[illegible]. Къ [illegible], исторія никогда не узнаетъ подробнѣе [illegible] переговорахъ: они должны были вестись устно, [illegible] открытымъ небомъ. Конечно, тутъ было обнаружено [illegible] дикой простоты, много своеобразной гордости.

Казаки писали свою исторію саблей, и не на страницахъ древнихъ книгъ, но на поляхъ битвы оставляло это перо свой кровавый слѣдъ. Для казачества было привычнымъ дѣломъ доставлять тронъ всевозможнымъ претендентамъ. Въ Молдавіи и Валахіи періодически прибѣгали къ ихъ помощи. Для грозной вольницы Днѣпра и Дона было совершенно безразлично, подлинныя или мнимыя права принадлежатъ герою минуты. Для нихъ важно было одно— чтобы на долю ихъ выпала хорошая добыча. А можно ли было сравнивать жалкія придунайскія княжества съ безграничными равнинами русской земли, полной сказочныхъ богатствъ? Такъ или иначе, несомнѣнно, что сношенія Димитрія съ казаками и, можетъ быть, даже съ татарами происходили, именно, въ эту пору; далѣе вполнѣ достовѣрно, что, по крайней мѣрѣ, съ первыми былъ заключенъ договоръ на извѣстныхъ условіяхъ. Возбужденіе, вызванное Димитріемъ въ Украйнѣ, приняло такіе размѣры, что обезпокоенный король счелъ нужнымъ вмѣшаться въ дѣло. 12 декабря 1603 года Сигизмундъ издалъ суровые указы, запрещая казакамъ образовать вооруженные отряды, а мирнымъ гражданамъ—продавать этой опасной вольницѣ оружіе и амуницію. Конечно, какъ и всегда, всѣ эти распоряженія оказались совершенно безплодными. Казаки не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія *).

Вскорѣ послѣ этого произошелъ эпизодъ, который долженъ былъ еще укрѣпить Вишневецкаго на избранномъ пути. Король не счелъ возможнымъ удовлетвориться неблагопріятнымъ донесеніемъ князя Адама: ему казалось необходимымъ произвести дополнительное разслѣдованіе по поводу объявившагося претендента на московскій престолъ. Это дѣло было поручено Льву Сапѣгѣ. Въ свитѣ этого вельможи находился одинъ уроженецъ Львова, кто-

*) Listy Zolkiewskiego, 127, № 95. — Краковъ, музей Чарторыйскаго 320, f. 129.—Hirschberg, 26, 27.

[illegible] зналъ Димитрія. Еще въ бытность послѣд- [illegible] въ Московскомъ государствѣ, онъ состоялъ при его [illegible] Въ декабрѣ 1604 года, этотъ человѣкъ былъ отпра- [illegible] къ Вишневецкому. Димитрію грозила ловушка. [illegible] Сатбли назвался чужеземцемъ и ничѣмъ не [illegible] своихъ чувствъ при встрѣчѣ съ „царевичемъ“. Но Димитрій не растерялся. Онъ самъ призналъ своего быв- [illegible] и съ большою увѣренностью сталъ его разспра- [illegible] Тогда и шпіонъ Сатбли измѣнилъ своей роли: [illegible] не могъ не признать, что стоящее передъ нимъ лицо, [illegible] подлинный сынъ Ивана IV. По его словамъ, онъ [illegible] царевича слишкомъ часто, чтобы ошибиться. Нако- нецъ, [illegible] и на внѣшнія доказательства тождества Димитрія съ царскимъ наслѣдникомъ: при этомъ онъ ука- [illegible] на бородавку около носа и на неравную длину рукъ [illegible] го бывшаго господина. Это событіе было признано нема- [illegible] доводомъ въ пользу претендента. Понятно, что [illegible] Рангони получилъ о немъ всѣ эти новыя свѣ- дѣнія[1].

[illegible] Димитрія все возрасталъ. Скоро Брагинъ уже [illegible] ему тѣснымъ. Мы увидимъ вскорѣ, какъ [illegible] царевича еще раздвинулись. Но то произошло [illegible] мѣстѣ. Теперь дѣйствіе переносится въ Сам- [illegible] резиденцію Мнишковъ.

---

[1]) Ватик. Арх. Отд. Боргезе, III, 90, b. f. 13,16. — Rome et Démétrius [illegible] Лизонецъ—одно лицо съ польскимъ Піотровскимъ и рус- [illegible] Петрушей. Рангони не сообщаетъ его имени.

II.

Въ настоящее время Самборъ представляетъ собой самый обыкновенный—скорѣе даже еврейскій, нежели польскій городишко. Онъ утратилъ свое военное значеніе, потерялъ свой прежній поэтическій ароматъ. Въ былую пору Самборъ окружали непроходимые лѣса, болота и топи. Онъ служилъ аванпостомъ польскаго рыцарства противъ татаръ, и его замокъ величественно возвышался на лѣвомъ берегу Днѣстра. Эта крѣпость старинной массивной постройки напоминала феодальныя времена и имѣла весьма внушительный видъ, со своими башнями и бастіонами. Черезъ рвы ея перебрасывались подъемные мосты, внутри мощныхъ стѣнъ ея внѣшней ограды помѣщались церковь, сады и обширныя угодья со службами *).

Сигизмундъ III никогда не жилъ въ Самборѣ. Помѣщичьи королевскіе апартаменты были заняты, обыкновенно, Мнишкомъ Сандомирскимъ, Юріемъ Мнишкомъ. Онъ же былъ старостою самборскимъ и львовскимъ и первымъ сановникомъ всей этой области. Мнишекъ былъ природнившимся сыномъ вышедшаго изъ Чехіи, но вполнѣ акклиматизировавшагося въ Польшѣ: здѣсь Мнишки породнились съ самыми знатными фамиліями королевства.

---

*) Turkawski Dymitr. 16.—Описаніе Самбора и его замка.

Два брата, Николай и Юрій были притчей во языцѣхъ въ той скандальной хроникѣ, которая относится къ послѣднимъ и самымъ несчастнымъ годамъ короля Сигизмунда-Августа. Ихъ имена были тѣсно связаны съ эпохою „соколовъ", какъ называлъ злополучный король своихъ фаворитокъ. Преждевременно состарившійся, истощенный и преисполненный, онъ Боны Сфорца пережилъ самого себя, пережилъ свою глубокую привязанность къ Варварѣ Радзивиллъ; томимый тоскою, онъ искалъ забвенія въ самыхъ позорныхъ утѣхахъ. Братья Мишишки, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, играли при несчастномъ королѣ гнусную роль сутенеровъ. Они были своего рода Лебелями при этомъ польскомъ Людовикѣ XV; ихъ трудами была раздобыта та красавица, сомнительный блескъ которой озарилъ послѣдніе, темные дни Сигизмунда-Августа. Какъ извѣстно, этотъ король умеръ, почти всѣми заброшенный. При этомъ изъ дворца исчезли всѣ его сокровища—серебро, утварь, драгоцѣнности. Молва обвинила Мишишковъ въ томъ, что они организовали подобный грабежъ: разумѣется, имъ досталась при этомъ львиная доля. Въ 1572 году Оржельскій формулировалъ это обвиненіе прямо съ трибуны Сейма: конечно, это вызвало величайшую сенсацію во всей странѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, впрочемъ, что въ томъ же собраніи у Мишишковъ оказались и защитники. Правда, одни оправдывали ихъ тѣмъ, что кромѣ нихъ поживились и другіе; однако, нашлись и болѣе искусные адвокаты всемогущихъ братьевъ. Мало-по-малу, партія Мишишковъ все усилилась: наконецъ, она пріобрѣла такое вліяніе, что королева Анна Ягеллонъ, сестра покойнаго Сигизмунда и наслѣдница его состоянія, не рѣшилась возбуждать противъ братьевъ судебное дѣло. Такимъ образомъ, дѣятельность этихъ лицъ ускользнула отъ офиціальнаго разслѣдованія, и вся эта польская панама осталась въ исторіи совершенно невыясненнымъ вопросомъ. Конечно, отсюда было еще очень далеко до формальнаго оправданія обоихъ

братьевъ: совершенно иное значеніе могъ бы имѣть настоящій оправдательный приговоръ. Но, быть можетъ, вообще, было напрасной надеждой раскрыть всѣ подробности этого темнаго и хищническаго дѣла *).

Итакъ, трудно рѣшить съ увѣренностью, было ли прошлое Мишка запятнано, или, напротивъ, совершенно безупречно. Несомнѣнно лишь одно, что староста Самборскій ничѣмъ уже не напоминалъ придворнаго эпохи Сигизмунда II. Съ нѣкоторыхъ поръ о немъ почти ничего не было слышно. Затѣмъ, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, ему удалось добиться старостіи. Юрій Мнишекъ былъ женатъ на Ядвигѣ Тарло и былъ отцомъ многочисленнаго потомства. Поселившись въ Червонной Руси, онъ лишь изрѣдка показывался при дворѣ. Чѣмъ же былъ онъ занятъ? Онъ управлялъ королевскими домэнами, старался укрѣпить свое разстроенное здоровье и все болѣе и болѣе предавался религіи.

Соборъ въ Брестѣ едва успѣлъ закончиться. Унія съ Римомъ была закрѣплена въ его протоколахъ и подтверждена торжественной клятвой епископовъ. Но въ массу народную она еще не успѣла проникнуть: напротивъ, здѣсь она встрѣчала цѣлый рядъ препятствій. По свидѣтельству Рангони, Мнишекъ являлся однимъ изъ самыхъ горячихъ пропагандистовъ уніи; при этомъ въ свою дѣятельность онъ вносилъ не только рвеніе, но и несомнѣнную ловкость. Въ Самборѣ онъ заинтересовался вопросомъ о народномъ образованіи и, при содѣйствіи доминиканцевъ и бернардинцевъ, началъ стараться поднять духовный уровень мѣстнаго населенія. Въ архивѣ этого города можно найти нѣкоторые слѣды его энергичной просвѣтительной работы. Вообще, Юрій Мнишекъ охотно дружилъ съ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ; наибольшими его симпатіями пользовались отцы бернардинцы. Въ лѣтописяхъ этого ордена ему

*) Orzelski I. 65—87, 99 сл.

посвящено не мало страницъ, полныхъ признательности: подъ покровомъ риторическихъ похвалъ по его адресу здѣсь слышится живое и искреннее чувство. Благочестивые лѣтописцы называютъ Юрія Мнишка несравненной личностью; они надѣляютъ его всѣми добродѣтелями; по ихъ словамъ, потомство всегда будетъ съ любовью хранить его имя, ибо онъ святымъ усердіемъ своимъ превосходитъ другихъ и, быть можетъ, никогда не будетъ превзойденъ никѣмъ. Между прочимъ, имя Юрія Мнишка начертано золотыми буквами въ церкви Св. Андрея Львовскаго: здѣсь оно красуется на плитѣ изъ краснаго мрамора, на которую попадали лишь самые избранные благотворители. Рука невѣдомаго живописца изобразила черты лица Юрія Мнишка на полотнѣ: этотъ портретъ, напоминающій гравюру Луки Киліана, хранится въ ризницѣ упомянутой церкви. Что касается самборскаго монастыря, этой руины, относящейся еще къ XV вѣку, то Мнишекъ, можно сказать, явился какъ бы вторымъ его основателемъ; онъ надѣлилъ его щедрыми пожертвованіями, реставрировалъ его зданія и обнесъ стѣною. Въ теченіе долгихъ лѣтъ всѣ доходы съ имѣнія Мнишка, называвшагося Поляной, шли исключительно на нужды этой обители, причемъ личныя денежныя затрудненія воеводы нисколько не отражались на столь широкой его благотворительности. Когда возникла мысль о реформѣ бернардинскихъ монастырей въ Польшѣ, Юрій Мнишекъ явился ихъ заступникомъ передъ римской куріей: эту защиту онъ велъ съ такимъ успѣхомъ, что въ концѣ-концовъ выигралъ дѣло. 13 января 1603 года его дочь, Урсула, вѣнчалась съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ въ церкви бенедиктинскаго капитула, въ Самборѣ; тѣмъ же самымъ монахамъ воевода завѣщалъ хранить, по его смерти, бренный его прахъ *).

---

*) См. Прим. 1. Краковъ, Муз. Чартор., Teka Naruszewicza, 108, f. 155 сл. — *Самборъ, Арх.* Бернардинцевъ, Acta, f. 267: „Georgeûs Mniszech...

Щедрая благотворительность Мнишка тѣмъ болѣе достойна вниманія, что его собственныя матеріальныя дѣла складывались изъ рукъ вонъ плохо. Бюджетъ польскаго сенатора всегда былъ обремененъ чрезмѣрными расходами. Сановнику такого ранга, волей не волей, приходилось жить широко и гостепріимно. Онъ долженъ былъ содержать при себѣ чуть-ли не цѣлую армію, устраивать пышныя охоты и роскошные праздники. Все это постоянно требовало весьма крупныхъ затратъ. Супруга воеводы точно такъ же старалась не уронить своего высокаго званія. Домъ ея былъ поставленъ на самую широкую ногу; повсюду ее сопровождала огромная свита слугъ. Не даромъ жаловались на нее горожане: нерѣдко имъ приходилось принимать къ себѣ на постой казаковъ и гайдуковъ, не находившихъ мѣста въ замкѣ. Мнишекъ всячески старался увеличить свои доходы. Онъ заботился о развитіи торговли, энергично содѣйствовалъ росту мѣстной промышленности... Все было напрасно: ему никакъ не удавалось выбиться изъ своей нужды. Нѣкоторыя письма его къ королю, хранящіяся въ московскихъ и краковскихъ архивахъ, ясно изображаютъ намъ эти ужасныя денежныя затрудненія. Мы видимъ, что Мнишекъ полонъ самаго искренняго служебнаго рвенія. Однако, онъ вѣчно задерживаетъ платежи, онъ, рѣшительно, не можетъ предоставить вовремя суммы, принадлежащія королю; постоянно, краснѣя отъ стыда, онъ проситъ государя объ отсрочкахъ и льготахъ всякаго рода. 1603-й годъ былъ особенно несчастнымъ въ этомъ отношеніи. Недоимки превзошли всякую мѣру; король потерялъ терпѣніе... Въ одинъ прекрасный

---

benefactor atque claustri moeniorumque eius et omnium quae in eis sunt instaurator et adauctor locupletissimus, primus et fere novissimus talis ac tantus benefactor omni posteritati memorandus. Ср. Ватиканск. Арх., собр. Боргезе, II, 13.—Rome et Demetrius, p. 212. n 8.—*Туркавскій*, Dymitr. 17.—*Голоховскій*, Pamiontka, p. 6. *Тургеневъ*, II, 72, № IV.

день въ Самборъ явились судебные чиновники и начали угрожать воеводѣ наложеніемъ секвестра на его имущество. Это значило разорить Мнишка и покрыть его позоромъ. Какъ избѣжать такого исхода? 29-го іюня, Мнишекъ обратился къ королю съ письмомъ, полнымъ вѣрноподданнической покорности; однако, одновременно съ этимъ, онъ поспѣшилъ продать одно изъ своихъ имѣній. Впрочемъ, дѣло какъ-то уладилось. Имущество Мнишка избѣгло описи,—и 18-го сентября неисправимый воевода опять уже проситъ у короля отсрочить ему на годъ представленіе королевскихъ сборогъ въ виду совершенной его несостоятельности *)... Словомъ, мы видимъ передъ собою разорившагося вельможу, настроеннаго на самый благочестивый ладъ и ищущаго всякихъ средствъ для поправленія своихъ матеріальныхъ дѣлъ.

Какъ мы увидимъ вскорѣ, Димитрій явился въ домъ Мнишка какъ нельзя болѣе кстати. Нѣкоторые утверждаютъ, что прибытіе царевича въ Самборъ было чистой случайностью: онъ просто, будто бы, заѣхалъ сюда на пути въ Краковъ. Но врядъ-ли можно принять такое объясненіе. Въ этой „случайности“ ясно чувствуется нѣкій расчетъ; истинный смыслъ ея угадывается безъ всякихъ затрудненій.

Въ этотъ важный моментъ на сцену выступаетъ новое лицо. То былъ двоюродный братъ князя Адама, Константинъ Вишневецкій. Еще въ ноябрѣ 1603 года, Сигизмундъ приказалъ доставить Димитрія къ себѣ, въ Краковъ. Князь Адамъ почему-то медлилъ выполнить королевское повелѣніе: ему и пришлось поплатиться за это. Царевичъ чувствовалъ себя уже достаточно сильнымъ для того, чтобы дѣйствовать самостоятельно. Не взирая на сѣтованія князя, онъ выѣхалъ изъ Брагина и спустя нѣкоторое время былъ уже вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ. То былъ рѣшитель-

*) Моск. Арх. М. Ю., Лит. Метр., Нов. кн., 53, 321; 54, 14; 551, 135, 238.—Краков. Музей Чарторыйскаго, 320, Т. 69, 87, 139.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ный шагъ. Димитрій не только избралъ себѣ другое мѣсто жительства; нѣтъ, въ его взглядахъ произошла извѣстная эволюція.. Мы помнимъ, какова была первоначальная идея царевича, подвергшаяся столь жестокой критикѣ со стороны короля. Нельзя не признать, что было какъ-то слишкомъ по-русски мечтать о составленіи войска изъ казаковъ и татаръ и о походѣ съ ними на Москву. Мало-по-малу, Димитрій самъ вынужденъ былъ признать, что безъ поляковъ ему не стушить и шагу. Поэтому онъ и рѣшилъ, по возможности, сблизиться съ ними. Князь Константинъ Вишневецкій могъ открыть ему доступъ въ эту среду. Его общественное положеніе, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало такой задачѣ. Онъ былъ католикомъ; жена его была полячка; въ домѣ его жила свояченица-невѣста, а въ сенатѣ засѣдалъ его тесть, котораго также можно было привлечь къ дѣлу.

Димитрія приняли въ Самборѣ, какъ настоящаго царевича: ему были оказаны всѣ почести, соотвѣтственныя заявленнымъ имъ правамъ *). Затѣмъ претендентъ на московскій престолъ выдержалъ цѣлый рядъ атакъ: онъ отступилъ по всей линіи, но капитуляція его была вполнѣ сознательной и добровольной. Мы не можемъ съ точностью опредѣлить время его прибытія въ Самборъ; мы даже не знаемъ достовѣрно, разслѣдовалъ-ли Мнишекъ, какъ нужно, происхожденіе „царевича“. Отмѣтимъ лишь, что одинъ изъ слугъ дома Мнишка, взятый когда-то въ плѣнъ во Псковѣ, далъ показаніе въ пользу Димитрія. Атмосфера Самборскаго замка скоро оказала свое вліяніе на вновь прибывшаго гостя. Димитрій отличался горячей, страстной, впечатлительной натурой; не будучи пророкомъ, можно было пред-

*) Ватиканск. Архивы, Отд. Боргезе, II, 13; III, 7, с., х. 194 и 200. — Львовск. Архивы Бернердинцевъ, см. *Дамирскаго* и *Калискаго*. — Kronika Miasta Sambora p. 24.— *Голиховскій*, Upominek, I, 15; II, 6. — *Вѣлевицкій*, II, 51.—*Нѣмоевскій*, 56.

видѣть заранѣе, что русскій Самсонъ найдетъ свою Далилу. По сравненію съ женщинами своей родины, съ ихъ неуклюжими фигурами и грубыми ухватками, изящныя и граціозныя польки должны были показаться царевичу сонмомъ какихъ-то волшебныхъ видѣній. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ онъ былъ уже безумно влюбленъ въ одну изъ дочерей воеводы. Вполнѣ возможно, что его выборъ былъ сдѣланъ неслучайно: чья-то рука направляла его и здѣсь; но вѣдь такъ часто любовь и расчетъ уживаются въ согласіи... Нужно вспомнить внѣшность прелестной польки, запечатлѣнную для насъ кистью неизвѣстнаго художника; нужно воскресить передъ своими глазами выраженіе ея лица, его изящныя линіи, безукоризненную чистоту его овала, ея чарующій взглядъ; тогда мы легко поймемъ ту любовь, которую внушила она молодому и пылкому царевичу *). Спрашивается, однако,—чувствовала-ли она сама къ своему избраннику ту таинственную симпатію, которая служитъ залогомъ счастья? Или же прельстилъ юную польку блескъ царской короны? Марина никому не открыла своей дѣвической тайны; такимъ образомъ, каждый воленъ думать о ней что угодно. Казалось, однако, что невѣстѣ Димитрія судьба предназначала менѣе блистательный, но зато болѣе спокойный удѣлъ. Повидимому, удалившись отъ двора, Юрій Мнишекъ старался дать своимъ дочерямъ воспитаніе въ духѣ христіанскаго благочестія. Одна изъ нихъ прямо изъ отцовскаго замка переселилась въ кармелитскій монастырь: значитъ, хорошую школу она прошла! Марина еще совсѣмъ не знала свѣта. Она мирно дремала, какъ спящая царевна, убаюканная пѣсней родимыхъ лѣсовъ Самбора; часто молилась она въ церкви; друзья отца ея, бернардинцы, были и ея друзьями. Она росла на ихъ гла-

*) Лучшій портретъ Марины найденъ въ замкѣ Вишневецъ, въ настоящее время онъ находится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. См. *Ровинскій*, II, 1223.

захъ; они пеклись о ея душѣ,—и узы, связывавшія ее съ ними, существовали до самой ея смерти. Въ тотъ день, когда Димитрій предложилъ Маринѣ свою руку и сердце,— а это было сдѣлано въ первый пріѣздъ его въ Самборъ,— судьба молодой дѣвушки была рѣшена навѣки. Прощай родимый кровъ! Передъ спутницей царевича открывалось темное будущее. Впослѣдствіи обнаружилось, что въ робкой дѣвочкѣ созрѣвала героиня битвъ, что въ нѣжной груди Марины билось сердце мужа, а стройную талію ея, какъ нельзя лучше, облегали воинскіе доспѣхи... Впрочемъ, Мнишекъ, во что бы то ни стало, желалъ соблюсти формы и не нарушить приличій, принятыхъ въ его кругу. Онъ притворился крайне изумленнымъ и отложилъ свой отвѣтъ до того времени, какъ Димитрій съѣздитъ въ Краковъ и будетъ принятъ королемъ. Дѣлая свое предложеніе, царевичъ, конечно, сильно сомнѣвался чтобы воевода выдалъ свою дочь за православнаго. Тѣмъ не менѣе, онъ не пожелалъ отступить передъ этимъ препятствіемъ. Очевидно, онъ считалъ себя уже достаточно сильнымъ, чтобы его преодолѣть.

Дѣйствительно, одновременно со сватовствомъ Димитрія къ Маринѣ, возникъ и религіозный вопросъ. Впослѣдствіи Мнишекъ охотно возвращался къ этому предмету. Между прочимъ, въ письмѣ къ Павлу V, отъ 12 ноября 1605 года, онъ говоритъ по этому поводу вполнѣ откровенно. По его словамъ, онъ пожалѣлъ душу Димитрія. Онъ видѣлъ въ царевичѣ злополучную жертву заблужденій. Онъ убѣдился, что молодой человѣкъ коснѣетъ въ неправдѣ. Тогда онъ рѣшилъ открыть глазамъ грѣшника свѣтъ истины. И, вотъ, противъ Димитрія организуется цѣлая кампанія, — скорѣе, составляется благочестивый заговоръ. На помощь своему дѣлу Мнишекъ привлекъ аббата Помаскаго и о. Анзеринуса *). Они условились обо всемъ, распредѣлили между собою роли и энергично приступили

*) Анзеринусъ—латинизированное имя Gonsior или Gonsiorek.

къ выполненію своего замысла. Обязанность застрѣльщика принялъ на себя Помаскій. Состоя священникомъ въ Самборѣ, будучи капелланомъ и секретаремъ королевскаго двора, онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ нѣсколько званій и ежедневно бывалъ въ замкѣ. Правила свѣта были отлично ему извѣстны: рѣчь его текла свободно и, вообще, онъ пользовался репутаціей человѣка, противъ котораго трудно устоять. Можетъ быть, въ сношеніяхъ съ Димитріемъ, утонченный аббатъ нѣсколько и злоупотребилъ своими данными обольстителя: во всякомъ случаѣ, царевичъ почему-то подсмѣивался надъ нимъ. Совершенно иную фигуру представлялъ собою о. Анзеринусъ: недаромъ звали его „Замойскимъ ордена бернардинцевъ". Пребываніе за-границей не прошло для него безслѣдно: его считали глубокимъ знатокомъ богословскихъ наукъ и искуснымъ администраторомъ. Онъ самъ преподавалъ теологію; благодаря ему было реформировано учебное дѣло въ орденѣ; онъ же явился основателемъ нѣсколькихъ новыхъ монастырей. Въ кампаніи противъ Димитрія, ему принадлежала роль главнокомандующаго, который даетъ знакъ къ наступленію и руководитъ боемъ въ рѣшительную минуту. Мнишекъ игралъ роль необходимаго резерва: онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, аргументами практическаго свойства. Излюбленной темой его бесѣдъ съ Димитріемъ было восхваленіе бернардинцевъ. Что это за люди! Какъ они выдержаны, какъ осторожны, какъ чиста вся ихъ жизнь!.. „Откуда же всѣ эти добродѣтели?" спрашивалъ онъ въ заключеніе. И самъ отвѣчалъ: „очевидно, эти люди владѣютъ высшей истиной." Разумѣется, Димитрій не могъ устоять передъ этимъ тройственнымъ союзомъ. Его собственный запасъ богословскихъ знаній былъ не слишкомъ тяжеловѣсенъ; діалектическое искусство, столь необходимое во всякихъ диспутахъ, ему давалось съ трудомъ; изъ монастырей православныхъ онъ не вынесъ ничего, кромѣ самыхъ непріятныхъ воспоминаній. Что оставалось пред-

принять ему въ столь затруднительномъ положеніи? Димитрій постарался занять наименѣе обязывающую позицію. Онъ никому не отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ; но, съ другой стороны, онъ не спѣшилъ и отречься отъ православія; онъ только давалъ понять, что все, навѣрное, разрѣшится къ общему удовлетворенію. Впослѣдствіи, въ отвѣтъ на донесеніе Рангони, папа Павелъ V выражалъ свое благоволеніе Помаскому по поводу побѣды, одержанной надъ Димитріемъ. Съ своей стороны Мнишекъ высказывалъ убѣжденіе, что главная заслуга въ этомъ пришадлежитъ бернардинцамъ. Они-де живымъ примѣромъ своимъ настаивали Димитрія на путь истинный и подготовили его обращеніе въ католицизмъ *).

Но то было впослѣдствіи. Пока же, все дѣло находилось въ начальной стадіи. Отреченіе отъ православія зависѣло только отъ самого царевича; бракъ съ Маришой долженъ былъ явиться завершеніемъ цѣлаго ряда конкретныхъ его успѣховъ. Такимъ образомъ, та и другая сторона сохраняли за собою полную свободу дѣйствій. Вскорѣ, однако, по прибытіи въ Краковъ, воевода сандомирскій заявитъ себя открыто покровителемъ царевича; онъ представитъ его сенаторамъ и королю; онъ явится главной его опорою. Очевидно, все это было рѣшено заранѣе. Вѣроятно, вся тактика сторонъ диктовалась внушеніями сандомирскаго воеводы. Можно думать, что отъ него же зависѣли и тѣ измѣненія, которыя внесены были въ первоначальную программу Димитрія.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не отмѣтить того разительнаго

---

*) Ватикан. Архивъ, Annario XLV, I, +. 138 № CCLXXVI, 165, 31 октября, письмо *Павла V* къ *Помайскому:* „Siquidem idem Nuncius noster (Rangoni) nobis abunde significavit singulares virtutes tuas, dignas quidem viro et nobili et religioso, quas potissimum in conversione illius Magni Ducis (Dmitri) ad catholicam veritatem huius admirabilis operis prudentiae, pietati et dexteritati tuae tribuet".—I b i d e m, собр. Боргезе, II, 13.—Rome et D é m é t r i u s, p. 212, № 8.

контраста, который вскрывается при сравненіи дерзкихъ замысловъ брагимскаго претендента съ хитроумными комбинаціями Димитрія въ Самборѣ. Знакомясь съ этими послѣдними, ясно чувствуешь, что къ дѣлу подошелъ опытный человѣкъ. Онъ отлично учитываетъ всѣ данныя условія; его взглядамъ нельзя отказать въ извѣстной широтѣ. Теперь дѣло идетъ уже не о простомъ набѣгѣ на московскія земли съ наемными бандами казаковъ и татаръ. Нѣтъ, отнынѣ задачей Самозванца является правильная военная кампанія. Она предполагаетъ активное участіе польскихъ добровольцевъ при молчаливомъ потворствѣ короля. Предпріятіе Димитрія утрачиваетъ характеръ грубаго домогательства фантастическихъ правъ. Напротивъ, оно уже тщательно мотивируется: руководители его стараются представить свое дѣло возможно болѣе пріемлемымъ для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ; они не безъ успѣха пытаются согласить его съ требованіями общеевропейской политики. Они подчеркиваютъ тѣ выгоды, которыя проистекаютъ изъ него для польскаго королевства и для всего христіанскаго міра. Русское государство, возродившееся для новой жизни и связанное тѣсными узами съ Западомъ, можетъ послужить несокрушимымъ оплотомъ въ борьбѣ противъ турокъ. Можетъ ли это остаться безразличнымъ для европейскихъ государей и для римскихъ папъ? Нѣтъ, несомнѣнно, они должны поддержать дѣло царевича Димитрія. Словомъ, въ этой новой программѣ чувствуется крѣпкая внутренняя связь всѣхъ частей: авторы ея знаютъ, чего они хотятъ, и избираютъ вѣрный путь къ своей цѣли... По пріѣздѣ въ Краковъ, Димитрій, какъ хорошій ученикъ, увѣренно повторитъ передъ королемъ затверженный урокъ. Но заучивался этотъ урокъ еще въ Самборѣ: здѣсь были истинные вдохновители Самозванца.

Откладывать дальше отбытіе царевича въ Краковъ было невозможно. Достаточно уже медлили съ этимъ дѣломъ до тѣхъ поръ. Между тѣмъ, великій канцлеръ и великій

гетманъ Польши, Замойскій, усиленно добивался случая свидѣться съ Димитріемъ до пріѣзда его ко двору. Дѣятельность „господарчика“, какъ называлъ онъ царевича, казалась ему нѣсколько подозрительной; личность этого страшнаго претендента на московскій престолъ не внушала ему никакого довѣрія. Тонкій знатокъ людей, Замойскій, быть можетъ, проникъ бы своимъ орлинымъ взглядомъ въ самыя сокровенныя глубины этой темной души; какъ безжалостная сталь, онъ вскрылъ бы всѣ тайные ея изгибы. Однако, въ Самборѣ отлично поняли истинный смыслъ любезныхъ домогательствъ великаго гетмана,—и, ему пришлось отказаться отъ своей психологической экспертизы *). Въ первыхъ числахъ марта 1604 года, въ сопровожденіи воеводы Мнишка и князя Константина Вишневецкаго, Димитрій направился прямо въ Краковъ.

*) Listy Zolkiewskiego, 119, № 96.

ГЛАВА III.

Отреченіе отъ вѣры,

1601 г.

I. Дуалистическій строй польскаго государства. — Ревнивый контроль надъ королемъ.—Посланіе Сигизмунда къ сенаторамъ по дѣлу Димитрія.—Политическій и вѣроисповѣдный вопросы.—Соблазны и опасенія. — Попытка рѣшенія.—Мнѣнія сенаторовъ.—Мотивы несогласія. — Замойскій и Сапѣга.—Бараповскій, еп. Плоцкій. - Его письмо и вопросы.—Зебжидовскій, какъ сторонникъ Димитрія. — Фантастическіе проекты военныхъ дѣйствій. — Золотая средина.—Янъ Острожскій.—Сенаторы требуютъ созыва сейма.—Димитрій въ Краковѣ.—Банкетъ у Мнишка.—Описаніе внѣшности Димитрія у Рангони.—Аудіенція у короля.—Легенда Геродота.—Громкія слова.—Банальный отвѣтъ.—Двойственная политика Сигизмунда. - Тайный договоръ съ Димитріемъ.—Взаимныя обязательства.—Обоюдная отвѣтственность.

II. Духовникъ Димитрія. — Политика Зебжидовскаго. — Нейтралитетъ Рангони.—Свиданіе съ Димитріемъ.—Преждевременный оптимизмъ.—Димитрій среди бичующихся. — Посѣщеніе отца Савицкаго. — Бесѣда 7-го апрѣля.—Filioque, причастіе подъ однимъ видомъ, папа.—Димитрій проситъ совѣщанія съ Савицкимъ. — Собраніе 15-го и бесѣда 16-го апрѣля. — Маскарадъ.— Въ церкви св. Варвары. — Искусъ. — Увѣреніе въ искренности. — Отреченіе отъ вѣры и исповѣдь.—Пасха.—Письмо къ Клименту VIII отъ „бѣдной овцы".—Деликатные намеки.—Планы церковной реформы.—Необычайное сравненіе.—Споръ съ католиками.—Сохраненіе патріаршества въ Москвѣ.— Историческое безсмертіе.— Пріобщеніе въ Нунціатурѣ. — Конфирмація. — Обѣщанія Димитрія.—Потетическа сцена.—Знаки симпатіи со стороны Рангони.—Чуткая со

вѣсть.—Вопросы о духовникѣ, разрѣшеніи отъ поста и пользованіи осужденной литературы.—Причастіе при обрядѣ вѣнчанія на царство.—Медлительный отвѣтъ.—Душевное состояніе Димитрія.—Отъѣздъ изъ Кракова.—Переписка съ Рангони.—Перемѣна настроенія въ Римѣ.—Посланіе Климента VIII.—Подозрѣнія историка.

I.

Государственный строй Польши былъ сочетаніемъ двухъ противоположныхъ началъ: во главѣ республики стоялъ король. Вотъ, почему нигдѣ, быть можетъ, за исключеніемъ лишь Венеціи съ ея дожами, верховная власть не была подчинена болѣе ревнивому надзору; нигдѣ она не была обставлена болѣе стѣснительными условіями. Лишь только возникалъ сколько-нибудь значительный вопросъ государственной жизни, немедленно о немъ запрашивались сенаторы,—все равно присутствовали они въ столицѣ или нѣтъ. Устно или письменно сенаторы высказывали свое мнѣніе; съ нимъ коронѣ приходилось такъ или иначе считаться. Въ противномъ случаѣ надо было ждать неминуемой бури при открытіи Сейма.

Появленіе Димитрія въ Польшѣ вызвало безконечные разговоры и обширную переписку, слѣды которой уцѣлѣли донынѣ; оно же заставило правительство принять цѣлый рядъ административныхъ мѣръ. Въ дѣлѣ Самозванца король различалъ двѣ стороны. Во-первыхъ, онъ видѣлъ въ немъ чисто политическій вопросъ; во-вторыхъ, оно волновало его и какъ религіозная проблема. До насъ сохранилось циркулярное посланіе Сигизмунда къ сенаторамъ отъ февраля 1604 года. Этотъ документъ отлично изображаетъ душевное состояніе короля и ясно рисуетъ передъ нами мучившія его сомнѣнія *).

*) Польскій оригиналъ письма Сигизмунда къ Зеновичу, отъ 18-го февраля 1605 года находится въ С.-Петербургской Публ. Библіотекѣ, *Автографы*, 63, т. II, 22.—На русскомъ языкѣ оно воспроизведено у *Шташицкаго*, с. 135; по польски Pismo, 40.—Тоже самое письмо, на польскомъ языкѣ адресованое Замойскому, Listy Zol., 127, № 95.

Начать съ того, что происхожденіе Димитрія все еще было покрыто тайною. Правда, донесеніе Вишневецкаго, свидѣтельство Ливонца, показанія русскихъ людей и нѣкоторыхъ развѣдчиковъ успѣли уже повліять кое на кого. Однако, къ чести короля нужно отмѣтить, что самъ онъ менѣе всего убѣждался подобными данными. Такимъ образомъ, ему приходилось оперировать однѣми лишь гипотезами и обсуждать вопросъ условно.

Конечно, помочь царевичу московскому возсѣсть на наслѣдственномъ престолѣ,—это значило положить основу почти химерическому союзу двухъ великихъ славянскихъ народовъ. Но Сигизмундъ, видимо, не хочетъ останавливаться надъ этимъ вопросомъ. Передъ нимъ носились другія, болѣе соблазнительныя видѣнія. Его взоръ неотступно влекла къ себѣ Венеція сѣверныхъ водъ; тамъ, за морскими волнами, его манила блескомъ своимъ отеческая корона... Вспоминалъ Сигизмундъ и о Ливоніи, пріобрѣтенной еще при Баторіи польскимъ мечомъ и обильно орошенной кровью польскихъ вотелей. Вотъ, съ какой стороны интересовали Сигизмунда московскія дѣла. Установивъ операціонную базу въ Кремлѣ, можно было вѣрнѣе всего обезпечить себѣ военные успѣхи въ Швеціи и на берегахъ Балтійскаго моря. Правда, можно было предвидѣть, что Димитрію не удастся безъ сопротивленія достигнуть Москвы. Въ такомъ случаѣ, Польшѣ надо было готовиться къ войнѣ со всѣми ея жертвами; при этомъ пришлось бы, вѣроятно, считаться съ неудовольствіемъ Сейма, который всегда оказывался въ оппозиціи, если нужно было пожертвовать деньгами или кровью.

Итакъ, Сигизмунду, волей-неволей, приходилось колебаться между доводами за и противъ союза съ Димитріемъ. Въ довершеніе всего, его постоянно смущалъ страхъ передъ клятвопреступленіемъ, мысль о которомъ терзала его душу укорами совѣсти. Такъ или иначе, перемиріе съ Борисомъ Годуновымъ заключено было Польшей на цѣлыхъ 20 лѣтъ.

Договоръ этотъ былъ торжественно скрѣпленъ подписью и клятвою сторонъ. Поддержать Димитрія—не значило ли нарушить договоръ? Не значило ли это измѣнить священной присягѣ? Совѣсть короля не давала ему покоя. Изнемогая въ борьбѣ съ самимъ собой, Сигизмундъ хотѣлъ было обратиться за помощью къ іезуитамъ, которыхъ онъ намѣревался собрать подъ предсѣдательствомъ Рангони. Онъ надѣялся, что они объявятъ договоръ съ Годуновымъ недѣйствительнымъ и признаютъ Димитрія истиннымъ сыномъ Ивана IV. Но Рангони отклонилъ отъ себя подобную честь и отсовѣтовалъ королю прибѣгать къ такому средству *). Король оказался предоставленнымъ самому себѣ. Теперь ему приходилось обращаться лишь къ своимъ обычнымъ совѣтникамъ.

Мнѣнія государственныхъ людей Польши раздѣлились **). Одни категорически высказывались противъ экспедиціи Димитрія. Они протестовали противъ вовлеченія Рѣчи Посполитой въ эту авантюру. Ихъ доводамъ нельзя было отказать въ убѣдительности. Вся исторія „царевича", какъ онъ самъ ее передавалъ, казалась имъ слишкомъ мало правдоподобной. Они настаивали на соблюденіи договора съ Годуновымъ; они напоминали о клятвахъ, принесенныхъ отъ лица всей націи польской; они ссылались на традиціи международнаго права и на требованія нравственнаго долга. Но, и помимо всѣхъ этихъ соображеній, они находили, что моментъ для столь важнаго предпріятія выбранъ крайне неудачно. Экспедиція Димитрія явится, быть можетъ, поводомъ къ цѣлому ряду другихъ войнъ... А, между тѣмъ, финансовое положеніе государства все ухудшается, а недовольство правительствомъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ.

---

*) Ватик. Арх., Отд. Боргезе, III, 90, l., F. III. R.—Rome et Demetrius. 185, № 11.

**) Моск. Арх. М. Ю., Метр., Лит., Нов. кн. 53, л. 125—214; 54, л. 73, 75, 55, л. 33. 36. 38. 40, 87.—Краковск. Муз, Чарт. 320 л. 147, 149, 151, 53, 155, 164.

Канцлеры польскій и литовскій, т. е. Замойскій и Сапѣга, оба были на сторонѣ этого благоразумнаго мнѣнія. Впрочемъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, каждый изъ нихъ подходилъ къ нему съ особой стороны. Лучшіе полководцы Польши, какъ Жолкѣвскій и Ходкевичъ, государственные дѣятели, какъ Гославицкій, епископъ Познанскій, также примыкали къ этому взгляду. Потулицкій высказался въ этомъ смыслѣ въ своемъ письмѣ съ полнѣйшей искренностью. Епископъ Плоцкій,—Барановскій, ознакомившись съ донесеніемъ Вишневецкаго, далъ полную волю своему скептицизму. „Этотъ *князикъ* московскій" — писалъ онъ королю 6 марта 1604 года,—„положительно внушаетъ мнѣ подозрѣнія. Имѣются кое-какія данныя въ его біографіи, которыя не заслуживаютъ, очевидно, вѣры. Какъ это мать не узнала тѣла собственнаго сына? Какъ и почему, по внушенію царя, могли убить тридцать другихъ дѣтей? Наконецъ, какимъ это образомъ могъ монахъ, никогда не видавшій Димитрія, признать въ немъ царевича по одной его внѣшности?" Епископъ не придавалъ никакого значенія свидѣтельству шпіоновъ и Ливонца. Онъ ссылался на Валашскихъ авантюристовъ и на Лже-Себастіана португальскаго, и серьезно предостерегалъ короля, приводя латинскій текстъ изъ писанія: Qui cito credit,—говорилъ онъ,—leris est corde. Ему казалось совершенно необходимымъ, чтобы сенаторы, пользовавшіеся репутаціей вѣрности и осмотрительности, подвергли Димитрія „тщательному и искусному" опросу. Съ этой цѣлью онъ прилагалъ къ своему письму рядъ подробныхъ пунктовъ. Его недовѣріе простиралось еще дальше: для того чтобы Димитрій не могъ убѣжать къ казакамъ, онъ предлагалъ установить за нимъ бдительный надзоръ. Будучи безусловнымъ приверженцемъ мира, Барановскій заключалъ такимъ образомъ: даже въ томъ случаѣ, если исторія претендента представляетъ собою сущую правду, лучше держаться отъ него подальше. Зачѣмъ подвергать себя опасности дорого стоящей войны? Рѣчь Посполитая собираетъ

мало налоговъ, а ей предстоитъ рѣшить въ Швеціи и Пруссіи слишкомъ много неотложныхъ вопросовъ.

Но не всѣ сенаторы обладали подобной широтою взгляда и столь щепетильной совѣстью. Ихъ ослѣпляла возможность успѣха, казавшагося имъ вѣрнымъ и легко достижимымъ. Они по-своему понимали вѣрность договорамъ. Краковскій воевода, Николай Зебжидоскій, былъ самымъ ярымъ противникомъ мнѣнія, стоявшаго за полное невмѣшательство *).

По его словамъ, претендентъ является настоящимъ сыномъ Ивана IV. А если-бы онъ и не былъ таковымъ—все-же есть законное основаніе считать его за сына Грознаго. Кромѣ того,—говорилъ воевода,—„было-бы слишкомъ жаль упускать такой прекрасный случай. Надо имъ воспользоваться". Его мало стѣсняло перемиріе съ Борисомъ Годуновымъ: въ его глазахъ оно не имѣло никакой силы. Съ одной стороны—Димитрій единственный законный царь, а, съ другой —перемиріе и не будетъ нарушено; король не пошлетъ своихъ войскъ, онъ только предоставитъ другимъ поле дѣйствія. Покончивъ такимъ образомъ съ офиціальной стороною этого вопроса, воевода предлагалъ различные планы кампаніи. Онъ предлагалъ королю свои услуги для устройства въ Ливоніи диверсіи съ тремя тысячами конницы, причемъ одну треть ея брался поставить и содержать на свой счетъ. Онъ готовъ былъ пойти и дальше. Очевидно, ему хотѣлось ковать желѣзо, пока горячо.

Намъ кажется, что никто не превзошелъ краковскаго воеводы въ маккіавеллизмѣ; можетъ быть, даже никто и не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Правда, другіе сенаторы, во главѣ съ Яномъ Тарновскимъ, Гнезенскимъ епископомъ, также не являлись противниками предпріятія Димитрія: но они подходили къ вопросу съ иной стороны

*) Писемъ Зебжидоскаго нѣтъ, мы узнаемъ его мнѣніе изъ депешъ Рангони.—Ватиканск архивъ, Докум. Боргезе, III, 90, b- f. 62, 87, 141.—„Rome et Demetrius", p. 178. № 6.

и не давали такихъ опредѣленныхъ совѣтовъ. Прибытіе „царевича“ въ Польшу имъ казалось чѣмъ-то провиденціальнымъ. Они смутно предугадывали, что это событіе можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія. Поэтому они предлагали отнестись къ Димитрію, какъ къ истинному сыну Ивана IV. Имъ можно воспользоваться для устраненія Годунова. Но необходимо продолжать разслѣдованія о его происхожденіи. Далѣе они рекомендовали два совершенно различныхъ плана дѣйствій сообразно съ тѣмъ, окажется ли Димитрій настоящимъ царевичемъ или самозванцемъ. У Яна Остророга было свое особое мнѣніе на этотъ счетъ: онъ предлагалъ назначить ему содержаніе и отправить въ Римъ, къ папѣ.

Во всякомъ случаѣ, большинство сенаторовъ высказывали свое мнѣніе съ большою горячностью. Съ этимъ слѣдовало серьезно считаться: сановники не прочь были отъ формальнаго обсужденія вопроса; окончательное-же рѣшеніе его они совершенно опредѣленно возлагали на Сеймъ, т.-е. на народное представительство. Но и въ этомъ случаѣ, по той или иной формулировкѣ мнѣній, мы можемъ судить и о политическомъ настроеніи сенаторовъ. Пусгай, говорили одни, дѣло идетъ обычнымъ путемъ. Другіе-же, какъ бы не довѣряя королю, настойчиво требовали соблюденія *законнаго* порядка. Такъ какъ Сеймъ былъ распущенъ, то они просили немедленнаго созыва всѣхъ польскихъ и литовскихъ сенаторовъ на чрезвычайную сессію: ихъ какъ бы тревожило тайное предчувствіе серьезныхъ осложненій, которыя могли возникнуть.

Сенаторскія письма пришли въ Вавельскій замокъ въ первой половинѣ марта. Рѣзкія или уступчивыя, они ничуть не помогли королю разобраться въ сущности вопроса. Но эта корреспонденція оказалась чрезвычайно выгодной для Димитрія. Его имя облетѣло всю Польшу; всюду разсказывалась его исторія; права его на царство подвергались самому серьезному обсужденію. Общественный интересъ къ

Димитрію былъ возбужденъ до крайней степени, когда онъ прибылъ въ столицу съ двумя своими спутниками. Димитрій не обманулъ всеобщихъ ожиданій. Внѣшность говорила въ его пользу; онъ держался смѣло и самоувѣренно. Покровители „царевича“ окружили его извѣстнымъ блескомъ, предоставивъ ему роскошное помѣщеніе въ домѣ Мнишка и приставивъ къ нему свиту человѣкъ въ тридцать. Находившіеся при немъ русскіе люди клялись, что онъ ихъ царь, а изъ Москвы получались ободряющія письма. Иванъ Порошинъ привелъ изъ глубины Россіи новыхъ ополченцевъ, а донскіе казаки отрядили къ „царевичу“ двухъ атамановъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Магнаты гостепріимно открыли ему свои двери; при появленіи его на улицѣ толпа тѣснилась на его пути...

Въ Краковѣ общественное мнѣніе было почти всецѣло на его сторонѣ. Мнишекъ нашелъ, что наступило время дѣйствовать. Около 13 марта онъ устраиваетъ парадный банкетъ. Приглашенными являются его коллеги-сенаторы и придворная знать; онъ упрашиваетъ и нунція быть въ числѣ гостей. Димитрій являлся героемъ этого празднества; но онъ намѣренно подчеркивалъ свое инкогнито—можетъ быть, въ виду скептицизма нѣкоторыхъ сенаторовъ. Рангони пришлось быть въ одной залѣ съ нимъ, хотя и за другимъ столомъ. Это дало возможность итальянскому дипломату свободно наблюдать за таинственнымъ претендентомъ. Вотъ, какъ онъ излагаетъ свои первыя впечатлѣнія отъ него: „Димитрій, пишетъ онъ, имѣетъ видъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка; онъ смуглъ лицомъ, и очень большое пятно замѣтно у него на носу, вроспь съ правымъ глазомъ; его тонкія и бѣлыя руки указываютъ на благородство происхожденія; его разговоръ смѣлъ; въ его походкѣ и манерахъ есть, дѣйствительно, нѣчто величественное“. Впослѣдствіи, когда нунцій ближе узналъ Димитрія, онъ прибавляетъ слѣдующія подробности: „Димитрію на видъ около двадцати четырехъ лѣтъ. Онъ безбо-

родъ, обладаетъ чрезвычайно живымъ умомъ, очень краснорѣчивъ; у него сдержанныя манеры, онъ склоненъ къ изученію литературы, необыкновенно скроменъ и скрытенъ". Большинство современниковъ, хотя впрочемъ довольно неопредѣленно, указываютъ на эти же внѣшнія его черты *).

Вскорѣ послѣ банкета, 15 марта, Дмитрій былъ принятъ королемъ въ частной аудіенціи. Четыре сановника находились при монархѣ. Никогда еще Вавельскій замокъ не былъ свидѣтелемъ такой странной сцены: сомнительный Рюриковичъ прибѣгалъ къ помощи потомка Вазы. Польскій король намѣревался вернуть Москвѣ ея настоящаго, но не признаннаго царя. Димитрій явился съ приготовленною заранѣе рѣчью; для вступленія къ ней онъ воспользовался легендой Геродота. Нѣкогда сыну Креза вернулась способность рѣчи: это случилось при взятіи Сардъ, когда онъ увидѣлъ что персъ грозитъ жизни его отца. Страшное напряженіе дало ему силу произнести слѣдующія слова: „Воинъ, не убивай Лидійскаго царя". Димитрій не нашелъ ничего лучшаго, какъ сравнить себя съ царевичемъ, къ которому такимъ чудеснымъ образомъ вернулось слово. И онъ, нѣмой поневолѣ, долго хранилъ молчаніе. Но онъ видитъ несчастія своей страны и страданія своего народа; онъ видитъ поруганный тронъ и дерзко похищенную корону,— и къ нему возвращается голосъ, чтобы взывать о помощи передъ королемъ Польши. Онъ проситъ его великодушнаго заступничества. Имъ пользовались и другіе: это вошло въ традиціи Польши. Затѣмъ шелъ наборъ громкихъ или благочестивыхъ словъ. Димитрій говорилъ о вѣчной признательности и объ упованіи на Господа, о великой важности его дѣла для Рѣчи Посполитой и о пользѣ всего христіанскаго міра. Эти отдаленные намеки были прекрасно поняты;

*) Ватиканск. Архивы, Отд. Борзе III, 90, b, j, 62 v. 73, 87.—Rome et Demetrius p. 178, № 6; p 180, № 7. *Тургеневъ*, Прим. стр. 411. — См. Приб. № 1.—*Ровинскій*, т. Кол. 67, 19.

но не настало еще время высказаться болѣе опредѣленно. Поэтому вице-канцлеръ Тылицкій, говорившій отъ имени короля, и не пошелъ дальше общихъ мѣстъ и условныхъ формулъ.

Несмотря на свою видимую незначительность, аудіенція 15-го марта явилась въ карьерѣ Димитрія важнымъ моментомъ. Здѣсь король опредѣлилъ свое дальнѣйшее отношеніе къ Самозванцу. Политика, которой сталъ слѣдовать Сигизмундъ, была крайне двулична, неустойчива, неискренна, и лишена всякаго благородства. Офиціально, передъ лицомъ націи, король старался выказать себя неусыпнымъ стражемъ интересовъ государства и честнымъ блюстителемъ мира съ Москвою. Также онъ держался и по отношенію къ Борису Годунову; онъ увѣрялъ его, что ни на одну іоту не будетъ нарушенъ договоръ съ Сапѣгою. Но за кулисами дѣло шло инымъ путемъ. Король милостиво относился къ Димитрію, заклятому врагу Годунова, мечтавшему о войнѣ съ Борисомъ. Послѣ аудіенціи „царевичъ“ былъ осыпанъ подарками въ видѣ драгоцѣнныхъ тканей и звонкой монеты. Онъ получилъ золотую цѣпь съ портретомъ короля; ему было назначено содержаніе въ четыре тысячи флориновъ изъ Самборской казны; часть его расходовъ во время пребыванія въ Краковѣ Сигизмундъ бралъ на себя. Депеши Рангони настойчиво и неоднократно указываютъ на превосходное отношеніе къ Димитрію со стороны короля. Скоро мы услышимъ, какъ самъ Сигизмундъ будетъ говорить о своемъ благоволеніи и милостяхъ къ „царевичу“. Можетъ быть подъ личиной подобной политики Сигизмундъ надѣялся избѣгнуть всякихъ нареканій и угодить всѣмъ. Сомнительное происхожденіе Димитрія, казалось, оправдывало полумѣры и компромиссы короля. На самомъ же дѣлѣ, Сигизмундъ бралъ на себя передъ лицомъ націи и исторіи весьма тяжелую личную отвѣтственность. Сенаторы высказали ему свое мнѣніе; онъ не сталъ съ нимъ считаться. Онъ не только не торопился съ созваніемъ

Сеймa, но вступилъ съ Димитріемъ въ тайныя сношенія. Нечего и говорить, что съ этой стороны дѣло шло прекрасно. Здѣсь нельзя было ожидать ни малѣйшихъ треній, такъ какъ обѣщанія Димитрія далеко превосходили требовательность короля. Несмотря на окружавшую эти сношенія таинственность, Рангони удалось познакомиться съ условіями взаимнаго соглашенія сторонъ. Для Димитрія они были довольно тяжелы. Немедленно по утвержденіи своемъ на престолѣ, онъ обязывался доставить королю средства для борьбы со Швеціей; въ случаѣ необходимости, онъ самъ встанетъ во главѣ войска и лично отправится въ Стокгольмъ творить судъ и расправу. Кромѣ того, онъ обѣщалъ не уступить, а вернуть Литвѣ Сѣверную землю, какъ часть ея національныхъ владѣній. Этотъ возвратъ произойдетъ безъ всякихъ осложненій, по-дружески, такъ какъ Москва и Польша заключатъ вѣчный миръ. Такимъ образомъ, Сигизмундъ пріобрѣталъ союзника и получалъ область, не истративъ ни одной копейки и ни одного заряда. Каковы же были, однако, желанія самого Димитрія? Онъ хотѣлъ, чтобы къ нему прикомандированъ былъ сенаторъ; однако, пусть предоставятъ ему самому свободу дѣйствій и сквозь пальцы смотрятъ на его приготовленія: а онъ уже самъ столкуется съ казаками, да и польскіе добровольцы откликнутся на его призывъ. До смѣшного неравномѣрный договоръ этотъ былъ уже, отчасти, приведенъ въ исполненіе. Димитрію были всячески облегчены приготовленія къ кампаніи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что его наивныя обѣщанія были положены въ основу дипломатическихъ наказовъ.

Нельзя отрицать, что политика короля имѣла въ виду, прежде всего, утилитарную цѣль. Чтобы не уклониться отъ нея, Сигизмундъ сталъ въ оппозицію къ большинству своего совѣта. Но не было ли за нимъ кого-нибудь, кто поддерживалъ бы его въ подобной рѣшимости? При дворѣ не было недостатка въ тайныхъ вліяніяхъ. Увѣряли, что Сигизмундъ подчиняется іезуитамъ. Одинъ изъ нихъ, о. Барчъ, состоялъ

его духовникомъ. Это былъ человѣкъ опытный и самоотверженный; онъ умеръ потомъ, въ 1609 г., ухаживая за больными при осадѣ Смоленска. Во всякомъ случаѣ, если на короля и направлялось какое-либо постороннее вліяніе, то оно не оставило никакихъ документальныхъ слѣдовъ; судить о немъ мы можемъ лишь исходя изъ соображеній нравственнаго свойства. Но было нѣчто другое, чего Сигизмундъ никогда не упускалъ изъ виду. Это также касалось московскихъ дѣлъ,—и съ нимъ очень приходилось считаться. Димитрій не скрывалъ своихъ симпатій къ католицизму. Онъ являлся такимъ податливымъ, что можно было надѣяться на все... Царь католикъ на московскомъ тронѣ—какая чреватая надеждами будущность И, вотъ, во время своего пребыванія въ Краковѣ, прежній послѣдователь Арія, превращался въ неофита римской церкви.

II.

Отреченіе Димитрія отъ вѣры какъ бы носилось въ окружавшей его атмосферѣ. Среди поляковъ православный не могъ чувствовать себя вполнѣ хорошо. Было нѣчто, мѣшавшее Димитрію окончательно слиться съ этой средою. При наличности такой помѣхи было очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, дѣйствовать съ нею сообща. Эта сторона вопроса не ускользнула отъ покровителей Димитрія, конечно, они вполнѣ понимали всю ея важность.

Лишь только Димитрій успѣлъ прибыть въ Краковъ, какъ Мацѣіовскій, епископъ краковскій, приходившійся двоюроднымъ братомъ Мнишку и пользовавшійся немалымъ вліяніемъ, вручилъ „царевичу“ книгу о соединеніи церквей. Но этотъ робкій шагъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Рангони говоритъ, что главная роль въ начатомъ дѣлѣ выпала на долю Николая Зебжидовскаго: ему удалось быстро довести его до конца. Краковскій воевода, котораго мы скоро увидимъ въ роли главы „рокоша“, былъ человѣкъ безпокойный. Но у него были твердая рука, вѣрный глазъ и опредѣленныя убѣжденія. Онъ хотѣлъ сдѣлать „царевича„ политическимъ орудіемъ Польши, не слишкомъ вникая въ его происхожденіе. Но для этого было необходимо какъ можно тѣснѣе связать его съ поляками. Мнишекъ былъ того же мнѣнія; поэтому оба воеводы соединили свои усилія.

Со своей стороны, Димитрій оказывался весьма податливымъ. Ему какъ будто хотѣлось, чтобы скорѣе воспользовались его уступчивостью. Онъ продолжалъ придерживаться прежней своей системы, которая сослужила ему такую службу въ Самборѣ. Онъ то обнаруживалъ скромность, то, напротивъ, дѣйствовалъ демонстративно. Въ порывѣ благочестія онъ далъ обѣтъ отправиться пѣшкомъ, какъ подобаетъ истому паломнику, въ Ченстохово, на поклоненіе знаменитѣйшей польской святынѣ. Пришлось употребить мягкое насиліе, чтобы заставить его отказаться отъ этого компрометирующаго шага. Но онъ продолжалъ выражать чувства преданности и восхищенія передъ латинствомъ. Онъ собирался воздвигнуть въ Москвѣ католическіе храмы. Онъ благоговѣлъ передъ папою, смирялся передъ нунціемъ, съ которымъ мечталъ увидѣться. Ничто изъ этого не ускользало отъ краковскаго воеводы, зорко наблюдавшаго за новообращеннымъ. Видя благія намѣренія Димитрія, онъ счелъ своей обязанностью просвѣтить и наставить его: для этого нужно было свести „царевича“ съ папскимъ нунціемъ. Безъ дальнѣйшихъ промедленій, назначили первое свиданіе на 19 марта.

До этихъ поръ Рангони сохранялъ полнѣйшій нейтралитетъ. Онъ не высказывался въ пользу Димитрія; но за то не осуждалъ и его противниковъ. При дворѣ онъ говорилъ съ такою сдержанностью, что ни та, ни другая сторона не могла ни быть на него въ претензіи, ни опереться на его авторитетъ. Но, все же, его римскія депеши указываютъ, что онъ склоненъ былъ поддаться оптимизму. Это становится особенно яснымъ послѣ свиданія 19 марта. Очевидно, Димитрій сумѣлъ склонить нунція на свою сторону. Онъ очень кстати коснулся высокихъ матерій: изъ его рѣчи можно было вывести больше того, что она въ себѣ заключала. Въ смыслѣ самой утонченной любезности, его обращеніе не оставляло желать ничего. Даже столь строгій судья, какъ римскій дипломатъ, оставался доволенъ. Царевичъ пазы-

валъ Папу „великимъ отцомъ, вселенскимъ пастыремъ, защитникомъ угнетенныхъ". Димитрій еще разъ повторилъ свою исторію, называя себя бѣднымъ бѣглецомъ, отверженнымъ и гонимымъ. Да поможетъ ему Папа молитвою передъ Богомъ и сильнымъ своимъ заступничествомъ передъ королемъ. Онъ кончилъ свою рѣчь такими словами: „Польша не будетъ въ убыткѣ, если вернетъ мнѣ отцовскій престолъ. Мое воцареніе будетъ сигналомъ для крестоваго похода противъ турокъ". Вотъ, поистинѣ, парѳянская стрѣла, хотя и довольно безобиднаго свойства!.. Однако, Рангони былъ сраженъ ею: онъ счелъ эти слова за программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ самъ охотно бы ее принялъ; но пока онъ предпочелъ дать неопредѣленный и уклончивый отвѣтъ.

Въ тотъ же день, въ пятницу, Димитрій, очень довольный своимъ разговоромъ съ нунціемъ, подвергся испытанію еще другого рода. Дѣло было какъ разъ постомъ. Вѣрующіе переполняли церкви. Раздавались великопостныя проповѣди. Не отставая отъ другихъ, „царевичъ" слушалъ поученія у бернардинцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ одной ораторіи его ожидало потрясающее зрѣлище. Царевича ввели туда какъ разъ въ тотъ моментъ, когда братія съ воплями предавалась самобичеванію. Аскетическаго вида монахъ взошелъ на каѳедру и бросилъ въ аудиторію нѣсколько зажигательныхъ словъ... По условному знаку потухли огни; присутствующіе вооружились бичами, обнажили свои плечи и, подъ раздирающіе звуки Miserere, стали наносить себѣ жестокіе удары. За этимъ символомъ страшнаго суда послѣдовало изображеніе тріумфа: раздался радостный гимнъ, зазвучала нѣжная музыка; засіяло множество огней и двинулась процессія со святыми дарами. Народу было больше обыкновеннаго: всѣ знали, что будетъ Димитрій. Всѣмъ хотѣлось его видѣть. Между бичующимися онъ выдавался своимъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ: онъ держалъ себя безукоризненно. Затѣмъ, со свѣ

чею въ рукахъ, онъ присоединился къ процессіи. Онъ склонился до земли, принимая благословеніе. Присутствующіе были тронуты его набожностью.

Теперь можно было подойти прямо къ религіозному вопросу. Повидимому, только этого и хотѣли Мнишекъ и Зебжидовскій. Зерно было брошено; оставалось собрать жатву. Для этого іезуиты входятъ или, вѣрнѣе, вводятся въ сношенія съ Димитріемъ. Конечно, отъ нихъ не укрылось его появленіе. Можетъ быть, они знали о немъ даже больше другихъ отъ своихъ друзей, воеводъ. Но до сей поры они играли роль простыхъ зрителей, не принимая никакого участія въ дѣлѣ. Нунцій Рангони приписываетъ себѣ инициативу этого сближенія. По словамъ Вѣлевицкаго, посредникомъ явился самборскій ксендзъ. Бернардинцами кишѣлъ Краковъ. Зачѣмъ было отстранять ихъ? Зачѣмъ обращаться къ іезуитамъ? Можетъ быть, ихъ имя связывали съ карьерой Димитрія потому, что они пользовались милостью двора и вліяніемъ въ извѣстныхъ сферахъ.

Какъ бы то ни было, первый іезуитъ явился къ царевичу лишь 31 марта 1604 года. Это былъ о. Савицкій, знаменитый богословъ, модный духовникъ, человѣкъ свѣтскій; въ то время онъ былъ настоятелемъ монастыря Св. Варвары. Несомнѣнно, онъ явился, чтобы говорить о перемѣнѣ вѣры; Димитрій не могъ не знать этого. Но оба чувствовали себя стѣсненными, и разговоръ ограничился простыми учтивостями. При слѣдующемъ свиданіи Савицкій заикнулся о раздѣленіи церквей. Только этого и нужно было царевичу. Его обуревали сомнѣнія; душевный міръ его былъ нарушенъ. Онъ желалъ выяснить себѣ окончательно эти насущные вопросы; и съ согласія краковскаго воеводы сговорились назначить для этого спеціальную конференцію. Она должна была остаться тайной, чтобы не возбудить подозрѣній москвичей, окружавшихъ Димитрія и неусыпно за нимъ слѣдившихъ. Зебжидовскому устроить это было нетрудно. 7-го апрѣля Димитрій отправился къ нему. По мѣстному обычаю,

онъ оставилъ своихъ спутниковъ за дверью и одинъ вошелъ въ кабинетъ хозяина. Тамъ уже ждали его два іезуита, Савицкій и Гродзицкій. Они проникли въ домъ потайнымъ ходомъ. Воевода, вѣрный до конца своей роли иниціатора, обратился къ царевичу съ совѣтами. Пусть онъ говоритъ смѣло и лучше взвѣшиваетъ отвѣты собесѣдниковъ. Никто не посягнетъ на свободу его мыслей. Всего лучше, если сомнѣнія будутъ окончательно разсѣяны.

Димитрій поблагодарилъ въ краткихъ словахъ и немедленно приступилъ къ дѣлу. Повидимому, въ Краковѣ онъ былъ экспансивнѣе, нежели въ Самборѣ и сумѣлъ лучше использовать свое положеніе. Его мысли не разъ обращались къ вопросамъ вѣры. Онъ обладалъ нѣкоторыми догматическими познаніями. Къ удивленію іезуитовъ, онъ былъ освѣдомленъ о заблужденіяхъ аріанъ. Но въ глубинѣ души онъ оставался русскимъ и православнымъ, и его предразсудки носили отпечатокъ монастырскаго происхожденія. Подобные взгляды могли быть только у грамотеевъ, а внѣ монастырей грамотеевъ на Руси не существовало. Впрочемъ, Димитрій выказалъ рѣдкую деликатность въ выборѣ своихъ возраженій. Обыкновенно, въ чемъ только не упрекали поганыхъ латинянъ! Имъ вмѣнялись въ преступленіе и бритье бороды, и постъ по пятницамъ; каждое нарушеніе обычая считалось страшной ересью. Самъ Иванъ IV, несмотря на свой тонкій умъ, не сталъ выше этого. Чтобы смутить своего противника, Антонія Поссевина, онъ прибѣгалъ къ самымъ нелѣпымъ аргументамъ. Димитрій не пошелъ по этому пути: не останавливаясь на всякомъ вздорѣ, онъ прямо приступилъ къ серьезнымъ вопросамъ. Первое мѣсто было отведено Filioque; царевичъ пожелалъ познакомиться съ римскимъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа. Затѣмъ, перешли къ причастію подъ однимъ видомъ. Эта форма церковнаго благочинія, вытекающая изъ собственной латинской литургіи, всегда казалась недопустимой на православномъ Востокѣ. Но самый главный пунктъ—первосвященство Папы

и его право верховной юрисдикціи—былъ выдвинутъ уже въ концѣ бесѣды и подвергся долгому обсужденію. Никто не подумалъ записать подробности этого диспута. А, между тѣмъ, какой свѣтъ это могло бы бросить на духовный обликъ Димитрія! Оба іезуита отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и сдержанномъ. Онъ ясно выражалъ свои мысли и дѣлалъ энергичные выпады. Онъ безъ ложнаго стыда признавалъ себя побѣжденнымъ или хранилъ сосредоточенное молчаніе. Уходя, собесѣдники ему оставили двѣ книги—трактатъ о Папѣ и руководство къ преніямъ о Восточной вѣрѣ. Димитрій самъ попросилъ возобновленія этого диспута. Онъ не скрывалъ своего предпочтенія къ о. Савицкому. Опредѣленные отвѣты и ясныя построенія прежняго профессора богословія правились ему больше, чѣмъ ученыя разсужденія Гродзицкаго.

Нетрудно было предвидѣть, каковъ долженъ быть результатъ этихъ преній. Мнѣніе неофита было составлено заранѣе, и онъ самъ не скрывалъ этого въ минуты откровенности. Каждое воскресенье онъ инкогнито отправлялся въ часовню Вавельскаго замка, гдѣ послѣ обѣдни можно было встрѣтить всю дипломатію и высшій свѣтъ. Такимъ образомъ, ему представлялся прекрасный случай для бесѣдъ съ нунціемъ—безъ опасенія, что это бросится въ глаза москвичамъ. Димитрій искалъ сближенія съ Рангони, пускался въ откровенности... Какъ онъ умѣлъ заставить себя слушать, какъ искусно задѣвалъ самыя чувствительныя струны, какимъ казался уступчивымъ! Уже 4 апрѣля, т.-е. за три дня до перваго диспута съ іезуитами, онъ спрашиваетъ у Рангони совѣта относительно говѣнія на Пасхѣ. Подобное усердіе начинало казаться подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что къ благочестію всегда примѣшивалась политика, и соединеніе церквей было мыслимо только при участіи государства. Однако, нунцій выказалъ большую снисходительность и, ловко отстраняясь отъ оконча-

тельнаго рѣшенія, предоставилъ іезуитамъ разбираться въ тонкихъ вопросахъ совѣсти. Намекъ былъ ясенъ.

Прeнія, начавшіяся 7 апрѣля, были продолжены 15-го въ монастырѣ бернардинцевъ; окончились они чрезвычайно скоро. Димитрій любезно призналъ себя побѣжденнымъ и, въ виду приближающаго праздника Пасхи, выразилъ желаніе вкусить причастія по обряду католической церкви. Такимъ образомъ, отреченіе его отъ православія въ принципѣ было рѣшено. Подробности были разработаны въ собраніи 16-го апрѣля. Здѣсь присутствовали о. Петръ Скарга, польскій Бурдалу, и о. Барчъ, духовникъ короля. Эти имена указываютъ съ достаточной ясностью на ту важность, которая придавалась событію. Въ сущности, представлялось только одно затрудненіе,—какимъ бы образомъ сохранить въ тайнѣ, что царевичъ готовится принять католичество? Онъ чувствовалъ самъ и не стѣснялся говорить открыто, что русскіе никогда не простятъ ему вѣроотступничества. Поэтому, было очень важно, чтобы ничто не открылось раньше времени. Изобрѣтательность краковскаго воеводы не остановилась передъ этимъ. Вотъ, что онъ придумалъ.

Страстная недѣля погрузила городъ въ благочестіе и въ дѣла благотворенія. Братья милосердія, въ черныхъ рясахъ и закрывъ лицо капюшономъ, подобно призракамъ, скользили по улицамъ, собирая по домамъ милостыню для бѣдныхъ. Члены этого братства, основаннаго Петромъ Скаргою по итальянскому образцу, принадлежали къ самымъ высшимъ слоямъ общества. Воевода принадлежалъ къ нему самъ. Отправляясь на сборъ милостыни, онъ предложилъ царевичу итти съ нимъ. Ихъ костюмъ оградитъ ихъ отъ навязчивости любопытства, и ничто не будетъ стѣснять ихъ свободы. Эта оригинальная идея была приведена въ исполненіе въ страстную субботу, 17-го апрѣля.

Воевода съ царевичемъ протягивали къ встрѣчнымъ людямъ руки за подаяніемъ; они заходили за милостыней и въ королевскій замокъ, и въ палаты нунція. Затѣмъ окольнымъ путемъ они добрались до храма Св. Варвары и прямо направились къ о. Савицкому *). Димитрій избралъ себѣ въ духовники именно его. Іезуитъ былъ предупрежденъ заранѣе и въ полной готовности ожидалъ кающагося. Миссія воеводы была кончена. Онъ удалился на церковныя хоры, и претендентъ остался одинъ со священникомъ. Наступала минута послѣдняго испытанія. Сцена, которая разыгралась въ глубинѣ іезуитской исповѣдальни, заслуживаетъ особаго вниманія. Димитрію предстояло открыть свою душу, похоронить свое прошлое подъ тайной исповѣди; однако, съ него не спадала отвѣтственность за ту роль, которую онъ взялъ на себя: если онъ присвоилъ себѣ ложное имя—онъ величайшій преступникъ, недостойный ни жалости, ни прощенія. Савицкому были извѣстны слухи, ходившіе на этотъ счетъ по городу. Раньше, чѣмъ приступить къ исповѣди, онъ пожелалъ разсѣять свои сомнѣнія. Когда кающійся объявилъ, что онъ готовъ къ исповѣди, іезуитъ попросилъ его сосредоточиться на нѣсколько мгновеній и терпѣливо выслушать слово духовнаго отца. Начавъ съ осторожныхъ похвалъ, онъ затѣмъ подошелъ прямо къ цѣли: онъ заявилъ, что полнѣйшая откровенность есть первая, главная и незабываемая обязанность исповѣдника. Лишь при этомъ условіи возможно разсчитывать на помощь Промысла, а оставленный Господомъ погибнетъ. Димитрій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не разгадать намѣреній іезуита. Ему былъ нанесенъ сильный и безпощадный ударъ. Стрѣла попала въ цѣль; ударъ всколыхнулъ самую глубину его души. Онъ на мгновеніе сму-

*) Церковь Св. Варвары состояла при старинной іезуитской обители, которая въ настоящее время значится подъ № 7 на Маріацкой площади. Мы воспроизводимъ отреченіе Димитрія по разсказамъ Рангони и Вѣлевицкаго, ссылаясь на упомянутыя депеши и др. документы.

тился—suspensus animo aliquantum mansit, какъ повѣствуетъ Вѣлевицкій,—но, тотчасъ же овладѣвъ собою и ссылаясь на чудесное покровительство неба, засвидѣтельствовалъ передъ лицомъ Бога и людей свою полную искренность. Савицкій былъ обезоруженъ. Онъ принялъ отреченіе Димитрія отъ православія и приступилъ къ исповѣди, тайна которой открыта только Богу.

На другой день, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, церкви были переполнены молящимися; но новообращенный царевичъ не могъ присоединиться къ нимъ. Онъ охотно присутствовалъ бы при богослуженіи; однако необходимо было соблюдать осторожность. Время этого невольнаго уединенія было посвящено, при содѣйствіи о. Савицкаго, составленію письма къ папѣ Клименту VIII *). Оно помѣчено 24 апрѣля 1604 г., хотя написано шестью днями раньше. Оно долго хранилось въ архивахъ инквизиціи, и только недавно увидѣло свѣтъ. Это—драгоцѣнный памятникъ, полный воспоминаній, богатый данными.

Припомнимъ, насколько скептически отнесся папа къ первымъ вѣстямъ о появленіи московскаго царевича. Примѣръ Себастьяна Португальскаго заставлялъ въ то время всѣхъ смотрѣть съ большою осторожностью на сомнительные титулы. Оптимистическія депеши Рангони могли нѣсколько смягчить это переубѣжденіе и ослабить недовѣріе папы. Но Риму не зачѣмъ было высказываться опредѣленно, и онъ предоставилъ Димитрія самому себѣ. И вотъ „самая жалкая изъ овецъ“, „покорнѣйшій изъ слугъ Его Святѣйшества“ самъ вступаетъ въ переписку съ Римомъ и очень ловко примѣшиваетъ къ изліяніямъ благочестивыхъ чувствъ политическіе планы. „Я размышлялъ о душѣ моей,—пишетъ онъ папѣ,—и свѣтъ озарилъ меня“. Онъ понялъ все, все взвѣсилъ—и заблужденія грековъ, и опасности уклоненія отъ

*) Фототипическое воспроизведеніе этого письма см. въ Lettre de Dmitri dit le Faux à Clement VIII.

правды, и величіе истинной Церкви, и чистоту ея ученія. Рѣшеніе его непоколебимо. Пріобщившись къ римско-католической Церкви, онъ обрѣлъ царство небесное,—оно еще прекраснѣе того, которое похитили у него такъ несправедливо. Теперь нѣтъ жертвы, которая была бы ему не по силамъ. Онъ преклоняется передъ Промысломъ Господнимъ, онъ откажется, если это нужно, отъ вѣнца своихъ предковъ.

Но царевичъ отступалъ, такъ сказать, только для разбѣга. Онъ вдругъ расправляетъ крылья. Его дѣло не проиграно, все можетъ пойти хорошо, и онъ побѣдитъ. Вотъ когда понадобится помощь папы, и помощь эта не пропадетъ даромъ. „Отче всѣхъ овецъ Христовыхъ“, пишетъ онъ, „Господь Богъ можетъ воспользоваться мной, недостойнымъ, чтобы прославить имя Свое черезъ обращеніе заблудшихъ душъ и черезъ присоединеніе къ Церкви Своей великихъ націй. Кто знаетъ, съ какою цѣлью Онъ уберегъ меня, обратилъ мои взоры на Церковь Свою и пріобщилъ меня къ ней? Лобызая стопы Вашего Святѣйшества, какъ бы я лобызалъ стопы самого Христа, склоняюсь передъ Вами смиренно и глубоко и исповѣдую передъ Вашимъ Святѣйшествомъ, верховнымъ Пастыремъ и Отцомъ всѣхъ христіанъ, мое послушаніе и покорность“.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе деликатные намеки и болѣе тактичное обращеніе къ помощи папы. Димитрій зналъ, что Климентъ VIII не оттолкнетъ новообращеннаго, и что, можетъ-быть, его заинтересуетъ судьба „великихъ націй“.

Что касается до Рангони, то онъ уже несся на всѣхъ парусахъ. Когда неофитъ выразилъ желаніе вкусить пасхальное причастіе въ резиденціи нунція, онъ съ восторгомъ согласился и предупредилъ папу, что онъ сообщитъ ему нѣчто „утѣшительное“. Нунція очаровали разговоры въ Вавелѣ. Было произнесено слово, столь ненавидимое въ Россіи, столь чтимое въ Римѣ—соединеніе церквей. Димитрій, какъ

искусный чародѣй, вызывалъ заманчивыя картины будущаго. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ опытный, который серьезно обсудилъ положеніе, ознакомился съ препятствіями, знаетъ, къ какимъ практическимъ средствамъ можно прибѣгнуть. Къ грекамъ онъ относился съ пренебреженіемъ; основательно или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ считалъ ихъ невѣждами, хотя и безобидными. Другое дѣло русскіе! Но онъ сумѣетъ справиться съ ними. Онъ увѣренъ, что удержитъ ихъ въ своихъ рукахъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ конемъ, которымъ ловкій всадникъ управляетъ, какъ хочетъ. Переходя отъ этихъ картинъ къ дѣйствительности, онъ предполагалъ устроить богословскіе споры между русскими епископами и католиками. Конечно, побѣдятъ опытные богословы Запада, а онъ, безпристрастный судія, засвидѣтельствуетъ ихъ побѣду. Такимъ образомъ, побѣжденные сольются съ побѣдителями. Только одно условіе онъ ставилъ для соединенія церквей: онъ требовалъ сохраненія патріаршества въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока турки владѣютъ Константинополемъ, причемъ не исключалась возможность крестоваго похода противъ Ислама. Этотъ іерархическій вопросъ являлся какъ бы вопросомъ чести: очевидно, спорить объ этомъ не приходилось.

Бесѣды съ Димитріемъ распаляли воображеніе итальянца—Рангони. Онъ уже видѣлъ въ мечтахъ своихъ царя простертымъ ницъ передъ папой; онъ представлялъ себѣ великій народъ пріобщеннымъ къ римской вѣрѣ; ему рисовалось посольство, направляющееся изъ Кремля въ Римъ съ выраженіемъ покорности. Не видѣлъ ли онъ и самого себя, въ кардинальскомъ пурпурѣ, излагающимъ своимъ восхищеннымъ собратіямъ gesta Dei московскаго героя?

А пока нунцій всячески ободрялъ Димитрія. Безсмертное имя въ исторіи, неувядаемая слава, всеобщее восхищеніе будутъ удѣломъ московскаго царя-католика. Онъ говорилъ ему и о великолѣпныхъ фрескахъ папскаго дворца, и о подвигахъ Константина или Карла Великаго, увѣковѣчен-

ныхъ кистью знаменитыхъ мастеровъ. Почему не уподобиться этимъ славнымъ монархамъ? Почему не стремиться къ такимъ же почестямъ?

Былъ заранѣе назначенъ день причащенія—24 апрѣля. Димитрій явился къ нунцію подъ предлогомъ прощальнаго визита. Москвичи не подозрѣвали о настоящей цѣли этого посѣщенія. Въ покояхъ нунція, подальше отъ любопытныхъ взглядовъ, былъ воздвигнутъ алтарь. Присутствовали только свои люди: хозяинъ дома съ двумя капелланами, воевода Мнишекъ и о. Савицкій. Царевичъ выразилъ желаніе снова исповѣдаться, прослушалъ обѣдню и причастился Святыхъ Таинъ. Дабы утвердить его къ вѣрѣ и посвятить въ воины Христовы, Рангони помазалъ его муромъ, слегка ударилъ по щекѣ и совершилъ надъ нимъ рукоположеніе *).

Зрѣлище было трогательное. Нунцій торжествовалъ. Неофитъ являлъ всѣ признаки благочестія и сосредоточенности, уподобляясь бѣдной заблудшей овцѣ, вернувшейся въ стадо. Пусть даже Москва не будетъ побѣждена,—Рангони радъ былъ покорить хотя бы эту душу. Разговоръ послѣ обѣдни еще увеличилъ радость обѣихъ сторонъ. Димитрій былъ счастливъ познаніемъ истины, онъ узналъ вселенскаго пастыря, его душа была преисполнена благодарности къ Богу. Онъ упалъ на колѣна передъ Рангони, исповѣдуя свою преданность папѣ и полную покорность святому престолу. И тутъ же, движимый душевнымъ порывомъ, онъ обѣщалъ возстановить согласіе между церквами, крестить магометанъ и язычниковъ, если только онъ достигнетъ престола. Эти слова заключали въ себѣ обѣщаніе; но оно являлось добровольнымъ актомъ, связывало только одну сторону и не давало никакихъ опредѣленныхъ правъ другой. Относительно вѣры между Римомъ и Димитріемъ

---

*) Всѣ эти обряды православная церковь соединяетъ съ крещеніемъ. Спрашивается, зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, было совершено повтореніе таинства?

никогда не было и не могло быть обоюднаго обязательства. Все ограничивалось свободно данными обѣщаніями. Они были приняты съ радостью, и впослѣдствіи о нихъ деликатно напомнили. Но теперь Димитрій былъ преисполненъ жара и дошелъ до паѳоса: онъ призывалъ небо въ свидѣтели своего чистосердечія, проклиналъ расчеты и притворство и, не имѣя возможности,—говорилъ онъ,—облобызать стопы папы, желалъ оказать эту почесть его представителю. Онъ уже наклонялся къ землѣ, и Рангони едва успѣлъ помѣшать ему въ его намѣреніи. Наконецъ, царевичъ подалъ свое письмо къ Клименту VIII, составленное въ Свѣтлое Христово Воскресенье и снабженное переводомъ его на латинскій языкъ, сдѣланнымъ о. Савицкимъ. Оно было написано собственноручно по-польски и носило печать съ изображеніемъ московскаго орла и св. Георгія. Кругомъ русская надпись гласила: „Димитрій Ивановичъ, милостію Божіею Царевичъ". Авторъ посланія приносилъ свои извиненія, ссылаясь на недостатки композиціи и скромно называя свой почеркъ некрасивымъ.

Рангони говоритъ въ своей депешѣ, что онъ выказалъ новообращенному всяческое расположеніе и на память преподнесъ ему золоченый Agnus Dei съ двадцатью пятью венгерскими червонцами. Нунцій не даромъ былъ о Димитріи хорошаго мнѣнія. Этотъ неофитъ обладалъ чуткою совѣстью. Онъ не только желалъ имѣть при себѣ священника; онъ просилъ разрѣшить ему также вкушать скоромное и, когда нужно, пользоваться книгами, запрещенными Index'омъ.

Такая примѣрная покорность была вознаграждена быстрой выдачей просимыхъ разрѣшеній. Другое желаніе царевича было менѣе выполнимо и, на первый взглядъ, даже довольно странно. Мысли Димитрія уносились уже къ Москвѣ; онъ думалъ о своемъ коронованіи въ стѣнахъ Кремля, изучалъ церемоніалъ этого обряда. Вдругъ передъ нимъ встала неразрѣшимая задача: какъ быть съ неизбѣжнымъ пріобщеніемъ Св. Таинъ изъ рукъ православнаго патріарха? Ди-

митрій не хотѣлъ ни нарушить національный обычай, ни признаться въ своемъ отреченіи: во избѣжаніи того и другого, онъ просилъ разрѣшенія Папы. Возникалъ щекотливый принципіальный вопросъ. Рангони предусмотрительно уклонился отъ его рѣшенія, и обѣщалъ снестись съ Римомъ. Но, съ этого дня, онъ больше не сомнѣвался въ искренности Димитрія.

Что же происходило на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ этой души? Внутренняя жизнь царевича была гораздо сложнѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. При встрѣчѣ съ новымъ міромъ онъ попалъ въ сферу сильныхъ вліяній, сразу и всецѣло его захватившихъ. Стоя на колѣняхъ передъ нунціемъ, онъ преклонялся передъ вѣрою Марины, любовь которой была для него такъ дорога, передъ вѣрою своихъ друзей и защитниковъ, поляковъ, передъ вѣрою папы, соединительнаго звена между нимъ и Европой. Было отъ чего потерять голову. Что же оставалось позади? Опровергнутое іезуитами вѣроученіе, ненавистные православные монахи, ничего великаго, ничего утѣшительнаго, ничего, что могло бы привлечь его. Димитрій находился во власти разнородныхъ ощущеній; новый свѣтъ ослѣплялъ его; онъ чувствовалъ трепетаніе истины. Мудрено ли, что онъ инстинктивно пошелъ по новому пути, открывавшемуся передъ нимъ? Его пылкая и увлекающаяся натура была способна къ героическому, но мимолетному усилію; настойчивость была не въ его характерѣ. Въ исторической перспективѣ его искательства передъ нунціемъ и просьбы о политической помощи немедленно послѣ обращенія пріобрѣтаютъ характеръ какой-то недостойной комедіи. Но въ тотъ моментъ поступки царевича не производили подобнаго впечатлѣнія.

Вечеромъ того же дня, 24 апрѣля, Димитрій покинулъ Краковъ навсегда. Но это ничуть не отразилось на его сношеніяхъ съ нунціемъ. Только бесѣды замѣнились письмами. Неофитъ не скупился на изліянія благочестивыхъ чувствъ. Но они служили ему, обыкновенно, только предп-

словіемъ: далѣе слѣдовали уже вполнѣ опредѣленныя просьбы. Нужно было еще побѣдить сопротивленіе Замойскаго и Яна Острожскаго; надобно было побудить короля къ активнымъ дѣйствіямъ. Дѣло затягивалось, а, между тѣмъ, быстрота являлась главнымъ условіемъ успѣха. Это удручало Димитрія. Его московскіе сторонники томились ожиданіемъ, теряли терпѣніе и рисковали быть обнаруженными. Его самого страшила возможность распространенія слуха о его смерти: тогда бы все пропало. Опасался царевичъ и смерти Бориса Годунова, и появленія соперника, и борьбы изъ-за престола, и междоусобной войны *)...

По мнѣнію царевича, было только одно средство привести дѣло къ желанному концу: придвинуться къ границѣ и самому сдѣлать первый шагъ. Но раньше надо было заручиться сочувствіемъ короля и убѣдиться въ томъ, что противники замысловъ Претендента не пойдутъ дальше пассивнаго сопротивленія. Словомъ, все заставляло обращаться къ нунцію и просить его помощи.

На Краковъ можно было расчитывать. Сигизмундъ втайнѣ сочувствовалъ Димитрію. Изъ Вавеля дулъ легкій попутный вѣтерокъ; надо было только, не торопясь, имъ воспользоваться. Гораздо важнѣе было вызвать извѣстное движеніе въ Римѣ; но и это безъ труда выполнилъ Рангони. Письмо Димитрія отъ 24 апрѣля, сопровождаемое успокоительными и хвалебными депешами нунція, совершенно измѣнило мнѣніе о немъ. Оно было передано инквизиціонному суду, разсмотрѣно богословами и признано заслуживающимъ одобренія. Климентъ VIII изъ скептика сталъ легковѣрнымъ. Онъ приказалъ отвѣтить уже не „новому Себастьяну“, а „лю-

---

*) „...Poichè molti suoi adherenti (de Dmitri) potranno esser sbigottiti o fatti morire; et sollevata, et sostenuta qualche falsa voce della sua morte, di modo che quando Boris, moderno possessore, fosse ben levato di mezzo, potria altro esser sorrogato in luogo suo“. 1604, 3 апр. Депеша Рангони. – Ватиканск. архивъ, отд. Боргезе, III, 90, 6, f. 87.

безному сыну и благородному синьору" благосклонною грамотой **). Помѣченное 22 мая 1604 г., папское посланіе проникнуто милосердіемъ и отеческой любовью. Только преднамѣренное замалчиваніе извѣстныхъ вопросовъ дѣлаетъ его дипломатическимъ документомъ. Дѣйствительно, въ немъ нѣтъ ни единаго слова о политикѣ, ни тѣни намека на великія дѣла христіанства: мы читаемъ лишь благочестивые совѣты и наставленія въ добродѣтели. Климентъ VIII, какъ пастырь душъ, отворялъ заблудшей овцѣ двери своей овчарни... Дальше этого онъ не шелъ.

Въ концѣ-концовъ, ни папа, ни Рангони еще не могли усмотрѣть того, что теперь бросается въ глаза историку и освѣщаетъ всѣ эти событія. Димитрій оказывается не всегда однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Его скрытность относительно прошлаго приводитъ въ отчаяніе. Диктуетъ ли онъ донесеніе королю, самъ ли пишетъ папѣ,—онъ сдержанъ, лакониченъ, не выходитъ за предѣлы общихъ мѣстъ. Но, лишь дѣло коснется будущаго, его языкъ развязывается, перо летаетъ по бумагѣ, онъ не боится называть вещи собственными именами. Еще скрываясь въ Польшѣ, этотъ бѣглецъ, пока безвѣстный и ищущій покровителей, уже предвидитъ гибель Бориса Годунова и даже опасается, какъ бы это не случилось слишкомъ скоро. Онъ предусматриваетъ свое коронованіе въ Кремлѣ и занимается его подробностями; онъ предугадываетъ роль патріарха и рѣшаетъ сохранить его власть. Кто же онъ—чародѣй или ясновидящій? Не является ли онъ лишь исполнителемъ программы, составленной для него московскими сторонниками? Можетъ-быть, для выполненія ея нужна была ихъ помощь, а дѣло туго подвигалось впередъ?..

**) Архивъ Инкв. Суд. IV, f. 52 v⁰.

ГЛАВА V.

Дипломатія и политика.

1604—1605 гг.

I. Какъ отразились въ Кремлѣ успѣхи Димитрія.—Неудачи Годунова.—Семейное горе.—Повсемѣстный голодъ.—Шайки мятежниковъ.—Громовый ударъ.—Мимолетное замѣшательство въ Кремлѣ.—Запрещеніе сношеній съ Польшей.—Хрущовъ въ Украйнѣ.—Семенъ Годуновъ на пути въ Астрахань.—Оффиціальная версія о Димитріи.—Его отождествляютъ съ Гришкой Отрепьевымъ.—Смирной-Отрепьевъ въ Краковѣ.—Предметъ миссіи.—Димитрій отказываетъ въ свиданіи.—Причины отказа.—Левъ Сапѣга мѣняетъ тонъ.—Подозрительное признаніе Хрущова.—Патріархъ Іовъ предаетъ Димитрія анаѳемѣ.—Инструкціи короля сеймикамъ.—Видимая корректность и намеки.—Искреннія и ироническія заявленія сеймиковъ.

II. Варшавскій Сеймъ.—Страна желаетъ мира.—Замойскій достигаетъ апогея популярности.—Его лебединая пѣсня.—Противникъ австрійскаго брака.—Сарматская искренность.—Подозрѣнія короля.—Рѣчь Замойскаго въ Сеймѣ.—Сарказмы и презрѣніе.—Комедія Плавта или Теренція.—Свидѣтельство Сапѣги противъ Димитрія.—Дилемма.—Молчаніе покровителей Димитрія.—Рѣшеніе Сейма.—Затруднительное положеніе короля.—Двусмысленность его политики.—Распущеніе Сейма.—Дипломатическая кампанія въ Европу.—Посланника-Огарева мистифицируютъ въ Варшавѣ.—Аудіенція въ Вавелѣ.—Истинное значеніе спора.—Частное совѣщаніе.—Уклончивый и коварный отвѣтъ Сапѣги.—Письмо Бориса Годунова къ Рудольфу II.—Императорская парафраза.—Письмо къ папѣ.—Оно передается Конклаву.—Историческое недоразумѣніе.

I.

Успѣхи Димитрія отозвались и въ Кремлѣ. Кончились счастливые дни Бориса. Царь еще крѣпился противъ невзгодъ, боролся все съ новыми и новыми затрудненіями, но испытывалъ вездѣ только горькія разочарованія.

Какъ будто все обратилось противъ гордаго баловня судьбы, издавна привыкшаго бросать ей дерзкій вызовъ. Особенно чувствительно и глубоко поразила Бориса неудача, постигшая его семейные брачные замыслы. Чтобы насытить свою манію величія блестящимъ родствомъ, онъ сваталъ свою дочь Ксенію за представителей древнѣйшихъ царствующихъ родовъ. По этому поводу велись дѣятельные переговоры и въ Швеціи, и въ Англіи, и въ Австріи. Борисъ Годуновъ не торговался изъ-за приданаго. Прежніе цари „Святой Руси“ сочли бы такую податливость преступною. „*Нѣмцу*“, который согласится стать его зятемъ, онъ обѣщалъ дать Тверское княжество, представлялъ право выѣздовъ за границу и полную свободу вѣроисповѣданія для него самого, для всѣхъ его близкихъ и для священниковъ его церкви *). Несмотря на эти щедрыя обѣщанія, русскія предложенія были вѣжливо отклонены въ Стокгольмѣ, въ Лондонѣ и Прагѣ. Послѣ печальнаго инцидента съ Густавомъ Шведскимъ, Борисъ Годуновъ обратился въ Копенгагенѣ. Скромный датскій дворъ оказался сговорчивѣе. Но братъ короля Христіана IV, принцъ Іоаннъ, пріѣхавшій въ 1602 г. въ Москву, чтобы тамъ сыграть свою свадьбу, безвременно погибъ тамъ жертвою своихъ излишествъ.

Къ семейному горю присоединилось великое народное несчастіе. Голодъ, ужасный и періодическій гость Россіи, унесъ, въ 1601 г., тысячи жизней и свирѣпствовалъ вплоть до обильныхъ урожаевъ 1603 г. Безсовѣстныя спекуляціи съ цѣнами на хлѣбъ придали бѣдствію ужасающіе размѣры. Вспоможенія, раздаваемыя въ Москвѣ по приказанію Бориса, привлекали въ столицу толпы несчастныхъ. Съ ними шли болѣзни и смерть. Одни умирали отъ усталости и истощенія. Другіе несли съ собой заразу. Кое-гдѣ

*) Вѣна, Государственный Архивъ, Russika, 1600, Responsum legati Mosci in negotio secreto matrimonii.—Дѣло шло о бракѣ съ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ. Борисъ желалъ, чтобы это было скрыто отъ папы, отъ Испаніи и Польши.

голодающіе, лишенные всякой помощи и озвѣрѣвшіе отъ страданій, собирались въ шайки, предавались грабежу и даже вступали въ кровопролитныя стычки съ властями.

Народъ изнемогалъ подъ бременемъ столькихъ бѣдъ. Голодъ уничтожалъ людей; имъ угрожала гибель отъ оружія,— и вотъ безсознательный ужасъ овладѣваетъ народомъ: онъ ждетъ какой-то страшной катастрофы. Единственные грамотеи того времени, монахи, уже видятъ зловѣщія предсказанія въ неправильномъ ходѣ небесныхъ свѣтилъ. Ихъ лѣтописи полны самыхъ мрачныхъ пророчествъ.

Борисъ Годуновъ боролся съ анархіей и помогалъ несчастнымъ. Вдругъ имя Димитрія поразило его, какъ громомъ. Какое ужасное воспоминаніе! можетъ-быть, какіе укоры совѣсти! Неужели сынъ Ивана IV, оффиціально признанный умершимъ, избѣжалъ смерти? Не родился ли зловѣщій призракъ изъ крови, пролитой въ Угличѣ коварными заговорщиками? Во что бы то ни стало, было необходимо разсѣять легенду о воскресшемъ царевичѣ. Были пущены въ ходъ всѣ средства, но ничто не могло уже унять бури, которой суждено было поглотить Бориса.

Повидимому, первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Кремль этимъ возстаніемъ изъ гроба, былъ ужасъ, смѣшанный съ неувѣренностью. Какъ человѣкъ, склонный къ предразсудкамъ своего времени, Годуновъ, будто бы, обращался къ колдуньѣ: отъ нея онъ получилъ тревожныя предсказанія. Имѣются свѣдѣнія, будто царицу Марѳу, заточенную въ монастырь съ 1591 г., привезли въ Москву и подробно опрашивали. Затѣмъ, повидимому, подозрѣніе обратилось на бояръ, вѣчныхъ крамольниковъ, способныхъ вызвать страшный призракъ. Вотъ когда, надобно думать, Борисъ обрушился на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, желалъ его гибели. Дѣйствительно, есть какое-то странное совпаденіе между слухами о Димитріи и розыскомъ о Романовыхъ съ ихъ сторонниками. Между двумя этими фактами существуетъ какъ-будто тайная связь. Назначается слѣдствіе, произ-

водится судъ, людей казнятъ, заточаютъ, но самые мотивы этого дѣла недостаточно освѣщены...

Впрочемъ, эта растерянность скоро миновала. Борисъ не боялся смотрѣть въ глаза опасности и способенъ былъ выказать громадную силу сопротивленія. Онъ имѣлъ своихъ шпіоновъ и располагалъ всевозможными средствами. Всѣ поступки Димитрія были ему извѣстны, и онъ приготовился къ защитѣ. Прежде всего, онъ прибѣгъ къ косвенной мѣрѣ. Постарались задушить тревожные слухи, или, по крайней мѣрѣ, задержать ихъ на самой границѣ Россіи. Были строжайше запрещены всѣ сношенія съ Польшей. Подъ предлогомъ охраны отъ заразы крѣпкія заставы выросли по большимъ дорогамъ. Но вѣщее имя проникало повсюду какими-то подземными ходами и распространялось среди народа. Годуновъ обратилъ свое вниманіе и на татаръ съ казаками. Волненіе росло на Украйнѣ. Петру Хрущову былъ данъ приказъ отправиться туда и возбуждать народъ противъ царевича. Но было поздно. Духъ войны уже носился по степи; казаки точили свои сабли и сѣдлали коней, когда московскій посолъ вздумалъ сообщить имъ желанія своего государя. Вмѣсто отвѣта, его связали по рукамъ и ногамъ и выдали Димитрію. Такъ же неудачно кончилась миссія Семена Годунова. Этотъ приверженецъ Бориса долженъ былъ подъ вымышленнымъ предлогомъ отправиться къ татарамъ. Но онъ не добрался до Астрахани: его схватили на берегахъ Волги. Все заставляетъ думать, что ему было поручено поссорить татаръ съ Димитріемъ.

Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ, и скоро стало очевидно, насколько неудовлетворительны были всѣ принятыя до сихъ поръ мѣры. Было ясно, что, несмотря на перемиріе, Польша покровительствуетъ царевичу. Нужно было произвести сильное политическое давленіе въ Краковѣ. Но раньше необходимо было навести справки и занять извѣстную позицію.

Кто же былъ этотъ таинственный человѣкъ, имя котораго

уже воодушевляло массы? Смерть настоящаго Димитрія, сына Ивана IV, считалась въ Кремлѣ неопровержимымъ фактомъ. Претендентъ могъ быть, такимъ образомъ, только самозванцемъ. Оставалось, слѣдовательно, уличить незнакомца: узнать его имя, установить его личность, сорвать съ него маску. Но это было трудно сдѣлать. Тогда Борисъ прибѣгаетъ къ помощи патріарха Іова. Вызвали очевидцевъ, взяли съ нихъ присягу и допросили. Открылись чудовищныя вещи. Мнимый царевичъ былъ не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, проходимецъ и бывшій Романовскій холопъ. Онъ постригся, чтобъ избѣжать висѣлицы, и шлялся изъ монастыря въ монастырь. Попалъ онъ и въ московскій Чудовъ монастырь: здѣсь въ качествѣ писца, онъ былъ приставленъ къ особѣ патріарха. Но отъ этого онъ не исправился: напротивъ, онъ продолжалъ творить постыдныя дѣла, вызывалъ нечистыхъ и занимался чернокнижіемъ. Его преступленія были столь явны и неоспоримы, что его-было приговорили къ вѣчному заточенію. Но онъ тайнымъ образомъ скрылся.

Очутившись въ Польшѣ, онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ князя Адама Вишневецкаго: такъ онъ превратился въ царевича Димитрія, отрекся отъ православія и принялъ латинство. Съ этихъ поръ онъ сталъ лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Король польскій собирался воспользоваться имъ, чтобы захватить русскія земли, объявить гоненіе на православіе и обратить русскихъ въ латинство. Вотъ что вытекало изъ оффиціальныхъ разслѣдованій. Эта версія была принята въ Кремлѣ. Съ нѣкоторыми варіантами она повторяется во всѣхъ государственныхъ актахъ того времени и служитъ исходной точкой при дипломатическихъ сношеніяхъ *).

Борисъ Годуновъ тотчасъ же воспользовался этимъ от-

*) Эти подробности заимствованы изъ посланія патріарха Іова, о которомъ ниже.

крытіемъ. Смирной-Отрепьевъ, приходившійся Гришкѣ дядей или выдававшій себя за такового, состоялъ на службѣ у Бориса. Въ половинѣ августа мѣсяца 1604 г. царь отправилъ его въ Краковъ съ тайнымъ порученіемъ *). О немъ говорили только запершись; были приняты всѣ мѣры предосторожности для избѣжанія огласки. Смирной не звался государевымъ посломъ къ Сигизмунду. Онъ именовалъ себя боярскимъ гонцомъ къ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ и къ виленскому воеводѣ, Христофору Радзивиллу. О смерти послѣдняго въ Москвѣ еще не знали. Въ вѣрительныхъ грамотахъ Смирного о Димитріи не было ни слова. Во время публичной аудіенціи онъ обошелъ главный вопросъ и сталъ жаловаться на пограничныя вооруженія. Онъ не сталъ скрывать того, какія послѣдствія можетъ имѣть это воинющее нарушеніе мира. Онъ говорилъ: „Бояре упросили Царя попробовать кончить дѣло полюбовно, раньше, чѣмъ прибѣгать къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ...“

Когда Смирной закончилъ свою рѣчь и получилъ не менѣе банальный отвѣтъ, онъ попросилъ разговора съ-глазу на-глазъ у литовскаго канцлера. Въ этомъ ему было отказано подъ слѣдующимъ предлогомъ: Сапѣга де боится заслужить отъ короля упрекъ за самовольство, если отстранитъ отъ бесѣды прочихъ королевскихъ делегатовъ. Смирной упорно не желалъ понимать. Уговорить его удалось съ величайшимъ трудомъ. Наконецъ, онъ снялъ личину. Въ присутствіи всѣхъ королевскихъ комиссаровъ онъ открылъ настоящую цѣль своей миссіи; оказалось, ему поручено увидѣться съ Димитріемъ и говорить съ нимъ. Разъ вступивши на путь откровенности, Смирной пошелъ до конца. Онъ заявилъ, что готовъ ко всякому исходу, такъ какъ самъ не принадлежитъ ни къ какой партіи. Если мнимый царевичъ—не кто иной,

---

*) Ватик. Арх., отд. Боргезе, III, 90, в, f. 206. — Rome et Démétrius, p. 189.—Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Польск. ст. сп. № 30.—*Русск. лит. VIII, 60.—Тургеневъ, Suppl.* 418.

какъ его племянникъ, Гришка, какъ онъ и думаетъ, то онъ вернетъ его съ рокового пути. Если же, напротивъ, окажется, что онъ—истинный сынъ Ивана IV, то онъ ему подчинится. Онъ даже поможетъ ему взойти на престолъ.

Странность этихъ рѣчей бросалась въ глаза. Дипломатъ обращался въ слѣдователя; его уловки были смѣшны. Очевидно, онъ старался отвести полякамъ глаза. Королевскіе комиссары могли подумать, что въ Кремлѣ мнѣніе о Димитріи еще не составлено, и что имъ предстояло разсѣять сомнѣнія Годунова и помочь ему разобраться, въ чемъ дѣло. Дѣйствительно, если бы они согласились на просьбу Смирного, они этимъ какъ бы признали его компетентнымъ судьею. Въ такомъ случаѣ, его мнѣніе, будь оно правильнымъ или нѣтъ, пріобрѣтало вѣсъ окончательнаго приговора. Поэтому было принято наиболѣе безопасное рѣшеніе: дядѣ отказали въ свиданіи съ его мнимымъ племянникомъ. Нѣкоторые сенаторы прямо заявили, что въ миссіи Смирного они видятъ лишь попытку соглядатайства.

Тѣмъ не менѣе, появленіе этого посольства возымѣло совершенно неожиданныя послѣдствія. Повидимому, съ этого времени измѣнилось и настроеніе Льва Сапѣги. Хотя великій канцлеръ литовскій и не пользовался популярностью своего польскаго коллеги, но зато онъ обладалъ всѣми свойствами государственнаго человѣка. Стефанъ Баторій предсказывалъ ему великое будущее. И Сапѣга заслуживалъ его своимъ государственнымъ умомъ, своею преданностью королю, своими громадными юридическими познаніями. Онъ велъ переговоры со Смирнымъ, и ему же предстояло сдѣлать о нихъ донесеніе королю. Судя по депешамъ Рангони, до сихъ поръ канцлеръ былъ какъ бы на сторонѣ Димитрія. Онъ допускалъ возможность царственнаго происхожденія претендента и, какъ говорили, готовъ былъ оказать ему помощь людьми и деньгами. Послѣ свиданія со Смирнымъ въ его взглядахъ происходитъ разительная перемѣна. Сапѣга присоединяется къ большинству сенаторовъ; онъ совѣтуетъ королю поло-

житься на Сеймъ и пріостановить военныя приготовленія Димитрія. Что же такое произошло? Что означалъ этотъ шагъ назадъ? Развѣ узнали что нибудь новое или неблагопріятное? Фактъ тотъ, что Сапѣга сталъ относиться къ дѣлу царевича все болѣе и болѣе враждебно. Скоро въ Сеймѣ громко раздастся его протестующій голосъ и, наконецъ, онъ открыто присоединится къ мнѣнію Смирного и Годунова. Но москвичи ничего не замѣтили. Въ сношеніяхъ съ ними Сапѣга отстаивалъ политику короля. Оффиціальный языкъ скрывалъ многое; но, въ исторической перспективѣ, колебанія Сапѣги придаютъ его поведенію отпечатокъ двойственности.

Самъ Димитрій, можетъ-быть, и безсознательно, придалъ извѣстную силу посольству Смирного. Въ то время онъ былъ далеко отъ Кракова; онъ нетерпѣливо ждалъ своего выступленія, ждалъ вѣстей изъ столицы. Онъ былъ освѣдомленъ о секретныхъ сообщеніяхъ Смирного. Какой прекрасный случай представлялся ему—вдругъ явиться въ Вавель, смутить непрошеннаго дядю и побѣдоносно провозгласить себя царевичемъ. Съ другой стороны, если Гришка Отрепьевъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и былъ агентомъ Димитрія, почему было не показать Смирному настоящаго его племянника? Но Димитрій не сдѣлалъ рѣшительнаго шага. Онъ не безъ робости принялъ брошенный ему въ лицо вызовъ. Когда привели къ нему Хрущова—рѣчь о немъ была выше—царевичъ, будто бы, сказалъ ему слѣдующее: „Меня не было, когда уѣзжалъ Смирной, но онъ въ такомъ почетѣ у Бориса, что вхожъ въ покои, куда пускаютъ только вельможъ и любимцевъ“.

Этими словами Димитрій хотѣлъ показать, какъ мало правдоподобно родство этого гонца съ царевичемъ. Если бы такое родство существовало, Борисъ не допустилъ бы Смирного до себя. Скорѣе онъ уничтожилъ и его, и весь домъ его съ корнемъ *). Какое двусмысленное и слабое возраженіе;

*) Собр. Гос. Грамотъ, т. II, ст. 173, № 81.

очевидно, оно расчитано на слишкомъ простодушныхъ людей. Димитрій явно играетъ словами. Смирной на самомъ дѣлѣ и не выдавалъ себя за дядю настоящаго царевича. Онъ не мѣтилъ столь высоко: онъ жаловался на племянника Гришку, бѣглаго московскаго монаха, который будто-бы выдаетъ себя за царевича въ Польшѣ. Что могло быть яснѣе этого? И развѣ Димитрій не отдѣлывался слишкомъ грубымъ софизмомъ?

Во всякомъ случаѣ, Борисъ Годуновъ не счелъ нужнымъ измѣнять свой взглядъ относительно претендента. Онъ настойчиво продолжалъ отождествлять его съ Гришкой Отрепьевымъ. Въ ноябрѣ 1604 г. новый посолъ направляется въ Польшу. Онъ везетъ тѣ заявленія, что и Смирной; мы увидимъ его въ Сеймѣ... То, что свидѣтельствовало русское правительство за границей, оно повторяло и у себя дома, предъ лицомъ всего народа; разумѣется, это подкрѣплялось кое-какими доказательствами, окружалось извѣстной mise en scène...

Когда же Димитрій сдѣлался настолько опасенъ, что, явилась необходимость съ нимъ бороться, патріархъ Іовъ, вѣрный истолкователь желаній Годунова, выпустилъ особое воззваніе. Здѣсь онъ излагалъ подробно все то, что Смирной разсказывалъ въ общихъ чертахъ въ Краковѣ *). Онъ называлъ по имени свидѣтелей-очевидцевъ; то были, по большей части, монахи различныхъ монастырей. Онъ подчеркивалъ уничтожающій смыслъ ихъ показаній и, полный благороднаго гнѣва, изрекалъ анаѳему на голову вѣроотступника-латинца. Онъ называлъ его сосудомъ діавольскимъ, злымъ разбойникомъ, который хочетъ овладѣть царскимъ престоломъ и ниспровергнуть святые алтари, чтобы воздвигнуть синагоги и храмы невѣрныхъ на развалинахъ православныхъ церквей. Эти слова задѣвали самыя чувствительныя струны въ сердцахъ благочестивыхъ москвичей.

*) Акты... Арх. Эксп., т. II, стр. 78, и ⁰ 28.

Если бы патріархъ видѣлъ своими глазами „бѣдную овцу“ у ногъ Рангони,—и тогда онъ не могъ бы найти болѣе страшныхъ проклятій.

Этотъ грозный обвинительный актъ не дошелъ до Кракова. Впрочемъ, если бы онъ и проникъ туда, онъ не произвелъ бы тамъ никакого впечатлѣнія.

Сигизмундъ еще меньше, нежели Сапѣга, вѣрилъ Димитрію. Однако, ему было удобнѣе не раскрывать своихъ сомнѣній; такъ можно было сохранить за собой полную свободу дѣйствій. Въ концѣ 1604 г. королю представился случай высказаться всенародно. Наступала сессія сеймиковъ. Эти провинціальные съѣзды служили прелюдіей къ Сейму, общему національному собранію. Король сообщалъ имъ заранѣе вопросы, которые будутъ подвергнуты обсужденію на Сеймѣ, и, въ случаѣ нужды, представлялъ отчетъ и объясненія по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій правительства. Итакъ, вотъ въ какомъ свѣтѣ дѣло Димитрія изображено было королемъ 20 декабря ливонцамъ. Прежде всего Сигизмундъ предполагаетъ, что самое событіе достаточно извѣстно; онъ старается только установить степень его достовѣрности. „Въ этой исторіи“, говоритъ онъ, „все неясно, все неопредѣленно; тѣмъ не менѣе, она кажется правдоподобной“. Что же касается помощи претенденту, то король сознается, что здѣсь мнѣнія расходятся. Хотя нѣкоторые и считаютъ представляющійся случай чрезвычайно удобнымъ, онъ не желаетъ вступать на этотъ скользкій путь, а тѣмъ болѣе замѣшивать въ дѣло Рѣчь Посполитую: дѣло въ томъ, что у него нѣтъ достаточно опредѣленныхъ свѣдѣній. Димитрій обратился за поддержкой къ сенаторамъ; при такихъ условіяхъ, его предпріятіе пріобрѣтаетъ частный характеръ. Тѣмъ не менѣе, король предупреждаетъ заинтересованныхъ лицъ, что ничто не должно дѣлаться отъ имени государства или подъ его прикрытіемъ.

Польша отстраняетъ отъ себя всякую отвѣтственность за замыселъ претендента. Другія инструкціи сеймикамъ

данныя отъ 9 декабря, имѣли еще болѣе опредѣленный характеръ.

Сигизмундъ допускаетъ и даже поощряетъ всякіе запросы и пренія относительно царевича; лишь бы только сеймики не посягнули на королевскую клятву и не нарушили общественнаго спокойствія. Здѣсь чувствуется ясный намекъ на безпорядки въ Украйнѣ и на миръ—недавно заключенный съ Годуновымъ *).

Впрочемъ, внѣшняя корректность выраженій ничуть не исключаетъ недомолвокъ и уклончивости. Король не говоритъ ничего ни о милостивомъ вниманіи своемъ къ Димитрію, ни о начатыхъ съ нимъ переговорахъ. Онъ лишь дѣлаетъ намекъ въ томъ смыслѣ, что въ извѣстныхъ границахъ частная инпціатива не будетъ подвергаться стѣсненіямъ. Когда сеймикамъ предложено было высказаться по этому поводу, они не проявили никакого воодушевленія. Царевичъ не пользовался ихъ симпатіей: они не желали поддерживать его предпріятія. Доминирующій тонъ ихъ—неодобреніе **). Члены собраній жалуются на казаковъ, стоящихъ по деревнямъ, и на ихъ безчинства. Въ замаскированныхъ выраженіяхъ они осуждаютъ и безразсудную смѣлость Мнишка, которая можетъ создать нежелательный прецедентъ. Вѣрность присягѣ, точное соблюденіе международныхъ договоровъ, энергичное подавленіе внутреннихъ безпорядковъ—таковы пожеланія сеймиковъ. Очевидно, здравый смыслъ націи не одобрялъ двусмысленной политики.

---

*) Архивъ дома Сапѣги, т. I, с. 435—438, n⁰. 537.

**) Краковъ, Музей Чарторыйск., n⁰ 32⁰, f. 241, 240, „utmagis (D m i t r i) non obesset quam prodesset, 251, 259 „ne quid Respublica detrimenti pariatur", 306, 315 etc.

II.

Отвѣты сенаторовъ на королевское письмо въ мартѣ 1604 г., наказы сеймиковъ ихъ депутатамъ—все ясно говорило о томъ, что произойдетъ на Сеймѣ, созванномъ въ Варшавѣ 20 января 1605 г. За послѣдніе мѣсяцы истекшаго года положеніе измѣнилось. Какъ мы увидимъ ниже, Димитрій, въ сопровожденіи воеводы Мнишка, уже перешелъ русскую границу. Его вступленіе въ московское государство, во главѣ цѣлой арміи, было совершившимся фактомъ. Ничего болѣе опредѣленнаго о немъ не знали. Слухи о дѣятельности претендента были весьма разнорѣчивы: одни приписывали ему побѣду; судя по другимъ извѣстіямъ, онъ былъ разбитъ и бѣжалъ.

Несмотря на такую неопредѣленность, способную парализовать общественное мнѣніе, вскорѣ выяснилось, въ какую сторону оно склоняется. Страна жаждала мира; она боялась налоговъ и войны; она трепетала даже передъ отдаленной ея возможностью. Поэтому начали раздаваться многочисленные и притомъ авторитетные голоса, высказывавшіеся противъ сомнительной личности, способной поссорить Польшу съ Москвою. Если и находились у Димитрія сторонники, то и они защищали его не слишкомъ то усердно. Въ концѣ-концовъ, король рѣшительно разошелся съ Сеймомъ *).

---

*) *Русск. Ист. Библ.*, т. I, кол. 1 и сл. *Щепкина*, т. XX, стр. 228.

Героемъ этого собранія былъ Янъ Замойскій. Физическія силы уже измѣняли ярому патріоту, но онъ гордился своими старческими недугами, пріобрѣтенными на службѣ Рѣчи Посполитой. Какъ бы предчувствуя близкую кончину, онъ пропѣлъ свою лебединую пѣсню. Замойскій былъ въ то время великимъ гетманомъ и великимъ канцлеромъ. Но онъ называлъ себя равнымъ послѣднему дворянину, горячо взывалъ къ идеальной солидарности шляхты и готовъ былъ ломать копья за старинныя польскія вольности. Популярность его достигла тогда своего апогея; но при дворѣ онъ уже не пользовался прежнимъ значеніемъ. Полное несогласіе въ вопросахъ политики отдаляло его отъ короля и внушало Сигизмунду нѣкоторыя подозрѣнія. Сюда еще примѣшивались неудовольствія чисто личнаго свойства. Сигизмундъ вдовѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти эрцгерцогини Анны Австрійской; теперь онъ желалъ вступить въ новый бракъ съ сестрою своей покойной супруги. Это обстоятельство снова дало бы перевѣсъ Австріи въ политикѣ. Въ каноническомъ отношеніи, бракъ этотъ явился бы нарушеніемъ законовъ свойства. Замойскій же былъ самымъ непримиримымъ противникомъ Габсбурговъ. Онъ оспаривалъ ихъ кандидатуру на польскій тронъ и побѣдоносно боролся противъ одного изъ эрцгерцоговъ. Помимо того, онъ любилъ по временамъ изображать изъ себя строгаго моралиста, почти фанатика нравственности: поэтому планъ короля внушалъ ему ужасъ. На самомъ дѣлѣ, съ канонической стороны препятствій уже не существовало. Климентъ VIII добровольно далъ необходимое для короля разрѣшеніе еще 19 іюня 1604 г. *) Тѣмъ

*) Quare si animum adjiceret ad unam ex sororibus defunctae Reginae, putamus id non solum alienum (sic, чит. non alienum) a salute et quiete tua, sed tibi satis honorificum et salutare esse futurum; nec de dispensatione ambigere debet, illam libentissime offerimus. Illam, ut tibi concedamus, suadent multae et ilae quidem urgentissimae causae".—Спб. Пуб. библ. Автографы, 63, т. II, 24. Разрѣшеніе Климента VIII въ письмѣ Сигизмунда III къ Зеновичу.

не менѣе, Замойскій опасался скандала и притворялся, что не вѣритъ въ существованіе папскаго разрѣшенія. На запросъ папы по этому поводу онъ отвѣтилъ ему письменно въ римскомъ стилѣ: первая супруга короля—республика, и другіе браки должны заключаться сообразно ея интересамъ. Затѣмъ, касаясь щекотливаго пункта съ истинно-сарматской откровенностью, онъ выражалъ желаніе, чтобы въ Польшѣ сохранилась вся простота ея патріархальныхъ нравовъ *).

Оппозиція Замойскаго вырыла пропасть между нимъ и королемъ. Уже по одному этому совѣты канцлера рѣже выслушивались и приводились въ исполненіе. Но кромѣ того, въ дѣлѣ Димитрія Сигизмунду чуялась еще и ревность со стороны стараго гетмана. Не разъ король откровенно заявлялъ объ этомъ Рангони **). Въ самомъ дѣлѣ, пока король не объявлялъ себя оффиціальнымъ покровителемъ претендента и его замысловъ, Замойскій, казалось, ничего не замѣчалъ и не хотѣлъ ударить палецъ о палецъ. Вотъ почему на его мѣсто успѣли стать другіе, болѣе ловкіе люди, какъ, напримѣръ, Мнишекъ. Король возымѣлъ подозрѣніе, что Замойскій не хочетъ уступить другимъ военныхъ лавровъ, и что изъ политическаго предпріятія онъ дѣлаетъ вопросъ личнаго самолюбія. Рѣчь гетмана, произнесенная 1 февраля, должна была разсѣять это печальное недоразумѣніе.

Никто не зналъ Москвы лучше, нежели славный воинъ, переживший великіе дни Баторія. Замойскій обладалъ даро-

---

*) Sunt mores nostri, Sanctissime Pater ac Domine, hac in parte simplices adhuc et incorrupti: sanguinis permistionem faedam et abominabilem nostri existimant, omneque illegitimum matrimonium execrantur, et filios etiam ipsorum Regum, ex illegitimo thoro natos, vel cerdonum filiis legitimis posthabent. Honesti quoque patres familias equum ad equitum, unde sit profectus, admittere nefas putant. Relinquendi igitur sumus in hac simplicitae nostra. „Римъ, Bibl. Chigi, Z, III, 57, f. 225: 1605, 14 марта, Замойскій Клименту VIII.

**) Ватиканскій Архивъ, отд. Боргезе, III, 90, в, f. III v⁰. — Rome et Demetrius, p. 185.

ваніями государственнаго человѣка и полководца. Несмотря на нѣкоторый оттѣнокъ педантизма, онъ былъ увлекательнымъ ораторомъ; ему прекрасно было извѣстно, каковы средства Москвы, и чего стоятъ русскіе. Рѣчь гетмана въ Сеймѣ захватила слушателей. Король Стефанъ посвятилъ когда-то Замойскаго въ свой планъ основанія великой славянской имперіи на Востокѣ, планъ, столь плѣнившій Сикста V. Замойскій видѣлъ въ немъ наилучшее разрѣшеніе вѣковой распри между Польшей и Россіей. Еще недавно онъ предлагалъ Сигизмунду продолжать дѣло его предшественника. Но уже не было руки достаточно сильной, чтобы поднять мечъ Баторія; поэтому столь широкіе замыслы были признаны анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе, канцлеръ смотрѣлъ на дѣло очень глубоко. Онъ находилъ, что состояніе Польши требуетъ мира, мира по всей линіи, даже съ турками. Но онъ принималъ близко къ сердцу славу польскаго оружія. Поэтому онъ допускалъ возможность войны съ Москвою лишь при одномъ условіи: если будетъ собрана большая армія, и кампанія будетъ вестись по всѣмъ правиламъ стратегіи.

Что касается смѣлаго предпріятія Димитрія, то Замойскій осуждалъ его безповоротно и энергично, во имя политики и морали. Прежде всего этого признаннаго защитника національныхъ вольностей возмущало, что столь серьезное дѣло рѣшается помимо Сейма. Правда, о немъ было доведено до свѣдѣнія народныхъ представителей; но начиналась война безъ ихъ одобренія, и академическія рѣчи произносились въ Сеймѣ совершенно напрасно. Замойскій не могъ помириться съ пассивной ролью. Онъ требовалъ, чтобы не только вопросъ подвергся обсужденію въ Сеймѣ, но чтобы священныя права націи уважались на дѣлѣ. И онъ заранѣе жестоко порицалъ предпріятіе Димитрія, такъ какъ оно нарушало договоръ 1602 г. и посягало на произнесенныя при этомъ клятвы. Замойскій былъ чуждъ всякой двойственности: онъ говорилъ, какъ гражданинъ и послѣдователь Христа. Этотъ враждебный набѣгъ на Москву,—заявлялъ

онъ,—такъ же губителенъ для блага Рѣчи Посполитой, какъ и для нашихъ душъ.

Борисъ обратитъ въ бѣгство шайку Димитрія. Послѣ этого онъ направитъ свою месть противъ Польши и объявитъ ей безпощадную войну. Здѣсь не поможетъ тонкое различіе между оффиціальной помощью и оффиціозной снисходительностью. Русскіе съ этимъ считаться не будутъ. Столь мрачное будущее, грозившее національнымъ разгромомъ за нарушеніе клятвы, приводило въ отчаяніе честнаго воина.

Въ глазахъ Замойскаго „царевичъ," былъ простымъ авантюристомъ. Гетманъ осыпалъ его сарказмами, уничтожалъ презрѣніемъ. Ему не удалось самому видѣть Димитрія; зато онъ издѣвался надъ всей его исторіей, изображая ее какъ самую неправдоподобную и смѣшную басню. „Господи, помилуй,—восклицалъ этотъ старый падуанскій студентъ,—не разсказываетъ ли намъ этотъ *господарчикъ* комедію Плавта или Теренція? Значитъ, вмѣсто него зарѣзали другого ребенка, убили младенца, не глядя, лишь для того, чтобъ убить? Такъ почему же не замѣнили этой жертвы какимъ-нибудь козломъ или барашомъ?" И, въ своемъ увлеченіи, Замойскій дѣлалъ слѣдующее странное предложеніе: „Если отказываются,—говорилъ онъ,—признать царемъ Бориса Годунова, который является узурпаторомъ; если желаютъ возвести на престолъ законнаго государя, пускай обратятся къ истиннымъ потомкамъ великаго князя Владиміра, къ Шуйскимъ".

До сихъ поръ еще никто не высказывался такъ страстно и энергично. Громовая рѣчь Замойскаго попадала прямо въ цѣль. Произнесенная въ Сеймѣ, она должна была вызвать откликъ во всей странѣ. Въ тотъ же день Левъ Сапѣга поддержалъ Замойскаго всѣмъ авторитетомъ своей власти. Въ этомъ случаѣ, это имѣло огромное значеніе. Литовскій канцлеръ былъ настолько безпристрастенъ, что вначалѣ покровительствовалъ Димитрію. Онъ располагалъ массою свѣдѣній, такъ какъ дѣла иностранной полиціи

находились въ его рукахъ, и по своему положенію онъ долженъ былъ поддерживать личныя связи съ русскими. И Сапѣга оказался такимъ же скептикомъ, какъ Замойскій *).

Оба канцлера держатся одного взгляда на права Сейма. Они совершенно согласны относительно обязательности договора 1602 г. для обѣихъ сторонъ; они въ одинъ голосъ требуютъ соблюденія данной Годунову клятвы, которой нельзя нарушить. По словамъ Сапѣги, Богъ сурово караетъ вѣроломство. Наконецъ, оба одинаково относятся къ личности Димитрія. Сужденіе Сапѣги не такъ ядовито и зло, какъ мнѣніе Замойскаго; но это придаетъ ему тѣмъ большій вѣсъ. Канцлеръ все видѣлъ самъ; онъ все изслѣдовалъ и ему не вѣрится, чтобы Димитрій былъ истиннымъ сыномъ Ивана IV. Что же мѣшаетъ Сапѣгѣ повѣрить? Собранныя имъ свѣдѣнія. Каковы же эти свѣдѣнія? Онъ о нихъ умалчиваетъ и только лаконически говоритъ, что законный наслѣдникъ нашелъ бы иныя средства для возстановленія своихъ правъ. Объясненіе Сапѣги не основано ни на какихъ документахъ. Можно отнестись къ нему какъ угодно, и, все же, оно имѣетъ исключительную важность. Далѣе, канцлеръ переходитъ къ политикѣ. Во всей затѣѣ Мнишка онъ не видитъ ничего хорошаго для Польши. Онъ резюмируетъ свою мысль дилеммой: Димитрій или побѣдитъ, или будетъ побѣжденъ. Если онъ будетъ побѣжденъ—грозитъ неминуемая война съ Москвою. Если онъ побѣдитъ—впереди неизвѣстность, потому что нельзя довѣрять слову претендента. Можно ли думать, что онъ не измѣнитъ полякамъ, разъ они сами готовы нарушить клятву, данную Борису Годунову?

Какъ мы видимъ, оба главныхъ сановника Рѣчи Посполитой обнаружили полную и неоспоримую откровенность. Она являлась своего рода вызовомъ, брошеннымъ покровителямъ Димитрія. Тѣмъ не менѣе, въ Сеймѣ не раздалось

---

*) Спб. *Публ. библ., Лит.*, О. IV, 16, 39. *Разн.*, IV, F., 85, 370. *Щепкинъ*, т. XX, стр. 247.

ни одного голоса въ защиту царственнаго происхожденія-претендента; никто не потребовалъ оффиціальнаго или оффиціознаго заступничества за него со стороны правительства. Нѣкоторые сенаторы выразили лишь радость, что Димитрій избавилъ страну отъ подозрительныхъ и опасныхъ элементовъ. Они находили, что лучше не мѣшать событіямъ итти своимъ чередомъ: такъ за Польшей сохранится свобода дѣйствій, которой можно будетъ воспользоваться въ подходящій психологическій моментъ. Благосклонное попустительство въ чисто-утилитарныхъ цѣляхъ—таковъ былъ ихъ принципъ. Но скоро эти голоса заглушаются другими. Епископъ краковскій Мацѣёвскій требуетъ немедленнаго отозванія Мнишка*). Со своей стороны, Янушъ Острожскій настаиваетъ на наказаніи виновныхъ; наконецъ, Дорогостайскій осыпаетъ горькими упреками самого короля.

Такимъ образомъ въ Сеймѣ не замедлило создаться сплоченное большинство. Замойскому хотѣлось бы, чтобы Мнишекъ предсталъ передъ Сеймомъ и далъ бы ему отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Въ то же время, по его мнѣнію нужно было отправить довѣреннаго человѣка къ Димитрію, чтобы получить вѣрныя свѣдѣнія объ успѣшности его кампаніи. Только послѣ этого можно будетъ предпринять какой-либо рѣшительный шагъ. Со своей стороны Сапѣга совѣтовалъ немедленно отправить гонца въ Москву. Пусть онъ тамъ объяснится съ Борисомъ Годуновымъ, оправдаетъ Рѣчь Посполитую и возложитъ всю отвѣтственность на Димитрія. Страхъ передъ возможностью войны склонялъ Сапѣгу въ пользу такого палліатива. Во всякомъ случаѣ, то были только частныя мнѣнія. Сеймъ принялъ слѣдующую резолюцію. „Пускай будутъ употреблены всѣ возможныя усилія для успокоенія волненій, вызванныхъ московскимъ государемъ, чтобы ни Польское королевство, ни великое герцогство Литовское

*) Повидимому, Мнишекъ участвовалъ въ Сеймѣ только къ концу его сессіи.

не понесли никакого урона со стороны Москвы; и пусть считается предателемъ тотъ, кто дерзнетъ нарушить договоры, заключенные съ другими государствами".

Эти законныя требованія поставили короля въ большое затрудненіе. Съ внѣшней стороны, они, какъ-будто, вполнѣ гармонировали съ его инструкціями Нейнкамъ относительно Димитрія; и, мало того, они, повидимому, отвѣчали требованіямъ его совѣсти. Казалось бы, на королевскую санкцію можно разсчитывать. Но подъ національнымъ флагомъ Сигизмундъ проводилъ политику, чуждую желаніямъ націи; тайныя обязательства соединяли его съ Димитріемъ. Залогомъ и подтвержденіемъ ихъ служили оказанныя царевичу милости. Король добровольно отдавался иллюзіямъ; поэтому онъ и предпочиталъ оставаться на зыбкой почвѣ недомолвокъ. Онъ ни высказывался опредѣленно въ пользу царевича, ни отвергалъ заключенія національныхъ представителей. Но Сеймъ также не уступалъ: однако, онъ разошелся, ничего не добившись. Позиція короля опредѣлилась. Роль Сигизмунда отнюдь не была пассивной: тайное потворство претенденту чувствовалось подъ маской сдержанности. Вотъ почему король не могъ оставаться равнодушнымъ, когда его укоряли въ нарушеніи договора съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, Сигизмунда не могли поколебать самые суровые упреки. Можетъ-быть, онъ увѣрялъ себя, что на сторонѣ законнаго государя стоятъ ненарушимыя права; а Димитрій былъ еще въ глазахъ короля лицомъ загадочнымъ.

Отношенія Сигизмунда къ Борису Годунову носятъ тотъ же характеръ упорной скрытности. Неудача перваго посольства не смутила русскихъ. Новый гонецъ, Постникъ Огаревъ, былъ отправленъ въ Варшаву; ему было поручено повторить все то, съ чѣмъ являлся до него Смирной *). Новаго

*) Ватиканск. Архивъ, отд. Боргезе, III, 90, c. f. 32, 68.—Rome et Demetrius, p. 194.—Спб. Публ. Библ., *Польская*, F., IV, 119, *л.* 96.—*Русск. Ист. Библ.*, т. I, кол. 37. *Щепкинъ*, т. XX, стр. 262.—Посланный Димитрія былъ задержанъ на границѣ до окончанія Сейма.

прибавить было почти нечего. Московское правительство не теряло претендента изъ виду. Ему было извѣстно, что въ Украйнѣ самозванецъ сносился со Свирскимъ, въ Сѣверскѣ—съ Ратомскимъ, что у него были переговоры и съ Крымомъ. Но самаго главнаго Огаревъ не зналъ, благодаря одной хитрости, придуманной поляками. Лишь только онъ добрался до границы, его подвергли карантину; здѣсь онъ пробылъ такъ долго и изоляція его соблюдалась такъ строго, что отъ посла удалось скрыть вторженіе Димитрія въ предѣлы московскаго государства. Поэтому Огаревъ шелъ какъ бы съ завязанными глазами. Его можно было безнаказанно мистифицировать, и Сеймъ не отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи. Особенно любопытно было засѣданіе 10 февраля 1605 г. За нѣсколько дней до этого нѣкоторые честные и проницательные поляки высказывали свои сомнѣнія относительно Димитрія, осуждали его безумное предпріятіе, требовали вѣрности договорамъ и напоминали о святости клятвъ. То же самое говорилъ и посолъ. Онъ распространялся на ту же тему и только подтверждалъ вышказанныя до него предположенія, развивалъ уже ранѣе предъявленныя требованія, подчеркивая правоту своего дѣла. Не разъ сенаторы должны были совершенно искренно спросить себя, говоритъ ли это иностранный дипломатъ или кто-нибудь изъ нихъ среды: до такой степени поразительнымъ казалось это совпаденіе. Только тогда сдѣлалось очевиднымъ, что Огаревъ—посолъ Годунова, когда онъ прямо поставилъ Сейму жгучій вопросъ, заключавшій въ себѣ сущность всѣхъ дебатовъ. Онъ спрашивалъ, сообщниками или противниками Димитрія являются король и Сеймъ? Если они отрекаются отъ претендента, пускай порвутъ съ нимъ и накажутъ виновныхъ. Если, напротивъ, они поддерживаютъ злое дѣло—конецъ договору 1602 г. Клятва безсовѣстно нарушена—конечно, тогда должна возгорѣться война. Невѣрная своему слову Польша будетъ осуждена Европою, отъ нея отвернутся всѣ христіанскія державы.

Конечно, поляки могли бы обстоятельно отвѣтить Огареву, но они не хотѣли дѣлать иностранца свидѣтелемъ своихъ домашнихъ споровъ. 12-го февраля въ капеллѣ дворца организовано было частное совѣщаніе. Спеціально для этого случая были назначены особые комиссары; между ними были оба канцлера. Но до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній объ этихъ переговорахъ. Только Рангони въ своихъ депешахъ приводитъ оффиціальный отвѣтъ, данный Огареву 26-го февраля предъ лицомъ всего Сената. Король,—сказалъ Сапѣга,—не нарушилъ перемирія. Скорѣе можно сказать, что онъ укрѣпилъ его, желая сохранить дружбу царя. Димитрію же онъ войскомъ не помогалъ; онъ хотѣлъ только познакомиться съ его притязаніями и сообщить ихъ Москвѣ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, Димитрій бѣжалъ и скрылся у запорожскихъ казаковъ. Дѣлалъ ли онъ съ ними набѣги на русскія области—неизвѣстно. Но, какъ бы то ни было, король ни за что не отвѣчаетъ: вѣдь Запорожье не признаетъ его власти, подобно тому, какъ и донское казачество не признаетъ власти царской. Димитрію помогать было запрещено. Если онъ вернется въ Польшу—его схватятъ. Если же онъ появится въ московскомъ государствѣ самъ Борисъ Годуновъ справится съ нимъ и его сообщниками*).

Зная о существованіи весьма близкихъ отношеній ме-

---

*) Circa Demetrio, che Sua Maestá non ha mandato suoi soldati ad introdurlo, mà che, quand'egli éstato qui in regno, ha voluto intendere tutte le sue pretensioni per avvisarne il gran Duca per sapere da lui se fosse veramente delle stirpe ducale, il che penetrato da Demetrio se ne fuggi alli Cosacchi Zaporiensi, col aiuto dè quali se habbia fatta qualche scorreria in Moscovia, ha detto non saperlo, et, che come il Gran Duca di Moscovia non può tener in officio gli Cosacchi Dunensi, così ne anco Sua Maestà può reprimere gli Zaporiensi. Et che ha comandato siano puniti quelle che andaronno al suo soccorso, et che, se Demetrio si retrovera in regno, sarà ritenuto et signit ficato al suo Signore, quale sendo così potente potra prenderlo con tutti in suoi seguaci, se sarà in Moskovia". Ватик. Арх., отд. Боргезе, III, 90, с. f. 68, 1605, 26 февр. Депеша *Рангони.—Щепкинъ*, т. XX, стр. 267. — *Наше собр.*, 1605, 11 мар. *Ла-Бланкъ—Поссевину.*

жду нунціатурой и канцлерами, мы имѣемъ право предположить, что Рангони былъ хорошо освѣдомленъ о томъ что происходило 12-го февраля. Въ такомъ случаѣ, отвѣтъ Сапѣги является не только уклончивымъ и насмѣшливымъ—онъ неточенъ и коваренъ. Великій сановникъ Рѣчи Посполитой опровергъ самого себя и свою рѣчь 1-го февраля. Подобную гибкость можно сравнить только съ тѣмъ стоическимъ равнодушіемъ, которое обнаружилъ весь Сеймъ по отношенію къ дипломатической порядочности. Ничего не добившись, лишенный всякой возможности провѣрки, Огаревъ долженъ былъ покориться и уѣхать *).

Но и внѣ Польши всѣ попытки Годунова не привели ни къ чему. Въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ этотъ баловень счастья вспомнилъ традиціи царя Ивана Грознаго, который подъ вліяніемъ страха и подъ предлогомъ крестоваго похода искалъ въ Римѣ и Прагѣ иноземной поддержки. Въ свою очередь, Годуновъ снарядилъ въ Европу дипломатическую миссію. Но у него не оказалось ни ловкости его великаго предшественника, ни, главное, его удачи. Годуновъ не отправилъ къ императору и папѣ спеціальныхъ уполномоченныхъ. Онъ послалъ только гонцовъ съ подробнымъ сообщеніемъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, принявшемъ имя царевича Димитрія. Онъ жаловался на короля Польскаго и ограничивался общими мѣстами, предупреждая о неизбѣжномъ разрушеніи анти-оттоманской лиги, въ случаѣ войны съ Сигизмундомъ. Сквозь эти риторическія банальности ясно просвѣчивалъ расчетъ на вмѣшательство державъ. Но надежды эти не оправдались.

Австрія, которая всегда и во всемъ отставала, на этотъ разъ своей медлительностью превзошла самое себя. Несмотря на то, что у императора Рудольфа были постоянныя сношенія съ Москвою, онъ долго хранилъ молчаніе. Затѣмъ

---

*) Въ томъ же 1605 г. Бунаковъ былъ посланъ въ Краковъ, а Пальчиковъ—въ Кіевъ.—*Бантышъ-Каменскій*, Обзоръ, т. III, стр. 111.

онъ отвѣтилъ парафразой изъ письма Бориса и лишь въ заключеніе добавлялъ, что онъ сдѣлаетъ запросъ польскому королю. Нельзя сказать, чтобы императоръ слишкомъ торопился помочь Годунову.

Въ Ватиканѣ дѣла обстояли еще хуже. По просьбѣ Годунова Рудольфъ отправилъ къ папѣ письмо съ гонцомъ. Но когда императорскій посланецъ прибылъ въ Римъ, папскій престолъ былъ уже вакантенъ. Преемникъ Климента VIII, Левъ XI, только что скончался, пробывъ папою не болѣе мѣсяца. Согласно обычаю, письмо было вручено конклаву кардиналовъ. Они же не могли ни сами предпринять что-либо, ни предвосхитить рѣшенія будущаго папы. Европа, въ лицѣ двухъ своихъ главныхъ представителей, оставляла Годунова на произволъ судьбы *).

Неудачное посольство Огарева породило среди историковъ странныя недоразумѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ старались доказать, что мнѣніе московскаго правительства о Димитріи въ 1605 г. было уже инымъ, чѣмъ въ 1604. Имя Гришки Отрепьева было случайно произнесено въ минуту первой тревоги. Когда нѣсколько собрались съ мыслями и все разузнали, ошибка, будто бы, была исправлена, но не вполнѣ и не повсюду: въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ продолжали придерживаться перваго имени. Только въ Польшѣ замѣняютъ его другимъ, настоящимъ. Даже въ Варшавѣ Огаревъ дѣлаетъ эту поправку только на словахъ, такъ какъ въ данныхъ ему наказахъ царевичъ все еще отождествляется съ Гришкой Отрепьевымъ. Эта неожиданная перемѣна никого не удивляетъ. Сеймъ остается невозмутимымъ. Годунова никто не обвиняетъ въ увертливости.

Въ этомъ странномъ явленіи можно разобраться при помощи довольно сложныхъ пріемовъ. Разбираясь въ немъ, приходится примирять между собою противорѣчивые тексты. Такимъ образомъ можно вырвать у нихъ тайну, которую они скры-

*) *Болдаковъ*, стр. 59—74.

ваютъ. Миссія Огарева была предметомъ многихъ донесеній. Всѣ эти донесенія не расходятся относительно личности Димитрія; каждое приписываетъ ему иное происхожденіе. Депеша Рангони отъ 12 февраля называетъ его „разбойникомъ, аріанномъ, колдуномъ, вѣроотступникомъ и сыномъ сапожника“. Два датчанина, хотя и находятся сами въ Варшавѣ, передаютъ съ чужихъ словъ, что Димитрій былъ слугою у архимандрита и сыномъ писца *). Синдикъ Гансъ Кекербартъ прибавляетъ на поляхъ своего рапорта, что Димитрій—сынъ мужика. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы совсѣмъ сбить съ толку будущихъ историковъ, анонимный компиляторъ посылаетъ въ Данцигъ еще болѣе удивительныя свѣдѣнія: по его словамъ, Димитрій—сынъ писца, служившаго у архимандрита; имя его Димитрій Rhéorowicz **). Несмотря на столь вопіющія разногласія, всѣ свидѣтели ссылаются на Огарева. Онъ одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ.

Это разногласіе не вполнѣ необъяснимо. Огаревъ и Сапѣга говорили по-русски. А рапорты писали иностранцы—итальянцы, датчане, нѣмцы. Вотъ почему нельзя вполнѣ довѣрять ихъ передачѣ

Затѣмъ московская тактика могла быть пущена въ ходъ и въ Варшавѣ. Даже въ оффиціальныхъ грамотахъ Кремль обрушивалъ на голову Димитрія самыя ужасныя обвиненія, не слишкомъ заботясь о ихъ правдоподобіи. Такъ, патріархъ Іовъ называлъ „царевича“ одновременно пособникомъ жидовъ, латинянъ и лютеранъ, словомъ, кого

---

*) *Щепкинъ*, т. XX, стр. 264.—*Болдаковъ*, стр. 137. Латинскій текстъ искаженъ. Читай quondam (а не quodam), a servitus i nfimis, а не (i n f i r m u m), cum adseclis (а не c u m a d s e c t i s).

**) *Щепкинъ*, т. XX, стр. 265, 268. Димитрій Реоровичъ — очень подозрительное имя. Одно и то же лицо носило имя Димитрія, Григорія или Гришки. Вѣроятно, анонимный компиляторъ соединилъ два имени въ одно. Щепкинъ также допускаетъ, что Реоровичъ не что иное, какъ искаженіе Григорія.

только угодно. Огаревъ усвоилъ ту же манеру, говорилъ много и не скупился на эпитеты. Его слушатели схватывали и запоминали то слово, которое наиболѣе ихъ поразило. Отсюда могло возникнуть множество варіантовъ. Конечно, это—гипотеза, которую можно принять или отвергнуть, но не надо возлагать на Годунова отвѣтственности за другихъ. Письмо, представленное Огаревымъ Сейму, отождествляетъ царевича Димитрія съ Гришкой Отрепьевымъ. Однако, чтобы повѣрить опроверженіямъ Бориса, мало сослаться на противорѣчивыя свидѣтельства нѣсколькихъ иностранцевъ.

КНИГА II.

ПОХОДЪ НА МОСКВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Побѣда и пораженіе.

1604—1605 гг.

I. Результаты поѣздки въ Краковъ.—Увѣренность Мнишка.—Громкіе титулы Димитрія.—Брачные переговоры.—Димитрій обѣщаетъ жениться на Маринѣ.—Уступка областей и обѣщаніе денегъ.—Приданое Марины.—Религіозная свобода.—„Русскіе люди“ и „латинская вѣра“.—Военные капелланы. Отцу Стриверы поручается ихъ пріисканіе.—Назначеніе Чиржовскаго и Лавицкаго.—Ихъ характеристика.—Димитрій очаровываетъ ихъ.—Его виды на будущее.—Его исповѣдь.—Военныя приготовленія.—Крайняя нужда.—Слово будущаго тестя Димитрія.—Молчаніе Замойскаго.—Заговоръ противъ Димитрія.—Казнь въ Самборѣ.—Главный штабъ въ Львовѣ.—Жалобы жителей.—Запоздалыя мѣры короля.—Выступленіе царевича.—Димитрій во Львовѣ.—Признаніе Хрущева.—Генеральный смотръ въ Глинянѣ.—Капелланы занимаютъ свой постъ.—Походъ къ Кіеву.—Переправа черезъ Днѣпръ.—Рубиконъ новаго цезаря.

II. Заявленіе Замойскаго.—Контрастъ между Димитріемъ и Баторіемъ.—Развитіе Россіи.—Часъ Димитрія насталъ.—Непоправимая ошибка Годунова.—Въ чужой землѣ.—Сдача Моравска.—Разграбленіе Чернигова.—Городъ сдается.—Подкрѣпленія.—Прибытіе казаковъ.—Мятежъ въ лагерѣ.—Осада Новгорода-Сѣверскаго.—Петръ Басмановъ.—Пораженіе Димитрія.—Сдача крѣпостей.—Армія Мстиславскаго.—Сраженіе 31 декабря 1604 г.—Бѣгство Мстиславскаго.—Благочестіе Димитрія.—Возмущеніе поляковъ.—Отъѣздъ Мнишка.—Новый гетманъ.—Замѣтки капелландовъ.—Димитрій въ Сѣвскѣ.—Его жалобы, обращенныя къ Рангони.—Годуновъ обходится съ побѣжденными, какъ съ побѣдителями.—Сраженіе у Добрыничей.—Бѣгство казаковъ.—По-

ляки слѣдуютъ за ними.—Общая паника.—Димитрій отступаетъ въ Путивль.—Мстиславскій останавливается у Рыльска.—Подозрительное бездѣйствіе.—III. Дилемма Гамлета въ Путивлѣ.—Жгучая неопредѣленность.—Осторожность капелланова.—Ихъ впечатлѣнія и замѣтки.—Григорій Отрепьевъ.—Религіозность Димитрія.—Его молитва передъ сраженіемъ.—Частица святого креста. — Курская чудотворная икона. — Безоардъ и лѣченіе этимъ камнемъ.—Димитрій въ роли религіознаго реформатора.—Его отвращеніе къ русскимъ монахамъ. — Затруднительный вопросъ.—Димитрій, какъ фанатическій приверженецъ науки.—Его проекты.—Его умъ, память, литературный багажъ.—Плоскошарія въ Путивлѣ.—Попытка учиться.—Литература и философія.—Три дня ученія.—Тонкая учтивость.—Шатеръ капелланова.—Праздничества; характеръ дѣятельности капелланова; исполненіе ими своихъ обязанностей.—Симпатіи ихъ къ русскимъ.—Зрѣющій посѣвъ.

I.

Поѣздка въ Краковъ и аудіенція при польскомъ дворѣ намѣтили въ жизни претендента новую эпоху. Возвратившись въ Самборъ, онъ зналъ, чего держаться, и на что можно отважиться. Король предоставлялъ ему свободу дѣйствій и тайно поддерживалъ его; группа магнатовъ помогала ему; нунцій Рангони обнаруживалъ къ нему благосклонность. Оставалось только не уступать противникамъ и дѣлать послѣднія приготовленія къ борьбѣ.

Воевода сандомирскій твердо уповалъ на царевича. Онъ не сомнѣвался, по крайней мѣрѣ, на словахъ, въ царственномъ происхожденіи Димитрія. Въ военный же его успѣхъ и будущее величіе онъ вѣрилъ безусловно. Онъ уже громко произносилъ звучные титулы Димитрія: „Славнѣйшій и непобѣдимый Димитрій Ивановичъ, императоръ Великой Руси, князь угличкій, дмитровскій, городецкій, наслѣдственный государь всѣхъ земель, подвластныхъ московскому царству“. Эта претенціозная формула была написана киноварью на одномъ оффиціальномъ документѣ, отъ 1-го мая 1604 г. *). Еще немного—и Мнишекъ видѣлъ уже

*) Львовъ, Archiwum Krajowe. Ind. Quer. San. 331, f., 450.

своего протеже въ Кремлѣ. Здѣсь онъ распоряжается сокровищами московскихъ царей; отсюда онъ диктуетъ законы своимъ народамъ и устанавливаетъ границы своего государства. Димитрій раздѣлялъ эти надежды. Онъ смотрѣлъ на будущее съ побѣдоносною увѣренностью и, по своему обыкновенію, сыпалъ вокругъ себя обѣщаніями. Въ этихъ надеждахъ была идеальная почва, на которой можно было сойтись обѣимъ сторонамъ; здѣсь можно было поставить другъ другу извѣстныя условія и выработать взаимныя обязательства.

Димитрій нуждался въ поддержкѣ со стороны Польши. Ему былъ необходимъ покровитель, чтобы вести переговоры съ магнатами, собирать волонтеровъ и организовать войско. Мнишекъ охотно бралъ на себя эту роль. Однако, какъ человѣкъ практичный, онъ требовалъ отъ претендента немедленнаго вознагражденія за свое содѣйствіе. Не довольствуясь словесными обѣщаніями, онъ домогался документа, должнымъ образомъ подписаннаго и скрѣпленнаго соотвѣтствующей печатью. Два такихъ акта были составлены въ Самборѣ: 24 мая и 12 іюня 1604 г. *). Въ нихъ чрезвычайно ярко вырисовываются черты разорившагося и набожнаго магната.

Бракъ „царевича“ съ Мариной долженъ былъ явиться вѣнцомъ заключеннаго договора. Благосклонный пріемъ Димитрія королемъ полагалъ конецъ послѣднимъ колебаніямъ родителей. Они не противились болѣе замужеству дочери. Съ своей стороны, Димитрій, подъ страхомъ проклятія, формально обязывался просить руки Марины и раздѣлить съ ней корону. Изъ Кремля должно было явиться спеціальное посольство къ королю—просить его соизволенія на этотъ бракъ. Были увѣрены, что Сигизмундъ не откажетъ посольству.

---

*) *Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 159, № 76, стр. 165, № 79.

Такимъ образомъ, семья Мнишковъ породнится съ могущественнымъ государемъ. Она пріобщится къ блеску московской порфиры. То будетъ великая честь; помимо всего, такой союзъ сулилъ большія выгоды.

Димитрій свободно распоряжался властью и милліардами, которыми, однако, еще не обладалъ. Онъ заявлялъ, что немедленно по вступленіи на прародительскій престолъ уступитъ воеводѣ и его наслѣдникамъ двѣ прекрасныя области—Смоленскую и Сѣверскую. Исключеніе составятъ лишь провинціи и города, предназначенные польскому королю; они будутъ компенсированы другими городами, мѣстечками, замками, землями и оброчными статьями. Предварительно же онъ положитъ въ кассу своего тестя милліонъ флориновъ для того, чтобы оплатить путешествіе своей невѣсты въ Москву и удовлетворить назойливыхъ кредиторовъ Мнишка.

Будущую царицу, свою избранницу, Димитрій обѣщалъ надѣлить еще болѣе щедро: она получитъ множество драгоцѣнныхъ вещей, серебряную посуду, а, въ качествѣ удѣловъ,—Новгородъ и Псковъ. Такимъ образомъ, къ ногамъ прекрасной полячки ея женихъ клалъ цѣлыхъ два царства.

Когда матеріальный вопросъ былъ рѣшенъ и алчность утолена, Мнишекъ занялся интересами высшаго порядка. Надо отдать ему справедливость, онъ никогда не забывалъ вѣры своихъ отцовъ. Ревниво оберегая ея интересы, онъ не чуждъ былъ прозелитизма. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы Марина, взлелѣянная на лонѣ матери-католички, сохранила навсегда полную и безусловную свободу своей вѣры, какъ при дворѣ, въ Кремлѣ, этомъ очагѣ православія, и такъ на всемъ пространствѣ русскаго государства. Въ Новгородѣ и Псковѣ она должна была пользоваться еще болѣе драгоцѣннымъ правомъ: тамъ ей предоставлялось строить школы, католическія церкви и монастыри и назначать католическихъ епископовъ и патеровъ.

Во всѣхъ этихъ притязаніяхъ Мнишка Димитрій не видѣлъ ничего чрезмѣрнаго. Онъ, не задумываясь, соглашался на все и даже намекалъ окружающимъ, что, принявъ латинскую вѣру, онъ сочтетъ своимъ долгомъ распространять ее въ своемъ царствѣ. Его послѣднимъ словомъ была торжественная клятва строго выполнить свои обѣщанія и „привести русскихъ людей къ латинской вѣрѣ“. Краткій срокъ одного года былъ достаточенъ, по мнѣнію царевича, для выполненія столь обширныхъ плановъ. Если же это не удастся, тѣмъ хуже для него. Воевода съ дочерью вновь получатъ тогда полную свободу дѣйствій, если только сами не пожелаютъ дать ему отсрочку. Нельзя не согласиться, что трудно было обнаружить болѣе сговорчивости, болѣе великодушія и щедрости. Вѣроисповѣдныя симпатіи Димитрія обнаружились еще по другому поводу. Вообще, онъ велъ себя, какъ ревностный неофитъ *).

Въ одномъ разговорѣ съ нунціемъ онъ выразилъ желаніе имѣть духовника. Видимо, объ этомъ знали въ Краковѣ, такъ какъ почти одновременно о. провинціалъ польскихъ іезуитовъ, Стриверп, получилъ соотвѣтствующія письма изъ королевскаго замка и изъ нунціатуры. Въ этихъ письмахъ настаивали, чтобы онъ поторопился удовлетворить желанія Димитрія. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Немедленно былъ найденъ и практическій способъ осуществленія плана. Димитрій набиралъ католиковъ въ свою армію: военные капелланы были для него необходимы; обязанность этихъ лицъ принимали на себя іезуиты, которые должны были служить какъ солдатамъ, такъ и ихъ вождю. Сопровождать армію Димитрія были назначены два патера. Неся на себѣ одинаковыя обязанности, они, однако, мало имѣли общаго другъ съ другомъ: то были разные люди по достоинствамъ, по характеру, по всему духовному складу. О. Николай Чиржовскій обладалъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характе-

*) *Наше собраніе.* Diarium *О. Лавицкаго,* 5, Wielewicki II, 69).

ромъ; онъ былъ предпріимчивъ, но весьма разсудителенъ. По темпераменту то былъ истый ректоръ; вотъ почему ему столь часто поручалось завѣдываніе учебными заведеніями. Его товарищемъ былъ о. Андрей Лавицкій. Главнымъ достоинствомъ этого человѣка было золотое сердце. Почти юноша, онъ мечталъ о миссіонерской дѣятельности въ Индіи, о вѣнцѣ мученичества подъ раскаленнымъ небомъ тропиковъ... Вмѣсто этого онъ принялъ на себя миссію на сѣверъ, въ страну льда и снѣга. Но и здѣсь онъ остался вѣренъ своей страстной и впечатлительной натурѣ.

Какъ только Димитрій узналъ о назначеніи капелланов, онъ захотѣлъ видѣть ихъ и всячески торопилъ ихъ пріѣздомъ въ Самборъ. Послѣ перваго же свиданія іезуиты были покорены чарующимъ обращеніемъ претендента. Они не нашли въ немъ ничего ни грубаго, ни монашескаго. Димитрій обнаружилъ самую сердечную предупредительность; рѣчь его была полна такта, при чемъ, повидимому, онъ былъ вполнѣ откровененъ. „Я обѣщалъ Богу“, сказалъ онъ имъ, „строить въ Россіи церкви, школы, монастыри. Ваша дѣло—распространять тамъ католическую вѣру и добиться ея процвѣтанія“. И, въ порывѣ довѣрія къ собесѣдникамъ, онъ прибавилъ: „Я вручаю вамъ свою душу“. Такимъ образомъ, капелланы сразу обратились въ апостоловъ. Имъ предстояло не только проповѣдывать евангеліе небольшой кучкѣ солдатъ: нѣтъ, они должны были привести въ лоно католической церкви громадное царство, дотолѣ разобщенное съ Римомъ. И будущій императоръ уже заранѣе добровольно отдавался имъ. Все это было такъ грандіозно, такъ неожиданно, что захватывало духъ. Мнишекъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ, какъ бы подчеркивая тѣмъ самымъ важность словъ царевича. Испытуя рвеніе вновь обращеннаго, онъ предложилъ Димитрію причаститься. Это было наканунѣ Успенія, передъ самымъ походомъ, вдали отъ любопытныхъ взоровъ. Претендентъ, преисполненный благочестиваго усердія, съ готовностью принялъ предложеніе. Онъ исповѣдался въ одномъ изъ уеди-

ненныхъ покоевъ замка и на другой день тайно принялъ причастіе. Въ то же утро онъ прибылъ съ Мнишкомъ въ церковь Доминикапцевъ; здѣсь оба прослушали мессу. Духовники не могли опомниться отъ удивленія. Они отправились къ себѣ обратно съ глубокимъ убѣжденіемъ, что имъ предстоитъ выполнить трудную, но великую миссію.

Среди всѣхъ этихъ заботъ мысль Димитрія была поглощена неутомимыми и горячими приготовленіями къ войнѣ. Все болѣе и болѣе выяснялась необходимость дать казакамъ, или, какъ ихъ обыкновенно называли, черкесамъ, какое-либо отвлекающее дѣло. Соединившись, вопреки приказаніямъ короля, въ значительныя массы, они внушали болѣе страха, чѣмъ довѣрія. Въ Польшѣ репутація ихъ вполнѣ опредѣлилась: только послѣ ихъ ухода населеніе могло считать себя въ безопасности. Съ другой стороны, приходящія съ границы добрыя вѣсти и настоятельные призывы единомышленниковъ вынуждали царевича торопиться. Однако, надо было еще заручиться помощью поляковъ. Мнишекъ оказывалъ энергичное содѣйствіе Димитрію. Онъ разсылалъ посланія сенаторамъ, переписывался съ королемъ и держалъ его въ курсѣ всего происходящаго. Однако, все это онъ дѣлалъ съ большой осторожностью, скрывая свое личное участіе въ предпріятіи царевича; онъ былъ откровенъ только съ близкими.

14 іюня 1604 г. Мнишекъ написалъ королю слѣдующія удивительныя строки: „Я смиренно прошу Ваше Величество быть увѣреннымъ въ томъ, что я выполняю свои планы съ такими предосторожностями, какъ будто я никогда не нарушалъ своего долга“ *).

Всѣ усилія Мнишка склонить Замойскаго потерпѣли неудачу: великій гетманъ не давалъ ни склонить себя, ни привлечь къ дѣлу. Самъ Димитрій былъ не болѣе счастливъ

*) Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, *Лит. Метр.*, Нов. Кн. 55, 270.

въ этомъ отношеніи, чѣмъ Мнишекъ. Не помогли ни восхваленія, ни откровенности, ни лесть, ни ссылки на короля, ни, наконецъ, изобличенія клеветы. Замойскій не написалъ ни слова въ отвѣтъ на два посланія царевича. Онъ ограничился тѣмъ, что отправилъ воеводѣ Мнишку высокомѣрное и суровое письмо. Въ немъ онъ предупреждалъ объ опасности, грозящей Рѣчи Посполитой, и, о томъ, что вся эта находится въ противорѣчіи съ волей короля. То былъ офиціальный документъ, который не считался съ закулисной стороной дѣла и стоялъ выше всякихъ интригъ *).

Впрочемъ, и, тревія не особенно безпокоили Димитрія. Онъ зашелъ черезчуръ далеко, чтобы отступать. Не остановилъ его и организованный противъ него заговоръ, обнаружившійся въ эту же пору.

Въ Самборѣ появились подозрительные люди. На „царевича“ было совершено покушеніе, и онъ спасся лишь благодаря какой-то случайности. Наемный убійца, по предположенію Мнишка, былъ подосланъ Борисомъ Годуновымъ. Московскій царь, будто бы, напуганъ былъ приготовленіями Димитрія. На злоумышленника донесъ кто-то изъ московскихъ людей, — безъ всякаго суда ему отсѣкли голову въ Самборѣ. Самъ воевода сообщалъ объ этомъ Рангони. Русскій источникъ также свидѣтельствуетъ объ этой казни. Однако, свѣдѣнія объ участіи Бориса и о способѣ казни мы находимъ только въ словахъ Мнишка **).

Между тѣмъ главный штабъ арміи Димитрія былъ учрежденъ въ Львовѣ. Этотъ городъ былъ всего доступнѣе и ближе къ русской границѣ. Скоро онъ совершенно измѣнилъ свой обликъ. Въ немъ собрались въ большомъ количествѣ польскіе волонтеры. Прельщенные размахомъ предпріятія, привлеченные именами его вождей, эти искатели счастья разсчитывали

---

*) Zolkiewski, Zapiski, col. 10—24, n-os 4—10.

**) Архивъ Ватикана, Собр. Боргезе, III, 90, b. f. 232. — Rome et Démétrius, p. 201.—*Извѣстія*, 25.

только на свою саблю. Они наполнили весь городъ, расположились лагеремъ въ его окрестностяхъ и скоро обнаружили свои истинныя доблести: начались буйства, грабежи и убійства. Жалобы львовскихъ жителей дошли до короля. Граждане Львова умоляли, чтобы ихъ возможно скорѣе освободили отъ „рыцарей“, которые насильничали въ городѣ, какъ въ непріятельской странѣ. Русскіе также энергически протестовали противъ скопленія войска на границѣ.

Въ концѣ-концовъ, пришлось уступить. Исчерпавъ всякія предварительныя мѣры, Сигизмундъ прибѣгъ къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ: волонтерамъ данъ былъ приказъ немедленно разъѣхаться; за ослушаніе имъ пригрозили суровой карой, а именно: признаніемъ ихъ мятежниками и врагами государства. Приказъ короля, помѣченный 7-го сентября, долженъ былъ доставить во Львовъ коморникъ. Сообщая эту новость своей свитѣ, Рангони лукаво далъ понять окружающимъ, что, быть-можетъ, коморникъ и не поспѣетъ во-время во Львовъ. И дѣйствительно, когда королевскій посланецъ прибылъ въ городъ, оказалось, что волонтеры уже давно оставили его *).

Главная часть арміи двинулась въ походъ въ концѣ августа. 25-го числа, кое-какъ преодолѣвъ послѣднія препятствія, покинулъ Самборъ и Димитрій. Онъ уносилъ съ собой лучезарныя воспоминанія о Маринѣ, всю тяжесть своихъ обѣщаній и, за неимѣніемъ лучшаго, однѣ только смѣлыя надежды. 29-го августа онъ на короткій срокъ появился во Львовѣ, присутствовалъ при церковной службѣ въ соборѣ и прослушалъ тамъ проповѣдь іезуита. Когда проповѣдникъ пришелъ къ нему съ привѣтствіемъ, онъ еще разъ завѣрилъ его въ преданности своей Святому Престолу и въ симпатіяхъ къ ордену іезуитовъ **).

---

*) Ватиканск. Архивъ, собр. Боргезе, III, 90, b, f. 237. — Rome et Démétrius, стр. 191. — Hirschberg, съ 67 до 69 стр.

**) Маршрутъ Димитрія въ *Сбор. Гос. Грам.*, II, стр. 167, № 80.—Listy Жолк. стр. 138. № 130.

Кампанія начиналась при хорошихъ предзнаменованіяхъ. Въ первые же дни похода къ Димитрію явилась депутація отъ донскихъ казаковъ. Она вновь предложила свои услуги и представила письма своихъ товарищей. Депутація привезла съ собою несчастнаго Хрущева, о которомъ мы уже упоминали. Приведенный въ цѣпяхъ къ царевичу, онъ палъ на землю и съ плачемъ призналъ его за истиннаго сына Ивана IV—только по сходству Димитрія съ покойнымъ царемъ. Этимъ признаніемъ онъ заслужилъ себѣ прощеніе: тогда языкъ Хрущева развязался. Въ концѣ-концовъ, выяснилось, что въ Москвѣ онъ пробылъ всего 5 дней. Но по дорогѣ и въ самой столицѣ ему пришлось узнать много интереснаго. По его словамъ, вокругъ Годунова царитъ глубокое и мрачное молчаніе. Сѣверская область громко заявляетъ о своей готовности примкнуть къ царевичу. Нѣкоторые бояре осмѣлились-было высказаться въ томъ смыслѣ, что трудно бороться противъ законнаго государя, но, терроризированные Годуновымъ, они поклялись больше не раскрывать рта. Другіе были злодѣйски умерщвлены за то, что на одномъ пиру подняли чары въ честь Димитрія. Царскія войска совершаютъ подозрительныя передвиженія: подъ предлогомъ защиты отъ татарскаго нашествія, ихъ направляютъ къ Сѣверской землѣ. Ко всему этому Хрущевъ добавилъ уже извѣстныя намъ подробности относительно Смирного-Отрепьева, а также нѣкоторыя свѣдѣнія о роднѣ Димитрія и даже о посольствахъ, которыми обмѣнялись Москва съ Персіей. Какъ воевода, такъ и царевичъ, крайне довольные полученными сообщеніями, поспѣшили передать ихъ нунцію Рангони *). Всѣ извѣстія такого рода быстро разглашались и, пройдя черезъ нунціатуру, легко принимались на вѣру. Однако, является вопросъ, насколько были правдоподобны разсказы Хрущева. Что они были выгодны для тѣхъ, кто ихъ распространялъ, это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

*) (Собр. Гос. Гр. II, стр. 173, № 81). Ватиканск. архивъ. *Собр. Боргезе* III, 90, b, f. 231, 232.—Rome et Demetrius, 161, № 4; p. 202, № 1.

Въ первыхъ числахъ сентября Димитрій произвелъ въ Глинянѣ общій смотръ своимъ войскамъ *).

Воевода Мнишекъ, его сынъ Станиславъ и немногочисленные друзья и родственники ихъ образовали главный штабъ. Конечно, то было немного. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти люди были хорошо вооружены и обмундированы и знали, чего хотятъ. Наибольшая же часть войска состояла изъ польскихъ волонтеровъ и казаковъ. За исключеніемъ ветерановъ то было сборище авантюристовъ и головорѣзовъ. Среди нихъ попадались и настоящіе висѣльники. У нихъ не могло быть ни энтузіазма, ни вѣры въ святость дѣла, ни идеальной цѣли. Ихъ воинственный пылъ питался лишь алчностью и надеждой на добычу. Не было ли истиннымъ безуміемъ итти съ этой кучкой продажныхъ людей на завоеваніе московскаго царства?

Согласно обычаю, немедленно были произведены выборы главныхъ начальниковъ. Какъ и надо было ждать, верховный санъ гетмана достался воеводѣ Сандомирскому. Ратная жизнь была уже не по плечу этому старому и немощному магнату. Но онъ былъ полезенъ войску своимъ авторитетомъ сенатора. Въ своемъ распоряженіи онъ имѣлъ двухъ или трехъ полковниковъ, точно также избранныхъ большинствомъ голосовъ, и множество офицеровъ. Спеціальный регламентъ, приспособленный къ нуждамъ момента, былъ вотированъ и признанъ обязательнымъ на все время войны. Первоначальное расположеніе силъ было таково. Въ центрѣ, вокругъ краснаго знамени съ чернымъ византійскимъ орломъ на золотомъ фонѣ, сосредоточивалась главная масса пѣхоты и кавалеріи съ Мнишками и Димитріемъ во главѣ. На правомъ флангѣ шли казаки, на лѣвомъ — уланы и гусары.

---

*) Главными источниками по этому вопросу являются письма Димитрія, Мнишка, капелановъ, Diarium Лавицкаго, русскія лѣтописи, Borsza, Margeret. — Письма изъ Чернигова 10 и 15 ноября (Ватиканск. архивъ. Собр. Боргезе III, 90, b. f. 298, 300) принадлежатъ также капелланамъ. *Даровскій* далъ болѣе полный ихъ текстъ.

Авангардная и арьергардная служба была предоставлена казакамъ. Они были и развѣдчиками, и проводниками. Что касается количества дѣйствующей арміи, то невозможно исчислить его даже приблизительно. Число поляковъ колебалось отъ тысячи до двухъ тысячъ. Къ концу кампаніи ихъ ряды становились все рѣже и рѣже. Казаковъ, уже въ началѣ кампаніи собралось до 2-хъ тысячъ, ихъ количество постоянно увеличивалось, вырастая какъ снѣжный комъ. То же самое надо сказать и относительно русскихъ, которые позже, во время похода, стали примыкать къ арміи. 18-го сентября гетманъ объявилъ о скоромъ прибытіи десяти тысячъ уже навербованныхъ донскихъ казаковъ. Обѣщало значительныя подкрѣпленія и Запорожье. Такимъ образомъ, оставалось лишь итти впередъ *). Въ концѣ того же мѣсяца оба капеллана, уѣхавшіе изъ Самбора, заняли свой постъ. 17-го сентября вмѣстѣ съ арміей они поднялись на живописные холмы, окружающіе кіевское плато. Армія была въ предѣлахъ воеводства князя Острожскаго. Ей грозилъ сынъ воеводы, Янушъ; поэтому были приняты предосторожности; караулы держали день и ночь. Однако, никто не думалъ тревожить армію, и она неуклонно двигалась къ границѣ.

Древній и славный городъ вновь увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ бѣднаго странника. Но Димитрій не былъ уже одѣтъ въ монашескую рясу; онъ не терялся въ толпѣ. Нѣтъ, его украшали латы, онъ былъ окруженъ войскомъ; сабля его грозила Кремлю. Католическій епископъ города, Христофоръ Казимирскій, не скрывалъ своихъ симпатій къ царевичу. Въ честь его онъ устроилъ банкетъ и вообще всячески ободрялъ царевича. Димитрій чувствовалъ себя въ Кіевѣ, какъ дома. Святыни и памятники города были ему извѣстны. Онъ убѣдилъ капеллановъ осмотрѣть ихъ. По его указанію оба іезуита отправились полюбоваться храмомъ свя-

*) Ватиканск. архивъ, отд. Боргезе, III, 90, b. f. 232. — Rome et Demetrius, p. 203, nº 1.—Имена начальниковъ у Zabczyc. Mars.

той Софіи съ его богатыми алтарями, а также Золотыми Вратами, сіяющими мозаикой и фресками. Оба помолились на развалинахъ часовни, гдѣ сохранялась еще память о святомъ Гіацинтѣ. Однако, странная щепетильность остановила ихъ на порогѣ знаменитыхъ кіевскихъ пещеръ, наводненныхъ толпою солдатъ. Здѣсь, въ песчаномъ грунтѣ, подъ защитой двухъ слоевъ глины, покоятся трупы, въ которыхъ народное благочестіе видитъ останки святыхъ. Эти реликвіи совершенно естественно показались духовникамъ сомнительными. Они не рѣшались почтить ихъ и предпочли не спускаться въ этотъ обширный городъ мертвыхъ,—древнее убѣжище монаховъ, въ настоящее же время—истинный музей саркофаговъ.

Послѣ трехдневной остановки, армія вновь тронулась въ походъ, направляясь къ Днѣпру, служившему тогда границей между Польшей и Московскимъ царствомъ. 20-го октября палатки арміи были разбиты на берегу этой рѣки, темныя воды которой нѣкогда поглотили идола Перуна и духовно возродили дружину святого Владиміра. Здѣсь возникло неожиданное препятствіе: не оказалось нужныхъ паромовъ. Дѣло въ томъ, что князь Янушъ Острожскій угналъ ихъ съ собой. Было потрачено много времени на пріисканіе необходимыхъ для переправы средствъ.

Переходъ черезъ рѣку продолжался пять или шесть дней. Кіевляне обнаружили готовность помочь Димитрію и даже проявили расположеніе къ нему. Въ знакъ благодарности претендентъ предоставилъ имъ свободу торговли. Эта привилегія подписана была въ Вышгородѣ 23-го октября 1604 г.

Димитрій смѣло бросалъ вызовъ судьбѣ. Новый цезарь переходилъ свой рубиконъ.

II.

Когда при Замойскомъ заговаривали о дѣятельности Мнишка, онъ часто замѣчалъ съ досадой: „Надо будетъ бросить въ огонь всѣ лѣтописи и изучать только мемуары воеводы Сандомирскаго, если его предпріятіе будетъ имѣть хоть какой-нибудь успѣхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, ничто не могло быть фантастичнѣе этого московскаго похода. Военныя лѣтописи не знали ничего подобнаго. Кампанія Димитрія могла сбить съ толку самыхъ опытныхъ стратеговъ. Чтобы вести войну съ Иваномъ IV, Стефанъ Баторій взялъ въ Польшѣ цвѣтъ ея конницы, въ Венгріи—закаленную пѣхоту, денегъ же, сколько могъ, отовсюду. Подъ краснымъ знаменемъ Димитрія тѣснилась толпа рубакъ и людей съ темнымъ прошлымъ, болѣе алчныхъ, нежели богатыхъ деньгами. Въ то время, какъ Баторій, покрытый славою и кровью, останавливается передъ неприступными стѣнами Пскова, Димитрій видитъ, какъ при его приближеніи широко открываются ворота столицы. И что всего удивительнѣе—властителемъ Кремля дѣлаетъ его не побѣда, а пораженіе.

Тѣмъ не менѣе, съ чисто военной точки зрѣнія, старый гетманъ былъ тысячу разъ правъ. Его ошибка заключалась лишь въ томъ, что онъ забылъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ соціальномъ строѣ московскаго царства. Онъ забылъ и о тираніи власти, и о соперничествѣ бояръ, и о смѣнѣ династіи, и о слухахъ, ходившихъ въ народѣ; онъ игно-

ировалъ и недавніе аграрные законы, и колебаніе старыхъ нравовъ, и честолюбіе однихъ, и ненависть другихъ; однимъ словомъ, онъ не учитывалъ того фатальнаго сцѣпленія причинъ, которое вызвало цѣлый рядъ кризисовъ и привело страну къ упадку. Душа святой Руси была больна; страшныя силы вырвались изъ оковъ; небо покрылось темными тучами... Приближалась грозная буря. Часъ Димитрія пробилъ.

Отвага замѣняла у „царевича“ стратегію. Его лучшими союзниками были обстоятельства смутнаго времени. Онъ гипнотизировалъ людей цѣлью, стоящей предъ нимъ: вѣдь онъ намѣренъ былъ итти на Москву и короноваться въ Кремлѣ. Вмѣсто того, чтобы изыскивать военные планы, онъ прибѣгъ къ помощи другого средства. Поднять его до трона должно было общее возстаніе, поддерживаемое вѣрными людьми. Димитрій выступалъ не въ качествѣ завоевателя; онъ шелъ въ качествѣ жертвы и мстителя. Гордый своимъ происхожденіемъ, законный наслѣдникъ своихъ предковъ, онъ ссылался на присягу, данную Ивану IV. Горе тѣмъ, которые нарушили ее! Его дѣло, такимъ образомъ, становилось святымъ, національнымъ; оно переходило въ руки народа. Именно онъ, простой народъ, долженъ очистить свою совѣсть, совершить судъ, взяться за оружіе, низвергнуть насильника-Годунова и возстановить права истиннаго государя.

Въ Сѣверской области этотъ языкъ должны были понять лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь агенты Димитрія развили энергичную дѣятельность и нашли чрезвычайно благопріятную почву. Неопредѣленная, долгое время находившаяся въ пренебреженіи область, расположенная по границѣ московскаго царства, испытала на себѣ всю тяжесть опричнины съ ея анархіей. Преступники, разбойники, нищіе— сдѣлали изъ нея свое убѣжище, въ надеждѣ на привольную жизнь вдали отъ центральной власти. Однако, мало-по-малу, по мѣрѣ роста населенія, на Сѣверскую область наложила свою тя-

желую руку администрація. Но стѣсненія съ ея стороны казались здѣсь тѣмъ болѣе невыносимыми, чѣмъ менѣе ждали ихъ. Притомъ же эти строгости были часто чрезмѣрны, непослѣдовательны и несправедливы...

Ужасный голодъ, сопровождаемый болѣзнями и нищетой, разразившійся въ 1601 году, увеличилъ число недовольныхъ и тѣхъ обойденныхъ счастьемъ людей, которымъ нечего было терять. Такіе люди при каждой перемѣнѣ надѣются получить хоть что-нибудь. Голодная, невѣжественная и грубая чернь легко поддавалась соблазну. Надо было только разжечь тѣ инстинкты, которые таплись въ ея нѣдрахъ. Ратомскій и его агенты какъ разъ занялись этимъ. Ихъ успѣхи заставили Димитрія избрать Сѣверскъ первоначальнымъ центромъ своей дѣятельности. Тѣмъ самымъ онъ избѣгалъ большой военной дороги, уставленной крѣпостями *). Никто не противодѣйствовалъ наступленію арміи черезъ Днѣпръ. Полки, объ отправленіи которыхъ къ Сѣверску говорилъ Хрущовъ, не были сосредоточены у Днѣпра, чтобы воспрепятствовать переходу непріятеля черезъ рѣку. Сказалась ли въ этомъ слѣпая вѣра Бориса въ перемирье 1602 г., или же онъ черезчуръ презиралъ того, кто разыгрывалъ роль его соперника,—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, эта ошибка скоро оказалась непоправимой.

Едва переправившись на лѣвый берегъ, поляки отпраздновали вступленіе на чужую территорію религіозной церемоніей. Капелланамъ было достаточно нѣсколькихъ недѣль, чтобы смягчить грубость своей паствы. Лицомъ къ лицу съ открывшимъ свои нѣдра московскимъ царствомъ, передъ таинственнымъ и полнымъ опасности будущимъ, къ голосу духовника прислушивались внимательнѣе, чѣмъ обыкновенно... Димитрій съ интересомъ наблюдалъ богослуженіе.

---

*) Состояніе Сѣверска этой эпохи прекрасно описано *Платоновымъ*. Очерки, стр. 253 и слѣд. Образецъ прокламаціи Димитрія въ *Акт. Арх. Экс.* II стр. 76 № 26.

Правда, онъ не смѣшивался съ молящимися, чтобы не скомпрометировать себя. Но нѣсколько разъ онъ проходилъ около палатки капеллана, а затѣмъ тайкомъ просилъ у него молитвы и благословенія. Остановка, вызванная этой церемоніей, была непродолжительна. Немедленно по окончаніи богослуженія армія, раздѣленная на двѣ части, тронулась въ походъ по двумъ разнымъ дорогамъ. Димитрій, со своими „товарищами", легко преодолѣвая встрѣчныя препятствія, двигался впередъ черезъ дремучіе лѣса и болота, пока на горизонтѣ не вырисовались заостренныя башни Моравска. Эта ничтожная крѣпость неожиданно пріобрѣтала чрезвычайную важность: подъ ея стѣнами долженъ былъ разыграться первый актъ великой и памятной драмы.

31-го октября казаки и поляки, отдѣлившись отъ главной арміи, потребовали отъ жителей Моравска безусловной сдачи. Письма Димитрія, переданныя на концѣ сабли, произвели магическое дѣйствіе. Гарнизонъ крѣпости принялъ его сторону. Подъ первымъ впечатлѣніемъ страха къ „царевичу" была отправлена депутація. Ей было поручено выразить Димитрію покорность. Простой народъ, видимо, подготовленный заранѣе, только этого и ждалъ. Въ этой сдачѣ чувствовалось какъ бы трепетаніе страсти. Долго сдерживаемый энтузіазмъ прорвался наружу. Ворота города распахнулись. Жители массой высыпали навстрѣчу Димитрію. Расположившись по обѣ стороны дороги, они плакали отъ радости и изливали свои чувства въ наивныхъ возгласахъ. „Встаетъ наше красное солнышко, давно закатилось оно... Ворочается къ намъ Димитрій Ивановичъ", говорили въ народѣ. Въѣздъ царевича въ городъ былъ вступленіемъ властелина, который возвращается въ свое государство, окруженный народомъ. По обычаю старины, Димитрію поднесли хлѣбъ-соль и ключи города съ золотой монетой. Священники окропили его святой водой и подвели приложиться къ наиболѣе чтимымъ иконамъ. Наконецъ, ему передали двухъ закованныхъ въ цѣпи воеводъ,

виновныхъ въ томъ, что они хотѣли подавить народное движеніе. Остатокъ дня проведенъ былъ въ стрѣльбѣ въ знакъ народной радости. Этотъ легкій и блестящій успѣхъ превосходилъ самыя смѣлыя ожиданія сторонниковъ Димитрія. Передъ чѣмъ остановится теперь ихъ отвага?

Совершенно такія же сцены повторились и въ Черниговѣ 4-го ноября. Но здѣсь общая радость впервые была омрачена прискорбными событіями *), которыя ясно показали Димитрію, какіе хищные инстинкты скрывались въ его арміи. По выраженію москвичей, Черниговъ былъ ихъ воротами. Захватомъ его открывался свободный путь къ столицѣ. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ пушками, большимъ количествомъ пороха, ядеръ и всякихъ припасовъ. При приближеніи Димитрія въ Черниговѣ, точно такъ же, какъ и въ Моравскѣ, произошло возмущеніе простонародья противъ воеводы, князя Татева. Народъ былъ соблазненъ обѣщаніями „царевича“; воевода же остался вѣренъ своей присягѣ. Однако, видя враждебное настроеніе толпы, онъ заперся съ стрѣльцами въ крѣпости, предоставивъ городъ мятежникамъ. Тогда послѣдніе рѣшили, что побѣда за ними обезпечена: стоитъ только призвать казаковъ, которые покончатъ съ гарнизономъ и воеводой. Однако, случилось то, чего они совсѣмъ не ожидали. По первому же знаку мятежниковъ казаки, шедшіе въ авангардѣ, помчались къ городу; но князь Татевъ встрѣтилъ ихъ сильнымъ огнемъ, разстроившимъ ихъ ряды. Для грабителей этого было вполнѣ достаточно. Они и не подумали итти приступомъ на крѣпость: передъ ними была болѣе легкая добыча. Подъ предлогомъ возмездія казаки обрушились на беззащитный городъ и дали волю своей алчности. Приведенные въ ужасъ жители бросились съ жалобами къ Димитрію. Немедленно появились его адъютанты. На слѣдующій день прибылъ и самъ

*) *Русск. лѣт.*, т. VIII. стр. 60.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

По старинному портрету, писанному масляными красками

онъ. Но ему оставалось лишь констатировать совершившійся фактъ. Нарушеніе дисциплины было вопіющее; царевичъ былъ возмущенъ; на казаковъ сыпались упреки, угрозы и приказанія вернуть награбленное добро. Однако, несмотря на весь этотъ шумъ, удалось вернуть потерпѣвшимъ лишь самую ничтожную часть добычи. Такъ жители Чернигова были награждены за свое усердіе. Что же касается князя Татева, то онъ скоро согласился примкнуть къ новому государю.

Такимъ образомъ, къ Димитрію перешли двѣ русскихъ крѣпости. Конечно, это былъ пока скромный успѣхъ; однако, моральное значеніе его было огромно. Извѣстіе, что царевичъ побѣдоносно идетъ на Москву, распространилось повсюду. Чѣмъ болѣе его исторія казалась чудесной, тѣмъ охотнѣе ей вѣрили. Къ Димитрію сотнями стекались крестьяне, бродяги и нищіе. Они падали, согласно народному обычаю, ему въ ноги, а затѣмъ становились подъ его знамена. 12-го ноября прибыли десять тысячъ донскихъ казаковъ; спустя нѣсколько дней, подошло еще четыре тысячи запорожцевъ; они были завербованы еще раньше и ожидались съ нетерпѣніемъ. Общая численность арміи къ этому времени, видимо, достигала тридцати-восьми тысячъ человѣкъ. Это могло бы представить внушительную силу при условіи сплоченности, дисциплинированности и подчиненія вождямъ. Но въ этой массѣ было много элементовъ, не признававшихъ никакихъ правилъ и склонныхъ къ розни.

Восьмидневная стоянка у Чернигова доказала это болѣе чѣмъ достаточно. У Димитрія часто нехватало денегъ — главнаго нерва всякой войны; но его приверженцы не хотѣли служить даромъ. Съ казаками еще можно было сговориться: они соглашались на продолжительныя отсрочки. Поляки же, наоборотъ, были равно неуступчивы—какъ относительно суммы вознагражденія, такъ и въ вопросѣ сроковъ его выдачи. Въ тотъ день, когда недостало жалованья, въ войскѣ вспыхнулъ мятежъ, сразу принявшій угрожающіе

размѣры. Наиболѣе дерзкіе бунтовщики завладѣли однимъ изъ знаменъ, выстроились около него и вышли изъ лагеря, направляясь къ Польшѣ. Съ ними уходили надежды Димитрія на побѣду. Царевичъ бросился вслѣдъ за поляками; но ни обѣщанія, ни угрозы не помогли. Мятежники желали не словъ, а денегъ. Они не отдавали знамени и не думали возвращаться. Димитрій совершенно палъ духомъ. Въ страшномъ волненіи, разстроенный, съ глазами, полными слезъ, онъ обратился къ капелланамъ. Онъ хотѣлъ бы отмстить за свое безчестіе. Онъ спѣшилъ исповѣдаться во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Но что дѣлать? Съ чего начать? Царевичъ окончательно терялъ голову. Съ великимъ трудомъ удалось его успокоить. Полное самообладаніе вернулось къ нему только тогда, когда бунтовщики возвратились въ лагерь.

Дневникъ о. Лавицкаго разсказываетъ намъ объ этомъ эпизодѣ; однако, іезуитъ не сообщаетъ, какимъ образомъ достигнуто было умиротвореніе. Весьма вѣроятно, этому помогло золото, наконецъ, раздобытое въ Черниговѣ.

Димитрій воспрянулъ духомъ такъ же легко, какъ раньше поддался отчаянію. 21-го ноября его армія стояла уже у Новгорода-Сѣверска. Но напрасно царевичъ мечталъ и здѣсь добиться легкаго успѣха. Однимъ изъ начальниковъ мѣстнаго гарнизона былъ Петръ Басмановъ. Историки нерѣдко изображали его великимъ стратегомъ. Каковы бы ни были военныя способности Басманова, онъ обладалъ сильнымъ характеромъ. Его отличала грубая энергія; вдобавокъ онъ носилъ имя, прославленное въ лѣтописяхъ опричнины. Когда вдали показался врагъ, Басмановъ прибѣгъ къ тактикѣ, обычной для русскихъ при такихъ обстоятельствахъ. Запылали посады, подожженные со всѣхъ четырехъ концовъ. Жители, какъ попало, сбились въ крѣпость. Авангардъ царевича не имѣлъ здѣсь того успѣха, какъ въ другихъ городахъ. Его встрѣтили насмѣшками, полными грубаго остроумія. О массовомъ переходѣ людей на сторону Димитрія не было и помину. Лишь отдѣльнымъ перебѣжчикамъ удалось выбраться изъ крѣпости, но и это скоро прекратилось.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Крѣпость была неприступна. Пришлось начать регулярную осаду. Стали рыть рвы и строить машины, прежде нежели итти на штурмъ. Осаждающіе съ жаромъ принялись за дѣло; въ теченіе нѣсколькихъ дней подготовительныя работы были закончены. Загрохотали импровизованныя батареи, и при сильномъ морозѣ раза три-четыре днемъ и почью армія царевича бросалась на стѣны Новгорода. Конница, спѣшившись, поддерживала атаку. Натискъ нападающихъ казался непреодолимымъ. Но каждый разъ удачно наведенныя пушки защитниковъ города производили такое опустошеніе въ рядахъ враговъ, что тѣ волей-неволей вынуждены были отступать. Положеніе становилось критическимъ. Свѣдущіе люди говорили о необходимости бить брешь. Однако, это было невозможно за неимѣніемъ пушекъ крупнаго калибра.

Димитрій сердился. Имъ опять овладѣвало уныніе. Онъ съ горечью жаловался на неудачи и высмѣивалъ трусость поляковъ. Тѣ отвѣчали ему грубостями. Конечно, этотъ обмѣнъ любезностей не облегчалъ взятія крѣпости.

Неудачи осады были скрашены добровольной сдачей нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ. Съ 10 по 12 декабря Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ и Кромы прислали выборныхъ съ заявленіемъ о своемъ полномъ подчиненіи и признаніи царемъ Димитрія Ивановича. Во всемъ бассейнѣ Десны, Сейма и дальше Димитрій становился народнымъ героемъ. Число его приверженцевъ замѣтно возрастало. Толчокъ къ этому исходилъ отъ казаковъ. Отдѣлившись на берегахъ Днѣпра отъ главной арміи, они шли къ мѣсту соединенія обходными путями. На своемъ пути они встрѣчали населеніе, готовое слушать ихъ и слѣдовать за ними. Оно было истомлено московскими поборами; оно стремилось къ соціальному освобожденію. Эта масса шла къ Димитрію не съ пустыми обѣщаніями, но съ осязательными доказательствами своего рвенія. Народъ приводилъ къ царевичу сторонниковъ Годунова и отдавалъ ихъ въ полное его распо-

ряженіе. Жители Путивля обнаружили особое усердіе: они выразили готовность драться противъ Басманова и доставили пушку. Среди этой смѣны успѣховъ и неудачъ внезапно распространился слухъ, что приближается армія Бориса: такимъ образомъ, войско Димитрія рисковало очутиться между двухъ огней.

Слухъ оказался вѣрнымъ. Годуновъ долго колебался. Весьма вѣроятно, онъ чувствовалъ отвращеніе къ войнѣ съ какимъ-то темнымъ искателемъ приключеній. Однако, когда другія средства не привели ни къ чему, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ принять унизительный вызовъ. Призракъ облекся въ плоть и кровь. Съ нимъ воскресло роковое имя. „Царевичъ" становился грознымъ. У него было достаточно силы, чтобы оспаривать у Бориса власть надъ государствомъ. Въ какіе-нибудь четыре мѣсяца Димитрій успѣлъ перейти Днѣпръ, водвориться въ русской области и словно околдовать ея населеніе. Было болѣе чѣмъ своевременно начать дѣйствовать противъ него. При такихъ обстоятельствахъ, Борисъ ударился въ противоположную крайность. Онъ сконцентрировалъ значительныя силы у Бряньска. Командованіе ими онъ вручилъ сыну опальнаго боярина, Ѳедору Мстиславскому, который снискалъ его довѣріе своими обѣщаніями. Эта-то армія и двинулась противъ Димитрія.

Всѣ шансы побѣды были на сторонѣ московскаго государя. Войска его, набранныя изъ русскихъ, татаръ и нѣмцевъ, были менѣе утомлены и болѣе многочисленны. Кромѣ того, Мстиславскій могъ напасть на армію Димитрія съ фронта и тыла, загнать ее къ несокрушимымъ стѣнамъ Новгорода и раздавить въ кольцѣ изъ огня и желѣза. Ни однимъ изъ этихъ преимуществъ Мстиславскій не воспользовался. Послѣ незначительныхъ стычекъ и безрезультатныхъ переговоровъ, серьезное дѣло завязалось лишь 31 декабря 1604 г. *) Его кровавыя

*) Borsza, стр. 378.—Margeret, стр. 76. Дата 31 дек. указана *Лавицкимъ* въ его Diarium f. II v⁰.

перипетіи описали Борша и Маржеретъ. Одинъ изъ авторовъ—соратникъ Димитрія, другой—пособникъ Мстиславскаго. Итотъ и другой по-своему опредѣляли число сражавшихся и изображали маневры войскъ. Историки съ присущей имъ проницательностью пытались соединить оба разсказа; однако, этимъ они лишь добились того, что совершенно запутали картину. Не лучше ли признаться въ томъ, что противорѣчія непримиримы? Не проще ли ограничиться данными, одновременно приводимыми обоими очевидцами? Избирая такой путь, мы можемъ утверждать съ полной достовѣрностью, что честь этого дня принадлежитъ полякамъ. Стремительныя атаки ихъ поколебали русскихъ, такъ что побѣда осталась за Димитріемъ. Князь Мстиславскій, самъ раненый въ схваткѣ, поспѣшно очистилъ поле сраженія. Не подобравъ даже мертвыхъ, онъ началъ отступленіе подъ защиту окружающихъ лѣсовъ. Его парчевое знамя и нѣсколько пушекъ остались въ рукахъ побѣдителей. Маржеретъ заканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ страннымъ замѣчаніемъ: „Въ заключеніе можно сказать, что у русскихъ точно отнялись руки для ударовъ“. Борша, хотя и болѣе сдержанно, но также отмѣчаетъ, что русскіе были обращены въ бѣгство съ удивительной легкостью.

Что касается Димитрія, то въ своемъ торжествѣ онъ видѣлъ произволеніе высшихъ силъ. Въ порывѣ энтузіазма онъ приписалъ побѣду помощи частицы святого Креста, которую онъ получилъ отъ капеллановъ. За нѣсколько дней до сраженія Димитрій встрѣтилъ одного изъ нихъ и обратился къ нему со слѣдующими словами: „Я далъ обѣтъ, если Господь благословитъ мои усилія, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь святой Дѣвы. Вамъ я и думаю ее передать“. Ободренный этимъ признаніемъ, іезуитъ упомянулъ о драгоцѣнной реликвіи, недавно отправленной изъ Польши и предназначенной для царевича. Димитрій, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, обнаружилъ благочестивое нетерпѣніе: онъ потребовалъ немедленно доставить ему свя-

тишю и повѣсилъ ее къ себѣ на шею. Послѣ побѣды, вызывая въ своей памяти великую тѣнь Константина, онъ рѣшилъ, что находится подъ покровительствомъ неба, подобно сопернику Максенція.

Въ концѣ-концовъ, надо признаться, что за исключеніемъ нѣсколькихъ блистательныхъ атакъ польской кавалеріи, бой не былъ особенно жаркимъ и не далъ рѣшительной побѣды самозванцу. Виноватъ въ томъ былъ не Димитрій. Его планъ заключался въ томъ, чтобы преслѣдовать врага, отрѣзать ему отступленіе и разбить его силы. Поляки требовали другого. Лишній разъ они доказали, что на первомъ мѣстѣ у нихъ стояло жалованье, а потомъ война. А такъ какъ у Димитрія пока не было, чѣмъ платить имъ, то они и отказались ему повиноваться. Побѣда обошлась царевичу дорого: вспыхнуло новое возмущеніе, еще болѣе серьезное, чѣмъ предыдущее.

Лозунгъ мятежниковъ былъ тотъ же, что и раньше. Они требовали возвращенія въ Польшу. Чтобы удержать жолнеровъ, Димитрій, по словамъ Борша, прибѣгъ къ опасному средству. Былъ заключенъ договоръ съ ротой Фредра. Этотъ отрядъ пользовался большимъ вниманіемъ чѣмъ, остальные: на этотъ разъ онъ получилъ свое жалованье, но зато обязался спасти положеніе. Однако, оказалось, что все это были напрасныя старанія и ложные расчеты.

Тайное соглашеніе Димитрія съ избранной ротой обнаружилось. 10 января вспыхнулъ новый мятежъ въ войскѣ. Ничто не могло сдержать анархіи; лагерь пришелъ въ полный безпорядокъ; все было разграблено: жизненные припасы и амуниція, пушки и знамена. Гетманъ, отважно рискуя собою, выступилъ посредникомъ. Однако, ему удалось добиться отъ мятежниковъ только успокоенія на нѣсколько часовъ. Въ слѣдующую же ночь буря поднялась еще сильнѣе. Было невозможно остановить ея неистовства. Среди криковъ было рѣшено немедленно вернуться въ Польшу всѣмъ жолнерамъ; тотчасъ же мятежники тронулись въ путь.

Тотъ же гетманъ, который убѣждалъ другихъ остаться, 14 января самъ отправился въ Польшу. Это не было отказомъ отъ участія въ дѣлѣ. Столь странное совпаденіе Мнишекъ объяснялъ тѣмъ, что получилъ новыя повелѣнія короля, съ которыми желаетъ сообразоваться. Другимъ предлогомъ служила для Мнишка необходимость защитить дѣло претендента передъ Сеймомъ. Повидимому, волненія военнаго времени и случайности битвъ мало привлекали стараго и немощнаго воеводу. Немедленно онъ былъ замѣненъ Адамомъ Дворжицкимъ.

Однако, было гораздо легче избрать новаго начальника, нежели удержать подъ знаменами распадающуюся армію. При видѣ возрастающаго количества дезертировъ, Димитрій тревожился все болѣе и болѣе. Онъ бросался отъ одной палатки къ другой, умолялъ не оставлять его... Но всюду онъ встрѣчалъ отказъ, а часто и оскорбленія. На этотъ разъ онъ опять со своимъ горемъ обратился къ капелланамъ и со слезами просилъ ихъ содѣйствія. Они обѣщали ему, чтобы ни случилось, остаться на своемъ посту. Таково было ихъ рѣшеніе; они и не измѣнили ему. Димитрію оставалось только воспользоваться имъ.

Когда насталъ удобный психологическій моментъ, экипажъ іезуитовъ тронулся по московской дорогѣ. Видимо, этотъ примѣръ положилъ конецъ колебаніямъ многихъ. Около двухъ тысячъ поляковъ согласились слѣдовать за царевичемъ и раздѣлить его участь; дезертировъ оказалось всего около восьмисотъ человѣкъ.

Послѣ пережитыхъ бурныхъ сценъ Димитрій не рѣшился оставаться подъ Новгородомъ и снялъ съ него осаду. Впрочемъ, онъ не видѣлъ никакого неудобства въ томъ, чтобы оставить позади себя крѣпость въ рукахъ непріятеля. Его главной цѣлью было возможно скорѣе дойти до Москвы. Именно тамъ онъ разсчитывалъ добиться легкой и полной побѣды. Сопровождаемый шайками казаковъ и разстроенными батальонами поляковъ, онъ направился въ Сѣвскъ, чтобы тамъ

привести свою армію въ большій порядокъ. Этотъ городъ былъ новымъ этапомъ на пути къ столицѣ. Какъ и вся Комарницкая область, городъ былъ вполнѣ преданъ царевичу. Нѣсколько дней отдыха въ Сѣвскѣ дали Димитрію возможность оглянуться назадъ и учесть свое положеніе.

Два обстоятельства омрачали его настроеніе и заботили его чрезвычайно. Во-первыхъ, бѣгство поляковъ могло возобновиться; во-вторыхъ, среди самихъ русскихъ уже ходили слухи относительно отреченія царевича отъ православія Такимъ образомъ, Димитрій видѣлъ себя между двухъ огней. Ему грозило или быть покинутымъ одними, или же стать ненавистнымъ для другихъ за свое латинство. Все это онъ считалъ слѣдствіемъ интригъ Замойскаго и Яцуша Острожскаго. Не имѣя возможности бороться противъ нихъ изъ нѣдръ московскаго царства, Димитрій предоставлялъ это нунцію Рангони: онъ заклиналъ прелата принять его подъ свою защиту. Съ этой просьбой онъ отправилъ особаго гонца изъ Сѣвска въ Краковъ *). Однако въ то время, какъ царевичъ предпринималъ мѣры противъ одной стороны, враги грозили ему съ другой. Димитрію предстояла новая битва.

Князь Мстиславскій не терялъ изъ виду своего врага и собирался отплатить ему за понесенное пораженіе. Послѣ неудачи при Новгородѣ Борисъ Годуновъ, чтобы поддержать духъ войска, обошелся съ побѣжденными, какъ съ побѣдителями **). Онъ обратился къ арміи со словами поощренія. Всѣ, отъ военачальника до послѣдняго солдата, получили отъ царя щедрые подарки. Мстиславскій пользовался уходомъ придворнаго лѣкаря, присланнаго изъ Москвы. Это было исключительной милостью, которая оказывалась въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Оправившись отъ своей раны, князь быстро реорганизовалъ армію. Его помощникомъ

---

*) Архивы Инквиз. IV, f. 57 v°, 1605, 18 января. Письмо Димитрія къ Рангони.

**) *Акты Арх. Экс.*, т. II, с. 76, п° 27. Дата сраженія отнесена къ 21 декабря, по старому стилю.

былъ Василій Шуйскій, разслѣдовавшій нѣкогда Угличское дѣло и представлявшій изъ себя идеальный типъ предателя.

Правительственная армія двинулась къ Сѣвску небольшими переходами.

Въ концѣ января она, какъ выяснилось, стояла уже въ окрестностяхъ города.

Узнавъ объ этомъ, окружающіе Димитрія раздѣлились на два лагеря. Поляки, болѣе правильно оцѣнивая положеніе вещей, хотѣли вступить съ годуновцами въ переговоры, выиграть время и дѣйствовать путемъ соблазна. Однако, такая медлительность была не по нраву казакамъ.

Эти рубаки сгорали отъ желанія драться. Димитрій сталъ на ихъ сторону. Въ концѣ-концовъ, никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. 30-го января 1605 года полки самозванца весело выступили противъ непріятеля, чтобы сразиться съ нимъ около небольшой деревеньки Добрыничей.

И на этотъ разъ исходъ сраженія намъ извѣстенъ лучше нежели его подробности.

Борьба шла между качествомъ и количествомъ, такъ какъ Мстиславскій имѣлъ значительный перевѣсъ силы. И, безспорно, качество потерпѣло пораженіе. Вначалѣ поляки стремительно бросились въ атаку. Несясь на своихъ легкихъ и быстрыхъ скакунахъ, эти пылкіе всадники заставили отступить московскія войска. Можетъ-быть, они и разбили бы ихъ, если бы не неожиданное отступленіе запорожскихъ казаковъ во время самой горячей схватки. Казаковъ было около семи тысячъ. Въ тотъ моментъ, когда всѣ разсчитывали на ихъ поддержку,они бросились въ позорное бѣгство, даже не будучи атакованы *). Эта неожиданная паника показалась настолько подозрительной, что распространился слухъ, будто казаки были подкуплены московскимъ золотомъ.

---

*) Димитрій описалъ битву при Добрыничахъ въ письмѣ къ Рангони. Онъ начинаетъ письмо 18-го апрѣля слѣдующими словами: „Superioribus diebus per nostrum tabellarium Ioannem Paproczki de progressu nostrae expeditionis III-m suam Dominationem certiorem reddideramus et potis-

Подобно Царевичу и Борша слагаетъ на казаковъ отвѣтственность за позоръ и пораженіе. Но что сказать объ образѣ дѣйствій поляковъ? Пусть они блестяще открыли сраженіе. Однако, не черезчуръ ли скоро они пали духомъ? Не слишкомъ ли поторопились они послѣдовать за казаками? Борша истолковываетъ дѣйствія своихъ соотечественниковъ съ большимъ великодушіемъ: они, будто бы, обратились въ бѣгство, чтобы вернуть дрогнувшихъ казаковъ.

Этотъ благородный мотивъ остался неизвѣстнымъ Маржерету. „Окутанная пороховымъ дымомъ русская армія", говоритъ онъ, „выпустила отъ 10 до 12 тысячъ зарядовъ и произвела въ рядахъ поляковъ такое опустошеніе, что они въ большомъ смятеніи бросились назадъ". И это еще не все: „Остатки польскихъ силъ приближались съ большой поспѣшностью къ полю сраженія, но, видя безпорядочное отступленіе своихъ, сами обратились въ бѣгство..." Противорѣчивые разсказы очевидцевъ создаютъ такое впечатлѣніе, что при Добрыничахъ возникла та необъяснимая паника, которая порою неожиданно охватываетъ армію, отнимаетъ у нея вѣру въ свои силы и причиняетъ болѣе вреда, чѣмъ оружіе врага. Эта паника была настолько же общей насколько и стремительной: бѣглецы, минуя лагерь, бросили амуницію, багажъ, оружіе, повозки *). Объятые, какъ и остальные, паникой, оба іезуита захватили только принадлежности своей капеллы. Вскочивъ на лошадей, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе Димитріемъ, несмотря на свою неопытность,

---

simum de illa tristi fuga ad arcem Siewscensen in Comarnicensi nostra ditione, quam, Deo ita permittente, propter velites Zaporoscenses qui campo, nullamvim passi, turpiter cesserant, aequo, ut decelat, pertulimus animo..." (См. Архив. Инкв., IV, f. 85).

*) Лавицкій говоритъ такъ: „Dum in Comarniciensem regionem progredimur (h o s t i l i s e x e r c i t u s) subsequitur, ibique ad arcem Seivtensem (quae rerum humanarum vicissitudo est.) nostrum universum militem, fugere desertis castris, coegit, ut Putivoli cum Serenissimo (D m i t r i) subsistere, dum noctes duas duosve dies sibi fuga consulit, debuerit, ubi et nunc reficit vires".—Наше собраніе, 1605, 15 апр., *Лавицкій къ Аквавивѣ*.

они поскакали во весь опоръ съ опасностью переломать себѣ ноги и разбиться насмерть.

Князь Мстиславскій торжествовалъ побѣду. Но для ея полноты необходимо было захватить самозванца.

Такимъ образомъ, мятежъ былъ бы обезглавленъ, а Польша лишилась бы своего орудія. Это имѣло бы существенное значеніе.

Годуновъ только того и желалъ; такой успѣхъ прекращалъ всю войну. Но какъ можно было достигнуть этого? Что сталось съ самимъ царевичемъ? Видя полное свое пораженіе, Димитрій поспѣшно бѣжалъ. Свою безумную скачку онъ прекратилъ, чтобы перевести духъ, лишь въ Путивлѣ. Туда онъ прибылъ 3-го февраля. Вокругъ него собрались остатки арміи. Его соратники возвращались къ нему, разбитые усталостью, безъ силъ, неспособные къ сопротивленію. Эта кучка бѣглецовъ могла бы стать легкой добычей московскихъ войскъ. Еще нѣсколько часовъ, небольшое, послѣднее усиліе—и съ Димитріемъ было бы покончено. „Врагъ могъ бы гнаться за нами,—говоритъ Лавицкій,—догнать, перебить и зажечь лагерь. Но ему помѣшало Провидѣніе: онъ остановился отъ насъ, не дойдя мили, и не рѣшился воспользоваться своей удачей".

И дѣйствительно, медлительность Мстиславскаго была весьма подозрительна. Почему не догадался онъ о полномъ разгромѣ побѣжденныхъ? Почему не оставилъ онъ свои обозы, не двинулся за врагомъ форсированнымъ маршемъ и не нанесъ ему послѣдняго удара?

Безспорно, была трудная задача; но она выдвигалась неизбѣжнымъ ходомъ вещей. А, вмѣсто этого, московскій князь медлилъ. Онъ не дошелъ даже до Путивля; онъ остановился на полудорогѣ около Рыльска и началъ бомбардировать этотъ городъ, рискуя оказаться между двухъ огней. Благодаря такому образу дѣйствій, Димитрій былъ спасенъ *).

*) *Платоновъ*, Очерки, стр. 267, превосходно резюмируетъ трудность положенія Мстиславскаго. Однако, принимая во вниманіе слабость Димитрія, эти трудности, видимо, были преодолимы.

III.

Когда остатки арміи царевича соединились въ Путивлѣ, оказалось возможнымъ опредѣлить размѣры катастрофы. Самъ Димитрій не видѣлъ исхода изъ создавшагося положенія. Онъ былъ опечаленъ; онъ почти приходилъ въ отчаяніе. Что будетъ съ нимъ безъ денегъ и безъ людей, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ? Продолжать ли войну или вернуться въ Польшу? Попытаться ли выиграть дѣло при помощи ловкости и отваги, или же отказаться отъ короны, какъ отъ недостижимой цѣли? Передъ Димитріемъ вставала дилемма Гамлета. Отвѣтить на вопросъ было въ его власти, но онъ самъ не зналъ, что сказать *).

Во время одного разговора съ капелланами царевичъ подѣлился съ ними своими мыслями и сомнѣніями. Сначала заговорили о недавнемъ пораженіи. По мнѣнію обоихъ отцовъ, казаки не были ни единственными, ни главными виновниками несчастья. Въ оцѣнкѣ недавнихъ событій іезуиты стали на болѣе возвышенную точку зрѣнія: они внушали царевичу мысль о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ. Во время сраженія одинъ солдатъ изнасиловалъ русскую женщину. Этотъ возмутительный соблазнъ произошелъ публично и требовалъ возмездія неба. „Вотъ въ чемъ скрыты причины несчастья“, говорили капелланы. „Преступленія людей навлекаютъ гнѣвъ Божій; этимъ и объясняется пораженіе“. Димитрій легко усвоилъ эту точку зрѣнія; онъ былъ возмущенъ отвратительнымъ поступкомъ солдата и долго распространялся на эту тему. Но, въ концѣ своей тирады, онъ опять поставилъ мучительный вопросъ, который ему хотѣлось разрѣшить прежде всего. Надо ли продолжать войну или нѣтъ? У іезуитовъ не было склонности отвѣчать на

*) Вся эта глава составлена по Diarium Лавицкаго, его письмамъ и письмамъ Чижовскаго. Одни изъ нихъ находятся въ Ватик. архивѣ, отд. Боргезе, II, 499: VI 90, b. Другія взяты изъ нашей коллекціи. Небольшое количество писемъ напечатано въ Rome et Demetrius.

это. Ихъ миссія была точно опредѣлена нунціемъ Рангони: политика и война были внѣ компетенціи ихъ. Въ виду этого они отослали Димитрія къ его товарищамъ по оружію; сами же ограничились своимъ обычнымъ заключеніемъ, что надо положиться на Господа Бога, вольнаго въ жизни и смерти.

Эта неопредѣленность царила недолго. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ пребыванія Димитрія въ Путивлѣ, событія слѣдовали одно за другимъ съ такой быстротой, что скоро онъ забылъ свои неудачи. Царевичъ вновь принялся за дѣло, развивая необычайную энергію. Іезуитамъ часто приходилось встрѣчать Димитрія, говорить съ нимъ и наблюдать его. Ихъ впечатлѣнія бросаютъ лучъ свѣта на эту личность.

Димитрій обладалъ даромъ довѣряться, не выдавая себя. Онъ скрывалъ политическія тайны, но въ то же время любилъ распространяться относительно своихъ плановъ и вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ. Его смѣлая мысль заметала далеко, притомъ онъ умѣлъ представить свои проекты въ увлекательномъ видѣ. Капелланы, возвращаясь къ себѣ послѣ такихъ бесѣдъ, набрасывали свои впечатлѣнія на бумагу. Они явно находились подъ очарованіемъ легкой и живой рѣчи претендента; она льстила наиболѣе дорогимъ ихъ надеждамъ; она опережала всѣ событія... Обаяніе было тѣмъ болѣе сильно, что въ ихъ глазахъ Димитрій былъ настоящимъ сыномъ Ивана IV. Если бы они въ томъ и сомнѣвались, ихъ скоро убѣдилъ бы тотъ горячій пріемъ, который встрѣчалъ царевичъ у жителей московскаго государства. Сопротивленіе исходило сверху и поддерживалось силой. Народныя же массы, предоставленныя самимъ себѣ, легко шли за Димитріемъ. Ихъ увлеченіе носило стихійный характеръ. По одному подозрѣнію въ потачкѣ измѣнникамъ двое воеводъ были немедленно изрублены. Голосъ Годунова не встрѣчалъ отзвука; на анаѳемы патріарха Іова никто не обращалъ вниманія. Московское правительство могло проклинать самозваннаго царевича и отождествлять его съ

Гришкой Отрепьевымъ сколько ему было угодно; народъ считалъ Димитрія истиннымъ царевичемъ и восторженно провозглашалъ его государемъ. Самъ Димитрій, болѣе предусмотрительный, чѣмъ въ Польшѣ, всячески старался доказать, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ Гришкой Отрепьевымъ. Въ Путивль былъ приведенъ человѣкъ, обвиняемый въ колдовствѣ. Свидѣтели удостовѣрили, что онъ и есть истинный носитель того имени, которое было неожиданно пущено въ оборотъ Годуновымъ. Далѣе мы увидимъ, какова была цѣна этого показанія.

Въ глазахъ народной массы истиннымъ царевичемъ могъ быть только усердный ревнитель православія. Димитрій прекрасно зналъ это; поэтому онъ заботливо хранилъ тайну своего отреченія. Украдкою же, по крайней мѣрѣ, съ іезуитами, онъ оставался вѣрнымъ католикомъ и даже гордился строгимъ выполненіемъ католическихъ обрядовъ. Не только на Рождество, но и на Пасху, когда за его спиною не стоялъ уже воевода Сандомирскій, онъ исповѣдывался по своей иниціативѣ. Постоянно мечтая о коронѣ, онъ заявлялъ на исповѣди, что близокъ день его вѣнчанія на царство. Иногда онъ отваживался давать благочестивые совѣты окружающимъ его полякамъ и отсылалъ ихъ къ капелланамъ для разрѣшенія отъ грѣховъ. Тѣмъ не менѣе, его благочестіе носило, по преимуществу, внѣшній, почти декоративный характеръ. Такимъ образомъ, онъ грѣшилъ тѣмъ же самымъ, въ чемъ упрекалъ другихъ. Чтобы добиться успѣха, онъ обычно давалъ обѣты. Часто онъ просилъ благословенія. Рашоши разсказываетъ, что передъ сраженіемъ онъ падалъ на колѣни и произносилъ такую молитву: „Господи, если дѣло мое правое, помоги мнѣ и защити меня; если же оно неправо, да свершится судъ Твой надо мной“. Припомнимъ, съ какимъ чувствомъ онъ принялъ частицу святого Креста. Послѣ побѣды, она стала Димитрію еще дороже. Онъ началъ воздавать ей религіозное поклоненіе и, по русскому обычаю, произносилъ передъ ней свои клятвы. Когда чудо-

творную икону Курской Божьей Матери перенесли въ Путивль, царевичъ выдѣлялся среди всѣхъ остальныхъ ея почитателей своимъ усердіемъ *). Онъ вышелъ ей навстрѣчу, заставилъ обнести ее крестнымъ ходомъ вокругъ стѣнъ города и постоянно хранилъ этотъ образъ около себя. Даже болѣзнь не помѣшала ему разыграть роль глубоковѣрующаго человѣка. Въ первыхъ числахъ мая Димитрій схватилъ лихорадку. Въ виду отсутствія врача и какой бы то ни было помощи, онъ не зналъ, къ чему прибѣгнуть. Тогда ему предложили камень безоаръ. Капелланы запаслись этимъ камнемъ; молва приписывала ему чудесныя свойства. Димитрій охотно согласился сдѣлать опытъ. Частица драгоцѣннаго лѣкарства была опущена въчашу съ водой. Окружающіе больного преклонили колѣна. Димитрій широко осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ: „Отче нашъ“... Затѣмъ онъ проглотилъ лѣкарство. Скоро Димитрій выздоровѣлъ; послѣ этого онъ сталъ поклонникомъ чудодѣйственнаго камня.

Вопросъ о соединеніи церквей, видимо, не возбуждался въ Путивлѣ. Онъ былъ исчерпанъ уже при переговорахъ съ Рангони и въ соглашеніи съ Мнишкомъ. Тѣмъ не менѣе, царевича занимали религіозныя проблемы; при случаѣ онъ готовъ былъ даже разыграть роль реформатора. Особенно охотно мысль его обращалась къ одному предмету. Благодаря долголѣтнему общенію съ монахами, Димитрій отлично изучилъ эту среду. Къ ней онъ не питалъ никакой слабости. Напротивъ, ничто не могло сравниться съ его глубокимъ презрѣніемъ къ черному духовенству. Выслушивая его обличительныя рѣчи противъ монаховъ, можно было убѣдиться, что царевичъ пережилъ самъ все то, о чемъ говоритъ. Внѣшность не обманывала Димитрія. Наоборотъ, показное благочестіе возбуждало его негодованіе. По мнѣнію царевича, русскіе монахи пустой формализмъ

*) Barezzo Barezzi, 13.

ставятъ выше самыхъ важныхъ религіозныхъ обязанностей. Впрочемъ, то былъ еще самый легкій упрекъ, который онъ имъ дѣлалъ. Его отвращеніе къ монахамъ вызывалось другими, болѣе серьезными ихъ недостатками. Димитрій обвинялъ иноковъ въ томъ, что они предаются безпутной жизни, коснѣютъ въ невѣжествѣ и праздности и пренебрегаютъ своими уставами настолько, что порою не помнятъ ни имени ихъ создателя, ни происхожденія своихъ монастырей. Всякій разъ, какъ разговоръ касался этой темы, Димитрій становился непостояннымъ. Въ его рѣчахъ чувствовались горечь и гнѣвъ; можно было подумать, что онъ замышляетъ противъ монаховъ какія-то суровыя мѣры. Однажды, послѣ жестокихъ нападокъ на монастыри, царевичъ обратился къ іезуитамъ съ вопросомъ: „Что дѣлать? Какъ бы разомъ искоренить все это зло?“ Положеніе было щекотливое. Русскіе насторожились; но капелланы предпочли предоставить вопросъ собственному усмотрѣнію молодого реформатора.

Несмотря на свой интересъ къ религіи, Димитрій отдавалъ явное предпочтеніе другой области идей: онъ былъ фанатическимъ приверженцемъ научнаго знанія. Пребываніе за границей дало ему возможность сравнить съ этой стороны Россію съ Польшей.

Польша Ягеллоновъ, съ ея коллегіями и школами до очевидности была выше невѣжественной и отсталой Москвы. Димитрій прекрасно понималъ это. Онъ мечталъ распространить образованіе въ государствѣ, которымъ ему предстояло управлять. На этотъ счетъ у него были совершенно опредѣленные планы. Его безповоротнымъ рѣшеніемъ было насадить въ Россіи школы и академіи. Онъ отправитъ за границу русскихъ молодыхъ людей. Чтобы создать разомъ элементарныя школы и курсы высшихъ наукъ, онъ вызоветъ въ Москву множество учителей и учениковъ. Такая мѣра была бы самой дѣйствительной, и, если бы Димитрій встрѣтилъ болѣе энергичную поддержку, весьма вѣроятно ему удалось бы и добиться большаго, чѣмъ Годунову.

Спустя столѣтіе, на поворотѣ русской исторіи, Петръ Первый не найдетъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать то же самое, что предполагалъ Димитрій.

Эта любовь къ наукѣ была чужда всякой аффектаціи: въ ней не было и ничего вульгарнаго. Она основывалась на глубокомъ личномъ убѣжденіи. Самъ Димитрій былъ одаренъ тонкимъ умомъ и быстрой воспріимчивостью. Онъ легко схватывалъ любой вопросъ, какъ въ деталяхъ, такъ и въ его цѣломъ. Его феноменальная память никогда ему не измѣняла. Развитіемъ этихъ способностей Димитрій весьма мало былъ обязанъ школѣ. Его литературный багажъ ограничивался нѣсколькими текстами изъ Библіи, особенно изъ Новаго Завѣта, спутанными и отрывочными свѣдѣніями изъ исторіи и географіи. Царевичу были извѣстны имена и великія дѣянія Филиппа Македонскаго, Александра Великаго, Константина и Максенція. Въ случаѣ нужды, онъ дѣлалъ ссылки и на Геродота. Даже въ по́ходное время на его столѣ раскладывались плоскошарія. Онъ умѣлъ ими пользоваться. Склонясь надъ картою, онъ показывалъ капелланамъ путь въ Индію черезъ московское царство. Онъ сравнивалъ его съ морскимъ путемъ, огибающимъ мысъ Доброй Надежды, и отдавалъ предпочтеніе первому. Что касается языковъ, то Димитрій не зналъ латыни; русскимъ же онъ владѣлъ лучше, чѣмъ польскимъ. Только при помощи роднаго языка могъ онъ сноситься съ московскими боярами, многіе изъ которыхъ никогда не открывали ни одной книги и не написали ни единой строки.

Однако, все то, что зналъ Димитрій, не могло итти въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ знать. Онъ желалъ получить основательное образованіе. Въ Путивлѣ на досугѣ онъ сдѣлалъ довольно странную попытку. 20-го апрѣля Димитрій приказалъ позвать обоихъ іезуитовъ. Къ ихъ великому изумленію, въ присутствіи нѣсколькихъ русскихъ, онъ началъ говорить имъ объ истинной мудрости и о путяхъ къ ея достиженію. По его словамъ, государь долженъ

отличаться въ двухъ областяхъ: въ искусствѣ войны и въ любви къ наукамъ. Послѣ такого вступленія, царевичъ безъ околичностей заявилъ, что хочетъ заняться изученіемъ наукъ; капелланы же должны оказать ему помощь. Застигнутые врасплохъ, оба отца не знали, что отвѣтить. Они опасались, какъ бы воинъ арміи не оказался плохимъ ученикомъ, какъ бы онъ не забылъ о грамматикѣ, торопясь въ сраженія. Однако, Димитрій не принялъ никакихъ отговорокъ и согласился лишь на короткую отсрочку. На другой день, хотя и рѣшивъ уступить, іезуиты еще разъ попытались уклониться. Однако, всѣ отговорки были напрасны. Увидавъ въ рукахъ отца Андрея книгу, Димитрій взялъ ее. То былъ Квинтиліанъ. Безъ дальнихъ словъ, онъ пригласилъ духовниковъ сѣсть и передалъ книгу отцу Андрею. „Пожалуйста, читайте эту книгу,—сказалъ онъ,—и объясните мнѣ нѣкот[illegible]ыя мѣста. Я съ удовольствіемъ буду слушать васъ". Первый урокъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ограничился самыми элементарными объясненіями, но живо заинтересовалъ любознательнаго ученика. Димитрій окончательно рѣшилъ осуществить свой планъ занятій. Были организованы регулярные курсы. Утромъ одинъ часъ посвящался философіи, вечеромъ же—грамматикѣ и литературѣ. Оба наставника преподавали на польскомъ языкѣ, секретарь записывалъ за ними и переводилъ на русскій языкъ, чтобы облегчить трудъ усвоенія. Димитрій держался, какъ настоящій ученикъ. Стоя съ непокрытой головой, онъ серьезно повторялъ свой урокъ. Однако, это ревностное ученіе продолжалось недолго. Русскіе начали съ недовѣріемъ относиться къ частымъ и продолжительнымъ свиданіямъ царевича съ іезуитами. Стали распространяться неблагопріятные для Димитрія слухи, и черезъ три дня занятія были прерваны. Димитрій никогда больше не возобновлялъ своихъ уроковъ. Но его отношенія къ обоимъ іезуитамъ остались прекрасными. Отецъ Андрей постоянно служилъ ему секретаремъ для переписки на латинскомъ языкѣ.

Правда, отношенія эти испытывали нѣкоторыя колебанія. Когда счастье улыбалось Димитрію, онъ пытался отдалиться отъ капеллановъ; однако, несчастье опять быстро сближало его съ ними, и временное охлажденіе вознаграждалось еще большимъ вниманіемъ и лаской. Тогда съ благодарностью царевичъ припоминалъ услуги, оказанныя ему отцами. Онъ приглашалъ ихъ къ своему столу и по русскому обычаю поднималъ чашу за здоровье генерала, отца провинціала и всей арміи Іисуса. Въ такія минуты языкъ Димитрія развязывался. Онъ устремлялъ свой взоръ въ будущее и обычно возвращался къ своей любимой темѣ о культурѣ и прогрессѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда одновременно въ различныхъ частяхъ его страны будутъ основаны многочисленныя коллегіи. Его живо интересовали ихъ дѣятельность и даже расходы на ихъ устройство. Рѣчи Димитрія были весьма опредѣленны; поэтому отцы полагали, что они наканунѣ созданія новыхъ школъ, почему они и просили необходимыхъ полномочій для устройства этого дѣла.

Даже въ повседневной жизни Димитрій былъ предупредителенъ и любезенъ. Его манеры отличались тонкой учтивостью. Онъ желалъ, чтобы капелланы пользовались тѣми же удобствами, что и онъ. Онъ освѣдомлялся о ихъ здоровьѣ, заботился о ихъ экипажѣ и лошадяхъ, дарилъ имъ ткани и образа для капеллы и даже уплачивалъ ихъ текущіе мелкіе расходы. Особые знаки симпатіи сообщали еще большую цѣну этому вниманію. Однажды, надѣвъ священническій барретъ, Димитрій смотрѣлся въ зеркало. „Этотъ головной уборъ удивительно идетъ къ вамъ“, сказалъ ему одинъ полякъ, „однако, васъ должна украшать корона“. „Что касается меня“, отвѣтилъ царевичъ,—„то я не отказываюсь отъ мысли когда-нибудь впослѣдствіи постричься въ монахи“. Нетрудно догадаться, какихъ монаховъ онъ имѣлъ въ виду.

Съ другой стороны, каковы бы ни были личныя чувства

Димитрія, ему было выгодно поддерживать добрыя отношенія съ іезуитами. Благодаря своей дѣятельности, оба отца пріобрѣли значительное вліяніе въ арміи. Ихъ палатка служила капеллой и была всегда открыта. Солдаты собирались тамъ, чтобы прослушать мессу, проповѣдь или получить наставленіе. Приходилось полными пригоршнями бросать добрыя сѣмена въ эту невѣжественную и грубую массу. Въ теченіе Рождественскаго и Великаго постовъ религіозное рвеніе этой паствы удвоилось. Большіе праздники справлялись весьма торжественно и сопровождались пальбой изъ пушекъ и военной музыкой. Во время Пасхи для солдатъ было устроено драматическое представленіе Страстей Господнихъ. Оно преисполнило русскихъ величайшимъ восхищеніемъ. Каждый день несъ капелланамъ свои заботы: они посѣщали больныхъ, ухаживали за ранеными, обходили передъ сраженіемъ ряды и отважно шли впереди войска къ стѣнамъ осаждаемыхъ городовъ. Такимъ образомъ, между солдатами и двумя священниками создавалась крѣпкая духовная связь. Димитрій скоро замѣтилъ это и былъ достаточно предусмотрителенъ, чтобы извлечь пользу изъ своихъ наблюденій.

Дѣятельность іезуитовъ почти исключительно ограничивалась средою поляковъ. Съ русскими, бывшими въ арміи, приходилось соблюдать нѣкоторую осторожность, довольствуясь хотя бы мирнымъ сожительствомъ съ ними. Димитрія и безъ того подозрѣвали въ латинствѣ; предразсудки въ средѣ его соотечественниковъ черезчуръ глубоки, чтобы можно было думать о сближеніи. Что касается казаковъ, то они были заняты исключительно тѣмъ, какъ бы больше получить добычи, и, за немногими исключеніями, не интересовались религіозными разногласіями.

Напротивъ, простой народъ былъ болѣе доступенъ вліянію іезуитовъ—особенно въ Путивлѣ, гдѣ армія стояла въ теченіе долгаго времени. Черная ряса здѣсь не внушала къ себѣ страха. Многіе присутствовали на проповѣдяхъ и службѣ

духовниковъ; наиболѣе же смѣлые проникали къ нимъ и на домъ. Тутъ многое возбуждало любопытство посѣтителей: самые обычные предметы въ ихъ глазахъ были чудомъ. Особенно интересовалъ ихъ священническій барретъ. Они внимательно разсматривали его со всѣхъ сторонъ, пробуя даже примѣривать его на себя. Скоро іезуиты стали извѣстны всему городу. Дѣти показывали на нихъ пальцами и бѣжали имъ навстрѣчу, когда тѣ выходили изъ дому. Нѣкоторые жители, быть можетъ, подученные поляками, попросили у капеллановъ, чтобы тѣ научили ихъ читать и писать. Одинъ священникъ простеръ свою любознательность до того, что захотѣлъ изучить латинскій языкъ. Нѣкій молодой человѣкъ предложилъ сопровождать своихъ будущихъ наставниковъ до самой Москвы. Всѣ эти выраженія симпатіи трогали сердце іезуитовъ. Они не скрывали своего расположенія къ русскому народу и питали безпредѣльныя надежды. Имъ хотѣлось видѣть возможно больше работниковъ на нивѣ, на которой зрѣла уже жатва.

Событія, видимо, оправдывали эти надежды. Пораженіе дало претенденту больше, чѣмъ побѣда.

ГЛАВА II.

Побѣдоносное шествіе къ Москвѣ.

1605 г.

Конецъ московскаго похода.—Итоги кампаніи.—Двѣ арміи Годунова.—Ошибка Мстиславскаго.—Несвоевременныя репрессіи.—Положеніе вещей у Рыльска.—Приказы Годунова.—Удивительные подвиги атамана Корелы.—Солдатское остроуміе Маржерета.—Отзвуки событій въ Путивлѣ.—Монахи убійцы.—Открытіе заговора.—Развитіе первоначальнаго плана.—Димитрій ищетъ въ Польшѣ моральной поддержки.—Призывъ къ оружію казаковъ и татаръ.—Грандіозный проектъ.—Димитрій склоняетъ на свою сторону ногайскихъ татаръ.—Крымскіе татары.—Скрытая дѣйствующая сила.—Смерть Годунова.—Передача этого событія въ лѣтописяхъ.—Слухи, собранные Мышковскимъ.—Присяга Ѳедору Годунову и его матери.—На Басманова возложено командованіе войскомъ.—Гонецъ въ лагерѣ при Кромахъ.—Разногласіе по случаю присяги.—Военная хитрость поляковъ.—Басмановъ признаетъ Димитрія своимъ государемъ.—Армія Годунова слѣдуетъ этому примѣру.—Депутація въ Путивль.—Господинъ положенія.—Аркудій въ Краковѣ.—Его сообщенія Павлу V.—Признанія виленскаго епископа.—Переговоры Димитрія съ Москвою.—Условія, предложенныя боярами.—Выступленіе изъ Путивля.—Энтузіазмъ народа.—Кромы, остановка капелланов въ Орлѣ.—Тула.—Растерянность въ Москвѣ.—Агенты Димитрія.—Возбуждающая прокламація.—Низложеніе Годуновыхъ.—Сцены насилія.—Успѣхи Димитрія.—Депутаціи въ Тулѣ.—Архіепископъ рязанскій Игнатій.—Смерть правительницы и царя Ѳедора.—Передача этого событія въ лѣтописяхъ.—Ссылка патріарха Іова и двухъ архимандритовъ.—Свидѣтельство Арсенія.—Димитрій въ Серпуховѣ.—Вступленіе въ Москву.—Остановка на Лобномъ мѣстѣ.—Поклоненіе святынямъ.—Диссонансъ.—Осужденіе и помилованіе Шуйскаго.

Собственно говоря, послѣ пораженія при Добрыничахъ, московская кампанія была закончена. Крупныхъ сраженій больше не было. Происходили только стычки, да шла безрезультатная осада нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

Итоги кампаніи заключались въ слѣдующемъ. Димитрій располагалъ лишь остатками польскихъ эскадроновъ, небольшимъ количествомъ казаковъ и русскими крестьянами, вооруженными наспѣхъ и кое-какъ. Наоборотъ, у Годунова были значительныя силы. Къ его услугамъ на самомъ театрѣ войны оставались двѣ вполнѣ готовыя къ дѣлу большія арміи. Одна изъ нихъ, одержавшая побѣду при Добрыничахъ, находилась подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и Шуйскаго. Другая во главѣ своей имѣла Шереметьева. Она стояла лагеремъ у Кромъ и должна была осаждать эту крѣпость. Несмотря на безспорныя внѣшнія преимущества, положеніе Годунова готово было стать критическимъ: въ рукахъ его была лишь матеріальная сила, душа же народа отвернулась отъ него.

Первое время царевичу приходилось только пользоваться ошибками непріятеля. Вмѣсто того, чтобы нанести рѣшительный ударъ, князь Мстиславскій медлилъ передъ осажденнымъ Рыльскомъ. Эта крѣпость одной изъ первыхъ перешла на сторону самозванца. Она осталась вѣрна Димитрію и тогда, когда счастье ему измѣнило.

Упорное сопротивленіе Рыльска содѣйствовало широкой популярности царевича. Со стороны московскаго правительства была допущена и другая, столь же серьезная ошибка. Вся Комарницкая область, помогавшая самозванцу, была разграблена. Алчные солдаты выжгли ее и затопили кровью. Эти ужасныя репрессіи были на-руку Димитрію. Преслѣдуемые, какъ дикіе звѣри, не надѣясь ни на прощеніе, ни на жалость, несчастные жители области искали убѣжища въ Путивлѣ. Тамъ ихъ ожидалъ хорошій пріемъ. Съ другой стороны, цѣлые города подъ вліяніемъ казаковъ, идущихъ на Москву, открыто становились на сторону Димитрія. Въ

теченіе короткаго времени семь крѣпостей, присоединившись къ царевичу, отправили ему своихъ воеводъ въ цѣпяхъ.

Одна изъ этихъ крѣпостей носила ненавистное имя Борисгорода. Димитрій съ великолѣпной самоувѣренностью назвалъ ее Царьгородомъ *).

Въ то время, какъ число приверженцевъ претендента возрастало съ каждымъ днемъ, армія Мстиславскаго мало-по-малу слабѣла и таяла.

Изъ перехваченныхъ писемъ Димитрій съ радостью узналъ объ этомъ.

Письма были адресованы Борису Годунову и дышали глубокимъ уныніемъ. Въ арміи, стоящей передъ Рыльскомъ, все было увлечено общимъ теченіемъ. Было невозможно бороться противъ дезертирства, принявшаго характеръ повальнаго явленія. Что же касается тѣхъ, кто оставался еще подъ царскими знаменами, то ихъ нечѣмъ было кормить. Снабженіе войска провіантомъ встрѣчало непреодолимыя трудности. Воеводы, не видя другого средства, отваживались даже совѣтовать роспускъ арміи. Эту мѣру, казалось, оправдывала недавняя неудача, не предвѣщавшая ничего хорошаго для будущаго. Дѣло въ томъ, что Мстиславскій попытался было произвести рѣшительный штурмъ крѣпости. Однако, князь Долгорукій выпустилъ противъ идущихъ на приступъ ужасающее количество снарядовъ. Тогда побѣдитель при Добрыничахъ, „чтобы не проливать христіанской крови", какъ говоритъ лѣтопись, счелъ своимъ долгомъ бить отбой и отступилъ къ Сѣвску и еще дальше **).

Мстиславскому не пришлось долго отдыхать. Борисъ Годуновъ былъ выведенъ изъ терпѣнія плохими вѣстями.

---

*) Архивы Инквизиціи, IV т., 58, 1605, 4 апрѣля. *Димитрій къ Рангони.* 7 крѣпостей, поименованныхъ въ письмѣ, были: Воронежъ, Осколъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Борисгородъ, Елецъ и Ливны.

**) Наше собраніе, 1605, 17 марта. *Письма капеллановъ къ Стривери.* Rome et Démétrius, 204 n⁰ 4. *Русскія лѣтописи*, т. VIII, стр. 62. *Платоновъ*, Очерки, стр. 268 и слѣд.

которыя шли къ нему со всѣхъ сторонъ. Отступленіе Мстиславскаго возмутило его. Передъ лицомъ опасности царь не хотѣлъ чтобы войска его оставались безъ дѣла. Въ силу этого, Мстиславскій получилъ приказъ соединиться съ Шереметьевымъ, который незадолго до этого обложилъ Кромы. Эта маленькая крѣпость, окруженная деревянными стѣнами и башнями и расположенная среди болотъ и тростниковыхъ зарослей, недавно перешла на сторону Димитрія. Борисъ Годуновъ хотѣлъ возможно скорѣе взять ее обратно. Находясь на полудорогѣ между столицей и театромъ войны, она имѣла крупное стратегическое значеніе. Оставаясь въ рукахъ врага, она мѣшала московской арміи двинуться на югъ и настигнуть тамъ самозванца, такъ какъ это грозило прервать сообщеніе между арміей и сердцемъ страны. Наоборотъ, въ рукахъ Годунова Кромы преградили бы самозванцу путь на Москву черезъ Калугу и принудили бы его отступить на правый берегъ Оки, усѣянный крѣпостями. Такимъ образомъ, естественный ходъ событій заставлялъ противниковъ встрѣтиться у Кромъ.

Послѣ соединенія двухъ армій осаждающіе имѣли на своей сторонѣ численное превосходство. Помимо того, они располагали семьюдесятью пушками. Но московское правительство напрасно опиралось на превосходство матеріальныхъ силъ. Оно забывало, что гарнизонъ крѣпости находился подъ командой атамана Корелы. То былъ одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ донской вольницы. Между своими онъ слылъ за колдуна: такъ много геніальности и отваги было въ этомъ человѣкѣ съ самой невзрачной внѣшностью. Корелѣ удалось пробраться къ осажденнымъ съ сильнымъ подкрѣпленіемъ. Съ помощью казаковъ и стрѣльцовъ въ теченіе короткаго времени онъ смастерилъ неприступную крѣпость. Земля ему служила всѣмъ: и матеріаломъ для укрѣпленій, и мѣстомъ убѣжища, и наилучшей защитой. Онъ копалъ рвы, рылъ траншеи, прокладывалъ подземные ходы. Такимъ образомъ, подъ землею возникъ цѣлый го-

родъ, темный и лишенный свѣжаго воздуха, но прекрасно защищенный. Суровыя дѣти степей вели тамъ веселую жизнь. Они создавали военные планы, не опасаясь быть захваченными врагомъ, который не рѣшался проникнуть въ эти запутанныя катакомбы. Наоборотъ, казаки, будучи прекрасными стрѣлками, часто устраивали вылазки, которыя всегда увѣнчивались успѣхомъ. Десять или двѣнадцать разъ осаждающіе пытались итти на приступъ, но каждый разъ ихъ отбивали съ значительными потерями. Положеніе становилось все интереснѣе. Кучка храбрецовъ удерживала двѣ большія арміи. Маржеретъ со своимъ солдатскимъ остроуміемъ, мѣткимъ словомъ заклеймилъ безпомощность царскаго войска. „Оно стояло передъ Кромами и являлось только мишенью для насмѣшекъ“.

Нигдѣ эта неудачная осада не отозвалась сильнѣе, нежели во временной резиденціи царевича. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на пораженія, Димитрій остался господиномъ Сѣверской области. Кромы служили ему аванпостомъ. Его окружали вѣрные жители Путивля. Все это такъ хорошо защищало его, что московская армія никогда не рѣшилась бы напасть на него. И, тѣмъ не менѣе, его то и хотѣлъ захватить Годуновъ. Царь прекрасно понималъ, что ферментъ возстанія воплотился въ таинственномъ царевичѣ, онъ зналъ, что надо поразить его, дабы однимъ ударомъ покончить со смутой. Годуновъ говорилъ объ этомъ открыто и не прятался своихъ картъ.

Менѣе вѣроятно, чтобы царь замѣшанъ былъ въ той попыткѣ низкаго убійства, отвѣтственность за которую поляки хотѣли возложить на него. Это покушеніе было совершено при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Путивль изъ Москвы явились три старыхъ монаха, подозрительныхъ на видъ. Ихъ поведеніе показалось настолько страннымъ, что они были арестованы и заключены въ тюрьму. Тамъ ихъ обыскали. У нихъ нашли зажигательныя грамоты Бориса Годунова и письма патріарха Іова. Царь обѣщалъ жителямъ Путивля

полную амнистію, если они доставятъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ и истребятъ поляковъ. Патріархъ предавалъ самымъ страшнымъ проклятіямъ самозваннаго царевича и его соучастниковъ. Что касается монаховъ, то они имѣли приказъ распространять эти грамоты среди народа и тайно организовать заговоръ. Злоумышленники были арестованы во-время. Одинъ изъ нихъ, подвергнутый пыткѣ, признался во всемъ. Открытіе этого заговора сослужило Димитрію неожиданную службу. Въ обувн монаховъ были найдены конфиденціальныя письма, которыя были заготовлены ими для тѣхъ, кто ихъ послалъ. Здѣсь они откровенно признавались: „Димитрій—истинный сынъ Ивана IV; безполезно бороться противъ праваго дѣла“. Это безпристрастное свидѣтельство могло только поднять авторитетъ царевича. *)

Въ то же самое время Димитрій постарался использовать относительное спокойствіе, царившее въ Путивлѣ. Послѣ приступа отчаянія онъ вновь обнаружилъ мужество и снова обратилъ свой взоръ на золоченые купола Кремля. Они влекли его къ себѣ съ неодолимой силой. Съ новой энергіей царевичъ принялся за политическія и военныя приготовленія. Его усилія не носили характера разбросанности и случайности. Наоборотъ, въ его дѣятельности чувствовалось единство; она направлялась увѣренной и твердой рукой. Тѣмъ не менѣе, замѣчалось уже измѣненіе въ томъ первоначальномъ планѣ, который Димитрій излагалъ когда-то въ Брагинѣ князю Вишневецкому. Очевидно, это вызывалось самими обстоятельствами, хотя до той поры царевичъ всегда, по мѣрѣ возможности, слѣдовалъ указаніямъ Сигизмунда.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ своего вынужденнаго убѣжища царевичъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Польшей. Онъ отсылалъ письма воеводѣ Сандомирскому, членамъ

*) Наше собраніе 1605 г. 17-го марта. Духовники къ Стривери, Rom. et Démétrius, стр. 204 nº 4.

семьи Мнишка, кардиналу Мацѣёвскому, нунцію Ранго-ни *). Онъ сообщалъ имъ о себѣ, держалъ ихъ въ курсѣ событій и при случаѣ просилъ помощи.

Князь Татевъ, бывшій черниговскій воевода, былъ даже отправленъ на варшавскій Сеймъ, въ качествѣ представителя будущаго московскаго царя. Здѣсь его благоразумно держали въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ что онъ не имѣлъ случая слышать неудобныя выраженія, направленныя противъ его господина. Болѣе всего Димитрій добивался въ Польшѣ моральной поддержки. Пребываніе въ Краковѣ выяснило ему возможность добрыхъ отношеній съ дворомъ и магнатами. Что касается военныхъ силъ, то онъ понималъ, что найдетъ ихъ въ другомъ мѣстѣ и притомъ на болѣе дешевыхъ и сходныхъ условіяхъ.

Сигизмундъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Припомнимъ, что нашествіе на Москву съ казаками и татарами король считалъ безуміемъ и химерой. Вотъ почему, находясь въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Димитрій заботился о томъ, чтобы привлечь въ свое войско нѣкоторое количество поляковъ. Однако, въ теченіе похода большинство этихъ буйныхъ волонтеровъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, бросили свою службу. Было безразсудно разсчитывать, что на ихъ мѣсто явится много другихъ.

Сила вещей заставила Димитрія вернуться къ программѣ, которую такъ энергично критиковали при краковскомъ дворѣ. Эту программу онъ развилъ до грандіозныхъ размѣровъ. Отъ степей Днѣпра и Дона до Уральскихъ горъ на востокъ и до береговъ Крыма на югъ, всѣ казаки и татары должны быть призваны къ оружію. Заранѣе были указаны мѣста, гдѣ имъ надобно будетъ соединиться. Эту корыстолюбивую массу, жадную до добычи, предполагалось и направить по дорогѣ къ Москвѣ, съ

---

*) *Сбор. Госуд. Грам.*, т. III, стр. 196, № 87; стр. 198, № 88. Т. II, стр. 355. Архивъ Инквизиціи IV f. 58, 59, 64.

приказомъ оставлять на своемъ пути гарнизоны и подкрѣплять себя добровольцами. Такимъ образомъ, столица неожиданно будетъ окружена значительными силами и въ то же самое время отрѣзана отъ провинціальныхъ областей. Таковъ былъ гигантскій и смѣлый планъ, который вырисовывается на основаніи обрывковъ корреспонденціи Димитрія. Черты этого плана обнаружились и въ дѣйствительномъ ходѣ вещей. *)

23-го марта въ бассейны рѣкъ Дона, Волги, Терека и Урала были отправлены гонцы отъ Димитрія. Начиная съ 30-го апрѣля, къ царевичу стали поступать донесенія о прибытіи въ близкомъ будущемъ новыхъ силъ на подмогу.

Донскіе казаки не ограничились одной своей помощью. Они оказали Димитрію большую услугу и тѣмъ, что привлекли на его сторону другихъ союзниковъ. Мы имѣемъ въ виду сильную орду ногайскихъ татаръ. Годуновъ хотѣлъ ограничить предѣлы ея кочевій Чернымъ и Каспійскимъ морями и подчинить власти одного князя, вассальнаго, Москвѣ. Однако, видимо, онъ велъ неудачную игру и былъ побѣжденъ въ искусствѣ двойственной политики. Въ полномъ согласіи съ русскими лѣтописями Димитрій обвиняетъ царя въ томъ, что тотъ посѣялъ разногласіе между татарами **). Годуновъ сначала обратилъ свое вниманіе на князя Истерека, намѣреваясь сдѣлать изъ него своего ленника. Онъ отправилъ ему въ подарокъ дорогую саблю съ предсказаніемъ, что это оружіе должно поразить враговъ Руси, а равно и тѣхъ, кто не сумѣетъ владѣть имъ. Въ то же самое время, чтобы лучше обезопасить себя, Борисъ благосклонно относился къ сопернику Истерека.

Послѣдній, предчувствуя предательство или опасность, рѣшилъ предупредить ее. Съ семьюдесятью другими князь-

---

*) Слѣд. детали заимствованы изъ двухъ писемъ Димитрія къ Рангони отъ 14 апр. и 13 мая 1605 г. Архивы Инквизиціи IV f. 58, 59.

**) Русск. лѣтописи, т. VIII, стр. 40.

ями онъ объявилъ себя приверженцемъ Димитрія. Соединившись съ донскими казаками, которые вели съ нимъ переговоры, онъ принесъ присягу въ вѣрности царевичу и далъ въ качествѣ заложниковъ своихъ собственныхъ дѣтей.

Это пріобрѣтеніе имѣло большую цѣнность. Димитрій повелѣлъ передать Истереку свою горячую благодарность съ приказаніемъ двигаться въ походъ.

3 мая настала очередь крымскихъ татаръ. Эти воинственные хищники получили изъ Путивля подарки, прибытія которыхъ оттуда они навѣрное не ожидали. Это было прекраснымъ средствомъ привлечь ихъ на свою сторону и заставить ихъ признать притязанія Димитрія на московскій тронъ.

Агитація претендента распространялась даже на самыя отдаленныя области; онъ располагалъ многочисленными приверженцами: онъ въ изобиліи имѣлъ средства и легко достигалъ успѣха. Все это вызываетъ совершенно понятное изумленіе. Возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые невозможно дать исчерпывающій отвѣтъ. И прежде всего, кто былъ авторомъ этого грандіознаго плана?

Вѣдь онъ былъ такъ тонко разсчитанъ и по существу проникнутъ русскими началами. Въ цѣломъ своемъ онъ является созданіемъ человѣка прекрасно ориентирующагося въ политикѣ Кремля и глубоко знающаго страну.

Кто давалъ деньги на личные расходы претендента, кто доставлялъ ему средства на посольства и организацію арміи? Какимъ образомъ Димитрій, недавно побѣжденный, могъ такъ скоро оправиться? Откуда бралась у него столь твердая увѣренность въ возможности немедленно начать новую кампанію?

Такъ или иначе, но тотчасъ послѣ пораженія, Путивль сдѣлался центромъ, въ которомъ сосредоточилась самая энергичная и успѣшная дѣятельность самозванца.

Правда, противники Димитрія допустили нѣкоторые важные промахи; несомнѣнно, движеніе, возбужденное самозван-

цемъ среди казаковъ, значительно пополнило его ряды новыми бойцами. И, все-таки, однимъ этимъ нельзя объяснить ни столь быстрой метаморфозы въ арміи „царевича“, ни единодушія, обнаруженнаго его сторонниками въ дальнѣйшей дѣятельности. Очевидно, во всемъ этомъ сказалась работа какихъ-то скрытыхъ силъ, судить о которыхъ мы можемъ только по ихъ проявленіямъ.

Пока Димитрій предавался своимъ мечтамъ, а войска его стягивались къ Ливнамъ, надъ Москвою разразилась непоправимая катастрофа. 5-го мая въ Путивль прискакалъ гонецъ изъ русскаго стана. То былъ Авраамій Бахметевъ. Онъ спѣшилъ предложить „царевичу“ свои услуги и объявить ему о смерти Годунова. Это событіе было чревато самыми серьезными послѣдствіями. Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не понять этого. Димитрій былъ внѣ себя отъ радости: его главный врагъ сходилъ со сцены въ самый критическій моментъ, наканунѣ новой кампаніи *). Смерть Бориса была для „царевича“ дороже всякой побѣды: Димитрій боялся только одного: какъ бы радостный слухъ не оказался ложнымъ. Но скоро всѣ опасенія его разсѣялись. Новые гонцы, заодно съ русскими плѣнными, подтвердили совершившійся фактъ; наконецъ, письма изъ Ливенъ отъ 9 мая устранили послѣднія сомнѣнія на этотъ счетъ. Воевода ливенскій сообщалъ Димитрію всѣ подробности событія. По его словамъ, 29 апрѣля Борисъ принималъ иностранныхъ пословъ. Вдругъ, съ нимъ случился жестокій припадокъ: кровь хлынула у него изо рта, изъ поздрей, изъ ушей и даже изъ глазъ; она выступила каплями изъ всѣхъ поръ его тѣла. Царь упалъ навзничь съ трона и, спустя нѣсколько часовъ, скончался. Патріархъ Іовъ едва успѣлъ совершить надъ умирающимъ обычный обрядъ постриженія въ схиму.

---

*) Illud insperatum ac praeter expectationem nostram nobis novum allatum pro quo divinae Bonitati gratias agere non cesso... Borissium 29 aprilis subita morte e vita sublatum... Tam faustum rumorem excepimus laeti...“ 1605, 13 мая *Димитрій къ Рангони*, Архивъ Инквизиціи.

Скоропостижная смерть Бориса, естественно, вызывала всякія подозрѣнія. Конечно, съ одной стороны, она избавляла Годунова отъ жестокихъ нравственныхъ терзаній; но, съ другой, еще выгоднѣе была она для Димитрія. Понятно, что всякій объяснялъ это событіе по-своему. Одни говорили, что царь былъ отравленъ ядомъ, присланнымъ изъ Путивля; другіе толковали о самоубійствѣ Бориса. Офиціальная версія, въ общемъ, совпадала съ передачей ливенскаго воеводы; она же была принята Димитріемъ и поляками его свиты, а затѣмъ перешла и въ русскія лѣтописи. Оно и понятно: въ сущности, она была самая безобидная изъ всѣхъ *).

Впрочемъ, въ Краковѣ, повидимому, уже давно ждали подобной развязки. Доказательство этого мы находимъ въ письмахъ великаго маршалка польскаго двора. Настоящее имя его было Сигизмундъ Мышковскій; но почему-то онъ украсилъ себя экзотическимъ титуломъ маркиза де-Мирова и поддерживалъ съ итальянскими князьями живую переписку. 6-го января 1604 года онъ писалъ кардиналу Альдобрандини и герцогу Мантуи. Въ этихъ письмахъ, за цѣлый годъ до событія, онъ сообщаетъ о смерти Годунова. Всего удивительнѣе то, что онъ воспроизводитъ всѣ подробности этого происшествія. По его словамъ, бояре постарались ближе узнать Димитрія, который былъ въ то время въ Польшѣ; послѣ этого они убѣдились, что онъ—подлинный сынъ Ивана IV. Тогда въ московскомъ Кремлѣ разыгралась трагическая сцена. Вѣсть о появленіи царевича была сообщена Годунову. Въ отвѣтъ на это бояре услышали отъ царя надменныя рѣчи... Тогда они пришли въ раздраженіе, выхвативъ оружіе, они умертвили того, кто являлся въ ихъ глазахъ уже не болѣе, какъ похитителемъ чужой власти **). Конечно, трудно представить себѣ что-либо фантастическое, нежели эти розсказни, передаваемыя польскимъ маркизомъ.

*) Русск. Лѣт., VIII, 64.

**) Ватик. Арх., Отд. Борг., III, 112, f. 113.—Мантуя, Арх. Гонзага, Busta. 559.

Однако, онѣ все же имѣютъ извѣстное симптоматическое значеніе: вспомнимъ о ихъ источникѣ и хронологической датѣ... Въ самомъ дѣлѣ, кто собиралъ эти слухи, чтобы передать ихъ послѣ этого такъ далеко, куда-то въ Италію? Сановникъ польскаго двора, близкій къ королю человѣкъ, посвященный во всѣ тайны политики. Очевидно, что подобные толки ходили въ Краковѣ уже давно и многимъ казались вполнѣ правдоподобными.

Какъ бы то ни было, нечего и думать о томъ, чтобы примирить между собою всѣ эти противорѣчивыя версіи. Во всякомъ случаѣ, внезапная смерть Бориса Годунова разразилась, какъ громъ, надъ его семьею и сторонниками. Царь оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей—Ѳеодора и Ксенію; сыну было всего 16 лѣтъ. При такихъ условіяхъ, руководящая роль должна была принадлежать вдовѣ царя, которая и была объявлена правительницей. Однако, съ именемъ ея были связаны самыя мрачныя воспоминанія. Марія Григорьевна была дочерью кровожаднаго героя опричины и наперсника Грознаго—Малюты Скуратова. Тѣмъ не менѣе, правительство поспѣшило привести поддаиныхъ къ присягѣ: въ текстѣ этой клятвы имя правительницы, упоминалось на ряду съ обоими ея дѣтьми *). Такъ осуществилась завѣтная мечта Годунова: царскій вѣнецъ переходилъ къ его потомству. Но суждено ли было Борису явиться основателемъ новой династіи? Не пришлось ли ему оказаться только отцомъ злополучной жертвы самозванца? Могла ли наскоро созданная монархія противостоять бурямъ смутнаго времени? Способна ли она была выдержать борьбу съ претендентомъ, засѣвшимъ въ Путивлѣ? Въ этотъ критическій моментъ единственной опорой Годуновыхъ являлась армія, стоявшая у Кромъ. Кто же могъ поддержать въ этой арміи преданность долгу? Единственный человѣкъ, на котораго расчитывали Годуновы. Но и этотъ человѣкъ измѣнилъ законному правительству.

*) *Собр. Гос. Гр.*, т. II, с. 191, № 85.

Дѣйствительно, первые шаги новаго правительства были продиктованы безусловнымъ довѣріемъ къ Петру Басманову. Его вѣрность, находчивость и, наконецъ, счастье были, казалось, внѣ всякаго сомнѣнія. Вѣдь устоялъ же онъ противъ всѣхъ искушеній самозванца? Вѣдь спасъ же онъ Новгородъ, явился въ Москву тріумфаторомъ и пріобрѣлъ же обаяніе среди войска? Фактически Басмановъ былъ главнокомандующимъ русской арміи: ему не доставало только соотвѣтственнаго титула. Во всякомъ случаѣ, Басманову были ввѣрены честь русскаго знамени и судьба новой династіи; если же князь Катыревъ-Ростовскій и былъ поставленъ выше его, то, исключительно, во имя формально-іерархическихъ соображеній.

Въ первыхъ числахъ мая были отозваны въ Москву трое воеводъ—Мстиславскій и Василій съ Димитріемъ Шуйскіе, которые безславно теряли время, стоя подъ Кромами. На ихъ мѣсто были отправлены новыя лица въ сопровожденіи митрополита новгородскаго, Исидора. Прежде всего, прибывшіе воеводы должны были привести войско къ присягѣ; затѣмъ правительство предоставляло имъ полную свободу дѣйствій.

Прибывъ по назначенію, Басмановъ убѣдился, что возложенная на него миссія далеко не такъ проста. Духъ русскаго войска уже замѣтно поколебался. Дезертирство производило страшныя опустошенія въ его рядахъ; опытныхъ воиновъ приходилось замѣнять простымъ мужичьемъ. Между осаждающими и осажденными установились тайныя сношенія. Объ стороны по уговору производили мнимые приступы или обращались въ бѣгство, причемъ серьезной опасности подвергался лишь тотъ, кто не былъ посвященъ въ тайну. Естественно возникалъ вопросъ, не было ли тутъ молчаливаго потворства со стороны самихъ воеводъ, или, по крайней мѣрѣ, не относились ли они слишкомъ беззаботно къ своимъ обязанностямъ?

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія явилась

смута въ рядахъ арміи. Она назрѣвала уже давно, тлѣя, какъ искра подъ пепломъ. По свидѣтельству Голицына, поводомъ для взрыва послужила, именно, присяга. Формула, привезенная Басмановымъ, показалась войску двусмысленной и коварной. До той поры и Борисъ Годуновъ, и патріархъ Іовъ неизмѣнно отождествляли Димитрія съ разстригой, Гришкой Отрепьевымъ. Теперь же, когда нужно было цѣловать крестъ новому царю, имя Гришки уже не упоминалось; присяга говорила только о разбойникѣ, выдающемъ себя за царевича Димитрія Угличкаго. Вполнѣ возможно, что, такимъ пріемомъ, московское правительство пыталось предупредить всякія недоразумѣнія. Однако, явно расчитанное умолчаніе о разстригѣ было принято въ Кромахъ за ловушку. „Значитъ, это не Гришка Отрепьевъ", говорили здѣсь: „его не смѣютъ назвать ни этимъ именемъ, ни какимъ-либо другимъ. Но, въ такомъ случаѣ, почему же не можетъ быть онъ настоящимъ сыномъ Ивана IV? Кто знаетъ, не ускользнулъ ли онъ, дѣйствительно, изъ преступныхъ рукъ Годунова?" Эта мысль распространялась все шире и шире. Она находила себѣ благопріятную почву въ общемъ возбужденіи... Немудрено, что, въ моментъ присяги, въ русскомъ войскѣ замѣтно было зловѣщее колебаніе... *)

Все дѣло довершила военная хитрость, измышленная Запорскимъ: она окончательно подорвала бодрость духа среди осаждающихъ. Запорскій подошелъ къ Кромамъ съ сильнымъ отрядомъ поляковъ и казаковъ. Уже съ Троицына дня онъ ждалъ удобнаго момента, чтобы прорваться въ крѣпость и соединиться съ осажденными. Однако, ему не хотѣлось терять людей. Поэтому онъ догадался отправить гонца къ Кромамъ, снабдивъ его письмами. Въ нихъ онъ ободрялъ осажденныхъ и, обѣщая имъ побѣду, говорилъ о скоромъ

*) Арх. Инкв. IV, f 64, 1605, 25-го мая, *Димитрій къ Мнишку*. То же письмо по-польски съ датою 24-го мая см. у Niemcewicz, II, 356.—Формулу присяги см. въ Собр. Гос. Гр., II, 191, № 85.

прибытіи на выручку къ нимъ сильныхъ подкрѣпленій. Гонцу было приказано, какъ бы нечаянно, натолкнуться на аванпосты осаждающихъ: здѣсь, конечно, его должны были задержать. Посланный Запорскаго блестяще выполнилъ свое опасное порученіе. Онъ былъ схваченъ и обысканъ; письма его были прочитаны, а затѣмъ его подвергли пыткѣ. Среди мученій гонецъ, разумѣется, подтвердилъ тревожныя извѣстія. Это вызвало въ московскомъ лагерѣ настоящую панику. Словомъ, хитрость Запорскаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

17-го мая всѣ колебанія, наконецъ, разрѣшились. Повидимому, въ этотъ день произошло нѣчто въ родѣ сраженія. Послѣдній ударъ арміи Годуповыхъ былъ нанесенъ ея собственнымъ вождемъ. Бой долженъ былъ вотъ-вотъ завязаться; можетъ-быть, онъ уже и начался. Вдругъ, Басмановъ переходитъ на сторону Димитрія. Онъ провозглашаетъ его законнымъ наслѣдникомъ и истиннымъ потомкомъ царей русскихъ; при этомъ онъ первый цѣлуетъ ему крестъ въ знакъ вѣрности *). Является вопросъ, было ли это условлено заранѣе, или вся сцена разыгралась совершенно неожиданно? Современники ничего не говорятъ намъ по этому поводу. Они хранятъ полное молчаніе относительно сношеній, которыя должны были имѣть мѣсто между вождями обѣихъ арміи. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что этотъ мирный исходъ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовалъ желаніямъ войска. Твердость арміи уже давно поколебалась. Съ

*) Вотъ какъ Лавицкій описываетъ эту сцену: „Datur initium pugnae a nostris. Clamar utrinque. Moschi borissiani, visis hastis nostrorum et custodiis a latere sese petentibus acriter, persuasi numerosissimum esse nostrorum exercitum, et spe victoriae abiecta, sese sponte dediderunt, atque adeo Basmanius primus, qui sub Novogardia magnum nobis facessiverat negotium, sum aliquot millibus e medio prosiliit, et, spectante universo exercitu, Demetrium serenissimum suum dominum et haeredem Moschoviae inclamans, iurata fide, sese in nostras manus dedit, et, ut ipsi loquuntur, Demetrio serenissimo c h r e s t c a l o w a l". Наше собраніе, 1605, 15 іюня, *Лавицкій къ Стривери.*

обѣихъ сторонъ протягивались руки-другъ къ другу. Очевидно, всѣ уже были за Димитрія и ждали только условленнаго знака, чтобы заявить объ этомъ открыто. Теперь подъ Кромами стояла уже одна армія; она вся готова была защищать дѣло царевича. Правда, нѣсколько воеводъ запротестовали было противъ подобной массовой измѣны; но противъ нихъ живо были приняты мѣры. Кое-кому изъ нихъ удалось бѣжать: эти люди поспѣшили въ Москву съ вѣстью о новомъ ударѣ. Другіе были задержаны: ихъ связали и привели въ Путивль, какъ преступниковъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ оказался Иванъ Годуновъ, близкій родственникъ покойнаго Бориса. Въ несчастіи онъ не забылъ своего достоинства. Другіе ползали у ногъ Димитрія: онъ одинъ отказался склонить передъ нимъ голову. Въ наказаніе его бросили въ тюрьму.

Побратавшись подъ стѣнами Кромъ съ защитниками Димитрія, войско Годуповыхъ пожелало выразить свою покорность и самому царевичу. 22-го мая съ этой цѣлью въ Путивль отправилась многолюдная депутація; во главѣ ея стоялъ князь Иванъ Голицынъ. *)

Этотъ угодливый бояринъ выказалъ, вообще, удивительную гибкость. Всецѣло предавшись самозванцу, онъ не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить память Бориса. По его словамъ, русское войско было скорѣе жертвой заблужденія, нежели само виновно въ чемъ бы то ни было. Его обошли предательскимъ образомъ и, не будь этой двусмысленной присяги, быть-можетъ, и донынѣ оно было бы слѣпымъ орудіемъ Годунова. Но правда восторжествовала. Русскіе люди признали своего истиннаго царя; вѣрность ему они сохранятъ навѣки. Словомъ, князь Голицынъ разсыпался въ извиненіяхъ и обѣщаніяхъ всякаго рода; онъ съ готовностью присягнулъ Димитрію; въ заклю-

*) Наше собраніе, 1605, 23 мая, *Чиржовскій къ Стриверу*. Арх. Инквиз., IV, f. 64.

ченіе онъ сообщилъ объ отъѣздѣ въ Москву особыхъ гонцовъ, которые должны были подготовить тамъ общественное мнѣніе къ пріему царевича. Съ своей стороны, Голицынъ умолялъ Димитрія немедленно итти туда же и возложить на свою голову наслѣдственный вѣнецъ.

Въ день своего отреченія отъ вѣры самозванецъ увидѣлъ передъ собою, вдали, лучезарную корону. Теперь ее предлагалъ ему московскій боярнъ отъ имени всего русскаго народа... Легко себѣ представить, съ какою радостью встрѣтилъ Димитрій эту мысль.

Начиная съ мая мѣсяца, Димитрій былъ уже настоящимъ господиномъ положенія. Успѣхи его слѣдовали другъ за другомъ съ какой-то головокружительной быстротой. Напрасно стали бы мы искать объясненія этому въ русскихъ лѣтописяхъ; всѣ онѣ вращаются въ какомъ-то заколдованномъ кругу. По ихъ свидѣтельству, во всемъ виноватъ былъ одинъ Басмановъ. Онъ заранѣе угадалъ неизбѣжное торжество Димитрія. Неосторожная фраза Семена Годунова открыла ему глаза; тогда онъ поспѣшилъ стать на сторону сильнѣйшаго. Такъ же тщетно обращаемся мы и къ письмамъ самого Димитрія. Когда дѣло идетъ о татарахъ или казакахъ, самозванецъ бываетъ очень словоохотливъ. Но, чуть рѣчь коснется его сношеній съ русскими, онъ становится крайне скупъ на слова. Прибѣгнуть къ догадкамъ? Отчего нѣтъ, когда можно опереться на какой-нибудь документъ! Однако, въ данномъ случаѣ, насколько мы знаемъ, существуетъ только одно подобное свидѣтельство. Въ довершеніе всего, мы имѣемъ его не изъ первыхъ рукъ и касается оно лишь избранной группы бояръ.

Въ то время по Польшѣ путешествовалъ нѣкій Петръ Аркудій. То былъ уроженецъ Корфу, бывшій воспитанникъ школы св. Аѳанасія. Нѣсколькими годами раньше онъ, какъ извѣстно, сопровождалъ Льва Сапѣгу въ Москву: здѣсь онъ тщетно искалъ старыхъ греческихъ рукописей. Аркудій былъ довѣреннымъ римскихъ пановъ по дѣламъ Восточной

Церкви. По своемъ прибытіи въ Краковъ онъ велъ долгіе переговоры съ кардиналомъ Мацѣёвскимъ и воеводой Мнишкомъ. Оба эти вельможи живо интересовались вопросомъ объ уніи православныхъ съ Римомъ. Много говорилось здѣсь о „рутенахъ", но еще больше—о жителяхъ московскаго государства. Между прочимъ, рѣчь зашла и о Димитріи; въ общемъ, здѣсь намѣчались весьма заманчивыя религіозныя перспективы. Аркудій питалъ самыя розовыя надежды. Ему казалось, что унія русской Церкви съ Римомъ является совсѣмъ нетруднымъ дѣломъ: только бы не навязывали православнымъ католическихъ обрядовъ. Онъ былъ убѣжденъ даже, что этотъ союзъ будетъ прочнѣе всякаго другого, такъ что, увлекаясь своей мечтою, онъ настаивалъ, чтобы папа Павелъ V заранѣе запасся должнымъ количествомъ жнецовъ, которымъ придется потрудиться на этой богатой нивѣ *). Послѣ краковскаго совѣщанія Аркудій живо заинтересовался царевичемъ Димитріемъ. Онъ собиралъ о немъ свѣдѣнія со всѣхъ сторонъ; въ связи съ этимъ епископъ виленскій Бенедиктъ Война и сообщилъ Аркудію содержаніе того документа, о которомъ мы упомянули выше. По свидѣтельству этого документа, между царевичемъ и боярами имѣли мѣсто правильныя сношенія и даже установилось нѣчто въ родѣ обоюднаго договора. Бояре обѣщали самозванцу престолъ; однако, они ставили при этомъ извѣстныя условія. Сущность ихъ сводилась къ слѣдующему.

---

*) „Oltra che essendo riuscita a Demetrio l'impresa di Moscovia felicissimamente, si è aperto grandissimo campo di meritare. Perochè noi speravamo di certo una Unione, et forsi più stabile di questa de Ruteni. E se bene s dice che il prencipe secretamente già sia catholico, non di meno voler pretendere che tutti li Moschoviti, lasciando il lor rito, siino per farsi del rito latino, è cosa da non credersi, et al prencipe molto pericolosa, se vorra tentarla; ma l'Unione quasi cosa mezzana non par essere difficile, poichè nell esteriore dè ceremonie non si vede veruna mutanza".—Римъ, Арх. Dopia, отд. Альдобрандини, 1605, 14-го августа, *Аркудій къ Павлу V; онъ же къ кардиналу Сент Джорджіо.*

Вѣра православная остается нерушимой.

Самодержавная власть государя сохраняется, и Димитрій пользуется тѣми же правами, что и его отецъ.

Впрочемъ, бояре выражали пожеланіе, чтобы русскіе люди получили тѣ же самыя вольности, какими пользуются поляки.

Званіе сенатора (sic) не можетъ быть жалуемо иноземцамъ; однако, эти послѣдніе могутъ пріобрѣтать въ Россіи недвижимую и всякую другую собственность.

Государь волент допускать ко двору своему людей какого угодно національнаго происхожденія.

Тѣ иноземцы, которые будутъ служить царю, получаютъ право, въ интересахъ своей вѣры, устраивать себѣ церкви на русской землѣ.

Съ своей стороны, Димитрій, какъ извѣстно, озабоченный вопросомъ о борьбѣ съ исламомъ, сохранялъ за собою право, по своему усмотрѣнію, заключать союзы съ иностранными державами противъ турокъ. Что касается вопроса о дарованіи вольностей, онъ не принималъ на себя никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ по этому поводу. Все ограничивалось обѣщаніемъ, что на это будетъ обращено серьезное вниманіе.

Сообщенія Войны были переданы кардиналу Сапъ-Джорджіо, въ Римъ. Петръ Аркудій дополнилъ ихъ собственными комментаріями, гдѣ особенно подчеркивалъ допущеніе иноземцевъ въ русское государство и разрѣшеніе имъ строить свои церкви. Эти условія онъ признавалъ въ высшей степени благопріятными для католиковъ. Аркудій указывалъ, что эта политика открытыхъ дверей имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, интересы католицизма. По его мнѣнію, разъ латинянамъ удастся проникнуть въ Москву, едва ли возможно будетъ удалить ихъ оттуда. Словомъ, царевичу приписывались самыя лучшія намѣренія; разумѣется, онъ менѣе всего склоненъ былъ разсѣивать эти иллюзіи. Но, допустимъ, что договоръ съ

боярами былъ, дѣйствительно, заключенъ. Въ такомъ случаѣ, онъ создавалъ для „царевича“ довольно рискованное положеніе. Правда, Димитрій, какъ мы видѣли, оставлялъ за собою свободу дѣйствій; тѣмъ не менѣе, онъ самъ давалъ въ руки боярамъ оружіе противъ себя. Въ одинъ прекрасный день его союзники могли потребовать реальной награды за свое рвеніе.

Каковъ бы ни былъ характеръ сношеній Димитрія съ боярами, все это дѣло происходило втайнѣ и потому не могло оказать непосредственное вліяніе на массы. Совсѣмъ иное значеніе имѣли манифестаціи подъ Кромами. Послѣ нихъ дорога на Москву была открыта передъ самозванцемъ. Что же видѣлъ Димитрій передъ собою? Столицу—въ смятеніи; противниковъ, которые явно растерялись; наконецъ, сторонниковъ, которые готовы были къ самой горячей защитѣ его дѣла. Выступленіе самозванца изъ Путивля было назначено на 25 мая. Димитрій тронулся въ путь, не спѣша. Между тѣмъ, бояре старались подготовить все для должнаго его пріема въ Москвѣ.

Походъ самозванца,—точнѣе, его военная прогулка, длился около мѣсяца *). Для капеллановъ Димитрія онъ былъ неисчерпаемымъ источникомъ изумленія. Еще недавно они съ грустью наблюдали вѣроломство поляковъ; теперь они совершенно позабыли объ этомъ, видя, съ какимъ восторгомъ встрѣчаетъ русскій народъ вѣсть о приближеніи Димитрія. На стоянкахъ, словно по волшебству, раскидывались роскошные шатры; городской людъ и поселяне толпами тѣснились на пути царевича; воеводы встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, и тысячи голосовъ ликующими кликами привѣтствовали возлюбленнаго государя - красное солнышко, кровнаго сына Ивана IV... Казалось, могучее чувство, долгое время сдерживаемое внѣшними силами, сокрушало имъ

*) Наше собраніе, Diarium, Лавицкаго, f. 25. v°; 1605, 15-го іюня, Чиржовскій къ Стривери; Лавицкій къ нему же.

всякія преграды и въ стихійномъ разгулѣ вырывалось наружу. Сама природа точно принимала въ этомъ участіе: теплое майское солнце заливало своими лучами волнующіяся и пестрыя толпы народа. Здѣсь смѣшивались татары и казаки, польскіе всадники и московскіе дворяне. Всѣ они торжественно вели въ Кремль послѣдняго представителя Рюрикова дома.

Еще въ Кромахъ Димитрій распустилъ часть русскаго войска; другую онъ направилъ въ Орелъ, куда шелъ и самъ. При ближайшемъ осмотрѣ оборонительныхъ сооруженій Корелы, капелланы могли только изумляться изобрѣтательности знаменитаго казацкаго атамана. Впрочемъ, и осаждающіе не могли пожаловаться на недостатокъ у нихъ военныхъ силъ: лагерь ихъ былъ превосходно укрѣпленъ; палатки имѣлись въ большомъ количествѣ и были помѣстительны; осадныя машины и метательные снаряды запасены были въ изобиліи. Приходилось только удивляться тому, что наступательныя дѣйствія русскаго войска были такъ мало успѣшны.

Между тѣмъ, армія Димитрія неуклонно двигалась впередъ подъ страшнымъ зноемъ, подымая облака пыли. Конечно, люди были крайне утомлены; въ довершеніе всего, въ Орлѣ оба іезуита заболѣли лихорадкой. Димитрій, который былъ увѣдомленъ объ этомъ, выказалъ чрезвычайную заботливость по отношенію къ больнымъ. Онъ поручилъ ихъ попеченію властей города и щедро снабдилъ ихъ деньгами на всякія нужды. Четырехдневный отдыхъ оказался достаточнымъ для больныхъ. Они почувствовали себя лучше и вскорѣ догнали главную часть арміи, достигшую уже Тулы. То былъ довольно значительный городъ; онъ снабженъ былъ хорошими укрѣпленіями и переполненъ войскомъ, всегда готовымъ отбить какой-нибудь татарскій набѣгъ. Между прочимъ, здѣсь проживало около семисотъ поляковъ. По большей части, то были военнопленные или тѣ, которые остались въ живыхъ послѣ войны съ Баторіемъ. Эти поляки

не менѣе восторженно, чѣмъ русскіе, встрѣчали новаго государя. Димитрій не уклонялся отъ привѣтствій. Напротивъ, онъ охотно принималъ выраженія энтузіазма и любви; ему хотѣлось, чтобы вѣсть о немъ разнеслась возможно дальше... До самой Сибири скакали его гонцы, провозглашая выработанную самозванцемъ формулу присяги: отнынѣ священныя узы должны были связать русскій народъ съ царицей Маріей Ѳеодоровной и царемъ Димитріемъ Ивановичемъ *). Конечно, все это было очень смѣло; но успѣхи Димитрія въ самой Москвѣ, повидимому, внушали ему самыя гордыя надежды.

И, дѣйствительно, молва о сказочныхъ тріумфахъ самозванца уже давно проникла въ столицу. Поэтому здѣсь царили смятеніе и страхъ. Отправивъ Басманова подъ Кромы, Годуновы лишились главной своей опоры; когда же этотъ воевода измѣнилъ законному правительству, онъ, тѣмъ самымъ, отнялъ у Москвы всю ея военную силу. Каждый день приносилъ Годуновымъ все новые и новые удары. Сторонники правительства покидали его одинъ за другимъ; движеніе, возбужденное самозванцемъ въ областяхъ, пріобрѣтало стихійный характеръ; въ концѣ-концовъ, единственнымъ оплотомъ Годуновыхъ оставалась Москва, точнѣе—Кремль, ибо та партія, которая еще держалась около законной власти, почти не находила себѣ опоры въ народѣ. Уполномоченные, присланные княземъ Голицынымъ изъ Кромъ, вели свою пропаганду съ блестящимъ успѣхомъ. Престижъ Димитрія все возрасталъ, по мѣрѣ того, какъ въ Москву стекались бѣглецы, готовые признать его законнымъ царемъ. Между тѣмъ, правительство дѣйствовало согласно традиціямъ Бориса Годунова. Зачинщики смуты подвергались жестокому преслѣдованію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ даже казнили. Подобная политика свидѣтельствовала о томъ, что Годуновы совершенно не понимаютъ опасности положенія; съ другой

*) Собр. Гос. Гр., т. II. с. 200—203 №№ 89, 90 и 91.

стороны, они обнаруживали явную неспособность использовать въ своихъ интересахъ нѣкоторыя благопріятныя условія. Что значили кровавыя репрессіи противъ могучаго народнаго чувства? Что могло сдѣлать правительство, когда власть его была уже поколеблена, когда оно окружено было предательствомъ и стояло лицомъ къ лицу съ гибелью? Въ сущности, оставался лишь одинъ способъ измѣнить настроеніе массъ. Какъ мы знаемъ, вдова Ивана IV была еще жива. Свидѣтельство матери Димитрія Угличкаго могло быть убійственнымъ ударомъ для самозванца. Голосъ Маріи Ѳеодоровны могъ отрезвить народъ и укрѣпить пошатнувшуюся власть законнаго правительства. Окончательно ли растеряны были Годуновы, или же не довѣряли они царицѣ-инокинѣ,—трудно сказать. Фактъ тотъ, что они такъ и не обратились къ матери Димитрія за помощью. Единственное спасеніе свое они видѣли въ чисто внѣшнихъ репрессіяхъ.

Вотъ что происходило въ Москвѣ. Понятно, что организація обороны города шла недостаточно энергично. Между тѣмъ, 10 іюня, въ окрестностяхъ столицы, именно въ Красномъ Селѣ, явились двое агентовъ Димитрія—Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ *). Подъ самымъ носомъ правительства они стали склонять народъ въ пользу самозванца и распространять его зажигательныя грамоты. Несомнѣнно, масса была подготовлена къ этому заранѣе. Такъ или иначе, агитаторы были встрѣчены съ восторгомъ. Народъ повлекъ ихъ, какъ тріумфаторовъ, въ самую Москву. Скоро на зовъ пабата къ Лобному мѣсту собрались огромныя толпы. Сторонники Годуновыхъ были уже совершенно безсильны. Никто не обращалъ вниманія на ихъ протесты. Вотъ почему, несмотря на все ихъ противодѣйствіе, посланіе Димитрія было прочитано тутъ же, на площади, всенародно.

Эта грамота была составлена съ удивительнымъ искусствомъ. Между прочимъ, она носила отпечатокъ какой-то

*) Русск. Лѣт., т. VIII, с. 66.

особой, воистину царственной сдержанности. Адресована она была князьямъ Ѳеодору Мстиславскому и Василію съ Димитріемъ Шуйскимъ,—другими словами, тѣмъ самымъ тремъ воеводамъ, которые не столько осаждали, сколько берегли крѣпость Кромы. Далѣе Димитрій обращался ко всѣмъ, вообще, боярамъ, знатнымъ людямъ, къ служилому сословію, къ купцамъ и, наконецъ, всему народу *).

Центральнымъ пунктомъ посланія являлось обращеніе къ народной совѣсти. Вѣдь всѣ клялись служить вѣрно царю Ивану IV и его потомству: самъ Богъ тому свидѣтель. Нынѣ, во имя Бога, опираясь на святую присягу, Димитрій требовалъ себѣ законныхъ правъ русскаго государя. Онъ не хочетъ унижаться до доказательствъ своего царскаго происхожденія. Достаточно одного его слова: онъ свидѣтельствуетъ, что чудомъ, по волѣ Божьей, спасся отъ гибели. Что касается Годунова, то посланіе Димитрія не щадитъ его: оно клеймитъ его именемъ измѣнника, тирана, насильно захватившаго власть. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ Димитрій обнаруживаетъ готовность поставить крестъ надъ прошлымъ; онъ знаетъ, что одни совершенно добросовѣстно вѣрили Годунову, а другіе сами не разумѣли, что творятъ по своему невѣжеству. Вотъ почему онъ даруетъ всѣмъ полное прощеніе. По словамъ царевича, единственною цѣлью своею онъ ставитъ—вернуть отеческій престолъ безъ пролитія крови. Онъ указываетъ на многіе города, которые уже выразили ему свою покорность; почему бы и другимъ не послѣдовать такому примѣру? При этомъ, желая сообщить словамъ своимъ большую убѣдительность, Димитрій напоминаетъ, что армія его представляетъ грозную силу. Въ ней русскіе идутъ заодно съ поляками и татарами: со всѣхъ сторонъ подходятъ все новыя и новыя подкрѣпленія, стягиваясь къ Воронежу... Этотъ могучій потокъ скоро зальетъ волнами своими всю русскую землю.

*) *Акты... Арх. Экп.*, т. II, с. 89, № 34.

Только погайскихъ татаръ онъ не подпуститъ ближе; онъ не хочетъ, чтобы они грабили государство. Совсѣмъ не такъ дѣйствовалъ, бывало, Годуновъ: всѣмъ извѣстно, какъ онъ предалъ Сѣверскую область разгрому и безъ пощады истреблялъ мнимыхъ мятежниковъ... Въ заключеніе, Димитрій обѣщаетъ народу мирное, счастливое царствованіе; при этомъ онъ сулитъ нѣчто заманчивое каждому классу населенія. Горе лишь тѣмъ, кто дерзнутъ ему противиться: пусть трепещутъ они суда Божія и опалы его царскаго величества...

По прочтеніи грамоты Димитрія, толпа заволновалась. Тотчасъ же начались безпорядки. Повидимому, кѣмъ-то заранѣе были даны директивы, такъ какъ народъ немедленно, всей массой, устремился къ царскому дворцу. Здѣсь чернь оглушительнымъ крикомъ стала требовать низложенія Годуновыхъ. Молодой Ѳеодоръ съ матерью и сестрой были вытащены силой изъ своихъ палатъ. Ихъ отвели въ прежній ихъ боярскій домъ и оставили тамъ подъ стражей. Еще рѣшительнѣй расправился народъ съ Вельяминовыми и Сабуровыми—родней Годуновыхъ. Ихъ уже прямо засадили въ тюрьму. За этими безпорядками послѣдовали дикая гульба и грабежъ. Подвалы царскіе были полны вина и меда: немудрено, что здѣсь, главнымъ образомъ, и праздновали герои дня свою побѣду. Еле-еле удалось спасти отъ расхищенія неприкосновенную собственность царей... Зато народъ натѣшился вдосталь, бросившись громить дома нѣкоторыхъ бояръ и иноземцевъ. Тутъ происходили самыя буйныя сцены. Грабители выламывали двери, расхищали изъ покоевъ все добро, угоняли лошадей и скотъ и чуть не купались въ хмельныхъ напиткахъ. Толпа съ восторженнымъ ревомъ вышибала дно изъ бочекъ съ виномъ... Спокойствіе воцарилось въ городѣ только тогда, когда всѣ были мертвецки пьяны *).

---

*) *Русск. Лѣт.*, т. VIII, ст. 67.

Этотъ день имѣлъ рѣшающее значеніе. Толчокъ былъ данъ; дальнѣйшее движеніе развивалось уже въ силу инерціи. Между тѣмъ, Димитрій все еще стоялъ въ Тулѣ; его войско также не торопилось впередъ... Но въ Москвѣ народъ уже присягалъ новому царю; въ Туду направлялись одна за другой депутаціи, умоляя Димитрія пожаловать въ славную столицу. Не меньшее рвеніе обнаруживали бояре и должностныя лица. Они наперерывъ, одинъ передъ другимъ, старались угодить новому государю. Всѣмъ святымъ они клялись, что Димитрій—подлинный сынъ Ивана IV. Все это, какъ нельзя лучше, отвѣчало намѣреніямъ самозванца: онъ радовался манифестаціямъ, которыя пріобрѣтали какой-то стихійный характеръ. Теперь онъ могъ совершить, дѣйствительно, безкровный входъ въ Москву. Несомнѣнно, мирное вступленіе въ столицу являлось какъ бы высшимъ свидѣтельствомъ его царственныхъ правъ.

Въ ожиданіи окончательнаго торжества, вѣрный данному слову, Димитрій никому не мстилъ за прошлое и даже не поминалъ его. Всѣ, приходившіе къ нему, встрѣчали одинаково благосклонный пріемъ. Между прочимъ, при царевичѣ находился архіепископъ рязанскій Игнатій: онъ приводилъ къ присягѣ новыхъ вѣрноподданныхъ Димитрія *). Грекъ по происхожденію, Игнатій былъ раньше епископомъ эриссонскимъ, близъ Аѳона; подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, онъ явился искать счастія въ Россію. Здѣсь Борисъ Годуновъ пожаловалъ ему епархію. Когда паства Игнатія въ Тулѣ заявила о своей преданности царевичу, онъ немедленно послѣдовалъ ея примѣру и первымъ изъ всѣхъ іерарховъ прибылъ засвидѣтельствовать Димитрію Іоанновичу свои вѣрноподданническія чувства и готовность послужить ему. Этотъ шагъ оказался для Игнатія чрезвычайно удачнымъ.

Путь на Москву былъ свободенъ. Столица готова была

*) *Дмитріевскій*, с. 103.

къ пріему своего государя. Если у Димитрія и были еще противники, то они скрывались, не осмѣливаясь выступить явно. Только нѣсколько лицъ стояли поперекъ дороги Димитрію, стѣсняя его и внушая нѣкоторое безпокойство. Первое мѣсто принадлежало здѣсь Годуновымъ. Являлся вопросъ, какъ поступить съ низложенной правительницей? Какъ быть съ низвергнутымъ царемъ? Оставить ихъ въ живыхъ было опасно; для казни, собственно говоря, не было повода. Затрудненіе разрѣшилось совершенно неожиданно. Покинутая всѣми, вдова Бориса, въ отчаяніи, рѣшилась покончить съ собою. Она приняла ядъ и заставила сына сдѣлать то же самое. Оба умерли 20 іюня; уцѣлѣла одна лишь несчастная Ксенія, брошенная всѣми на произволъ судьбы.

Такъ изображаютъ эти загадочныя событія сторонники царевича Димитрія. Русскія лѣтописи совершенно иначе освѣщаютъ дѣло. По ихъ свидѣтельству, изъ Тулы въ Москву были нарочно присланы князья Голицынъ съ Мосальскимъ. Имъ было поручено поскорѣе свести счеты съ Годуновыми. Уполномоченные самозванца отправили родню царскую въ ссылку; что касается молодого Ѳеодора съ матерью, то они были задушены. Ксенія осталась въ живыхъ: но, какъ увидимъ мы вскорѣ, не на радость себѣ уцѣлѣла юная царевна *). Такъ или иначе, внезапная гибель Годуновыхъ явилась, какъ нельзя болѣе, кстати; несомнѣнно, она оказала большую услугу дѣлу Димитрія. Однако, является вопросъ, былъ ли онъ самъ повиненъ въ этихъ убійствахъ? Кому принадлежала здѣсь инціатива—царевичу или кому-нибудь другому? Отдалъ ли Димитрій опредѣленныя распоряженія, или же только далъ понять своимъ уполномоченнымъ, каковы его желанія? Приходится признать, что для рѣшенія этихъ вопросовъ у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Во

*) *Ватик. Арх.*, отд. Боргезе, II, 499, 1605, 17 августа, *Чиржовскій къ Самицкому. Дмитріевскій*, с. 99.—*Русск. Лѣт.*, т. VIII, с. 69. Относительно Ксеніи существуютъ различныя версіи.

всякомъ случаѣ, насильственная смерть несчастныхъ Годуновыхъ представляется едва ли оспоримымъ фактомъ.

Гораздо легче уловить слѣды личнаго вліянія Димитрія въ тѣхъ строгихъ мѣрахъ, которыя приняты были противъ высшаго духовенства. Быть-можетъ, здѣсь сказалось мстительное чувство бывшаго монаха; съ другой стороны, подобныя мѣры могли быть продиктованы какъ соображеніями политической предосторожности, такъ и заботою о своемъ достоинствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли оставаться при дворѣ новаго царя патріархъ, ставленникъ Годунова? Вѣдь еще такъ недавно онъ громилъ самозванца анаѳемой; вѣдь столько разъ онъ предавалъ его проклятію и обрекалъ его геенѣ огненной. Конечно, Димитрій совсѣмъ не былъ расположенъ оставить это безнаказаннымъ. По его распоряженію Іову было сообщено, что онъ лишается своего сана. Съ патріарха сняли его пышныя облаченія: послѣ этого, одѣтый въ простую рясу, онъ былъ отвезенъ въ Старицкій монастырь. Всѣ современники подтверждаютъ этотъ фактъ; намъ кажется, что истинные мотивы Димитрія, въ данномъ случаѣ, достаточно ясны. Менѣе понятенъ смыслъ тѣхъ мѣръ, которыя одновременно были предприняты по отношенію къ архимандритамъ Варлааму и Василію. Пришлось и имъ сложить съ себя санъ и отправиться въ ссылку. Что имѣлъ Димитрій противъ нихъ? Почему не оставилъ онъ ихъ на своемъ посту? Упоминаніе объ этой мѣрѣ самозванца мы находимъ у Арсенія, архіепископа галасунскаго; къ сожалѣнію, онъ не касается скрытыхъ мотивовъ Димитрія. Во всякомъ случаѣ, однако, это свидѣтельство, само по себѣ, не вызываетъ сомнѣній. При своемъ положеніи въ Москвѣ Арсеній долженъ былъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ. Самъ онъ былъ родомъ изъ Ѳессаліи. Нѣкогда, вмѣстѣ съ Іереміей II, онъ прибылъ въ Москву и принималъ участіе въ учрежденіи патріаршества въ Россіи; послѣ этого ему не захотѣлось разстаться съ гостепріимнымъ Кремлемъ. Ему не пришлось раскаяться въ этомъ. Онъ былъ назначенъ хранителемъ Архан-

гельскаго собора. Благодаря такому положенію, Арсеній находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дворомъ и офиціальными сферами. Ссылку Варлаама и Василія онъ описываетъ, какъ очевидецъ; при этомъ добросовѣстность его показаній, рѣшительно, не допускаетъ сомнѣнія *).

Пока все это происходило въ Москвѣ, войско Димитрія выступило изъ Тулы 24 іюня и тронулось къ Москвѣ при все возрастающемъ энтузіазмѣ народа. Шатры, устроенные для царя въ Серпуховѣ, возбудили еще большій восторгъ поляковъ, чѣмъ то бывало раньше. Просторные, убранные съ невиданной роскошью, съ башнями по бокамъ и массивными дверями, эти сооруженія имѣли видъ маленькихъ крѣпостей. Внутри стѣны были увѣшаны коврами. Особенно изящно была обставлена столовая палата. Здѣсь Димитрій могъ угощать сколько угодно сотрапезниковъ. Бояре предусмотрительно прислали ему изъ Москвы цѣлый штатъ поваровъ съ обильнымъ запасомъ всякой снѣди.

Торжественный въѣздъ въ Москву совершился 30 іюня. Стоялъ великолѣпный лѣтній день. Древняя столица съ радостью принимала новаго царя. Годуновыхъ не жалѣлъ никто. Всѣ симпатіи народа принадлежали дѣйствительному герою дня... Вотъ разомъ зазвонили во всѣ колокола московскихъ церквей; мѣрные удары ихъ языковъ возвѣщаютъ о приближеніи кортежа. Какая смѣсь одеждъ, манеръ и лицъ! Шествіе при звукахъ военной музыки открываютъ семьсотъ поляковъ. Это—послѣдній остатокъ первоначальныхъ силъ Димитрія. Рыцари озираются съ воинственнымъ видомъ: блестящее вооруженіе ихъ искрится на солнцѣ. За ними слѣдуютъ стрѣльцы въ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ, да-

*) *Димитріевскій*, с. 100. Между поляками распространился слухъ, что Іовъ призналъ Димитрія. Наше собраніе, 1605, 15-го іюня, *Лавицкій къ Стриверу*: „Nunc illua novum allatum patriarcham Moscoviorum tandem etiam agnoscere et fateri serenissimum Demetrium dominum ac haeredem, et summe de precari sibi ignosceret, sed Moschi contra eum ita accensi, ut moroso seni nil nisi mortem minentur". Diarium *Лавицкаго*, f. 25 v°. Borsza, 397.

лѣе—московская конница съ трубами и барабанами. Между тѣсными рядами войска отъ времени до времени показываются роскошныя кареты, запряженныя шестернею дорогихъ лошадей или иноходцевъ въ богатѣйшихъ попонахъ... Появляется внушительная масса православнаго духовенства: тутъ и архіепископы и епископы, попы и архимандриты. Одѣтые въ длинное и широкое облаченіе, они несутъ въ рукахъ иконы или евангелія. Особо шествуетъ архіепископъ рязанскій Игнатій со своими четырьмя свѣщеносцами. Но кто же является центромъ всеобщаго вниманія? При видѣ кого народъ испускаетъ восторженные клики и обливается радостными слезами? Конечно, то самъ Димитрій. Кто осмѣлился бы въ этотъ моментъ отнестись къ нему съ недовѣріемъ, какъ къ самозванцу? Вся страна его привѣтствуетъ; вся Русь кается передъ нимъ и встрѣчаетъ его, какъ государя. Это онъ—чудесно спасенный царевичъ, онъ—угличскій заточникъ, истинный отпрыскъ Рюрикова дома. И, въ самомъ дѣлѣ, не царь ли всей святой Руси этотъ человѣкъ, шествующій подъ сѣнью православія ко дворцу предковъ своихъ, словно на крыльяхъ несомый народной любовью?

По обычаю, процессія остановилась на нѣкоторое время у Лобнаго мѣста, у *rostra* Москвы, откуда всего нѣсколько недѣль тому назадъ всенародно были заявлены права Димитрія. Тотъ же обычай требовалъ, чтобы отсюда царь отправился поклониться тремъ главнымъ святынямъ Кремля. На глазахъ благочестивыхъ подданныхъ своихъ Димитрій клалъ земные поклоны передъ иконами Успенскаго Собора и проливалъ горячія слезы въ Архангельскомъ соборѣ надъ гробницами Ивана IV и Ѳеодора. Тутъ же покоилось тѣло Бориса Годунова. Движимый сыновнимъ чувствомъ, Димитрій приказалъ удалить этотъ прахъ изъ усыпальницы царей и предать его землѣ за предѣлами Кремля. Въ Успенскомъ соборѣ о. Терентій привѣтствовалъ „самодержца всея Руси“ рѣчью; риторъ, искушенный въ библейскомъ стилѣ, онъ на этотъ разъ превзошелъ самаго себя. Устами его гово-

рилъ какъ-бы весь русскій народъ; въ словахъ его резюмировалось все значеніе этого историческаго дня. По пути во дворецъ, Димитрій намѣренно обошелъ домъ Годуновыхъ; тутъ же отданъ былъ приказъ срыть его немедленно. Такъ уничтожались послѣдніе слѣды этого эфемернаго величія *). Можно ли было, однако вполнѣ довѣриться народному чувству? И былъ ли новый властелинъ въ полной безопасности въ своихъ кремлевскихъ покояхъ?

Едва закончилось тріумфальное вступленіе Димитрія въ Москву, какъ въ столицѣ уже возникъ заговоръ противъ новаго царя. Это явилось какъ бы отрезвляющимъ призывомъ вернуться къ дѣйствительности. Конечно, никто не рѣшился бы открыто противостать стихійному увлеченію народа. Предатель ковалъ свои ковы тайно. Однако, замыселъ его обнаружился. Въ этомъ эпизодѣ все представляется загадочнымъ. Главою заговора былъ Василій Шуйскій, этотъ подлинный сфинксъ тогдашней Москвы. Нѣкогда онъ служилъ Годунову, затѣмъ призналъ законнымъ царемъ Димитрія; но, едва лишь ему удалось попасть въ милость къ новому государю, какъ онъ опять уже началъ плести свою паутину. Въ письмѣ отъ 14 іюля о. Андрей, въ самой неопредѣленной формѣ, обвиняетъ Шуйскаго въ распространеніи враждебныхъ царю толковъ: по его словамъ, князь Василій старается представить Димитрія простымъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ и іезуитовъ; онъ называетъ его врагомъ истинной вѣры и увѣряетъ, что самозванецъ собирается разрушить православныя церкви. Другіе свидѣтели предъявляли къ Шуйскому болѣе опредѣленныя обвиненія. Если вѣрить имъ, князь Василій прямо говорилъ, что Димитрій вовсе не сынъ Ивана IV, а бѣглый монахъ, Гришка Отрепьевъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что

---

*) *Дмитріевскій*, с. 100. Ciampi, т. I, 227. — Наше собраніе, Diarium Лавицкаго, 26.—1605 г. 21-го сентября *Лавицкій къ Аквасива.* — *Ак. Арх. Эксп.* т. II. с. 383, n⁰ 224.

вопросы, возбужденные Василіемъ Шуйскимъ, имѣли чрезвычайно важное значеніе. Этимъ и объясняется, почему Димитрій рѣшилъ безотлагательно освѣдомить объ этомъ дѣлѣ наиболѣе видныхъ сановниковъ своего государства.

Все это происходило въ первыхъ числахъ іюля, тотчасъ послѣ торжественнаго въѣзда Димитрія въ Москву и наканунѣ его вѣнчанія на царство. Повидимому, цѣлью Шуйскаго было воспрепятствовать утвержденію самозванца на престолѣ. Трудно сказать, однако, надѣялся ли онъ уже тогда самъ замѣнить Годунова на московскомъ тронѣ... 9-го іюля бояре и высшее духовенство собрались на чрезвычайное совѣщаніе: предметомъ его должно было явиться дѣло Шуйскаго. Самъ царь выступилъ въ роли обвинителя. Рѣчь, произнесенная имъ, была настоящимъ образцомъ ораторскаго искусства. Клеветническіе извѣты Шуйскаго рушились: негодованіе судей было настолько единодушно, что въ результатѣ совѣщанія виновному былъ вынесенъ смертный приговоръ. Рѣшеніе суда было утверждено Димитріемъ. Самая казнь должна была состояться на слѣдующій день.

10-го іюля все было готово для исполненія смертнаго приговора. Безчисленныя толпы народа собрались посмотрѣть на страшное зрѣлище. Шуйскій уже готовился положить голову на плаху. Палачъ уже замахивался своимъ топоромъ... Но вопреки всеобщему ожиданію, осужденный избѣгъ гибели: оказалось, царь помиловалъ его. Чѣмъ было продиктовано это внезапное рѣшеніе? Явилось ли оно актомъ великодушнаго порыва? Подсказано ли оно было необходимостью или политическимъ расчетомъ?... Трудно отвѣтить на это вполнѣ опредѣленно. Во всякомъ случаѣ, если царь надѣялся на признательность Шуйскаго, то онъ горько заблуждался. Дѣло измѣны продолжало зрѣть. *)

Съ внѣшней стороны, тотъ актъ милосердія, которымъ

---

*) Наше собр. 1605, 14 іюля *Лавицкій къ Стрыйскому.* — *Рус. Ист. Библ.*, т. VIII, 51. Niemojewski, ст. 115.—*Платоновъ*, Очерки. 287.

началъ Димитрій свое царствованіе, являясь какъ-будто благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Теперь новому государю предстояло освятить свою власть дѣломъ сыновней любви и благодатію торжественнаго мѵропомазанія... Москва готовилась къ этимъ знаменательнымъ событіямъ.

КНИГА III.

АПОГЕЙ.

ГЛАВА I.

Вѣнчаніе Димитрія на царство.

1605 г., 31 іюля.

I. Кульминаціонный пунктъ эпопеи.—Мать Димитрія.—Апелляція къ ней.—Встрѣча Маріы съ сыномъ.—Всеобщее умиленіе.—Въѣздъ въ Москву.—Возвращеніе ссыльныхъ.—Нагіе и Романовы.—Приготовленія къ коронаціи.—Умолчаніе о принятіи свят. тайнъ.—Via sacra.—Рѣчь Димитрія.—Аповеозъ.—Въ Архангельскомъ соборѣ.—Сіяніе древней славы.—Обѣдня въ Успенскомъ соборѣ.—Критическій моментъ.—Пріемъ въ Кремлѣ.—Рѣчь отца Николая.—Тайныя обѣщанія Димитрія.—Посланіе патріарха Игнатія.

II. Краковъ, какъ центръ всѣхъ извѣстій о Димитріи.—Письма капелланов.—Дневникъ Лавицкаго.—Посредничество Рангони.—От. Аквавива.—Антоній Поссевинъ.—Новый Соломонъ.—Изданіе Бареццо-Барецци.—Маркизъ де Мирова.—Флорентійскіе агенты.—Жанъ Ла-Бланкъ, предшественникъ современныхъ репортеровъ.—Французскій посланникъ въ Венеціи, какъ одинъ изъ лучшихъ кліентовъ Ла-Бланка.—Его депеши у Генриха IV.—Кардинальскій санъ Поссевина.—Франческо Соранцо.—Ѳома Ронкароли.—Матримоніальные планы Австріи.—Голосъ друзей.—Оптическій обманъ.

III. Ложное положеніе Димитрія.—Іерархическія затрудненія.—„Совѣтъ" царя сановникамъ церкви и ихъ отвѣтъ.—Избраніе Игнатія въ патріархи.—Побѣда офиціальной кандидатуры.—Ненависть Игнатія къ латинству и его покладливость.—Священники Вишневецкаго въ Москвѣ.—Сношенія съ епископами Роль Филарета Романова.—Инцидентъ при крещеніи Марины.—Покровительство монахамъ.—Жертвы царя въ пользу Львовскаго братства.—Софроній, патріархъ Іерусалимскій.—Его письмо и арабскія лошади.—Осторожность Димитрія съ католиками.—Положеніе и дѣятельность военныхъ капелланов.—Докторъ Эразмъ.—Аудіенція у царя.—Ободряющія рѣчи.—Заботы объ устройствѣ.—Замѣчаніе о. Андрея.

I.

Побѣдоносное вступленіе Димитрія въ Москву явилось кульминаціоннымъ моментомъ всей его эпопеи. Послѣ этого,

въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, самозванецъ могъ отдаваться опьяняющимъ впечатлѣніямъ своего головокружительнаго успѣха.

Непріятный эпизодъ съ Васпліемъ Шуйскимъ былъ скоро преданъ забвенію. Теперь совсѣмъ иныя чувства волновали народъ. Въ Москвѣ ожидалось прибытіе царицы Маріи. Мать Димитрія приняла монашество въ Выксинской обители св. Николая, гдѣ наречена была Маѳою. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о ея пребываніи въ монастырѣ. Каменныя стѣны этихъ обителей такъ же вѣрно хранили тогда всякія тайны, какъ могилы. Однако, продолжительное заточеніе не уничтожило горькихъ воспоминаній вдовствующей царицы. Вѣдь на ея глазахъ разыгралась кровавая углицкая драма; вѣдь въ своихъ объятіяхъ держала она невинную жертву злодѣйства; наконецъ, могло ли измѣнить ей материнское чувство? До этого момента Маѳа хранила молчаніе, скрывая все у себя на сердцѣ. Когда волненіе, вызванное слухами о самозванцѣ, достигло своего апогея, бывшая царица имѣла, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, какіе-то таинственные переговоры съ Борисомъ Годуновымъ. Но въ глазахъ народа ея авторитетъ оставался пока ничѣмъ не поколебленъ. Никто еще открыто не обращался къ ней съ какимъ-либо запросомъ, и сама она воздерживалась отъ какихъ бы то ни было заявленій. Теперь Димитрій рѣшительно апеллируетъ къ ней; онъ хочетъ, чтобы мать во всеуслышаніе произнесла свое слово.

Итакъ, слово принадлежало матери. Однако, могла ли несчастная женщина свободно открыть всѣмъ истину? Обладала ли она достаточнымъ мужествомъ, чтобы высказать свое дѣйствительное убѣжденіе? Что значило объявить Димитрія настоящимъ сыномъ Ивана IV? Это значило вернуть себѣ прежнее положеніе царицы. Что ждало Маѳу, если бы она обличила самозванца? Она навлекла бы на себя самыя ужасныя кары. Если Маѳа не обладала безстрастіемъ истинна гостонка, ей, конечно, трудно было выдержать роль

неподкупнаго судьи. Противники ея увѣряли впослѣдствіи, что, посредствомъ всякихъ посуловъ и угрозъ, Димитрій постарался привлечь ее на свою сторону. Ну, что жъ — игра стоила свѣчъ! Но, даже допуская возможность предварительнаго соглашенія между сторонами, мы должны признать, что объективныхъ доказательствъ этого мы не имѣемъ. Поэтому, возстановить такого рода живую картину немыслимо. Сохранились лишь ея фонъ и рама. Впрочемъ, для массы народной не существовало подобныхъ вопросовъ. Въ женщинѣ она видѣла мать, и судъ этой матери признавала безапелляціоннымъ.

Встрѣча Димитрія съ Маріей была обставлена съ явнымъ расчетомъ возбудить сочувствіе и умиленіе народа. Въ концѣ іюля царь выѣхалъ въ Таининское, навстрѣчу матери, которая уже приближалась къ Москвѣ. Самое свиданіе, по словамъ Лавицкаго, произошло въ полѣ. Свидѣтелями его были русскіе и поляки, собравшіеся отовсюду. Словомъ, во всей этой сценѣ не было, какъ будто, ничего, заранѣе подготовленнаго или искусственнаго; напротивъ, она отличалась видимой простотой и поэтому казалась трогательной. Едва взглянувъ другъ на друга, Марѳа съ Димитріемъ залились слезами. Сынъ бросился къ ногамъ матери: та, въ свою очередь, горячо обняла его... Можно было подумать, смотря на нихъ, что передъ ними открывается новая жизнь. Все это произвело самое благопріятное впечатлѣніе на народъ. И, въ самомъ дѣлѣ, если даже Димитрій съ Маріей разыгрывали комедію, они артистически выполнили свои роли... Понятно, какимъ волненіемъ былъ охваченъ народъ, когда онъ завидѣлъ царя съ непокрытой головой, сопровождавшаго поѣздъ своей матери. Казалось, сыновнее чувство всецѣло владѣетъ Димитріемъ: только оно могло подсказать ему столь трогательныя выраженія нѣжности. Близилась ночь: царскому поѣзду пришлось остановиться. Во время этой стоянки Димитрій никакъ не могъ наговориться съ матерью. Оба плакали—ясное дѣло, отъ радости. Эти слезы были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Въѣздъ въ Москву состоялся на слѣдующій день, т.-е. 28-го іюля. Торжественно благовѣстили колокола; несмѣтныя толпы народа собирались отовсюду. Димитрій сопровождалъ поѣздъ верхомъ на лошади; какъ и раньше, онъ старался держаться рядомъ съ каретою Маріи. Одобрительный гулъ зрителей встрѣтилъ царевича въ Кремлѣ. Всеобщее умиленіе еще увеличилось, когда Димитрій съ матерью направились въ Успенскій соборъ. Здѣсь они клали земные поклоны и щедро раздавали милостыню. Это зрѣлище окончательно покорило народъ. Ни одинъ царь не выказывалъ подобнаго отношенія къ своей матери. Очевидно, въ данномъ случаѣ въ Димитріи говорилъ голосъ крови; природа заявляла свои права... Послѣднія сомнѣнія разсѣивались. Димитрій старался всячески поддержать это настроеніе: для этого онъ окружилъ царицу самымъ почтительнымъ и нѣжнымъ вниманіемъ. Маріи были отведены роскошные покои въ Вознесенскомъ монастырѣ; ей прислуживала огромная свита. По возможности, всякій день царь на глазахъ у всѣхъ посѣщалъ мать. Благочестивымъ людямъ оставалось только радоваться *).

---

*) Rediit igitur (Marfa) ad avitum suum solium et domicilium 28 mensis Iulii. Antequam urbem ingressa esset duobus aut tribus milliaribus extra urbem, Serenissimus venienti obviam prodit, excipit filius matrem in campo medio, procidit ad pedes, complectitur, osculatur multa circumstante manu et nostrorum. Polonorum et Moscorum. O quot utrinque lacrymae, quandoquidem ambo sibi visi a morte ad vitam revocati... Consistunt ambo in aula vicina urbi pro nocte, convivium laetitiae plenum, plenum et ex laetitia lacrymarum, ad mediam, noctem producitur. Exorto vix sole dum ad iter versus urbem se comparant, filius denuo Serenissimam matrem ad currum deducit... Spectaculum hoc fuit permagnum et nunquam simile in hac gente visum. O quot acclamationibus tam numerosi populi excepti ambo fuerunt. Quanta laetitia, dum per mediam urbem peditem filium et cum tanta in matrem reverentia progredientem omnes con spicerent, exultarunt omnes, Quanto denique in illo campanarum pulsu cum triumpho salutati.—Наше собраніе, D i a r i u m *о. Лавицкаго*, f. 27.—Ватиканск. Архивъ, отд. Боргезе, II, 490, 1605, 17 августа, *Чиржовскій къ Савицкому*; 21-го сентября, *Лавицкій къ Аквавива. Русск. Лѣт.*, т. VIII, 71.

Возвращеніе Марѳы было только началомъ; за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ для возстановленія попранной справедливости. Конечно, прежде всего эти мѣры коснулись Нагихъ. Дядья царицы и трое ея братьевъ были возвращены въ Москву изъ ссылки. Пришлось тѣмъ самымъ, которые когда-то—офиціально, по крайней мѣрѣ,—удостовѣряли смерть царевича въ Угличѣ, увидѣть теперь своего племянника въ Кремлевскомъ дворцѣ, здравымъ и невредимымъ... Повидимому, впрочемъ, это нисколько ихъ не смущало. Вернулись и Романовы. Ихъ встрѣтили, какъ тріумфаторовъ; царь всячески старался выказать по отношенію къ нимъ вниманіе и предупредительность. Кое-кто изъ изгнанниковъ успѣлъ уже умереть въ ссылкѣ: останки ихъ были теперь перевезены въ столицу. Мы знаемъ, что самымъ выдающимся представителемъ дома Романовыхъ былъ боярин Ѳеодоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ; повидимому, онъ только и ждалъ такого оборота дѣлъ *). Раньше онъ находился подъ строгимъ надзоромъ въ обители, куда былъ сосланъ. И вотъ, съ нѣкотораго времени, поведеніе Филарета рѣзко измѣнилось. Невольный инокъ сталъ говорить только о мірскихъ дѣлахъ; онъ началъ вспоминать объ охотѣ съ соколами, о собачьей травлѣ, о верховой ѣздѣ... Порою онъ намекалъ на возможность какого-то возмездія и, вмѣсто благочестивыхъ молитвъ, отводилъ свою душу въ веселыхъ шуткахъ. Какъ разъ въ это время откуда-то вынырнулъ Димитрій. Это совпаденіе было очень знаменательно, и впослѣдствіи стало совершенно понятно, отчего произошла столь рѣзкая перемѣна въ настроеніи Филарета. Вмѣстѣ съ Романовыми были возстановлены въ своихъ правахъ и другіе боярскіе роды, подвергшіеся опалѣ Годунова; всѣ они заняли въ Кремлѣ свое прежнее положеніе. Словомъ, происходила вполнѣ опредѣленная реакція противъ политики Годуновыхъ. Всѣ эти акты милости служили какъ бы под-

*) *Акты Истор.*, с. 64, № 54.

готовкой къ великому торжеству, которое должно было совершиться вскорѣ.

Три дня спустя по прибытіи царицы, т.-е. 31 іюля, состоялось вѣнчаніе и помазаніе Димитрія на царство. Этотъ обрядъ явился высшимъ завершеніемъ всѣхъ усилій самозванца: разумѣется, въ глазахъ народа царевичъ поднимался отнынѣ на недосягаемую высоту. Нужно было возможно скорѣе возстановить въ московскомъ государствѣ нормальный порядокъ: всѣ жаждали увидѣть, наконецъ, на престолѣ такого государя, который былъ бы осѣненъ благодатью церкви. Что такое царь московскій? Это то же самое, что византійскій базилевсъ: это—священная особа, окруженная ореоломъ сверхчеловѣческаго величія. Подобно императорамъ Востока, онъ пріемлетъ власть свою отъ Вседержителя Бога: понятно, что самый актъ передачи этой власти долженъ быть обставленъ самымъ торжественнымъ ритуаломъ. Такъ образуются священныя узы между царемъ и народомъ, между избранникомъ Всевышняго и всѣмъ православнымъ міромъ.

Передъ коронованіемъ, новообращенному католику Димитрію нужно было продѣлать нѣкоторую тайную процедуру. Дѣло въ томъ, что, въ пылу увлеченія, въ критическій моментъ своихъ домогательствъ, царевичъ обѣщалъ своимъ духовникамъ исповѣдаться у нихъ передъ вѣнчаніемъ на царство. О. Андрей вмѣняетъ Димитрію это желаніе въ особую заслугу; однако, обо всемъ дальнѣйшемъ онъ хранитъ самое досадное молчаніе *). Допустимъ, впрочемъ, что исповѣдь, по самому существу своему, могла остаться тайной. Но какъ долженъ былъ поступить Димитрій при св. причащеніи? Этотъ моментъ являлся необходимой составной частью обряда вѣнчанія: разумѣется, для царя, какъ тай-

*) „Tacco et illud, quomodo... expiare sua peccata apud unum e nobis ante coronationem summopere per confessionem desideraverit".—Наше собраніе Diarium, o. Лавицкаго, f, 29.

наго католика, это создавало большія затрудненія. Какъ быть ему—принять ли святыя Дары изъ рукъ православнаго патріарха, или же нарушить открыто традиціонный ритуалъ? Еще наканунѣ своего отреченія отъ вѣры Димитрій повѣдалъ папскому нунцію свои сомнѣнія по этому поводу. Рангони запросилъ Римъ. Но курія не спѣшила отвѣтомъ. Такъ тянулось болѣе года. Повидимому, это не особенно смущало Димитрія. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, чтобы онъ напомнилъ еще разъ о своемъ затрудненіи или настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ. Обычная увѣренность въ себѣ не измѣняла ему и здѣсь.

Успенскій соборъ въ Москвѣ занималъ то же положеніе, что и Реймскій соборъ—во Франціи. По обычаю, освященному вѣками, вѣнчаніе царей русскихъ происходило, именно, въ этомъ храмѣ. Каждый изъ знатнѣйшихъ бояръ долженъ былъ выполнять при этомъ особую роль. Между прочимъ, стремясь придать возможно больше пышности обряду коронованія, правительство позаботилось о скорѣйшемъ назначеніи новаго патріарха. Въ этотъ санъ былъ возведенъ архіепископъ рязанскій, Игнатій. Вообще, Димитрій намѣренъ былъ использовать этотъ историческій моментъ какъ нельзя лучше.

Въ одѣяніи, осыпанномъ драгоцѣнными камнями, царевичъ шествовалъ въ Успенскій соборъ во главѣ блестящей процессіи. Путь царя устланъ былъ бархатнымъ ковромъ малиноваго цвѣта, затканнымъ золотомъ. Впереди царя шелъ священнослужитель, крестообразно окропляя эту via sacra. Представъ передъ алтаремъ, Димитрій дозволилъ себѣ нѣкоторое повѣствованіе. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ всю свою исторію, разсказалъ о своемъ происхожденіи, изобразилъ свои бѣдствія и чудесное спасеніе. Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ смѣлѣе звучала его рѣчь: присутствующіе какъ бы ободряли оратора своимъ благоговѣйнымъ молчаніемъ. Многіе плакали, по словамъ капеллановъ. Пусть даже эти слезы не были особенно обильны; во всякомъ слу-

чаѣ, не раздалось ни одного протестующаго голоса. Очевидно, общественное мнѣніе признало Димитрія достойнымъ царской короны.

Послѣ этого на сцену выступилъ патріархъ Игнатій. Прочитавъ молитвы, полагающіяся по чину, онъ совершилъ надъ Димитріемъ священное муропомазаніе. Затѣмъ онъ вручилъ ему знаки царскаго достоинства—вѣнецъ Ивана IV, скипетръ и государственное яблоко. Наконецъ, онъ возвелъ его на престолъ Ивановъ, Васильевъ, Владиміровъ. Здѣсь высшіе сановники государства, не исключая самого патріарха, стали чередою проходить передъ царемъ: склоняясь ницъ, они лобызали ему руку, помазанную святымъ елеемъ. Развѣ не было это дѣйствительнымъ апоѳеозомъ? Передъ лицомъ Бога и людей, въ сердцѣ страны русской, подъ сводами всѣми чтимой святыни, избранный цвѣтъ націи покорно простирался передъ новымъ царемъ. Эти люди были вполнѣ свободны, и, однако, провозглашали Димитрія своимъ государемъ и великимъ княземъ. Что могло быть болѣе убійственнымъ ударомъ для клеветниковъ? Развѣ этотъ плебисцитъ не былъ безапелляціоннымъ приговоромъ? Неужели царскій вѣнецъ переходилъ къ обманщику? Въ такомъ случаѣ, заблуждалась вся Россія, а съ нею жертвой ошибки былъ и весь свѣтъ.

Между тѣмъ, Димитрій старался возможно тѣснѣе связать себя съ прошлымъ. Онъ стремился вызвать великія тѣни своихъ предшественниковъ; онъ хотѣлъ поставить себя подъ ихъ защиту. Усыпальница русскихъ царей всего лучше могла служить этимъ цѣлямъ. Согласно обычаю, немедленно по коронованіи, Димитрій отправился въ Архангельскій соборъ. Здѣсь онъ простерся ницъ передъ прахомъ великихъ князей, передъ гробницами Ивана IV и Ѳеодора. Весь этотъ обрядъ былъ обязателенъ; за нимъ послѣдовало нѣкоторое дополненіе. У придѣла св. Іоанна Климака царя ожидалъ архіепископъ Арсеній. Димитрій опустился передъ нимъ на колѣни. Архіепископъ возложилъ на его голову шапку Мо-

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

(Съ картины Л. Киліана.)

номаха; при этомъ провозгласилъ Axios. Хоръ подхватилъ этотъ напѣвъ... Такимъ образомъ, чело новаго царя осѣнила сама древность.

Церемонія закончилась богослуженіемъ въ Успенскомъ соборѣ. Служилъ патріархъ Игнатій съ многочисленнымъ духовенствомъ. Конечно, царь присутствовалъ въ храмѣ. Всѣ обряды совершались съ торжественностью и пышностью, свойственными столь выразительному ритуалу православной церкви. Дымъ кадилъ возносился къ небу вмѣстѣ съ моленіями священнослужителей. Между тѣмъ, для Димитрія наступалъ критическій моментъ. Передъ нимъ стояла дилемма: принять причастіе по православному обряду или же отказаться отъ него къ соблазну всѣхъ. Иного выхода не было. Такъ какъ скандала въ церкви не произошло, приходится допустить, что Димитрій пріобщился, какъ православный. Во всякомъ случаѣ, относительно этого эпизода въ нашемъ распоряженіи нѣтъ достаточно опредѣленныхъ свидѣтельствъ. Сообщенія русскихъ на этотъ счетъ такъ же неясны, какъ и показанія поляковъ. Можно было бы ждать большаго вниманія со стороны іезуитовъ, капелланов Димитрія. Но и они ничего не въ состояніи сказать. По ихъ словамъ, въ храмѣ было такое множество зрителей, что имъ самимъ не удалось видѣть церемоніи, происходившей передъ алтаремъ *). Выдаетъ себя скорѣе самъ Димитрій, хотя, быть-можетъ, косвеннымъ образомъ и безсознательно. Вскорѣ, по поводу коронованія Марины, онъ будетъ энергично доказывать, что, если его невѣста не пожелаетъ причаститься по православному обряду, ее невозможно будетъ вѣнчать на царство. Это производитъ такое впечатлѣніе, будто царь судитъ по собственному опыту, желая, чтобы

*) „Adfuimus coronationi cum nostro milite, nam illiadesse nos cupiebat Serenissimus ipse. Ceremonias vix propter circumstantes episcopos et bojarios... Spectare potui".—Ватик. Арх.; собр. Боргезе, II, 499, 1605, 21 сент., письмо *Лавицкаго къ Аквавивѣ.*

его будущая супруга подчинилась тому условію, которое выполнилъ онъ самъ.

Церковный обрядъ кончился. За нимъ послѣдовало свѣтское торжество по всѣмъ правиламъ этикета. Изъ Успенскаго собора бояре и другіе сановники государства отправились во дворецъ поздравить царя и засвидѣтельствовать ему свою вѣрноподданническую преданность. То же самое сдѣлали начальствующія лица польскаго отряда. Согласно желанію, выраженному Димитріемъ, поляковъ сопровождали оба капеллана. Избранная московская знать и гордые сыны Польши смѣшались въ одну раболѣпную толпу передъ тономъ новаго царя. Всѣ почтительно цѣловали ему руку. Повидимому, они были счастливы воздавать ему такую честь и готовы вѣрно служить ему въ будущемъ. То была, несомнѣнно, внушительная, но нѣсколько однообразная картина. Нѣкоторое оживленіе въ этотъ церемоніалъ внесъ лишь о. Николай, обратившійся къ Димитрію съ краткимъ, но прочувствованнымъ словомъ. Іезуитъ въ Кремлѣ, обращающійся съ рѣчью къ царю, на польскомъ языкѣ,—конечно, то было нѣчто невиданное и неслыханное. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе эта сцена должна была произвести на присутствующихъ. Впрочемъ, рѣчь о. Николая была самаго невиннаго свойства. Вся она состояла изъ общихъ мѣстъ и обычныхъ въ такихъ случаяхъ пожеланій. Однако, Димитрій выслушалъ ее съ очевиднымъ удовольствіемъ. Онъ самъ перевелъ изъ нея нѣсколько фразъ для русскихъ слушателей и сумѣлъ тутъ же, безъ всякой подготовки, отвѣтить іезуиту въ самомъ милостивомъ тонѣ.

Пріемъ во дворцѣ закончился роскошнымъ пиромъ. За столомъ къ капелланамъ пробрался одинъ изъ поляковъ и конфиденціально сообщилъ имъ нѣчто по порученію Димитрія. Царь попрежнему выражалъ іезуитамъ свое благоволеніе; повторяя свои обѣщанія, онъ напоминалъ о своихъ планахъ относительно поселенія ихъ въ Москвѣ. Какъ и раньше, онъ сожалѣлъ, что приходится еще ждать благо-

пріятнаго случая, и снова говорилъ о своихъ намѣреніяхъ устроить въ Россіи католическія школы и церкви. Димитрій шелъ еще дальше. Онъ высказывалъ свою радость по тому поводу, что вѣнчаніе его на царство состоялось въ праздникъ св. Игнатія Лойолы, т.-е. 31-го іюля. Въ этомъ случайномъ совпаденіи онъ видѣлъ благопріятное предзнаменованіе. Въ заключеніе всего онъ сообщалъ объ отправленіи имъ посольства въ Римъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ ласковыхъ рѣчей, среди всеобщаго ликованія, будущее, естественно, рисовалось іезуитамъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Передъ сѣятелями на нивѣ Христовой открывалось необозримое поле. Московское государство должно было явиться дверью дальше, на Востокъ; за нею виднѣлась дорога, ведущая въ глубины Азіи. Давно пора было проникнуть въ эти таинственныя области; давно стремилось христіанство покорить себѣ варварскія племена и низвергнуть ихъ идоловъ. Смѣлый, почти химерическій планъ Поссевина, казалось, становился осуществимымъ, и сердца обоихъ духовниковъ преисполнялись самыхъ свѣтлыхъ надеждъ.

Такъ привѣтствовала Москва своего новаго государя. Между тѣмъ, до другихъ городовъ, не исключая самыхъ отдаленныхъ, уже донеслась вѣсть о вступленіи Димитрія Іоанновича на прародительскій престолъ. Приходилось и имъ выразить молодому царю свою покорность. Патріархъ Игнатій не щадилъ силъ, содѣйствуя этому Онъ разсылалъ свои грамоты повсюду, даже въ Сибирь. Въ нихъ онъ приказывалъ собирать народъ и духовенство, объявлять о перемѣнѣ правленія, звонить во всѣ колокола и служить молебны за царицу Марѳу и сына ея Димитрія *). Вскорѣ слухъ объ удивительныхъ событіяхъ въ Москвѣ проникъ и за границу.

---

*) *Собр. Гос. Грам.* т. II, стр. 204, № 92.

II.

Прогремѣвъ по всей русской землѣ, имя царя Димитрія обошло затѣмъ всю Европу. Въ то время не было еще тѣхъ телеграфныхъ проводовъ, которые нынѣ разносятъ повсюду вѣсть о событіяхъ міровой жизни. Молва распространялась медленнѣй; зато она вездѣ оставляла слѣдъ въ видѣ документовъ. Для насъ небезынтересно выяснить, откуда шли свѣдѣнія о новомъ русскомъ царѣ, какъ распространялись они за границей, проникая и въ Римъ, и въ Венецію, и въ Флоренцію, и ко двору Рудольфа II, и даже въ палаты Генриха IV.

Центромъ, куда стекались всѣ извѣстія изъ Москвы, являлся Краковъ. Здѣсь эти сообщенія распредѣлялись между Вавельскимъ замкомъ, домомъ нунція и обителью св. Варвары. Главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ данныхъ являлись капелланы, сопровождавшіе Димитрія во время похода. Правда, король получалъ донесенія и отъ собственныхъ своихъ агентовъ. Однако, этотъ матеріалъ не предавался гласности, тогда какъ письма о.о. Николая и Андрея ходили по рукамъ. Корреспонденція обоихъ іезуитовъ носила, въ сущности, интимный характеръ. Какъ начальникамъ, такъ и собратьямъ своимъ въ Польшѣ, они писали безъ всякихъ заднихъ мыслей, съ полнѣйшей искренностью. Очевидно, единственной цѣлью ихъ являлось излить свою душу передъ друзьями. И о. Николай и о. Андрей охотно разсказываютъ о томъ, какъ служатъ они при польскомъ войскѣ. Они сообщаютъ о всѣхъ своихъ затрудненіяхъ, о всѣхъ заботахъ и надеждахъ. Съ этой стороны данныя

ихъ чрезвычайно поучительны. Въ соотвѣтствіи со своей миссіей и въ силу вещей они, естественно, касаются порою общегосударственныхъ дѣлъ. Понятно, что Димитрію посвящается при этомъ не мало вниманія. Іезуитовъ интересуетъ все — и его внѣшность, и его способности, и его планы. Какъ сказано было выше, оба капеллана были убѣждены, что передъ ними—подлинный сынъ Ивана IV. Гласъ народный казался имъ высшимъ судьею въ этомъ дѣлѣ. Въ фантастическомъ походѣ царевича на Москву они видѣли дѣйствіе какихъ-то провиденціальныхъ силъ. Въ ихъ глазахъ стратегическое искусство значило тутъ меньше, нежели вліяніе невидимыхъ и таинственныхъ факторовъ. Вотъ почему ихъ никогда не покидаютъ надежды; они не падаютъ духомъ даже при серьезныхъ неудачахъ, когда сама судьба словно смѣется надъ ними. По прибытіи въ Москву Лавицкій написалъ свои записки: онѣ открываются появленіемъ Димитрія въ Польшѣ и заканчиваются описаніемъ торжества 31-го іюля 1605 года. Рядомъ съ корреспонденціей обоихъ іезуитовъ, въ которой встрѣчаются иногда досадные пробѣлы, эти записки могутъ служить весьма цѣннымъ матеріаломъ: онѣ порою резюмируютъ ея содержаніе, а иногда и дополняютъ его новыми подробностями *).

Понятно, что вѣсти отъ обоихъ іезуитовъ встрѣчались съ радостью въ обители св. Варвары. Вѣдь приходили онѣ изъ такой дали и притомъ сообщали столько интереснаго! Письма о.о. Андрея и Николая читались съ жадностью; содержаніе ихъ скоро становилось извѣстнымъ всѣмъ друзьямъ; быть-можетъ, узналъ о нихъ и самъ король. Вполнѣ вѣроятно, что оригиналы ихъ передавались нунцію. Конечно, то было драгоцѣнной добычей для Рангони. Онъ неизмѣнно снималъ съ нихъ копіи, а порою оставлялъ себѣ и подлинники, которые посылалъ затѣмъ въ Римъ. Такимъ-то пу-

*) О. *Савицкій* также составилъ свои записки. Извлеченія изъ нихъ были напечатаны *Вѣлевицкимъ*.

темъ и попали нѣкоторыя изъ этихъ писемъ въ собр. Боргезе, хранящееся въ Ватиканскомъ Архивѣ. Обыкновенно, впрочемъ, Рангони пользовался ими только какъ матеріаломъ при составленіи своихъ депешъ: этими данными онъ дополнялъ тѣ свѣдѣнія, которыя получалъ изъ придворныхъ сферъ или же отъ самого Димитрія. Въ этомъ смыслѣ нунцій игралъ роль постояннаго посредника между іезуитами и Куріей.

Былъ еще другой путь, по которому проникали вѣсти изъ Москвы въ Италію, чтобы оттуда распространиться по всему тогдашнему міру. Надо помнить, прежде всего, что оба капеллана писали отъ времени до времени въ Римъ, своему генералу, о. Клавдіо Аквавива. Но то были оффиціальныя донесенія, которыя, обыкновенно, поступали въ исключительное распоряженіе высшихъ сферъ церковной администраціи. Очевидно, что не здѣсь находился второй центръ внѣшней пропаганды. Такимъ центромъ былъ извѣстный намъ Антоній Поссевинъ. Ему писалъ Стриверн, провинціалъ польскихъ іезуитовъ; его корреспондентомъ былъ и Каспаръ Савицкій, духовникъ Димитрія; наконецъ,—правда не слишкомъ-то часто,—получалъ онъ письма и отъ обоихъ іезуитовъ, сопровождавшихъ царевича. Мы знаемъ, что Поссевинъ былъ не только писатель, но и дѣлецъ. Онъ былъ еще полонъ воспоминаній объ Иванѣ IV и Стефанѣ Баторіи. И вотъ, на старости лѣтъ, этотъ неутомимый боецъ съ юношескимъ жаромъ хватается за мысль использовать для своихъ цѣлей новаго московскаго царя. Поссевинъ жилъ въ то время въ Венеціи. Онъ былъ занятъ печатаніемъ своей *Bibliotheca* у Барецціо и поддерживалъ постоянныя сношенія съ итальянскими князьями и съ французскими дипломатами. Переходъ Генриха IV въ католичество содѣйствовалъ сближенію обѣихъ сторонъ. Надо замѣтить, что участіе Поссевина въ этомъ дѣлѣ уже было оцѣнено по заслугамъ. Появленіе Димитрія заставило Поссевина опять вспомнить о своихъ планахъ, касавшихся славянства и всего Вос-

тока. Между прочимъ, во время продолжительныхъ разговоровъ съ о. Николаемъ въ Путивлѣ, царевичъ выразилъ желаніе получить отъ Поссевина Библію на славянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Димитрію напомнили о сношеніяхъ этого іезуита съ Иваномъ IV: по обычной своей любезности, онъ попросилъ передать Поссевину его просьбу. Но очевидно, что здѣсь чаша была уже переполнена: достаточно было этой послѣдней капли, чтобы ея содержимое хлынуло наружу.

Поссевинъ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы хранить подъ спудомъ тѣ свѣдѣнія, которыя получалъ онъ изъ Москвы. Напротивъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало использовать настроеніе неофита—Димитрія. Просьба о Библіи явилась какъ нельзя болѣе удобнымъ случаемъ для этого. Конечно, Поссевинъ могъ бы послать Димитрію Библію Острожскаго изданія—разумѣется, если только у него сохранился экземпляръ, подаренный ему княземъ Константиномъ. Однако, это великолѣпное изданіе страдало однимъ недостаткомъ: оно вышло изъ типографіи, принадлежавшей православнымъ... Вотъ почему Поссевинъ предпочелъ снабдить Димитрія другими назидательными книгами, въ которыхъ онъ былъ уже совершенно увѣренъ. Эту посылку онъ сопроводилъ письмомъ, полнымъ самыхъ заманчивыхъ предложеній. Онъ говорилъ о необходимости дружественнаго союза Россіи съ Польшей и о совмѣстной расправѣ обѣихъ державъ со Швеціей. Онъ рисовалъ картину крестоваго похода противъ Турокъ и изображалъ проповѣдь евангелія въ Казани, Астраханп и Азіи. По его словамъ, Димитрій можетъ явиться новымъ Соломономъ. Онъ воздвигнетъ храмъ лучше Іерусалимскаго святилища. То будетъ храмъ духовный, гдѣ найдутъ себѣ спасеніе всѣ, имѣющіе быть обращенными къ истинной Церкви.

Эта программа должна была найти себѣ осуществленіе въ Россіи; что касается Европы, то, прежде всего нужно было познакомить ее съ этими грандіозными планами и заручиться,

если можно, ея сочувствіемъ. И вотъ, Поссевинъ шлетъ повсюду свои письма. Между прочимъ, онъ обращается къ Герцогу Урбинскому, Франческо-Маріа II. Онъ разсказываетъ ему всю исторію Димитрія; онъ старается обратить на него вниманіе герцога. Но главныя усилія его направлены на Флоренцію и Парижъ. Поссевинъ вступаетъ въ переписку съ Фердинандомъ, герцогомъ Тосканскимъ: онъ обсуждаетъ съ нимъ вопросъ объ учрежденіи типографіи.

Одной изъ главныхъ и притомъ постоянныхъ заботъ Поссевина являлось распространеніе хорошихъ книгъ на народномъ языкѣ. Онъ огорчался, видя, какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи для русскихъ. А, между тѣмъ, какая благородная задача для истиннаго Медичи — принять подъ свое покровительство народъ съ великимъ будущимъ, чтобы открыть передъ нимъ новые горизонты! Что касается Генриха IV, то здѣсь мечты Поссевина залетали еще дальше. Старый іезуитъ уже думалъ о томъ, какъ между королемъ Франціи и русскимъ царемъ возникнетъ благородное соревнованіе... Конечно, они будутъ стараться превзойти одинъ другого въ дѣлахъ благочестія. Только этого и нужно церкви, и, разумѣется, она останется въ выигрышѣ.

Вскорѣ мы увидимъ, что Поссевинъ обратится и къ папѣ Павлу V, чтобы еще полнѣе и шире развить ему свои планы относительно Москвы. Но пока онъ старается не терять времени. Онъ апеллируетъ ко всему міру; съ этой цѣлью онъ издаетъ краткое, но весьма содержательное сочиненіе—*Relazione*. Эта книжка появилась въ Венеціи въ концѣ 1605 года. Она была проникнута самымъ горячимъ энтузіазмомъ. Авторомъ ея былъ, будто бы Бареццо-Барецци; однако, несомнѣнно, что подъ именемъ своего издателя скрывался не кто иной, какъ самъ Поссевинъ. Вѣдь только онъ одинъ изъ всѣхъ итальянцевъ велъ переписку съ двумя іезуитами, отправившимися въ Москву; а *Relazione*, въ сущности, только резюмируетъ ихъ письма.

Обработка этого матеріала и вступительныя замѣчанія, которыя предпосланы книжкѣ, слишкомъ явно выдаютъ того, кто самъ когда-то побывалъ при московскомъ дворѣ. Вполнѣ понятно, что въ Краковѣ повсюду открыто говорили объ этой книжкѣ, какъ о дѣтищѣ Поссевина. Самъ авторъ заботился о ея распространеніи: и, дѣйствительно, ему удалось сдѣлать ее весьма популярной. Одинъ монахъ издалъ ее на испанскомъ языкѣ; другіе переводили ее на французскій, нѣмецкій и латинскій языки. Такимъ образомъ, исторія Димитрія пріобрѣла извѣстность на Западѣ.

Въ сущности, Поссевинъ являлся только своего рода резонаторомъ, передававшимъ гласности сообщенія іезуитовъ, находившихся въ войскѣ Димитрія. Но эти лица говорили обо всемъ, какъ очевидцы. Благодаря этому, ихъ письма представляютъ неоспоримую цѣнность. Но, и помимо нихъ, были въ самомъ Краковѣ такіе люди, которыя ловили всякія извѣстія о царевичѣ и немедленно передавали ихъ за границу. То были придворные, дипломаты и агенты всякаго рода.

Мы уже упоминали о маркизѣ де-Мирова, маршалѣ королевскаго двора. Самое положеніе позволяло ему ясно видѣть все происходящее во дворцѣ и, когда нужно, сообщать самыя точныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Маркизъ велъ постоянную переписку съ кардиналомъ Альдобрандини, съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ и герцогомъ Мантуи. Въ то время въ Италіи еще живо интересовались всѣмъ, что касалось Востока. Поэтому польскій маркизъ подробно разсказывалъ въ своихъ письмахъ и о Борисѣ Годуновѣ, и о Димитріи Іоанновичѣ. Конечно, для итальянскаго слуха эти имена звучали нѣсколько дико; но они нисколько не смущали читателей Петрарки и Данте. Въ Польшѣ находилось нѣсколько итальянцевъ, которые дѣйствовали на дипломатическомъ поприщѣ, имѣя отношеніе къ русскимъ дѣламъ. Таковы были Нери Джиральди и Серициджи. Оба они посылали свои донесенія канцлеру тосканскому, Велизаріо Винти.

По самымъ дѣятельнымъ и, отчасти, даже безпокойнымъ изъ этихъ агентовъ являлся капитанъ Жанъ Ла-Бланкъ. То былъ настоящій предтеча газетныхъ репортеровъ нашего времени. Карьера этого человѣка была не совсѣмъ обычна. Уроженецъ Лангдока, онъ сперва представлялъ собою кальвиниста чистѣйшей воды, по словамъ Поссевина. Затѣмъ онъ потерялъ все свое состояніе и принужденъ былъ покинуть родину въ 1580 году. Быть-можетъ, его эмиграція являлась лишь однимъ изъ частныхъ эпизодовъ въ исторіи тѣхъ религіозныхъ войнъ, которыя терзали въ то время Францію. Злополучный изгнанникъ нашелъ себѣ убѣжище въ Швеціи. Здѣсь онъ поступилъ на службу къ Сигизмунду, при чемъ Ла-Бланкъ до такой степени привязался къ этому ревностному католику, что послѣдовалъ за нимъ изъ Стокгольма въ Краковъ. Занятія военнымъ дѣломъ не поглощали всего времени у Ла-Бланка; поэтому онъ старался использовать свой досугъ возможно выгоднѣй для себя. Впрочемъ, на поприщѣ политическихъ комбинацій ему, положительно, не везло. Онъ долго носился съ проектомъ союза между Польшей и Швеціей подъ покровительствомъ Генриха IV. Но этотъ планъ провалился самымъ позорнымъ образомъ. Потерявъ всѣ надежды съ этой стороны, Ла-Бланкъ перенесъ свою энергію въ область международной корреспонденціи. Политическій репортажъ сдѣлался, въ концѣ-концовъ, его профессіей. Въ 1617 году Ла-Бланкъ съ гордостью заявлялъ епископу люсонскому Ришелье, будущему кардиналу, что, по порученію Генриха Великаго, а затѣмъ царствующаго короля и его матери онъ освѣдомлялъ ихъ величества обо всѣхъ событіяхъ, совершавшихся въ сѣверныхъ государствахъ Дѣйствительно, около 1604 года, въ числѣ его кліентовъ, помимо нунція Рангони, былъ французскій посланникъ *).

*) „Galvinistra pessimo (La Blanque) se gia non è convertito“,— замѣчаетъ Поссевинъ на поляхъ. См. Ватик. Арх., отд. Боргезе, II, 66, f. 339. См. ibidem, II, 223, 230, 234. Canaye, t. II, p. 339.—Париж. Національ. Библ., франц. отд., 1597, passim.—Данцигъ, Гос. Арх. завѣщаніе *Ла-Бланка*-

Царица лагунъ, славившаяся богатствомъ и торговыми оборотами, была въ то время своего рода обсерваціоннымъ пунктомъ. Здѣсь Западъ входилъ въ соприкосновеніе съ Востокомъ и съ самой Москвою. Представителемъ христіаннѣйшаго короля Франціи въ Венеціи являлся Филиппъ Канэ де-Френъ. То былъ раскаявшійся гугенотъ. Между нимъ и Поссевиномъ существовали самыя дружескія отношенія. Канэ заинтересовался славянскими дѣлами. Онъ внимательно читалъ всѣ донесенія Ла-Бланка, котораго признавалъ человѣкомъ честнымъ и осторожнымъ въ выборѣ средствъ. Съ другой стороны, сообщенія іезуитовъ помогали ему провѣрять данныя Ла-Бланка; такимъ образомъ, въ его собственныхъ депешахъ проходитъ передъ нами вся исторія Димитрія. Въ Парижѣ этотъ матеріалъ поступалъ въ распоряженіе перваго совѣтника государства, Вилльруа, который докладывалъ о немъ самому Генриху IV.

Но рвеніе Канэ не ограничивалось посылкой въ Парижъ подробныхъ депешъ. Не довольствуясь освѣдомленіемъ короля о томъ, что происходило въ московскомъ государствѣ, онъ старался увлечь бывшаго гугенота широкимъ планомъ католической пропаганды на Востокѣ. Въ его изображеніи Генрихъ IV становился апостоломъ истинной вѣры среди русскихъ. По соглашенію съ Павломъ V, онъ долженъ отправить въ Москву спеціальнаго легата; при этомъ іезуита, облеченнаго такой миссіей, необходимо возвести въ санъ кардинала. „Обращеніе къ истинной вѣрѣ великаго русскаго государства, пространство коего почти безпредѣльно, явится великимъ завоеваніемъ католической Церкви“, писалъ Канэ къ Вилльруа 12 іюля 1605 года. „Когда извѣстіе (о вступленіи Димитрія въ Москву) подтвердится, я полагалъ бы, что было бы весьма умѣстно для Его Величества обратиться къ Папѣ съ просьбой объ отправленіи о. Поссевина въ эту страну съ миссіей легата. Вѣдь онъ такъ долго и успѣшно дѣйствовалъ тамъ во времена Григорія XVII и Сикста V. Этому легату слѣдовало бы пожаловать шляпу кардинала,

чтобы придать еще больше авторитета его миссіи. Во всякомъ случаѣ, мнѣ извѣстно, что самъ Поссевинъ весьма далекъ отъ этой мысли. Онъ уже рѣшилъ на цѣлый годъ удалиться въ Лоретту, какъ только закончено будетъ печатаніе его трудовъ. Но меня занимаютъ больше интересы Церкви, нежели личные планы этого человѣка. Въ виду этого прошу Васъ извинить меня, если я слишкомъ смѣло сообщаю Вамъ о томъ, что считаю важнымъ для славы Божіей, а также для достоинства и имени Его Величества, къ чести котораго должна послужить рекомендація столь достойнаго кандидата". *) Однако Генрихъ не внялъ убѣжденіямъ своего посла. Онъ оставилъ Поссевина при своихъ книгахъ, а Москву—при ея Церкви. Тѣмъ не менѣе, образъ Димитрія запечатлѣлся въ памяти короля. Поэтому, когда Маржеретъ вернется изъ Россіи, Генрихъ заставитъ его разсказать подробнѣе всю эту фантастическую исторію.

Въ Прагѣ слухи о торжествѣ Димитрія породили комбинаціи совершенно иного свойства. У Рудольфа II были также свои агенты въ Москвѣ. Такими лицами являлись Лука Паули и Генрихъ Логау. Разумѣется, они были въ курсѣ всѣхъ событій. До насъ дошла нѣкоторая часть ихъ донесеній. Однако, этотъ матеріалъ представляетъ слишкомъ большіе пробѣлы, при наличности которыхъ почти невозможно судить о дѣйствительной освѣдомленности обоихъ агентовъ. Быть-можетъ, пражскій дворъ пользовался преимущественно тѣми данными, которыя шли изъ Кракова. Папскій нунцій въ Прагѣ, Феррери, переписывался иногда съ Рангони. Агентъ пармскаго правительства, Ѳома Ронкароли также пересылалъ своему государю, письма оо. Николая и Андрея. Тѣми же польскими источниками пользовался и венеціанскій посолъ при пражскомъ дворѣ, Франческо Соранцо. Во всякомъ случаѣ, Габсбурги всегда внимательно слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ

*) Сапа'уе, t. II, p. 652 и др.

Москвѣ. По мнѣнію Соранцо, императорское правительство выказывало къ новому царю бо́льшую симпатію, нежели когда-то къ Борису Годунову. Было, впрочемъ, весьма простое средство провѣрить это настроеніе пражскаго двора. Какъ извѣстно, Годуновъ всячески старался связать себя родственными узами съ Австрійскимъ царствующимъ домомъ. Однако, всѣ его домогательства встрѣчались холодными или уклончивыми отвѣтами. Совершенно иначе относилось то же правительство къ Димитрію. Сами Габсбурги готовы были предложить ему въ невѣсты одну изъ эрцгерцогинь. Найти ее было совсѣмъ нетрудно: такъ много было дочерей у Карла Штирійскаго. Сочетавшись подобнымъ бракомъ, московскій царь сталъ бы шуриномъ польскаго короля; слѣдствіемъ такихъ матримоніальныхъ комбинацій могъ бы явиться тройственный союзъ державъ... Однако, всѣ эти проекты рушились: Димитрій былъ вѣренъ своей пылкой страсти къ Маринѣ *).

Восходя, такимъ образомъ, къ первоисточникамъ, откуда распространялись за границу вѣсти о новомъ московскомъ царѣ, мы легко можемъ объяснить себѣ, почему эти сообщенія были столь благопріятны для него, и какъ сумѣли они создать ему популярность въ такой короткій срокъ. Враги Димитрія пока еще молчали; они должны были заговорить впослѣдствіи. Теперь же слышались только рѣчи его друзей, разносившіяся далеко по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ, неопытные наблюдатели являлись жертвою извѣстнаго оптическаго обмана. Мы помнимъ, чего желалъ такъ горячо Канэ де-Френъ, о чемъ мечтали Поссевинъ и іезуиты — спутники Димитрія. Именно это и было труднѣе всего осуществить. Между тѣмъ, религіозный вопросъ вставалъ передъ Димитріемъ во всемъ своемъ объемѣ. Уклониться отъ его рѣшенія было немыслимо.

*) Вѣнск. Госуд. Архивъ, Russika, гг. 1604, 1605.—Венеціанск. Гос. Архивы, Germania, Dispacci, 1605, f. 31, донесеніе *Соранцо* отъ 20-го августа.

III.

Теократическая идея еще господствовала въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Въ силу этого царь обязанъ былъ жить въ добромъ согласіи съ духовенствомъ; вообще, взаимоотношенія церкви и государства должны были сохранять самый дружественный характеръ. Совершенно естественно, что Димитрій безъ колебаній принялъ на себя роль православнаго царя; всякія обѣщанія католикамъ съ его стороны приходилось держать пока въ строгой тайнѣ. Конечно, тѣмъ самымъ создавалось фальшивое положеніе; однако, Димитрій выходилъ изъ него съ удивительнымъ искусствомъ.

Первое затрудненіе, возникшее передъ нимъ, относилось къ области іерархическихъ вопросовъ. Какъ извѣстно, восточный кесарь былъ немыслимъ безъ патріарха. Димитрій считалъ себя кесаремъ; при такихъ условіяхъ, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своимъ духовнымъ alter ego. Еще въ началѣ своей карьеры, въ Краковѣ, онъ говорилъ о Московскомъ патріаршествѣ; онъ разсуждалъ, какъ человѣкъ, знающій цѣну этому институту и желающій воспользоваться имъ въ своихъ интересахъ. Опытъ Бориса Годунова былъ у него передъ глазами. Онъ и поспѣшилъ послѣдовать этому примѣру.

Мы помнимъ, что до вступленія своего въ Москву, Димитрій повелѣлъ низложить патріарха Іова. Не могъ же ставленникъ Бориса быть главою русской Церкви: на этомъ посту Димитрій хотѣлъ видѣть болѣе надежнаго человѣка. Вотъ почему, немедленно по водвореніи своемъ въ Кремлѣ

онъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и „посовѣтовалъ“ имъ избрать новаго патріарха. Предложеніе царя было мотивировано ссылками на преклонный возрастъ Іова и на слабость его зрѣнія. Царь говорилъ только о благѣ Церкви; онъ не выдалъ ничѣмъ своихъ мстительныхъ чувствъ, ни словомъ не упомянулъ о наказаніи патріарха. Подобная тактика царя нѣсколько примирила съ нимъ членовъ собора: она, хотя отчасти, оправдывала въ ихъ глазахъ суровыя мѣры, принятыя противъ Іова. Сановники церкви не стали противиться убѣжденіямъ царя: и на нихъ дѣйствовало обаяніе его сказочно создавшейся власти. Присутствующіе вполнѣ одобрили мысль царя. Они отвѣтили, что признаютъ мудрымъ рѣшеніе благочестивѣйшаго государя и великаго князя всея Руси, Димитрія Іоанновича: да совершится воля его; пусть будетъ такъ, какъ онъ приказалъ. Какъ эти, такъ и послѣдующія подробности сообщаетъ архіепископъ Арсеній. Это—свидѣтель-очевидецъ. Онъ самъ былъ однимъ изъ членовъ собора и не имѣетъ никакихъ причинъ скрывать отъ насъ истину *).

Принявъ совѣтъ царя, епископы собрались въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ, послѣ обычныхъ обрядовъ, приступили къ выборамъ. При первомъ голосованіи санъ патріарха былъ сохраненъ за тѣмъ же Іовомъ. Однако, не нужно разсматривать это, какъ серьезный протестъ противъ распоряженія царя: скорѣе то было послѣдней данью почтительности по отношенію къ прежнему патріарху. Дѣйствительно, въ томъ же собраніи рѣшеніе было пересмотрѣно. Доводы Димитрія оказали свое дѣйствіе. Слѣпой старецъ былъ лишенъ сана, и всѣ присутствующіе, словно по тайному уговору, избрали на его мѣсто Игнатія, архіепископа рязанскаго. Конечно, главнымъ доводомъ въ его пользу и величайшей его заслугой являлась преданность Димитрію. Протоколъ избранія былъ пе-

*) *Дмитріевскій*, 106,116.—Съ осторожностью нужно относиться лишь къ хронологическимъ датамъ Арсенія.

медленно утверждень царемъ. Около 10-го іюля, по вступленіи новаго патріарха на престолъ, въ Кремлѣ было устроено торжественное пиршество съ раздачей подарковъ. По словамъ Арсенія, епископы вернулись съ этого празднества вполнѣ довольные исходомъ дѣла.

Несомнѣнно, избраніе Игнатія явилось побѣдой оффиціальной кандидатуры. Вотъ почему, несмотря на единогласный вотумъ, самъ патріархъ смиренно заявлялъ, что онъ призванъ былъ ко власти волею царя. Это ясно показываетъ намъ, кто желалъ возложить на Игнатія почетный санъ, кто упростилъ выборы, и почему такъ уступчивы были члены собора. Конечно, на лицо было вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла; но никого въ Москвѣ это не поражало. Таковы были традиціи прошлаго. И Димитрій лишь слѣдовалъ по пути, предуказанному его предшественниками.

Игнатій являлся именно тѣмъ человѣкомъ, какой нуженъ былъ царю. То была безцвѣтная личность, трудно поддающаяся характеристикѣ. Впрочемъ, въ Игнатіи ясно выступали двѣ черты — именно, крайняя эластичность и ненависть къ католицизму. Игнатій былъ заклятымъ врагомъ латинянъ; при этомъ онъ нисколько не скрывалъ своихъ взглядовъ. Какъ всегда, послѣ своего избранія, новый патріархъ обратился къ паствѣ съ особымъ посланіемъ, которое предназначалось самой широкой гласности. И что же? Игнатій, нимало не смущаясь, ставитъ поганыхъ латинянъ на одну доску съ магометанами, при чемъ тѣмъ и другимъ выражаетъ пожеланія всяческихъ бѣдъ. Впрочемъ Игнатій не ограничивался теоретическими разсужденіями. Онъ хотѣлъ и на практикѣ вести борьбу съ католицизмомъ. На этой-то почвѣ и разыгралось любопытное столкновеніе между нимъ и княземъ Адамомъ Вишневецкимъ.

Въ сентябрѣ 1605 года этотъ магнатъ прибылъ въ Москву, чтобы поздравить своего бывшаго протеже съ успѣхомъ и вернуть себѣ отнятыя московскимъ правительствомъ

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(Съ портрета Снядецкаго).

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(Съ портр., находящ. въ Румянцевскомъ музеѣ).

ладѣшія. Какъ извѣстно, Вишневецкій былъ ревностнымъ сторонникомъ православія; поэтому съ нимъ вмѣстѣ прибыла въ Москву цѣлая свита духовенства. Эти священнослужители, увѣренные, что находятся въ дружественной странѣ, смѣло явились въ церковь. Однако, къ великому ихъ удивленію, ихъ не пропустили дальше дверей. Доступъ въ самый храмъ былъ преграждень. Въ объясненіе имъ было указано, что вся ихъ повадка — латинская: на головахъ у нихъ нѣтъ скуфей, и водятъ они съ собою польскихъ пѣвчихъ. Какъ же можно пустить ихъ въ православную церковь? Желая во чтобы то ни стало проникнуть внутрь, духовенство Вишневецкаго кое-какъ раздобыло себѣ требуемые головные уборы. Послѣ этого, пройдя въ храмъ, эти гости запѣли молитвы. Присутствующіе въ церкви были поражены: они слушаютъ, смотрятъ съ удивленіемъ, недоумѣваютъ, наконецъ, возмущаются... Напѣвы западныхъ пришельцевъ кажутся имъ чудными; у іереевъ — камилавки безъ каймы, имѣющей символическое значеніе. Все это—латинство, которое нетерпимо въ православномъ храмѣ. Извѣстили патріарха. Разумѣется, онъ не остался въ сторонѣ. Пріѣзжее духовенство предано было анаѳемѣ; мнимые его сообщники—посажены въ тюрьму. Только заступничество князя Адама выручило несчастныхъ изъ бѣды: однако, большихъ трудовъ стоило гордому магнату утишить гнѣвъ Игнатія.

Димитрій не протестовалъ противъ этихъ мѣръ. Вражда патріарха къ латинянамъ служила ему прикрытіемъ; повидимому, онъ даже былъ не противъ того, чтобы сознательно пользоваться подобной кулисой. За нимъ самимъ оставалась полная свобода дѣйствій и, въ сущности, ему нечего было бояться будущаго: вѣдь мы знаемъ, что насколько Игнатій ненавидѣлъ католиковъ, настолько же онъ былъ и покладистъ. Новопоставленный патріархъ былъ, собственно говоря, чужимъ на Руси; ему ничего не стоило перейти изъ одного лагеря въ другой, и только одного не упускалъ онъ изъ виду никогда: то были его личные интересы. Едва ли этой

византійской душѣ были свойственны какія-либо благородныя побужденія. Борисъ Годуновъ пожаловалъ ему епархію; Игнатій не задумался измѣнить своему покровителю и примкнуть къ Димитрію. Впослѣдствіи также просто онъ перешелъ на сторону самозванца, именовавшагося Димитріемъ II. Когда положеніе Игнатія въ Москвѣ стало слишкомъ рискованнымъ, онъ перебрался въ Польшу. Здѣсь его приняли съ почетомъ. Сигизмундъ III назначилъ ему пожизненную пенсію. И что же? Игнатій совершенно забылъ о своей ненависти къ католицизму. Онъ примкнулъ къ Уніи и прожилъ послѣдніе свои годы въ Виленскомъ монастырѣ св. Троицы: здѣсь у него установились такія трогательныя отношенія съ уніатами, что нѣкоторые изъ нихъ признаютъ его святымъ. Конечно, въ 1605 году, гороскопъ Игнатія никому еще не былъ извѣстенъ; никто не могъ предвидѣть его будущихъ измѣнъ... Однако, истинная натура этого человѣка не могла быть тайной для того, кто возвелъ Игнатія въ высокій санъ русскаго патріарха *).

Конечно, Димитрій могъ вполнѣ положиться на Игнатія и твердо разсчитывать на его усердіе. Тѣмъ не менѣе, политика царя по отношенію къ высшему духовенству отличалась величайшей сдержанностью. Онъ самъ шелъ навстрѣчу іерархамъ; онъ ни въ чемъ не посягалъ на ихъ права: напротивъ, они были еще приближены къ его особѣ. На торжественныхъ пріемахъ въ Кремлѣ царь неизмѣнно появляется въ окруженіи высшихъ сановниковъ Церкви. Димитрій приглашаетъ ихъ къ царскому столу; онъ осыпаетъ ихъ своими милостями. Казалось, для духовенства вернулись счастливыя времена Ѳеодорова царствованія. Съ учрежденіемъ Сената,—о чемъ будетъ сказано ниже,—первенствующее мѣсто въ немъ заняли іерархи. Пастыри душъ стали ближайшими совѣтниками государя; согласно завѣтамъ ста-

*) *Собр. Госуд. Грам.*, т. II, с. 204, № 92.—Наше собраніе, 1605, 21-го сент., *письмо Савицкаго*.—Theiner, t. III, 325.

рины, они являлись заступниками угнетенныхъ и сиротъ. Любопытно отмѣтить, что Димитрій оставилъ на своихъ мѣстахъ всѣхъ іерарховъ, которые успѣли сдѣлать свою карьеру до него. Онъ разрѣшилъ себѣ лишь одно исключеніе изъ этого правила. Но и то было сдѣлано въ интересахъ Ѳеодора Романова. По возвращеніи своемъ изъ ссылки, этотъ невольный инокъ не пожелалъ ни снять рясы, ни отказаться отъ новаго своего имени Филарета. Жена его также удалилась въ монастырь; при такихъ условіяхъ ничто не мѣшало Филарету мечтать о митрѣ. Царь поспѣшилъ удовлетворить это честолюбивое желаніе. Однако, Романову нужно было дать приличествующее положеніе. Для этого, безъ дальнихъ разговоровъ, Димитрій устранилъ митрополита ростовскаго, Кирилла Завидова. Конечно, то былъ совершенно произвольный и антиканоническій актъ; но, въ данномъ случаѣ, царь дѣйствовалъ какъ бы подъ давленіемъ самихъ іерарховъ. Димитрій предоставилъ имъ рѣшающій голосъ и, вообще, отнюдь не хотѣлъ проявить своей инициативы *).

Съ своей стороны, высшее духовенство, повидимому, было довольно своимъ новымъ государемъ. По крайней мѣрѣ, оно всячески старалось показать это. Истинное настроеніе іерарховъ выяснилось въ одномъ чрезвычайно серьезномъ случаѣ. Димитрій былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи жениться на Маринѣ. За исключеніемъ двухъ лицъ, все высшее духовенство, съ патріархомъ во главѣ, пошло навстрѣчу этому желанію: рѣшено было сочетать русскаго царя съ полячкой-католичкой. Пойти на это въ 1606 году, въ Москвѣ, въ этомъ сердцѣ святой Руси, значило проявить крайнюю снисходительность. Разумѣется, Димитрій былъ чрезвычайно доволенъ уступчивостью своихъ іерарховъ. Что касается обоихъ представителей оппозиціи, то по отношенію къ нимъ онъ выказалъ величайшую терпимость.

*) *Попов*, Изборникъ, 194, 241, 276, 410.—Дата назначенія Филарета въ ростовскіе митрополиты точно не установлена.

Какъ мы знаемъ, Димитрій намѣренъ былъ реформировать монастырскій бытъ. Но онъ убѣдился очень скоро, что здѣсь немыслима радикальная ломка. Напротивъ, приходилось вооружиться терпѣніемъ. И что же? Ожесточенный противникъ монастырей сумѣлъ побороть себя: онъ рѣшилъ считаться съ данными условіями. Вотъ почему онъ уже не обращался къ своимъ духовникамъ за совѣтомъ по вопросу о томъ, какъ преобразовать обители, которыя онъ называлъ притонами тунеядцевъ. И онъ былъ правъ. Развѣ могъ онъ взять на себя задачу Петра Великаго? Для Духовнаго Регламента не настало еще время. Россія не поняла бы его языка. Не мудрено, что тотъ, кто въ Путивлѣ казался столь смѣлымъ новаторомъ, въ Кремлѣ слѣдовалъ рутинѣ. Монастырскій бытъ остался неприкосновеннымъ. Царь не провелъ въ этой области ни одного улучшенія, не принялъ ни одной принудительной мѣры. Мы знаемъ, что богатства монастырей возбуждали зависть Ивана III и Ивана IV; Димитрій не поддался корысти: всѣ эти сокровища остались нетронутыми въ рукахъ своихъ обладателей. Каковы бы ни были личныя убѣжденія новаго государя, онъ таилъ ихъ про себя; въ своей общественной дѣятельности онъ неуклонно слѣдовалъ завѣтамъ и преданіямъ своихъ предшественниковъ. Между прочимъ, Димитрій предпринялъ паломничество въ Троице-Сергіевскую Лавру: здѣсь онъ благоговѣйно склонялся передъ мощами св. Сергія, заступника и молитвенника московскихъ князей. Въ памятникахъ того времени мы находимъ указаніе на щедроты царя, изливаемыя на монастыри. Димитрій подтверждаетъ ихъ старыя права и жалуетъ новыя; онъ освобождаетъ ихъ отъ налоговъ и повинностей всякаго рода; онъ даруетъ имъ всевозможныя административныя льготы; онъ предоставляетъ имъ привилегіи въ продажѣ соли и торговлѣ рыбою. Правда, въ одной нѣмецкой хроникѣ имѣется упоминаніе объ особомъ фискальномъ проектѣ, который, будто бы, намѣревался провести Димитрій въ ущербъ черному духовенству. Однако, это свидѣ-

тельство остается совершенно одинокимъ; притомъ же мы не находимъ никакого документальнаго его подтвержденія. Въ окончательномъ итогѣ, монашеская братія, столь многочисленная на Руси, могла только радоваться, имѣя такого государя. Дѣло не мѣняется, если даже допустить, что Димитрій, дѣйствительно, взялъ изъ казны Троицкой Лавры тѣ 30,000 рублей, о которыхъ такъ будетъ жалѣть впослѣдствіи Палицынъ *).

Даже за предѣлами своего государства Димитрій слылъ за горячаго защитника православія. Въ справедливости этого мнѣнія, прежде другихъ, убѣдилось Львовское братство. Здѣсь начата была постройка церкви; за отсутствіемъ средствъ, дѣло пріостановилось. Тогда члены братства рѣшили отправить особую депутацію къ царю, чтобы просить его о помощи. Какъ мы знаемъ, всѣ эти братства въ Польшѣ представляли собою боевыя организаціи православныхъ людей. Правительство относилось къ нимъ весьма недовѣрчиво; что касается католиковъ, то братства вели съ ними ожесточенную борьбу. Какъ только Сигизмундъ III узналъ о рѣшеніи Львовскаго братства, онъ приказалъ приготовить цѣпи для дерзкихъ просителей и потребовалъ выдачи себѣ виновныхъ. Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Димитрій польскому королю. Достовѣрно лишь то, что просьба Львовскаго братства была удовлетворена царемъ, который отпустилъ депутацію домой не съ пустыми руками **).

Зашевелилась и восточная церковь. Патріархамъ слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ путь на Москву; щедроты русскихъ царей заранѣе учитывались этими іерархами—при составленіи своихъ смѣтъ и бюджетовъ. Можно ли было

---

*) *Акты Истор.*, II, 71—79, № 59—61, 64. *Муханова.* Сборникъ, 203—205, № 135—137. Busso, 40.—*Русск. Истор. Библіотека*, XIII, 652, см. свидѣтельство кн. Катырев-Ростовскаго, согласно которому Димитрій отправилъ въ ссылку монаховъ Чудова монастыря.—*Палицынъ*, 224

**) *Собр. Госуд. грам.*, т. II, с. 279, № 130.—Музей Чарторыйскаго въ Краковѣ, 2101, f. 37.

не обратиться къ новому государю, который столь чудеснымъ образомъ воскресъ изъ мертвыхъ? Какъ же было не ждать отъ него богатыхъ благодарственныхъ жертвъ? Какъ только патріархъ іерусалимскій, Софроній, узналъ о томъ, что „открылся“ настоящій сынъ Ивана IV, онъ поспѣшилъ отправить къ нему особое посланіе: очевидно, у него не хватало терпѣнія подождать, пока экспедиція царевича дастъ болѣе или менѣе опредѣленные результаты. Теперь представлялся самый удобный случай укрѣпить завязавшіяся отношенія. Между московскимъ патріархомъ и княземъ Адамомъ Вишневецкимъ произошелъ конфликтъ. Для того, чтобы ликвидировать это дѣло, іерусалимскій патріархъ отправилъ въ Польшу трехъ уполномоченныхъ. Имъ было приказано заѣхать въ Москву и передать Димитрію письмо Софронія.

Это посланіе представляетъ собою, своего рода, шедевръ восточнаго стиля. Авторъ его то паритъ въ высотахъ, то неуклюже спускается въ низины матеріальныхъ расчетовъ. Письмо начинается изображеніемъ того, какъ вся Палестина, тѣснясь въ храмахъ, славословитъ Всевышняго за чудесное воскрешеніе потомства русскихъ царей. Нынѣ, въ лицѣ Димитрія, вновь обрѣтаетъ человѣчество драгоцѣнное сокровище, бывшее подъ спудомъ столько времени. Горячія моленія возносятся къ небу: да поможетъ Господь царевичу возстановить свои права на престолъ безъ пролитія крови, минуя ужасы войны. Когда же Димитрій возсядетъ на прародительскомъ тронѣ, пусть не забудетъ онъ Св. Гроба Господня; пусть памятуетъ онъ о его величіи и о его нуждахъ. Пусть слѣдуетъ онъ по пути Ивана IV и Ѳеодора, сложившихъ тяжкое бремя съ двухъ восточныхъ церквей. Здѣсь тонъ патріарха мѣняется: перо святителя переходитъ въ руки дѣльца. Онъ напоминаетъ, что церковь іерусалимская—кругомъ въ долгахъ. Эта задолженность достигаетъ огромныхъ размѣровъ (5,000 червонцевъ), а кредиторы неумолимы: они требуютъ 50% за сто.

Но развѣ можно перечесть всѣ эти финансовыя бѣдствія?

Одинъ лукавый заимодавецъ, выманивъ у Софронія вексель въ тысячу золотыхъ вмѣсто денегъ, навязалъ ему пару арабскихъ коней. Съ такой замѣной можно было бы, пожалуй, и помириться, но бѣда въ томъ, что благородными скакунами завладѣлъ князь Адамъ... Напрасно патріархъ старался вернуть ихъ—онъ лишился и лошадей, и денегъ. Всѣ эти злоключенія должны были возбудить жалость: къ этому чувству и взываетъ трогательное заключеніе посланія. Намъ нечего добавить къ его тексту. Конечно, письмо патріарха дошло по назначенію и хранится въ Московскомъ архивѣ *).

Между тѣмъ, несмотря на почти всемірную славу Димитрія, какъ ревнителя православія, отношенія царя къ духовенству были хороши только наружно. Лишь одинъ патріархъ далъ Димитрію очевидныя доказательства своей непоколебимой вѣрности. Разсчитывать на подобную преданность со стороны другихъ было трудно. Большею частью, іерархи выражали притворную радость и ликовали по заказу; въ глубинѣ души они таили недовольство. Недовѣріе царя къ духовенству еще возросло, когда епископы Львовскій и Пржемышльскій тайно донесли на Димитрія и объявили его врагомъ церкви **).

Димитрій чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Поэтому онъ тщательно избѣгалъ всего, что могло бы выдать его вѣроотступничество: теперь онъ былъ уже гораздо осторожнѣе, чѣмъ во время похода. Первыми почувствовали эту перемѣну двое іезуитовъ. Правда, они вообще, держались на извѣстномъ разстояніи: потому и отдаленіе ихъ произошло почти незамѣтно. Напротивъ, оно было такъ тонко обставлено, что являлось какъ бы простымъ слѣдствіемъ случайности ***).

*) Regel, стр. CIX, 124.

**) Niemojewski, стр. 109. Имена епископовъ Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копытинскій. Между русскими архіереями однимъ изъ главныхъ враговъ Димитрія считаютъ Ѳеодосія, епископа астраханскаго.

***) Приводимыя далѣе подробности заимствованы изъ Diarium О. Лавицкаго и изъ писемъ обоихъ кепелановъ.

Впрочемъ, оба іезуита легко съ этимъ примирились. Они были поглощены исполненіемъ своихъ обязанностей. Каждый день они демонстративно отправлялись пѣшкомъ въ обширное помѣщеніе, служившее имъ походной часовней. Обѣдня сопровождалась музыкой. По воскресеньямъ произносились проповѣди и пѣлись гимны. По вечерамъ солдаты собирались снова и пѣли за вечерней псалмы. Капелланы насчитывали около трехъ тысячъ поляковъ, живущихъ въ Россіи. Большинство изъ нихъ составляли военноплѣнные, пережившіе походы Баторія; тутъ же были и ливонскіе эмигранты. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили свою вѣру, другіе перешли въ православіе. Всѣ были лишены религіозной поддержки въ теченіе пятнадцати, двадцати, даже тридцати лѣтъ. Видъ священника будилъ въ нихъ самыя дорогія воспоминанія; онъ переносилъ ихъ на родину. Всѣ они умоляли капелановъ не покидать ихъ больше. Было въ принципѣ рѣшено соорудить костелъ; этотъ планъ возбудилъ настоящій энтузіазмъ.

Кромѣ поляковъ, отцы іезуиты нашли въ Москвѣ еще доктора-католика Эразма. Рудольфъ II прислалъ его въ 1604 г. Борису Годунову. Съ первой же встрѣчи завязалась дружба. Старый врачъ, какъ настоящій ученый, дрожалъ за свои книги. Онъ поспѣшилъ назначить іезуитовъ наслѣдниками своей библіотеки и подарилъ имъ экземпляръ Тита Ливія.

Такимъ образомъ, сами занятія способствовали нѣкоторому отдаленію капелановъ отъ царя. Іезуиты выжидали. Таковы были инструкціи, полученныя ими въ Краковѣ; да и собственное ихъ мнѣніе согласовалось съ видами духовнаго начальства „Мы не въ Путивлѣ“, писали они, отмѣчая сдержанность Димитрія. Въ этой перемѣнѣ они не видѣли никакой немилости; напротивъ, получивъ аудіенцію, они встрѣчали со стороны царя необыкновенно радушный и ласковый пріемъ. Такъ, въ концѣ декабря 1605 г. іезуиты были внезапно вызваны во дворецъ. Ради предосто-

рожности, они отправились туда ночью. И сразу же они точно перенеслись въ Путивль. Царь бросился имъ на шею; онъ говорилъ, что счастливъ ихъ видѣть: онъ сравнивалъ эту минуту съ моментомъ своего коронованія и со встрѣчей матери. Пользуясь удобнымъ случаемъ, капелланы подали ему записку о нѣкоторыхъ своихъ нуждахъ: тутъ же они преподнесли ему молитвенникъ и другіе священные предметы, присланные изъ Кракова. Тогда въ царѣ проснулся неофитъ, полный рвенія и пылкой вѣры. Онъ приходилъ въ экстазъ передъ частицами св. мощей; принимая благословеніе, онъ склонялся до земли, какъ бывало раньше, наканунѣ сраженій. Затѣмъ мысли Димитрія перешли къ другому предмету. Онъ сталъ говорить о своихъ просвѣтительныхъ планахъ, о посольствѣ въ Римъ; одного изъ іезуитовъ онъ непремѣнно хотѣлъ включить въ это посольство; затѣмъ онъ прочелъ письмо свое къ Павлу V и разсыпался въ похвалахъ и выраженіяхъ благодарности папѣ. Капелланы удалились вполнѣ удовлетворенные.

Такія аудіенціи давались рѣдко — разъ въ три или четыре мѣсяца. Но, въ промежуткахъ между ними, царь поручалъ своимъ довѣреннымъ подтверждать обѣщанія, данныя когда-то капелланамъ. По его словамъ, планы будущаго остаются неизмѣнными: но съ осуществленіемъ ихъ надо повременить: Борисъ Годуновъ слишкомъ много распространилъ клеветы. Православные еще преисполнены предразсудковъ: новшества не пройдутъ безнаказанно. Такая медлительность не казалась капелланамъ ни подозрительной, ни достойной осужденія. Они сами слишкомъ близко стояли къ дѣлу, да и, кромѣ того, внѣшнія отношенія къ нимъ были проникнуты величайшей предупредительностью. Царь не только требовалъ, чтобы іезуиты ни въ чемъ не нуждались; онъ живо интересовался ихъ капеллой и, какъ въ Путивлѣ, посылалъ имъ то матеріи на церковныя облаченія, то золотую чашу, то драгоцѣнную икону. Отцы вооружались терпѣніемъ и понемногу устраивались. Они про-

сили себѣ въ Краковѣ подкрѣпленія: имъ хотѣлось, чтобы къ нимъ прислали третьяго священника для церковныхъ требъ и брата Конрада, родомъ москвича, для сношеній съ русскими. Изъ Польши были имъ присланы книги: *Контроверзы* Беллармина, *Анналы* Баронія, *Проповѣди* св. Винцента Феррье. О. Андрей отважно принялся за славянскій языкъ; онъ мечталъ обратить русскихъ въ истинную вѣру и, полный воодушевленія, восклицалъ порою отъ всего сердца: „Отчего я не москвитянинъ?“ Еще ничто не омрачало этихъ свѣтлыхъ надеждъ.

ГЛАВА II.

ДИМИТРІЙ И ПАПЫ.

1604—1606 гг.

I. Дипломатическія миссіи.—Традиціонная политика папъ. Задержка дѣла Димитрія въ Римѣ. — Молчаніе Климента VIII. — Два конклава. Избраніе Павла V.—Мнѣніе Фердинанда Тосканскаго и Венеціанскаго посланника.—Рангони поручено навести справки о Димитріи.—Депеша отъ 2 іюля 1605 г. Она не разъясняетъ вопроса. - Излишній оптимизмъ. Внѣшнія вліянія на папскую политику Завѣтная мысль Павла V. Пароль данъ. - Проектъ посольства. —Мнѣніе Рангони.- Его переписка съ Димитріемъ.—Луиджи Пратиссоли отправленъ въ Москву. - Посылка Рангони.- -Символическіе подарки.—Аудіенція Пратиссоли въ Кремлѣ.—Янъ Бучинскій въ Краковѣ. Разрѣшеніе, данное Маринѣ, и титулы Димитрія. Московская записка. -Терзанія нунція.—Андрей Лавицкій отправленъ въ Римъ.—Инструкціи Димитрія. Прибытіе въ Краковъ и въ Римъ. Бѣсѣда о. Андрея съ папою. Депеша кардинала Боргезе. -Письма Павла V.—Заявленія о. Андрея. — Отъѣздъ изъ Рима. — Прибытіе Александра Рангони. -Аудіенція въ Кремлѣ. Запоздалая учтивость Димитрія. Заботы его объ организаціи дипломатіи и военномъ дѣлѣ. Обѣщаніе посольства.—Сношенія съ Европою. — Николай де Мелло. — Донесенія Александра Рангони. Поссевино въ Ватиканѣ. Его система и иллюзіи. -Миссіонеры. -Кармелиты въ Москвѣ. -Превосходный пріемъ.—Впечатлѣнія папы.

II. Димитрій и Святѣйшая Инквизиція. Римская и всемірная инквизиція. Подвѣдомственныя ей дѣла. Собственноручная помѣтка Климента VIII.—Разрѣшеніе Димитрія отъ постовъ.—Другое разрѣшеніе, зависящее отъ папы. — Курія поражена удивленіемъ. Прецедентъ въ дѣлѣ Сигизмунда III. -Записка кардинала Камилла Боргезе. – Молчаніе римской Куріи. — Мученія о. Савицкаго.—Онъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность. Сомнѣнія, высказанныя папѣ.—Вѣра праотцевъ. – Нетѣлимая Россія.—Медлительность Куріи. — Справки о Савицкомъ.—Ими рѣшается весь вопросъ- -Засѣданіе 13 октября.—Уклончивый отвѣтъ Куріи. — Три разрѣшенія, испрашиваемыя для Марины. —Нунцій объявляетъ себя некомпетентнымъ. Обращаются за разъясненіемъ къ папѣ. — Безпокойство Мнишковъ. — Теологическое совѣщаніе у нунція. — Предварительный вопросъ.—Утвердительный отвѣтъ. Однородные шаги въ Римѣ и въ Москвѣ. Крикъ отчаянія Мнишковъ. — Засѣданіе 2 марта 1606 г.—Просьбы Димитрія подвергаются голосованію. –Всѣ голоса противъ, за исключеніемъ одного.– Дисциплинарный характеръ этого рѣшенія. -Депеша Сципіона Боргезе. — Эволюція Димитрія. — Документальныя изысканія. — Non possumus.—Легковѣріе.

I.

Дипломатическія миссіи.

Никогда не надо забывать, что политика папъ по отношенію къ царямъ всегда вдохновлялась идеей единенія церквей.

Вспомнимъ посланія Сикста IV къ Ивану III, Григорія XIII къ Ивану Грозному, инструкціи Бонумбра, донесенія Поссевина. Черезъ всѣ вѣка проходитъ традиціонная нить программы, которая никогда не мѣняетъ своего основного направленія. Однако, дѣло не двигалось съ мѣста. Павелъ V попробовалъ шагнуть впередъ.

Странная вещь, никто какъ-то не замѣчалъ, что вопросъ о Димитріи оставался открытымъ въ Римѣ до іюня 1605 г. У Климента VIII не было времени, а, можетъ-быть, и желанія разбираться въ немъ. На первые авансы Димитрія, т.-е. на смиренное письмо его отъ 24 апрѣля 1604 г., папа отвѣтилъ уже извѣстнымъ милостивымъ посланіемъ, гдѣ, намѣренно избѣгая политики, ограничивался стереотипно-благочестивыми фразами. Но не того добивался Димитрій. Онъ не прочь былъ слѣдовать за папою по пути аскетизма; онъ охотно распространялся о своихъ „духовныхъ утѣшеніяхъ“; онъ заявлялъ о своей преданности св. престолу и о готовности повергнуть къ его подножію свою юность, здоровье и самую жизнь. Но ему хотѣлось получить за все это награду въ видѣ реальной поддержки со стороны папы. Поэтому его письмо отъ 30 іюля проникнуто одновременно и благочестіемъ, и чисто-мірскими помыслами.*) Климентъ VIII оставилъ это обращеніе безъ отвѣта. Можно

*) Ватиканскій архивъ, отд. Боргезе, II. 499. Rome et Démétrius, p. 160 № 3.

истолковывать такое молчаніе, какъ угодно. Духовникомъ и другомъ папы былъ знаменитый историкъ, кардиналъ Баронія. Можетъ-быть, это онъ оберегалъ Климента отъ досадныхъ разочарованій. Можетъ-быть, его шокировала одна двусмысленная фраза, вырвавшаяся у Димитрія. Излагая свои просьбы, неофитъ благодарилъ папу за помощь, которую тотъ ему „предложилъ". Это значило перепутать роли. Проситель забылся и навязывалъ свои дѣйствія первосвященнику. Какъ бы то ни было, Климентъ VIII уже не обмолвился ни единымъ словомъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ мартѣ 1605 г.

Тотчасъ же собрался конклавъ, и между французской и испанской партіями возгорѣлась отчаянная борьба. Побѣда французовъ оказалась слишкомъ мимолетной. Пребываніе на папскомъ престолѣ кардинала, избраннаго на семидесятомъ году жизни подъ именемъ Льва XI, длилось только 27 дней. Однако въ новомъ конклавѣ, столь же бурномъ, Франціи опять удалось провести своего кандидата. 16-го мая 1605 г. Камиллъ Боргезе сталъ преемникомъ Медичи и принялъ имя Павла V.

Новый папа былъ красивый, статный мужчина эффектной внѣшности. Его находили, сравнительно, молодымъ—ему было только пятьдесятъ два года. Утонченная изысканность его манеръ не мѣшала ему быть упорнымъ защитникомъ своихъ правъ и суровымъ ревнителемъ закона. Левъ XI не слишкомъ часто появлялся въ римскомъ обществѣ: онъ довольствовался тѣснымъ кругомъ своихъ приближенныхъ и друзей. Великій герцогъ Тосканскій ничего хорошаго не ждалъ отъ такого папы въ будущемъ. Онъ считалъ его недостаточно подготовленнымъ для своей высокой роли. Венеціанскій посланникъ, Агостино Нани, былъ менѣе проницателенъ. Не предчувствуя появленія знаменитаго интердикта, онъ выражалъ Льву XI пожеланія прожить „годы Петра" на благо христіанства. Папа былъ человѣкомъ сильнаго тѣлосложенія и пользовался превосходнымъ здоровьемъ; порою лишь ему докучалъ ревматизмъ въ лѣвомъ предплечьѣ. Онъ

много гулялъ и принималъ пищу дважды въ день. Все это сулило долгую жизнь, о чемъ Пани подробно извѣщалъ Дояка *).

Избирательный періодъ пріостановилъ, какъ это всегда бывало, всякія дѣла въ Ватиканѣ. Кардиналъ Дю-Перронъ, самъ бывшій въ числѣ избирателей, писалъ французскому королю, Генриху IV: „Благодаря кончинѣ папы, здѣсь отложены всѣ очередные вопросы; вся жизнь сосредоточилась въ конклавѣ **). Забытъ былъ и царь московскій. Никто не думалъ о немъ, пока папскій престолъ оставался незанятымъ. Зато сейчасъ же послѣ своего избранія Павелъ V поспѣшилъ выяснить себѣ это темное дѣло. Еще будучи кардиналомъ, онъ слышалъ въ римской Куріи разговоры о претендентѣ. Въ рукахъ его были депеши Рангони и письма оо. іезуитовъ. Римское общество живо интересовалось этимъ необыкновеннымъ государемъ, и кардиналъ Санъ-Джорджіо въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ зарождающіяся надежды своихъ соотечественниковъ: „Благодаря Димитрію мы посмѣемся, а турки заплачутъ“ ***). Поэтому уже 4 іюня кардиналъ Валенти поручаетъ Рангони навести подробнѣйшіе справки о личности Димитрія; пусть онъ позондируетъ общественное мнѣніе и, главнымъ образомъ, разузнаетъ объ отношеніи къ этому вопросу со стороны короля. „Чѣмъ полнѣе и точнѣе будетъ разслѣдованіе,“ говоритъ онъ, „тѣмъ угоднѣе то будетъ Его Святѣйшеству“. 16-го іюля отправляется новая настойчивая депеша, на этотъ разъ шифрованная. Валенти только что узналъ о смерти Бориса Годунова. Успѣхи Димитрія пріобрѣтаютъ почти чудесный характеръ, и святому отцу желательно быть освѣдомленнымъ обо всемъ какъ можно скорѣе: его тревожитъ мысль о будущемъ. Если вся страна признаетъ новаго государя, что надо сдѣлать, „дабы

*) Cornet, p. III—VII. — Mutinelli, III, 16—18. Ват. Арх. Arm. XI, t. 121. nº XIX, XX; 124, nº XXIII, XXIV.

**) Les Ambassades, p. 382.— Ibidem, стр. 382, 407, 452. —подробности о конклавахъ Льва XI и Павла V.

***) Vanozzi, II, 185, 238—241.

утвердить его въ католической вѣрѣ и сохранить его преданность святому Престолу?" Рангони предложено поразмыслить по этому вопросу *).

И, такъ какъ нунцій медлилъ со своимъ отвѣтомъ, Павелъ V самъ отправилъ грамоту къ Димитрію 12 іюля 1605 г. Очевидно, онъ былъ менѣе недовѣрчивъ, чѣмъ Климентъ VIII, и не обладалъ его сдержанностью. Ему казалось, что надо, наконецъ, подать признаки жизни и обезпечить за собою симпатіи новообращеннаго. **)

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца была получена столь желанная депеша Рангони. Помѣченная 2 іюля 1605 г., она была адресована папѣ и заключала двадцать семь страницъ большого формата. Нунцій только и ждалъ случая, чтобы выдвинуть своего протеже: приказаніе папы приходилось ему какъ нельзя болѣе кстати. Относительно происхожденія Димитрія Рангони воспроизводилъ полностью приведенное выше донесеніе князя Адама Вишневецкаго.

Это донесеніе пріобрѣло официальный характеръ: король Сигизмундъ познакомилъ съ нимъ сенаторовъ, оно же циркулировало въ придворныхъ сферахъ. Поэтому и нунцій принимаетъ его безъ всякихъ оговорокъ. Его довѣріе не имѣетъ границъ: въ этой странной исторіи ничто не поражаетъ и не шокируетъ Рангони. Его личныя сношенія съ Димитріемъ начались въ апрѣлѣ 1604 г. Начиная съ этого времени, нунцій уже говоритъ, какъ очевидецъ. Онъ раз-

---

*) Ватиканскій Архивъ, Polonia, 173, f. I. отд. Боргезе II, 157, f. 5. За немногочисленными исключеніями всѣ римскія депеши данной эпохи (1605—1609) находятся въ Polonia, 173. Томы II, 435 и IV, 233, собр. Боргезе, являются: одинъ—репродукціей ихъ, другой—краткимъ ихъ изложеніемъ. *Тургеневъ* напечаталъ только извлеченія съ неточностями и пропусками. См. Ватиканскій манускриптъ.

**) *Тургеневъ*, т. II, стр. 57, n° XXXVII.—Официальныя копіи на пергаментѣ писемъ Павла V (1605—1617) находятся въ Ватиканск. Архивѣ, III. 45, т. I—XII.

сказываетъ о прибытіи претендента въ Краковъ, о свиданіи его съ королемъ, объ отреченіи отъ православія и о пріѣздѣ московскихъ посольствъ. Свѣдѣнія о выступленіи въ походъ и о военныхъ успѣхахъ Димитрія Рангони почерпаетъ изъ писемъ оо. іезуитовъ. Все это уже извѣстно читателю; мы пользовались тѣми же источниками, что и Рангони: конечно, мы не пренебрегали при этомъ и самимъ Рангони.

Но внѣшней побѣды еще недостаточно для утвержденія законныхъ правъ. Въ государствѣ съ наслѣдственной властью право на престолъ дается только рожденіемъ. Что же нужно было думать, и что дѣйствительно думали въ Польшѣ о Димитріи? Былъ ли онъ настоящимъ сыномъ Ивана IV; являлся ли онъ безспорнымъ наслѣдникомъ царей? Вотъ въ чемъ заключалась вся суть вопроса: но Рангони не разрѣшаетъ его. Въ польскомъ обществѣ, говоритъ онъ, существуютъ два мнѣнія. Во главѣ скептиковъ стоятъ Замойскій и Янушъ Острожскій: однако, ихъ взглядъ на Димитрія внушенъ эгоизмомъ и личными интересами. Большинство шляхты, въ томъ числѣ краковскій воевода, высказываются въ пользу Димитрія. Что же касается короля—онъ осыпалъ претендента милостями и подарками: онъ горячо сочувствуетъ царевичу; онъ готовъ принять егоословъ. Утверждаютъ, что въ случаѣ необходимости, Сигизмундъ подниметъ за него оружіе. Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ глазахъ короля Димитрій является законнымъ царемъ московскимъ? Нунцій лишь намекаетъ на это; отъ категорическаго отвѣта онъ уклоняется. Онъ предпочитаетъ настойчиво указывать на благородный и прямой характеръ юнаго государя. Какая пылкость, какое благочестивое рвеніе! Вѣдь Димитрій готовъ пойти противъ турокъ; вѣдь онъ собирается провозгласить въ Москвѣ унію.

За эту депешу Рангони удостоился получить 23 іюля весьма милостивую благодарность. Донесеніе нунція имѣло рѣшающее вліяніе на ходъ событій: отнынѣ политика папы по отношенію къ Димитрію опредѣлилась. Собственно говоря,

св. престолъ не узналъ отъ Рангони ничего новаго. Но его сообщеніе являлось полнымъ перечнемъ фактовъ, подкрѣпленнымъ защитительной рѣчью въ пользу Димитрія. Капитальнымъ недостаткомъ донесши былъ ея чрезмѣрный оптимизмъ. Вспомнимъ рѣчи, произнесенныя въ Сеймѣ; вспомнимъ неувѣренныя умолчанія самого Сигизмунда. Сопоставивъ все это съ утвержденіями Рангони, мы увидимъ, насколько нунцій далекъ былъ отъ истины. Эта дипломатическая неосторожность была тѣмъ болѣе прискорбна, чѣмъ менѣе Ватиканъ склоненъ былъ ее заподозрѣть.

У папы должно было сложиться такое впечатлѣніе, будто Димитрій воплощаетъ въ себѣ тотъ идеалъ московскаго царя, о какомъ давно мечтаютъ въ Римѣ. Онъ—ревностный католикъ; онъ—сторонникъ уніи; онъ преданъ святому престолу и враждебно настроенъ къ Исламу. Кромѣ того, у него существуетъ дружба съ Польшею, и король Сигизмундъ признаетъ его—по крайней мѣрѣ фактически—настоящимъ государемъ. Какая блестящая будущность! Павелъ V увлекся мыслью о религіозномъ просвѣщеніи славянъ. Для этой цѣли былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ. Завязалась живая корреспонденція съ Москвою; затѣмъ предполагался обмѣнъ посольствами. За дѣло принялись, не мѣшкая. При этомъ постарались заручиться помощью со всѣхъ сторонъ.

Уже 4 августа папа пробуетъ оказать воздѣйствіе одновременно на нѣсколькихъ лицъ. Въ особыхъ посланіяхъ онъ обращается къ королю польскому, къ кардиналу Мацѣёвскому, къ воеводѣ Мнишку. Павелъ V поглощенъ одной идеей: онъ хочетъ поддержать Димитрія, чтобы воспользоваться этимъ орудіемъ, ниспосланнымъ свыше, и ввести въ Россіи католичество. Поэтому, одобряя все сдѣланное до сихъ поръ, онъ предлагаетъ удвоить усилія: пусть король всей своей силой помогаетъ царю; пусть кардиналъ воспламеняетъ его вѣру, а воевода постоянно руководитъ имъ...

Тогда въ скоромъ времени въ Москвѣ можно будетъ провозгласить соединеніе церквей. Уже подумывали о посылкѣ въ Москву представителя папскаго престола; и здѣсь инициатива принадлежала самому папѣ. 5-го августа составляется, на всякій случай, вѣрительная грамота на имя графа Александра Рангони *). Но объ этомъ пунктѣ надо было предварительно условиться съ нунціемъ.

Въ принципѣ Рангони былъ заранѣе согласенъ на всѣ комбинаціи, намѣчаемыя въ интересахъ новаго царя. Съ того самаго дня, когда Димитрій палъ къ его ногамъ, нунцій проникся къ нему особымъ расположеніемъ: мало того, онъ возлагалъ на него самыя свѣтлыя надежды. Новообращенный очень умѣло поддерживалъ ихъ: онъ любилъ открывать свое сердце духовному отцу. Между ними шла переписка. Димитрій—или тотъ, чья рука водила его перомъ—владѣлъ назидательнымъ стилемъ и искусствомъ таинственныхъ намековъ. Среди разсказовъ о сраженіяхъ онъ нерѣдко начинаетъ исповѣдывать свою вѣру или проявляетъ порывы религіознаго рвенія. Онъ толкуетъ то о Провидѣніи, то о діаволѣ; разумѣется, нунцію предоставляется защищать своего ученика отъ козней злого духа. Однако, среди благочестивыхъ метафоръ слышатся мотивы иного рода: Димитрій взываетъ о защитѣ противъ Замойскаго и Януша Острожскаго: онъ проситъ ходатайствовать за него передъ папою, королемъ и сенаторами **). И нунцій принималъ близко къ сердцу нужды своего корреспондента. Горячей предупредительностью онъ старался искупить ледяную сдержанность Климента VIII. Политика Павла V лучше согласовалась съ видами нунція. Конечно, онъ поспѣшилъ одобрить какъ самую идею посольства, такъ и выборъ уполномоченнаго лица.

---

*) *Тургеневъ*, т. II, стр. 61 и слѣд., nº XLI, XLII, XLIII, XLIV. Архивъ Инкв., *IV*, f. 48, автографъ Павла V.

**). Ватиканскій Арх., отд. Боргезе. II, 499; III 90, b, f. 167, 231.– Арх Инкв. IV, f. 56 vº, 57 vº, 58, 59.—Rome et Démétrius, стр. 158, n º2; стр. 161. n º4; стр. 165, n º7.

Но отъѣздъ графа Александра нѣсколько замедлился. Однако, сношенія съ Москвою продолжались инымъ способомъ. Частнымъ секретаремъ Рангони былъ аббатъ Луиджи Пратиссоли. Его-то онъ и отправилъ къ царю. Эта скромная личность никому не внушала подозрѣній; понятно, ея миссія могла пройти незамѣченной. Зачѣмъ Пратиссоли ѣхалъ въ Кремль, трудно сказать. Офиціальныя депеши о немъ совершенно не упоминаютъ: его командировка была секретной. Не предстояло ли ему скромно намекнуть на кардинальскую шляпу, которую Димитрій долженъ въ скоромъ времени испросить для нунція—своего покровителя? Можетъ-быть, мы напрасно возводимъ на Рангони этотъ поклепъ. Письмо, которое везъ съ собою Пратиссоли, ничего прямо не говорило, но тонъ его былъ весьма знаменателенъ. Передъ нами—предвкушеніе полной побѣды, плохо прикрытое личиной монашескаго смиренія.

Нунцій не писалъ Димитрію со времени его коронованія. Долго сдерживаемый восторгъ, наконецъ, прорывается цѣлымъ потокомъ словъ: Рангони разсуждаетъ и о неисповѣдимыхъ путяхъ, и о таинственныхъ предначертаніяхъ, и о божественной справедливости, и о милости неба. Отправленные съ аббатомъ подарки внушаютъ пославшему ихъ духовныя сравненія. Пусть Димитрій получитъ Крестъ, ибо Христосъ былъ истиннымъ вождемъ московскаго похода. Освященныя четки, по-итальянски называемыя *короной*, принадлежатъ ему по праву, какъ побѣдителю. Латинская библія откроетъ ему лучезарные горизонты: не избранникъ ли онъ Всевышняго, подобно величайшимъ ветхозавѣтнымъ царямъ? И, какъ Давидъ и Израиль, онъ будетъ счастливъ, доколѣ останется вѣренъ своей миссіи. Отеческая заботливость нунція простирается еще дальше: онъ когда-то подарилъ Димитрію икону Мадонны, почитаемой въ Реджіо, и перстень съ Ея именемъ. Онъ узналъ, что эти вещи затерялись, и вотъ посылаетъ царю снова такія же точно, сопровождая ихъ самыми трогательными наставленіями. Между

различными афоризмами проскальзываетъ серьезное напоминаніе о соединеніи церквей: Димитрій самъ обѣщалъ совершить это дѣло; онъ далъ слово передъ Господомъ: отъ этого зависятъ слава и миръ его царствованія *). Однако же торопиться ни въ чемъ не надо, необходимо дѣйствовать съ осторожностью и лишь послѣ зрѣлаго размышленія. Что же касается до политическихъ совѣтовъ, то ихъ можно резюмировать въ двухъ пожеланіяхъ: пусть Димитрій сохранитъ дружескія отношенія съ Польшею и съ сыновней довѣрчивостью вручитъ свою судьбу новоизбранному папѣ.

Говорить такимъ языкомъ можетъ лишь только человѣкъ, вполнѣ убѣжденный. Если это письмо и не доказываетъ большой проницательности Рангони, оно, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ въ пользу его полнѣйшей искренности и довѣрія къ своему ученику. Пріемъ, оказанный посланцу Рангони, еще болѣе укрѣпилъ это довѣріе. Пратиссоли не могъ нахвалиться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Около 16 октября царь принялъ присланные ему дары; въ знакъ особаго своего удовлетворенія, онъ самъ отвѣтилъ аббату милостивыми словами. За этимъ послѣдовали другіе знаки вниманія. Іезуиты черезъ Бучинскаго просили позволенія показать Пратиссоли столицу. Димитрій далъ имъ больше, нежели они просили. Онъ помѣстилъ аббата у нихъ въ домѣ, и тотъ получилъ полную свободу выходить, когда ему угодно, бывать всюду и кого хотѣлъ принимать у себя. Обычай изолировать дипломатовъ былъ еще въ ходу, но на этотъ разъ стѣсненія подобнаго рода не примѣнялись. Въ началѣ ноября Димитрій пригласилъ къ себѣ итальянскаго аббата, польскаго посланника Гонсѣвскаго и обоихъ іезуитовъ: странная компанія за столомъ царя! Пратиссоли покинулъ Москву 22 декабря, обремененный великолѣпными подарками.

*) Ватиканск. Архивъ, отд. Боргезе, II, 499. Rome et Démétrius, стр. 162, № 5.- Неудовлетворительный переводъ въ Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 218, № 98.

Онъ везъ Рангони самыя хорошія вѣсти. Конечно, послѣ этого нунцій менѣе всего склоненъ былъ измѣнить своимъ московскимъ симпатіямъ. Въ этомъ вскорѣ пришлось убѣдиться одному изъ царскихъ напересниковъ, отправленному въ Краковъ *).

Достигши высшихъ почестей, Димитрій въ затруднительную минуту воспользовался правами „искренняго друга“ нунція и отрядилъ къ нему Бучинскаго съ письмомъ, помѣченнымъ 15 ноября 1605 г. Два обстоятельства, въ которыхъ Рангони могъ быть ему полезенъ, тревожили царя. Прежде всего онъ предвидѣлъ затрудненія, какія могутъ возникнуть для польки, ставшей царицей въ православной странѣ. Но онъ надѣялся, что папское разрѣшеніе уладитъ дѣло. Если Маринѣ будетъ позволено причаститься въ день коронованія изъ рукъ патріарха Игнатія, а затѣмъ посѣщать русскія церкви и поститься по средамъ, никто не станетъ требовать бо́льшаго. Съ другой стороны, всякій разъ, какъ Димитрій касался области внѣшней политики, поляки возставали противъ его титуловъ и тѣмъ парализовали всю его энергію. Онъ величалъ себя царемъ милостію Божіею и Цесаремъ; когда же Сигизмундъ III именовалъ его попросту великимъ княземъ, онъ обижался и взывалъ противъ этого новаго Мардохея. И вотъ Янъ Бучинскій явился въ Краковъ, чтобы излить передъ нунціемъ огорченія царя. Протестанты съ княземъ римской церкви занялись обсужденіемъ обоихъ вопросовъ. Однако, они не пришли ни къ какому практическому заключенію **).

Въ бумагахъ Рангони сохранился слѣдъ этихъ переговоровъ. Тамъ имѣется особая записка по поводу императорскаго титула. Она не помѣчена опредѣленнымъ числомъ и не

*) Ватиканск. Архивъ, отд Боргезе, II, 499, 1605, 24 окт., 7 нояб Чиржовскій къ Стриверіи, Наше Собраніе, 29 дек., отъ того же къ тому же. Massa, t. II, p. 152.

**) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 499. Rome et Démétrius, p. 165, n° 7; p. 167 n° 9; p. 217, n° 12.

носитъ никакой подписи; однако, ее проникаетъ специфическій духъ эпохи: идеи ея стары; новы лишь смѣлость автора и самая форма. Какой-нибудь лукавый легистъ священной имперіи прибѣгъ бы къ точно такимъ же пріемамъ, защищая интересы Фридриха Барбароссы; и онъ не могъ бы лучше использовать византійскія преданія. Димитрій, оказывается, исходитъ изъ двухъ принциповъ: выше себя онъ ставитъ только Бога. Онъ считаетъ себя верховнымъ законодателемъ своего государства,—чѣмъ-то въ родѣ воплощеннаго закона. Затѣмъ онъ утверждетъ, что государи вольны присваивать какіе угодно титулы. Начавши съ этого, онъ уже ни передъ чѣмъ не останавливается. Исторія Рима оправдываетъ въ его глазахъ свободу въ выборѣ любого званія; а величіе царскаго сана освѣщаетъ для него самыя высокія притязанія. Московская держава такъ же обширна, какъ Ассирія, Мидія и Персія; она такъ же могуча, какъ Римъ. Можно ли отказать ей въ наименованіи, даваемомъ татарскимъ ханамъ? Позволительно ли отрицать за ними право на ту честь, которой легіоны награждали побѣдоносныхъ вождей? Вѣдь существуютъ положительныя постановленія, подтвержденныя грамотами, признанныя императорами и папами: они освящаютъ титулы московскихъ государей. Если предки Димитрія ими не пользовались, то только по своей простотѣ, а давности для подобныхъ правъ не существуетъ. Димитрій мимоходомъ упрекаетъ поляковъ за то, что они у людей выпрашивали вѣнецъ, даруемый свыше. Наконецъ, послѣ другихъ экскурсовъ въ область исторіи, онъ надменно заключаетъ: „Получивъ милостію самого Бога императорское достоинство, почему не будемъ мы владѣть тѣмъ, на что имѣемъ полное право“?

Вотъ изъ какого арсенала Бучинскій извлекъ свое оружіе. По несчастію, оно оказалось не совсѣмъ пригоднымъ, чтобы сразить Рангони. Представитель Святого Престола никакъ не могъ отрѣшиться отъ классическаго представленія объ императорѣ, какъ о прирожденномъ покровителѣ Церкви,

получающемъ вѣнецъ свой изъ рукъ папы. Поэтому никогда и не возникало серьезнаго вопроса о томъ, чтобы возложить на плечи Димитрія императорскую порфиру. Другое дѣло титулъ короля или царя: онъ былъ не такъ недоступенъ. И Рангони, хорошо знавшій дворъ Сигизмунда, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ позондировать здѣсь почву. Но король былъ слишкомъ неподатливъ. Иногда онъ какъ будто и колебался; однако, рѣшеніе вопроса онъ неизмѣнно откладывалъ до Сейма, не желая посягать на его права.

Разрѣшенія, испрашиваемыя для Марины, безпокоили нунція еще больше, нежели громкіе титулы Димитрія. Уступки на этой почвѣ были, казалось, невозможны; однако, и излишняя строгость представлялась неумѣстной. Какъ выйти изъ затрудненія? Рангони становился на защиту религіозной свободы; онъ указывалъ на прецеденты, ссылался на бракъ княжны Софьи съ Василіемъ I. Но какое же заключеніе вытекало изъ всѣхъ этихъ аргументовъ? Наконецъ, нунцій принужденъ былъ признать себя некомпетентнымъ. Ему оставалось лишь положиться на благоразуміе царя и рѣшеніе папы.

Уклончивыя заявленія нунція пришли въ Москву очень поздно. Отвѣтъ Рангони на письмо отъ 15 ноября 1605 г. помѣченъ 3 февраля 1606 *). Между тѣмъ Димитрій уже вступилъ въ прямыя сношенія съ Павломъ V. Еще въ первыя свои свиданія съ Рангони онъ толковалъ о чрезвычайномъ посольствѣ въ Римѣ; впрочемъ, потомъ онъ согласенъ былъ примириться и съ болѣе скромной формой. Въ день вѣнчанія на царство іезуитамъ было сообщено, что одинъ изъ нихъ будетъ отправленъ въ Римъ. Къ этому извѣстію они отнеслись довольно сдержанно. Цѣлые мѣсяцы протекли затѣмъ въ полномъ молчаніи, и можно было подумать, что проектъ канулъ въ воду. Не тутъ-то было. Если царь и не прочь былъ забыть о

*) *Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 267, № 124.

соединеніи церквей, онъ отнюдь не оставлялъ мысли объ образованіи антиоттоманской лиги. Это дало бы ему возможность сыграть въ Европѣ извѣстную роль. Объ этомъ-то планѣ, вышедшемъ отчасти изъ моды на Западѣ и положенномъ подъ спудъ, и желалъ онъ бесѣдовать съ нашою устами посла. Роль такого посредника выпала на долю о. Андрея, этого неисправимаго оптимиста, чуждаго всякихъ сомнѣній. Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ первыхъ числахъ января 1606 г., снабженный латинскими инструкціями съ подписью на видномъ мѣстѣ: Demetrius Imperator. Приводимъ содержаніе этого документа.

„Наставленіе, данное для памяти отцу Андрею Лавицкому, члену братства Іисуса, для святѣйшаго владыки Государя Павла V, первосвященника, 18 декабря 1605 г.

„1. Прежде всего онъ объявитъ Его Святѣйшеству о нашемъ намѣреніи предпринять войну противъ турокъ и ради этого заключить союзы съ нѣкоторыми христіанскими государями. Онъ будетъ просить, чтобы властью Его Святѣйшества было оказано давленіе на свѣтлѣйшаго Императора Римскаго, дабы онъ не слагалъ легко оружія и не забывалъ о турецкой войнѣ, а, напротивъ, заключилъ съ нами противъ турокъ союзъ или лигу.

„2. Да способствуетъ Его Святѣйшество заключенію подобнаго же союза и священнаго единенія со свѣтлѣйшимъ Королемъ и Королевствомъ Польскимъ.

„3. Онъ будетъ просить Его Святѣйшество, чтобы, принявъ во вниманіе намѣренія наши и Свѣтлѣйшаго Императора Римскаго относительно сей угодной Богу войны, Его Святѣйшество сообщилъ о нихъ Сейму Королевства Польскаго, гдѣ будутъ и наши официальные послы, и это до роспуска Сейма.

„4. Онъ укажетъ Его Святѣйшеству, что для этой цѣли мы рѣшили отправить въ возможно скоромъ времени нашего посла къ свѣтлѣйшему Императору Римскому. Онъ долженъ просить, чтобы у Его Святѣйшества было также на-

кое-нибудь лицо при Императорѣ, для веденія переговоровъ отъ лица Его Святѣйшества по тому же дѣлу. Если же лицо это прибудетъ раньше нашего посла, пусть оно его дожидается.

„5. Онъ замѣтитъ Его Святѣйшеству, что между нами и свѣтлѣйшимъ Королемъ Польскимъ существуетъ нѣкоторая распря по поводу императорскаго титула, отъ котораго мы легко не откажемся, ибо владѣемъ имъ по полному праву. Онъ попроситъ Его Святѣйшество принять это во вниманіе и быть намъ судьею.

„6. Хотя Его Святѣйшеству лучше насъ извѣстно, каковы заслуги передъ святою и священною римскою и католическою Церковью почтеннаго и достоуважаемаго Отца во Христѣ, синіора Клавдіо Рангони, Епископа и Князя Реджіо, апостольскаго нунція при свѣтлѣйшемъ Королѣ Польскомъ: однакоже, такъ какъ намъ лично извѣстны усердіе и бдительность Его Преосвященства въ защитѣ Святого Престола, онъ долженъ просить у Его Святѣйшества отъ Имени нашего о дарованіи кардинальскаго сана достоуважаемому Клавдіо Рангони, упомянутому выше. Ибо, ничто не можетъ быть для насъ болѣе угоднымъ, благодаря расположенію нашему къ Его Преосвященству, какъ если усиліями нашими будетъ ему даровано заслуженное имъ достоинство" [*].

Кромѣ этого главнаго документа, о. Андрей везъ съ собою посланія къ папѣ и нунціо Рангони, охранную грамоту и письмо Яна Напроцкаго. Этотъ „довѣренный камергеръ" государя, посвященный въ его тайны и самъ като-

---

*) См. латинскій текстъ въ Rome et Démétrius, стр. 166, nº 8. О миссіи Лавицкаго см. Ватик. Архивъ, Polonia, 173, f. 40 vº, 44 vº 45, 49, 51, 62, 67 vº.— Ibidem, отд. Боргезе, II, 499. *Напроцкій къ Павлу V.* Наше собраніе, 1605, 29 дек. *Чиржовскій къ Сарнвери:* 31 дек., *онъ же къ Аквавивѣ:* 1606, 10 февр., 18 и 22 апр., *Лавицкій къ Аквавивѣ;* 29 апр. Грамота Павла V. Wielewicki, т. II, стр. 104, 111, 113, 121, 122, 140. *Тургеневъ,* т. II, стр. 88, nº LXXVI. *Собр. Гос. Грам.,* т. II, стр. 231, nº 107 Du Perron, p. 559.

ликъ, хвалилъ Павлу V Димитрія. По его словамъ, царь весьма преданъ церкви и іезуитамъ.

31 января отцы ордена св. Варвары и ихъ друзья были чрезвычайно взволнованы появленіемъ о. Андрея. Онъ прибылъ въ поповскомъ нарядѣ, просторной, развѣвающейся рясѣ съ широкими рукавами, бородатый и длинноволосый, съ византійскимъ крестомъ на шеѣ. Разсказы его возбуждали живѣйшій интересъ.

4 февраля Савицкій имѣлъ продолжительный разговоръ съ Сигизмундомъ III. Что происходило между ними? Никто не знаетъ этого. Но посланецъ Димитрія вышелъ изъ дворца тѣмъ же энтузіастомъ, какимъ и вошелъ въ него. Вслѣдъ затѣмъ онъ выѣхалъ изъ Кракова въ сопровожденіи о. Станислава Крискаго. Дороги были ужасныя, перегоны большіе, случались досадныя задержки. Наконецъ, около 18 марта, они были въ Римѣ, и папа далъ имъ аудіенцію.

Павелъ V ждалъ этой встрѣчи съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Въ разгаръ его борьбы съ Венеціей, дѣло Димитрія служило ему пріятнымъ отдохновеніемъ. Въ то время, какъ дожъ Леонардо Донато нападалъ на церковь, навлекалъ отлученіе на республику и изгопялъ іезуитовъ, царь московскій открывалъ имъ двери своего государства и оказывалъ св. престолу самые лестные знаки вниманія. Какой неожиданный контрастъ! Передъ глазами папы было письмо Димитрія отъ 30 іюля 1604 г., оставленное безъ отвѣта Климентомъ VIII. Павла V оно приводило въ восхищеніе. Исторія этого неофита казалась ему чудесной, его миссія—провиденціальной, а преданность царя св. престолу сулила такъ много! Если понадобится, пылкая полячка сумѣетъ удержать супруга на стезѣ истины. 7 января 1606 года Марина написала папѣ письмо, преисполненное благочестія. Когда святые ангелы доведутъ ее до Москвы, у нея не будетъ другой мысли, какъ о соединеніи церквей. Пусть только приказываетъ папа, а она сдержитъ свое слово *). Сан-

*) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 499, автографъ, съ подписью: „obedientissima et devotissima filia et serva Marina".

домирскій воевода и кардиналъ Мацѣёвскій утверждали то же самое. Павелъ V счелъ моментъ благопріятнымъ для отправленія въ Россію епископовъ. Онъ уже предложилъ Димитрію то, о чемъ нѣкогда Пій V говорилъ Ивану Грозному. Теперь ему хотѣлось какъ можно скорѣе привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Отцу Андрею не приходилось, конечно, разрушать иллюзіи, которыми онъ самъ увлекался. Много разъ призывали его въ Ватиканъ для продолжительныхъ и интимныхъ бесѣдъ. Здѣсь онъ изображалъ папѣ настоящее положеніе вещей и возможныя надежды на будущее. Относительно всемогущества царя въ дѣлахъ вѣры, а также относительно покорности Москвы у него не было и тѣни сомнѣнія. О. Андрей воочію видѣлъ избраніе патріарха; онъ наблюдалъ все низкопоклонство русскаго духовенства; мнѣніе его было составлено. Отсюда самъ собою вытекалъ дальнѣйшій выводъ. Необходимо создать новую форму цезаропапизма. Для этого нужно окружить Димитрія хорошими католиками; подозрительныхъ людей лучше къ нему не допускать; и пусть осуществляются данныя въ Краковѣ обѣщанія. Такимъ же простымъ способомъ рѣшался и вопросъ о титулахъ: о. Андрей обѣщалъ прислать документы, которые разсѣютъ всякія сомнѣнія. Его горячія и искреннія рѣчи дѣйствовали на папу. Далекая мечта о католической Россіи вызывала на глаза Павла слезы. Онъ такъ привязался къ іезуиту, что чуть не оставилъ его въ Римѣ, и согласился отпустить его лишь съ тѣмъ условіемъ, что тотъ скоро вернется.

Результаты миссіи были изложены въ особой запискѣ и въ цѣлой серіи писемъ. Кардиналъ Сципіонъ Боргезе редактировалъ первую. Этотъ племянникъ папы и первый его министръ жилъ въ мірѣ идей и чувствъ, ничѣмъ не напоминавшихъ Кремль. То была избранная натура, плѣнительный характеръ, delizie di Roma, какъ про него говорили. Боргезе сумѣлъ создать знаменитую виллу, носящую его имя: онъ вѣрилъ въ возвышенныя чувства и принималъ

близко къ сердцу славу папскаго престола. Своей запискѣ онъ придалъ оригинальную форму: уполномоченный Димитрія передъ папою замѣненъ здѣсь уполномоченнымъ папы передъ Димитріемъ.

По правдѣ сказать, всѣ текущіе вопросы были уже почти исчерпаны. Еще 4 марта, въ отвѣтъ на депеши Рангони, къ нунцію были отправлены резолюціи папы относительно войны съ турками, королевскаго титула и даже желаемыхъ разрѣшеній для Марины. Оставалось лишь подтвердить все это и кстати выразить Димитрію благоволеніе. Кардиналъ Боргезе внесъ въ свою записку легкую тѣнь укоризны. Упоминая о антитоттоманскомъ крестовомъ походѣ, о которомъ говорили съ такимъ жаромъ въ Москвѣ, онъ писалъ: „Пускай царь первый выступитъ на арену: пусть онъ увлечетъ за собою Европу и покроетъ себя безсмертной славой,—папскіе дипломаты охотно придутъ ему на помощь при дворахъ Австріи и Польши". Что же касается до распри съ Сигизмундомъ по поводу титула, она предоставлялась рѣшенію Святого Престола и разсматривалась какъ несогласіе чисто личнаго характера.

Ограничиваясь этими поощреніями, записка сопровождаетъ ихъ неяснымъ обѣщаніями. Въ сущности, Павелъ V готовъ былъ сдѣлать крупный шагъ впередъ. Правда, въ обращеніи къ Димитрію онъ еще придерживался скромнаго vir nobilis et dominus, сдобреннаго ласковымъ dilectissimus filius. Однако, онъ усердно искалъ способа ввести Димитрія въ семью королей. Такое рѣшеніе вопроса примиряло московскія требованія съ польскою ревностью: въ Кремлѣ будетъ не императоръ, а король папскою милостью.

Только объ одномъ пунктѣ хранитъ Сципіонъ Боргезе зловѣщее молчаніе: о Рангони и возведеніи его въ санъ кардинала онъ не обмолвился ни словомъ. Отваживаясь на подобную просьбу, Димитрій допустилъ безтактность. Онъ посягнулъ на права Сигизмунда, не подозрѣвая, быть-мо-

жеть, о томъ, какія затрудненія создавались такимъ образомъ. Но, вмѣсто того, чтобы дать ему разъясненія, въ Ватиканѣ предпочли промолчать и вымстить все на Рангони. Было замѣчено, что онъ утомился и нуждается въ отдыхѣ. 3 іюня онъ узналъ изъ депеши, что его преемникъ новый нунцій, уже назначенъ. Эта внезапная отставка слишкомъ походила на опалу.

Но не въ запискѣ съ ея официальнымъ клеймомъ, а въ письмахъ Павла V къ Мнишкамъ слѣдуетъ искать интимнаго тона, болѣе точнаго отголоска бесѣдъ папы съ о. Андреемъ. Здѣсь владыка предоставляетъ слово отцу и пастырю. Намѣстникъ Христа забываетъ политику и думаетъ только объ уловленіи душъ. Какъ мы уже указывали, обоюднаго договора у папы съ Димитріемъ не было: помощь Павла отнюдь не являлась для претендента условленной наградой. Димитрій самъ говорилъ, что онъ желаетъ соединенія церквей; онъ самъ давалъ всякія обѣщанія. Поэтому папа и обращается къ сердечнымъ чувствамъ царя. Ссылаясь на письмо отъ 30 іюля 1604 г., онъ не намекаетъ, хотя бы издалека, на договоръ. Его идеалы выше; вдохновляется онъ совсѣмъ инымъ. Ему бы хотѣлось видѣть у Димитрія честолюбіе Константина. Исходя изъ убѣжденія, что царь въ Кремлѣ всемогущъ, онъ предлагаетъ подчинить русскій народъ святому престолу и возстановить церковное единство въ его первоначальномъ видѣ. Впрочемъ, съ этихъ высотъ Павелъ снисходитъ и къ мелочамъ; онъ заботливо предостерегаетъ Димитрія противъ протестантовъ. Пусть тронъ царя окружаютъ не еретики, а благочестивые и разумные люди. Папа говоритъ открыто и ясно. Но еще точнѣе онъ выражаетъ свою мысль въ письмахъ къ Сандомирскому воеводѣ и къ Маринѣ. Онъ настоятельно рекомендуетъ имъ Братство Іисуса и указываетъ на даровапія о. Андрея. Здѣсь ясно выражаются стремленія Рима. Папа не скрываетъ своихъ плановъ: онъ хочетъ отстранить схизматиковъ, выдвинуть іезуитовъ,

провозгласить единеніе церквей. Вотъ, что онъ задумалъ вотъ, каковы его цѣли.

Въ то время, какъ въ Ватиканѣ редактировались эти посланія, о. Андрей въ кругу своихъ близкихъ готовился къ торжественному акту. 2-го апрѣля въ храмѣ Gesù онъ произнесъ 4 формулы новаго своего посвященія передъ о. Аквавивой. Правда, не всѣ правила были здѣсь соблюдены: между прочимъ, посвящаемый не имѣлъ званія доктора теологіи. Но вмѣсто ученыхъ степеней, о. Андрею зачислялись его апостольскія заслуги. А черезъ недѣлю онъ уже снова спѣшитъ въ Москву. Въ Реканати его задерживаетъ приступъ лихорадки. Лѣкарствомъ ему служитъ паломничество въ Лоретту. Онъ идетъ туда пѣшкомъ, влекомый непреодолимой силой; въ этомъ святилищѣ онъ проводитъ дивные часы. Его взоры неизмѣнно обращены на сѣверъ; его мужество возгарается при видѣ московской нивы, уже готовой къ жатвѣ; вѣра его въ Димитрія непоколебима. Почему нѣтъ у насъ передъ глазами письма, отправленнаго о. Андреемъ изъ Лоретты? Почему не имѣемъ мы того подробнаго рапорта, который онъ собирался послать изъ Болоньи папѣ и о. Аквавивѣ?! „Я напишу, — говорилъ онъ, — все, что знаю о „нашемъ" Димитріи". Эти два документа потеряны для потомства. Взамѣнъ ихъ, мы располагаемъ грамотой, отправленной 5-го апрѣля 1606 г. Павломъ V: она относится къ московскимъ католикамъ, которыхъ не коснулись юбилейныя милости предшествующаго года. О. Андрей долженъ былъ огласить въ Москвѣ папское посланіе. Однако, ему не суждено было увидать Бѣлокаменную.

Приблизительно черезъ три мѣсяца послѣ о. Андрея прибылъ въ Римъ Александръ Рангони. Онъ возвращался изъ Москвы и былъ въ восторгѣ отъ своихъ успѣховъ *). Какъ

*) Ватик. Архивъ. Polonia, 173, f. 3 и др.; отд. Боргезе II, 232, f. 95; II, 499. — Rome et Démétrius, стр. 165, № 6; стр. 168, № 10 стр. 169, № 11; стр. 171, № 13.—Наше собраніе. 1606, 90 стр. *Чиржонскій къ;*

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(Со стариннаго портрета.)

мы помнимъ, его вѣрительныя грамоты были помѣчены 5-мъ августа 1605 г. Въ сентябрѣ нунцій занялъ полторы тысячи венгерскихъ червонцевъ, чтобы покрыть путевыя издержки; а 2 октября его племянникъ пустился въ дорогу въ сопровожденіи кармелитовъ-миссіонеровъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Этотъ отъѣздъ вызвалъ рѣзкое осужденіе со стороны кардинала Боргезе. Рангони самъ указывалъ раньше на противодѣйствіе со стороны короля и Мнишка; онъ увѣдомлялъ Ватиканъ объ отсрочкѣ путешествія и, все-таки, послалъ своего племянника въ Москву какъ разъ въ то время, когда въ Римѣ менѣе всего этого ожидали. Подобное поведеніе могло разгнѣвать Сигизмунда. Ватиканъ заволновался; приказъ за приказомъ летѣли вслѣдъ послу *). Онъ вышелъ изъ затрудненія, сдѣлавъ продолжительную остановку въ Смоленскѣ. Только около 19 февраля, когда волненіе нѣсколько улеглось, онъ явился въ Кремль.

Рангони не могъ прійти въ себя отъ изумленія при видѣ прежняго изгнанника, преобразившагося въ царя, осыпаннаго брилліантами, окруженнаго боярами и епископами. Димитрій несъ легко бремя своего величія; онъ царилъ надъ окружающими; онъ съ достоинствомъ игралъ свою роль. Торжественная аудіенція, данная князю Александру, ознаменовалась нѣкоторой неловкостью на почвѣ этикета. Когда князь заявилъ, что привезъ письмо отъ папы, Димитрій протянулъ за грамотой руку. Но одинъ изъ присутствующихъ предупредилъ его и припялъ посланіе. Этой уловкой онъ думалъ возвеличить родину: такимъ образомъ, письмо папы приравнивалось къ грамотамъ царскимъ, которыя вручались обыкновенно подчиненнымъ лицамъ. Словомъ, равновѣсіе было возстановлено... Изъ осто-

---

Стриверн.—Неаполь, Нац. Библ. X. 9, 12, f. 47—56.—*Вялевицкій*, т. II, стр. 98—120.—*Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 222, № 101.

*) *Тургеневъ*, т. II, стр. 57, № XXXVI, относъ къ 1605 г. депешу 28 янв. 1606, и исключилъ депеши отъ 13 мая, 10 и 24 іюня, 8 и 15 іюля 1606 г. Такимъ образомъ, инцидентъ съ княземъ Рангони становится непонятнымъ.

рожности и дабы не шокировать русскихъ, римскій посолъ, носившій, повидимому, сутану, былъ избавленъ отъ присутствія на официальномъ пиру. Димитрій только просилъ его принять „въ сердечной своей радости“ тѣ кушанья, которыя будутъ ему посланы съ царскаго стола.

Дѣйствительно, не успѣлъ Рангони и вернуться домой, какъ ему принесли огромное количество яствъ и напитковъ. Посуда отличалась поразительной роскошью; чары были огромныя и поражали оригинальной отдѣлкой; но ничто изъ присланнаго не плѣнило бы гастронома. Впрочемъ, Димитрію было не до того. Ему показалось, что лицо его прежняго друга было печально, и онъ боялся, что обстановка ихъ свиданія произвела на него неблагопріятное впечатлѣніе. Двое придворныхъ явились, чтобы уладить дѣло и предупредить возможность недоразумѣній. Внѣшняя холодность и чопорность соблюдались, по ихъ словамъ, только ради москвичей. Приходилось считаться съ ихъ предразсудками и даже прибѣгать для этого къ нѣкоторымъ хитростямъ. Такъ, напримѣръ, титулы папы, всѣ перечисленные по-латыни, передавались по-русски лаконическими словами: первосвященникъ римской церкви. Димитрій не удовольствовался этими извиненіями. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ о. Николая подъ предлогомъ какихъ-то разъясненій и въ бесѣдѣ съ нимъ весьма лестно отзывался о папѣ, о краковскомъ нунціи и о графѣ Александрѣ. Онъ хорошо выбралъ посредника—рѣчи его были переданы, кому слѣдуетъ.

Царь не безъ умысла разсыпался въ любезностяхъ. Ему предстояло сдѣлать нѣкоторыя интимныя сообщенія и высказать кое-какія просьбы. Въ Москвѣ его удручало одиночество: онъ задыхался въ стѣнахъ Кремля. Европа и Востокъ манили его. Но лишь только царь собирался приняться за дѣло, онъ ощущалъ недостатокъ въ подходящихъ людяхъ; у него почти не было помощниковъ. Димитрію пришло въ голову, что Римъ могъ бы ему доставить желаемыхъ

сотрудниковъ. Графъ Александръ и долженъ былъ служить посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Болѣе всего царь озабоченъ былъ постановкой военнаго дѣла и дипломатіи. Онъ просилъ у папы людей образованныхъ, надежныхъ, опытныхъ и безукоризненно нравственныхъ. Главныя должности въ государствѣ будутъ розданы этимъ иностранцамъ, сообразно ихъ достоинствамъ. Одни сдѣлаются секретарями и совѣтниками государя. Подъ носомъ невѣждъ - москвичей имъ будутъ довѣрены самыя секретныя и сложныя порученія. Другіе займутся военнымъ дѣломъ. Имъ предстоитъ возвести крѣпости, построить машины, обзавестись оружіемъ и обмундировкой. Чтобы устранить подозрѣнія въ латинствѣ, всѣ новоприбывшіе должны быть мірянами. Хотя они и будутъ присланы папою, они должны всѣмъ внушать мысль, что явились сами.

Какъ бы въ отплату за это, Димитрій намѣревался снарядить въ Римъ торжественное посольство. Въ глазахъ православныхъ этотъ шагъ могъ бы найти оправданіе въ томъ, что папѣ принадлежалъ починъ: онъ первый прислалъ въ Москву своего офиціальнаго представителя. Въ то же время съ помощью папы могли сразу завязаться дипломатическія сношенія между Кремлемъ и иностранными державами — Священной Имперіей, Франціей, даже Испаніей. Совершенно случайному обстоятельству, скажемъ мимоходомъ, Пиринейскій полуостровъ былъ обязанъ этой честью. Одинъ португальскій миссіонеръ, состоявшій на испанской службѣ, во время своихъ путешествій очутился въ Москвѣ. Звали его Николай де-Мелло: онъ принадлежалъ къ монашескому ордену св. Августина. Послѣ двадцатилѣтней проповѣди въ Индіи онъ возвращался въ Мадридъ черезъ Персію и Россію. Его сопровождалъ молодой индусскій принцъ. Эти путешественники показались полиціи Годунова подозрительными. Ихъ заковали въ цѣпи и отправили на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь. Лишь только извѣстіе объ этомъ самоуправствѣ дошло до Димитрія, онъ приказалъ привезти въ

Москву обоихъ. Къ сожалѣнію они не успѣли пріѣхать во-время, чтобы вступить съ царемъ въ переговоры. Однако, Николай де-Мелло былъ предупрежденъ, что его ожидаетъ миссія къ Филиппу III испанскому *).

Племянникъ нунція внимательно выслушивалъ изліянія царя; всѣ его желанія онъ почтительно принялъ къ свѣдѣнію и вообще велъ себя такъ, что, кромѣ самаго лестнаго, ничего сказать о немъ было нельзя. Понятно что Димитрій осыпалъ его похвалами въ письмѣ къ Павлу V, которое вручилъ Рангони передъ его отъѣздомъ. Письмо это дышало сыновнимъ почтеніемъ и благодарностью. Царь далъ князю порученія конфиденціальнаго характера къ королю Польши. Онъ обѣщалъ папѣ, что будетъ почитать Сигизмунда, какъ отца, и предоставлялъ святому престолу рѣшеніе возникшей между ними распри.

29 марта Александръ Рангони и о. Каспаръ Савицкій встрѣтились въ Мирѣ. Іезуитъ, полный надеждъ, направлялся въ Москву, сопровождая воеводу Мнишка и Марину. Что касается князя, то онъ уносилъ съ собою изъ Кремля самыя свѣтлыя воспомшанія. Въ концѣ іюня, побывавъ въ Краковѣ, Рангони былъ уже у ногъ папы и дѣлалъ ему свой докладъ. Онъ особенно настаивалъ на отправкѣ свѣдущихъ людей, о которыхъ просилъ Димитрій. По его словамъ, такимъ образомъ открывался широкій путь для римской пропаганды, — путь, который надлежало преградить еретикамъ. Надвигалась опасность. Бучинскій и Казановскій уже задумывали посольство въ Лондонъ, чтобы завербовать тамъ инженеровъ англиканской вѣры. Имъ горячо помогали молодыя англичанки, которымъ удалось устроиться въ Москвѣ.

---

*) *Тургеневъ*, т. II, стр. 190.—Пребываніе де-Мелло въ Соловкахъ засвидѣтельствовано *Соловецкимъ сборникомъ* (Казань, Дух. Ак., № 18, л. 7). Этимъ сообщеніемъ я обязанъ г. *Платонову*. — Рангони зналъ о де-Мелло, Vat. Арх., отд. Боргезе, III, 90, h, f. 266 v°, 279.—Въ Испаніи его считаютъ мученикомъ.

Онѣ желали, чтобы ихъ семьи и родина воспользовались благопріятнымъ моментомъ. Докладъ Александра Рангони получилъ одобреніе, и авторъ его былъ назначенъ камергеромъ при папскомъ дворѣ.

Теперь Ватиканъ могъ считать себя вполнѣ освѣдомленнымъ и зналъ, какія прежде всего слѣдуетъ принять мѣры. Горячій сторонникъ Димитрія, Поссевинъ, около этого времени еще расширилъ и дополнилъ планы папы. Онъ прибылъ изъ Венеціи, гдѣ разыгрывалась настоящая буря. Попытки унять ее были напрасны. Павелъ V удостоилъ іезуита аудіенціи. Здѣсь тотчасъ же разговоръ зашелъ о Димитріи и, въ частности, о титулахъ, которые онъ себѣ присваиваетъ. Авторъ *Moskovia*, бывшій нѣкогда представителемъ Григорія XIII при дворѣ Ивана IV, былъ прекрасно знакомъ съ этимъ предметомъ, въ силу своихъ прежнихъ обязанностей. Онъ далъ устныя объясненія нашѣ по этому поводу и представилъ ему записку. Несмотря на прошедшія за это время перемѣны, онъ продолжалъ считать свою систему наилучшею. Въ концѣ-концовъ, она сводилась къ двумъ всемогущимъ началамъ—просвѣщенію и свободѣ. Открывать школы, гдѣ бы учились вмѣстѣ католики и православные; возбуждать соревнованіе, посылать молодежь за границу; распространять массу книгъ; добиться права проповѣди, церковной службы и совершенія таинствъ; словомъ, отвоевать себѣ мѣсто въ Россіи—вотъ каковы были задачи Поссевина. Онъ учитывалъ заранѣе податливость Димитрія и вліяніе Маринны, не слишкомъ интересуясь съ средой, гдѣ предстояло дѣйствовать. Для него, какъ и для о. Андрея, москвичи были пластическимъ матеріаломъ, готовымъ, подобно расплавленному металлу, принять какую угодно форму. Не было никого, кто бы сказалъ обоимъ, что изъ нѣдръ этой, повидимому, инертной массы выйдутъ со временемъ Аввакумы и неукротимые сектанты

При обмѣнѣ посольствами, которыя старались установить почву для переговоровъ, одно лишь дѣло было вполнѣ

выяснено и доведено до конца, къ равному удовольствію обѣихъ сторонъ. Курія уже давно желала обезпечить персидскимъ миссіонерамъ свободный проѣздъ черезъ Москву. Хотя, уступая настояніямъ Поссевина, Иванъ IV и разрѣшилъ нѣкоторыя льготы въ этомъ смыслѣ,—они оставались мертвою буквой. Несомнѣнно, Николай де-Мелло даже и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Не воспользовались ими и Миранда съ Костою, хотя, впрочемъ, онѣ были хорошо приняты Годуновымъ. Монахи-кармелиты, которымъ поручено было организовать персидскую миссію, также не вспомнили объ этихъ привилегіяхъ, когда выѣхали въ Москву въ 1604 г. *).

Этихъ миссіонеровъ была всего горсточка: о. Павелъ Симонъ, изъ генуэзской фамиліи Риварола, оо. Іоаннъ, Ѳаддей и Винцентъ, братъ Іоаннъ и одинъ испанскій дворянинъ, Францискъ Ріадолидъ Перальта. Климентъ VIII снабдилъ ихъ грамотой, помѣченной 30 іюня 1604 г.; она была адресована царю Ѳеодору, котораго съ 1598 года уже не было въ живыхъ. Въ первыхъ числахъ декабря 1604 г. путешественники достигли русской границы около Невеля. У нихъ были рекомендаціи отъ Сигизмунда III и Льва Сапѣги; ихъ сопровождали поляки, при чемъ миссіонеры выдавали себя за посольскихъ капелановъ. Все это было очень не кстати въ виду вооруженнаго вторженія Димитрія при предполагаемомъ соучастіи Польши. Конечно, монаховъ не замедлили задержать и отправить обратно. Вернувшись въ Вар-

*) *Тургеневъ*, т. II, стр. 54, nº XXXIII, XXXIV; стр. 59, nº XXXVIII.—Hist. gen. Fr. Disc., t. II, p. 57 и далѣе. Римъ, Архивъ Доріа, отд. Альдобрандини, VII, 1605, 23 янв., *письмо о. П. Симона*.—Ватик. Арх., отд. Боргезе, III, 90, c., f. 19.—Наше собраніе 1606, 16 и 20 фев. *Чижовскій къ Спривери*. — *Арх. Сапѣги*, т. I, стр. 428, nº 527; стр. 429, nº 528.—Vanozzi, t. II, p. 238—241.—Rome et Demetrius, 1606, 17 фев., *Димитрій къ Павлу V*, факсимиле.

шаву, они принялись придумывать новыя комбинаціи. Но вдругъ извѣстныя событія совершенно неожиданно разрѣшили ихъ затрудненія. 21 іюля 1605 г. папа прислалъ имъ грамоту къ Димитрію; одновременно съ этимъ кардиналъ Санъ-Джорджіо, вѣдавшій персидскую миссію, началъ восторженно расхваливать имъ новаго царя.

Дѣйствительно, съ этихъ поръ все пошло, какъ по маслу. Миссіонеры выѣхали вмѣстѣ съ Александромъ Рангони. Они благополучно перебрались черезъ границу, пожили въ Смоленскѣ на государевъ счетъ и, наконецъ, были весьма милостиво приняты въ Кремлѣ. Кармелиты поселились въ одномъ помѣщеніи съ іезуитами. Благоволеніе Димитрія доходило до того, что онъ даже хотѣлъ оставить ихъ въ Россіи. Здѣсь они могли бы строить свои монастыри, оказывать благотворное вліяніе на русское монашество и пропагандировать идею единенія церквей. Но долгъ призывалъ миссіонеровъ въ другіе края. Поэтому въ мартѣ они пустились въ дальнѣйшій путь. Димитрій всячески постарался облегчить имъ путешествіе; между прочимъ, онъ вручилъ имъ письмо къ „своему брату“, царю персидскому. Онъ также увѣдомилъ папу обо всемъ происшедшемъ, выражая радость что могъ сдѣлать ему пріятное. Еще никогда католическіе миссіонеры не встрѣчали въ Москвѣ такого радушнаго гостепріимства, никогда ихъ еще такъ не ласкали. Отнынѣ двери въ Азію будутъ для нихъ широко открыты. Можно легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело въ Римѣ извѣстіе о такой перемѣнѣ.

Такимъ образомъ все складывалось такъ, чтобы укрѣпить мнѣніе, которое папа составилъ себѣ о Димитріи. Ничто, казалось, не нарушало установившейся гармоніи. Краковскій нунцій и польскіе магнаты, капелланы и кармелиты—всѣ славили московскаго государя согласнымъ хоромъ. Любезныя письма царя располагали въ его пользу; повидимому, дѣло у него не расходилось со словомъ. Военная прогулка отъ Самбора до Кремля дѣлала совершенно излиш-

ними всякія иныя доказательства его царственнаго происхожденія. Развѣ могъ бы незаконный государь такъ быстро завоевать расположеніе народа? Павелъ V былъ глубоко пораженъ. Онъ ждалъ, что въ Россіи начнется новая эра. Всѣ симпатіи его склонялись въ сторону Димитрія. Однако, лишь дѣло коснулось принципа—папа оказался непоколебимымъ.

II.

Димитрій и св. Инквизиція.

Подъ сѣнью Ватикана, близъ воротъ Кавалледжіери, прячась за колоннадами Бернини, стоитъ скромное обиталище римской и всемірной Инквизиціи. Въ XVII вѣкѣ это судилище уже утратило свой мрачный характеръ. Теперь оно являлось лишь церковнымъ трибуналомъ. Состоя изъ кардиналовъ и богослововъ, подъ предсѣдательствомъ папы, оно обязано было блюсти нерушимость и интересы католической вѣры. Въ его компетенцію также входили дѣла объ отреченіи государей и другіе подобные вопросы. Московскій царь трижды выступалъ передъ римскими инквизиторами. Правда, онъ не являлся сюда самолично; въ Римѣ разсматривались только его письма.

Уже первое посланіе Димитрія отъ 24 апр. 1604 г., бывшее настоящимъ исповѣданіемъ его вѣры, поступило въ распоряженіе Инквизиціи. На оборотѣ латинскаго перевода этого письма Климентъ VIII, очевидно, отказавшись отъ своего скептицизма, начерталъ дышащія довѣріемъ слова: Ne ringratiamo Dio grandemente, ne daremo voto almeno nella Congregatione del Santo-Officio*).

Однако, дѣло Димитрія осложнялось нѣкоторыми затрудненіями. Немедленно послѣ своего отреченія отъ православной вѣры, царевичъ выразилъ два желанія, о которыхъ было

*) Письмо Димитрія.

упомянуто выше. Первое изъ нихъ было немедленно удовлетворено. Силою своей власти Рангони разрѣшилъ Димитрія отъ соблюденія поста. Что же касается другого вопроса, то нунцій обѣщалъ навести справки въ Римѣ; его компетенція оказывалась недостаточной: дѣло шло о принятіи св. тайнъ изъ рукъ православнаго патріарха въ день вѣнчанія на царство *).

Желаніе Димитрія какъ можно точнѣе выполнить всѣ узаконенныя формы не могло не радовать Рима. Кардиналъ Санъ-Джорджіо, которому и теперь были поручены дипломатическія сношенія, видѣлъ въ этомъ доказательство сердечной чистоты царевича; понятно, онъ съ надеждою смотрѣлъ на будущее. Тѣмъ не менѣе, пришлось представить дѣло на разсмотрѣніе Инквизиціоннаго Судилища и его суровыхъ членовъ. Затруднить ихъ оно не могло. Эти люди были неуязвимы въ знаніи закона, да налицо имѣлись и прецеденты. Не далѣе, какъ въ 1593 году оо. инквизиторы отклонили однородную просьбу Сигизмунда III. Королю предстояло сдѣлаться шведскимъ государемъ при условіи, что корона Вазы возложена будетъ на его чело протестантомъ. Въ слѣдующемъ году, когда дѣло уже было сдѣлано, строгіе блюстители католической вѣры согласились закрыть глаза на прошлое изъ состраданія къ королю. Зато королева Анна, изъ дома Габсбурговъ, которая наотрѣзъ отказалась отъ подобнаго компромисса, была удостоена самыхъ горячихъ восхваленій **).

Въ своихъ пожеланіяхъ Димитрій шелъ дальше Сигизмунда. Члены Судилища заволновались. Заскрипѣли перья. Появились на свѣтъ цѣлые трактаты. Одна изъ подобныхъ диссертацій, можетъ-быть, самая важная, дошла до

---

*) Ватиканскій Архивъ, отд. Боргезе, III, 90, b, f. 107.—Rome et Démétrius, p. 186, no 12.

**) Ватикан. Архивъ, отд. Боргезе. III, 90, в. f. 107.—Rome et Démétrius, стр. 186, № 12.

насъ. Мы говоримъ о произведеніи Камилла Боргезе, будущаго папы Павла V *). Это—авторафъ; авторъ его полонъ учености и пишетъ въ строго-схоластическомъ стилѣ. Самыя отвлеченныя истины не устрашаютъ его; онъ разбирается во всѣхъ тонкостяхъ естественнаго права. Въ цитатахъ онъ неистощимъ. Отцы церкви и знаменитые богословы, канонисты и св. Августинъ, св. Ѳома и Суарецъ, Каэтанъ и Барбоза, Ледесма и Сильвестръ слѣдуютъ одинъ за другимъ, всѣ свидѣтельствуя въ его пользу. Князь церкви приводитъ точнѣйшіе тексты. Онъ искусно сопоставляетъ ихъ и дѣлаетъ необходимый логическій выводъ. Оказывается, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ дозволяется принимать св. Дары изъ рукъ всякаго священника, будь онъ еретикомъ, схизматикомъ или даже преданъ анаѳемѣ. Лишь бы онъ получилъ свой санъ законнымъ образомъ. Естественно, возникалъ вопросъ: почему бы во имя общаго блага не сдѣлать того, что дозволено бываетъ въ частныхъ интересахъ? Скоро мы услышимъ, какъ папа Павелъ V отвѣтитъ кардиналу Камиллу Боргезе и разсѣетъ его сомнѣнія. Въ описываемое же нами время, когда событія такъ быстро смѣняли другъ друга, Инквизиція медлила съ отвѣтомъ. Рѣшеніе деликатнаго вопроса послѣдовало лишь тогда, когда было уже поздно. Рангони еще дожидался его: но Димитрій былъ уже коронованъ.

Какъ сказано выше, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что молчаніе римскаго Судилища волновало царя. Не знаемъ мы и о томъ, чтобы Димитрій попытался положить этому конецъ. Но его прежній духовникъ, о. Каспаръ Савицкій, ощущалъ нѣкоторую тревогу совѣсти. Нунцій рѣшилъ отправить его въ Москву. Путевыя издержки и расходы по содержанію Савицкаго должены былъ при-

*) Ibidem, II, 64, 65, f. 22.

нять на себя папа. Между тѣмъ, могли возникнуть самыя непредвидѣнныя осложненія *).

Создавшееся положеніе было во многихъ отношеніяхъ совершенно ненормально. Оно грозило всяческими недоразумѣніями. Спасти его могла только крайняя осторожность. Дѣйствительно, Димитрій, какъ никогда, хранилъ тайну своего отреченія отъ православія. Скрытому католику приходилось управлять православными и жить съ ними, не вызывая ничѣмъ ихъ подозрѣній или неудовольствія. Въ противномъ случаѣ все будущее Церкви могло погибнуть, и предполагаемый союзъ съ Римомъ обреченъ былъ бы на крушеніе. Въ виду этихъ обстоятельствъ, какой политики слѣдовало держаться? Какія можно было дѣлать уступки? И далеко ли можно было итти по этому пути со спокойной совѣстью? Какіе запутанные и щекотливые вопросы! Савицкій не довѣрялъ самому себѣ; онъ изнемогалъ подъ тяжелымъ гнетомъ отвѣтственности. И вотъ, чтобы снять съ себя это бремя, онъ повергъ на усмотрѣніе папы слѣдующіе пункты.

1. Пока ведутся переговоры о соединеніи съ католической Церковью, можно ли съ чистой совѣстью допустить, чтобы Димитрій причастился св. таинъ изъ рукъ православнаго іерарха, разъ принимается въ соображеніе благодатная сила восточнаго обряда?

2. Можно ли Димитрію присутствовать при церковныхъ службахъ и религіозныхъ церемоніяхъ, происходящихъ согласно національному обычаю?

3. Позволительно ли ему воздвигать монастыри и православныя церкви и дѣлать въ нихъ вклады черезъ третьихъ лицъ?

4. Если представится необходимость, можетъ ли царь

---

*) Ватик. Архивъ, Polonia, 173, f. 1 v°.—Архивы Св. Инквизиціи, n° IV, Dubia aliqua.—До конца этой главы мы будемъ ссылаться на этотъ манускриптъ, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ будутъ налицо противоположныя указанія.

принести клятву, что самъ онъ хранитъ вѣру своихъ предковъ и желаетъ ее соблюсти для всѣхъ своихъ подданныхъ? Если это возможно, то въ какой формѣ должна быть дана присяга?

5. Можетъ ли царь клятвенно подтверждать льготы, противныя интересамъ католической вѣры, и какъ ему поступать въ подобныхъ обстоятельствахъ?

6. Можно ли разрѣшить ему, согласно выраженному имъ желанію, чтеніе православныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кои не осуждаютъ прямо католической Церкви, а, въ случаѣ необходимости, и всѣхъ прочихъ?

Для того, чтобы мотивировать свои вопросы и представить ихъ въ надлежащемъ освѣщеніи, о. Савицкій прибавлялъ:

1. Что Димитрій—уже католикъ и примирился съ Церковью.

2. Что это примиреніе скрыто отъ русскихъ и, вообще, отъ непосвященныхъ.

3. Что будетъ утрачена всякая надежда на единеніе Церквей и могутъ произойти роковыя событія, если царь, по крайней мѣрѣ, вначалѣ не скроетъ своего отреченія.

4. Что придется признать недѣйствительными и не имѣвшими мѣста извѣстныя обѣщанія, данныя, по слухамъ, Димитріемъ подъ клятвою, которыхъ онъ, конечно, не въ силахъ будетъ выполнить. Такова, напримѣръ, уступка Сѣверской земли королю польскому и уплата значительныхъ суммъ.

За отсутствіемъ другихъ достоинствъ, записка о. Савицкаго ясно изображаетъ состояніе его души и передаетъ его колебанія.

Основная точка зрѣнія о. Савицкаго совершенно тождественна со взглядами Поссевина, развитыми въ знаменитыхъ преніяхъ съ Иваномъ Грознымъ. Савицкій смотритъ на соединеніе съ Римомъ не какъ на новшество, а какъ на возвращеніе къ вѣрѣ предковъ, къ вѣрѣ св. Ольги и св.

Владиміра. Ихъ обоихъ онъ считаетъ истинными католиками, такъ какъ они жили до Михаила Керулларія и окончательнаго раздѣленія церквей. Теорія весьма простая; однакоже, русскіе упорно не желали ея принять. Кромѣ того, она и не устраняла всѣхъ затрудненій.

Сомнѣнія Савицкаго относительно границъ его власти и возможныхъ уступокъ оставались не разрѣшенными. Надо отдать іезуиту справедливость — онъ поступалъ искренне, когда высказывалъ свои сомнѣнія и просилъ, чтобы ему указали путь, по которому надо итти. Въ его запискѣ мы находимъ еще одно практическое сужденіе, очень опредѣленнаго характера. Несмотря на свой патріотизмъ, Савицкій понималъ, что едва признанный царь не можетъ уступать другимъ своихъ владѣній и расточать государственное достояніе. Такимъ образомъ, польскій іезуитъ выступалъ въ роли защитника нераздѣльной Россіи...

2 іюля 1605 г. Рангони сообщилъ кардиналу Валенти о сомнѣніяхъ будущаго царскаго духовника. Нунцій просилъ папу взглянуть на дѣло снисходительнѣй и шире. Пришлось обратиться по этому поводу къ Инквизиціонному Судилищу; какъ всегда, оно не измѣнило своей обычной медлительности. Прошли удручающія жары каникулъ, миновали сентябрьскія лихорадки, и лишь 13 октября члены трибунала собрались въ Квириналъ подъ предсѣдательствомъ папы. Предварительно были собраны свѣдѣнія о самомъ Савицкомъ. Его коллеги дали о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ достойномъ довѣрія, хорошемъ богословѣ и выдающемся администраторѣ. Этотъ отзывъ былъ принятъ къ свѣдѣнію; онъ же указалъ и выходъ изъ затрудненія. По окончаніи преній, вмѣсто того, чтобы дать какія-либо инструкціи іезуиту, ему было предложено руководствоваться собственной его ученостью и опытомъ. „Пускай онъ перечитаетъ каноническія правила“, писалъ кардиналъ Миллино 5-го ноября къ Рангони, „и затѣмъ да поступитъ согласно своей

совѣсти". Конечно, Савицкій не ожидалъ такого двусмысленнаго отвѣта *).

Съ одной стороны, онъ признавалъ за собою нѣкоторыя познанія по части богословія и права; однако, онъ не зналъ, какъ примѣнить ихъ къ данному случаю. Инквизиція уклонялась отъ руководящей роли. Приходилось самому рѣшать дѣла.

Между тѣмъ, Инквизиція выиграла такимъ образомъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ-концовъ слишкомъ долго молчавшій трибуналъ принужденъ былъ отвѣтить на настойчивые запросы мірянъ и нунція Рангони и формулировать свое рѣшеніе. Дальнѣйшіе переговоры относятся частью уже къ 1606 г. Хотя они велись послѣ событій, здѣсь еще не разсказанныхъ, но мы принуждены нѣсколько нарушить хронологическій порядокъ. Отъ этого только выиграетъ внутренняя связность изложенія.

Марина, обрученная въ Краковѣ, должна была со своимъ родителемъ отправиться къ жениху и принять въ Кремлѣ вѣнчаніе на царство. Димитрій предвидѣлъ извѣстныя литургическія затрудненія: онъ опасался оскорбить православныхъ и весьма тревожился этимъ. 15 ноября 1605 г. Бучинскому было поручено, какъ мы помнимъ, просить у Рангони для Марины три разрѣшенія: причаститься въ день вѣнчанія изъ рукъ православнаго патріарха; посѣщать православныя церкви; поститься не по субботамъ, а по средамъ. Нунцій эти вопросы призналъ выходящими изъ предѣловъ его компетенціи. Онъ предоставилъ ихъ рѣшеніе куріи и съ величайшимъ спокойствіемъ ожидалъ отвѣта изъ Рима.

---

*) Nella Congregatione del Santo Offitio... la Santita Sua ha risoluto che io scriva a Vostra Signoria ch'ella faccl sapere al Padre Savitio, che veda et consideri diligentemente li sacri canoni et i sommisti, che trattano di tali materie, et con la sua prudenza, esperienza et dottrina resolva come debbia portarsi nel fero della conscienza nei delli case".—Архивъ Свят. Инквизиц., n° IV, f. 102 v°, 1605, 5 ноября, Миллино къ Рангони.

Не такъ то легко было сохранить хладнокровіе Мнишкамъ. Бучинскій сообщилъ Сандомирскому воеводѣ о всѣхъ своихъ затрудненіяхъ, и тотъ начиналъ безпокоиться. Правда, онъ горячо желалъ короны для своей дочери; но купить ее цѣною отступничества ему совсѣмъ не улыбалось. Онъ видѣлъ лишь одно средство для того, чтобы дѣйствовать впредь со спокойной совѣстью: необходимо было добиться самыхъ широкихъ папскихъ разрѣшеній и притомъ какъ можно скорѣе. И вотъ воевода пускается въ казуистику. Онъ собираетъ у нунція богослововъ: кардинала Мацѣйовскаго, о. Савицкаго и какого-то бернардинца, по всѣмъ вѣроятіямъ, о. Анзерина. Предварительно имъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „Имѣетъ ли папа право, въ силу своей власти, дать Маринѣ просимыя ею разрѣшенія?“ Ученое собраніе высказалось въ утвердительномъ смыслѣ. Въ его глазахъ все сводилось къ простому communicatio in sacris съ не-католиками. И такъ какъ, говорилось далѣе, подобное общеніе не возбраняется самимъ Богомъ, то, слѣдовательно, оно возможно и въ силу каноническаго права. А здѣсь папа является полнымъ хозяиномъ, лишь бы дѣло не грозило смутой, соблазномъ или чѣмъ-либо подобнымъ. Въ силу такого толкованія, принимая причастіе изъ рукъ патріарха, Марина могла бы заявить, что она не намѣрена измѣнить своей вѣрѣ. Это вполнѣ удовлетворило бы католиковъ; да и православные не нашли бы здѣсь ничего предосудительнаго.

Однакоже, смѣлые богословы были не вполнѣ увѣрены въ своей правотѣ; еще менѣе надѣялись они такъ просто уладить дѣло. Поэтому они и совѣтовали хлопотать единовременно въ Римѣ и Москвѣ: такъ можно было гарантировать себя съ обѣихъ сторонъ. Димитрію можно было бы внушить, чтобы онъ не настаивалъ и отказался отъ требуемыхъ разрѣшеній: пусть онъ самъ поступаетъ, какъ ему велитъ совѣсть, но зато пусть и уважаетъ чужую свободу. На папу надлежало дѣйствовать инымъ путемъ: подчиняясь заранѣе его непре-

рекаемому авторитету, слѣдовало бы все же попробовать склонить его въ пользу разрѣшенія. Доводы, которыми можно было бы достигнуть этого, должны носить возвышенный характеръ. Папѣ нужно напомнить о надеждахъ на провозглашеніе уніи въ Россіи, о вѣчномъ блаженствѣ душъ, обращенныхъ въ истинную вѣру, объ обѣщанной свободѣ католическаго культа въ московскомъ государствѣ и о безопасности тѣхъ, кто исповѣдуетъ эту вѣру.

Эта программа была выполнена самымъ точнымъ образомъ. Она имѣла большій успѣхъ въ Кремлѣ, нежели въ Ватиканѣ. 14 января 1606 г. Рангони отправилъ въ Римъ протоколъ засѣданія, происходившаго подъ его руководствомъ. Мнишекъ въ послѣдній разъ горячо взывалъ къ папѣ: онъ-де не будетъ торопиться съ отъѣздомъ своимъ и дочери; онъ готовъ дѣлать въ пути продолжительныя остановки, лишь во-время получить спасительныя разрѣшенія. Это былъ уже вопль отчаянія.

Всѣ эти документы были представлены Инквизиціонному Судилищу. Высокому трибуналу незачѣмъ было торопиться, какъ Мнишекъ; членамъ его было предоставлено на досугѣ ознакомиться съ дѣломъ. Собраніе состоялось 2 марта: происходило оно подъ предсѣдательствомъ папы, несомнѣнно, настроеннаго благожелательно. На этотъ разъ нужно было прійти къ окончательному заключенію. Вопросы Димитрія были поставлены на голосованіе. Всѣ члены тайнаго судилища, за исключеніемъ одного, дали отрицательный отвѣтъ *). Таковъ былъ въ своемъ суровомъ лаконизмѣ приговоръ священнаго судилища. Онъ не опирался ни на какіе доводы, не давалъ никакихъ объясненій. Онъ имѣлъ скорѣе дисциплинарное, нежели вѣроучительное значеніе. Поэтому всѣ три вопроса, присланные изъ Кремля, были слиты воедино,

*) „2-e Martii 1606 in Congregatione coram Sanctissimo fuerunt propositae retroscriptae petitiones et domini consultores dederunt eorum vota, et tenuerunt, uno excepto, pro negativa". Архивъ Инкв., nº IV, f. 86 vº.

хотя всѣ они были далеко не одинаковой трудности и лежали въ различныхъ плоскостяхъ.

Два дня спустя, 4-го марта, Сципіонъ Боргезе увѣдомилъ Рангони о результатахъ засѣданія и о томъ, какимъ путемъ пришли къ извѣстнымъ рѣшеніямъ. Кардиналы и богословы всесторонне разсмотрѣли дѣло Димитрія; однако, они не могли остановиться на выводѣ, который бы его удовлетворилъ. „Святой престолъ,—говорилъ кардиналъ, придерживаясь обычнаго пріема Куріи и, очевидно, не желая касаться догматической стороны,—не даетъ разрѣшеній въ подобныхъ случаяхъ, и нѣтъ примѣровъ, чтобы онъ когда-либо отступилъ отъ этого правила. Сигизмунду III, предъявившему подобныя же претензіи по поводу коронованія въ Стокгольмѣ, было отвѣчено такимъ же точно отказомъ". Итакъ, приговоръ являлся непреложнымъ. Какъ же, можно было заставить Димитрія покориться?

Нунцію не пришлось брать на себя эту неблагодарную задачу. Пока въ Римѣ рылись въ архивахъ, чтобы облечь свое рѣшеніе неуязвимой броней, Димитрій вдругъ мѣняетъ тонъ. Онъ уже готовъ склониться на доводы католиковъ, онъ не настаиваетъ болѣе на исполненіи своихъ требованій, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, наиболѣе затруднительнаго, — о причастіи Марины.

Рангони былъ въ восторгѣ отъ этой перемѣны, явившейся такъ кстати. 18-го марта онъ спѣшитъ написать слѣдующія строки: „Королевскій секретарь встрѣтилъ на своемъ пути сюда воеводу Сандомирскаго, ѣхавшаго въ Москву. Мнишекъ просилъ передать мнѣ поклонъ; при этомъ я узналъ, что, выслушавъ наши разъясненія, великій князь не требуетъ больше, какъ раньше, чтобы его невѣста въ день коронаціи причастилась по греческому обряду". Инцидентъ былъ исчерпанъ.

Вѣроятно, Димитрій былъ единственнымъ московскимъ царемъ, испытавшимъ на себѣ заботы и опеку Куріи. Вызванный этимъ обмѣнъ мыслей и рядъ мѣръ позволяютъ

намъ заглянуть въ самые тайники папской политики. Въ Инквизиціи отражается совѣсть Ватикана. Изученіе документовъ той эпохи говоритъ намъ, что загадочный „царевичъ“ первый обратился къ Риму и добровольно предложилъ соединеніе церквей. Павелъ V повѣрилъ его искренности. Онъ, дѣйствительно, возлагалъ на Димитрія безмѣрныя упованія. Однако, долгомъ своимъ папа не пожертвовалъ. Когда рѣчь зашла о недопустимыхъ уступкахъ, святой престолъ замкнулся въ свое непреклонное non possumus. Не былъ ли однако честный и твердый Павелъ V слишкомъ легковѣренъ? Но въ ту пору и въ этомъ же вопросѣ не оказалась ли черезчуръ легковѣрной и вся Россія?

ГЛАВА III.

ДИМИТРІЙ и ПОЛЬША.

1605—1606 гг.

Притязанія Сигизмунда и уклончивость Димитрія. — Глухая непріязнь. — Ложное положеніе. — Отправка Корвина Гонсѣвскаго въ Москву. — Предметъ миссіи. — Странное открытіе. — Доносъ. — Димитрій уклоняется отъ чести. — Швеція. — Карлъ IX и принцъ Густавъ. — Политика Димитрія. — Центральная роль вопроса о титулахъ. — Воспоминаніе о Маринѣ. — Аѳанасій Власьевъ въ Краковѣ. — Дары, присланные Мнишку. — Празднества. — Тройная цѣль миссіи Власьева. — Обрученіе Марины. — Образчики краснорѣчія. — Левъ Сапѣга. — Патріотическая оговорка. — Рѣчь кардинала Мацѣйовскаго. — Странные поступки Власьева. — Богослужебные обряды. — Свадебный банкетъ. — „Гвоздь“ празднества. — Тосты. — Танцы. — Сцены прощанія. — Слова короля и рыданія Марины. — Золотой вѣкъ поэтовъ. — Льготы, просимыя московскимъ посланникомъ. — Поздравленія и ободрительныя слова Павла V. — Тактика оппозиціи. — Бучинскій въ Краковѣ. — Требованія Димитрія, касающіяся Марины. — Письмо интимнаго свойства. Оборотная сторона медали. — Гостомскій и Борша. Миссія Безобразова. — Жалобы бояръ на Димитрія. — Свидѣтельство Станислава Жолкѣвскаго. — Стокгольмскій анонимъ. Признанія короля. — Баналный отвѣтъ. — Комедія Безобразова. Письмо Сигизмунда къ Рудницкому. — Его инструкціи Олесницкому и Гонсѣвскому. — Уступка областей. — Помощь противъ шведовъ. — Оборонительный и наступательный союзъ. — Титулы. — Встрѣча съ Александромъ Рангони. — Откровенныя рѣчи Димитрія о Польшѣ. — Уступки. — Предупрежденіе Сигизмунда. — Король скандинавовъ и сѣверные французы. — *Роконъ*. Сношенія съ Димитріемъ. — Подозрѣнія и догадки, при отсутствіи положительныхъ данныхъ. — Офиціальная и тайная политика.

Новыхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія Димитрій не могъ представить; зато на его сторонѣ былъ ореолъ самаго блистательнаго успѣха. Это не могло не ска-

заться на его сношеніяхъ съ Польшею. Правда, Сигизмундъ III отрекся отъ претендента передъ Борисомъ Годуновымъ и предъ лицомъ Сейма. Тѣмъ не менѣе, онъ расчитывалъ на безграничную благодарность Димитрія и настойчиво напоминалъ о благодѣяніяхъ, которыми онъ осыпалъ когда-то „царевича“. Но стоило ему сдѣлать хоть одинъ шагъ въ этомъ направленіи, какъ Димитрій уклонялся въ сторону. Съ апломбомъ и самонадѣянностью выскочки онъ забывалъ обѣщанія, данныя въ тяжелые дни, и медлилъ привести ихъ въ исполненіе. Разумѣется у него не было недостатка въ правдоподобныхъ предлогахъ для этого. Его самоувѣренность возрастала по мѣрѣ того, какъ усиливалась оппозиціонная партія въ Польшѣ. Переговоры, которые велись между Кремлемъ и Краковомъ, вдругъ рѣзко оборвались. Впрочемъ, они были до такой степени запутаны, что имъ и не предвидѣлось никакого конца.

Для возстановленія дипломатическихъ сношеній съ Димитріемъ Сигизмундъ III выбралъ Велижскаго старосту, Александра Корвинъ Гонсѣвскаго *). Вѣрительныя грамоты были ему выданы 23 авг. 1605 г.; но въ Москву онъ прибылъ лишь въ октябрѣ. Офиціальной цѣлью миссіи было выполненіе формы церемоніала. Гонсѣвскому было поручено принести поздравленія царю по поводу его вѣнчанія на царство и передать ему приглашеніе на предстоящее бракосочетаніе короля съ эрцгерцогиней Констанціей. Однако, въ сущности, обѣимъ державамъ надо было прежде всего договориться относительно Швеціи. Все остальное могло и подождать.

Гонсѣвскій былъ скорѣе воиномъ, нежели дипломатомъ. Онъ сразу же допустилъ неловкость, которая, впрочемъ, была внушена ему еще въ Краковѣ. Здѣсь появился какой-то подозрительный иностранецъ. То былъ человѣкъ ненавѣст-

*) Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, t. 1—3, 14 v°.—Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II 499, 1605, 6 ноября, *Чиржовскій къ Стриверп.—Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 213, n° 96; стр. 216, n° 97.—*Русск. Ист. Библ.* т. I, 402.

ной національности; однако, онъ выдавалъ себя за любимца и даже крестника Годунова. Этотъ субъектъ разсказывалъ какую-то странную исторію. По его словамъ, крестный, Годуновъ, вовсе не умеръ; вмѣсто себя онъ приказалъ похоронить кого-то другого; самъ же царь, захвативъ свои сокровища, отплылъ въ Англію. Но исчезновеніе Годунова только временное. Колдуны предсказали ему, что онъ спасетъ свою державу и скоро снова вернется ко власти. Итакъ, Димитрію угрожала опасность. Отъ имени короля Гонсѣвскій обѣщалъ навести справки въ Лондонѣ, усилить стражу на границахъ и такимъ образомъ преградить дорогу незваному гостю съ того свѣта.

Эта басня не произвела на Димитрія никакого впечатлѣнія. Онъ не выказалъ ни малѣйшаго страха и скептически отнесся къ предсказаніямъ чернокнижниковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ долгомъ серьезно поблагодарить посланника и указать въ то же время на достовѣрность смерти Годунова, дѣлавшей всѣ предосторожности совершенно излишними. Потерпѣвши такое крушеніе, Гонсѣвскій сдѣлалъ еще одну ошибку. Сигизмундъ заявлялъ подозрѣніе на одного изъ своихъ же сановниковъ въ Вильнѣ. Димитрію предстояло рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли этотъ несчастный злоумышлялъ противъ него вмѣстѣ съ Годуновымъ. И на этотъ разъ царь уклонился отъ чести: онъ даже не потребовалъ выдачи виновнаго и лишь обѣщалъ нарядить слѣдствіе.

Когда было покончено съ этими прозрачными авансами, на очередь былъ выдвинутъ шведскій вопросъ. Медлить съ его рѣшеніемъ было нельзя. Прекрасная страна Олафовъ и Эриковъ была охвачена пламенемъ войны: тамъ боролись за престолъ и за вѣру. Племянникъ Сигизмунда III, Карлъ IX, прежній герцогъ Зюдерманландскій, силою захватилъ тронъ, принадлежавшій по праву его дядѣ. Послѣдователи реформаціи поддерживали узурпатора, забывшаго свои клятвы. Предстояло рѣшить споръ ору-

жіемъ. Сигизмундъ напрягалъ всѣ свои силы въ войнѣ съ племянникомъ; одерживая побѣды въ Ливоніи, онъ разсчитывалъ на военный союзъ съ Димитріемъ, чтобы окончательно одолѣть противника. Но тѣ же надежды питалъ и Карлъ IX. Онъ со страхомъ взиралъ на Москву. Ему неизвѣстно было достовѣрно, что тамъ происходитъ; во избѣжаніе неожиданностей, онъ стянулъ войска въ Финляндію. Но, во всякомъ случаѣ, Карлъ предпочелъ бы заключить съ русскими союзъ противъ поляковъ. Эта тактика была слишкомъ очевидна; Сигизмундъ отлично понималъ ее. Поэтому онъ и поторопился предупредить своего противника. Онъ просилъ Димитрія считать Карла IX самозванцемъ, а пословъ его—измѣнниками законному королю; если же они осмѣлятся явиться въ Кремль, пусть ихъ выдадутъ полякамъ.

Такая запутанность интересовъ была выгодна царю. Стоя между двумя врагами, изъ которыхъ каждый искалъ его помощи, Димитрій могъ выбирать то, что ему казалось лучше. Борисъ Годуновъ отлично умѣлъ пользоваться подобными обстоятельствами. Но преемникъ его оказался недостаточно рѣшительнымъ. Вся его политика въ шведскомъ вопросѣ свелась къ двусмысленнымъ уступкамъ Польшѣ и, вообще, къ уловкамъ довольно сомнительнаго свойства.

Царь обѣщалъ сдѣлать запросъ „герцогу Карлу“—онъ отказывалъ ему въ королевскомъ титулѣ—и дать знать въ Краковъ, лишь только шведскіе уполномоченные явятся въ Москву *). Еще проще обошлось дѣло съ Густавомъ. Честолюбіе Годунова привлекло въ Москву этого ничтожнаго представителя шведской королевской династіи. Незаконный сынъ развѣнчаннаго Эрика XIV, Густавъ влачилъ по Европѣ

*) Часто въ печати приводилось письмо Димитрія къ герцогу Карлу. Оно надменно, дерзко, грозитъ войною и требуетъ полнаго повиновенія. Копія его находится въ Ватик. Архивѣ, отд. Боргезе, IV, 21, f. 1. Ничто не доказываетъ, впрочемъ, что бы оно было отправлено по назначенію.

самое жалкое существованіе, когда Годуновъ возмечталъ сдѣлать его своимъ зятемъ. Царь пригласилъ принца въ Кремль, осыпалъ его милостями и выдалъ бы за него свою дочь, если бы самъ Густавъ не афишировалъ своей любовницы передъ скандализованными москвичами. Наказаніемъ за такую распущенность и за презрѣніе къ національнымъ обычаямъ послужило изгнаніе принца изъ столицы. Сосланный въ Угличъ, Густавъ жилъ тамъ, какъ королевичъ, въ почетѣ. Сигизмундъ находилъ эти милости чрезмѣрными и просилъ сократить ихъ. Удовлетворить его желаніе было, конечно, нетрудно.

Собственно говоря, Димитрій долженъ былъ бы сдѣлать эти уступки совершенно безкорыстно. Онъ связанъ былъ своимъ словомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ нарушилъ данное обѣщаніе и потребовалъ взаимныхъ одолженій. Въ обмѣнъ за помощь противъ Швеціи онъ желалъ признанія за собою титуловъ, которыми онъ столь щедро самъ себя надѣлилъ. Но склонить голову передъ самозваннымъ россійскимъ императоромъ было для короля польскаго равносильно отреченію отъ вѣковыхъ традицій; другими словами, это явилось бы санкціей незаконнаго захвата. Царь не могъ не знать, какой важный вопросъ онъ затронулъ. Уже давно русскіе прибѣгали къ узурпаціи чужихъ династическихъ правъ, это сослужило имъ немалую службу. Теперь пришелъ черредъ Димитрія; онъ еще усовершенствовалъ старое оружіе, приспособляя его къ своей сильной рукѣ. Вопросъ о титулахъ станетъ отнынѣ какъ бы стержнемъ; вокругъ него будетъ вращаться вся московская дипломатія; онъ же явится сильнѣйшимъ оплотомъ ея противъ поляковъ.

Такъ какъ Гонсѣвскому не дано было полномочій для рѣшенія столь щекотливаго вопроса, онъ могъ лишь принять желанія Димитрія къ свѣдѣнію. Мы не знаемъ точно, обсуждались ли имъ еще какія-либо дѣла; во всякомъ случаѣ переговоры не кончились ничѣмъ. Несомнѣнно, однако, что они носили мирный, даже дружелюбный характеръ. На

прощальномъ банкетѣ, гдѣ, какъ мы помнимъ, присутствовали и капелланы съ Пратиссоли, Димитрій не зналъ, какъ обласкать Гонсѣвскаго. Дѣло въ томъ, что сердце царя все еще лежало къ полякамъ. Ни война, ни тріумфы не могли отвлечь мыслей отъ Самбора. Самыя бурныя переживанія не заставили его позабыть Марину. Димитрій не могъ дождаться того дня, когда она прибудетъ въ Кремль, чтобы раздѣлить съ нимъ его славу. Но дочь польскаго сановника не могла безъ согласія короля ни распорядиться своей судьбою, ни возложить на свою голову корону. Поэтому не слѣдовало спѣшить, чтобы не раздражить Сигизмунда: къ тому же еще не всѣ формальности были выполнены. Настроеніе въ Краковѣ могло вдругъ перемѣниться. Впрочемъ, скоро Димитрій перестанетъ бояться. Тогда онъ заговоритъ другимъ языкомъ.

Какъ было условлено съ воеводою Мнишкомъ, тотчасъ же послѣ вѣнчанія Димитрія на царство русское посольство должно было отправиться въ Краковъ, чтобы покончить дѣло о бракѣ Марины. Царю это было на-руку. Такая миссія являлась прекраснымъ случаемъ показать себя во всемъ блескѣ и вызвать, если не симпатіи, то хотя бы удивленіе поляковъ*). Эта тенденція сказывалась во всей организаціи посольства. Московскіе послы окружили себя величайшей роскошью; они сыпали щедрыми подарками, выставляя на показъ богатство своего государя. Но, тѣмъ не менѣе, глава посольства, Аѳанасій Власьевъ, вызывалъ въ Краковѣ лишь сострадательныя улыбки: такъ выдавался онъ отсутствіемъ западнаго лоска среди блестящаго и изысканнаго польскаго общества. Къ Власьеву былъ прикомандированъ полякъ, Станиславъ Слонскій; но и это мало чему помогало: Слонскій велъ какіе-то таинственные переговоры и игралъ мало замѣтную роль. Общественное вниманіе было поглощено

*) Turkawski, Wesele, стр. 395 и слѣд. Wielewicki, т. II, стр. 101. — *Русск. Ист. Библ.*, ст. 42. — Краковъ, музей Чарторыйск., 2101, f. 12, v.

дьякомъ Власьевымъ, его свитой въ триста человѣкъ и его ослѣпительной пышностью. Въ самый день своего прибытія онъ послалъ Мнишку дары Димитрія: вороного коня въ золотой съ каменьями сбруѣ, богатое оружіе, предметы искусства, драгоцѣнныя ткани, восточные ковры, живого соболя, трехъ кречетовъ съ золотыми колокольцами и въ шитыхъ жемчугомъ колпачкахъ. Изобиліе этихъ подарковъ поразило присутствующихъ. Самые взыскательные сочли ихъ вполнѣ достойными истинно-царской щедрости; немудрено, что разорившіеся магнаты предались самымъ фантастическимъ мечтамъ.

Началась цѣлая серія празднествъ. 14-го ноября совершалось представленіе королю; 15-го устроенъ былъ роскошный пиръ у Мнишка; 18-го состоялась аудіенція въ Вавелѣ въ присутствіи нѣсколькихъ сенаторовъ. Согласно одному документу того времени, миссія Власьева сводилась къ тремъ пунктамъ. Прежде всего, посолъ долженъ былъ объявить о коронованіи Димитрія патріархомъ Игнатіемъ и подтвердить дружбу царя съ Польшею; далѣе ему было поручено пострадать поляковъ турками и напомнить о союзѣ противъ Порты; наконецъ, Власьеву предстояло просить у короля разрѣшенія на бракъ Марины и пригласить Его Величество на царскую свадьбу*).

Отвѣтъ Сигизмунда былъ милостивъ и полонъ достоинства. На другой же день невѣста съ матерью прибыли въ Краковъ. Прошло болѣе года послѣ встрѣчи въ Самборѣ. Съ тѣхъ поръ роли перемѣнились. Димитрій уже затмилъ Мнишковъ своимъ величіемъ. Но любовь царя къ Маринѣ возрастала вмѣстѣ съ его славою. То было хорошимъ предзнаменованіемъ.

29 ноября, около полудня, никто не узналъ бы Рышка,

---

*) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 499, Sommario di quel che ha esposto in senato l'ambasciatore del Moschovita.—Ciampi, Esame, стр. 65, по VI, *Бантышъ-Каменскій*, Переписка, т. II, стр. 65.

самаго элегантнаго мѣста въ Краковѣ. Площадь была запружена нарядными экипажами. Они останавливались передъ дворцами Фирлеи и Монтелупи, выстроенными рядомъ и даже сообщавшимися между собою. Здѣсь, а не въ церкви, изъ уваженія къ православнымъ, должно было совершиться обрученіе Марины. Вся знать была въ сборѣ: тутъ находились король, принцесса Анна Шведская, королевичъ Владиславъ, нунцій Рангони, представители флорентійскаго и венеціанскаго правительствъ, сенаторы, сановники двора, друзья и родственники Мнишка.

Очевидно, приходилось вѣрить, что Димитрій признанъ истиннымъ царемъ московскаго государства, что Сигизмундъ оставилъ свои сомнѣнія, а Сенатъ отказался отъ оппозиціи. Для скептицизма больше не было мѣста: всѣ радовались и чувствовали себя по-праздничному.

Въ одной изъ комнатъ, обращенной въ капеллу, былъ воздвигнутъ временный алтарь. У его подножья русскіе разостлали шелковый коверъ для невѣсты. Кругомъ расположилось духовенство съ кардиналомъ Мацѣёвскимъ во главѣ. Появилась Марина, сопровождаемая двумя сенаторами. Она была лучезарна и блистала красотой; глаза ея сіяли. На ней было парчевое платье, усѣянное сапфирами и жемчугомъ. Плечи невѣсты были покрыты прозрачной вуалью; на головѣ у нея красовалась корона изъ алмазовъ; волосы Марины ниспадали назадъ роскошными косами, обильно усѣянными драгоцѣнными камнями. Какой контрастъ съ грубыми чертами Власьева, съ его одутловатымъ лицомъ, тупымъ взглядомъ, неуклюжими манерами и одеждой, вышитой золотомъ, но больше похожей на попону *)! Лицомъ къ лицу стояли два совершенно различныхъ міра.

Церемонія открылась рѣчами. Первымъ говорилъ Власьевъ. То было офиціальное привѣтствіе, произнесенное безъ всякаго одушевленія и претензій на красоту. Кремлевскій

*) См. картинку, изображающую Власьева, въ Piesni Grochowsk

дьякъ не отваживался на поэтическія вольности и строго держался буквы своихъ полномочій. Поляки, наоборотъ, любили щегольнуть словомъ. Вмѣсто Митюшка, Власьеву отвѣчалъ Станиславъ Минскій. Рѣчь его была расплывчата и длинна, въ ней не было ничего оригинальнаго. Но кто долженъ былъ удивить товарищей по Сейму, такъ это Левъ Сапѣга, говорившій отъ имени короля. Надо припомнить его рѣчь 1-го февраля, нужно представить себѣ вновь его колебанія, суровые совѣты и мрачныя предчувствія: только тогда можно будетъ судить о его гибкости. Теперь канцлеръ говорилъ, что видитъ въ предстоящемъ бракѣ символъ единенія двухъ народовъ; за него онъ всячески благодарилъ Провидѣніе. Жениху и невѣстѣ Сапѣга расточалъ самыя напыщенныя похвалы. Само-собою разумѣется, что Марина въ его глазахъ была идеаломъ добродѣтели, красоты и ума. Димитрій же сразу сталъ лучшимъ изъ князей, образцомъ государей. Сапѣга обоимъ имъ указывалъ на ихъ великое предназначеніе, которое они, конечно, сумѣютъ выполнить. Патріотизмъ внушилъ ему лишь единственную оговорку: „Какъ бы ни велика была честь носить корону, — сказалъ онъ,— польская женщина вполнѣ достойна ея: сколько государынь Польша дала уже Европѣ!“ Безспорно, Сапѣга либо сталъ оптимистомъ, либо игралъ двуличную роль.

Религіозной церемоніи также предшествовали рѣчи. Первымъ произнесъ свое слово кардиналъ Мацѣёвскій. Здѣсь было всего понемногу: и теологіи брака, и практической морали, и московскихъ воспоминаній, и похвалъ по адресу московскаго царя. Кардиналъ не колебался такъ величать Димитрія въ присутствіи короля; тутъ же онъ напомнилъ о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми осыпала „царевича“ Польша. Послѣ этого пропѣли Veni Creator. Всѣ пали на колѣна, кромѣ протестантки, принцессы Анны, и представителя царя.

Послѣ пѣнія гимна опять началъ говорить кардиналъ. Онъ комментировалъ тотъ самый текстъ св. Писанія, кото-

рый проповѣдники постоянно приводятъ молодымъ супругамъ: „Слыши, дщи и виждь, преклони ухо, забуди домъ отца твоего“.

Къ этому тексту кардиналъ подобралъ въ Ветхомъ Завѣтѣ самыя лестныя сопоставленія. Димитрій, этотъ новый Авраамъ, отправилъ на поиски Ревекки своего вѣрнаго слугу, Аѳанасія Власьева...

Если московскій дьякъ былъ удивленъ, видя себя въ такомъ блестящемъ обществѣ, то, въ свою очередь, и онъ изумилъ окружающихъ своими рѣчами и манерами. На громогласный вопросъ, не далъ ли царь своего слова другой женщинѣ, онъ отвѣтилъ, не сморгнувъ. „А почему я знаю?“... Побуждаемый со всѣхъ сторонъ Власьевъ, наконецъ, согласился дать такой уклончивый отвѣтъ: „Коли бъ кому обѣщалъ, такъ бы меня сюда не слалъ“. Когда мѣнялись обручальными кольцами, Власьевъ опустилъ перстень Димитрія въ ларецъ, не коснувшись его даже кончикомъ пальцевъ. Ни разу онъ не предложилъ своей руки Маринѣ, предварительно не обернувъ ея раболѣпно платкомъ. По поводу обмѣна взаимныхъ обѣщаній завязалась настоящая борьба. Власьевъ отказался отъ посредничества кардинала. „Панѣ Маринѣ говорить имѣю я, а не ваша милость“, упрямо твердилъ онъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось добиться отъ него отвѣта на вопросы кардинала. Наконецъ, договоръ былъ заключенъ и закрѣпленъ клятвой. Тогда всѣ присутствующіе русскіе земно поклонились своей новой царицѣ. Послѣ этого нѣкій польскій дворянинъ Лишинскій вскочилъ на коня и отправился въ Москву въ качествѣ курьера: онъ везъ Димитрію вѣсть о совершеніи обряда обрученія и о союзѣ съ Польшей.

Затѣмъ послѣдовалъ пиръ, который былъ устроенъ съ большимъ великолѣпіемъ. Онъ происходилъ подъ звуки оркестра въ сорокъ музыкантовъ. На первомъ мѣстѣ, за почетнымъ столомъ, сидѣлъ король, имѣя по правую руку Марину и Власьева, по лѣвую—принцессу Анну и Владислава. Противъ

КАРЛЪ IX, король шведскій.

(Съ современ. портр.)

короля сидѣли кардиналъ Мацѣёвскій и нунцій Рангони. Сервировка блистала золотомъ и серебромъ; прислуживали за столомъ высшіе сановники. Власьевъ остался вѣренъ себѣ до конца. Пришлось употребить силу, чтобы принудить его сѣсть рядомъ съ его государыней, а, такъ какъ Марина была чрезчуръ взволнована, чтобы ѣсть, то и онъ не бралъ въ ротъ ничего, кромѣ хлѣба съ солью, несмотря на неоднократныя настоянія короля.

Гвоздемъ праздника были царскіе подарки, присланные Димитріемъ своей невѣстѣ. Ихъ видъ ослѣпилъ присутствующихъ. Какой блескъ драгоцѣнныхъ камней, какая игра красокъ! Никогда ни одна польская королева не видѣла такихъ великолѣпныхъ и богатыхъ свадебныхъ подношеній. Здѣсь были драгоцѣнныя ткани, малиновыя венеціанскія кружева, атласъ всѣхъ оттѣнковъ, золотая и серебряная парча, украшенія изъ рубиновъ и изумруда, сапфировый крестъ, великаны изъ топаза, фантастическіе Нептуны и Діаны; тутъ же были жемчужный корабль, плывущій по серебрянымъ волнамъ, золотой волъ, утроба котораго была полна алмазами, и чудо изъ чудесъ — золоченый слонъ, несущій на своей спинѣ художественно сдѣланные часы; они наигрывали аріи, подражая флейтамъ и трубамъ, и приводили въ движеніе фигуры людей, изображавшихъ разнообразныя сцены.

Олесницкій благодарилъ жениха отъ лица Марины. По излюбленному обычаю поляковъ, прежде, чѣмъ встать изъ-за стола, было провозглашено множество тостовъ. Король, стоя, съ непокрытой головой, первый выпилъ за здоровье молодой царицы. Послѣ него подняли кубки остальные участники пира: согласно требованію этикета, каждый отвѣсилъ царицѣ болѣе или менѣе низкій поклонъ. Власьевъ превзошелъ наиболѣе почтительныхъ. Каждый разъ, какъ произносилось имя Димитрія, онъ падалъ ницъ.

Послѣ этого болѣе живая и задорная музыка подала сигналъ къ танцамъ, въ исполненіе которыхъ поляки вно-

сять столько искусства и граціи. Царицей и здѣсь, конечно, была Марина. Король открылъ съ нею балъ; послѣдній туръ она сдѣлала съ отцомъ; ее окружали сенаторы, присутствующіе восхищались ею, а, можетъ-быть, и завидовали ей тайно. Въ концѣ вечера воевода Сандомирскій съ дочерью склонились у ногъ короля. Насталъ торжественный часъ прощанья.

Что долженъ былъ сказать Сигизмундъ бѣдному ребенку, не знавшему еще городской суеты и придворныхъ интригъ? Вѣдь такъ неожиданно выбрасывали Марину въ бурное море жизни! Король былъ настроенъ аскетически; съ другой стороны, представленія его о Москвѣ вполнѣ опредѣлились. И въ данномъ случаѣ Сигизмундъ оказался на уровнѣ своего благочестія и обычной своей политики.

Не переходя границъ должной почтительности по отношенію къ царицѣ, онъ напомнилъ Маринѣ тѣ обязанности, которыя отнынѣ она должна выполнять. Ей предстоитъ въ далекой странѣ распространять славу Господа Бога, хранить нерушимо любовь къ родной землѣ, стоять на стражѣ дружбы двухъ народовъ и обѣщаній, данныхъ Польшѣ. Ей придется поддерживать въ супругѣ чувство признательности къ королю. А затѣмъ пусть будетъ она счастлива въ чужой странѣ; пусть передастъ она свои завѣты дѣтямъ, и да хранитъ ее небо!

Отеческимъ жестомъ король благословилъ дѣвушку, обнявшую въ слезахъ его колѣни. Марина хотѣла отвѣтить королю, но рыданія заглушили ея голосъ. Кардиналъ Мацѣёвскій пришелъ ей на помощь. Чувства ея были такъ понятны! Въ этотъ моментъ гордая и свободная полячка приносила въ жертву самое дорогое, самое прекрасное въ жизни: она покидала любимую родину, семью, друзей, родныя поля. Неужели этимъ сердечнымъ сокрушеніемъ не заслужитъ она хотя бы крупицы счастья? Неужели рокъ безповоротно предназначилъ ей поразить весь міръ тяжестью своихъ бѣдствій?

Послѣ этого Марина, предшествуемая принцессой Анной,

удалилась къ своей матери, которая была больна и не присутствовала на торжествѣ. Затѣмъ отбыли и царственные гости.

Власьевъ уѣхалъ ночью. За исключеніемъ странныхъ отвѣтовъ и рабольпныхъ манеръ, его поведеніе во всѣхъ отношеніяхъ было корректно и прилично. Злые языки утверждали, что кое-кто изъ его свиты нетвердо держался на ногахъ. Однако, возможно, что въ этотъ день у самихъ поляковъ двоилось въ глазахъ. Среди приглашенныхъ царило большое оживленіе. Танцы продолжались до двухъ часовъ ночи. Послѣ Марины героемъ дня былъ отсутствующій Димитрій.

Отнынѣ эти два имени были нераздѣлимы. Они вызывали одинаковыя симпатіи и будили однородныя надежды. Не слышалось больше рѣзкихъ рѣчей, какія раздавались на Сеймѣ; съ подозрѣніями и мрачными предсказаніями было покончено. Въ свадебныхъ гимнахъ звучалъ только энтузіазмъ. Поэты старались затмить ораторовъ. Они толпились вокругъ представителей семьи Мнишекъ; угодливость превосходила таланты. Гроховскій, Юрковскій, Жабчикъ, настроивъ свои лиры, воспѣвали дружбу двухъ народовъ, блескъ заключаемаго брака, прощаніе Марины съ ея дорогой Польшей... Казалось, всѣ сердца бились въ унисонъ... Вавель братался съ Кремлемъ; наставалъ золотой вѣкъ славянскаго единенія.

Посолъ великаго герцога Тоскапскаго, Родриго ди Мендоза, недавно прибывшій въ Краковъ, такъ и остался подъ этимъ впечатлѣніемъ полнаго согласія между Польшей и Москвой. Онъ явился, чтобы присутствовать на свадьбѣ короля Сигизмунда и вести переговоры съ воеводой Сандомирскимъ. Его государь, хорошо освѣдомленный относительно Димитрія, искалъ въ Россіи рынка для флорентійской торговли. Мнишекъ долженъ былъ выступить въ качествѣ посредника передъ царемъ. Мендоза запросилъ воеводу относительно его согласія на посредничество, вручилъ

ему посланіе Фердинанда и уже готовъ былъ повѣрить, что всѣ желаемыя льготы будутъ предоставлены флорентинцамъ *). Лучше освѣдомленный, либо менѣе торопливый венеціанскій посолъ, Фоскарини, наоборотъ, не предпринялъ никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи.

Энтузіазмъ, царившій въ Краковѣ, нигдѣ не нашелъ такого отзвука, какъ въ Римѣ. Матримоніальныя комбинаціи играли замѣтную роль въ исторіи народовъ; вліяніе ихъ чувствовали на себѣ и политика, и даже Церковь. Павелъ V давно уже одобрялъ бракъ, который долженъ былъ возвести на московскій тронъ католичку-польку: благопріятные результаты такого брака для папы внѣ всякаго сомнѣнія. Объ этомъ Павелъ съ жаромъ говорилъ и въ своихъ посланіяхъ къ брачущимся и въ обращеніяхъ къ воеводѣ Сандомирскому. Вѣсти, которыя шли изъ Кракова, укрѣпляли папу въ этихъ надеждахъ. Можетъ-быть, наибольшимъ оптимистомъ изъ всѣхъ его корреспондентовъ былъ кардиналъ Мацѣёвскій. Его іерархическое и общественное положеніе, при родственныхъ связяхъ съ семьею Мнишекъ, ставили его особнякомъ среди польскаго духовенства. Его-то Павелъ и сдѣлалъ блюстителемъ интересовъ вѣры, затронутыхъ московскими событіями. 3-го сентября 1605 года кардиналъ послалъ папѣ отвѣтъ, представлявшій настоящую апологію Юрія Мнишка: Мацѣёвскій изображалъ его, какъ человѣка всецѣло преданнаго святому престолу и преслѣдующаго въ Москвѣ, исключительно, интересы высшаго порядка. Это могли бы подтвердить и друзья воеводы; но поразительныя побѣды Димитрія свидѣтельствовали объ этомъ еще громче. На нихъ лежитъ неоспоримая печать Провидѣнія. Немедленно послѣ обрученія въ Краковѣ кардиналъ принимается вновь за выполненіе возложенной на него миссіи; онъ ходатайствуетъ о папскомъ благословеніи юной четѣ, кото-

*) Гос. Архивъ Флоренціи, отд. Медичи, 4292, f. 121, 1605, 21 декабря, *Мнишекъ къ Фердинанду*. См. также f. 118.

рой предназначенъ, повидимому, самый высокій удѣлъ. Одинъ Богъ можетъ совершать такія чудеса,—пишетъ онъ Сципіону Боргезе, прибѣгая къ библейскому стилю *).

Павелъ V искренне радовался этому; его рука невольно поднималась для благословенія; онъ ни въ чемъ не могъ отказать будущему апостолу Москвы, вѣроятному союзнику Сигизмунда и противнику Ислама **).

Однако, шумные празднества въ Краковѣ были не болѣе, какъ блестящимъ миражемъ. На самомъ дѣлѣ, польская оппозиція не была обезоружена. Враги царя вновь начали наступать—то скрытыми и окольными путями, то явно, среди бѣла дня. Кружокъ предателей, образовавшійся въ Москвѣ, имѣлъ приверженцевъ и въ столицѣ Ягеллоновъ. Одинъ изъ вѣрныхъ Димитрію слугъ замѣтилъ опасность и предупреждалъ о ней своего государя...

Въ то время, какъ Власьевъ былъ вполнѣ поглощенъ своимъ представительствомъ, въ первыхъ числахъ января 1606 г. къ нему пріѣхалъ другой агентъ московскаго правительства. То былъ Бучинскій, довѣренный Димитрія, его секретарь и совѣтникъ, обладавшій проницательнымъ умомъ и достаточнымъ образованіемъ. Вновь прибывшій явился не съ пустыми руками: онъ привезъ Мнишку двѣсти тысячъ червонцевъ. Какъ не быть желаннымъ гостемъ съ полнымъ кошелькомъ? Приличія требовали, чтобы царскій тесть не былъ бѣденъ. Такимъ образомъ, воевода получалъ возможность уплатить свои долги, по крайней мѣрѣ, самые неотложные. Сверхъ того, какъ извѣстно, Бучинскій долженъ былъ заняться вопросомъ о титулахъ Димитрія и

---

*) *Тургеневъ*, т. II, стр. 73, n° LVI, стр. 75, n° LVII. Архивъ Ватикана, отд. Боргезе, II, 232, f. 101, 107, II, 38, f. 45.—Rome et Démétrius, p. 214, n° 9.

**) „Et nos hac spe conversionis populi moscovitici non parum recreamur, quae non mediocriter confirmata est hoc neptis tuae nobilissimo connubio".— Ватик. Архивъ, Arm. XLV, t. I, f. 208 v°, 1606, 14 января, *Павелъ V Мнишковскому.*

о нѣкоторыхъ каноническихъ разрѣшеніяхъ для Марины. По отношенію къ невѣстѣ Димитрій былъ до крайности щепетиленъ. Онъ хотѣлъ предусмотрѣть самыя ничтожныя подробности. Будущая московская царица должна была занимать въ Краковѣ совершенно исключительное положеніе. Для этого ей пришлось окружить себя многочисленной свитой, допускать къ своему столу лишь ближайшихъ родственниковъ и—характерная мелочь—носить русскую прическу. Всѣ эти требованія были сообщены воеводѣ Мнишку; самъ Бучинскій наблюдалъ за ихъ точнымъ выполненіемъ; но, главнымъ образомъ, онъ старался ускорить отъѣздъ Марины. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ все время высказывалось опасеніе, какъ бы царица не замѣшкалась въ Польшѣ *).

Официально занятый вопросами этикета, царскій посланникъ посвящалъ свой досугъ ознакомленію съ общественнымъ настроеніемъ и собиранію секретныхъ свѣдѣній. Какъ полякъ, онъ проникалъ всюду: ему довѣрялись легче, нежели иноземцу. Результаты такихъ разслѣдованій были иногда настолько тревожны, что Бучинскій едва рѣшался довѣрять ихъ бумагѣ. Одно изъ подобныхъ писемъ, датированное январемъ 1606 г., дошло и до насъ. Бучинскій написалъ его съ рискомъ заслужить немилость у царя и прослыть за труса. Онъ сообщаетъ, что чувствуетъ, какъ почва колеблется подъ его ногами: конечно, онъ боится напрасно потревожить Димитрія. Тѣмъ не менѣе, серьезность положенія заставляетъ его взяться за перо. Онъ открылъ, что есть измѣнники, передающіе въ Краковъ всѣ кремлевскія тайны. Кто они? Это—вѣроподданные слуги царя. Бучинскій не говоритъ, что за разоблаченія онъ имѣетъ въ виду; но онъ настаиваетъ на серьезныхъ опасностяхъ этой предательской политики. Она создастъ все растущую враждебность къ Димитрію: она вызываетъ горькую критику его поведенія, упреки по его адресу

*) *Собр. Госуд. Грам.*, т. II, отъ стр. 227 по 230 № 104, 105, 106; отъ стр. 208 до 263, № 121, 122.

въ непостоянствѣ. По этому поводу слышатся разговоры, что лучше было бы договориться съ Борисомъ Годуновымъ; тогда, по крайней мѣрѣ, знали бы, чего держаться.

Къ такому разочарованію присоединяется будто бы возмущеніе поляковъ противъ титуловъ, на присвоеніи которыхъ столь упорно настаиваетъ царь.

Воевода познанскій, Гостомскій, выражая мнѣніе своихъ коллегъ, такъ высказывался по этому поводу: „Это безсмыслица—провозглашать самого себя непобѣдимымъ Цезаремъ; такой эпитетъ можно допустить развѣ только въ устахъ другого. Въ сущности говоря, непобѣдимъ одинъ Господь Богъ, и только язычникъ можетъ присвоивать себѣ божескіе аттрибуты". Воевода считалъ притязанія Димитрія неблагодарностью по отношенію къ королю и оскорбленіемъ, заслуживающимъ возмездія. „Пусть Димитрій будетъ изобличенъ передъ лицомъ всего міра,—говорилъ онъ; „пусть сами московскіе люди не колеблются сдѣлать это!"

Эти слова были угрозой; однако, они оставались не опредѣленными и двусмысленными. Точнѣе выразилъ ихъ значеніе Станиславъ Борша, бывшій офицеръ польскаго отряда Димитрія. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ Хрипуновыхъ. То были весьма подозрительные люди; они были замѣшаны въ интригу противъ царя, но какъ,—трудно сказать. Въ минуту откровенности, по секрету, болтливый попутчикъ разсказалъ Боршѣ, что Димитрій въ Москвѣ слыветъ самозванцемъ и что противъ него создается обширный заговоръ. Бучинскій былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ Чтобы сразу пресѣчь подобные слухи, онъ рѣшилъ увезти Боршу за предѣлы Польши.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Димитрія это письмо, и какія мѣры онъ счелъ необходимыми. Что касается Кракова, то здѣсь подозрѣнія все крѣпли и, наконецъ, перешли въ увѣренность.

Изъ Москвы пришли чрезвычайно важныя донесенія: вообще, наиболѣе убійственныя разоблаченія совершали

сами московскіе жители. Ширмой для интригъ послужило официальное посольство. Царь желалъ имѣть представителя на Сеймѣ 1606 г. Для этого въ Польшу предварительно былъ отправленъ Иванъ Безобразовъ, чтобы испросить обычную охранную грамоту *).

Этотъ посланецъ былъ въ то же время и предателемъ. Онъ служилъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Димитрія. Чтобы лучше скрыть свою игру, онъ принялъ возложенное на него порученіе какъ бы вопреки желанію. Прибывъ въ Краковъ, онъ, какъ слѣдовало, выполнялъ всѣ обычныя формальности. Однако, оказавшись одинъ на одинъ—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, со Львомъ Сапѣгой, по другимъ же—съ Гонсѣвскимъ, онъ заявилъ, что уполномоченъ на тайные переговоры Шуйскимъ и Голицынымъ. Обѣ эти княжескія семьи, осыпанныя милостями Димитрія и соперничавшія передъ нимъ въ мнимой преданности, всячески старались погубить его. Отъ ихъ имени Безобразовъ жаловался на то, что король прислалъ въ Москву самозванца. Онъ-де вѣтренъ, жестокъ, развратенъ, расточителенъ и, вообще, недостоинъ занимать царскій тронъ. Бояре, — говорилъ онъ, — всячески ищутъ средствъ свергнуть его. Они желали бы ввѣрить власть королевичу Владиславу.

Конечно, никто не ждалъ такого оборота дѣла. Даже спустя три вѣка, еще невольно спрашиваешь себя, какъ все это могло произойти. Русскіе источники, носящіе болѣе или менѣе официальный характеръ, естественно, ничего не говорятъ объ этомъ эпизодѣ. Память о немъ сохранилъ намъ полякъ—гетманъ, Станиславъ Жолкѣвскій. На него и ссылаются обыкновенно историки **).

Во всякомъ случаѣ, гетманъ не совсѣмъ одинокъ въ своихъ показаніяхъ. Возможна провѣрка его утвержденій; при

*) Краковъ, Музей Чарторыйскаго 2101, f. 21 *Бантышъ-Каменскій*, Обзоръ, т. III, стр. 111.

**) Jolkievski Zapiski, p. 9.—Тотъ же авторъ разсказываетъ, что царица Марфа содѣйствовала разоблаченію Димитрія въ Польшѣ. Тамъ же, стр. 10.

этомъ если и придется пожертвовать кое-какими подробностями, то сущность дѣла останется въ силѣ. Для этого прежде всего надо обратиться къ Скандинавскимъ странамъ. Въ Швеціи, въ замкѣ Браге, оказалась одна записка, принадлежащая Феликсу Крискому. Оттуда она попала въ королевскій архивъ Стокгольма. Въ ней заключается рѣчь, кѣмъ-то произнесенная на польскомъ сеймѣ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія. Ораторъ дѣлаетъ историческій обзоръ войнъ съ Москвой, о которыхъ будетъ рѣчь дальше. Слѣпой приверженецъ короля, онъ слагаетъ на голову Мнишка всю отвѣтственность за неудачи Сигизмунда и горячо осуждаетъ честолюбивую затѣю воеводы. Ему извѣстна и миссія Безобразова: говоря о ней, онъ употребляетъ почти тѣ же выраженія, что и Жолкѣвскій. Безобразовъ, этотъ достойный и честный русскій человѣкъ, предсказалъ Льву Сапѣгѣ близкое паденіе Димитрія и заклиналъ возвести на престолъ либо короля Сигизмунда, либо Владислава. Бояре лелѣяли тотъ же планъ. Безобразовъ былъ ихъ голосомъ *).

Далѣе, самъ король сдѣлалъ нѣкоторыя важныя для насъ признанія. 6-го декабря 1608 г. онъ открылъ свою тайну преемнику Рангони, пуцію Франческо Симонетта. Славянскій міръ былъ на порогѣ знаменательныхъ событій: русскіе призывали польскаго короля на московскій престолъ. Сигизмундъ готовъ былъ отозваться на ихъ призывъ, но слѣяніе двухъ народовъ требовало расходовъ, которые

*) „Unde sub ipsas infelicis filiae palatini Sendomiriensis Moscoviae proceres Cracoviam (aperire enim hac tanta importunitate cogimur) ad Regiam Majestatem ablegarunt hominem inter suos clarum, dapiferum Magni Ducis Moscovkiae, nomine Besobrasovum per quem insinuarunt (nam is antecessor duntaxat fuit Athanasii Tarassovicii, qui ad contragendum matrimonium procurator Magni Ducis veniebat) preces suas, quibus Regiam Majestatem orabant, ut aut ipse de summa rerum Moscovitarum cogitaret aut filium suum eis concederet, quae omnia Moschus ille, vir prudens strenuusque, per D. Sapiehan... Regiae Majestate aperuit asserens constantissime qua ratione defecisset Borissius, ea ne istum quidem duraturum". Стокгольмск. Корол. Арх., отд. Браге, 339. Causae consiliumque belli Moscovitici.

трудно было покрыть. Чтобы добиться денежной помощи отъ папы, Сигизмундъ разсказалъ нунцію о переговорахъ съ московскими людьми: онъ настаивалъ на важности этихъ сношеній. „Переговоры начались во время моего брака съ эрцгерцогиней Констанціей,—объяснялъ онъ;—съ тѣхъ поръ они не прерывались и продолжаются донынѣ". Нунцію была представлена объяснительная записка, для препровожденія въ Римъ. Какой драгоцѣнный источникъ могли бы мы найти въ этой запискѣ! Къ несчастію, она до насъ не дошла.

Въ результатѣ всего этого, видимо, не подлежитъ спору, что съ конца 1605 г. враги Димитрія дѣлали шаги къ сближенію съ Сигизмундомъ и его сыномъ. Событія послѣдующихъ лѣтъ доказали, что, дѣйствительно, въ Москвѣ была сильная партія, склонная передать полякамъ русскую корону. Но настроеніе еще не вполнѣ установилось. Политика короля, болѣе чѣмъ когда-либо, была неопредѣленной и колеблющейся. По словамъ Жолкѣвскаго, Сигизмундъ далъ Безобразову уклончивый отвѣтъ. Въ немъ выражены были сожалѣнія по поводу того, что Димитрій обманулъ поляковъ. Съ своей стороны, король обѣщалъ соблюдать нейтралитетъ, отрицалъ за собой честолюбивые планы и заявлялъ о покорности своей Провидѣнію. Съ своей стороны, московскій посланецъ сыгралъ свою роль до конца. Онъ уѣхалъ, не принявъ королевскихъ грамотъ, такъ какъ въ нихъ не былъ упомянутъ царскій титулъ.

Эти формулы этикета были истиннымъ камнемъ преткновенія! Впрочемъ, несмотря на все, Сигизмундъ настоятельно желалъ вести переговоры съ Димитріемъ. Искренне или лживо, но царь просилъ его содѣйствія и самъ расточалъ

---

[3]) Mi promise inolte Sua Maestà che mi navrebe dato per informatione dé Nostro Signore distesa in scritto tutta la sostanza del negotio del quale si è cominciato il frattato infino a quando Suo Maestà fece le nozze puà di questa Serenissima Regina, et è durato e dura a questa hora". — Архивъ Ватикана, отд. Боргезе, II, 226, 1608, 6 декабря, Симонетта къ Боргезе.

обѣщанія. Сигизмундъ же утверждалъ, что имъ уже оказана помощь, и требовалъ исполненія даннаго царемъ слова. 14-го ноября 1605 г. онъ написалъ епископу Вармійскому, Рудницкому, что ближайшему Сейму предстоитъ установить основанія прочной дружбы между Польшей и Москвой *).

Миссія Безобразова отнюдь не заставила короля измѣнить свою линію поведенія.

Наиболѣе полное выраженіе политики Сигизмунда по отношенію къ Россіи мы находимъ въ одномъ весьма важномъ дипломатическомъ документѣ. Мы говоримъ о королевскихъ инструкціяхъ Олесницкому и Гонсѣвскому, которые должны были сопровождать Марину въ Москву. Эти инструкціи помѣчены 6-мъ февраля 1606 года и подписаны Львомъ Сапѣгой. Никогда ни одинъ государственный человѣкъ не обольщался болѣе обманчивой мечтой. Сигизмундъ рисовалъ себѣ химерическій союзъ Польши съ Россіей. Но какой Россіей? Уменьшенной въ своихъ размѣрахъ, лишенной въ пользу своей соперницы наиболѣе цвѣтущихъ областей... Считая себя одного способнымъ произвести такую ампутацію, король давалъ посламъ приказаніе ничего не рѣшать окончательно, а лишь намѣтить основныя условія договора. Послѣ этого въ Краковъ должны прибыть представители Димитрія, облеченные самыми широкими полномочіями. Здѣсь и будетъ произведено расчлененіе Россіи съ возможно полнымъ удовлетвореніемъ Польши **).

Каковы же были конкретныя требованія Сигизмунда? Прежде всего онъ желалъ огромныхъ территоріальныхъ уступокъ. Онъ высказывалъ притязанія не только на Смоленскъ и Сѣверскъ, какъ это было въ 1600 году, но еще на Новгородъ, Псковъ, Луки, Бѣлый, Торопецъ, Вязьму, Дорогобужъ и нѣсколько другихъ областей. Этотъ захватъ

*) С.-Петербургъ, Публичн. библіотека *Автографы*, 63, т. II, Л. 28. Ptaszycki pismo, стр. 44.

**) Краковъ, Музей Чарторыйск. 2101. Л. 24 v° и слѣд.

именовался возстановленіемъ прежнихъ границъ Рѣчи Посполитой. Димитрій долженъ былъ, не всматриваясь особенно въ основу притязаній короля, повѣрить, что всѣ эти земли нѣкогда принадлежали Литвѣ. Онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что возстанавливаетъ это княжество въ его исконныхъ правахъ и предѣлахъ.

Такимъ образомъ Сигизмунду однимъ почеркомъ пера отдавалось то, чего никогда не могъ бы завоевать польскій мечъ. Не подвергаясь случайностямъ битвъ, Польша этимъ пріобрѣтеніемъ раздвинула бы свои границы. И, въ концѣ-концовъ, король все же оказывался, по его мнѣнію, сговорчивымъ. Если ему отказывали въ цѣломъ государствѣ, онъ довольствовался лучшей его частью.

Неопредѣленныя обѣщанія относительно Швеціи, нѣкогда данныя Димитріемъ Гонсѣвскому, были уже недостаточны. Отъ царя требовали свободнаго прохода польскихъ войскъ до Финляндіи и обязательства снабжать ихъ деньгами на провіантъ и обмундировку. Польскій король видѣлъ себя уже королемъ Швеціи. Неограниченный властитель страны, въ Стокгольмѣ, во дворцѣ династіи Ваза, онъ уже обсуждалъ въ мечтахъ своихъ условія союза противъ турокъ. Въ настоящій же моментъ Димитрій, яко бы стремившійся стать активнымъ дѣятелемъ этой лиги, долженъ былъ тѣснить татаръ, союзниковъ турокъ. Таковъ былъ лучшій совѣтъ, который смогли ему дать.

Достигнувъ своего апогея, эта идеальная Польша Сигизмунда, увеличенная насчетъ русскихъ областей и усиленная Швеціей, должна была протянуть руку развѣнчанной, почти обезглавленной Россіи, чтобы заключить съ ней наступательный и оборонительный союзъ. Тутъ король почти дословно воспроизводилъ статьи 1600 года, создававшія изъ Россіи вторую Литву *).

Нѣкогда бояре Годунова дали самый рѣзкій отпоръ

*) *Соловьевъ*, т. VIII, стр. 23; La Russie et le s. Siège, т. II, стр. 374.

Льву Сапѣгѣ при одномъ лишь упоминаніи о подчиненной роли Москвы. Однако, король не воспользовался этимъ урокомъ; онъ повторялъ прежнія ошибки. Можетъ-быть, тутъ дѣйствовалъ расчетъ на новую польскую партію, образовавшуюся въ Кремлѣ; можетъ-быть, у Сигизмунда была надежда воспользоваться переговорами относительно титуловъ. Дѣло въ томъ, что этотъ безконечный вопросъ все еще не былъ рѣшенъ. Онъ являлся въ двоякомъ освѣщеніи: по мнѣнію поляковъ, Димитрій былъ черезчуръ требователенъ самъ и слишкомъ скупъ по отношенію къ Сигизмунду. Послы должны были по этому поводу въ мягкой формѣ упрекнуть Димитрія, напомнить ему о благодѣяніяхъ короля, подать надежды и направить дѣло въ надлежащую инстанцію,—иначе говоря, передать его Сейму.

На пути въ Москву такъ же, какъ и отецъ Савицкій, послы Сигизмунда, ѣхавшіе со своимъ удивительнымъ проектомъ, встрѣтились съ Александромъ Рангони. Мы уже ознакомились съ его отчетомъ папѣ относительно своей миссіи. Однако, необходимо еще разъ вернуться къ этому предмету, чтобы дополнить его характеристику. Димитрій бесѣдовалъ со своимъ старымъ другомъ не только о Римѣ, но также и о Польшѣ. Онъ даже далъ ему инструкціи для переговоровъ съ королемъ *). Рангони избавилъ бы пословъ отъ многихъ непріятностей, если бы показалъ имъ эти инструкціи. Однако, требованія дипломатической корректности не допускали такой чрезмѣрной любезности. Всѣ детали Рангони долженъ былъ передать лишь Павлу V да кардиналу Боргезе, чтобы Ватиканъ былъ въ курсѣ создавшагося положенія.

Это положеніе становилось все болѣе и болѣе натянутымъ. Письма изъ Кракова, а также отъ Бучинскаго открыли царю, что фонды его стремительно падаютъ, и что король сомнѣвается въ его дружбѣ. Собственныя догадки приводи-

*) Ватик. архивъ, отд. Боргезе, II, 499, Instructio, ad. S. Regem Poloniae.—Rome et Demetrius, стр. 169, № 11. *Собр. Госуд. Грам., т. II*, стр. 226, № 103.

ли его къ тѣмъ же заключеніямъ. Однако, Димитрій еще не унывалъ. Онъ притворялся удивленнымъ, почти возмущеннымъ. Въ чемъ его подозрѣваютъ? Почему не вѣрятъ его преданности и признательности королю Сигизмунду; почему сомнѣваются въ его желаніи удовлетворить короля? Димитрій разсчитывалъ, что Рангони разсѣетъ досадные слухи. Онъ обѣщалъ оказывать королю полное уваженіе и обращаться къ нему даже не какъ къ брату, а какъ къ отцу. Чтобы доказать это, онъ возобновилъ свои предложенія относительно Швеціи. Сигизмунду стоитъ только вымолвить слово, и надъ Карломъ и принцемъ Густавомъ совершится кара. Дальше этого уступки Димитрія не шли. Въ качествѣ вознагражденія за нихъ онъ хотѣлъ, чтобы полностью и офиціально были признаны его титулы. То былъ не простой капризъ. За споромъ изъ-за формы скрывалось нѣчто болѣе серьезное. Важность этой стороны дѣла самъ царь объяснилъ Рангони: „Процесся слухъ, — сказалъ онъ, — что я обѣщалъ уступить нѣсколько областей польскому королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть это. Вотъ почему я настаиваю на моихъ титулахъ". Говоря такъ, царь открывалъ правду лишь наполовину. Не только шелъ слухъ о территоріальныхъ уступкахъ, но, по всѣмъ видимостямъ,онъ былъ безусловно вѣренъ. Теперь Димитрій отказывался отъ своихъ прежнихъ обѣщаній; пользуясь посредничествомъ Рангони, онъ хотѣлъ освѣдомить Сигизмунда о невозможности настаивать на передачѣ Польшѣ русскихъ областей. Переходя затѣмъ къ польскому вопросу во всемъ его объемѣ, онъ ограничился высокопарными общими мѣстами: болѣе конкретныя свои рѣшенія онъ откладывалъ до прибытія воеводы Сандомирскаго. Легко догадаться, какой пріемъ ожидалъ пословъ, которые должны были именовать „непобѣдимаго Цесаря" великимъ княземъ, и ѣхали, чтобы отнять у Димитрія половину его царства.

Въ свою очередь, Димитрій даже не давалъ себѣ труда прикрыть свое отступленіе. Онъ отказывался наотрѣзъ и не

затруднялъ себя пустыми извиненіями. Откуда же бралась у него эта смѣлость? Не чувствовалъ ли онъ въ Польшѣ какой-нибудь поддержки? Этотъ вопросъ—далеко не праздный. Онъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Въ то время, какъ Димитрій торжествовалъ побѣду, Польша переживала чрезвычайно опасный кризисъ. Сигизмундъ III не умѣлъ завоевать симпатіи своихъ подданныхъ. Его скандинавскій характеръ былъ чуждъ „французамъ сѣвера“: ихъ легко воспламеняющаяся, непостоянная натура была прямой противоположностью ледяной сдержанности короля. Мы уже говорили, что политика Сигизмунда была столь же непопулярна, какъ и самая его личность. Онъ не обладалъ ни открытой добротой Ягеллоновъ, ни твердымъ характеромъ Баторія: нація не чувствовала себя связанной съ нимъ. Господствующая черта короля, т.-е. незыблемость его религіозныхъ убѣжденій, дѣлавшая его столь дорогимъ папѣ и католической партіи, навлекала на него неукротимую вражду диссидентовъ и ихъ приверженцевъ. Все растущее общественное недовольство вылилось въ апрѣлѣ 1605 г. въ „рокошъ“ т.-е. въ возмущеніе, признаваемое, благодаря смѣлой фикціи, за законную форму протеста.

На самомъ дѣлѣ, этотъ палладіумъ польскихъ вольностей былъ простымъ предлогомъ для гражданскихъ войнъ. На этотъ разъ междоусобіе приняло самый ожесточенной характеръ. Вся страна была охвачена анархіей. Оппозиція созывала сеймы, излагала свои обиды, произносила зажигательныя рѣчи, организовала вооруженныя силы. Наконецъ, она объявила короля низложеннымъ и дала ему нѣсколько сраженій. При этомъ она вела переговоры съ королемъ, какъ самостоятельная держава. Сигизмундъ подвергся большимъ опасностямъ и чуть не лишился трона. Лишь съ большими усиліями, 8-го октября 1606 года это ненавистное королю возстаніе было подавлено и порядокъ возстановленъ *).

*) Wielewicki, т. II, отъ стр. 120 по 217, данъ полный очеркъ этихъ событій.

Оказывается, что сторонники рокоша были заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ Москвою и даже въ томъ, что имъ была предложена царю корона Ягеллоновъ. Димитрій яко бы принялъ это предложеніе. Чтобы довести дѣло до конца, онъ согласился оказать своимъ сторонникамъ щедрую денежную помощь, а также поддержать ихъ вооруженной силой. Безспорно, это обвиненіе было тяжко. Но настолько ли вѣски данныя, подтверждающія его? Дѣйствительно, иногда какъ будто можно встрѣтить намеки на нѣчто подобное. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ нунцію Рангони исповѣдникъ короля, о. Барчъ, сожалѣетъ, что Димитрій далъ себя склонить льстецамъ, обѣщающимъ ему польскій престолъ. Далѣе, онъ взвѣшиваетъ шансы царя на прощеніе при краковскомъ дворѣ *).

Нѣкій анонимный авторъ утверждаетъ болѣе категорически и опредѣленно, что онъ слышалъ изъ устъ самого Сигизмунда, будто Димитрій готовъ отправить сторонникамъ рокоша сто тысячъ флориновъ и будто поляки видѣли въ Москвѣ полки, предназначенные на помощь возставшимъ **).

Такіе слухи распространялись, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ сферахъ, и каждый давалъ имъ свою оцѣнку. Такъ, нунцій Рангони разсматривалъ ихъ съ точки зрѣнія интересовъ Церкви. Вѣлевицкій пишетъ, не колеблясь, что Димитрій одно время хотѣлъ „лишить Сигизмунда его королевства“ ***).

Нѣкоторыя двусмысленныя фразы самого царя и его личныя дружескія отношенія могли, пожалуй, дать пищу

*) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 230, собственноручный post scriptum Рангони на депешѣ отъ 25 декабря 1606 года.

**) Ватиканскій Архивъ, отд. Боргезе, IV, 81, анонимные мемуары De varüs periculis ac miro tandem exitu motuum Regni Poloniae Rocossanorum. vrebe Commentarium.

***) Тургеневъ, т. II, стр. 136, n⁰ LXXVIII, т. II, 145. Стокгольмъ, королевскій архивъ, отд. Браге, 339 causae consiliumque belli Moscovitici.

этимъ слухамъ. Дѣйствительно, душой рокоша и главнымъ его руководителемъ былъ тотъ самый Николай Жебржидовскій, который въ свое время такъ повліялъ на „царевича“ и съ такой энергіей поддерживалъ его дѣло. Enfant terrible партіи, Станиславъ Стадницкій, прозванный дьяволомъ, также былъ другомъ Димитрія, родственникомъ Марины и братомъ ея министра двора. Царю онъ дарилъ великолѣпныхъ коней; но для польскаго короля у него находилась лишь изступленная брань *).

Передъ лицомъ подобныхъ фактовъ, подозрѣнія короля, совершенно естественно, должны были казаться основательными. Идея славянскаго единенія пріобрѣтала все большую и большую популярность. Новизна дѣла не устрашала сторонниковъ рокоша. Они ненавидѣли Сигизмунда и готовы были на крайнія средства. И, все-таки, было бы черезчуръ смѣло признать догадки за дѣйствительность и утверждать, что Димитрій былъ, на самомъ дѣлѣ, замѣшанъ въ рокошѣ. Нѣкоторые намеки на это имѣются, но доказать это совершенно невозможно И король польскій, и царь московскій вели двойную игру. Оффиціально одинъ требовалъ московскихъ областей; другой, опираясь на свои титулы, отказывался отъ подобныхъ уступокъ.

Тайно же русскіе обѣщали Сигизмунду московскую корону, а поляки, можетъ-быть, въ свою очередь, предлагали Димитрію престолъ Ягеллоновъ. Интересы сторонъ перепутались; интригамъ не было конца.

---

*) Niemojewski, стр. 94.

Книга IV.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РАЗВЯЗКА.

Вѣнчаніе Марины на царство.
1606 года, 18 мая.

Эфемерное царствованіе. — Разнорѣчивые отклики его. — Новый типъ царя.—Радости жизни и власти. — Новый дворецъ. — Церемоніалъдвора.— Почетная стража. — Димитрію предстоитъ управлять Россіей опричнины. — Церковь остается неприкосновенной. — Школа не затронута реформой.—Созданіе Государственнаго Совѣта.—Обновленная Дума.—Ея составъ.— Недостаточная освѣдомленность. — Абсолютизмъ Димитрія. — Крѣпостное право землевладѣльцевъ. — Податныя сословія. — Военные вопросы. — Союзъ противъ турокъ. Умѣренность реформъ. — Отливка пушекъ.— Адская машина. — Честолюбивыя замыслы. — Торговля. — Импровизованная система.—Поляки и литовцы.—Покровительство англичанамъ.—Купцы изъ Аугсбурга и Италіи. — Драгоцѣнности принцессы Анны. — Медвѣжья охота. — Соблазнительные слухи. —Тридцать беременныхъ дѣвушекъ. —Доля истины. — Прекрасная Ксенія. — Вмѣшательство Мнишка. — Удовлетвореніе Мнишка Димитріемъ.—Марина въ Пронднинкѣ.—Бракъ Сигизмунда III.—Самборскій караванъ.— Родственники и друзья Мнишка.—Женскій персоналъ.— Помаскій, Савицкій, шесть бернардинцевъ.—Двѣ тысячи отъѣзжающихъ.— Оркестръ и шутъ.—Двѣ коллегіи іезуитовъ на пути.—Пріемъ въ Россіи.—Проповѣдь отца Савицкаго.—Встрѣча съ „боярами".—Лубны и Смоленскъ.—Можайскъ и Николай Чудотворецъ.—Посѣщеніе монастыря.—Мнишекъ въ Москвѣ.—Душевное состояніе Марины.—Бесѣда съ Савицкимъ.—Вступленіе въ столицу.—Марина въ Вознесенскомъ монастырѣ.—Бурная аудіенція.—Оцѣнка краковскаго обрученія. — Разрѣшеніе папы. — Требованіе второго крещенія.—Умѣренные довольствуются міропомазаніемъ.—Обманъ. Оффиціальная программа.—Марина въ Кремлѣ.—Помолвка согласно церемоніалу.—Рѣчи.— Въ Успенскомъ соборѣ. —Критическій моментъ. —Отказъ отъ причастія. —Разбитый сосудъ.—Затрудненія по поводу этикета. —Отказъ пословъ.—Брачный пиръ.—Слова Димитрія.—Танцы и турниръ.—День 20-го мая.—Инцидентъ съ Гонсѣвскимъ. —Праздникъ 25-го мая.—Угроза смертью. Признаніе Олесницкаго.—Дѣла.—Отвѣтъ Димитрія.

Димитрій царствовалъ всего 11 мѣсяцевъ. Онъ появился, какъ метеоръ. Затѣмъ обманчивый блескъ его смѣнился

тьмою. Исторія самозванца трагична, почти необъяснима. Къ оцѣнкѣ ея слишкомъ примѣшивается партійность. Поэтому свидѣтели той и другой стороны одинаково сомнительны. Въ довершеніе несчастья, время, войны и огонь истребили большинство безспорныхъ документовъ. Отъ этой эпохи намъ остались только разнорѣчивыя показанія заинтересованныхъ лицъ.

Сомнительный потомокъ Рюрика не имѣлъ ничего общаго съ прежними московскими царями. Ни образомъ мыслей, ни вкусами, ни самой внѣшностью онъ не походилъ ни на Ивана Васильевича, ни на Василія Ивановича. То былъ совершенно новый типъ. Однако, въ характерѣ его не было рѣзко выраженныхъ чертъ.

Впечатлительная натура „царевича" настраивалась сообразно внѣшнимъ условіямъ, въ соотвѣтствіи съ временными успѣхами или неудачами... Въ различныя эпохи своей жизни Димитрій былъ разнымъ человѣкомъ.

Послѣ испытаній, пережитыхъ Димитріемъ, въ Москвѣ онъ развернулся во всю. Наступала пора радостей жизни и власти. Въ Кремлѣ воцарились пышность и блескъ. Сумрачное жилище прежнихъ государей не по душѣ было молодому царю. Ему нужно было что-нибудь болѣе декоративное, нѣчто болѣе свѣтлое и веселое. Скоро былъ построенъ новый дворецъ. Онъ представлялъ изъ себя зданіе, раздѣленное на двѣ части. Одна предназначалась царю, другая—его супругѣ. Съ точки зрѣнія искусства, этотъ дворецъ не могъ соперничать съ шедеврами Фіоравенти и Солари. Зато онъ былъ обширенъ, легокъ и не имѣлъ въ себѣ ничего мрачнаго. Внутренняя отдѣлка его поражала роскошью: стѣны были обиты богатыми тканями, полы покрыты дорогими коврами, всюду блистала позолота. Въ общемъ, дворецъ производилъ впечатлѣніе даже на поляковъ, и Димитрій чувствовалъ себя прекрасно среди всего этого великолѣпія... Имъ же былъ возстановленъ церемоніалъ двора, заимствованный нѣкогда изъ Византіи, со всей его іерархической сложностью. Кромѣ

того, была учреждена почетная стража, набранная исключительно изъ иностранцевъ. Ей было поручено всюду сопровождать царя и охранять его особу. Въ этой гвардіи состояло триста бравыхъ молодцовъ. Стража раздѣлялась на три дружины: одну—стрѣлковъ и двѣ—алебардщиковъ. Стрѣлками, т.-е. отборнѣйшей частью, командовалъ полковникъ Маржеретъ, до этого бывшій на службѣ у Годунова. Богатство одѣянія у стрѣлковъ не оставляло желать ничего. Плащи ихъ были изъ бархата и парчи, бердыши съ рукоятками, обвитыми серебряной проволокой. Два остальные отряда подъ начальствомъ англичанина Кнаустона и шотландца Альберта Лансіа, имѣли платье изъ фіолетоваго сукна и отличались другъ отъ друга лишь цвѣтомъ обшивокъ: у однихъ онѣ были изъ зеленаго, у другихъ изъ краснаго бархата. И офицеры, и солдаты получали повышенное жалованье. Этимъ хотѣли купить ихъ преданность. *) Изъ нѣдръ своего дворца, пропикнутаго уже духомъ современности, Димитрій управлялъ отсталой и волнующейся страной. Онъ былъ первымъ царемъ, переступившимъ заколдованный кругъ и видѣвшимъ своими глазами хоть часть Европы. Его умственный горизонтъ раздвинулся въ Польшѣ. Различіе между Рѣчью Посполитой и Москвой было слишкомъ разительно и менѣе всего лестно для родины Димитрія. Страна, провозгласившая его царемъ, уже не была древней Русью, легко поддающейся всякому воздѣйствію; она не была и Россіей Ивана III-го, освѣщенной блѣдными лучами возрожденія. То была Россія опричины, звѣрски отброшенная назадъ Иваномъ IV, зараженная въ самыхъ своихъ нѣдрахъ и далеко еще не излѣчившаяся отъ своихъ недуговъ. То была Россія, полная предательствъ и интригъ, гдѣ перепутались всѣ партійные счеты, гдѣ все было охвачено смутой. Это подточенное, трещащее по всѣмъ швамъ зданіе не внушало Димитрію никакой симпатіи. Охотно онъ

*) *Маржеретъ*, стр. 87. Massa, т. II, стр. 145. 148. Russell, стр. 8.

разрушилъ бы его сильными ударами молота и построилъ бы заново. Тѣмъ не менѣе, ему приходилось считаться съ оппозиціей и соизмѣрять свои силы.

Судя по разговорамъ, которые велъ Димитрій въ Путивлѣ, еще во время похода, можно было прежде всего ждать отъ него соціальныхъ и церковныхъ реформъ. Однако, достигнувъ трона, царь не торопился съ преобразованіями. Мы видѣли выше, что онъ остерегался трогать православную церковь. За исключеніемъ обычнаго для гражданской власти вмѣшательства въ церковныя дѣла, Димитрій избѣгалъ произвола въ этой сферѣ. Отношенія между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ остались прежними; проекты соединенія съ Римомъ отложены были на неопредѣленное время. Не возникало больше и вопроса о спорахъ съ католиками, а мысль о конфессіональномъ съѣздѣ, намѣченная въ Краковѣ и сообщенная Рангони, такъ и не вышла изъ сферы идеальныхъ предположеній. Равнымъ образомъ, очевидно, опасно было создавать шумъ и вокругъ школы—въ странѣ, гдѣ ученые слыли за колдуновъ, а наука считалась ересью. Борисъ Годуновъ обнаруживалъ въ этомъ направленіи нѣкоторую инціативу. Онъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ Любекъ и въ Лондонъ обучаться иностраннымъ языкамъ, а также пригласилъ въ Россію ученыхъ изъ-за границы. Димитрій не пошелъ такъ далеко: онъ ограничился лишь повтореніемъ своихъ обѣщаній и подходилъ къ ихъ осуществленію очень осторожно.

Чисто-гражданская и административная области легче поддавались экспериментамъ, нежели церковь и школа. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ новаго правительства было созданіе чего-то вродѣ государственнаго совѣта. Если угодно, то былъ возвратъ къ древнимъ традиціямъ, нѣсколько лишь исправленнымъ и подновленнымъ. Нѣкогда бояре и высшее духовенство принимали участіе въ государственномъ управленіи. Наиболѣе видные изъ нихъ, объединяясь въ Думѣ, образовали ближайшій совѣтъ царя и, насколько возможно

было, умѣряли его власть. Въ этомъ былъ зародышъ свободы, плохо мирившейся съ началами деспотизма. Поэтому по мѣрѣ того, какъ режимъ московскаго царства все болѣе и болѣе склонялся въ сторону византійской автократіи, значеніе Думы падало. Произволъ Ивана IV и несчастія послѣднихъ лѣтъ окончательно нарушили правильность ея функцій и извратили всю ея дѣятельность. Теперь, по миновапіи кризиса, предполагалось возстановленіе Думы.

Возможно, что и здѣсь Димитрій былъ не вполнѣ свободенъ, и что прежнія обязательства оказывали на него давленіе. Если только Петръ Аркудій достаточно хорошо освѣдомленъ, то надо имѣть въ виду, что польскія вольности давно прельщали русскихъ: поэтому они заблаговременно и поставили Димитрію свои условія. „Царевичъ" зналъ прекрасно, какъ ему поступать: для того, чтобы заставить ворота Москвы открыться передъ собой, онъ не скупился на обѣщанія. Самъ Мнишекъ въ письмахъ къ боярамъ и „рыцарству" утверждалъ, что сердцу царя близка мысль о расширеніи ихъ правъ. Принимая во вниманіе эти заявленія, мы склонны думать, что учрежденіе государственнаго совѣта отвѣчало требованіямъ общественной мысли и удовлетворяло совершенно опредѣленнымъ желаніямъ извѣстныхъ группъ. Самая физіономія совѣта съ его четырьмя разрядами членовъ, съ его способомъ пополненія членовъ напоминаетъ древнюю боярскую думу. Первый разрядъ членовъ совѣта составляло духовенство съ патріархомъ Игнатіемъ во главѣ. Патріархъ сидѣлъ по правую руку, царя, на почетномъ мѣстѣ. Съ той же стороны, но на почтительномъ разстояніи сидѣли четыре митрополита, шесть архіепископовъ и три епископа. Тридцать два боярина, составлявшіе второй разрядъ, всѣ принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Среди нихъ были и Нагіе, какъ близкіе родственники царя, и начальники войскъ, отправленныхъ нѣкогда противъ претендента, и опальные Бориса Годунова, и любимцы новаго царя. Уже одно это перечисленіе представляетъ характерную страницу

исторіи. Наконецъ, въ составъ двухъ остальныхъ разрядовъ входили семнадцать окольничьихъ и шесть дворянъ. Перечень членовъ, дошедшій до насъ, написанъ рукою секретаря, Бучинскаго. Подыскивая имя новому совѣту, Бучинскій находитъ, наконецъ, слово сенатъ, заимствуя его, очевидно, у Польши. Это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой реформѣ учрежденія древней Думы: но здѣсь прекращается наша освѣдомленность. Ни одинъ изъ актовъ, вышедшихъ изъ этого совѣта, не пережилъ его. Намъ ничего неизвѣстно ни о предѣлахъ его правъ, ни о сферѣ его дѣятельности, ни, вообще, о его работѣ *). Что касается Димитрія, то онъ скорѣе склонялся къ абсолютизму. Его отвѣты боярамъ, переданные Аркудіемъ, какъ мы припомнимъ, были весьма осторожны и даже уклончивы; когда же онъ говорилъ съ нунціемъ Рангони о церковныхъ дѣлахъ, онъ самъ сравнивалъ себя съ ѣздокомъ, который умѣетъ сдерживать своего коня.

Однако, въ другихъ отношеніяхъ, Димитрій обнаруживалъ больше либерализма. Въ царствованіе Годунова простой народъ утратилъ свою свободу. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Появилось рабство. Нѣкоторыя распоряженія Димитрія свидѣтельствуютъ о его вниманіи къ интересамъ справедливости и законности. Такъ, напр., при немъ отцу семьи было запрещено отдаваться въ кабалу за все свое потомство. Всякій могъ признать надъ собою власть господина, сколько ему было угодно, — но всѣ обязательства относительно дѣтей аннулировались: цѣпи рабства сохраняли личный характеръ, и такимъ образомъ самыя вопіющія злоупотребленія предупреждались въ корнѣ. Права господъ по отношенію къ кѣпостнымъ были ограничены: помѣщикъ могъ владѣть крестьянами лишь при непремѣнномъ условіи обезпечить ихъ пропитаніемъ. Если

*) *Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 207, № 93, стр. 210, № 94. Справки въ красномъ трудѣ *Ключевскаго*—Боярская Дума.

во время голода землевладѣлецъ не имѣлъ, чѣмъ прокормить крестьянъ, то онъ терялъ право владѣть ими. Взиманіе налоговъ, часто несправедливое и произвольное, было также регламентировано, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ. Это было достигнуто устраненіемъ заинтересованныхъ агентовъ *). Безъ сомнѣнія, все это были лишь частичныя мѣры. Нельзя видѣть въ нихъ ни системы аграрнаго законодательства, ни финансовой реформы государства. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь сказываются гуманныя намѣренія Димитрія.

Впереди всѣхъ вопросовъ государственной жизни для новаго царя стоялъ военный вопросъ. Онъ былъ слишкомъ сродни пламенной натурѣ царя и, видимо, волновалъ его. Военныя реформы были неизбѣжны въ будущемъ, но въ любой моментъ онѣ могли принять характеръ самой настоятельной необходимости. Границамъ Россіи неотступно угрожали съ востока—татары, съ запада—нѣмцы. Мы не говоримъ о полякахъ; съ ними оффиціально Россія была въ мирныхъ отношеніяхъ. Тайныя мечты Димитрія шли дальше заботъ о національной оборонѣ. Фантастическій союзъ противъ турокъ не выходилъ у него изъ головы. Онъ уже видѣлъ себя во главѣ антиоттоманской лиги, бросающимъ на Босфоръ побѣдоносныя арміи и идущимъ по слѣдамъ Стефана Баторія. Военныя реформы открывали обширное поле дѣятельности для даровитаго человѣка, и Димитрій понималъ это. Однако, если онъ и хотѣлъ преобразованій, то его мѣропріятія не были ни радикальны, ни смѣлы. Царь не думалъ создавать что-либо новое и прочное; онъ даже не искалъ у другихъ указаній или образцовъ. Онъ довольствовался случайными мѣрами, ограничиваясь наличными средствами, которыми располагала страна, и помощью нѣсколькихъ спе-

*) *Акты Истор.*, т. II, стр. 76, 77, № 61 и 62. *Акт. Собр.*, т. II, стр. 95 № 40.

ціалистовъ, присланныхъ ему изъ Италіи и Англіи. Впрочемъ, здѣсь онъ потрудился не мало. Выправка солдатъ особенно занимала царя. Онъ усилилъ воинскія упражненія и расширилъ фабрикацію оружія и амуниціи. Недалеко отъ дворца Димитрій устроилъ пушечный заводъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ его и много времени проводилъ за опытной стрѣльбой. Ему даже приписываютъ изобрѣтеніе новаго военнаго механизма. Однако, это изобрѣтеніе болѣе создало легендъ, чѣмъ поразило враговъ. Лѣтописи заклеймили его именемъ ада или адской машины. Весьма вѣроятно, то была одна изъ тѣхъ небольшихъ подвижныхъ крѣпостей, которыя часто употреблялись русскими. Онѣ передвигались на каткахъ и скрывали въ себѣ стрѣлковъ. Димитрій, видимо, переустроилъ такую подвижную крѣпостцу по-своему. Что особенно поражало современниковъ въ этой машинѣ, такъ это адскія сцены, изображенныя на ея стѣнкахъ: здѣсь были нарисованы чудища и демоны, изрыгающіе пламя. Этого было достаточно, чтобы оправдать толки о занятіяхъ царя чернокнижіемъ *). Къ воинственности у Димитрія примѣшивалось честолюбіе. Подъ предлогомъ антимусульманской лиги онъ мечталъ создать себѣ видное положеніе въ Европѣ. Припомнимъ, что, предлагая папѣ свой мечъ противъ турокъ, царь стремился вступить въ семью западныхъ державъ. Другимъ путемъ единенія съ внѣшнимъ міромъ, средствомъ стать извѣстнымъ и сдѣлаться предметомъ исканій являлась торговля. Димитрій понялъ и оцѣнилъ ея важность. Конечно, ему были неизвѣстны теоріи свободнаго обмѣна и протекціонизма. Но онъ инстинктивно чувствовалъ, что путы, стѣсняющія торговлю московскаго государства, отрежили свой вѣкъ. Что касается непомѣрно широкихъ привиллегій, данныхъ иностранцамъ, то онѣ не внушали Ди-

*) Неаполь, Національная Библіотека X, G, 12, t. 47. Niemojewski стр. 119. Massa, т. II, стр. 149. *Платоновъ*, Сказанія, стр 4.

митрію опасеній. Его система, если только онъ имѣлъ ее, видимо, заключалась въ томъ, чтобы открыть для всѣхъ двери страны, привлечь отовсюду купцовъ и оказывать широкое покровительство торговлѣ, хотя бы даже за счетъ доходовъ государства. Онъ былъ убѣжденъ, что впослѣдствіи всѣ такія жертвы будутъ вознаграждены сторицей. Поэтому царь предоставилъ полякамъ и литовцамъ право пріѣзжать прямо въ Москву и привозить свои товары. Теперь для нихъ не было ни принудительныхъ остановокъ на границѣ, ни крѣпкихъ заставъ въ пути, ни дорого стоющихъ и стѣснительныхъ формальностей. Такія же льготы были предоставлены и русскимъ въ Польшѣ.

Англичане, поддерживаемые, можетъ-быть, своими московскими доброхотами, заняли самое благопріятное положеніе. Когда Димитрій еще шелъ на Москву, онъ уже интересовался Великобританіей. По прибытіи въ Тулу, онъ распорядился, чтобы о немъ сообщили англійскому агенту, Джону Меррику, который поспѣшилъ представиться будущему царю. Едва водворившись въ Кремлѣ, новый государь отправилъ пословъ въ Архангельскъ, гдѣ британскій посланникъ, Томасъ Смитъ, готовился къ отплытію на родину. Въ Архангельскѣ у него потребовали обратно письма, полученныя отъ Годунова. Эти письма были замѣнены другими, адресованными королю Іакову I-му. Въ нихъ англичанамъ давались обѣщанія широкихъ привиллегій и возвѣщалось о прибытіи въ близкомъ будущемъ въ Лондонъ русскаго посольства. Англичане охотно воспользовались этой любезностью. Смѣлое путешествіе Ричарда Ченслера открыло имъ доступъ въ Бѣлое море. Съ тѣхъ поръ они эксплуатировали Россію съ отвагой и предпріимчивостью, столь характерной для современнаго Карѳагена. Борисъ Годуновъ съ оскорбительной для русскихъ щедростью осыпалъ англичанъ всякими льготами. Казалось, что Димитрій хочетъ превзойти своего предшественника. Джонъ Меррикъ добился отъ него разрѣшенія, въ коемъ нѣкогда было отказано Пао-

летто Чентуріоне. Англичанамъ было предоставлено свободно объѣзжать страну и торговать безпошлинно *).

Вообще говоря, съ вступленіемъ на престолъ Димитрія, въ особенности же во время коронаціи Марины, замѣчается оживленіе въ Россіи торговой дѣятельности. Въ Польшѣ къ конвою царицы присоединился цѣлый караванъ купцовъ. Другая компанія ихъ быстро сформировалась въ Аугсбургѣ. Глава ея носилъ еврейское имя Натана. Въ числѣ компаньоновъ его былъ нѣкій Паэрле, которому вскорѣ пришлось сдѣлаться историкомъ своихъ собственныхъ несчастій. Жажда барышей привлекла въ Москву даже нѣсколькихъ итальянцевъ, напр., Челлари изъ Милана. Въ концѣ-концовъ, репутація Димитрія, какъ широкой натуры, въ особенности же охотника до драгоцѣнныхъ камней, настолько установилась, что сама принцесса Анна, сестра короля Сигизмунда, не выдержала передъ соблазномъ хорошей аферы. Она отправила въ Кремль цѣлую коллекцію драгоцѣнностей, которыя нѣкій польскій дворянинъ долженъ былъ продать царю **).

Несмотря на разнообразіе своихъ дѣловыхъ занятій, Димитрій не имѣлъ недостатка и въ досугѣ. Онъ спѣшилъ вознаградить себя за прошлыя лишенія. Видимо, въ Кремлѣ жизнь текла привольно. Любимымъ отдохновеніемъ царя была охота. Въ ней онъ обнаруживалъ рѣдкую смѣлость и ловкость. Однажды, въ присутствіи воеводы Мнишка, отъ приказалъ выпустить въ поле медвѣдя и, сѣвъ на коня, сначала преслѣдовалъ звѣря до устали; затѣмъ своею сильной рукой онъ такъ умѣло бросилъ копье, что медвѣдь палъ мертвымъ на мѣстѣ. Этотъ подвигъ прославился въ охотничьихъ лѣтописяхъ того времени. Однако, не всѣ забавы царя

---

*) Smites, 91, 103, Оксфордскій Queens College (№ CCCLXXXIV), обладаетъ одной грамотой Димитрія, данной англійскимъ купцамъ.

**) Вѣна, Госуд. Архив. Russica, 1607. 27 янв. Polonica 1609, Niemojewski, IX, 93.

были одинаковой пробы. Въ Краковѣ, въ Самборѣ и въ теченіе похода никто не замѣчалъ за Димитріемъ какой-либо слабости. По крайней мѣрѣ, никто не говорилъ объ этомъ. Совершенно иное оказалось тогда, когда обладаніе верховной властью позволило Димитрію удовлетворять всѣ свои прихоти и широко надѣлило его средствами для этого. Какъ и другіе русскіе цари, онъ не ложился спать трезвымъ. Хроника скандаловъ при кремлевскомъ дворѣ въ его царствованіе была очень богата. Многіе старались изобразить Димитрія какимъ-то развратнымъ сатрапомъ. Однако, всѣ розсказни относительно его распущенности болѣе пикантны, чѣмъ достовѣрны. Правда, анекдотъ о тридцати беременныхъ дѣвушкахъ добросовѣстно повторяется большинствомъ историковъ. Но можно ли признать его за истинный фактъ? По отношенію къ этимъ тридцати дѣвушкамъ свидѣтелемъ выступаетъ Исаакъ Масса; то былъ молодой голландскій купецъ, производившій свои разслѣдованія среди грабежа и кровопролитія, о которыхъ мы разскажемъ ниже. Исааку Масса повѣрили на слово, не задавясь вопросомъ, какъ ему удалось раскрыть эту акушерскую тайну. Однако, хотя такія подробности, очевидно, носятъ характеръ сплетни, основа ихъ остается неоспоримой. Серьезные свидѣтели высказываютъ сожалѣніе по поводу скандаловъ, связанныхъ съ именемъ царя; скорбятъ объ этомъ и сами его сторонники; обвиненіе въ распутствѣ носится въ воздухѣ *). Дѣло дошло до того, что самъ Мнишекъ вынужденъ былъ протестовать и читать царю мораль. Правда, ему не легко было принять на себя эту роль.

Припомнимъ, въ какой критическій моментъ Сандомирскій воевода оставилъ армію Димитрія. То было немедленно

*) Massa, т. II, Niemojewski, 15, 118; Wielewizki, II, 145: „Erat quod graves testes et rerum ejus conscii referebant, vitiis carnalibus peditus“...

послѣ возстанія, въ моментъ отчаянной борьбы съ препятствіями, лицомъ къ лицу со всевозможными неожиданностями. Въ дорогѣ Мнишекъ успокоился и, по прибытіи въ Самборъ, преподнесъ своимъ друзьямъ бернардинцамъ вытое золотомъ московское знамя. Это знамя было принято, какъ трофей побѣдоноснаго гетмана*).

Послѣ этого протекло много событій; но Мнишекъ все продолжалъ выступать передъ царемъ въ качествѣ просителя. То ему нужно, какъ всегда, удовлетворить своихъ кредиторовъ, то необходимо уплатить королю подати, а затѣмъ покрыть расходы по свадьбѣ Марины. Единственнымъ прибѣжищемъ для воеводы былъ его прежній протеже, снабжавшій его деньгами.

25-го декабря 1605 года Мнишекъ въ отчаянномъ письмѣ вновь обращается къ кошельку Димитрія. Подъ его перомъ тѣснятся краснорѣчивыя цифры; нужда его крайняя. И, все-таки, за бѣдствующимъ, разореннымъ магнатомъ вырисовывается фигура владѣтельнаго воеводы Сандомирскаго. Онъ лелѣялъ мечты о величіи своей семьи и родины; онъ уже видѣлъ передъ собою союзъ Польши съ Москвой, — и вдругъ все заколебалось: Димитрій ускользаетъ изъ рукъ своего тестя; онъ возстаетъ противъ короля и измѣняетъ Маринѣ. Волненіе воеводы достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ горячо увѣщеваетъ своего непостояннаго зятя, онъ умоляетъ его уладить свои отношенія къ королю и, наконецъ, подходитъ къ щекотливому вопросу, особенно удручающему его отцовское сердце.

Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ начали распространяться страшные слухи. Среди московскихъ женщинъ одна пользовалась славой рѣдкаго ума и несравненной красоты. То была Ксенія, дочь Бориса Годунова. Изъ всей семьи ей одной удалось избѣгнуть смерти и оковъ. Даже русскія лѣтописи, обычно столь сухія, отдаютъ Ксеніи дань удивленія.

---

*) Самборъ, Архивъ бернардинцевъ, Acta, f. III.

Заботливо воспитанная своимъ отцомъ и весьма начитанная, Ксенія привлекала къ себѣ взоры всѣхъ. Она обладала роскошнымъ станомъ, прекраснымъ, молочно бѣлымъ цвѣтомъ лица, нѣжнымъ румянцемъ, большими черными глазами. Ея темные волосы ниспадали на плечи тяжелыми косами. Злые языки утверждали, что Ксенія живетъ въ Кремлѣ, и Димитрій далеко не безразлично относится къ ней. Мнишка встревожили эти слухи. Ему была слишкомъ дорога честь его дочери. Онъ не могъ допустить, чтобы у нея была соперница. Поэтому онъ потребовалъ отъ Димитрія удалить отъ себя княжну, которая черезчуръ прекрасна, чтобы не вызывать подозрѣній*).

Намъ неизвѣстенъ точно отвѣтъ царя. Во всякомъ случаѣ, онъ успокоилъ тестя. Ксенія была удалена въ монастырь; неотложные долги Мнишка были уплачены, а Димитрій, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ торопить пріѣздъ своей невѣсты. Все уже было готово къ ея пріему; бояре, отправленные навстрѣчу, ждали ее на границѣ. Но Марина все не пріѣзжала. Это было тяжкимъ испытаніемъ для Димитрія. Онъ просилъ, умолялъ, онъ угрожалъ, наконецъ, что ѣдетъ въ походъ, но ничто не помогало*). Въ Москвѣ терялись въ догадкахъ. Какъ объяснить медлительность Мнишка? Въ дѣйствительности, воевода ожидалъ отвѣта изъ Рима относительно испрашиваемыхъ для Марины разрѣшеній. Ему было тяжело ѣхать съ неспокойной совѣстью. Поэтому онъ тронулся въ путь не ранѣе того, какъ у него явилась твердая надежда на своевременное полученіе ожидаемаго отвѣта.

Это путешествіе воеводы Сандомирскаго со свитой было настоящимъ походомъ переселенцевъ. Мы оставили Марину среди празднествъ, въ ожиданіи короны, въ слезахъ прощанія

---

*) *Русск. Истор. Библ.*, т. XIII, кол. 621, 652. *Собр. Госуд. Грам.*, т. II, стр. 241, № 112.

**) Пять писемъ Димитрія въ *Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 254, 282, № 118, 123, 128, 131, 132.

съ родиной. Затѣмъ она покинула столицу 3-го декабря и удалилась въ Пронднпкъ. Это сдѣлано было, чтобы избѣжать нѣкоторыхъ осложненій на почвѣ этикета. Дѣло въ томъ, что на слѣдующій день въѣзжала въ Краковъ великая герцогиня Констанція, невѣста Сигизмунда. Участіе двухъ государынь въ процессіи поставило бы въ крайнее затрудненіе церемоніймейстеровъ. Отъѣздъ Марины устранялъ деликатный вопросъ и облегчалъ ихъ задачу. Свадьба короля состоялась 11-го декабря 1605 года и обставлена была съ большой пышностью. Послѣ нея три дня тянулись безконечныя торжества, которыя могли бы привести въ отчаяніе самого Гаргантюа. Власьевъ находился среди гостей: конечно, онъ не упустилъ случая почудить. Будучи царскимъ посломъ, онъ потребовалъ мѣста впереди нунція. Такое притязаніе казалось ему законнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: онъ утверждалъ, что папа не можетъ имѣть при одномъ дворѣ двухъ легатовъ; а такъ какъ обязанности папскаго легата исполнялъ кардиналъ Мацѣйовскій, то нунція Рангони Власьевъ низводилъ на степень простого епископа. Впрочемъ, поляки скоро образумили его. Они предложили ему либо уйти, либо подчиниться ихъ требованіямъ. Уступивъ ихъ твердости, Власьевъ занялъ указанное ему мѣсто *).

Пока король наслаждался своимъ медовымъ мѣсяцемъ, Мнишки заканчивали приготовленія къ отъѣзду. Поѣздъ ихъ окончательно сформировался только въ Самборѣ. Для его снаряженія потребовалось три долгихъ мѣсяца. Особымъ приказомъ Сигизмунда всѣ судебные иски противъ Сандомирскаго воеводы пріостанавливались на время его путешествія. Эта милость была равносильна поручительству свыше **). Мы не знаемъ, предпринялъ ли король при осуществленіи своей милости какія-нибудь мѣры для обезпеченія исковъ или же только намекнулъ на тайные переговоры по

*) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 232, f. 85.

**) *Собр. Гос. грам.*, т. II, стр. 239, № III.

этому поводу съ русскими. Во всякомъ случаѣ, ничто не нарушило спокойствія отъѣзжающихъ. Объединенные между собой узами крови и дружбы, они помышляли только о радостяхъ, ожидающихъ ихъ въ Кремлѣ. Мнишекъ увозилъ съ собою своего сына Станислава, брата Яна, племянника Павла, зятя Константина Вишневецкаго, Сигизмунда и Павла Тарло и трехъ Стадницкихъ; изъ которыхъ одинъ былъ гофмейстеромъ Марины. Къ свитѣ Мнишка присоединились также Казановскій, Любомирскій, Доморацкій и Голуховскій. Вокругъ Марины группировался женскій персоналъ: Гербуртъ, Шмелевская и жены двухъ братьевъ Тарло. Гофмейстериной была Казановская *).

Церковный элементъ былъ широко представленъ въ свитѣ. Священникъ самборскій, Францискъ Помаскій, добровольно ѣхалъ въ Москву. Отецъ Савицкій отправлялся туда по порученію нунція, на средства папы. Миссія іезуитовъ должна была начаться въ Кремлѣ. Тамъ ихъ присутствіе должно было напомнить царю о его переходѣ въ католичество, совершившемся въ Краковѣ. Что касается Марины, то она оказывала предпочтеніе отцамъ бернардинцамъ. Они были ея друзьями. Отнынѣ они должны были стать духовниками царицы и въ далекой странѣ пробуждать незабвенныя воспоминанія о самборской жизни. Воевода раздѣлялъ симпатіи своей дочери и ввѣрялъ тѣмъ же монахамъ тайны своей совѣсти. Семь бернардинцевъ должны были сопутствовать своей духовной дочери. Наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ былъ отецъ Анзеринъ, нѣкогда ведшій споры съ Ди-

*) Основные источники для знакомства съ путешествіемъ Марины и событіями, относящимися къ нему, слѣд: Niemojewski, Stadnicki (Львовъ, Библ Баваров., Dyariusz Legacyi), Wielewicki (т. II), Dyamentowski (*Тургеневъ*, т. II, стр. 154 nº CI; Przeglond polski, 1867, стр. 487), Dyariusz... Poslow (*Тургеневъ*, т. II, стр. 92 nº LXXVII). Краковъ, музей Чарторыйскаго nº 1654 л. 32 по 159, Dyamentowski (подлинная копія); nº 1360, 1633. Львовъ, Библіотека Оссолинск., nº 113, f. 550; nº 196, f. 104.—Anserinus.

митріемъ. Въ настоящее время его преслѣдовали мрачныя предчувствія. Менѣе замѣтенъ, но не менѣе преданъ Мнишку былъ отецъ Антоній изъ Люблина. Только смерть разлучила его съ Мариной. Тутъ же находился братъ міряниnъ по имени Петръ. Онъ былъ опытнымъ врачомъ. *)

Общая численность отправлявшихся въ путь, по польскимъ источникамъ, достигала, приблизительно, двухъ тысячъ людей и такого же количества лошадей. Такое большое число отправляющихся объясняется присутствіемъ среди нихъ множества слугъ, которые, согласно обычаю, должны были окружать польскихъ магнатовъ. Станиславъ Мнишекъ не отказался даже отъ такой роскоши, какъ оркестръ: на свое иждивеніе онъ взялъ двадцать музыкантовъ и присоединилъ еще къ этому шута, Антоніо Ріати, родомъ изъ Болоньи. Только позже замѣтили, что выборъ слугъ былъ весьма неудаченъ. Въ самое трудное время среди нихъ появилось пьянство, начались ссоры, драки, убійства и развратъ. Между ними нашлась даже одна женщина, которая, желая скрыть свой позоръ, разрѣзала тайно рожденнаго ею ребенка на части и разбросала по крышамъ его окровавленные члены.

2-го марта 1606-го года поѣздъ Мнишковъ тронулся изъ Самбора. При видѣ одушевленія отправляющихся кто могъ бы предположить, что то былъ, въ сущности, отъѣздъ заложниковъ? Путешествіе, прерываемое продолжительными остановками, совершалось небольшими переходами. Аѳанасій Власьевъ, не разстававшійся больше съ Мариной, проклиналъ такую медлительность. Ради своего государя онъ хотѣлъ, чтобы Мнишекъ со своимъ поѣздомъ пожиралъ пространство; онъ и не скрывалъ своего желанія. Его приставанія сдѣлались, наконецъ, настолько назойливы, что Мни-

*) Самборъ. Архивъ бернардинцевъ, Kronika, л. 189, 190, 191. Краковъ. Музей Чарторыйск. Teka Naruszewicza, n° 108 л. 1681.—Frater aicus Petrus превратился, благодаря неопытнымъ переписчикамъ, въ frater lascus; нѣкоторые же пытались сдѣлать изъ него frater Lasky.

шекъ вышелъ изъ себя. Онъ отправилъ жалобу своему зятю. Въ ней онъ, между прочимъ, ссылался на свою старческую слабость, а также на необходимость быть внимательнѣе къ женщинамъ. У Власьева же относительно послѣдняго самыя странныя представленія. „Не можемъ же мы летѣть къ Вамъ“, писалъ воевода съ раздраженіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ нисколько не ускорилъ своего пути. *)

На дорогѣ путешественникамъ попались двѣ іезуитскихъ коллегіи: одна въ Люблинѣ, другая въ Несвижѣ. Первая удостоилась посѣщенія Марины; вторую же изъ-за соображеній этикета навѣстилъ только ея отецъ. Учащаяся молодежь громко воспѣвала героиню дня въ стихахъ и прозѣ, по-польски и по-латыни. Эти возгласы энтузіазма были послѣднимъ прости, которое посылала родина своей дочери, смѣло шедшей ради короны навстрѣчу неизвѣстности. Въ Оршѣ путешественники простились съ послѣдней на ихъ пути католической колокольней; 18-го апрѣля, перейдя мостъ черезъ Ивать, они вступили во владѣнія Димитрія.

Россія не слишкомъ радушно встрѣтила своихъ гостей. Погода была мрачная и облачная, воздухъ сырой, холодъ пронизывающій; дорога испорчена была выбоинами. Къ счастью, въ болотистыхъ мѣстахъ были устроены въ большомъ количествѣ мосты и гати: безъ этого двигаться впередъ было бы трудно. За два дня до перехода русской границы, 16-го апрѣля, отецъ Савицкій произнесъ полякамъ проповѣдь о томъ, какъ вести себя въ чужой землѣ. Какъ бывалый человѣкъ, онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ жить въ мирѣ съ русскими и подавать имъ хорошій примѣръ. Однако, попытка его была напрасна. Скоро отношенія между поляками и русскими стали настолько натянуты, что Мнишекъ былъ принужденъ издать строгіе „параграфы“ и назначить судей, дабы предупреждать споры и столкновенія, а, въ случаѣ нужды, возстанавливать согласіе. Поляки чи-

*) *Собр. Гос. грам.*, т. II, стр. 284 № 133.

стосердечно признаются, что эти знаменитые параграфы остались мертвой буквой. Самъ Савицкій не могъ пожаловаться на свою первую встрѣчу съ русскими. По его словамъ, четыре русскихъ „*боярина*“, попавшіеся ему въ одной деревнѣ, вытаращили на него глаза и подвергли тщательнымъ разспросамъ. Ихъ любопытство было ненасытимо. Они хотѣли знать все досконально: греческой вѣры Савицкій или латинской, священникъ онъ или монахъ, есть ли у Марины другіе священники или монахи, каковы у нихъ обряды и сколько ихъ всѣхъ? Іезуитъ былъ не слишкомъ склоненъ къ откровенности. Найдя бояръ болѣе словоохотливыми, нежели любезными, онъ скоро прекратилъ разговоръ.

20-го апрѣля произошла офиціальная встрѣча въ Лубно. Здѣсь все было предусмотрѣно заранѣе и устроено такъ, чтобы произвести извѣстный эффектъ. Поляки должны были почувствовать сразу, что отнынѣ они въ гостяхъ у великаго государя. Михайло Нагой и князь Мстиславскій привѣтствовали прибывающихъ. Какъ изливались они въ благодарностяхъ воеводѣ за то, что онъ былъ ангеломъ-хранителемъ ихъ царя! Какъ падали ницъ передъ Мариной! Какъ были счастливы цѣловать руку царицы и отдать себя въ ея распоряженіе! На другой день Марина была уже не простою дочерью воеводы. Тронулась въ путь невѣста царя въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ московскихъ всадниковъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ, чтобы видѣть будущую царицу; навстрѣчу ей выходило съ иконами духовенство. Въ городахъ ей устраивались восторженныя и шумныя манифестаціи.

Въ Смоленскѣ, русской крѣпости, которая скоро должна была отойти къ Польшѣ, отецъ Савицкій имѣлъ случай полюбоваться національнымъ ополченіемъ. Стрѣльцы въ своихъ широкихъ красныхъ кафтанахъ, съ длинными пищалями на плечахъ, показались ему бравыми воинами.

Можайскъ представлялъ интересъ въ другомъ отношеніи. Это былъ городъ святого Николы. Савицкому сообщили

мѣстную легенду объ этомъ чудотворцѣ и показали его богатыя иконы: іезуитъ отмѣтилъ глубокое почитаніе народомъ великаго угодника. Такъ какъ въ качествѣ проводника ему служилъ русскій священникъ, Савицкій рѣшилъ посѣтить одинъ изъ городскихъ монастырей. Послѣ нѣкотораго колебанія монахи приняли его и предложили пива и меду. Завязался разговоръ. Савицкій пожелалъ видѣть игумена. „Онъ показывается неохотно, — сказали ему,—все же время проводитъ въ молитвахъ“. Однако, благочестивый затворникъ вышелъ къ гостю самъ. По его колеблющейся походкѣ, по заплетающемуся языку можно было догадаться, какому богу онъ служитъ. Его веселость передалась всей компаніи и скоро пріобрѣла бурный характеръ. Въ крайнемъ смущеніи Савицкій пытался добраться до двери и, преслѣдуемый игуменомъ со стаканомъ въ рукѣ, едва спасся отъ гостепріимства монаховъ. Это событіе навело его на нѣкоторыя серьезныя размышленія.

Мнишекъ опередилъ свою дочь. 4-го мая онъ прибылъ въ Москву съ извѣстіемъ о близкомъ пріѣздѣ Марины. Немедленно начались аудіенціи, банкеты, и была устроена знаменитая охота на медвѣдя. Что касается Марины, то ей было предоставлено нѣсколько дней отдыха передъ празднествами. У воротъ столицы по этому случаю были устроены великолѣпныя палатки. Самая обширная, украшенная коврами и библейскими надписями, была обращена въ часовню. Каждый день въ присутствіи пріѣхавшихъ поляковъ тамъ совершалась месса.

Пребываніе въ этомъ лагерѣ продолжалось до 12-го мая. То была знаменательная дата для Марины: въ этотъ день царская невѣста должна была въѣхать въ Москву. Приготовленія Марины говорятъ о ея приподнятомъ настроеніи. Отецъ Савицкій явился свидѣтелемъ этого. Раннимъ утромъ, когда еще іезуитъ лежалъ на своей постели изъ листьевъ, Марина приказала позвать его и пожелала раскрыть ему свое сердце. Первый разъ она обращалась къ нему—и въ

какой моментъ! Послѣ исповѣди Марина прослушала мессу и причастилась святыхъ тайнъ. Въ ней какъ будто воскресла дѣвочка, воспитанная въ Самборѣ. Она явилась къ причастію преисполненной вѣры, твердой въ своемъ исповѣданіи; она спокойно вручала себя Провидѣнію и безтрепетно смотрѣла на предстоящія испытанія. Бесѣда съ отцомъ Савицкимъ вернула ее къ дѣйствительности. Духовникъ напомнилъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ ею въ Польшѣ тѣмъ, кто предназначалъ ей столь отвѣтственную роль при Димитріи. Зная неподатливость царя, онъ просилъ, чтобы, въ качествѣ личной милости, ему самому былъ облегченъ доступъ къ царицѣ. Марина покорно приняла его совѣты и дала ему лучшія завѣренія. Утѣшенный ея словами, Савицкій немедленно отправился въ Москву, чтобы броситься въ объятія отцу Николаю. Оба они присутствовали при торжественномъ въѣздѣ Марины въ столицу.

Это зрѣлище походило на сказку: можно было повѣрить братскому сліянію славянъ. Русскіе превосходили поляковъ численностью и богатствомъ своихъ одѣяній; зато поляки отличались воинственнымъ видомъ и роскошью оружія. Оба народа, забывъ свои вѣковыя разногласія, шли подъ одними и тѣми же знаменами, прославляя свою общую героиню. Молодая полячка, какъ легендарная фея, заставляла всѣ сердца биться въ унисонъ. Она была прелестна и лучезарна въ своемъ шелковомъ платьѣ. Именитѣйшіе бояре окружали ея карету, запряженную двѣнадцатью сѣрыми въ яблокахъ лошадьми. Энтузіазмъ, видимо, охватилъ толпу. Подъ звуки колоколовъ и трубъ Марина остановилась у Вознесенскаго монастыря, гдѣ жила мать Димитрія, Марфа. Будущая царица должна была провести послѣдніе дни передъ коронаціей среди московскихъ монахинь. Здѣсь же Марина приняла требуемый этикетомъ визитъ Димитрія. Какъ только она удалилась въ свои покои, какъ только ворота монастыря закрылись за нею и женщинами свиты, начались сцены отчаянія и слезъ. Всѣ чув-

ствовали себя вдали отъ родины, отрѣзанными отъ всего міра. Что-то будетъ съ ними въ этой тюрьмѣ? Марина сама была въ подавленномъ настроеніи: ей пришлась не по вкусу московская кухня. Эти мелочи дошли до свѣдѣнія Димитрія, и онъ поторопился устранить причины недовольства. Немедленно была произведена кулинарная реформа, и было подписано разрѣшеніе желающимъ свободно возвратиться въ Польшу. Марина получила ларецъ съ драгоцѣнностями, которыя она распредѣлила между своей свитой. Мало-по-малу опасенія разсѣялись, и женщины успокоились. Царь былъ неумолимъ лишь въ одномъ: онъ запретилъ входъ въ монастырь католическому духовенству. Никакія настоянія не могли измѣнить его рѣшенія. Запрещеніе не было снято даже въ Троицынъ день. Поэтому праздникъ прошелъ печально — безъ ксендза и мессы.

Одновременно съ Мариной, 12-го мая, прибыли послы Сигизмунда—Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій. Оба поѣзда совершали путь вмѣстѣ, но на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, дабы избѣжать скопленія народа на остановкахъ. Они соединились только, чтобы вмѣстѣ войти въ Москву. Теперь всѣ польскіе гости были въ сборѣ. Празднества открылись аудіенціями.

Въ субботу, 13-го мая, въ десять часовъ утра, свита, сопровождавшая Марицу, представилась царю въ Грановитой палатѣ. Мартинъ Стадницкій въ качествѣ гофмейстера держалъ рѣчь. Онъ не скупился величать Димитрія императоромъ; Власьевъ любезно поблагодарилъ его за это отъ имени царя.

Все шло какъ нельзя лучше. Подняли бурю только послы Сигизмунда. Припомнимъ, что они получили категорическій приказъ не уступать царю въ вопросѣ о титулахъ. Въ сущности, это значило итти на открытую борьбу. И дѣйствительно, какъ только первый посолъ произнесъ „великій князь“ вмѣсто „непобѣдимый Цесарь“, лицо Димитрія омрачилось, глаза начали метать молніи. Однако,

онъ далъ Олесницкому окончить рѣчь и предъявить королевскую грамоту. Власьевъ провѣрилъ формулу обращенія. Она оказалась неудовлетворительной. Тогда письмо Сигизмунда было возвращено послу съ заявленіемъ, что никакого великаго князя московскаго нѣтъ.

Тотчасъ же вспыхнулъ горячій споръ, продолжавшійся болѣе часа. Дьякъ, посолъ, царь по временамъ говорили всѣ разомъ и возражали съ крайней запальчивостью. Олесницкій обладалъ горячей кровью и ѣдкой рѣчью; въ его устахъ упреки смѣнялись угрозами. Онъ грозилъ возможностью столкновенья, вызывалъ призракъ войны, но ему не удалось убѣдить человѣка, ослѣпленнаго своимъ величіемъ и не признающаго ничего выше себя. Горе тому, кто не склонится передъ нимъ! „Московскій мечъ растопчетъ его“, говорилъ Димитрій; „вмѣсто того, чтобы разить турокъ, онъ сокрушитъ поляковъ“. Мирный исходъ спора становился все менѣе и менѣе вѣроятнымъ. Однако, послѣ особенно рѣзкаго выпада, Димитрій вдругъ предложилъ такой компромиссъ: пусть Олесницкій какъ бы раздвоится: пусть онъ поцѣлуетъ руку царя не какъ посланникъ короля, а какъ простой дворянинъ. Этотъ выходъ былъ слишкомъ унизителенъ для гордаго поляка. Приходилось либо порвать переговоры, либо уступить. Въ концѣ-концовъ, уступилъ Димитрій. Онъ опасался скандала наканунѣ своей свадьбы и удовольствовался тѣмъ, что отложилъ до другого времени защиту своихъ правъ. Побѣда поляковъ была полная. Отъ нихъ даже была принята грамота со столь непріятной для царя надписью. Ободренный успѣхомъ, Олесницкій сталъ еще болѣе несговорчивъ: онъ началъ явно придираться къ мелочамъ. Однако, ревнивый стражъ традицій, Аѳанасій Власьевъ, былъ около царя; онъ сумѣлъ дать отпоръ послу Сигизмунда. Въ концѣ аудіенціи спокойствіе было возстановлено; послы поднесли Димитрію подарки и были приглашены къ царскому столу. Конечно, вопросъ о титулахъ, далеко не будучи исчерпаннымъ, напротивъ, только осложнялся.

Однако, въ данный моментъ другія заботы занимали царя. Онъ торопился отпраздновать свою свадьбу и короновать свою невѣсту. Въ сущности, бракъ уже былъ заключенъ 22-го ноября 1605 года, когда Аѳанасій Власьевъ отъ имени Димитрія обмѣнялся обѣщаніями съ Мариной. Эти обѣщанія составляютъ основу брачнаго договора, а договоръ нераздѣлимъ съ таинствомъ. Такимъ образомъ истолковываетъ тридентскій соборъ обрученіе черезъ уполномоченныхъ. Кардиналъ Мацѣйовскій именно такъ и понималъ дѣло. 26-го ноября 1605 года онъ доноситъ папѣ и кардиналу Боргезе, „что онъ освятилъ согласно торжественному обряду церкви бракъ Марины съ Димитріемъ". 14-го января 1606 года Павелъ V утвердилъ благословеніе, данное кардиналомъ молодымъ супругамъ. Вѣлевицкій прямо записалъ, что бракъ былъ заключенъ *more principum* *). Такимъ образомъ въ Москвѣ, собственно, не было прямой необходимости въ заключеніи брачнаго договора и совершеніи таинства. Но, конечно, можно было и повторить церемонію, окруживъ ее всѣмъ блескомъ церковнаго великолѣпія. Незадолго до этого аналогичный случай имѣлъ мѣсто при французскомъ дворѣ. Генрихъ IV черезъ уполномоченныхъ обручился во Флоренціи. 17-го декабря 1600 года, по прибытіи невѣсты, Маріи Медичи, въ Ліонѣ было устроено величественное торжество въ церкви св. Іоанна. Предвидя такія же церемоніи въ Москвѣ, нунцій заблаговременно принялъ извѣстныя мѣры. Онъ испросилъ разрѣшеніе устроить брачное торжество хотя бы во время поста, если только запоздаетъ прибытіе Марины въ Москву. Разрѣшеніе было дано, а отецъ Савицкій былъ извѣщенъ о томъ, что онъ можетъ воспользоваться имъ, руководствуясь голосомъ совѣсти и не стѣсняясь формальностями. Достойна вниманія снисходительность римскаго духовенства. Запрошенный отно-

*) Ватикан. Арх., 45, т. 1, 1 л. 208 v°; отд. Боргезе, II, 232, f. 85, 308; Rome et Démétrius, 214, n° 9. Wielewicki, II, 101.

сительно времени, запретнаго для вѣнчанія, кардиналъ Боргезе спѣшитъ устранить всѣ препятствія; самъ онъ даже не требуетъ объясненій, гдѣ и какъ совершена будетъ церемонія.

Вѣроятнѣе всего, что московскіе богословы совершенно не входили въ эти тонкости; для нихъ все то, что произошло въ Краковѣ, сводилось къ нулю. Въ ихъ глазахъ истиннымъ бракомъ могъ быть только тотъ, что совершенъ въ Москвѣ. Димитрій, несомнѣнно, сталъ на ту же точку зрѣнія. Еще задолго до этого онъ заставилъ свое духовенство заняться даннымъ казусомъ. Такъ какъ его признавали православнымъ, а Марина была завѣдомой католичкой, былъ поставленъ такой вопросъ: „Можетъ ли царь московскій заключить бракъ съ полькой-католичкой? Если же различіе вѣроисповѣданій недопустимо, то какое свидѣтельство своего православія должна будетъ дать невѣста?“ Такой вопросъ не былъ праздднымъ. Въ этой области среди русскихъ людей царила полная апархія.

Казусъ подвергся серьезному обсужденію. Видимо, разногласіе существовало только относительно того, какимъ образомъ Марина должна заявить о своемъ переходѣ въ православіе. Для всѣхъ было ясно, что она не можетъ остаться католичкой. Наиболѣе фанатичные—епископъ казанскій Гермогенъ и коломенскій Іосифъ—требовали второго крещенія. По ихъ мнѣнію, польская „дѣвка“ была, просто напросто, язычницей, недостойной носить корону до тѣхъ поръ, пока не будетъ очищена троекратнымъ погруженіемъ въ воду, согласно восточному обряду. Этотъ дикій взглядъ былъ слѣдствіемъ византійскихъ предразсудковъ. Въ то время какъ папы, вѣрные традиціи, признавали греческое крещеніе, въ Константинополѣ не стѣснялись отвергать крещеніе римское. Точка зрѣнія русской церкви относительно этого еще не установилась. Только на соборѣ 1620 года необходимость второго крещенія, позже отвергнутая, была подтверждена официально. Такимъ образомъ, не сходя съ легальной почвы, Димитрій

могъ занять вполнѣ опредѣленную позицію и бороться съ противниками. Дѣло кончилось его побѣдой; но она стоила ему дорого. Лѣтописи сохранили слѣды бурныхъ преній; Гермогенъ былъ неожиданно высланъ въ свою казанскую епархію, и отецъ Николай сообщаетъ 20 февраля 1606 года Стриверн, что Димитрій счастливо успокоилъ поднявшуюся бурю „духовныхъ“ по случаю царскаго брака. Виновные,—прибавляетъ онъ,—наказаны, но никто не преданъ казни *).

На ряду съ фанатиками, которыхъ заставили замолчать, были и болѣе умѣренные іерархи. Эти готовы были удовольствоваться мѵропомазаніемъ. Такой способъ доказать свое православіе имѣлъ то сомнительное преимущество, что способствовалъ обману. Дѣло въ томъ, что коронація также требовала мѵропомазанія. Такимъ образомъ одна и та же церемонія въ глазахъ однихъ могла сойти за царское посвященіе, въ глазахъ другихъ—за отреченіе отъ католичества. Нельзя утверждать, конечно, чтобы Димитрій сознательно одобрилъ этотъ макіавелистическій планъ; но со всей основательностью можно предполагать, что заинтересованныя стороны сумѣли оцѣнить это совпаденіе. По крайней мѣрѣ, и русскіе, и поляки по-своему объясняли помазаніе, данное Маринѣ. Такимъ образомъ удалось избѣжать скандала.

Димитрій, безпокоясь, удвоилъ предосторожности наканунѣ свадьбы. Отрывокъ сложнаго и причудливаго церемоніала, дошедшій до насъ, весь пропитанъ духомъ такой предусмотрительности **). Между прочимъ, онъ устанавливаетъ причащеніе Марины изъ рукъ патріарха. Итакъ, никто не ожидалъ обмана. Наиболѣе скептически настроенные должны были сдаться передъ очевидностью и увѣровать въ православіе своей будущей царицы.

---

*) Non nullas tempestates propter uxorem prudenter sedarit suarum spiritualium, sed Dei beneficio sublatae et sopitae sunt, supplicio affectis, tametsi non extremo quibusdam. Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 499, 1606, 20 февр., *Чижовскій къ Стриверн.*

**) *Собр. Госуд. Грам.*, т. II, стр. 289, № 138.

Въ ночь съ 16 на 17 мая, при свѣтѣ факеловъ, производившихъ почти траурное впечатлѣніе, Марина покинула монастырь и перешла въ царскій дворецъ, дабы вступить въ распоряженіе своими покоями. Бракъ и коронація были назначены на 8 мая, т.-е. на четвергъ, наканунѣ Николина дня. Въ этотъ день Москва превратилась въ какое-то царство звона. Съ полночи размѣренные удары колоколовъ возвѣстили жителямъ, что скоро они будутъ имѣть царицу. Народъ устремился на торжество, войска заняли Кремль, знатнѣйшіе бояре и польскіе гости собрались во дворцѣ. Здѣсь, согласно официальной программѣ, протопопъ Ѳедоръ долженъ былъ совершить помолвку царственной четы, уже обрученной въ Краковѣ. Надо сказать, что поляки, хотя и присутствовали при этомъ, но ничего не подозрѣвали; русскіе же и не думали подчеркивать значеніе происходящаго. Мы знаемъ, что должно было совершиться, но намъ неизвѣстно, что произошло въ дѣйствительности. Послѣ этого обряда произнесены были соотвѣтственныя рѣчи въ Грановитой палатѣ. Затѣмъ всѣ перешли въ Успенскій соборъ.

Обыкновенно закрытый для католиковъ, соборъ на этотъ разъ широко распахнулъ передъ ними свои двери. Процессія медленно текла, какъ рѣка изъ золота. Никогда поляки и русскіе не братались такимъ образомъ. То было неслыханное на Руси дѣло. И тѣ, и другіе шли присутствовать на коронаціи женщины.

Марина, полька и католичка, дочь сенатора, а не короля, первая удостоилась чести, которой тщетно домогались Палеологи и Ягеллоны. Царь же, который возлагалъ на нее блестящую корону, нѣкогда считался разстрижеинымъ монахомъ и самозванцемъ. Великое и вульгарное, возвышенное и смѣшное слились въ этой церемоніи. Снаружи все носило радостный видъ, но тайное возмущеніе уже волновало сердца. Назрѣвали зловѣщіе планы.

Патріархъ Игнатій, окруженный епископами и архиман-

дритами, вышелъ навстрѣчу процессіи и припялъ ее у дверей собора. Димитрій и Марина взошли на приготовленный для нихъ помостъ. Послѣ этого приступили къ коронаціи невѣсты. Обрядъ сопровождался благословеніями, молитвами и церковными пѣснопѣніями. Патріархъ помазалъ Марину священнымъ мѵромъ, возложилъ на ея голову корону и царскія регаліи на плечи *). Димитрій предоставилъ ему совершить всѣ эти дѣйствія. Позже императоры присвоили себѣ право собственноручно возлагать корону на императрицъ. Послѣ коронованія царь и царица, возсѣвъ на тронъ, прослушали обѣдню. Въ концѣ ея протопопъ Ѳедоръ далъ имъ брачное благословеніе. Таково было заключеніе самборскаго романа.

Церемонія не обошлась безъ замѣшательства. Русскіе были предупреждены относительно причастія Марины. Архидіаконъ и протодіаконъ должны были, согласно офиціальному церемоніалу, публично пригласить царицу къ алтарю: Димитрій же долженъ былъ сопровождать ее. Однако, папа заявилъ свое veto, и царь обѣщалъ Мнишку не настаивать на причастіи. Что было дѣлать передъ этой альтернативой? Вѣрнѣе говоря, что было сдѣлано, чья сторона одержала верхъ? Большинство историковъ черезчуръ торопливо разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Впрочемъ, въ настоящее время сомнѣній уже не можетъ быть. Нѣкій очевидецъ, долго молчавшій, въ концѣ-концовъ бросилъ на чашу вѣсовъ свое святительское слово. Архіепископъ Арсеній лично принималъ участіе въ церемоніи. Отъ него не скрылась ни одна подробность, и вотъ, что онъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „Послѣ вѣнчанія ни тотъ, ни другая (Димитрій и Марина) не выразили желанія причаститься святыхъ тайнъ. Это смутило многихъ присутствующихъ, и не только патрі-

*) *Дмитріевскій*, стр. 109, 116. Музей Чарторыйскаго, № 1654, л. 67: „Konfirmacya sluby i zamiana pierscieni, potim koronacya była, i unkcya more greco". Большинство поляковъ говоритъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Dyamentowski.

арха и епископовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ это. Таково было первое и великое огорченіе; таково было начало смуты и источникъ многихъ бѣдствій московскаго народа и всей Руси" *).

Это свидѣтельство неоспоримо: оно исходитъ изъ достаточно надежнаго источника, чтобы быть безпристрастнымъ.

Мелочное соблюденіе другихъ традиціонныхъ формъ не могло искупить смѣлости новобрачныхъ и изгладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное ею на окружающихъ. Все это были, въ сущности, только подробности. Между прочимъ, молодымъ подали вина. Сосудъ, изъ котораго они отпили, былъ брошенъ наземь: здѣсь его растоптали ногами въ мелкіе куски. При выходѣ изъ собора въ толпу, тѣснившуюся по пути молодого государя, цѣлыми пригоршнями бросали серебряныя и золотыя монеты.

День близился къ концу. Пышный ритуалъ затянулся такъ долго, что за позднимъ временемъ рѣшено было перенести свадебный пиръ на слѣдующій день. Правда, всѣ знали, что завтра пятница и праздникъ св. Николая Чудотворца; но на это не обратили вниманія. Кое-кто изъ поляковъ былъ скандализованъ такой безпечностью. Благочестивые православные люди покачивали головами. Но скоро возникли опять недоразумѣнія на почвѣ этикета. Они заставили забыть на время о религіозномъ вопросѣ. Дьякъ Грамотинъ передалъ посламъ Сигизмунда приглашеніе на пиръ. Тѣ вспомнили, что на свадьбѣ Марины, въ Краковѣ Власьевъ былъ посаженъ за одинъ столъ съ королемъ. Теперь они требовали той же чести и для себя. Заявленіе пословъ было передано боярамъ: какъ истые мандарины, они отвергли притязанія поляковъ. Легко представить себѣ ярость пословъ Сигизмунда. Однако, бояре твердо стояли на своемъ. Пришлось возложить на

*) *Дмитріевскій*, стр. 111, 112. Ни одинъ очевидецъ не утверждаетъ, чтобы Марина приняла причастіе изъ рукъ патріарха.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(Съ рѣдкой гравюры Бартольди)

(Изъ коллекціи С. П. Виноградова).

Аѳанасія Власьева миссію посредника, чтобы найти какой-нибудь компромиссъ. Завязался безконечный споръ. Стороны исчерпали всѣ доводы... Наконецъ, видимо, изнемогая и рѣшивъ прекратить надоѣвшія пренія, польскіе послы заявили, что отказываются присутствовать на пирѣ. Ихъ примѣру послѣдовалъ и самъ воевода Сандомирскій. Мы знаемъ, что въ нужную минуту его всегда выручала подагра...

Несмотря на всѣ эти осложненія, свадебный пиръ прошелъ съ чрезвычайнымъ оживленіемъ. Начался онъ нѣсколько позже обыкновеннаго: дѣло въ томъ, что, по обычаю, новобрачные должны были предварительно побывать въ банѣ. Оркестръ Станислава Мнишка сообщалъ торжеству отпечатокъ европеизма. Но во всемъ остальномъ церемоніалъ пира въ точности соотвѣтствовалъ обычаямъ русской старины. Духовенство кропило царя святой водой. Гости были разсажены вокругъ стола на простыхъ скамьяхъ. Каждый получилъ свой паекъ хлѣба. Разумѣется, всѣ усердно, по заведенному порядку привѣтствовали царя, сгибая и выпрямляя спины и колѣни... Послѣ безконечныхъ здравицъ, началась традиціонная раздача чернослива.

Какъ и полагалось, свадебный пиръ сохранялъ характеръ чисто-офиціальнаго торжества. Понятно, это вносило въ него извѣстную принужденность. Самъ Димитрій, видимо, вздохнулъ свободно только тогда, когда удалился во внутреннія покои и отпустилъ отъ себя бояръ и свиту. Зато, оказавшись въ кругу однихъ поляковъ, онъ разошелся во всю. Гости тѣснились вокругъ царя. Онъ былъ неистощимъ. Онъ говорилъ безъ умолку, отпускалъ остроты, безпрестанно мѣняя тонъ и изображая изъ себя то лихого рубаку, то великаго Цесаря, то глубокомысленнаго государственнаго человѣка. Но больше всего онъ сыпалъ шутками, видимо, самъ любуясь своимъ колкимъ языковъ и талантомъ вызывать смѣхъ у слушателей. Между прочимъ, ему вспомнился Александръ Македонскій. Въ русскихъ преданіяхъ имя этого героя окружено особымъ ореоломъ; очевидно, кое-что зналъ

о немъ и Димитрій. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ о геніальномъ царѣ. Онъ признавался, что завидуетъ его побѣдамъ. По его словамъ, онъ жалѣетъ лишь о томъ, что не живетъ въ одно время съ Александромъ Македонскимъ: о, тогда бы онъ помѣрялся съ нимъ и, навѣрное, сталъ бы его другомъ! Было слишкомъ ясно, что себя самого новый московскій царь относитъ къ разряду величайшимъ полководцевъ міра. Съ какимъ высокомѣріемъ, съ какимъ презрѣніемъ отзывался онъ объ императорѣ Рудольфѣ! Вѣдь это какой-то дикарь, который боится показаться людямъ на глаза! Къ польскому королю Димитрій былъ нѣсколько снисходительнѣе; но и у него онъ находилъ слабыя стороны. Словомъ, Димитрія не останавливало, рѣшительно, ничто: онъ не считался ни съ какимъ саномъ. Онъ подсмѣивался надъ самимъ папою. Правда, здѣсь его шутки были гораздо мягче и сдержаннѣе; и, однако, царь недвусмысленно проходился на счетъ туфли его святѣйшества и осуждалъ обычай цѣловать ногу римскаго первосвященника. Мимоходомъ онъ задѣлъ и самборскаго ксендза, своего бывшаго духовнаго отца: онъ поднялъ насмѣхъ и его... Остроты развеселившагося царя были не очень высокой пробы; но ихъ съ удовольствіемъ подхватывалъ и изображалъ въ лицахъ придворный шутъ Антоніо Ріати: вѣдь, дурачество было въ то время выгоднымъ ремесломъ. Конечно, поляки могли бы дать достойный отпоръ столь неумѣстнымъ выходкамъ; въ правильномъ спорѣ на ихъ сторонѣ оказалось бы несомнѣнное преимущество и логики, и дисциплины. Однако, въ качествѣ гостей царя, они давали ему лишь самыя сдержанныя реплики. Среди нихъ не нашлось ни одного, кто бы смѣлымъ словомъ попытался положить предѣлъ глумленію и далъ бы волю оскорбленному патріотическому чувству. Очевидно, всѣ понимали, что они— во власти *новаго* Димитрія, который слишкомъ хорошо умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ властелина и уже не допускалъ никакихъ противорѣчій.

Въ заключеніе торжества, царь предложилъ своимъ гостямъ потанцовать. Балъ открытъ былъ Станиславомъ Мишшкомъ и княземъ Вишневецкимъ. За ними послѣдовали и другіе. Польскій темпераментъ сказался и здѣсь. Скоро веселье достигло апогея. Стоя въ амбразурѣ окна, Димитрій поощрялъ танцующихъ привѣтливымъ взоромъ. Но его безпокойный умъ искалъ уже новыхъ впечатлѣній... Наконецъ, его неутомимая энергія нашла себѣ выходъ. Всѣ наружныя помѣщенія дворца были заняты польскими солдатами. Царь приказалъ открыть двери залы и обратился къ храброму воинству съ рѣчью. Каждый получилъ по чаркѣ вина. Затѣмъ началась раздача денегъ. Въ заключеніе, заговоривъ о будущемъ, Димитрій нарисовалъ передъ слушателями самыя соблазнительныя перспективы. Рѣчь царя наэлектризовала солдатъ. Тутъ же они стали просить о дозволеніи устроить турниръ. Скрѣпя сердце, Димитрій далъ желаемое разрѣшеніе. Въ первой же стычкѣ была убита лошадь, и одинъ изъ всадниковъ получилъ рану. Это заставило храбрыхъ рыцарей прекратить опасную забаву. Къ тому же и время было слишкомъ позднее. Пора было подумать объ отдыхѣ, чтобы съ новыми силами встрѣтить завтрашнія празднества.

На другой день, въ субботу 20-го мая, на сцену опять появилась Марина. Однако, царица уже сняла русскій нарядъ, въ которомъ короновалась. Теперь она одѣта была по-польски. Въ этотъ день она должна была принимать привѣтствія и подношенія отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Передъ глазами царицы прошелъ безконечный рядъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ. Тутъ были и патріархъ съ высшимъ духовенствомъ, и бояре, и купцы, и ремесленники... Затѣмъ, уже во время пира, явились лопари: то были совершенные дикари, узкоглазые, монгольскаго типа, одѣтые въ звѣриныя шкуры, мѣхомъ навыворотъ. Всѣ эти депутаціи слагали у ногъ Марины мѣха и всякія произведенія своихъ рукъ. Впрочемъ, въ глазахъ поляковъ эти прино-

шенія не имѣли большой цѣны. Между тѣмъ, послы Сигизмунда держали совѣтъ съ отцомъ царицы. Надо было ждать новаго приглашенія со стороны Димитрія; въ виду этого возникалъ чрезвычайно затруднительный вопросъ. Какъ быть? Опять уклониться отъ чести? Но, въ концѣ концовъ, это могло вывести царя изъ себя. А, между тѣмъ, его воля рѣзко противорѣчила распоряженіямъ польскаго короля. Какъ согласить эти требованія? Въ ушахъ Мнишка еще звучали высокомѣрныя слова Димитрія „Если бы самъ императоръ пріѣхалъ въ Москву,—заявилъ царь,—я и его бы не посадилъ за одинъ столъ со мною". Однако, съ другой стороны, посламъ короля былъ данъ строжайшій приказъ не итти ни на какія уступки. Будучи въ безвыходномъ положеніи, уполномоченные Сигизмунда обратились къ помощи Мнишка.

Тактъ Сандомирскаго воеводы выручилъ всѣхъ и на этотъ разъ. Въ концѣ-концовъ, когда Власьевъ вновь принесъ посламъ царское приглашеніе, сторонамъ удалось сойтись на нѣкоторомъ компромиссѣ. Олесницкому было отведено мѣсто по правую руку царя, но за небольшимъ столомъ, поставленнымъ спеціально для польскаго вельможи. Такимъ образомъ, формально Димитрій торжествовалъ: за главнымъ столомъ сидѣли только онъ съ Мариной. Въ свою очередь, и Олесницкій счелъ себя удовлетвореннымъ оказанной ему честью. Что касается Гонсѣвскаго, то въ виду его второстепенной роли, ему еще легче можно было отвести подобающее мѣсто. Словомъ, главное затрудненіе было устранено. Въ воскресенье, 21-го мая, польскіе послы уже присутствовали на царскомъ пиру. Впрочемъ, здѣсь больше было радости для глазъ, нежели для желудка. Вся посуда на столѣ была изъ золота и серебра; зато кухня царя оказалась болѣе чѣмъ простою. Бѣдные московскіе гастрономы! Они готовы были примириться съ самыми незатѣйливыми кушаніями, только бы ихъ было побольше. Количество блюдъ у нихъ всегда преобладало надъ качествомъ. За столомъ

произошелъ инцидентъ, который могъ повлечь за собою весьма непріятныя послѣдствія. Забывъ свои враждебныя чувства, Димитрій поднялъ чару за здоровье Гонсѣвскаго. Конечно, то было великой честью для посла; однако, у медали оказалась оборотная сторона. Царь пожелалъ, чтобы Гонсѣвскій всталъ изъ-за стола и подошелъ къ нему съ выраженіемъ признательности. Какъ быть? Не пострадаетъ ли отъ того достоинство Его Величества, короля польскаго? Опасаясь этого, Гонсѣвскій не двигался съ мѣста. Въ ужасѣ, Бучинскій наклоняется къ нему и шепчетъ: „Бога ради, идите! Иначе получится скандалъ“... Гордому поляку пришлось покориться.

Но Димитрій не остановился на этомъ униженіи своихъ гостей. По прошествіи трехъ дней, 25-го мая, празднества во дворцѣ возобновились. Царь любезно извѣстилъ Олесницкаго, что въ этотъ день въ палатахъ кремлевскихъ не будетъ ни Цесаря, ни посланника. Такимъ образомъ, всѣ затрудненія улаживались сами собою; вопросы этикета на время предавались забвенію. Милостивыя слова царя были приняты полякомъ въ серьезъ. Олесницкій почувствовалъ, что у него развязаны руки. Пусть первенствуетъ, кто хочетъ. Съ своей стороны, во время танцевъ, Олесницкій пустился въ плясъ, не снявъ шляпы. Однако, Димитрій, очевидно, совершенно иначе понималъ свои слова. Знакомъ подозвавъ къ себѣ Мартина Стадницкаго, онъ заявилъ ему, что срубитъ голову всякому, кто осмѣлится накрыться въ его присутствіи. Эту угрозу онъ велѣлъ передать и злополучному танцору. Тонъ царя, его взглядъ и мимика не допускали никакихъ противорѣчій. Что же оставалось дѣлать Олесницкому? Конечно, онъ обнажилъ голову, со вздохомъ признавая, что, за отсутствіемъ посланника, Цесарь все же имѣется налицо.

Если во время празднества не все устраивалось такъ, какъ хотѣли бы поляки, то не лучше шли и дипломатическія дѣла. Несмотря на всѣ огорченія, послы короля не теряли

надежды; напротивъ, они старались въ точности выполнить данныя имъ инструкціи. Того же 25 мая у нихъ состоялось совѣщаніе съ боярами во дворцѣ. Здѣсь поляки встрѣтили глухую, но упорную оппозицію. Предметомъ обсужденія былъ крестовый походъ противъ турокъ. Олесницкій началъ рѣчь съ восторженныхъ восхваленій Димитрія. Но затѣмъ онъ перешелъ къ чисто-дѣловымъ вопросамъ. Его интересовали и планъ войны, и размѣры дѣйствующихъ силъ, и срокъ для начала кампаніи. Бояре были непріятно поражены столь назойливымъ любопытствомъ. Они не привыкли такъ легко посвящать другихъ въ свои государственныя тайны. Немудрено, что, вмѣсто серьезнаго обсужденія поставленныхъ Олесницкимъ вопросовъ, совѣщаніе превратилось во взаимный обмѣнъ упреками и насмѣшками. Конечно, обо всемъ было доложено Димитрію. Царь заявилъ, что онъ самъ займется этимъ дѣломъ при участіи посланниковъ. Очевидно, онъ разсчитывалъ на будущее. Но оно не принадлежало ему. Подъ ногами Димитрія уже зіяла бездна.

ГЛАВА II-я.

КАТАСТРОФА.

27-ое мая 1606 года.

I. Приближеніе катастрофы.—Непримиримый врагъ.—Заговоры противъ царя.—Письма капелановъ.—Мнѣніе кармелитовъ.—Распущенность поляковъ.—Показаніе Мартина Стадницкаго.—Сужденіе Нѣмоевскаго о Димитріи.—Свѣдѣнія о. Савицкаго.—Письмо Димитрія къ Стривери.—Пріемъ Савицкаго.—Неопредѣленность положенія и вызванныя имъ тревоги.—Подготовка къ новой сицилійской вечернѣ.—Василій Шуйскій, какъ душа заговора.—Ближайшая свита Димитрія.—Сообщники заговорщиковъ.—Жертвы.—Казнь злоумышленниковъ.—Догадки.—Тревожные симптомы.—Поведеніе Мнишка.—Скептицизмъ Димитрія.—Послѣдній вечеръ.—Драгоцѣнности принцессы Анны.—Ночь съ 26-го на 27-е мая.—Набатъ.—Успокоеніе Димитрія.—Шуйскій сбрасываетъ маску.—Захватъ Кремля.—Убійство Басманова.—Послѣднія минуты Димитрія.—Признанія Марфы надъ трупомъ Лжедимитрія.—Димитрій съ Басмановымъ на Лобномъ мѣстѣ.—Надругательства надъ мертвымъ.—Невиданное сожженіе трупа.—Марина и ея женская свита.—Убійство Осмольскаго.—Героизмъ польскихъ женщинъ.—Бояре освобождаютъ Марину.—Поляки въ опасности.—Осада дома капелановъ.—Савицкій въ посольствѣ.—Свиданіе съ о. Николаемъ.—Разлука.—Успокоеніе Москвы.—Число жертвъ.—Самборскій духовникъ.—Діалогъ Фоскарини съ королемъ.—Признанія Сигизмунда.—Соранцо сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ изъ Праги.—Его смѣлыя догадки.—Отношеніе Рима къ московскимъ событіямъ.—Рѣчь кардинала Боргезе, посвященная Димитрію.

II. Избраніе Василія Шуйскаго.—Секретъ этой махинаціи.—Кровавое пятно.—Злодѣяніе Гришки Отрепьева.—Опять Димитрій Угличкій.—Перенесеніе его останковъ въ Москву.—Чудеса и канонизація царевича-мученика.—Покаяніе Марфы.—Владыка и его рабы.—Разрѣшеніе отъ присяги.—Официальныя грамоты и официозная литература.—Польскія дѣла.—Три группы плѣнныхъ.—Польскіе жолнеры.—Положеніе пословъ.—Сношенія ихъ съ боярами.—Ударъ грома.—Плѣнъ.—Мнишки.—Конфискація ихъ имущества.—Негритенокъ Марины.—Мечты воеводы.—Его допросъ.—Слабая сторона его отвѣтовъ.—Уловки.—Ссылка Мнишковъ въ Ярославль.

III. Легенды вокругъ имени Димитрія.—Письмо о. Босгравена къ Посевину.—Донесеніе Франческо Таламіо.—Валевскій и Крипоскій.—Ихъ допросъ у о. Барчъ.—Донесеніе нунцію.—Колебанія Рангони.—Письмо о. Андрея.—Самборскій бернардинецъ и его данныя.—Свидѣтельство Яна Бучинскаго.—

Неопредѣленное настроеніе въ Ватиканѣ.—Несогласіе среди самихъ русскихъ.—Безтактность Шуйскаго.—Князь Шаховской.—Соціальный реваншъ.—Силы поляковъ.—Лисовскій, Рожинскій и Янъ Сапѣга.—Казаки.—Появленіе Лжедимитрія II. — Происхожденіе новаго самозванца по свидѣтельству Вѣлевицкаго.—Онъ отождествляетъ себя съ Названнымъ Димитріемъ I.—Резиденція самозванца въ Тушинѣ.—Анархія въ странѣ.—Возвращеніе князя Волхонскаго.—Новое польское посольство въ Москвѣ.—Заключеніе мира.—Отъѣздъ поляковъ.—Тайное соглашеніе.—Мнишки въ Тушинѣ.—Честолюбіе воеводы.—Свиданіе Марины со Лжедимитріемъ II.—Кризисъ и метаморфоза.—Новый бракъ Марины. — Охлажденіе между нею и отцомъ. — Обѣщанія Лжедимитрія II.—Противорѣчивыя свѣдѣнія въ Ватиканѣ.—Двое сыновей Мнишка въ Римѣ.—Ихъ показанія.—Сигизмундъ высказывается опредѣленно.

I.

Кремлевскія торжества были только блестящей прелюдіей. За ней послѣдовала вскорѣ самая трагическая развязка. Правда, у царя были сторонники, готовые на всякія жертвы ради него. Однако, онъ имѣлъ и неумолимыхъ враговъ, которые уже замышляли погубить его. Общественное успокоеніе было лишь обманчивой видимостью. Огонь мятежа тлѣлъ подъ пепломъ, отъ времени до времени прорываясь наружу зловѣщими вспышками. Но этихъ симптомовъ было достаточно: наиболѣе прозорливымъ наблюдателямъ они внушали самыя тревожныя предчувствія.

Какъ мы знаемъ, Димитрій обнаружилъ величайшую снисходительность къ бывшему руководителю углицкаго слѣдствія, князю Василію Шуйскому. Тѣмъ самымъ онъ сохранилъ для себя коварнаго и непримиримаго врага. Пусть не удался заговоръ, организованный въ іюлѣ 1605 года. Участники его не сложили рукъ: они только отсрочили выполненіе своего замысла на будущее время.

Въ сентябрѣ того же года открылся новый умыселъ противъ царя, угрожавшій общественному спокойствію. „Было схвачено нѣсколько человѣкъ изъ среды духовенства“, пишетъ о. Николай. „Всѣ эти лица подверглись

болѣе или менѣе тяжелому наказанію. Одного изъ нихъ пытали: онъ признался во всемъ. По его словамъ, его подкупили съ цѣлью отравить царя. Ядъ рѣшено было подлить въ святую чашу; такимъ образомъ, Димитрій долженъ былъ погибнуть послѣ принятія св. даровъ изъ рукъ злоумышленника". Другимъ поводомъ для всякихъ страховъ явилось открытіе во дворцѣ какихъ-то колдовскихъ припасовъ. Никто не зналъ, противъ кого готовилось чародѣйство. Во всякомъ случаѣ, правительство энергически вело розыски виновнаго. О. Андрей шелъ еще дальше своего собрата. По его увѣреніямъ, въ Москвѣ царю и его сторонникамъ отовсюду угрожали опасности.

Читатель помнитъ, что бракъ Димитрія съ Мариной повлекъ суровыя мѣры со стороны Димитрія противъ духовенства. Объ этомъ о. Николай сообщаетъ уже въ извѣстномъ намъ письмѣ къ Стриверн отъ 20 февраля 1606 года. Подобныя репрессіи казались необходимыми — тѣмъ болѣе, что, по тѣмъ или другимъ причинамъ, но глубокое недовольствіе царемъ чувствовалось и среди міряпъ. Правда, о. Николай не распространяется на счетъ интригъ, броженія, карательныхъ мѣръ правительства. Но, во всякомъ случаѣ, его свидѣтельство болѣе чѣмъ достаточно. Совершенно очевидно, что русское государство переживало опасный кризисъ *).

Именно такъ рисовалось положеніе дѣла въ Москвѣ кармелитскимъ миссіонерамъ, гостившимъ въ то время въ русской столицѣ. Димитрій предоставилъ имъ полную свободу—либо немедленно выѣхать въ Персію, либо переждать Пасху. Миссіонеры предпочли тронуться въ путь 22 марта. Мотивируя такое рѣшеніе, историкъ ихъ ордена говоритъ, что власть Димитрія уже колебалась. Съ каждымъ днемъ

*) Ватик. Арх., Собр. Боргезе, II, 499, 1605, 21 сент. *Чиржовскій къ Аквавивѣ, Лавицкій къ тому же*; 1606, 20 февр. Письмо *Чиржовскаго къ Стриверн.* -Ср. письмо *того же лица къ тому же адресату въ нашемъ собраніи.* 1606, 20 февр.

у него являлось все больше и больше враговъ. Дальновидные люди не безъ основанія предполагали, что новый царь можетъ быть насильственно лишенъ короны или даже погибнуть подъ развалинами своего престола *).

Прибытіе Марины съ поляками еще ускорило ходъ событій. Польскіе гости явились въ большомъ числѣ. Они были прекрасно вооружены; кони у нихъ были одинъ лучше другого... Повидимому, эти пришельцы сразу почувствовали себя какъ бы въ покоренной странѣ. Они сами признавались впослѣдствіи, что злоупотребляли своимъ положеніемъ и слишкомъ предавались своимъ страстямъ. Самыя возмутительныя дѣянія начали твориться на глазахъ у всѣхъ. Поляки не вѣдали ни стыда, ни совѣсти. Знать шляхетская распѣвала, плясала, пировала въ Кремлѣ подъ звуки шумной музыки, непривычной для слуха благочестивыхъ россіянъ... Эти надменные гости держались особнякомъ, не желая смѣшиваться съ русскими; понятно, эта исключительность оскорбляла многихъ и вызывала раздраженіе. Еще хуже знатныхъ господъ вела себя челядь. Здѣсь были настоящіе головорѣзы. Они, положительно, ни въ чемъ не знали удержу. То безчинствовали они въ православныхъ церквахъ, то затѣвали скандалы на улицѣ, то оскорбляли честныхъ дѣвицъ... При всемъ своемъ пристрастіи къ соотечественникамъ, Мартинъ Стадницкій не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія къ ихъ поведенію въ Москвѣ... По его словамъ, поляки вызывали ярость москвичей своей распущенностью. Они обходились съ русскими людьми, какъ съ „быдломъ“; они оскорбляли ихъ всячески, затѣвали ссоры, а въ пьяномъ видѣ способны были нанести самыя тяжкія обиды замужнимъ женщинамъ **).

Хуже всего было то, что самъ царь уже не внушалъ къ себѣ прежняго довѣрія. Димитрій, которымъ восторга-

---

*) Hist. gen. Fr. Disc., II, 140.

**) Львовъ, Библіотека Баваровскаго, *Стадницкій*, 16.

лись когда-то Рангони и о. Андрей, былъ теперь неузнаваемъ. Въ немъ совершился коренной переворотъ; эта перемѣна сказывалась въ тривіальныхъ шуткахъ, безтактныхъ притязаніяхъ и въ какомъ-то, поистинѣ, роковомъ ослѣпленіи. Одинъ польскій шляхтичъ набросалъ намъ портретъ царя Димитрія въ 1606 году. По его свидѣтельству, новый московскій государь—надменный честолюбецъ; онъ не выноситъ никакой критики даже отъ близкихъ людей. Онъ обожаетъ военное дѣло. Себя самого онъ считаетъ знаменитымъ полководцемъ. Ему непріятно, если хвалятъ въ его присутствіи кого-нибудь другого. Онъ самъ любитъ прихвастнуть и играть роль. По натурѣ своей это человѣкъ недурной; но дѣйствуетъ онъ всегда по первому впечатлѣнію. Онъ страшно вспыльчивъ, но отходчивъ. Впрочемъ, великодушенъ онъ больше на словахъ, нежели на дѣлѣ. Онъ любитъ видѣть роскошь кругомъ себя и у другихъ; тѣмъ не менѣе, образъ жизни его отличается умѣренностью. Онъ питаетъ отвращеніе къ пьянству. Нельзя сказать, однако, съ увѣренностью, чтобы ему чужды были другія слабости. Во всякомъ случаѣ, это—свѣтлая голова, хотя и не получившая достаточнаго образованія. Рѣчь Димитрія отличается рѣдкой легкостью. Въ общемъ, онъ—сторонникъ прогресса, довольно равнодушный къ вопросамъ вѣры. Исповѣдуетъ онъ православіе; но это не та религія, которой живетъ русскій народъ *).

Столь же мало утѣшительны были и тѣ свѣдѣнія, которыя получалъ изъ Москвы о. Савицкій. Бывшій духовникъ царя, волей-неволей, долженъ быть признаться, что его чадо стало совсѣмъ другимъ, чѣмъ было прежде. Пусть даже не занимался Димитрій черной магіей, въ чемъ нѣкоторые его подозрѣвали. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ одержимъ бѣсами гордыни и сладострастія. По свидѣтельству наблюдательныхъ людей, Димитрій былъ чрезмѣрно

*) Нѣмоевскій, 118.

преданъ чувственнымъ наслажденіямъ. Онъ не терпѣлъ ничьего превосходства. Онъ ставилъ себя выше всѣхъ государей западнаго міра. Онъ былъ увѣренъ, что ему суждено поразить свѣтъ подвигами новаго Геркулеса. Онъ убѣжденъ былъ, что рано или поздно онъ пойдетъ во главѣ всехристіанской арміи, какъ вождь крестоваго похода и грядущій побѣдитель Ислама... Онъ до смѣшного носился съ самозванно присвоеннымъ титуломъ императора. Его увѣренность въ своихъ познаніяхъ и ловкости не имѣла границъ. Онъ тѣшился своимъ всемогуществомъ, словно царствованіе его должно было длиться вѣчно. Къ папѣ, покровительства котораго онъ такъ домогался раньше, онъ относился теперь безъ достаточнаго уваженія. Что касается польскаго короля, то къ нему Димитрій питалъ явную антипатію, которая грозила перейти въ открытую вражду. Мимоходомъ Савицкій роняетъ загадочную фразу, которую мы уже приводили выше. Она сверкаетъ, однако, подобно обнаженному мечу... Оказывается, Димитрій задумывалъ отнять у Сигизмунда его королевство *).

Понятно, что при такой перемѣнѣ въ своемъ характерѣ, новый московскій государь не могъ чувствовать особаго влеченія къ тому польскому іезуиту, которому нѣкогда онъ повѣрялъ всѣ свои тайны. Вѣдь мы помнимъ, что когда-то онъ бралъ Савицкаго въ свидѣтели предъ Богомъ, когда увѣрялъ его въ чистотѣ и возвышенности своихъ намѣреній. Тѣмъ не менѣе, 25 мая Савицкій былъ принятъ въ частной аудіенціи. Быть-можетъ, въ данномъ случаѣ, Димитрій уступалъ настоятельнымъ просьбамъ Марины. Конечно, о прежней дружбѣ съ іезуитами не могло быть и рѣчи. Но, съ другой стороны, Димитрій не желалъ отстранить ихъ отъ себя рѣшительно и безповоротно. Вообще, этотъ сложный человѣкъ допускалъ порою самые страшные компромиссы. 23 февраля онъ обратился къ Стривери съ

*) Вѣлевицкій, II, 145.

особымъ письмомъ. Оно начиналось слѣдующими напыщенными словами: „Въ виду того, что интересы Досточтимыхъ Отцовъ, обитающихъ въ державѣ Нашей, а также нужды всего общества Святого Іисуса, равно какъ и святѣйшей римско-католической Церкви, требуютъ прибытія и присутствія Вашего преподобія, Мы просимъ Васъ предпринять это путешествіе согласно долгу Вашему и благочестію, со всѣмъ усердіемъ, дабы Вы могли прибыть къ Намъ со всей возможной скоростью. Такъ убѣдитесь Вы въ благоволеніи Нашемъ къ обществу Іисуса и расположеніи Нашемъ къ Вамъ самимъ“ *). Стриверн такъ и не побывалъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, принимая Савицкаго, Димитрій попробовалъ сдержать свое слово.

Въ назначенный день іезуитъ былъ проведенъ къ царю. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ поцѣловалъ ему руку и, какъ принято, привѣтствовалъ его нѣсколькими словами. Отвѣчая ему, Димитрій не поскупился на звонкія фразы. Онъ заявилъ, что счастливъ свидѣться вновь со старымъ другомъ. Онъ выразилъ ему благодарность. Пусть не думаютъ, что онъ забылъ свои обѣщанія; нѣтъ, онъ попрежнему вѣренъ своимъ стремленіямъ... Савицкій передалъ царю письмо Аквавивы, генерала общества Іисуса; тутъ же онъ вручилъ ему кое-какія вещицы, имѣющія отношеніе къ религіи. Между ними были золотыя и серебряныя пластинки: то были индульгенціи, которыя присылалъ Димитрію папа; на нихъ было выбито изображеніе римскаго первосвященника. Димитрій принялъ эти предметы съ благодарностью. Затѣмъ, вставъ со своего мѣста, царь принялся мѣрить комнату шагами. Савицкій стоялъ, не двигаясь. Тогда Димитрій береть его за руку, увлекаетъ его за собою, и оба начинаютъ ходить вмѣстѣ. Разговоръ оживляется. Предметомъ его былъ религіозный вопросъ. Пользу-

*) Краковъ, Библ. Ягеллоновъ, n° 5, 635.—Rome et Démétrius, 170, n° 12.

ясь удобнымъ моментомъ, Савицкій заявляетъ, что онъ присланъ для того, чтобы сговориться съ царемъ: онъ ждетъ его распоряженій и готовъ, по мѣрѣ силъ, выполнить все, что ему будетъ приказано. При этихъ словахъ въ Димитріи какъ бы воскресъ тотъ смѣлый и горячій неофитъ, котораго видѣли когда-то духовные отцы его въ Путивлѣ. Конечно, въ Москвѣ должна быть устроена коллегія. Ее нужно создать немедленно. Учениковъ и преподавателей придется выписывать изъ-за границы. Не успѣли какъ слѣдуетъ заняться этимъ прекраснымъ проектомъ, какъ Димитрій круто перемѣнилъ тему разговора. Онъ заговорилъ о своемъ войскѣ, съ гордостью заявляя, что подъ знаменами его стоитъ сто тысячъ вооруженныхъ людей. Достаточно его знака, чтобы эта армія двинулась, куда ему угодно. Впрочемъ, онъ самъ еще не рѣшилъ, противъ кого онъ направитъ свои силы. Можетъ-быть, противъ турокъ, а, можетъ-быть, и противъ кого-нибудь другого. И тотчасъ же, безъ всякой связи, онъ сталъ горько жаловаться на Сигизмунда. Вѣдь дерзость короля заходитъ такъ далеко, что онъ не хочетъ признать за московскимъ царемъ титула императора. Все это было сказано горячо, искренне негодующимъ тономъ. Затѣмъ наступило короткое, но тягостное молчаніе. Савицкій спрашивалъ себя, нѣтъ ли внутренней связи между сообщеніями Димитрія о своей грозной арміи и этими жалобами на польскаго короля? Однако, не желая останавливаться на этой темѣ, онъ ограничился банальной фразой. „Будемъ надѣяться“, замѣтилъ онъ, „что Провидѣніе не допуститъ непріязни и раздора между столь могущественными государями“. Теперь оставалось рѣшить чисто личный вопросъ. Савицкій желалъ знать, долженъ ли онъ вернуться въ Польшу, или же ему остаться въ Москвѣ? Димитрій и тутъ не замедлилъ отвѣтомъ: конечно, его духовный отецъ нуженъ ему здѣсь. Ободренный этимъ, Савицкій пошелъ еще дальше. Онъ попросилъ у царя разрѣшенія являться во дворецъ всякій разъ, когда ему нужна

будетъ аудіенція. Царь немедленно далъ на это согласіе. Открывъ дверь, онъ позвалъ своего польскаго секретаря, быть-можетъ, одного изъ Бучинскихъ; тутъ же онъ отдалъ ему соотвѣтственное распоряженіе. Между тѣмъ, день уже былъ на исходѣ; царь собирался еще къ матери. Поэтому онъ милостиво прекратилъ аудіенцію, длившуюся болѣе часа, и отпустилъ іезуита, обѣщая ему въ самомъ скоромъ времени опять свидѣться съ нимъ и побесѣдовать подольше. Все это, казалось, должно было внушить Савицкому самыя свѣтлыя надежды. Однако, онъ не могъ побѣдить въ себѣ мрачныхъ предчувствій. Путевыя впечатлѣнія, пріемы русскихъ,—все это было такъ странно, такъ смущало его и тревожило... Когда же ему пришлось подѣлиться своими сомнѣніями съ отцомъ Николаемъ, оба съ безпокойствомъ задались вопросомъ, чѣмъ-то кончится все это дѣло?

Между тѣмъ, опасность была ближе и грознѣе, чѣмъ предполагали. Предоставивъ полякамъ тѣшиться какъ угодно, враги Димитрія уже подготовляли втайнѣ сицилійскую вечерню. Душою заговора являлся Василій Шуйскій съ двумя братьями своими — Димитріемъ и Иваномъ. Какъ мы знаемъ, всѣ трое были возвращены изъ ссылки. Лишь только они были вновь допущены ко двору, какъ опять принялись за свои ковы. Поѣздка Безобразова была дѣломъ ихъ рукъ. Теперь же, при ихъ непосредственномъ участіи, начинало въ точности сбываться то, о чемъ они предупреждали Сигизмунда.

Что касается Димитрія, то, окруженный предателями, онъ безсознательно ускорялъ свою гибель. Конечно, его царствованіе было совсѣмъ не въ духѣ стараго боярства. Кровь этой знати лилась потоками при Иванѣ IV; Борисъ Годуновъ также не хотѣлъ считаться съ ея исконными правами. Теперь она опять начинала подымать голову, упорно заявляя все тѣ же свои притязанія. Тронъ новаго государя, въ качествѣ его родни, обступили Нагіе. То были выскочки, напоминавшіе боярству опричнину Ивана Грознаго.

Тутъ же были поляки-латинцы и всякій сбродъ. Вся эта клика держалась у власти, только благодаря царю. Она не имѣла никакихъ корней въ тогдашнемъ обществѣ; ея господство не было освящено вѣковой традиціей. Что же оставалось подлиннымъ Рюриковичамъ? Понятно, они видѣли во всѣхъ этихъ новыхъ людяхъ узурпаторовъ, захватившихъ чужое мѣсто. Собственное же положеніе казалось имъ унизительнымъ и недостойнымъ.

Учитывая такое настроеніе боярства, Шуйскіе отлично понимали, гдѣ они могутъ найти себѣ поддержку. По свидѣтельству князя Волконскаго, къ заговору кн. Василія и его братьевъ присоединилось до трехсотъ представителей высшаго московскаго общества *). Такъ составилось основное ядро. Однако, корни и нити его раскинулись чрезвычайно широко. Въ распоряженіи Шуйскихъ были безчисленные агенты; сами они отлично умѣли заставить себя слушать и понимать. Не въ первый разъ пробовали они свою силу. Благодаря ихъ агитаціи, недовольство царемъ распространялось все шире; въ воздухѣ начинало пахнуть мятежомъ. Обращаясь къ лѣтописямъ того времени, мы все чаще и чаще встрѣчаемъ въ нихъ кровавыя страницы. Между прочимъ, эти памятники сообщаютъ намъ о мученической гибели дьяка Тимоѳея Осипова и Петра Тургенева: оба они не пожелали покориться Димитрію и заплатили жизнью за свое упорство. Недовольные попадались и среди стрѣльцовъ—этихъ присяжныхъ тѣлохранителей царя. Для рѣшительнаго возстанія нехватало только вождя... Стрѣльцы уже подыскивали подходящее лицо. Но о броженіи донесли правительству. Оно обрушилось на правыхъ и виноватыхъ; въ концѣ-концовъ, всѣ были осуждены. Зачинщики поплатились головой: свои же товарищи по оружію умертвили ихъ съ варварской, поистинѣ, жестокостью. Что касается непостоянной московской черни, то ея

*) *Платоновъ*, Очерки, 286 сл.

нечего было бояться. Напротивъ, въ роковой для царя моментъ она, какъ всегда, забудетъ о своихъ недавнихъ восторгахъ и примкнетъ къ мятежникамъ *).

Подпольная работа заговорщиковъ шла, повидимому, чрезвычайно успѣшно; однако, она не оставляла по себѣ никакихъ документальныхъ слѣдовъ. Говоря о ней, волей-неволей приходится ограничиться догадками или опираться на мало достовѣрныя свидѣтельства. Во всякомъ случаѣ, враги царя усиленно распространяли о немъ дурные слухи въ народѣ. Они представляли его самозванцемъ и вѣроотступникомъ. Они утверждали, будто онъ обманомъ захватилъ власть, желая предать русскихъ людей и все государство полякамъ, а православную Церковь подчинить латинянамъ. Словомъ, опять появлялись на сцену тѣ разоблаченія, къ которымъ прибѣгалъ когда-то Борисъ Годуновъ. Но то, что объявлялось раньше во все услышаніе и не встрѣчало сочувствія, передавалось теперь шопотомъ и возбуждало гораздо больше вниманія.

Заговоръ Шуйскихъ былъ организованъ въ самомъ широкомъ масштабѣ. Понятно, эта подземная работа порою выдавала себя и возбуждала кое-какія подозрѣнія. Очевидно, не всѣ умѣли хранить тайну. Въ глаза могли броситься нѣкоторые тревожные симптомы. Нѣсколько разъ, и притомъ заблаговременно, Димитрія предупреждали. Между прочимъ, 24 мая среди поляковъ распространился слухъ о готовящемся избіеніи. Сперва они-было перепугались; однако, имъ и въ голову не пришло измѣнить свой легкомысленный образъ жизни и принять какія-либо мѣры предосторожности. Они не подумали даже о томъ, чтобы какъ-нибудь держаться поближе другъ къ другу,—а жили они въ различныхъ концахъ города, что, разумѣется, совершенно обезсиливало ихъ въ смыслѣ самозащиты. Очевидно, невозмути-

*) *Русск. Лѣтоп.*, т. VIII, стр. 71. — Massa, t. II, p. 154. — *Попов*, Изборникъ, 417.

мое спокойствіе Димитрія передавалось и имъ. Царь и не заикался о наказаніи лицъ, распространяющихъ тревожные слухи. Однако, 26-го мая зловѣщіе толки опять усилились. Тогда поляки уполномочили нѣсколькихъ лицъ изъ своей среды объясниться по этому поводу съ высшимъ правительствомъ и попросить его произвести слѣдствіе. Напрасный трудъ! „Нѣтъ никакихъ причинъ безпокоиться“, — отвѣтили имъ. „Царь пользуется такой любовью въ Москвѣ, что недавно еще, по простому подозрѣнію, семеро измѣнниковъ были растерзаны народомъ“. Впрочемъ, Сандомирскій воевода не удовлетворился этими завѣреніями царскихъ приближенныхъ. Онъ попытался открыть глаза самому зятю, или, по крайней мѣрѣ, заставить его принять извѣстныя мѣры предосторожности. „Такія мѣры,—замѣтилъ онъ,—никогда не бываютъ вредны“. „Ради Бога, не говорите мнѣ объ этомъ,—съ досадою прервалъ его Димитрій.—Я знаю, гдѣ царствую; у меня пѣтъ враговъ; я же владычествую надъ жизнью и смертью“. Вскорѣ затѣмъ царю вручена была записка отъ одного нѣмца, который предупреждалъ, что избіеніе начнется завтра. Димитрій отнесся къ этому предостереженію такъ же равнодушно, какъ и къ словамъ Мнишка.

Для того, чтобы успокоить поляковъ, онъ распорядился только послать къ войску своего секретаря, которому было приказано подтвердить угрозы царя по адресу смутьяновъ, распространяющихъ тревожные слухи. Затѣмъ тотъ же секретарь отправился къ посламъ короля Сигизмунда; съ ними онъ проговорилъ до поздней ночи. Чистосердечіе самого Димитрія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ не допускалъ и мысли объ опасности. Съ его согласія, Марина готовилась устроить маскарадъ; самъ царь безпечно отдавался всевозможнымъ развлеченіямъ. Весь вечеръ 26-го мая онъ посвятилъ Станиславу Нѣмоевскому, который привезъ драгоцѣнности принцессы Анны. Этотъ благородный комиссіонеръ разложилъ передъ Димитріемъ топазы, изумруды, рубины, жемчужныя колье и цѣпочки изъ брилліантовъ. Царь

любовался игрою камней. Потомъ онъ приказалъ принести свои собственныя сокровища и пространно разсуждалъ о нихъ тономъ настоящаго знатока. Въ заключеніе онъ выразилъ желаніе оставить у себя на нѣкоторое время шкатулку принцессы ...*) Но скоро царю суждено было прозрѣть и убѣдиться, что онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ. Роковой часъ уже былъ намѣченъ. Сабли были наточены; ждали только условленнаго сигнала.

Въ ночь съ 26 на 27 мая, когда поляки спали глубокимъ сномъ, князь Василій Шуйскій распорядился занять военными силами ворота Кремля. Еще раньше онъ ввелъ для этой цѣли въ городъ нѣкоторую часть войска, стоявшаго внѣ Москвы. На разсвѣтѣ, тѣ самые колокола, которые недавно еще привѣтствовали торжественное вступленіе самозванца въ столицу, зазвонили, призывая заговорщиковъ на кровавую потѣху. То не былъ праздничный благовѣстъ. Мѣдный вой набата отзывался въ сердцахъ зловѣщимъ предчувствіемъ. Царь вышелъ изъ опочивальни и спросилъ, почему бьютъ сполохъ. Въ это время Андрей Бона смѣнялъ караулъ; очевидно, наученный заранѣе, онъ отвѣтилъ, что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Димитрій приказалъ поскорѣе принять нужныя мѣры; затѣмъ онъ спокойно удалился къ себѣ. Между тѣмъ, въ городѣ начиналось смятеніе. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Тутъ были, конечно, люди, посвященные въ заговоръ. Но большинство безотчетно бѣжало, куда всѣ,—быть-можетъ, поддавшись какому-нибудь ложному слуху, пущенному злоумышленниками о полякахъ. Въ центрѣ толпы оказался Василій Шуйскій. Сбросивъ личину, онъ открыто становится во главѣ мятежа. Проникнувъ въ Кремль безъ всякаго сопротивленія со стороны стражи, онъ направляется къ палатамъ царя. Только одинъ человѣкъ, дѣйствительный храбрецъ, бросается къ Шуйскому и хочетъ

---

*) Впослѣдствіи эти драгоцѣнности были возвращены по принадлежности. *Маржеретъ*, 321.

его остановить. Однако, заговорщики тотчасъ опрокидываютъ вѣрнаго Басманова наземь; покрытый ранами, онъ испускаетъ духъ у самаго входа во дворецъ. Видъ пролитой крови опьяняетъ мятежниковъ. Въ нихъ просыпаются ярость и звѣрскіе инстинкты; ворвавшись во дворецъ, они всюду ищутъ Димитрія.

Передъ лицомъ немпуемой опасности, Димитрій, наконецъ, прозрѣлъ. Его самоувѣренность слетѣла съ него мгновенно; онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса... Подбѣжавъ къ окну, онъ видитъ вдали буйную толпу. Бросившись назадъ къ Маринѣ, онъ кричитъ: „Измѣна, сердце мое, измѣна!..“ Затѣмъ, не думая о защитѣ жены, самъ чувствуя себя брошеннымъ всѣми, онъ мечется, куда глаза глядятъ, по дворцовымъ палатамъ. Вотъ передъ нимъ какое-то окно: черезъ него можно скрыться... Димитрій колеблется... Тутъ его настигаютъ заговорщики. Одинъ изъ нихъ бросается на царя и сталкиваетъ его съ окна на дворъ. При паденіи, Димитрій ломаетъ себѣ ногу и теряетъ сознаніе. Въ такомъ видѣ находятъ его стрѣльцы; они подбираютъ его и несутъ во дворецъ. По дорогѣ онъ приходитъ въ себя. Онъ обращается къ народу; онъ дѣлаетъ попытку привлечь на свою сторону стрѣльцовъ для того, чтобы они защитили его противъ Шуйскаго. Все напрасно: дѣло его проиграно. Бояре, участники заговора, окружаютъ Димитрія, осыпая оскорбленіями; они укоряютъ его въ томъ, что онъ самозванно присвоилъ себѣ вѣнецъ; они поносятъ его, какъ отступника и разстригу, Гришку Отрепьева. Возбужденіе все растетъ: неизбѣжность трагической развязки становится слишкомъ очевидной. Сигналъ подаетъ Валуевъ. Онъ въ упоръ стрѣляетъ въ Димитрія; другіе добиваютъ его саблями.

Еще теплый трупъ царя выволакиваютъ изъ дворца. Страшная процессія останавливается передъ Вознесенскимъ монастыремъ; криками заговорщики вызываютъ къ себѣ царицу Марѳу. Они требуютъ, чтобы она сказала, кто такой Димитрій... Сперва царица уклоняется. „Вамъ лучше знать“,

отвѣчаетъ она. Заговорщики не унимаются; ихъ настоянія принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Тогда, устремивъ глаза на окровавленный трупъ, Марѳа объявляетъ, что этотъ человѣкъ—не ея сынъ. Такимъ образомъ, она сама уличаетъ себя въ позорной лжи; она признается, что обманомъ были и радостныя слезы ея, и материнскія ласки... Но заговорщикамъ только того и нужно. Вполнѣ удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, они волокутъ отвергнутаго сына Марѳы дальше, на Лобное мѣсто. Отсюда еще недавно самъ Шуйскій объявлялъ Димитрія подлиннымъ сыномъ Ивана IV; теперь, сорвавъ съ царя одежду, его бросаютъ здѣсь на поруганіе черни. На лицо Димитрія надѣваютъ маску, найденную во дворцѣ; у ногъ его кладутъ тѣло Басманова. Такъ смерть освящаетъ дружбу несчастныхъ. Цѣлыхъ три дня около этихъ изуродованныхъ труповъ разыгрываются самыя отвратительныя и страшныя сцены. Только натѣшившись и надругавшись надъ мертвецомъ досыта, его хоронятъ, наконецъ, за городомъ, въ полѣ, внѣ церковной ограды. Но тѣнь убитаго царя смущаетъ суевѣрныхъ людей. Надъ могилой его по ночамъ видятъ какой-то таинственный свѣтъ. Кое-гдѣ, хотя и робко, начинаютъ слышаться вздохи и сожалѣнія объ убитомъ. Тогда враги Димитрія рѣшили разъ навсегда покончить съ его ненавистной памятью. Трупъ самозванца былъ вырытъ изъ земли. На позорной колесницѣ его сперва возили по улицамъ Москвы. Затѣмъ его свалили на костеръ, сложенный за городомъ. Пламя пожрало останки Димитрія; но и самый пепелъ его внушалъ опасенія заговорщикамъ. Они захотѣли уничтожить и этотъ слѣдъ самозванца. Смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, зарядили пушку. Орудіе выстрѣлило, и прахъ Димитрія развѣяли вѣтры. „Теперь проклятый самозванецъ не воскреснетъ и въ день Страшнаго Суда“, говорили его враги. Эти чудовищныя похороны происходили 9-го іюня. Однако, вернемся къ 27-му мая.

Въ то время, какъ Димитрій испускалъ духъ подъ уда-

рами заговорщиковъ, Маринѣ угрожала самая серьезная опасность. Какъ извѣстно, у полячки было много враговъ; они ненавидѣли и жаждали погубить ее. Когда во дворцѣ стали раздаваться тревожные крики, испуганная, полуодѣтая царица вскочила съ постели и бросилась къ женщинамъ, занимавшимъ болѣе отдаленные покои дворца. Это бѣгство спасло Марину. Не найдя ея въ опочивальнѣ, заговорщики бросились-было въ другія двери; но тутъ на порогѣ одной изъ палатъ имъ преградилъ путь Осмольскій, угрожая обнаженной саблей. На доблестнаго слугу Димитрія посыпались удары; онъ палъ на мѣстѣ съ пронзенной грудью. Черезъ его трупъ мятежники кинулись дальше. Скоро они очутились лицомъ къ лицу съ оцѣпенѣвшими отъ ужаса и дрожащими польскими женщинами. Однако, эти дочери Рѣчи Посполитой героически выдержали испытаніе. Заговорщики потребовали Марины. Но никто не выдалъ несчастной царицы: никто не захотѣлъ бросить ее въ жертву насильникамъ. Какъ разъ въ это время подоспѣли бояре. Они удержали мятежниковъ и отвели Марину со всей ея свитой въ болѣе безопасное мѣсто. При столкновеніи съ заговорщиками пострадала только панна Хмелевская. Эта почтенная женщина была ранена и нѣсколько дней спустя скончалась. Между тѣмъ, положеніе всѣхъ поляковъ, жившихъ въ столицѣ, было критическимъ: исключеніе составляли лишь тѣ, которые успѣли принять мѣры предосторожности. Какъ было сказано, поляки были разселены въ различныхъ частяхъ города. Мятежъ захватилъ ихъ врасплохъ. Вѣсть объ убійствѣ Димитрія поразила ихъ, какъ громомъ; тутъ же имъ стало ясно, что имъ самимъ угрожаетъ гибель. Соединить свои силы для энергическаго сопротивленія они не могли за недостаткомъ времени; а, между тѣмъ, чернь жаждала добычи и крови. Кое-кому удалось отстоять себя. Нѣкоторыхъ было приказано защищать вооруженной силой. Такими счастливцами явились, между прочимъ, послы Сигизмунда. Бояре распо-

рядились оцѣнить ихъ жилище и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ нападенія черни. Болѣе всѣхъ на виду были воевода Сандомирскій и Константинъ Вишневецкій. Имъ пришлось забаррикадировать у себя входы, вооружить людей и выдержать настоящій приступъ. Такія же точно сцены разыгрались и въ другихъ частяхъ Москвы.

Всѣ эти ужасы пережили съ поляками и оба капеллана. Въ день мятежа Савицкій оказался одинъ въ домѣ. Чернь знала, гдѣ живутъ іезуиты. Она окружила это мѣсто и, наконецъ, ворвалась внутрь, выломавъ двери. О сопротивленіи нечего было и думать. Савицкій спасся въ сосѣдній домъ, гдѣ жили литовскіе купцы. Но ему не удалось скрыться отъ народа. Чернь грозно потребовала выдать себѣ іезуита. Тогда пущены были въ ходъ деньги, и народъ нѣсколько успокоился. Вечеромъ за Савицкимъ прислалъ Гонсѣвскій: онъ хотѣлъ поставить своего добраго, стараго друга подъ защиту своей собственной неприкосновенности. На слѣдующій день, желаніе Гонсѣвскаго было исполнено. Подъ охраной бояръ и приставовъ, Савицкаго повели по улицамъ Москвы сквозь строй угрюмыхъ взглядовъ... Наконецъ, онъ благополучно добрался до посольскаго дома, гдѣ былъ принятъ Гонсѣвскимъ съ распростертыми объятіями. Вскорѣ къ Савицкому присоединился и о. Николай. Наканунѣ мятежа онъ отправился къ польскимъ солдатамъ. Съ ними онъ и провелъ кровавый день 27-го мая, послѣ чего, благодаря вмѣшательству пословъ, ему удалось найти убѣжище тамъ же, гдѣ былъ и Савицкій. Впрочемъ, свиданіе обоихъ іезуитовъ было не слишкомъ продолжительнымъ. О. Николай отнюдь не былъ намѣренъ покинуть свой постъ и оставить своихъ солдатъ на произволъ судьбы. Поэтому онъ опять ушелъ къ нимъ, чтобы раздѣлить съ ними ихъ участь, какова бы она ни была. Что касается о. Савицкаго, то, памятуя о своей миссіи, онъ остался съ посланниками, такъ же, какъ и о. Анзеринъ.

Надо замѣтить, однако, что, допуская избіеніе польскихъ

гостей, руководители заговора отнюдь не думали начать настоящую войну съ Рѣчью Посполитой. Имъ нужно было только, чтобы погибъ главный злодѣй, искупая всѣ свои преступленія. Послѣ этого престолъ опять оказывался свободнымъ. Достигнувъ своей цѣли, бояре сочли своимъ долгомъ водворить въ городѣ порядокъ и твердой рукой сдержать ту самую чернь, которую они же подстрекали къ мятежу. Уже къ вечеру 27 мая столица начала принимать обычный видъ; только стража въ большемъ количествѣ проходила по улицамъ, или охраняла нѣкоторые дома. Въ общемъ, безпорядки продолжались всего навсе нѣсколько часовъ; тѣмъ не менѣе, крови было пролито не мало. По-видимому, въ этотъ день было перебито болѣе 500 поляковъ; въ ихъ числѣ были шляхтичи, солдаты, слуги и большинство несчастныхъ музыкантовъ. Вмѣстѣ съ другими, погибъ и Францискъ Помаскій. Онъ стоялъ передъ алтаремъ и кончалъ мессу, одѣтый въ священническое облаченіе. Въ это время къ нему ворвалась толпа; она бросилась на злополучнаго ксендза и на его домашнихъ. Помаскій былъ тяжело раненъ въ общей схваткѣ; послѣ этого онъ прожилъ всего два дня.

Вѣсть о катастрофѣ, разразившейся въ Москвѣ, достигла Польши только въ концѣ іюня, т.-е. со значительнымъ опозданіемъ. О томъ, какое впечатлѣніе произвели эти событія на короля Сигизмунда, мы узнаемъ отъ посланника венеціанскаго, Фоскарини. Онъ изображаетъ намъ этотъ моментъ въ чрезвычайно живыхъ и яркихъ краскахъ. Миссія Фоскарини при Краковскомъ дворѣ была выполнена. Явившись представителемъ Дожа на бракосочетаніи короля и установивъ условія союза между Венеціей и Польшей, онъ получилъ свою прощальную аудіенцію 1 іюля 1606 года. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ, съ чисто-итальянской ловкостью, сумѣлъ вызвать короля на подробный разсказъ о всей исторіи Димитрія. Соединяя въ своемъ лицѣ тонкаго дипломата и опытнаго слѣдователя,

Фоскарини рядомъ заранѣе разсчитанныхъ вопросовъ искусно проникъ въ самую суть этого дѣла. Подробное донесеніе, составленное имъ по этому поводу, воспроизводитъ передъ нами весь діалогъ венеціанскаго посла съ королемъ. За пять дней до этого въ Краковѣ распространился слухъ, будто Димитрій предательски убитъ однимъ изъ своихъ слугъ. Что касается поляковъ, уѣхавшихъ съ Мнишкомъ, то большинство ихъ, будто бы, также перебиты. Одни вѣрили этому извѣстію; другіе, напротивъ, относились къ нему съ сомнѣніемъ. Фоскарини обратился къ королю съ вопросомъ, что значатъ подобные толки.

Король.—Во всемъ этомъ есть значительная доля правды. Источникомъ слуховъ является письмо одного московскаго воеводы. Оно прислано было въ Ливонію на имя канцлера Льва Сапѣги. Тотъ препроводилъ его мнѣ. Письмо увѣдомляетъ о возвращеніи 500 поляковъ на родину. Я не знаю, соотвѣтствуетъ ли эта цифра точному числу тѣхъ нашихъ подданныхъ, которые уцѣлѣли отъ погрома. Что касается Димитрія, то онъ былъ зарѣзанъ на другой день послѣ Троицы, т.-е. на третій день послѣ своей свадьбы. Убійцей явился человѣкъ, который уже раньше былъ изобличенъ однажды въ подобномъ умыслѣ противъ царя. Тогда онъ былъ посаженъ въ тюрьму, и Димитрій собирался предать его казни. Однако, затѣмъ онъ помиловалъ его по просьбѣ поляковъ. Еще до отъѣзда воеводы Сандомирскаго въ Россію я убѣждалъ его не подвергать опасности столькихъ людей и не тратить напрасно средствъ. Но ни онъ, ни шляхта, его сопровождавшая, не вняли моимъ увѣщаніямъ: ихъ увлекла страсть къ приключеніямъ, соединенная съ надеждой на богатую добычу. Мнѣ неизвѣстно, поскольку они сами подали поводъ къ катастрофѣ. Я не знаю даже, уцѣлѣлъ ли Мнишекъ вмѣстѣ съ моимъ посломъ. Дѣло въ томъ, что я отправилъ въ Москву своего уполномоченнаго. Онъ долженъ былъ не только присутствовать при бракосочетаніи Димитрія, но и убѣдить его

отказаться отъ произвольно присвоенныхъ титуловъ. Вѣдь, Димитрій величалъ себя императоромъ, Цесаремъ, Августомъ, герцогомъ Ливонскимъ... Я не могъ признать подобныхъ притязаній безъ ущерба для себя самого и для другихъ государей. Между прочимъ, съ цѣлью покончить съ этими поползновеніями, я предполагалъ передать вопросъ о титулахъ Димитрія на обсужденіе очередного Сейма. Какъ извѣстно, безъ его согласія у насъ не рѣшается ничто.

Фоскарини. — Что касается посла, то, конечно, онъ долженъ былъ уцѣлѣть...

Король. — Я въ этомъ не увѣренъ. Вѣдь, русскіе — варварскій народъ.

Фоскарини.—Но какова же причина всѣхъ этихъ событій?

Король. — Я самъ не знаю этого точно. Достовѣрно то, что передъ отъѣздомъ Димитрій отрекся отъ греческой схизмы и тайно принялъ католичество. Можетъ-быть, въ Москвѣ это и обнаружилось. Надо добавить, что Димитрій не былъ ни сыномъ Ивана IV, ни братомъ Ѳеодора. Когда Мнишекъ явился ко мнѣ съ сообщеніемъ объ этомъ дѣлѣ, я посовѣтовалъ ему не мѣшаться въ него, дабы не повредить Рѣчи Посполитой; но воевода не пожелалъ повиноваться мнѣ. Когда онъ въ первый разъ вступилъ въ московскіе предѣлы, онъ тотчасъ же былъ отброшенъ русскими войсками: еле-еле удалось ему спастись за стѣнами одной крѣпости, которая добровольно открыла ему свои ворота. Однако, въ виду упорныхъ толковъ о томъ, что Димитрій—подлинный сынъ Ивана IV, воевода еще разъ попробовалъ притти ему на помощь. Онъ собралъ войско, прошелъ дальше въ глубь страны и добился того, что на этотъ разъ войска русскія признали Димитрія своимъ истиннымъ государемъ. Достигнувъ тропа, Димитрій пожелалъ вознаградить Мнишка за всѣ его услуги. Для этого онъ женился на его дочери.

Фоскарини.—Если извѣстіе о смерти Димитрія подтвер-

дится, это будетъ тяжкимъ ударомъ не только для Польши, теряющей столькихъ своихъ дворянъ и такія суммы денегъ, но и для всего христіанскаго міра. Вѣдь, Димитрій объявилъ папѣ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ противъ турокъ.

Король.—Правда, объ этомъ шла рѣчь. Потому-то нунцій и отправилъ въ Москву своего племянника, въ качествѣ представителя римской куріи. Этотъ уполномоченный вернулся назадъ съ богатыми дарами и проѣхалъ далѣе въ Римъ. При Димитріи находились также двое іезуитовъ; они также поддерживали въ немъ извѣстное настроеніе. Трудно сказать, однако, на что тутъ можно было расчитывать.

Фоскарини.—Во всякомъ случаѣ, приходится пожалѣть о смерти Димитрія. Вѣдь, онъ былъ бы постояннымъ союзникомъ Польши.

Король. Врядъ ли можно было ему вѣрить. Я лично совершенно разочаровался въ его дружбѣ. Онъ велъ себя вызывающимъ образомъ, и сердечныя отношенія съ нимъ становились невозможными.

Фоскарини могъ быть доволенъ. Изъ устъ самого короля онъ узналъ, что, собственно, произошло въ Москвѣ. Ему выяснились какъ причины катастрофы, такъ и вѣроятныя ея послѣдствія.

Само собою разумѣется, что въ приведенной бесѣдѣ Сигизмундъ откровенъ далеко не до конца. Онъ изображаетъ передъ венеціанскимъ посланникомъ одну лишь официальную сторону своей политики. Онъ не хочетъ открыть ему всѣ свои карты и, однако, быть-можетъ, самъ того не замѣчая, дѣлаетъ чрезвычайно важное признаніе. По его словамъ, Димитрій не былъ сыномъ Ивана Грознаго. У короля нѣтъ сомнѣній на этотъ счетъ. Его взглядъ окончательно установился. Онъ знаетъ, что на тронѣ московскомъ сидитъ самозванецъ... И что же? Онъ сносится съ нимъ, какъ съ равнымъ. Онъ шлетъ къ нему своихъ пословъ. Любопытно, что Фоскарини, повидимому, считаетъ

это совершенно естественнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ даже не пытается найти обстоятельства, извиняющія образъ дѣйствій короля.

Мало-по-малу вѣсть о московской катастрофѣ распространилась по всѣмъ европейскимъ дворамъ, которые интересовались дѣломъ Димитрія. По свидѣтельству посла венеціанскаго, Франческо Соранцо, въ Прагѣ о смерти новаго царя московскаго узнали 21-го августа 1606 года. Здѣсь это извѣстіе вызвало всеобщія сожалѣнія. Димитрія считали добрымъ государемъ, который искренне расположенъ къ римской церкви и готовъ служить высшимъ интересамъ христіанства. Нельзя было найти болѣе удобнаго случая, чтобы обвинить во всемъ іезуитовъ: вѣдь, не даромъ изгоняла ихъ сеньерія изъ Венеціи, не прощая имъ соблюденія папскаго интердикта. Нимало не смущаясь, Соранцо возлагаетъ на нихъ всю отвѣтственность за московскія событія. Это они торопили Димитрія порвать съ православіемъ. Они понуждали его официально признать обряды римской церкви и отпраздновать свое бракосочетаніе съ полячкой при самой торжественной обстановкѣ—на латинскій манеръ, въ соборѣ, откуда изгонялась національная вѣра. Можно ли было дѣлать все это на глазахъ русскаго народа, столь преданнаго обычаямъ старины? Мятежъ и убійства въ Москвѣ явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого безразсуднаго образа дѣйствій. Очевидно, стараясь болѣе убѣдить Дожа въ своей правотѣ, нежели сообщить ему строго провѣренные факты, Соранцо торопится заключить, что іезуиты — вездѣ одни и тѣ же: они всегда кстати и некстати вмѣшиваются въ государственныя дѣла. Раньше они погубили Себастіана Португальскаго; теперь жертвой ихъ явился Димитрій.

Въ Ватиканѣ внезапная гибель Димитрія произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что ея совсѣмъ не ожидали. Царь былъ убитъ въ то самое время, когда папа уже благословлялъ учрежденіе въ Оршѣ іезуитской коллегіи подъ

покровительствомъ польскаго короля и для распространенія истинной вѣры среди русскихъ. Параллельно съ этимъ, папа велъ продолжительныя бесѣды съ Александромъ Рангони и о другихъ планахъ того же рода. Еще 12-го августа кардиналъ Боргезе слалъ Димитрію пожеланія долгой жизни и силъ для работы на пользу Церкви. Тревожная вѣсть распространилась въ Римѣ не ранѣе послѣднихъ чиселъ того же мѣсяца. Сперва ее опровергали; но затѣмъ получились новыя подтвержденія... 9-го сентября римскія депеши выражаютъ опасенія, какъ бы не пришлось проливать „безконечныя слезы". 23-го кардиналъ Боргезе произноситъ, можно сказать, надгробную рѣчь надъ московскимъ царемъ... „Злополучная судьба Димитрія является новымъ доказательствомъ непрочности всѣхъ человѣческихъ дѣлъ", заключаетъ кардиналъ. „Да приметъ Всевышній душу его въ Царство Небесное, а съ нимъ вмѣстѣ да помилуетъ и насъ".

II.

Россія недолго вдовѣла послѣ Димитрія. Трупъ несчастнаго самозванца еще лежалъ на Лобномъ мѣстѣ, когда, 29-го мая, князь Василій Шуйскій провозглашенъ былъ московскимъ царемъ. Вѣнчаніе его на царство было совершено безъ всякой помпы; народъ не участвовалъ въ этомъ торжествѣ; оно происходило какъ бы украдкой. Вскорѣ къ польскому королю прибылъ Григорій Волконскій съ вѣстью о воцареніи новаго государя. Онъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ Сигизмунду тайну столь скораго избранія Шуйскаго. По его словамъ, глава заговора расположилъ въ свою пользу бояръ всяческими обѣщаніями. Онъ не постѣснялся даже посулить имъ надѣленіе ихъ землями, разумѣется, надѣясь впослѣдствіи обойти всѣ такія обязательства подъ предлогомъ народнаго недовольства. Какъ-то, при случаѣ, Сигизмундъ вспомнилъ потомъ объ этомъ предвыборномъ маневрѣ и разсказалъ о немъ нунцію Симонетта. Пусть даже въ своихъ подробностяхъ версія короля не совсѣмъ точна; сущность дѣла передается ею совершенно правильно. Шуйскій былъ возведенъ на тронъ группою бояръ; тѣ же самыя лица и низложили его впослѣдствіи. Все это эфемерное царствованіе было сплошнымъ рядомъ интригъ и ковъ всякаго рода. Это было тѣмъ болѣе опасно, что изъ-за политическаго вопроса вставала уже грозная соціальная проблема.

Чтобы оправдать себя и узаконить свою власть, новое правительство должно было прежде всего смыть пятно крови, пролитой заговорщиками въ Кремлѣ. Ему нужно было, во чтобы то ни стало, изобразить убійство Димитрія, какъ за-

Василiй Iоанновичь Шуйской
Царь и Самодержецъ всероссiйскiй
Wasilii • Joannowicz • Schuiskoi
Tzaar et • Autocrator totius • Russiae

служенное и неизбѣжное возмездіе. То была трудная и неблагодарная задача; однако, она не являлась невыполнимой. Подъ рукою Шуйскаго были данныя пресловутаго углицкаго слѣдствія. Къ нимъ присоединились нѣкоторыя новыя показанія. Къ тому же кое-какія мѣры Димитрія легко было представить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Наконецъ, при обыскѣ во дворцѣ, у Димитрія нашлись компрометирующія письма. Этого было достаточно для того, чтобы создать противъ злополучнаго царя цѣлый обвинительный актъ и окончательно погубить его во мнѣніи народа.

Правительство Шуйскаго не разъ офиціально созывало людей московскихъ, чтобы посвятить ихъ въ тайны минувшаго царствованія. Среди смутъ, чернь уже начинала чувствовать свою силу. Волей-неволей приходилось съ ней считаться, чтобы предупредить возможность новой агитаціи и расположить массу въ пользу правительства. Теперь всѣ, не исключая самыхъ тупыхъ головъ, узнали, что покойный царь не былъ ни сыномъ Ивана IV, ни законнымъ государемъ. Тѣ же самые бояре, которые съ такою готовностью присягали Димитрію, уже клялись, что онъ былъ не кто иной, какъ разстрига, Гришка Отрепьевъ. Разсказывали вновь всю его біографію; изображали всѣ подробности его карьеры. Разумѣется, самозванцу приписывали всевозможныя преступленія; ихъ длинный рядъ завершался злонамѣреннымъ соглашеніемъ съ Польшей и чужеземной оккупаціей московской державы. Если бы Димитрій уцѣлѣлъ на престолѣ, погибла бы вся святая Русь. Казна государственная была бы расхищена; земли московскія—захвачены врагами. Церковь православная подверглась бы гоненіямъ, и весь народъ принужденъ былъ бы принять латинскую вѣру. Что касается бояръ, то всѣ они были бы казнены... Вотъ какое будущее готовилъ самозванецъ для своихъ подданныхъ. Разумѣется, правительство Шуйскаго старалось доказать, что всѣ эти разоблаченія—не выдумка, и не однѣ только догадки. Оно ссылалось на письма папы, Рангони, іезуитовъ,

Юрія Мнишка. Въ сущности, достаточно было уже одной наличности подобной переписки: уже это казалось подозрительнымъ и внушало опасенія. Въ частности, о расправѣ, которая угрожала боярамъ, клевреты Шуйскаго вывѣдали отъ Бучинскаго. *)

Все это, конечно, были одни слова; имъ трудно было успокоить народъ. Отъ времени до времени, то здѣсь, то тамъ, вспыхивали безпорядки. Очевидно, нужно было чѣмъ-нибудь сильнѣе поразить народное воображеніе: это было бы наилучшимъ противодѣйствіемъ грозящей смутѣ. Шуйскому пришла въ голову геніальная мысль. Объ одномъ обстоятельствѣ самозванецъ или позабылъ, или же просто не подумалъ должнымъ образомъ. За все свое царствованіе, продолжавшееся одиннадцать мѣсяцевъ, онъ не вспомнилъ о несчастной угличкой жертвѣ. Между тѣмъ, сынъ Маріи былъ погребенъ въ храмѣ Преображенія со всѣми почестями, подобающими царевичу; съ тѣхъ поръ ничья рука не нарушала его могильнаго сна. Впрочемъ, существуютъ свѣдѣнія, что самозванецъ намѣревался надругаться надъ прахомъ злополучнаго ребенка. Однако, горячее противодѣйствіе со стороны Маріи и боязнь скандала воспрепятствовали ему осуществить свой замыселъ. Какъ бы то ни было, Шуйскій рѣшилъ воспользоваться ошибкою самозванца: прахъ царевича долженъ былъ пригодиться ему для особыхъ цѣлей. Поэтому онъ распорядился вырыть останки младенца Димитрія и перенести ихъ въ Москву. Была снаряжена спеціальная депутація для выполненія этой церемоніи: во главѣ ея былъ поставленъ Филаретъ Романовъ съ двумя братьями Нагими. Покладистые дядья уже опять отреклись отъ своего племянника, явившагося изъ Самбора. Теперь они рѣшительно становились на сторону угличкаго царевича...

---

*) Моск. Гл. Архивъ. *Польскія ст. сп.*, 26. л. 1—2.—Russel, 33.—*Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 296, № 140.

Въ соотвѣтствіи съ требованіями момента, Шуйскому пришлось подвергнуть пересмотру нѣкоторые памятники недавняго прошлаго. Какъ извѣстно, по даннымъ слѣдственной комиссіи, смерть Димитрія являлась дѣломъ несчастной случайности: царевичъ самъ накололся на ножъ въ припадкѣ болѣзни. Такимъ образомъ, онъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, самоубійцей. При данныхъ условіяхъ, такая версія представлялась уже не вполнѣ удобной. Она не отвѣчала запросамъ времени, когда, во что бы то ни стало, нужно было изобразить царевича въ ореолѣ невинной жертвы. Въ виду этого оказалось, что самъ Борисъ Годуновъ отдалъ повелѣніе умертвить несчастнаго младенца: тогда, будто бы, подосланные имъ убійцы зарѣзали этого „непорочнаго агнца“. Эта новая версія являлась какъ-будто болѣе правдоподобной; во всякомъ случаѣ, правительство могло удобнѣе пользоваться ей передъ лицомъ надвигающихся событій.

Когда трупъ младенца былъ вырытъ изъ могилы въ присутствіи Филарета Романова и его спутниковъ, немедленно воздухъ наполнился благоуханіемъ. Тѣло маленькаго покойника сохранилось нетлѣннымъ: оно было совершенно свѣжо и нѣжно, какъ у живого. Такъ же мало пострадала и одежда царевича; только чуть-чуть попортилась обувь... Въ ручкѣ ребенка, вмѣсто пресловутаго ножа, были найдены зажатые орѣшки. Уже весь этотъ внѣшній видъ младенца свидѣтельствовалъ о его святости. Однако, этого было мало: надъ прахомъ царевича начали твориться великія и многія чудеса... Филаретъ немедленно сообщилъ о томъ Шуйскому; само собой разумѣется, царь былъ внѣ себя отъ радости.

Мощи новаго чудотворца рѣшено было перенести въ Москву. 13-го іюня царь съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ уже встрѣчалъ ихъ у себя въ столицѣ. Останки Димитрія были положены въ царской усыпальницѣ, т.-е. въ Архангельскомъ соборѣ. Немедленно чудеса возобновились и здѣсь. Отнынѣ святость царевича могла быть внѣ сомнѣ-

ній; поэтому Шуйскій повелѣлъ установить въ память Димитрія особый церковный праздникъ. Конечно, трудно было признать младенца свѣтильникомъ вѣры; въ виду этого его возвели въ ликъ мучениковъ. Странное мученичество! Оно свидѣтельствовало лишь объ одномъ—именно о жестокости убійцы.

Все это происходило на глазахъ у Марфы. Мало того: она принимала участіе во всѣхъ этихъ торжествахъ. Почести, оказываемыя царевичу, были, въ сущности, жестокой укоризной для царицы-инокини. Она чувствовала это и громко каялась. Какъ было не пожалѣть бѣдной женщины! Сперва она была выдана за Грознаго; затѣмъ ее преслѣдовалъ Борисъ Годуновъ; далѣе ее запугивалъ самозванецъ... Мудрено ли, что ей приходилось лгать и притворяться? Василій Шуйскій и высшее духовенство были тронуты этими признаніями. Они объявили всенародно, что несчастная царица была не столько виновата, сколько одержима злымъ наваждeніемъ. Вотъ почему она заслуживаетъ великодушнаго прощенія. Цѣль правительства была достигнута. Народъ узналъ, что такое злодѣй-самозванецъ. Небо и земля возстали противъ него; изъ гроба своего истинный сынъ Ивана IV свидѣтельствовалъ противъ проклятаго злодѣя своими чудесами...*) И, однако, то былъ лишь призрачный успѣхъ; онъ былъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною. Столь поспѣшная канонизація Димитрія является однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ того времени. Мало ли кто, можетъ быть убитъ! Такой смерти недостаточно, чтобы заслужить мученическій вѣнецъ! Чудеса, совершающіяся точно по заказу, рѣшительно вызываютъ подозрѣніе. Во всемъ этомъ слишкомъ ясно чувствуются тайные расчеты Шуйскаго; что касается духовенства, то въ дѣлѣ Димитрія оно обнаружило слишкомъ большую склонность итти на сдѣлки съ совѣстью.

*) *Русск. Лит.*, т. VIII, с. 78.—*Русск. Истор. Библ.*, т. XIII, 877, 899, Къ чудесамъ Димитрія нѣкоторые современники относились съ недовѣріемъ.

Надо замѣтить, что, при всей своей внушительности, торжества, связанныя съ перенесеніемъ мощей Дмитрія въ Москву, не произвели на народъ особеннаго глубокаго впечатлѣнія. Безпорядки вспыхивали періодически: правительство, очевидно, было безсильно подавить ихъ. Въ моментъ временнаго затишья, въ февралѣ 1607 года, при поддержкѣ своихъ сторонниковъ, Шуйскій въ послѣдній разъ пытался апеллировать къ религіозному чувству. Для этой цѣли онъ обратился къ бывшему патріарху Іову—пособнику Бориса Годунова и врагу Лжедимитрія. Старецъ былъ вызванъ изъ ссылки и, по приглашенію царя, прибылъ въ столицу. Когда онъ вошелъ въ Успенскій соборъ, тамъ встрѣтила его цѣлая толпа; тутъ же былъ и новый патріархъ, Гермогенъ. Выйдя на амвонъ, протодіаконъ громогласно прочелъ челобитную отъ лица московскихъ людей. Оказывается, ихъ замучила совѣсть. Они измѣнили присягѣ, которую приносили Борису Годунову и Ѳеодору; затѣмъ, вопреки закону, они клялись въ вѣрности самозванцу. Къ крестному цѣлованію приводилъ ихъ всѣхъ патріархъ Іовъ; онъ же пусть и разрѣшитъ отъ этихъ клятвъ ихъ, московскихъ людей, и весь русскій народъ, всѣхъ предстоящихъ и отсутствующихъ, живыхъ и мертвыхъ. Съ канонической точки зрѣнія подобное ходатайство москвичей было совершенно неумѣстно. Новый патріархъ былъ облеченъ тѣми же правами, что и старый; болѣе того,—разъ онъ явился преемникомъ Іова, ему одному принадлежала теперь власть вязать и разрѣшать. Но Шуйскаго мало интересовали эти мелочи. Ему нужно было только возможно прочнѣй скрѣпить узы, соединявшія его съ народомъ, и освятить ихъ религіознымъ началомъ. Отвѣтъ Іова былъ, очевидно, приготовленъ заранѣе; характерно, что правительство распорядилось огласить его немедленно ко всеобщему свѣдѣнію. Бывшій патріархъ отпускалъ всѣмъ ихъ вину и требовалъ вѣрности Шуйскому. Дрожащими губами взволнованный старецъ произнесъ въ заключеніе

нѣсколько словъ примирительнаго характера, обращаясь къ народу. Но всѣ эти завѣты были скоро забыты. Никто не внялъ голосу благоразумія *).

Между тѣмъ, Шуйскій всячески старался успокоить страну. Самъ онъ, не покладая рукъ, работалъ въ Москвѣ; отсюда его посланія достигали самыхъ отдаленныхъ угловъ царства. Послушныя перья усердно строчили грамоты, въ которыхъ изображалась вся исторія Гришки Отрепьева, излагались признанія Марѳы, восхвалялись чудеса, творимыя мощами Димитрія и доказывались права Василія на престолъ. На всемъ пространствѣ тогдашней русской земли духовенство читало эти посланія въ церквахъ, а воеводы объявляли ихъ народу.

Это было, такъ сказать, офиціальными сообщеніями правительства. На ряду съ ними возникла своего рода офиціозная литература: она получала директивы изъ дворца и пыталась создать въ обществѣ желаемое настроеніе. Въ этой кампаніи принимали участіе лучшіе грамотеи того времени. Обнаруживая больше служебнаго рвенія, нежели бережливаго обращенія съ фактами, они наперерывъ кадили Шуйскому. Большинство подобныхъ панегириковъ представляютъ весьма незначительную цѣнность для исторіи. Наибольшаго вниманія среди нихъ заслуживаетъ *Извѣтъ старца Варлаама*, къ которому мы еще вернемся. Даже въ свое время всѣ подобныя произведенія могли похвастаться скорѣе чисто-литературнымъ успѣхомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ вліяніемъ на общественную жизнь. Ихъ читали, переписывали, сокращали, подвергали всяческой переработкѣ... Но большой готовности стать подъ знамя Шуйскаго что-то было незамѣтно **).

Будучи поглощенъ внутренней смутой, царь не долженъ былъ забывать и о внѣшнихъ дѣлахъ. Здѣсь на первомъ

*) *Акты Арх. Экс.*, т. II, с. 148, № 67.

**) *Собр. Гос. Грам.*, т. II, с. 302, № 144 и сл. — *Платоновъ*. Очерки, 136.

мѣстѣ стоялъ польскій вопросъ. Катастрофа 27 мая смѣшала всѣ шашки: создалось положеніе, полное противорѣчій и чреватое всевозможными недоразумѣніями. Мы знаемъ, что польскій король имѣлъ много основаній жаловаться на Димитрія. Несмотря на это, въ Москвѣ его считали лучшимъ другомъ самозванца. Прибѣгая къ самымъ курьезнымъ софизмамъ, Сигизмунду теперь ставили въ вину, что онъ оказывалъ вооруженную поддержку Лжедимитрію. Но, вѣдь, этого соискателя престола сами же русскіе призвали на царство. Правда, отъ этихъ жалобъ и сѣтованій до объявленія войны было еще далеко. Однако, создавался удобный случай для охотниковъ ловить рыбу въ мутной водѣ,— тѣмъ болѣе, что остававшіеся въ Москвѣ поляки могли, при надобности, послужить и заложниками.

Прежде всего, этихъ несчастныхъ подвергли самой тщательной сортировкѣ. Изъ нихъ составили три группы. Къ первой принадлежала молодая вдова Димитрія съ отцомъ, родственниками и всей свитой; во вторую вошли оба посланника со своимъ штатомъ; къ третьей были отнесены простые солдаты. Въ сущности, если не говорить объ условныхъ формахъ обращенія, со всѣми этими категоріями обходились одинаково *).

Всего болѣе хлопотъ правительству было съ третьей группой. Конечно, оно охотно отослало бы назадъ въ Польшу столько лишнихъ ртовъ; однако, и здѣсь соображенія высшей предусмотрительности одержали верхъ. Такимъ образомъ, эти послѣдніе остатки арміи Димитрія пробыли въ плѣну около трехъ лѣтъ. По крайней мѣрѣ, о. Николай, который оставался неразлученъ со своею паствой, вернулся въ Краковъ только 13-го февраля 1609 года. Онъ былъ счастливъ, что въ теченіе столь долгаго срока,

---

*) Крак. Музей Чартор., 1654, 39 и сл. — *Ильиновскій*, 97, сл. — *Собр. Гос. Грам.*, т. II, стр. 329 и сл. №№ 157—159.— *Тургеневъ*, т. II, стр. 92, LXXVII.—*Вѣлевицкій*, т. II, стр. 152.

несмотря на всяческія испытанія, каждый день совершалъ мессу, исполнялъ требы своихъ единовѣрцевъ и поддерживалъ ихъ мужество. Повидимому, сами русскіе не могли отказать ему въ уваженіи *).

Итакъ, правительство Шуйскаго не хотѣло отпустить отъ себя польскихъ волонтеровъ. Тѣмъ болѣе основаній было задержать въ Москвѣ пословъ Сигизмунда. Не видя болѣе смысла въ своемъ пребываніи при русскомъ дворѣ, уполномоченные польскаго короля выразили было желаніе немедленно выѣхать обратно. Однако, предчувствуя, что въ Польшѣ они будутъ свидѣтелями противной стороны, бояре энергически запротестовали противъ ихъ отъѣзда. Конечно, они старались при этомъ прикрыть свои истинныя побужденія личиной законности. Нельзя же было открыто и прямо посягать на священное право пословъ! Лукавая тактика бояръ проявилась уже на собраніи 6 іюня. Въ этотъ день послы были приглашены во дворецъ. Находясь еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ кровавыхъ сценъ, представители Сигизмунда III тревожились и за свою собственную судьбу. Немудрено, что на этотъ разъ царскія палаты показались имъ печальными и мрачными. Зловѣщая тишина царила во дворцѣ; вездѣ попадались испуганныя лица. Въ импровизованномъ совѣщаніи бояръ предсѣдательствовалъ князь Мстиславскій. Присутствовали двое братьевъ Шуйскихъ, Голицыны, Нагой, Романовъ и Татищевъ. Еще вчера они пресмыкались у ногъ Димитрія. Теперь они подняли головы и выступали обвинителями противъ бывшаго своего государя. Этотъ переходъ былъ такъ рѣзокъ и неожиданъ, что казался какимъ-то сномъ. Тѣмъ не менѣе, войдя въ свою роль, Мстиславскій прочелъ длинный обвинительный актъ. Здѣсь царь Димитрій отождествлялся съ Гришкой Отрепьевымъ; разумѣется, вопросъ объ отвѣтственности за этотъ обманъ разрѣшался совершенно

---

*) *Наше Собраніе*, 1609, 14 февр., письмо *Чиржовскаго* къ *Аквавивѣ*.

произвольно. Единственными виновниками всего оказывались поляки. Вѣдь Смирной Отрепьевъ официально предупреждалъ ихъ, что мнимый царевичъ—не кто иной, какъ его племянникъ, Гришка; второе посольство вновь подтвердило это сообщеніе. Поляки не пожелали считаться съ этимъ. Нарушивъ мирный договоръ съ Москвою, они оказывали сознательную поддержку самозванцу. Отсюда и пошли всѣ бѣды.

Конечно, посланники безъ всякаго труда выяснили односторонность подобнаго построенія и освѣтили ту часть вопроса, которая намѣренно оставлялась въ тѣни. „Сами русскіе первыми присягнули, что Димитрій—истинный сынъ Ивана IV," заявили они. „Вы же, бояре, звали его къ себѣ; вы его вѣнчали на царство, вы клялись ему въ вѣрности. Зачѣмъ же обвиняете вы поляковъ? Вѣдь они только послѣдовали вашему примѣру".

При такой постановкѣ вопроса обѣ стороны чувствовали себя стѣсненными. Ни русскіе, ни поляки не рѣшались говорить открыто. Но, во всякомъ случаѣ, положеніе первыхъ было хуже. Всѣ хитрости Татищева были безсильны исправить дѣло. Князь Мстиславскій, очевидно, склонный къ религіознымъ размышленіямъ, попытался-было сослаться на грѣхи людскіе; въ нихъ, по его мнѣнію, надо искать причины всѣхъ несчастій. Однако, этотъ выводъ не очень-то утѣшалъ пословъ короля; ихъ терзало мучительное безпокойство за свою судьбу. Они заявили, что желаютъ немедленно вернуться на родину. Тогда было рѣшено, что объ этомъ будетъ доложено царю. Но бояре, видимо, не слишкомъ торопились съ этимъ дѣломъ. Вотъ почему, нѣсколько дней спустя, встревоженные послы представили категорически и рѣзко мотивированное требованіе, которымъ надѣялись ускорить свой отъѣздъ.

Но какое глубокое и горькое разочарованіе ожидало ихъ! 15-го іюня къ нимъ явился все тотъ же надоѣдливый Татищевъ; онъ принесъ съ собою бумаги Димитрія и началъ мучить пословъ чтеніемъ этихъ документовъ. Затѣмъ

онъ объявилъ имъ, что въ Польшу отправляются князь Волконскій съ дьякомъ Андреемъ; имъ поручено уладить тамъ нѣкоторыя неотложныя дѣла. Что касается ихъ, посланниковъ, то имъ придется подождать въ Москвѣ возвращенія русскихъ уполномоченныхъ отъ польскаго короля. Эта новость поразила поляковъ, какъ громомъ. Они поняли, что попали въ ловушку; всѣ ихъ протесты оказывались безплодными; грубая внѣшняя сила торжествовала. Несказанная печаль овладѣла несчастными. Они расчитывали недолго пробыть въ Москвѣ: теперь судьба обрекала ихъ на пребываніе въ чужой землѣ въ теченіе многихъ дней, вдали отъ родины, вдали отъ семьи... Конечно, дѣламъ и интересамъ ихъ угрожалъ великій ущербъ, да, притомъ,—въ какихъ условіяхъ должны были они влачить свое существованіе въ Россіи? Ихъ помѣстили кое-какъ, въ тѣсныхъ и неудобныхъ домахъ, биткомъ набитыхъ людьми, лошадьми и всякимъ скарбомъ. Кормили ихъ скудно и совсѣмъ не въ то время, когда имъ, дѣйствительно, хотѣлось ѣсть. Какъ за злоумышленниками, за ними былъ установленъ самый бдительный надзоръ. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ были для нихъ невозможны; имъ не позволено было выходить изъ дому, такъ что дышали они только спертымъ и испорченнымъ воздухомъ своего жилища... Словомъ, сыновья свободной Польши оказывались въ условіяхъ самаго невыносимаго рабства. Тѣмъ не менѣе, при помощи уловокъ и хитростей всякаго рода, имъ удавалось порой получать вѣсти и даже переписываться съ нужными людьми. Между прочимъ, Николай де-Мелло присылалъ имъ длиннѣйшія письма изъ Соловецкаго монастыря, торопясь заранѣе заручиться ихъ заступничествомъ и вернуть себѣ свободу... Однако, всѣ эти сношенія совсѣмъ или почти совсѣмъ не ободряли бѣдныхъ плѣнниковъ. Жизнь ихъ текла печально и однообразно, въ вѣчной борьбѣ съ тюремщиками. Взоры бѣдныхъ поляковъ были съ отчаяніемъ устремлены на Польшу. Они ждали

оттуда желаннаго слова свободы. Но радостная вѣсть медлила.

Не краше была и судьба Марины съ ея отцомъ. Побѣдители съ какимъ-то цинизмомъ спѣшили отнять у нихъ все имущество. Цѣнныя вещи и крупныя суммы денегъ были конфискованы; изъ конюшенъ воеводы были выведены кони; тонкія вина, хранившіяся въ погребахъ Мнишка, расхищены были безсовѣстными грабителями. Алчность бояръ не смущалась трауромъ молодой царицы. У Марины были отобраны не только подарки Димитрія, но и тѣ драгоцѣнности, которыя принадлежали ей раньше. Покидая дворецъ, пріютившій ее на столь короткое время, злополучная супруга Димитрія оставляла въ чужихъ рукахъ все свое богатство: еле-еле, изъ жалости, ей позволили взять нѣсколько рубашекъ. Уступая энергическимъ требованіямъ Марины, бояре разрѣшили ей перебраться къ отцу. Первая фраза, произнесенная ею при свиданіи съ Мнишкомъ, прозвучала, какъ смѣхъ сквозь слезы... „Я хотѣла бы", заявила Марина, „чтобы мнѣ лучше отдали моего негритенка, чѣмъ всѣ мои драгоцѣнности; а, вѣдь, у меня ихъ было такъ много!" Удары судьбы не сломили еще Марины: въ ней было слишкомъ много юности; она полна была жизни... Безпечная полячка съ отчаянной смѣлостью бросала свой вызовъ будущему. И будущее подняло перчатку.

Разсказываютъ, будто, невзирая на катастрофу, Мнишекъ во что бы то ни стало хотѣлъ соблюдать у себя этикетъ, приличествующій сану царицы Марины; поэтому онъ окружилъ свою дочь атмосферой самаго почтительнаго вниманія. Въ основѣ этой комедіи скрывался весьма опредѣленный и важный расчетъ: Сандомирскому воеводѣ нужно было такъ или иначе поддержать на головѣ Марины пошатнувшуюся корону. Подобно утопающему, который цѣпляется за соломенку, Мнишекъ пытался воспользоваться присягой, принесенной Маринѣ; опираясь на эти клятвы, онъ надѣялся обезпечить за дочерью власть правительницы. Тѣ внѣшніе зна-

ки почтенія, которыми онъ окружалъ молодую царицу, должны были подготовить почву для такого исхода. Одновременно съ этимъ, если вѣрить Сигизмунду, Мнишекъ предпринималъ и болѣе активные шаги въ томъ же направленіи, сносясь съ боярами. Однако, мечты его скоро были разбиты. Въ Москвѣ и слышать не хотѣли о передачѣ власти женщинѣ. Совсѣмъ уже странное впечатлѣніе производитъ версія, сообщаемая архіепископомъ Арсеніемъ. По его словамъ, предполагалось обойти возникшія затрудненія при помощи чисто-политическаго брака. Точнѣе говоря, явилась мысль о женитьбѣ Василія Шуйскаго на вдовѣ Димитрія *). Правда, вновь избранный царь нарушилъ вынужденный обѣтъ безбрачія, принятый имъ на себя еще при Годуновѣ. Однако, въ супруги себѣ онъ избралъ свою соотечественницу. Очевидно, поляковъ не жаловали въ Россіи. Скоро Мнишку пришлось убѣдиться въ этомъ еще нагляднѣе.

Сандомирскій воевода былъ подвергнутъ особому допросу. Бояре хотѣли вывѣдать все досконально. Они желали знать, какими мотивами руководился Мнишекъ, поддерживая Димитрія, и каковы, вообще, были его отношенія къ самозванцу. Казалось, трудно было удачнѣе выбрать моментъ для дѣйствительнаго раскрытія истины. Мнишекъ былъ въ плѣну; онъ не зналъ, что его ожидаетъ; онъ видѣлъ только, что его обвиняютъ въ пособничествѣ Димитрію... Чѣмъ можно было сразить враговъ? Для этого нужно было бы только доказать, что убитый царь былъ подлиннымъ сыномъ Ивана IV. О, конечно, Мнишекъ очень хотѣлъ бы сдѣлать это! Вѣдь дѣло шло о его чести и безопасности; вѣдь все будущее Марины зависѣло отъ его показанія. И что же? Онъ категорически утверждаетъ, что Димитрій не былъ обманщикомъ; однако, аргументація его поражаетъ своею слабостью. Совершенно ясно, что свои свѣдѣнія о погибшемъ царѣ онъ почерпнулъ изъ того же источника, что и Вишневецкій; гово-

*) *Дмитріевскій*, 139, 232. —

ря иначе, онъ просто повѣрилъ Димитрію на-слово. Каковы его свидѣтели со стороны поляковъ? Все тѣ же — ливонецъ, подосланный Сапѣгой, и плѣнникъ изъ Пскова; никакихъ новыхъ данныхъ онъ не добылъ. И, однако, противъ бояръ у Мнишка имѣлись кое-какіе козыри. „Я хотѣлъ", говорилъ онъ, „только одного: именно, торжества истины и справедливости. Но я ни за что не переступилъ бы русской границы, если бы сами московскіе люди не призвали къ себѣ Димитрія. Вѣдь они сами взялись за оружіе во имя его дѣла и провели всю кампанію..." Въ заключеніе, по примѣру пословъ, онъ разражался укоризнами противъ бояръ. „Зачѣмъ вы вѣнчали его на царство? Зачѣмъ вы присягали ему?" Конечно, бояре совсѣмъ не были расположены отвѣчать на столь неудобные вопросы. Они отдѣлывались ссылками на Гришку Отрепьева. При этомъ нравственныя соображенія такъ мало принимались въ расчетъ, что на явныхъ лжесвидѣтелей, какъ Нагіе, готовы были опереться, какъ на достаточный авторитетъ; эти почтенные братья служили своего рода высшей моральной инстанціей!..

Пока шли всѣ эти безплодные переговоры, воевода съ дочерью оставались подъ неусыпнымъ надзоромъ бояръ. 25 іюня ихъ перевели на жительство въ бывшій домъ Аѳанасія Власьева; самъ владѣлецъ подвергся опалѣ и сосланъ былъ далеко изъ Москвы. Въ своемъ новомъ жилищѣ отецъ съ дочерью пробыли недолго. Въ концѣ августа всѣмъ полякамъ, за исключеніемъ пословъ, было приказано выѣхать изъ Москвы. Воевода съ дочерью и ближайшими родственниками высланы были въ Ярославль; съ ними вмѣстѣ отправились туда и бернардинцы, въ числѣ которыхъ былъ и о. Анзеринъ. То было настоящимъ изгнаніемъ, со всѣми его лишеніями и бѣдствіями; впереди же не было, повидимому, никакихъ надеждъ. Подобная перемѣна въ судьбѣ поляковъ была вызвана угрозой политическихъ осложненій.

III.

Напрасно объясняли бояре появленіе и торжество Димитрія однѣми только польскими интригами. Вскорѣ дѣйствительность ясно обнаружила несостоятельность такого сужденія. Все зло коренилось во внутреннихъ условіяхъ русской жизни, отъ которыхъ страдали всѣ классы населенія. Что касается иноземнаго вмѣшательства, то оно было вызвано, именно, общегосударственной смутой. Это было несомнѣнно для всякаго, кто наблюдалъ все усиливающуюся на Руси разруху.

Не успѣло государство оправиться отъ удара, испытаннаго 27-го мая; не смолкли еще церковныя проклятія противъ Гришки Отрепьева, какъ Русь поражена была новой вѣстью. Царь Димитрій не убитъ. Онъ живъ и здоровъ и собирается вернуться въ Москву... При такихъ условіяхъ, разъ Димитрій продолжалъ существовать, вопросъ о его происхожденіи вновь сталъ предметомъ усиленнаго вниманія. Что же было извѣстно обо всемъ этомъ? 12-го августа 1606 года усердный корреспондентъ Поссевина, о. Босгравенъ, въ одномъ и томъ же письмѣ сообщалъ ему и объ убійствѣ Димитрія, и о его воскресеніи. Послѣдній слухъ только начиналъ распространяться. По словамъ Босгравена, русскіе люди относились къ этимъ толкамъ съ явнымъ недовѣріемъ. Что касается поляковъ, то они раздѣлились на два лагеря. Одни были такими же скептиками, какъ и русскіе. Другіе, напротивъ, утверждали, что Димитрій былъ своевременно

предупрежденъ о заговорѣ и успѣлъ спастись, пользуясь темнотою ночи; погибъ же кто-то другой, кого убійцы приняли за царя. Поэтому, будто бы, такъ и старались они уничтожить останки убитаго; конечно, сожженіе его трупа лучше всего отвѣчало ихъ цѣлямъ, ибо послѣ этого никакая провѣрка личности погибшаго была уже невозможна. Босгравенъ кончаетъ письмо слѣдующими словами: „Только что прибыли двое іезуитовъ изъ Вильно; они самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаютъ, что убитъ былъ не кто иной, какъ Димитрій. Такимъ образомъ, на этотъ счетъ не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній". *)

Къ сожалѣнію, не всѣ были такъ добросовѣстны и требовательны, какъ о. Босгравенъ. Особенно легко поддавались соблазну чудесной легенды люди маленькіе, со слабо развитымъ критическимъ смысломъ. Живой примѣръ подобнаго увлеченія мы находимъ въ лицѣ одного итальянскаго купца, Франческо Таламіо. Вернувшись съ ярмарки изъ Голиціи, онъ привезъ своимъ обычнымъ покупателямъ свѣжій товаръ и послѣднія новости.

Исторія Димитрія фигурировала у него на первомъ планѣ. По словамъ Таламіо, русскій царь живетъ здравъ и невредимъ въ Самборѣ, въ монастырѣ бернардинцевъ. Тутъ его заботливо скрываютъ и охраняютъ. О приключеніяхъ Димитрія разсказываютъ слѣдующее: шли какіе-то трое неизвѣстныхъ. Къ одному изъ нихъ спутники относились съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Вдругъ подъѣзжаетъ экипажъ. Таинственный незнакомецъ сѣлъ въ него и уже не выходилъ. Затѣмъ этотъ экипажъ видѣли въ Самборѣ. Его сопровождали двое всадниковъ. Послѣ этого путешественники какъ въ воду канули. Но въ замкѣ все сразу преобразилось. До того времени воевода Мнишекъ былъ погруженъ въ печаль. Теперь онъ не плачетъ больше, и на лицѣ его играетъ улыбка. Одна изъ служанокъ замка разбол-

*) *Наше Собраніе*, Автографъ письма *Босгравена къ Поссевину*.

тала тайну на базарѣ: оказалось, что причиной радости воеводы является возвращеніе Димитрія въ Самборъ. Таламіо увѣрялъ, будто на его глазахъ одинъ заклятый врагъ царя, мечтавшій видѣть его на висѣлицѣ, вынужденъ былъ признать, что Димитрій ускользнулъ отъ смерти. Что касается сторонниковъ рокоша, то они открыто говорили объ этомъ. Все это убѣдило простодушнаго итальянца, что царь московскій, дѣйствительно, живъ. Разумѣется, нашлись еще болѣе наивные люди, которые охотно слушали его и вѣрили баснямъ.

Всѣ эти толки, ходившіе среди народной массы, варьировались самымъ причудливымъ образомъ. Мало-по-малу они проникли и въ высшія сферы общества. Въ этомъ пришлось убѣдиться, между прочимъ, и о. Барчъ; въ извѣстномъ смыслѣ, онъ даже самъ содѣйствовалъ распространенію подобныхъ слуховъ. Какъ разъ въ это время черезъ Кіевъ проѣзжала депутація изъ Сѣверска, разыскивая бѣжавшаго Димитрія; представители ея были твердо увѣрены, что отыщутъ царя въ какомъ-нибудь замкѣ. Объ этомъ сообщилъ Барчу мѣстный епископъ Казимірскій; надо замѣтить, что самъ онъ былъ убѣжденъ въ гибели Димитрія. Съ этимъ ни за что не хотѣли согласиться нѣкоторые изъ бывшихъ офицеровъ арміи самозванца. Особенно горячо доказывалъ обратное нѣкій Валевскій со слугою своимъ, Сигизмундомъ Криноскимъ. По ихъ словамъ, имъ лучше всего извѣстно дѣло. И, дѣйствительно, они смѣло передавали всѣ подробности событій, прямо называя ихъ участниковъ по именамъ. О. Барчъ подвергъ ихъ допросу. Оба показали, что у Димитрія были два двойника. Одного звали Борковскій, а другой былъ племянникомъ Мосальскаго. За исключеніемъ знаменитой бородавки, во всемъ остальномъ они походили на Димитрія до иллюзіи. Поэтому, когда у царя являлось желаніе сбросить съ себя узы этикета, онъ налѣплялъ кому-нибудь изъ своихъ двойниковъ искусственную бородавку и одѣвалъ его въ свое платье. Этотъ маскарадъ всегда

удавался Димитрію: никому и въ голову не приходила мысль о мистификаціи. Такимъ-то образомъ и 27-го мая Димитрій парядилъ царемъ Борковскаго. Несчастный испустилъ духъ подъ ударами заговорщиковъ. Самъ же царь бѣжалъ изъ Москвы на лихомъ скакунѣ. Дальнѣйшій ходъ событій вполнѣ соотвѣтствовалъ столь необыкновенному началу. Немудрено, что порою въ душу о. Барчъ закрадывались сомнѣнія. Впрочемъ, во всей этой фантастической исторіи было нѣчто такое, что представлялось ему знаменательнымъ, даже провиденціальнымъ указаніемъ. „Пока Димитрій сохранялъ признательность къ своему великому благодѣтелю, т.-е. польскому королю", разсуждалъ онъ, „судьба посылала ему успѣхъ; какъ только онъ сталъ обнаруживать неблагодарность по отношенію къ Его Величеству, счастье отъ него отвернулось". Не въ силахъ будучи самъ разобраться въ своихъ противорѣчивыхъ впечатлѣніяхъ, о. Барчъ считалъ своимъ долгомъ сообщить нунцію всѣ подробности переданнаго ему разсказа. При этомъ, съ своей стороны, онъ вносилъ нѣкоторыя оговорки. Во-первыхъ, всю отвѣтственность за достовѣрность приводимыхъ фактовъ онъ возлагалъ на самихъ свидѣтелей. Во-вторыхъ, очевидно, въ соображеніяхъ сугубой осторожности, онъ просилъ никому не говорить, откуда нунцій почерпнулъ всѣ эти свѣдѣнія.

Сообщеніе о. Барчъ окончательно сбило Рангони съ толку. Разсказни Франческо Таламіо были уже ему извѣстны. Съ другой стороны, ни Савицкій, ни Анзеринъ, изображая московскія событія, почему-то ни слова не упомянули о судьбѣ Димитрія. Это обстоятельство казалось нунцію въ высшей степени знаменательнымъ. 21-го октября 1606 года онъ получилъ отъ о. Андрея торжествующее письмо. Глубоко удрученный катастрофой, разразившейся въ Москвѣ, бывшій духовникъ царя отправился-было въ Самборъ. Очевидно, онъ надѣялся отыскать здѣсь Димитрія здравымъ и невредимымъ. Но увы, его ожидало самое горькое разочарованіе... Однако, горе о. Андрея скоро смѣнилось живѣй-

шей радостью. Во Львовъ явился къ нему одинъ офицеръ, который показалъ ему письмо отъ супруги Сандомирскаго воеводы. Мать Марины категорически завѣряла, что Димитрій живъ; въ военныхъ кругахъ господствовало, будто бы, то же самое убѣжденіе. Разумѣется, о. Андрей не помнилъ себя отъ восторга.

Всѣ эти толки были настолько упорны, что, въ концѣ-концовъ, изъ Кракова въ Самборъ былъ командированъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей бернардинскаго каптула; на него было возложено офиціальное порученіе—произвести основательное разслѣдованіе по поводу распространяющихся слуховъ. Уполномоченный привезъ въ Краковъ заявленіе, скрѣпленное подписями его саморскихъ собратьевъ: они свидѣтельствовали, что Димитрія нѣтъ въ ихъ монастырѣ, и что со времени его отъѣзда въ Россію его больше не видали въ Самборѣ. Однако, чѣмъ болѣе неуловимъ былъ царь, тѣмъ усерднѣе старались нѣкоторые воскресить его изъ мертвыхъ. 5-го января 1607 года, наканунѣ Богоявленія, во Львовъ прибылъ изъ Ярославля бывшій секретарь Димитрія, Янъ Бучинскій. Между прочимъ, онъ посѣтилъ и о. Андрея, который былъ когда-то его духовнымъ отцомъ. Бучинскій клялся, что Димитрію удалось спастись. По его словамъ, дѣло царя не только не пропграно, но пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе шансовъ на успѣхъ. Марина знаетъ объ этомъ и съ петерпѣніемъ ждетъ къ себѣ мужа. Въ заключеніе, Бучинскій подробно разсказалъ о своемъ пребываніи въ домѣ Мнишковъ... Сердце добраго о. Андрея опять преисполнилось свѣтлыхъ надеждъ; въ головѣ его вновь зародились планы дѣятельности среди русскихъ *).

---

*) Ватик. Арх., отд. Боргезе, II, 499, Relatione d'un mercante italiano; Moscovitica (донесенія о. Барча), 1606, 2-ое сентября; письмо *Рангони къ кардиналу Боргезе;* 31-го октября—*Лавицкаго къ Рангони*— II, 230, 1605, 25 и 28 сентября, 25 ноября—*Рангони къ кардиналу Боргезе.*— II, 234, 1607, 12 января—*Лавицкій къ Стриверп.*

Колебанія, переживаемыя Рангони, отражались и на настроеніи Ватикана. Краковскій нунцій пересылалъ въ Римъ всѣ документы, попадавшіе въ его руки. Онъ сообщалъ всѣ новыя данныя и слухи..... Въ зависимости отъ того, какой тонъ господствовалъ въ этой корреспонденціи, кардиналъ Боргезе переходилъ отъ сомнѣнія къ вѣрѣ и обратно. Во всякомъ случаѣ, онъ не хотѣлъ, чтобы событія застали его врасплохъ. Больше всего интересовалъ его вопросъ, почему же, если царь живъ, онъ такъ долго скрывается въ неизвѣстности? Въ отвѣтъ на это сторонники Димитрія осторожно намекали, что, быть-можетъ, причиною этого являются опасенія царя, какъ бы ему не поплатиться за свою неблагодарность по отношенію къ польскому королю. Слыша это, кардиналъ начиналъ заранѣе обдумывать, какими бы мѣрами примирить обѣ стороны. Онъ уже сочинялъ соотвѣтственныя посланія къ Сигизмунду и обращался къ Димитрію со словами поученія. Пусть царь выкажетъ раскаяніе. Пусть отдалитъ отъ себя еретиковъ. Пусть во всемъ стремится къ славѣ Божіей. Но уже въ инструкціяхъ отъ 18-го ноября 1606 года, данныхъ преемнику Рангони, чувствуется новый упадокъ духа. Здѣсь съ прискорбіемъ констатируется, что, со смертью Димитрія, всѣ мечты на союзъ съ Москвою рухнули... Впрочемъ, въ заключительныхъ словахъ этого любопытнаго документа еще слышится какая-то робкая надежда. *).

Впрочемъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, что современники, жившіе въ Польшѣ или Римѣ, терялись передъ множествомъ разнорѣчивыхъ извѣстій о Димитріи. Вопреки мнѣнію о. Босгравена, сами русскіе не знали, какого берега держаться. Повидимому, однимъ изъ первыхъ началъ распространять волнующіе толки о спасеніи Димитрія любимецъ этого царя, Михаилъ Молчановъ. Молва, подхваченная итальянцемъ Таламіо на ярмаркѣ, была лишь слабымъ эхо тѣхъ

*) Ватик. Арх., Polonia, 173, f. 93—97, 102 etc...

разсказовъ, что ходили въ то время среди русскихъ. Во всякомъ случаѣ, все это возбуждало умы; легенда распространялась съ поразительной быстротой. Роковой промахъ, допущенный Василіемъ Шуйскимъ, ускорилъ наступленіе взрыва, который готовился уже давно. Немедленно по вступленіи на престолъ новый царь разослалъ по отдаленнымъ областямъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Димитрія. Для того, чтобы смягчить тяжесть этой кары, нѣкоторыхъ изъ нихъ назначили на отвѣтственныя должности по мѣстной администраціи. Такъ было, между прочимъ, съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ. Этотъ человѣкъ былъ искренне преданъ Димитрію. По натурѣ своей онъ былъ весьма энергиченъ и предпріимчивъ. Правительству Шуйскаго пришла въ голову несчастная мысль — назначить его воеводой въ Путивль. Въ сущности, это значило поставить Шаховскаго во главѣ самыхъ горячихъ приверженцевъ самозванца и вооружить его всѣми средствами для организаціи возстанія. Конечно, Шаховской не преминулъ воспользоваться случаемъ. Поднявъ знамя царя Димитрія, онъ объявилъ о скоромъ возвращеніи бѣжавшаго государя и началъ призывать къ оружію всѣхъ русскихъ людей. Кличъ путивльскаго воеводы оказалъ магическое дѣйствіе. Народная масса заколебалась.

Дальнѣйшія событія бросаютъ яркій свѣтъ на общественныя отношенія тогдашней Россіи. Наступала пора расплаты за политическія ошибки и злоупотребленія властью, допущенныя при Иванѣ IV и Борисѣ Годуновѣ... Шаховскому оставалось только слѣдовать примѣру Димитрія. На призывъ его откликнулись казаки и холопы, бѣглецы и всякій бродячій людъ. Всѣ они собрались подъ его знамена. Очень часто династическій вопросъ служилъ для нихъ только предлогомъ; на самомъ же дѣлѣ, они стремились лишь къ поживѣ и волѣ. Въ челѣ этого грознаго движенія шли пасынки судьбы, обездоленные элементы всякаго рода. Когда-то правительство пользовалось ими, какъ передовой силой въ борьбѣ съ татарами. Теперь они подня-

лись противъ него самого. Бѣдный возсталъ на богатаго, гонимый—противъ гонителя. Готовился соціальный реваншъ; Немезида шествовала среди криковъ мести. Быть-можетъ, правитель съ желѣзной рукой и съ орлинымъ взоромъ сумѣлъ бы сдержать это стихійное движеніе. Но Василія окружали предатели. Самъ же онъ былъ, въ сущности, ничтожествомъ.

Полякамъ было отлично извѣстно все, что происходитъ у сосѣдей. То, что совершалось въ русскомъ государствѣ, интересовало ихъ тѣмъ болѣе, что теперь вмѣшательство въ эту внутреннюю борьбу было для Польши удобнѣе, чѣмъ когда-либо. Рокошъ доживалъ послѣдніе дни. Ливонія была уже замирена... Профессіональные воякн оставались безъ дѣла. Какъ должна была соблазнять ихъ при такихъ условіяхъ военная прогулка въ Россію! Предлогъ для вторженія былъ налицо. Вѣдь столько соотечественниковъ было убито русскими; столько ихъ еще томилось въ плѣну. Развѣ можно было найти лучшій поводъ для отмщенія? Наградой рыцарямъ должна была служить богатая добыча отъ грабежа. Немедленно въ Польшѣ стали организоваться вооруженные отряды. Во главѣ ихъ стали испытанные воины, которые и повели своихъ товарищей за русскій рубежъ. Первое мѣсто среди этихъ храбрецовъ занималъ Александръ Лисовскій. То былъ не то бандитъ, не то полководецъ. Отважный, выносливый, быстрый, какъ молнія, онъ не зналъ соперника въ дѣлѣ организаціи набѣговъ. Одно имя его наводило ужасъ на враговъ, на голову которыхъ онъ обрушивался всегда неожиданно, какъ громъ. Князь Романъ Рожинскій и Янъ-Петръ Сапѣга также приняли участіе въ этомъ вторженіи. Впрочемъ, они все дѣлали видъ, что ведутъ регулярную войну съ русскими и даютъ имъ сраженія по всѣмъ правиламъ искусства. Что касается казаковъ, то они были готовы на все. Стоило атаману Заруцкому подать знакъ,— и рубаки съ Дона и Днѣпра тотчасъ откликнулись на его зовъ. Словомъ, со всѣхъ сторонъ въ Россію слетались хищ-

ники; духъ мятежа и анархіи усиливался съ каждымъ днемъ.

Рано или поздно, но лицо, во имя котораго поднялись массы, должно было перестать быть призракомъ и облечься въ плоть и кровь. Вожди движенія не могли дождаться, когда же, наконецъ, явится герой, вокругъ котораго они объединятся. Съ каждымъ днемъ положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Конечно, Димитрій не могъ воскреснуть изъ пепла; люди, посвященные въ истину, отлично понимали это. Но гдѣ найти смѣльчака, который сумѣлъ бы принять на себя роль царя и послужилъ-бы орудіемъ въ рукахъ мятежниковъ? Послѣ ряда безуспѣшныхъ попытокъ, желанное лицо было, наконецъ, найдено. Вотъ еще темная фигура! Относительно этого человѣка ходили самые фантастическіе разсказы. По словамъ Вѣлевицкаго, то былъ бывшій секретарь Димитрія. Оставшись безъ дѣла по смерти самозванца, онъ нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ одного священника, въ Могилевѣ. Но здѣсь онъ отплатилъ своему покровителю самой черной неблагодарностью. Имъ увлеклась хозяйка дома. Оскорбленный мужъ сперва насытилъ свою месть ударами плети; затѣмъ онъ выгналъ своего гостя, возвращая ему свободу... пиценствовать, гдѣ угодно. Чуть не умирая съ голоду, злополучный любовникъ добрался до Стародуба. Здѣсь, неизвѣстно какъ, ему удалось выдать себя за Димитрія. Вскорѣ его формально признали царемъ, и онъ сталъ во главѣ войска*). Въ сущности, онъ ровно ничего не смыслилъ въ военномъ дѣлѣ. Но это ничего не значило. Возлѣ него были свѣдущіе люди, которые помогали ему своими совѣтами и указаніями. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ и цѣлаго ряда испытаній, въ 1608 г. Лжедимитрію II посчастливилось дойти, наконецъ, до Тушина, расположеннаго верстахъ въ двѣнадцати отъ Москвы. Здѣсь онъ и учредилъ свою резиден-

*) *Вѣлевицкій*, II, 239.

цію. Сперва Тушино превратилось въ укрѣпленный лагерь; затѣмъ это мѣсто, пріобрѣтшее впослѣдствіи столь печальную извѣстность, приняло видъ настоящаго города. Постепенно въ немъ сконцентрировались значительныя военныя силы. Конечно, чтобы продовольствовать ихъ, въ Тушино стекалось множество народа. Тутъ были купцы, предлагавшіе свои товары; сюда же приходили и тѣ, которые торговали своей честью. Тушино самымъ серьезнымъ образомъ угрожало Москвѣ. Не даромъ прозвище *Тушинскій Воръ* такъ и осталось за Лжедимитріемъ II.

Теперь въ Россіи воцарилась анархія. Напрасно одержалъ Василій Шуйскій нѣсколько побѣдъ. Тщетно, въ борьбѣ со своими врагами, потопилъ онъ одного изъ вождей смуты, Болотникова, и повѣсилъ Петрушку, мнимаго сына царя Ѳеодора. Всѣ эти удары были, какъ будто, мимо цѣли. Страна была охвачена пламенемъ. Смута раздирала государство. Ничто не мѣшало вторженію враговъ. Народъ не вѣрилъ своему царю. Масса была во власти темныхъ искателей приключеній; она повиновалась разрушительнымъ влеченіямъ гнѣва и мести. Василій ясно видѣлъ опасность своего положенія. И раньше онъ не хотѣлъ войны съ Польшей. Теперь онъ тѣмъ болѣе былъ склоненъ къ мирному рѣшенію всякихъ споровъ съ нею. Сами обстоятельства помогли ему въ этомъ.

Мы знаемъ, что въ Краковъ былъ отправленъ изъ Москвы кн. Волконскій. Этому послу ничего не удалось добиться въ Польшѣ Разумѣется, его разспрашивали о томъ, что произошло въ Москвѣ. Чуть ли не съ первыхъ словъ Волконскій заявилъ съ досадой, что Димитрій, дѣйствительно, убитъ. Но это ничего не значитъ: поляки сумѣютъ воскресить его изъ мертвыхъ. Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго. Немудрено, что единственнымъ результатомъ этихъ сношеній было отправленіе въ Москву польскаго посольства. Уполномоченными короля явились Друцкій-Соколинскій и

Витовскій. Оба они прибыли въ Кремль 22 октября 1607 года. Обстоятельства требовали отъ русскаго правительства энергическихъ мѣръ. Однако, и на этотъ разъ оно осталось вѣрно своимъ традиціямъ. Къ великому огорченію Олесницкаго и Гонсѣвскаго, переговоры затянулись. Мучимые тоскою и изнемогая въ напрасныхъ ожиданіяхъ какого-нибудь исхода, несчастные плѣнники пригрозили, наконецъ, своимъ тюремщикамъ, что прибѣгнутъ къ силѣ, дабы во что бы то ни стало пробиться къ польской границѣ. Для того, чтобы эти слова не остались пустымъ звукомъ, они принялись за приготовленія къ побѣгу. Потребовалось вмѣшательство бояръ, чтобы хотя сколько-нибудь успокоить злополучныхъ плѣнниковъ.

Между тѣмъ, положеніе Василія Шуйскаго съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Это не могло не сдѣлать его болѣе покладистымъ. Такъ или иначе, 23 іюля 1608 года съ поляками былъ заключенъ мирный договоръ на три года и 11 мѣсяцевъ. Первымъ условіемъ, которое поставила Польша, было освобожденіе всѣхъ подданныхъ короля, насильственно удерживаемыхъ до той поры московскимъ правительствомъ. Съ своей стороны, поляки обязывались не помогать своими силами Тушинскому Вору. Такимъ образомъ, взаимоотношенія обоихъ государствъ были урегулированы. Теперь Василію оставалось только раздавить внутренняго врага, лишеннаго посторонней помощи: конечно, при такихъ условіяхъ борьба съ нимъ должна была оказаться, сравнительно, легкимъ дѣломъ. Но договоръ, заключенный между державами, сохранилъ свою силу только на бумагѣ. Противники не сложили оружія. Предательство продолжало свою подземную работу, и Сигизмундъ III уже обдумывалъ планъ войны съ Москвою. Нужно было еще немного времени, чтобы гроза разразилась.

Пока у польскихъ пословъ шли переговоры съ правительствомъ Василія Шуйскаго, Мнишекъ съ дочерью были вызваны изъ Ярославля въ Москву. Конечно, они прежде

другихъ поляковъ должны были воспользоваться свободой, гарантированной соглашеніемъ обоихъ государствъ. Имѣя это въ виду, стороны условились заранѣе, что Марина откажется отъ всякихъ притязаній на царскую власть. Такимъ образомъ, жизнь Сандомирскаго воеводы опять входила въ свое русло: впереди его ожидала мирная старость. Ему оставалось только вернуться въ Самборъ. Здѣсь дочь его опять замкнулась бы въ тѣсномъ кругу семьи. Самъ Юрій Мнишекъ нашелъ бы привычный кровъ своего дома, вновь занялся бы служебными дѣлами и отдыхалъ бы въ бесѣдахъ со своими бернардинцами... Однако, судьба рѣшила иначе. Естественно является вопросъ—было ли то дѣломъ случая, или же ненасытное честолюбіе Мнишка опять толкнуло его на путь превратностей?

Немедленно по заключеніи договора, семья Мнишекъ покинула Москву вмѣстѣ съ Олесницкимъ и Гонсѣвскимъ. Поляки выѣхали подъ охраной пятисотъ всадниковъ. Очевидно, правительство опасалось ловушки, хотя поѣзду и приказано было слѣдовать окольными путями. Несмотря на всѣ предосторожности, уйти отъ бѣды не удалось. Въ одномъ мѣстѣ, изъ опасенія засады, отрядъ, сопровождавшій поляковъ, рѣшилъ-было вернуться назадъ. Дѣло шло о потерѣ двухъ или трехъ дней; зато можно было расчитывать на полную безопасность дальнѣйшей дороги. Этотъ планъ вызвалъ горячіе споры. Послы никакъ не могли столковаться между собою. Въ концѣ-концовъ, каждый рѣшилъ поступить по-своему. Гонсѣвскій вполнѣ довѣрился русскимъ. Къ нему присоединился другъ его, Савицкій. Ни тому ни другому не пришлось пожалѣть объ этомъ. На обратномъ пути они встрѣтили новыя подкрѣпленія. Подъ этой охраной, хотя и съ небольшимъ запозданіемъ, они благополучно добрались, наконецъ, до польской границы. Что касается Олесницкаго и Мнишка, то они ни за что не хотѣли терять время на какіе-либо обходы. Поэтому они прямо поѣхали впередъ. Но здѣсь-то и ждала ихъ ловушка.

Тушинскій воръ уже давно высматривалъ ихъ издали. Обладаніе Мариной было для него важнѣе любой побѣды. А что, если она признаетъ его своимъ мужемъ? Какъ возрастетъ его обаяніе въ глазахъ народа! Трудно сказать, было ли здѣсь какое-нибудь тайное соглашеніе, или же все произошло совершенно неожиданно для поляковъ. Во всякомъ случаѣ, путники были настигнуты сильнымъ отрядомъ конницы. Нападающіе безъ труда отбили Мнишковъ отъ ихъ охраны и передали ихъ въ руки Сапѣги, который отправилъ ихъ въ Тушино. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ Польшу, Марина съ отцомъ опять вернулись къ Москвѣ.

Это событіе было чревато весьма серьезными послѣдствіями. Между прочимъ, краковскій нунцій былъ убѣжденъ, что все было заранѣе подстроено хитрымъ Мнишкомъ. Король былъ того же мнѣнія. По крайней мѣрѣ, въ декабрѣ 1608 года онъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ Рангони намѣренія Сандомирскаго воеводы. „Мнишекъ остается при Димитріи, чтобы придать ему больше вѣсу“, замѣтилъ король: „онъ хочетъ женить его на своей дочери, какъ только новому претенденту удастся достигнуть престола. Присяга, принесенная когда-то Маринѣ народомъ, должна облегчить выполненіе этого плана“. Съ другой стороны, подлинность извѣстнаго письма Димитрія II къ Мнишку отъ 22-го августа 1608 года вызываетъ рѣшительныя сомнѣнія у историковъ. Вотъ почему всѣ они въ одинъ голосъ обвиняютъ воеводу въ томъ, что онъ самъ содѣйствовалъ похищенію Марины Тушинскимъ Воромъ. Какъ бы то ни было, если даже со стороны Мнишка и допущены были нѣкоторыя ошибки, онъ, во всякомъ случаѣ, искупилъ ихъ своимъ возвращеніемъ въ Польшу. Въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Сейма въ 1611 году, онъ болѣе или менѣе удовлетворительно объяснилъ свои мотивы. Рѣчь эта говорилась въ присутствіи короля. Конечно, Сигизмунду очень легко было бы внести поправки въ заявленія оратора и,

если нужно, изобличить его во лжи. Однако, по своему обыкновенію, король предпочелъ не вмѣшиваться: пусть сенаторы сами разбираются въ своихъ спорахъ *).

Тѣ же сомнѣнія возникаютъ и относительно Марины. Была ли она только жертвой? Сама ли обрекла себя на жизнь, полную превратностей? По собственной ли волѣ дѣлила дочь магната свое ложе съ самозванцемъ? Или же, быть-можетъ, ее принудили къ тому угрозами или насиліемъ? Эта бурная эпоха въ жизни Марины болѣе всего покрыта тайной. Свидѣтелемъ первой встрѣчи ея съ Тушинскимъ Воромъ былъ Янъ Сапѣга. Онъ вынесъ изъ этой сцены самое тяжелое впечатлѣніе. По его словамъ, бывшая царица крайне холодно приняла новаго претендента. Одинъ изъ слугъ Олесницкаго, по возвращеніи изъ Тушина, разсказывалъ объ этомъ же свиданіи, воспроизводя самыя драматическія подробности. Онъ изображалъ, какъ Марина, оскорбленная въ своемъ женскомъ достоинствѣ, движимая непреодолимымъ отвращеніемъ къ самозванцу, схватила ножъ. Занеся его надъ своей грудью, она въ отчаяніи кричала раздирающимъ голосомъ: „Лучше смерть!..“ Впрочемъ, Мартинъ Стадницкій ничего не говоритъ объ этомъ благородномъ, хотя и слишкомъ недолгомъ сопротивленіи Марины; онъ ничего не знаетъ о томъ, чтобы въ груди ея гордость боролась съ отчаяніемъ. Вообще, этотъ царедворецъ забываетъ о прежней своей угодливости. Почти безъ всякихъ доказательствъ, онъ утверждаетъ, что во всемъ своемъ позорѣ виновата сама же Марина. Она первая начала сношенія съ Тушинымъ. Она же условилась съ нимъ о мѣстѣ засады... Послѣ этого, переодѣтая гусаромъ, она бросилась въ объятія Димитрія. Пусть все это — вымыселъ; во всякомъ

---

*) *Акты... Западн. Россіи*, т. IV, стр. 264, № 177.—*Собр. Госуд. Грам.* т. II, стр. 336, № 160.—Ватик. Арх., отд. Боргезе, II, 226, 1608, 5 октября, *Сношенія къ Боргезе*. См. приложенія № 3,—Wielewicki, t. II, стр. 277.—Краковск. Библ. Ягеллоновъ, 102, f. 457.

случаѣ, нельзя отказать ему въ извѣстномъ романтизмѣ *).

Какъ бы то ни было, остается несомнѣннымъ, что Маринѣ пришлось пережить жестокій кризисъ. Послѣ него она совершенно преобразилась. Ее называютъ любовницей Вора. Едва ли вполнѣ справедливъ столь категорическій приговоръ. Въ сущности, и Марина, и Лжедимитрій II были совершенно свободны. Каноническія правила не ставили ихъ союзу никакихъ преградъ. Наконецъ, при Маринѣ находился бернардинецъ, о. Антоній. Въ качествѣ духовника бывшей царицы располагая широкой властью вязать и разрѣшать, онъ могъ, конечно, благословить союзъ ея съ Димитріемъ II **). Впрочемъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ судей законный бракъ бывшей царицы съ Тушинскимъ Воромъ еще отягощаетъ ея вину; съ точки зрѣнія самой Марины, то было, пожалуй, непослѣдовательностью... Но мы сказали уже, что дочь Мнишка была совершенно неузнаваема. Повидимому, несчастія ничему ея не научили. Превратности судьбы лишь нарушили ея душевное равновѣсіе. Въ одиночествѣ и изгнаніи ея страстность обратилась въ экзальтацію. Марина вся ушла въ свои переживанія. Но въ себѣ самой она обрѣла могучую силу сопротивленія. Поэтому, когда новымъ капризомъ судьбы или же собственнымъ порывомъ она опять была брошена въ вихрь событій, она не уклонилась отъ выпавшей ей роли: напротивъ, она приняла ее смѣло, рискуя погубить себя навѣки. Прежде она была воплощенной покорностью по отношенію къ своимъ родителямъ и дядѣ, кардиналу

---

*) Корол. Арх. въ Стокгольмѣ, отд. Браге, 349. f. 8.—Ватик. Арх., отд. Боргезе, II, 226, 1608, 8 ноября, *Сношенія съ кардиналу Боргезе*. Библ. Баваровскаго въ Львовѣ, Stadnicki, f. 29, сл.

**) Въ журналѣ Краковской нунціатуры (Relazioni del Nunzio) мы находимъ слѣдующую помѣтку: „Si crede sia maritata (Marina) con finto Demitrio per mano d'un frate Bernardino, et é nel campo di Demetrio, benché il palatino padre scrive ché sara presto in Polonia e la lasciará in qualche castello".—Ватик. Арх., отд. Боргезе, IV, 274, f. 94.

Мацѣйовскому; какъ извѣстно, онъ долженъ былъ стать ея совѣтникомъ и руководителемъ. Теперь Марина рѣшительно противится отцу; ничто не можетъ сломить ея упрямой воли. Въ январѣ 1609 года воевода разстался съ дочерью. Онъ уѣхалъ изъ Тушина, даже не благословивъ Марины. Что произошло между бывшей царицей и ея отцомъ? Никто не знаетъ этого. Нѣкоторое время спустя, бѣдная Марина написала Сандомирскому воеводѣ письмо. Она просила у него прощенія; она каялась въ своихъ винахъ передъ нимъ... Но и здѣсь къ чувствамъ дочери примѣшивалось неистребимое легкомысліе женщины: обѣщая исправиться, Марина проситъ отца прислать ей чернаго бархата на платье. Такъ странно, такъ причудливо сочетались въ этомъ сердцѣ противоположныя влеченія! И, все-таки, привязанность къ семьѣ пережила въ душѣ Марины всяческія разочарованія. Это ясно видно изъ писемъ несчастной женщины, относящихся къ 1609 году. Впрочемъ, такъ же цѣпко держалась Марина и за иллюзію своего царственнаго величія. Она писала краковскому нунцію въ такомъ тонѣ, какъ будто бы еще находилась въ Кремлевскомъ дворцѣ; казалось, она все еще собирается осуществить тѣ великіе планы, которые намѣчались когда-то до ея отъѣзда изъ Польши. Еще въ 1609 году самборскіе бернардинцы украшаютъ жертвенникъ своей церкви серебряными свѣтильниками, присланными царицей (Czarowa) Мариной. Самъ воевода Мнишекъ въ разлукѣ съ дочерью хранилъ къ ней горячую отеческую любовь. На Сеймѣ 1611 года онъ подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны членовъ собранія. Они обвиняли стараго воеводу въ честолюбіи и эгоизмѣ. Отвѣчая имъ, онъ говорилъ, какъ отецъ, болѣющій душою за свое дитя. По его словамъ, ему самому нужно немногое. Онъ хотѣлъ, чтобы Марина пала къ ногамъ своего короля. Взамѣнъ московской короны, которую она повергла бы къ стопамъ своего государя, она охотно приняла бы какую-нибудь область въ предѣлахъ родной Польши; послѣ этого она

снова вернулась бы къ мирной частной жизни. Въ Тушинѣ воевода, будто бы, не измѣнилъ долгу совѣсти: онъ сорвалъ личину съ вора-самозванца. Но дочь не послѣдовала его совѣтамъ. По возвращеніи въ Польшу онъ, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ съ ней переписку. Но кто же осмѣлится упрекнуть его за это? Въ заключеніе, воевода горестно сѣтовалъ о долѣ Марины, которой онъ хотѣлъ пожертвовать ради блага родины... Неужели отчизна забудетъ свою несчастную дочь? Къ сожалѣнію, до насъ не дошло писемъ воеводы къ Маринѣ. Что касается посланій Лжедимитрія II къ Сандомирскому воеводѣ, то они живо воскрешаютъ передъ нами образъ авантюриста, который старается какимъ угодно путемъ достигнуть трона. Онъ щедро сыплетъ обѣщаніями денежныхъ наградъ и земельныхъ пожалованій, хотя въ рукахъ у него еще нѣтъ ничего *).

Что касается Рима, то свѣдѣнія о Лжедимитріи II дошли сюда лишь со значительнымъ опозданіемъ. Кардиналъ Боргезе получалъ самыя разнорѣчивыя сообщенія. Онъ не зналъ, чему вѣрить. Во всякомъ случаѣ, ему все еще хотѣлось надѣяться, что царевичъ Димитрій рано или поздно вновь появится на сценѣ; разумѣется, онъ докажетъ, что пережитыя испытанія сумѣли научить его многому; тогда съ новымъ жаромъ онъ примется за свое дѣло. Какъ многаго можно ожидать отъ кающагося неофита! Въ этомъ смыслѣ кардиналъ писалъ Рангони, а, послѣ отъѣзда его изъ Кракова, и новому нунцію. Повидимому, по большей части, тонъ этой перепискѣ давали донесенія обоихъ уполномоченныхъ римской куріи. И тотъ, и другой нунціи, несомнѣнно, находились подъ воздѣйствіемъ самыхъ противоположныхъ слуховъ.

Въ концѣ 1606 года по Австріи проѣзжалъ новый

---

*) См. письма Мнишка, Марины и Лжедимитрія II въ Собр. Гос. грам., т. II, с. 336—373.—Самбор. Арх. Бернардинца, Acta, f. III.—Библ. Ягел. въ Краковѣ, 102. f. 457.

нунціи, Симонетта, направляясь къ мѣсту своего назначенія, въ Краковъ. Дорогой онъ узналъ, что Димитрій благополучно избѣгъ смерти и готовится нанести своимъ врагамъ неожиданный ударъ. Миновалъ почти годъ пребыванія нунція въ Краковѣ: однако, свѣдѣнія, полученныя имъ, ничѣмъ не подтверждались. Напротивъ, порою до Симонетта доходили совсѣмъ иные слухи. Въ октябрѣ 1607 года король получилъ письмо изъ Москвы отъ Олесницкаго. Посолъ завѣрялъ Сигизмунда, что Димитрій живъ. Это произвело въ Краковѣ извѣстное впечатлѣніе. Но не прошло и мѣсяца, какъ настроеніе опять стало измѣняться: большинство, повидимому, проникалось убѣжденіемъ, что, вѣроятнѣе всего, Димитрій погибъ 25 ноября. Симонетта вновь пересматриваетъ данныя за и противъ смерти царя. Онъ убѣждается, что они, положительно, уравновѣшиваютъ другъ друга. Тогда онъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ этомъ вопросѣ. „Дай Богъ, чтобы Димитрій былъ живъ", шепчетъ онъ: „но мнѣ кажется, что этотъ слухъ имѣетъ подъ собою недостаточно твердую почву".

Проходитъ еще нѣсколько недѣль. Въ самомъ концѣ 1607 года—новое сенсаціонное извѣстіе. Въ Римъ пріѣзжаютъ двое сыновей Сандомирскаго воеводы, Николай и Сигизмундъ. Съ ними прибылъ ихъ воспитатель. Молодые люди пожелали представиться папѣ. Здѣсь они предъявили любопытный документъ. Супруга воеводы сообщала, что она получила собственноручное письмо Димитрія. Конечно, такое свидѣтельство приходилось признать чрезвычайно важнымъ. Тѣмъ не менѣе, кардиналъ Боргезе продолжалъ свои разслѣдованія. Что касается Павла V, то онъ попрежнему напоминалъ Сигизмунду о злополучныхъ плѣнникахъ, т.-е. воеводѣ Мнишкѣ съ дочерью, которые все еще томились въ Ярославлѣ. Папа находилъ, что они заслуживаютъ лучшей доли. Поэтому дважды, 5 іюля 1607 года и 1-го іюля 1608, онъ въ деликатной формѣ просилъ короля принять участіе въ ихъ судьбѣ. Весь 1608 годъ прошелъ въ

безплодныхъ переговорахъ и столь же напрасныхъ розыскахъ. Только въ 1609 году Мнишекъ получилъ свободу. Что касается истинной роли Димитрія, то она выяснилась лишь тогда, когда Сигизмундъ рѣшился, наконецъ, высказаться болѣе или менѣе опредѣленно. Теперь онъ готовился къ войнѣ съ Россіей. При такихъ условіяхъ было весьма своевременно разоблачить въ лицѣ Димитрія самаго вульгарнаго обманщика и темнаго искателя приключеній *).

*) Ватиканскій арх., Polonia, 173, f. 90, сл.; отдѣлъ Боргезе, II, 234; Arm, 45, III, f. 27, n° 73; т. IV, n° 46.

КНИГА V.

ПОЛЯКИ ВЪ КРЕМЛѢ.

ГЛАВА I.

Война съ Россіей.

1609—1618 гг.

I. Новое направленіе польской и римской политики. — Предложенія московскихъ бояръ.—Тайныя порученія князя Волконскаго.—Появленіе новаго уполномоченнаго съ тѣми же самыми инструкціями.—Легкая добыча.—Финансовый вопросъ.—Позиція Симонетта.—Кампанія на Ватиканъ.—Проекты и воспоминанія.—Мотивировка войны Сигизмундомъ III.—Отношеніе Ватикана къ этому вопросу.—Недостатокъ всесторонникъ свѣдѣній у Куріи, какъ слѣдствіе ея пассивности.—Ватиканъ становится на сторону поляковъ.—Точка зрѣнія кардинала Боргезе.—Папская посылка Сигизмунду III. — Желанія короля.—Аттака со стороны королевы.—Слезы и выразительное пожатіе плечъ.—Вольскій въ Римѣ.—Отказъ Куріи въ субсидіи. — Остроумные пріемы Вольскаго. — Затруднительное положеніе Павла V. — Финансовыя нужды Куріи.—Сикстъ V и Стефанъ Баторій.—Признаніе папы. — Отвѣтъ, внушенный нунцію. — Чрезвычайное посольство. — Павелъ Волуцкій. — Его инструкціи. — Милостивое вниманіе папы. — Павелъ V даруетъ субсидію въ 40.000 червонцевъ.—Неудовольствіе короля. — Запоздалый укоръ. — О. Бембо и подарки кардинала Боргезе.

II. Война съ Россіей.—Причины увѣренности Сигизмунда III въ побѣдѣ.—Отъѣздъ изъ Кракова.—Переходъ черезъ границу.—Жолкѣвскій, какъ главный герой войны.— Мудрѣйшій изъ совѣтниковъ. — Побѣда при Клушинѣ.—Отголоски ея въ Москвѣ.—Низложеніе Василія Шуйскаго.—Насильственное заточеніе его въ монастырь.—Избраніе Владислава царемъ.—Русское посольство въ Смоленскѣ.—Занятіе Москвы Жолкѣвскимъ.—Торжество его въ смоленскомъ лагерѣ.— Лжедимитрій II бѣжитъ въ Калугу. — Критическое положеніе Марины. — Ея письмо Сигизмунду III. — Марина присоединяется къ Лжедимитрію.—Безлюдье въ Тушинѣ.—Походъ Вора на Москву и возвращеніе въ Калугу.—Нечаянныя удачи.—Охота.—Месть Петра Урусова.—Убійство Вора.—Отчаяніе Марины.—Рожденіе Ивана.—Осада Смоленска.—Побѣдоносный приступъ.—Сигизмундъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ.—Роль плѣннаго царя.—Инструкціи Сигизмунда III.— Сеймъ 1611 г.—Сарматская держава.—

Государственное и вѣроисповѣдное объединеніе. — Сеймъ санкціонируетъ войну.

III. Война и дипломатія. — Кровавыя событія въ Москвѣ. — Россія поднимается. — Польскій гарнизонъ во вражеской странѣ. — Сигизмундъ и Владиславъ подъ Москвою.—Вынужденное отступленіе. — Мирныя предложенія.— Заруцкій, Марина и Иванъ Димитріевичъ.—Ихъ бѣгство. — Выдача ихъ русскимъ.—Судьба бѣглецовъ.—Марина передъ судомъ исторіи. Смягчающія обстоятельства.—Отношеніе Сигизмунда III къ Михаилу Романову.—Посредничество Императора Матвѣя. — Плачевный исходъ переговоровъ.— Война съ Москвою.—Походъ Владислава.—Переписка его съ папою.— Предполагаемыя затрудненія при вѣнчаніи Владислава на царство.—Мнѣніе окружающихъ.— Два письма Владислава къ Павлу V. — Двойная просьба королевича и ея формулировка.— Серьезный вопросъ, превращающійся въ вѣроисповѣдный казусъ.—Три пункта въ обращеніи къ св. Инквизиціи.—Отрицательный и недостаточно полный отвѣтъ.—Павелъ V дополняетъ недоговореннос. — Отвѣтъ папы.—Его склонность къ католическому обряду коронованія.—Предосторожности нунція. — Владиславъ заявляетъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ.— Деулинскій миръ.

I.

1609-ый годъ ознаменованъ былъ въ Польшѣ рѣзкимъ поворотомъ внѣшней политики на новый путь. Эта перемѣна отразилась и на настроеніи Ватикана. Римская Курія послѣдовала примѣру Кракова. Почти всегда попытки договора или союза между славянскими державами завершались враждебнымъ столкновеніемъ заинтересованныхъ сторонъ. Такой исходъ имѣла и проблематическая дружба короля Сигизмунда съ Димитріемъ I. Въ концѣ-концовъ, она разрѣшилась войною.

Никогда, казалось, обстоятельства не были болѣе благопріятны для поляковъ. Сперва, какъ будто, сами русскіе шли навстрѣчу Сигизмунду, желая сближенія обоихъ государствъ. Какъ помнитъ читатель, уже въ концѣ 1605 года соотвѣтственные шаги были предприняты отъ имени группы бояръ Безобразовымъ; лица, уполномочившія этого посла, стремились возможно скорѣе избавиться отъ Димитрія. Съ тѣхъ поръ сношенія такого рода не прекращались. Конечно, они велись тайкомъ, причемъ направленіе ихъ было со-

вершенно противоположно официальнымъ нотамъ. Въ то время не существовало еще секретной дипломатіи. Людовикъ XV не успѣлъ дать ея образецъ. Тѣмъ не менѣе, весьма нерѣдко одни и тѣ же лица, безъ зазрѣнія совѣсти, вели двойную игру. Другими словами, одно они заявляли публично, и совершенно иное говорили съ глазу на глазъ. Именно такое положеніе создалось въ 1606 г., когда кн. Волконскій прибылъ къ польскому двору съ увѣдомленіемъ объ избраніи Василія Шуйскаго, котораго Польшѣ предлагалось признать законнымъ государемъ. Что могло быть естественнѣе подобной миссіи? Однако, кое-кто изъ поляковъ узналъ объ истинной ея цѣли. Въ тѣсномъ кругу посвященныхъ въ тайну Волконскій заявилъ, что бояре рѣшили низложить Василія Шуйскаго; вмѣсто него они готовы избрать Сигизмунда или его сына Владислава. Самъ посолъ заявилъ себя горячимъ сторонникомъ польской кандидатуры. Онъ только просилъ показать ему королевича. Въ концѣ-концовъ, все устроилось къ его удовольствію.

Нѣкоторое время спустя, въ Краковъ прибылъ новый уполномоченный. Его прислала та же самая группа бояръ; на этотъ разъ она подтверждала уже извѣстныя свои предложенія. Съ удивительнымъ простодушіемъ довѣренный бояръ признавался, что Лжедимитрій II является только орудіемъ, которымъ они пользуются противъ Шуйскаго. Онъ просилъ короля двинуть свои войска къ границѣ. По его словамъ, Сигизмунду помогутъ завладѣть всѣмъ русскимъ государствомъ безъ всякаго сопротивленія и излишняго шума. Королю не стоило бы большого труда припомнить, что то же самое обѣщали когда-то московскіе люди первому самозванцу. Конечно, это могло быть для него весьма важнымъ предостереженіемъ... Обо всемъ этомъ мы узнаемъ отъ нунція Симонетта. Источникомъ его свѣдѣній, былъ, несомнѣнно, самъ король *).

*) См. Приложенія № 3-й.

Приглашенія со стороны москвичей соблазняли Сигизмунда. Въ довершеніе всего, наиболѣе авторитетные люди изъ среды самихъ поляковъ изображали ему русское государство, какъ добычу, которая только ждетъ смѣлой руки. Эти совѣтники увѣряли, что въ Россіи царитъ анархія. По ихъ словамъ, могучую нѣкогда державу раздираютъ партійныя распри, заливаютъ кровью иноземцы... Какое же сопротивленіе можетъ оказать она побѣдоносному натиску Польши? Томившійся въ плѣну Олесницкій также старался воздѣйствовать на короля. Онъ утверждалъ, что за послѣдніе годы, благодаря непрерывнымъ смутамъ, свирѣпствующимъ въ русскомъ государствѣ, тамъ погибло болѣе ста тысячъ человѣкъ. Цѣлые города обезлюдѣли и опустѣли. У Шуйскаго нѣтъ ни войска, ни денегъ. Враждебная ему партія явно береть верхъ и склоняется въ пользу кандидатуры польскаго короля *). Другіе подходили прямо къ практической сторонѣ вопроса. По ихъ мнѣнію, нужно немедленно завладѣть Смоленскомъ. То была значительная крѣпость, которая постоянно манила къ себѣ поляковъ, пока находилась въ русскихъ рукахъ. Теперь многіе были убѣждены, что этотъ городъ самъ откроетъ передъ Сигизмундомъ свои ворота, видя въ королѣ своего желаннаго освободителя.

Въ сущности, въ глазахъ самого Сигизмунда, война съ Москвою была простымъ вопросомъ времени и формы. По матери будучи связанъ съ династіей Ягеллоновъ, польскій король нисколько не сомнѣвался въ своемъ неотъемлемомъ правѣ на русскій престолъ. Правда, только недавно онъ заключилъ перемиріе съ Василіемъ Шуйскимъ. Однако, никто не склоненъ былъ придавать этому договору какое-либо значеніе. Въ особенности повредилъ ему союзъ новаго московскаго царя со Швеціей, въ лицѣ Карла IX. Въ довершеніе всего, на помощь Сигизмунду приходила идея ве-

*) Ватик. Архивъ, отд. Боргезе, II, 234, 1607, 7 окт., письмо Симонетта къ Боргезе.

ликой религіозной миссіи католичества на православномъ Востокѣ. Такимъ образомъ, все дѣло сводилось къ матеріальному вопросу. Располагаетъ ли Польша такими средствами, которыя дали бы ей возможность довести начатую войну до желаемаго конца? Вѣдь, въ самомъ лучшемъ случаѣ, кампанія, предпринятая для пріобрѣтенія русскаго престола, должна потребовать весьма значительныхъ расходовъ. А что, если нація откажется доставить нужныя средства? Гдѣ тогда взять ихъ? Единственнымъ прибѣжищемъ при такихъ условіяхъ представлялась Римская Курія. Правда, Павелъ V ничего не далъ Димитрію. Но, вѣдь, и царевичъ ничего не просилъ у папы. Неужели изъ-за этого королю нужно отказаться отъ своего замысла? И почему бы ему, во всякомъ случаѣ, не позондировать почвы у нунція?

При дворѣ Сигизмунда III Симонетта пользовался далеко не такими симпатіями, какъ Рангони. Очевидно, король не могъ простить папѣ его упорнаго нежеланія пожаловать прежнему нунцію мантію кардинала. Этимъ и объяснялось, надо думать, нѣкоторое охлажденіе между Ватиканомъ и Краковомъ. Новому представителю Куріи, назначенному къ польскому двору, приходилось расплачиваться за чужую вину. Тѣмъ не менѣе, порою Сигизмундъ какъ будто забывалъ свою обиду. Тогда онъ становился откровеннѣе съ Симонетта и посвящалъ его въ свои планы относительно будущаго. Конечно, онъ бесѣдовалъ съ нимъ и о московскихъ дѣлахъ. Было совершенно ясно, что король питаетъ какія-то воинственныя намѣренія: зоркій глазъ опытнаго дипломата безошибочно уловилъ это настроеніе. Уже въ 1607 году нунцій былъ совершенно убѣжденъ, что Сигизмундъ готовится къ войнѣ; мало того, по мнѣнію Симонетта, эта мысль занимаетъ короля уже давно. Въ 1608 году король окончательно открылъ Риму свою тайну. Одновременно съ войной противъ Москвы онъ предпринялъ мирную кампанію на Ватиканъ. Явной цѣлью его было получить отъ папы матері-

альную субсидію. Ближайшими союзниками короля въ этомъ дѣлѣ являлись его супруга Констанція и маршалокъ Николай Вольскій.

Впрочемъ, къ своей задачѣ Сигизмундъ приступалъ осторожно и издалека. Очевидно, ему не хотѣлось сразу начинать разговоръ о деньгахъ. Въ началѣ декабря 1608 года онъ излагаетъ нунціо свои планы. Онъ разъясняетъ ему свои права и напоминаетъ кое-какія факты прошлаго. Всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ тому назадъ Сикстъ V щедро надѣлилъ деньгами Стефана Баторія. При этомъ онъ даже не коснулся тѣхъ суммъ, которыя хранились въ папской кассѣ, въ замкѣ св. Ангела. Всѣмъ извѣстно, какъ бережливъ былъ этотъ папа въ обыкновенныхъ случаяхъ. Однако, для великихъ дѣлъ онъ не жалѣлъ средствъ; напротивъ, онъ всегда готовъ былъ поддержать ихъ съ царственнымъ, по истинѣ, великодушіемъ. Обращаясь къ возсѣдающему на римскомъ престолѣ первосвященнику, представителю дома Боргезе, Сигизмундъ надѣялся найти въ его лицѣ новаго Сикста V. Быть-можетъ, матеріальныя средства папы уже не тѣ, что были раньше; однако, величіемъ души онъ, конечно, нисколько не уступитъ своему знаменитому предшественнику. Себя самого Сигизмундъ во что бы то ни стало хотѣлъ изобразить продолжателемъ дѣла Баторія. Вѣдь и его задача заслуживаетъ всяческаго сочувствія. Мало того, теперь ее легче осуществить, чѣмъ когда бы то ни было. Вотъ почему король смѣло обнажаетъ свой мечъ. Пусть же знаютъ всѣ, что руководитъ имъ въ этомъ предпріятіи. Слава Божія — вотъ единственная цѣль, которой онъ готовъ служить, не щадя своей крови. Въ устахъ Сигизмунда то не было банальной и пустой риторикой. Мы знаемъ, каковы были религіозныя убѣжденія этого короля. На нихъ и основывалась вся его программа *).

Король нѣсколько разъ возвращался къ своей темѣ.

---

*) Ватик. Арх., отд. Боргезе. II, 226, 1608, 6 дек. Симонетта къ Боргезе.

При этомъ онъ вводилъ Симонетта въ подробности намѣчаемыхъ плановъ. Нѣсколько позже, въ письмѣ къ папѣ, Сигизмундъ сжато, въ нѣсколькихъ строкахъ, выясняетъ мотивы, заставляющіе его объявить войну Россіи. Передъ нами какъ будто новый крестоносецъ; однако, устами короля говорятъ судья и мститель. „Я не сомнѣваюсь“, писалъ король Павлу V 30 окт. 1610 года, „что Вашему Святѣйшеству извѣстны побужденія, вынуждающія меня начать войну противъ русскихъ. Тѣмъ не менѣе, для полной ясности, я считаю необходимымъ въ немногихъ словахъ напомнить ихъ здѣсь. Мотивы мои таковы. Я намѣренъ содѣйствовать распространенію истинной христіанской вѣры. Я стремлюсь ко благу моего государства, защищая его исконныя земли и охраняя пограничные города, на которые, повидимому, намѣренъ посягнуть врагъ, тайно кующій свои ковы. Уже Василій Шуйскій занесъ вѣроломно свою руку на наслѣдственныя области польскихъ королей. Наконецъ, я выступаю противъ тиранніи тѣхъ обманщиковъ, которые, въ ослѣпленіи своимъ честолюбіемъ, выдавали себя за потомковъ князей московскихъ. Подобно разбойникамъ, вооруженной рукой опустошали они всю страну, покрывая землю могилами безчисленныхъ жертвъ своихъ. Все это сопровождалось всяческими насиліями надъ моими вѣрноподданными, къ тяжкому ущербу для моихъ наслѣдственныхъ правъ на тѣ же владѣнія великихъ князей русскихъ*).

Сколько сказано въ этихъ немногихъ словахъ! Письмо короля касалось и національной исторіи, и династическихъ вопросовъ, и законныхъ правъ Сигизмунда, и необходимости возмездія въ виду извѣстныхъ событій прошлаго и настоящаго. Все это имѣло цѣлью оправдать воинственныя намѣренія польскаго короля. Но, по правдѣ го-

---

*) Римъ, Арх. Бонкомпаньи, E, 7, оригиналъ письма ср. Lubienski, 154; Theiner, III, 316, 1609, 25 октября.

воря, ни фактическая, ни юридическая стороны дѣла особенно не интересовали Рима. Все, что писалъ Сигизмундъ, было принято на вѣру безъ колебаній и возраженій. Никто не вспомнилъ о правилѣ — audiatur et altera pars. Правда, что, вопреки примѣру Годунова, и самъ Шуйскій не позаботился освѣтить папѣ создавшееся положеніе. Въ Римѣ рѣшительно ничего не знали о томъ, что творится въ Москвѣ. Поэтому Ватиканъ разсматривалъ всѣ событія сквозь польскую призму. Конечно, столь односторонняя освѣдомленность была на-руку Сигизмунду; къ этому надо добавить, что польскій король пользовался въ Римѣ большими симпатіями. Въ концѣ-концовъ, Курія рѣзко отступила отъ своей традиціонной политики. Папскіе дипломаты оставили всякую мысль о союзѣ Россіи съ Польшей, забывая о томъ, что самъ Павель V не разъ возвращался къ этой идеѣ. Изъ-за чего столкнулись оба государства, было для Рима довольно безразлично. Ватиканъ примирился съ объявленіемъ войны, какъ съ совершившимся фактомъ, и безъ колебаній сталъ на сторону Сигизмунда. Польскій король утверждалъ, что сами русскіе избрали его на московскій престолъ. Характеръ и принципы этого государя внушали полное довѣріе. Задача, которую ставилъ себѣ Сигизмундъ, входила въ планы римской политики. Вотъ почему, Курія такъ же горячо желала ему успѣховъ, какъ нѣкогда сочувствовала Димитрію. Именно, на такую почву сталъ кардиналъ Боргезе. Устраняя изъ обсужденія національный вопросъ, онъ писалъ 3-го января 1609 года, что ни одно предпріятіе не заслуживаетъ большей симпатіи, нежели покореніе Москвы. Онъ выражалъ свой восторгъ передъ великой душою того, кто задумалъ это святое дѣло. На его голову онъ призывалъ благословеніе Всевышняго. Два года спустя, воцареніе Сигизмунда на московскомъ престолѣ казалось кардиналу самымъ вѣрнымъ залогомъ обращенія русскихъ людей къ истинной вѣрѣ. Тѣмъ же настроеніемъ

были пропикнуты и папскія посланія. Въ ночь на Рождество Христово, въ 1609 году, Павелъ V, по обычаю, благословилъ мечъ и шлемъ; затѣмъ онъ отослалъ эти предметы Сигизмунду. Это значило, что римскій первосвященникъ благословляетъ рыцаря церкви Христовой на побѣдоносную борьбу *).

Конечно, польскій король дѣлалъ видъ, что его глубоко трогаютъ всѣ эти знаки вниманія и милости. Однако, сочувствіе Рима казалось ему слишкомъ платоническимъ. Между тѣмъ, Сигизмундъ несъ уже огромные расходы. Собственныя средства его были болѣе, чѣмъ скромны... Вообще, ему нужны были не слова, а деньги, и притомъ въ большомъ количествѣ. Вотъ почему, при всякомъ свиданіи съ нунціемъ, онъ настоятельно просилъ его о матеріальной помощи. Потомъ королю пришлось уѣхать. Тогда за дѣло принялась его супруга.

Несмотря на свое австрійское происхожденіе, королева Констанція была горячо привязана къ своей новой родинѣ. Немудрено, что и поляки платили ей любовью. Въ лицѣ этой государыни воскресли добродѣтели ея знаменитой матери, Маріи Баварской; дочь не уступала своей родительницѣ ни въ упорной энергіи, ни въ умѣ. Симонетта скоро убѣдился, что имѣетъ дѣло съ крупною силой. Королева убѣждена была, что папа не откажетъ Сигизмунду въ помощи. Она считала это совершенно неоспоримымъ; она подчеркивала, что не допускаетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. При такихъ условіяхъ, къ чему же сводилась въ ея глазахъ вся задача? Остается только убѣдить святѣйшаго отца, что возлюбленный сынъ его, дѣйствительно, нуждается въ поддержкѣ, находясь въ критическомъ положеніи. Стоило

---

*) Ватик. Арх., Polonia, 173. f. 260, v°, 285 v°. Arm. 45, V, 46 v°, n° 128.—Theiner, III, 327, 328, n°n° CCLV, CCLVI.—Арх. Бонкомпаньи, E., 37, 1611, 7 февр., *Симонетта къ Боргезе.*

нунцію нерѣшительно высказать нѣкоторыя сомнѣнія, какъ королева начинала ласково упрекать его въ томъ, что онъ не безпристрастенъ. Затѣмъ она опять принималась развивать свои доводы. Въ концѣ-концовъ, ея рѣчь неизмѣнно заключалась однимъ и тѣмъ же выводомъ. „Всякому ясно", говорила королева, „какую огромную важность имѣетъ великая борьба, начатая моимъ супругомъ, для всего христіанскаго міра, для истинной вѣры и для святого престола. Я не могу допустить и мысли, чтобы папа могъ отказать Его Величеству въ поддержкѣ. Вѣдь столько разъ, и притомъ въ гораздо менѣе важныхъ случаяхъ, онъ великодушно и щедро помогалъ другимъ государямъ". Исчерпавъ словесные доводы, королева не прочь была прибѣгнуть и къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ аргументамъ. Однажды, въ разговорѣ съ нунціемъ, ея глаза наполнились слезами, которыя она, видимо, сдерживала съ трудомъ. Въ другой разъ, къ великому изумленію Симонетта, почтительная дочь папы нетерпѣливо дернула плечомъ. Эта женская аттака продолжалась весь 1610 годъ. Отъ нѣжныхъ просьбъ королева переходила къ настоятельнымъ требованіямъ и обратно. Но уже съ февраля 1611 года Констанція больше не заикается о субсидіи. Она проситъ папу только о молитвахъ, подчеркивая, однако, что во всѣхъ своихъ замыслахъ король стремится къ славѣ Божіей, возвеличенію, торжеству и распространенію святой католической вѣры. Нунціо оставалось только дѣлать видъ, что онъ ничего не понимаетъ, и не чувствуетъ въ словахъ королевы ни обидныхъ намековъ, ни горькой укоризны *).

Но не одна королева Констанція хлопотала о папской субсидіи. Не меньше силъ тратилъ на это и маршалокъ Николай Вольскій, одно изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Сигизмунда.

---

*) Theiner, III, 324.—Арх. Бонкомпаньи, E, 35, 1610, 30 января; E, 36, 1610, 18 августа; E, 37, 1611, 7 февр. *Симонетти къ Боргезе.*

Ему также хотѣлось такъ или иначе заставить папу раскошелиться. Съ этой цѣлью Вольскій предпринялъ поѣздку въ Римъ. На пріемѣ у папы онъ устно изложилъ Павлу V тѣ мотивы, которые вынудили короля начать войну съ Москвою. Онъ постарался выяснить его святѣйшеству, на чемъ основывались притязанія Сигизмунда, и почему этотъ государь надѣется на счастливый исходъ своего дѣла. Маршалокъ подробно распространялся о великой важности этого предпріятія для всего христіанскаго міра, вообще, и, въ частности, для самой Польши. Папа принялъ Вольскаго чрезвычайно любезно. Онъ осыпалъ его знаками самаго милостиваго вниманія. Передавая ему мечъ и шлемъ для врученія Сигизмунду, Павелъ V, однако, не заикнулся о денежной помощи съ своей стороны. Онъ только обѣщалъ воздѣйствовать въ этомъ направленіи на Венецію, Флоренцію и отдаленную Лотарингію. Отказъ въ субсидіи былъ заявленъ въ такой изысканно любезной формѣ, что Вольскій не оставилъ своихъ надеждъ. Едва успѣвъ покинуть Римъ, онъ уже съ дороги надоѣдаетъ папѣ и кардиналамъ письмами. Какъ и королева Констанція, маршалокъ дѣйствуетъ по опредѣленному плану. Онъ прежде всего выдвигаетъ идею Промысла. „Перстъ милосердаго Бога виденъ во всемъ, что творится“, пишетъ Вольскій Павлу V изъ Флоренціи 15 марта 1610 года. „Не даромъ столь легко, безъ пролитія крови и, можно сказать, въ добровольномъ порывѣ всего народа, склоняется передъ Его Величествомъ вся русская держава“. Мы знаемъ, что истерзанная и изнемогающая Россія не въ силахъ была противиться натиску врага. Но Вольскій какъ будто не видѣлъ этого. Онъ патетически изливалъ свой восторгъ, говоря о томъ, какъ мѣрами „кротости“ было достигнуто трогательное соединеніе двухъ славянскихъ народностей. Сдѣлавъ это изумительное открытіе, онъ увѣрялъ, что единственной заботой его является пріобщить папу Павла V къ великимъ дѣламъ и славѣ Сигизмунда. Какъ же этого достигнуть? Очень просто: пусть папа дастъ польскому королю

денегъ. Вольскій приходилъ въ отчаяніе при видѣ того, насколько равнодушно относится глава римской церкви къ вопросу своей чести; онъ не могъ понять, какъ могутъ христіанскіе государи такъ мало помнить о благѣ истинной вѣры. Лишь одно служило ему утѣшеніемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, тѣмъ или другимъ путемъ, но владыка поможетъ святому дѣлу *).

Настойчивость Сигизмунда повергала папу и его правительство въ великое смущеніе. Конечно, Павелъ V не отказывалъ въ своемъ сочувствіи смѣлымъ замысламъ короля. Мысль о томъ, что католикъ завладѣетъ московскимъ престоломъ, естественно, улыбалась римскому первосвященнику. Папѣ хотѣлось лишь, чтобы Польша на свой собственный счетъ вела всю эту кампанію, не обращаясь за помощью къ Ватикану, финансы котораго были далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Павелъ V нерѣдко жаловался, что при своемъ вступленіи на престолъ онъ нашелъ папскую кассу почти совершенно пустою. Помимо того, по его словамъ, онъ былъ кругомъ въ долгахъ. Главные его доходы поглощала такъ-называемая „турецкая опасность". Приходилось держать Германію и Италію въ боевой готовности противъ Ислама. Съ другой стороны, нельзя было оставить безъ помощи и Авиньонъ, которому, послѣ убійства Генриха IV, угрожали гугеноты. Отовсюду обращались въ Римъ съ просьбами о денежной помощи. Папа не зналъ, какъ выполнить старыя свои обязательства. Можно ли было, при такихъ условіяхъ, принимать на себя новыя?

Прежде всего, въ Римѣ попробовали дать понять Сигизмунду, что ему нечего ссылаться на прецеденты. „Стефанъ Баторій обѣщалъ воевать съ турками, а не съ

---

*) Ватик. Арх., Polonia, 174, f. 33 v⁰. Восемь писемъ *Вольскаго къ Павлу V и къ кардиналамъ: Боргезе, Ландфранко и Симонетта* находятся въ Ватик. Арх., Polonia 37 A, f. 232, 344, 358, а также въ Арх. Бонкомпаньи, E, 40.

русскими", писалъ кардиналъ Боргезе нунцію 10 января 1609 года: „вотъ почему Сикстъ V оказалъ ему поддержку и даже прислалъ королю 25,000 червонцевъ". Конечно, въ данномъ случаѣ автору этихъ строкъ нѣсколько измѣняла память. Такъ или иначе, но Баторій далеко не упускалъ изъ виду и Москвы. Но, по правдѣ говоря, Риму было въ то время не до исторіи *). Ему нужно было какъ-нибудь мотивировать свой отказъ въ субсидіи и представить его въ болѣе или менѣе приличной формѣ. Павелъ V откровенно признавался, что у него больше искренней готовности помочь Сигизмунду, чѣмъ финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для этой цѣли. За неимѣніемъ лучшаго, онъ не переставалъ ободрять короля добрыми пожеланіями и всяческими выраженіями сочувствія. Въ томъ же смыслѣ давались инструкціи и нунцію Симонетта; при этомъ кардиналъ Боргезе упрашивалъ его не сдаваться. Такимъ образомъ Краковъ и Римъ твердили каждый свое. Поляки просили денегъ, а папское правительство отвѣчало отказомъ *).

Въ 1611 году эти сношенія, какъ будто, прерываются. Несомнѣнно, однако, что они скоро возобновились. Это случилось тогда, когда Сигизмунду III пришлось снаряжать въ Римъ спеціальное посольство. Король съ году на годъ откладывалъ это дѣло. Онъ зналъ, что съ подобной миссіей связаны были весьма значительные расходы. Когда же нунцій напоминалъ королю о его обязанности, Сигизмундъ давалъ ему уклончивый, а порою лукавый отвѣтъ. „Въ качествѣ посланника я отправлю въ Римъ каноника", заявилъ онъ однажды. Разумѣется, Симонетта вѣжливо отклонилъ подобное предложеніе. Въ концѣ-концовъ, въ 1613 году, на епископа

---

*) Ватик. Арх., Polonia, 173, f. 282 — Вержбовскій, *Матеріалы*, 264, n⁰ 382.

*) Theiner, III, 328, n⁰ CCLVI.—Ватик. Арх., Polonia, 174, f. 60 v⁰, 1610, 29 мая *Боргезе къ Симонетта*.

житомирскаго, Павла Волуцкаго, была формально возложена королемъ почетная миссія въ Римъ. При этомъ, вмѣстѣ съ выполненіемъ традиціонной формы, послу было предписано разрѣшить нѣкоторыя практическія задачи. Нескромные друзья выдали тайну данныхъ Волуцкому инструкцій: полномочія, которыми онъ былъ снабженъ, стали извѣстны задолго до его прибытія въ Римъ. Что касается войны съ Москвою, то король, во что бы то ни стало, желалъ убѣдить Павла V въ формальной и внутренней правотѣ своихъ притязаній. Помимо того, онъ всячески стремился доказать папѣ, что съ его предпріятіемъ связаны интересы высшаго порядка. Опасаясь завистниковъ, которые могли въ ложномъ свѣтѣ представить его намѣренія, король увѣренно заявлялъ, что защищаетъ правое дѣло. Невзирая на всѣ препятствія, онъ рѣшилъ довести войну до конца; онъ надѣется сломить сопротивленіе русскихъ и принудить ихъ къ заключенію мира. Король мягко предупреждалъ папу, что, быть-можетъ, придется сдѣлать нѣкоторыя уступки побѣжденнымъ въ области вѣры. Но, во всякомъ случаѣ, это будетъ допущено только для начала; впослѣдствіи, навѣрное, все это будетъ покрыто съ лихвой новыми побѣдами на той же религіозной почвѣ. Сигизмундъ ни словомъ не упоминалъ о субсидіи со стороны папы. Въ грамотахъ Волуцкаго король лишь испрашивалъ разрѣшенія пріостановить на время посылку въ Римъ ежегодныхъ сборовъ въ пользу Куріи и взыскать съ польскаго духовенства нѣкоторую сумму для покрытія военныхъ расходовъ. Впрочемъ, папа нисколько не выигрывалъ отъ подобной скромности короля. Ибо тутъ же было условлено, что Волуцкому будетъ дана возможность въ устныхъ переговорахъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ *).

---

*) Арх. Бонкомпаньи въ Римѣ, E, 38, 1611, 29 декабря, *Синонетта къ Боргезе;* E, 39, 1612, 22 іюня, *Барофіи къ Боргезе.*

Дѣйствительно, посолъ Сигизмунда сумѣлъ вернуться къ самому важному вопросу своей миссіи. Мало того, онъ успѣлъ достигнуть здѣсь довольно крупныхъ положительныхъ результатовъ. Уступая желаніямъ короля, папа охотно согласился на требуемыя финансовыя льготы. Онъ этимъ не ограничился: онъ обратился къ богатѣйшимъ польскимъ епископамъ съ приглашеніемъ, по мѣрѣ силъ, оказать своему государю необходимую поддержку. Въ довершеніе всего, дабы подкрѣпить свои слова благимъ примѣромъ, Павелъ V самъ пожертвовалъ королю 40,000 червонцевъ. 10 августа 1613 года эта сумма была переведена на имя кардинала Монтальто *). Къ сожалѣнію, признательность короля далеко не соотвѣтствовала щедрости римскаго первосвященника. Дѣло въ томъ, что Волуцкій опять возбудилъ вопросъ о дарованіи нунцію Рангони кардинальскаго сана. Какъ и раньше, папа отказался пойти на это. Такое упорство Павла V настолько обижало Сигизмунда, что за своимъ горькимъ чувствомъ онъ забывалъ обо всемъ остальномъ. Душою его все болѣе и болѣе овладѣвало раздраженіе противъ римскаго первосвященника. Онъ настойчиво вновь и вновь рекомендовалъ папѣ своего кандидата... Наконецъ, чтобы прекратить это давленіе, папа счелъ необходимымъ напомнить польскому королю объ исключительныхъ знакахъ вниманія, которые уже выпали на его долю со стороны римскаго престола. При этомъ Павелъ V не упустилъ случая сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ денежныхъ суммахъ, которыя отъ него лично или при его посредствѣ получилъ Сигизмундъ на свои военные расходы. **) Въ сущности, подобное напо-

*) Theiner, III, 356, n⁰ CCLXXXII, Музей Чартор. въ Краковѣ, n⁰ 320, f. 327.

**) См. Автографъ папскаго письма въ Ватик. Арх., II, 67, f. 71: „Alcuni favori particolari che S. S. ha fatto al Re di Polonia... Per la guerra di Moscovia S. S. gli ha dato un buon sussidio pecuniario. Ha dato licenza ai vescovi et prelati del regno che contribuiscono al Re per la medesima causa et esortatili a farlo, di che S. M. ricevé notabil ajuto".

мнѣніе было не чѣмъ инымъ, какъ упрекомъ. Это ясно обнаружилось нѣкоторое время спустя. 8-го апрѣля 1617 г., по поводу нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ Краковѣ, кардиналъ Боргезе писалъ нунцію слѣдующее: „Король высказалъ слишкомъ мало благодарности къ намъ за субсидіи, которыя онъ получилъ. При такихъ условіяхъ было бы весьма странно, если бы онъ вновь обратился въ Римъ съ подобными просьбами". Вслѣдъ за этими укоризненными словами кардиналъ выражалъ свое горячее одобреніе нунцію, который сумѣлъ умѣрить слишкомъ развязныхъ просителей. Очевидно, теперь королю приходилось оставить всякія надежды на Ватиканъ. И, дѣйствительно, о денежной помощи Сигизмундъ больше не заговаривалъ. Однако, онъ никакъ не могъ забыть о столь миломъ его сердцу Рангони. Конечно, благочестивый монархъ былъ слишкомъ преданнымъ сыномъ церкви и черезчуръ вѣренъ своимъ принципамъ, чтобы открыто возмутиться противъ папы. Зато все свое неудовольствіе онъ перенесъ на ближайшаго довѣреннаго папы, кардинала Боргезе. По возвращеніи изъ Рима отецъ Бембо даже не рѣшился представить королю подарки, присланные этимъ сановникомъ. Онъ отлично зналъ, что Сигизмундъ не пожелаетъ ихъ принять *).

---

*) Ватик. Арх., отдѣлъ Боргезе, II, 358, 1617, 8 апрѣля, депеша кардинала Боргезе. Wielewicki, III 247.

II.

Итакъ, папа оказывался болѣе щедрымъ на словахъ, нежели на дѣлѣ. Такъ же скупы были и поляки. Когда, въ 1609 году, король объявилъ Москвѣ войну, большинство сенаторовъ одобрили его рѣшеніе. Однако, сеймъ не пожелалъ вотировать какіе-либо чрезвычайные налоги для покрытія военныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, Сигизмундъ началъ кампанію на свой собственный страхъ и рискъ. Можно какъ угодно отнестись къ такому образу дѣйствій; во всякомъ случаѣ, ему нельзя отказать въ смѣлости. „Единственной надеждой моей", заявлялъ король нунцію накапунѣ выступленія въ походъ, „является помощь Всевышняго" *).

Быть-можетъ, впрочемъ, Сигизмундъ полагался на тѣ благопріятныя свѣдѣнія, которыя получалъ онъ отъ своихъ агентовъ; вполнѣ вѣроятно, что его ободряли также заманчивые посулы со стороны бояръ, его сторонниковъ. Сигизмундъ видѣлъ передъ собою только двухъ противниковъ—Василія Шуйскаго и Лжедимитрія II. Первый, царь, уже шатался на своемъ тронѣ. Другой, самозванецъ, еще только протягивалъ жадную руку къ коронѣ. Конечно, одолѣть того и другого было не слишкомъ трудно. Но подобный тріумфъ отнюдь не знаменовалъ собою побѣды надъ всей страной. Напротивъ, то было только началомъ дѣла.

*) Арх. Бонкомпаньи въ Римѣ, E, 34, 1609, 3 августа, *Симонетта къ Боргезе.*—Ватик. Арх., Germania, 114 A., 1609, 17 августа *Симонетта къ Боргезе.*

Въ ослѣпленіи своимъ эфемернымъ успѣхомъ, король впалъ въ тяжкое заблужденіе. Онъ не понялъ, что за Шуйскимъ и Лжедимитріемъ II, за боярами польской партіи и за безпокойной московской чернью стоитъ великая страна, Россія. Вѣрная преданіямъ прошлаго, проникнутая непримиримой враждой къ иноземцамъ, она была полна мощныхъ, здоровыхъ силъ. Ея не пугали никакія жертвы: она готова была на подвиги геропческаго самоотверженія. Вотъ почему война затянулась дольше и оказалась труднѣе, чѣмъ можно было предвидѣть; вотъ почему торжество Сигизмунда было болѣе кратковременнымъ, чѣмъ король предполагалъ.

28 мая 1609 года Сигизмундъ выѣхалъ изъ Кракова, чтобы не вернуться туда цѣлыхъ 23 года. Вмѣстѣ съ супругой своей и съ королевичемъ Владиславомъ онъ направился въ Вильно. Этотъ городъ королева избрала своей резиденціей на все время войны. Такимъ образомъ она надѣялась быть ближе къ театру дѣйствій. За дворомъ рѣшилъ тронуться и нунцій. Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ въ послѣднихъ приготовленіяхъ къ кампаніи. Только 18 августа Сигизмундъ распростился съ королевой и во главѣ своей арміи выступилъ въ Оршу. Въ сырой и туманный сентябрьскій день поляки переходили московскую границу. Вдругъ солнечный лучъ прорвался сквозь тучи и яркимъ свѣтомъ залилъ королевскую армію. Раздались восторженные крики. Войско привѣтствовало своего государя и радовалось хорошему предзнаменованію *).

Излишне воспроизводить здѣсь вновь всю исторію этой кампаніи. Уже не разъ о ней повѣствовали ученые и талантливые историки **). Мы коснемся лишь нѣкоторыхъ

---

*) Wielewicki, III, 7 сл.—Theiner, III, 313.

**) См. труды Иловайскаго, Костомарова (Смутн. время), Платонова (Очерки), Niemciewicz, Вѣржбовскаго (Матеріалы. II); Между старыми авторами см. Арсенія (Изд. Дмитріевскій), Kobierzijcki, Widekind. Что касается насъ самихъ, то главнымъ источникомъ нашимъ явятся донесенія Симонетта.

важнѣйшихъ моментовъ ея, въ виду связи ихъ съ политикой римской Куріи.

Главнымъ героемъ войны съ Москвою и наиболѣе выдающимся государственнымъ человѣкомъ изъ среды короля былъ великій гетманъ Польши, Станиславъ Жолкѣвскій. Ветеранъ побѣдоносныхъ походовъ Баторія, онъ былъ другомъ и соратникомъ этого безсмертнаго завоевателя. Жолкѣвскій не сочувствовалъ затѣѣ Сигизмунда. Однако, призванный королемъ къ участію въ кампаніи, онъ блистательно выполнилъ свой долгъ гражданина и солдата. На долю гетмана выпала самая трудная задача. Самъ Сигизмундъ принялъ на себя осаду Смоленска. Что касается Жолкѣвскаго, то король отправилъ его съ особымъ отрядомъ дальше, въ Россію. Здѣсь гетманъ долженъ былъ собрать разсѣянныя по странѣ шайки поляковъ и дать сраженіе Шуйскому, а, если понадобится, и Лжедимитрію II. Конечно, то было весьма рискованнымъ предпріятіемъ. Жолкѣвскому приходилось углубиться въ непріятельскія владѣнія, гдѣ врагъ, безконечно превышающій поляковъ численностью, могъ окружить смѣльчаковъ со всѣхъ сторонъ. Однако, если бы планъ Сигизмунда удалось выполнить, шансы поляковъ сразу поднялись бы. Подобныя предпріятія были, какъ нельзя болѣе, въ духѣ Жолкѣвскаго. Гетманъ не даромъ прошелъ школу Баторія. Онъ отлично сумѣлъ организовать развѣдочную службу и воспользоваться указаніями шпіоновъ. Благодаря этому, 4 іюля 1610 года, онъ, какъ снѣгъ на голову, обрушился на московскую армію, стоявшую въ Клушинѣ. Въ войскѣ Шуйскаго, кромѣ русскихъ, находились шведы, французы и нѣмцы. Во главѣ его стояли Димитрій Шуйскій и Яковъ Делагарди. Вся армія погружена была въ глубокій сонъ; люди проснулись только тогда, когда польскіе трубачи дали сигналъ къ атакѣ. Завязался жаркій бой. Жолкѣвскій одержалъ полную побѣду. Ему досталась огромная добыча. Въ дикомъ бѣгствѣ русскіе бросили свой лагерь, пушки, знамена, золото и серебро, одежду, дорогіе

мѣха... Часть французскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ перешла на службу къ полякамъ. Что касается шведовъ, то съ ними былъ заключенъ особый договоръ: съ подобающими воинскими почестями они были отпущены къ себѣ на родину. Послѣ такого пораженія, Шуйскій остался безъ арміи.

Клушинская побѣда немедленно отозвалась въ Москвѣ. Теперь столицѣ угрожала опасность съ двухъ сторонъ. Жолкѣвскій стоялъ лагеремъ въ Можайскѣ. Лжедимитрій II опять спѣшилъ къ столицѣ, почуявъ добычу. Тогда Москва возстала противъ Шуйскаго. Пробилъ роковой часъ; для предателя близилось возмездіе; измѣна обращалась противъ своего собственнаго героя. Вожакамъ заговора удалось искусно скрыть свои замыслы. Въ одинъ прекрасный день на площадь были созваны люди московскіе. У всѣхъ на устахъ было одно и то же—низложеніе Шуйскаго... Въ этомъ могучемъ крикѣ выразилась воля народа. У царя не нашлось защитниковъ. Самъ онъ не оказалъ никакого сопротивленія. Покоряясь приговору, онъ безславно сошелъ съ трона, который занялъ напрасно, и сложилъ съ себя знаки царскаго достоинства. Быть-можетъ, въ душѣ его жила надежда, что такое смиреніе предотвратитъ грозившую ему кару... Однако, онъ ошибся. 7-го іюля, въ 4 часа дня, въ домъ къ Шуйскому пришли бояре. Они заявили бывшему царю, что онъ долженъ принять монашество и поселиться, въ качествѣ черпеца, въ обители. Это равносильно было гражданской смерти *). Внезапно къ Шуйскому вернулась его энергія. Онъ бурно протестовалъ противъ жестокаго рѣшенія бояръ. Пришлось пустить въ ходъ силу... Существуетъ разсказъ, что, пока монахъ совершалъ надъ царемъ постриженіе, другой, міянинъ, читалъ за Шуйскаго сакраментальныя слова: самъ постригаемый ни за что не

*) По свидѣтельству Симонетта, опирающагося на показанія Жолкѣвскаго, Шуйскій былъ и низложенъ, и заточенъ въ монастырь въ одинъ день, 7-го іюля. — Арх. Бонкомпаньи въ Римѣ, E., 36, депеша отъ 9-го августа 1610 года.

хотѣлъ произнести эти страшные обѣты. Отнынѣ надъ общественною дѣятельностью Шуйскаго былъ поставленъ крестъ. Насильственно оторванный отъ мірской жизни, онъ обрекался самой горькой судьбѣ. Вслѣдъ за мужемъ была заточена въ монастырь и жена Василія Ивановича. Двое братьевъ его, Димитрій, разбитый при Клушинѣ, и Иванъ были посажены въ тюрьму.

Въ то время, какъ москвичи столь безцеремонно старались избавиться отъ своего царя, Жолкѣвскій поддерживалъ со столицей самыя живыя сношенія. Это позволяло ему быть въ курсѣ всѣхъ событій. Въ началѣ августа, по свѣдѣніямъ гетмана, въ Москвѣ образовалось три партіи. Одна высказывалась за выборы русскаго царя; другая поддерживала Лжедимитрія II. Что касается третьей, то по свидѣтельству Жолкѣвскаго, она готова была грудью стать за Владислава. Душою этой послѣдней группы былъ князь Мстиславскій. То былъ наиболѣе видный представитель московскаго боярства, превосходившій всѣхъ своей знатностью и богатствомъ. Нельзя сказать, чтобы сторонники Владислава представляли собою наибольшую силу. Тѣмъ не менѣе, они занимали самое благопріятное положеніе. Дѣло въ томъ, что Мстиславскій стоялъ во главѣ того временнаго правительства, которое приняло въ свои руки власть послѣ низложенія Шуйскаго. Нетрудно было предвидѣть, каковъ будетъ исходъ завязавшейся въ Москвѣ борьбы. Между столицей и лагеремъ Жолкѣвскаго началась переписка. Затѣмъ установились личныя сношенія и переговоры между сторонами. Словомъ, кандидатура Владислава съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе шансовъ. Впрочемъ, москвичи предлагали королевичу корону на опредѣленныхъ условіяхъ. Прежде всего, вступая на московскій престолъ, Владиславъ обязанъ былъ принять православіе. Государя иной вѣры Россія никогда не согласилась бы признать. Не желая упереться въ тупикъ, гетманъ сознательно избѣгалъ отвѣта на такое требованіе. Онъ предо-

ставилъ рѣшеніе столь деликатнаго вопроса самому королевичу и его отцу. Однако, въ свои сношенія съ Москвою онъ вложилъ столько такта, что въ концѣ-концовъ, ему удалось выработать условія мирнаго договора. Правда, что этотъ первоначальный проектъ еще долженъ былъ удостоиться утвержденія Сигизмунда. Но, такъ или иначе, по самому своему существу, предположенный договоръ знаменовалъ собою цѣлый переворотъ въ исторіи славянскихъ народовъ. Судьба великой Россіи вручалась поляку, который долженъ былъ воцариться въ Кремлѣ. Что же дѣлали москвичи? Не дожидаясь отвѣта Сигизмунда, они начали присягать Владиславу. Только послѣ этого они отправили посольство въ Смоленскъ, чтобы подробнѣе договориться съ королемъ Сигизмундомъ.

Между тѣмъ, великаго гетмана ждалъ новый тріумфъ. Двигаемая страхомъ передъ шайками Лжедимитрія II и мятежной московской чернью, польская партія предложила Жолкѣвскому занять столицу. Конечно, только этого и домогался гетманъ. 9-го октября 1610 года онъ уже пишетъ королю изъ Кремля, увѣдомляя Сигизмунда о своей нежданной и безкровной побѣдѣ. Очевидно, Жолкѣвскій чувствовалъ себя настоящимъ господиномъ положенія. Достаточно сказать, что онъ добился выдачи ему Василія Шуйскаго съ обоими братьями. Теперь судьба ихъ всецѣло зависѣла отъ него. Надѣяться на помощь соотечественниковъ Шуйскимъ было уже нечего.

Несомнѣнно, присутствіе Жолкѣвскаго въ Москвѣ было крайне необходимо. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось самому отправиться въ Смоленскъ къ Сигизмунду. Пока король не утвердилъ договора и условій избранія Владислава, было преждевременно торжествовать побѣду. А гетманъ опасался колебаній и даже предвидѣлъ возможность серьезныхъ осложненій съ этой стороны. Опасаясь такихъ препятствій, онъ и хотѣлъ, во что бы то ни стало, лично переговорить обо всемъ съ Сигизмундомъ. 8-го ноября Жолкѣвскій

прибылъ въ лагерь короля. Вмѣстѣ съ собою онъ привезъ Василія Шуйскаго. Бывшій „тиранъ“, какъ называлъ его Симонетта, ѣхалъ на простой телѣгѣ. То было лучшимъ свидѣтельствомъ превратностей судьбы, которая въ то время была такъ немилостива къ злополучной Россіи. Послѣдующіе дни были посвящены дѣловымъ бесѣдамъ. Сигизмундъ осыпалъ Жолкѣвскаго самыми горячими похвалами. Однако, побѣдитель Москвы увидѣлъ довольно скоро, что его договоръ съ Москвою едва ли удостоится должнаго вниманія.

Въ концѣ того же 1610 года сошелъ со сцены и другой противникъ Сигизмунда, Лжедимитрій II. Правда, онъ былъ бѣдствіемъ и для русскаго государства. Во всякомъ случаѣ, отъ его гибели русскіе выигрывали больше, нежели поляки. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Вора процессъ національнаго объединенія Россіи пошелъ ускореннымъ ходомъ. Какъ извѣстно, Лжедимитрій женился на Маринѣ. Однако, этотъ союзъ не возвысилъ ни внѣшняго престижа, ни нравственнаго авторитета темнаго искателя приключеній. Сами сторонники Вора признаются, что онъ остался тѣмъ, чѣмъ и былъ. Другими словами, Лжедимитрій II былъ круглый невѣжда, человѣкъ ограниченный и, въ довершеніе всего, пьяница. Въ концѣ-концовъ, его презирали всѣ окружающіе. Добро бы онъ отличался хоть какой-нибудь воинской доблестью, способной увлечь массы! Но, оказывается, Вору нехватало самаго элементарнаго мужества. Явныя доказательства этого мы видимъ въ тактикѣ Лжедимитрія II. Когда Сигизмундъ перешелъ московскую границу, онъ не пожелалъ вступать въ переговоры съ этимъ авантюристомъ. Минуя Лжедимитрія II, онъ прямо завелъ сношенія съ его людьми. По крайней мѣрѣ, агенты короля, явившіеся въ Тушино, рѣшительно отказывались о чемъ бы то ни было толковать съ самозванцемъ. Они предпочитали имѣть дѣло либо со своими соотечественниками, которые его поддерживали, либо непосредственно съ русскими. Подъ

впечатлѣніемъ такой обиды у Вора, наконецъ, открылись глаза. Онъ понялъ, что ему нельзя положиться ни на бояръ ни на войско. Каждый день приносилъ ему все новыя и новыя униженія. Подозрительность смѣнилась въ его душѣ ужасомъ,—и вотъ, не сказавшись никому, безъ вѣдома самой Марины, онъ рѣшился 6-го января 1610 года бѣжать въ Калугу. Впрочемъ, въ стратегическомъ смыслѣ, это мѣсто было избрано имъ весьма удачно.

Бѣгство Лжедимитрія II вызвало въ Тушинѣ скорѣе удивленіе, нежели какія-либо другія чувства. Только для Марины то было тяжкимъ ударомъ. Теперь она оставалась совсѣмъ одна, безъ всякой поддержки. Что готовила ей судьба среди разнузданнаго и мятежнаго войска? Почти сейчасъ же злополучную царицу осѣнила мысль просить защиты у своего бывшаго государя. Въ сердцѣ Марины жива была благодарная память о королевской ласкѣ. Дочь Мнишка вѣрила въ благородство человѣческихъ чувствъ... И вотъ, 16 января 1610 года, она шлетъ Сигизмунду письмо, взывая къ его великодушію. Изнемогая подъ тяжкимъ бременемъ несчастій, молодая полячка, заброшенная въ воровской лагерь, покорно склоняется передъ волей Провидѣнія. Однако, въ слова, обращенныя къ королю, Марина сумѣла вложить своеобразную силу и гордость. „Я все потеряла“, говоритъ она королю: „нерушимы лишь справедливость моего дѣла и права мои на московскій престолъ. Залогомъ ихъ является мое вѣнчаніе на царство. Ихъ же получила я и по наслѣдству; наконецъ, двукратно они освящены присягою“. Марина не нуждается въ оправданіяхъ. Она возлагаетъ свои надежды на милосердіе короля, на его правосудіе и благость. Она проситъ лишь вознаградить ее съ семьей за все, что она теряетъ; и пусть король, какъ угодно ему, продолжаетъ войну съ Москвою *). Несомнѣнно, это письмо было

*) Латинскій текстъ этого письма Симонетта переслалъ къ папѣ (Римъ, Арх. Бонкомпаньи, E, 35). Не слѣдуетъ особенно довѣрять итальянскимъ переводамъ этого документа у Ciampi и др.

доставлено Сигизмунду; однако, намъ неизвѣстенъ отвѣтъ короля. Да, въ сущности, и задача была не изъ легкихъ. Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ Сигизмунду, Марина одновременно уже задумывалась надъ тѣмъ, какъ бы соединиться съ Лжедимитріемъ II. Въ Тушинѣ почуяли это и стали наблюдать за нею; но Марина сумѣла обмануть бдительность своихъ сторожей. 2-го марта, въ военной формѣ, она, подобно мужу, бѣжала изъ лагеря. Царицу сопровождало нѣсколько вѣрныхъ слугъ. Сперва Марина направилась въ Дмитровъ. Оттуда она поѣхала дальше, къ Яну Сапѣгѣ. Несчастія придали ей мужества. Въ своемъ странномъ нарядѣ, она, съ разрѣшенія Сапѣги, предстала предъ войскомъ и обратилась къ нему съ рѣчью. Страстный тонъ царицы, ея слезы и мольбы оказали на слушателей сильное впечатлѣніе. Марина составила себѣ новый отрядъ и, въ концѣ-концовъ, благополучно достигла Калуги.

Около того же времени, т.-е. въ мартѣ 1610 года, тушинскій лагерь окончательно опустѣлъ. Послѣ бѣгства Вора начатыя съ королемъ сношенія не прервались. Напротивъ, пока Марина готовилась скрыться, они завершились формальнымъ договоромъ. По смыслу его, московскій престолъ переходилъ къ Владиславу. Однако, обязательная сила этого трактата была весьма проблематична. Въ Тушинѣ воцарилась сначала полная анархія; затѣмъ весь тамошній сбродъ сталъ разсѣиваться въ разныя стороны. Большинство казаковъ двинулось къ Калугѣ въ поискахъ новаго счастья и новой добычи. Что касается поляковъ, то они предпочли вступить въ соглашеніе съ Сигизмундомъ и подчиниться его власти. Тушино покинули всѣ; вся жизнь и дѣятельность его хищнаго населенія сосредоточивалась теперь въ новой резиденціи Лжедимитрія II, т.-е. въ Калугѣ *).

Несмотря на всѣ свои разочарованія, самозванецъ не падалъ окончательно духомъ. Напротивъ, онъ уже собиралъ

*) *Платоновъ.* Очерки, 424, 622, Пр. 165.

вокругъ себя новыя силы. Послѣ клушинской побѣды Воръ не потерялъ мужества. Пока Жолкѣвскій шелъ къ Москвѣ по можайской дорогѣ, онъ выступилъ изъ Калуги, чтобы стать лагеремъ въ Коломенскомъ. При томъ смятеніи, которое царило въ Москвѣ, сраженной неожиданнымъ ударомъ, казалось, могли осуществиться самыя фантастическія мечты. И, въ самомъ дѣлѣ, не вмѣшайся Жолкѣвскій, кто знаетъ, что случилось бы? Однако, по низложеніи Шуйскаго, бояре условились съ великимъ гетманомъ, что онъ дастъ битву Вору. Самозванецъ узналъ объ этомъ во-время, чтобы убраться подобру-поздорову. Онъ поспѣшно вернулся въ Калугу. Тутъ ждала его трагическая смерть.

22 декабря 1610 года Лжедимитрій II былъ внѣ себя отъ радости. Нѣсколько незначительныхъ крѣпостей заявили ему, что сдаются. Кромѣ того, вернулся Петръ Урусовъ съ извѣстіемъ, что по пути онъ разбилъ нѣсколько польскихъ разъѣздовъ. Рѣшено было, какъ слѣдуетъ, отпраздновать столь счастливый день. Для этого въ окрестностяхъ города устроена была охота. Димитрій выѣхалъ туда изъ Калуги. Его сопровождалъ отрядъ русскихъ. Къ нимъ присоединились еще три сотни татаръ подъ начальствомъ того же Петра Урусова. Подъ личиной преданности, этотъ монголъ таилъ мстительныя чувства. Случилось какъ-то, что Лжедимитрій посадилъ его въ тюрьму. Здѣсь татаринъ задумалъ свести съ Воромъ свои счеты. Правда, вскорѣ онъ былъ прощенъ и даже получилъ видное назначеніе. Однако, Урусовъ не забылъ обиды. Случай отплатить Вору представился въ этотъ роковой день. Охотники сдѣлали привалъ; началась попойка. Вдругъ Урусовъ, который, очевидно, все обдумалъ и разсчиталъ раньше, подалъ татарамъ условленный знакъ. Свирѣпая банда кинулась на Лжедимитрія и искрошила его саблями. Затѣмъ убійцы умчались прочь, смявъ и перераненъ русскихъ, которыхъ было слишкомъ мало, чтобы ока-

зать шайкѣ Урусова какое-нибудь сопротивленіе. Радуясь, что имъ самимъ удалось унести ноги, спутники Вора вернулись въ Калугу съ печальной вѣстью.

Сторонники Лжедимитрія пришли въ ярость, узнавъ о предательскомъ убійствѣ. Бросившись на татаръ, оставшихся въ городѣ и, очевидно, ни въ чемъ неповинныхъ, они перебили ихъ около сотни. Послѣ этого они собирались приняться и за поляковъ. Еле-еле удалось успокоить это возбужденіе. Никто не былъ пораженъ смертью Вора сильнѣе, чѣмъ Марина. Нежданная бѣда застигла ее врасплохъ. Въ довершеніе всего, несчастная женщина скоро должна была стать матерью... Марина горько плакалась на свою судьбу; она умоляла, чтобы ей позволили раздѣлить участь злополучнаго супруга. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для бывшей царицы явилось рожденіе сына. Марина поручила его заботамъ и охранѣ своей русской свиты. Было рѣшено, что онъ явится наслѣдникомъ отцовскаго престола. До нунція дошли вѣсти, что младенецъ былъ крещенъ по греческому обряду; при этомъ ему наречено было имя Ивана Димитріевича *).

Между тѣмъ Жолкѣвскій, покрытый славой, все ближе и ближе подходилъ къ Москвѣ. Что касается короля, то онъ еще не могъ похвалиться ни однимъ сколько-нибудь крупнымъ успѣхомъ. Кратковременнаго пребыванія подъ стѣнами Смоленска было для него достаточно, чтобы убѣдиться въ слишкомъ малой своей освѣдомленности о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Король надѣялся что эта крѣпость сама откроетъ ему свои ворота. Оказалось, что она менѣе всего склонна къ капитуляціи. Передъ Сигизмундомъ высились толстыя каменныя стѣны. Надъ ними царили 38 башенъ. Эта твердыня была почти неприступна, ибо путь къ ней перерѣзывался холмами и оврагами. Поляки потребовали-было добровольной сдачи. Гарнизонъ Смоленска отвергъ эту мысль съ самымъ великолѣп-

*) Римъ, Арх. Бонкомпаньи, E, 37, депеша отъ 19 февр.

нымъ презрѣніемъ. Пришлось готовиться къ правильной осадѣ. Войско Сигизмунда принялось за земляныя работы; отъ времени до времени дѣлались попытки штурма. Потянулись мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Осажденные не сдавались. Наиболѣе благоразумные изъ совѣтниковъ короля предлагали ему снять осаду и итти прямо на Москву. Тамъ войско его соединится съ Жолкѣвскимъ, который успѣлъ уже завладѣть Кремлемъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ, Сигизмундъ утвердится въ самомъ сердцѣ страны. Смѣлость этой идеи говорила въ ея пользу. Однако, для короля было, очевидно, вопросомъ чести—не двинуться съ мѣста, пока онъ не возьметъ Смоленска. Не меньшее упорство проявляли и осажденные. Сколько разъ пытались поляки пробиться въ ворота крѣпости, взобраться на ея стѣны или хотя бы поджечь Смоленскъ! Русскіе неизмѣнно отбивали ихъ съ тяжкимъ урономъ. Они гибли отъ непріятельскаго огня, отъ болѣзней и лишеній всякаго рода, и, тѣмъ не менѣе, крѣпость держалась. Лишь изрѣдка въ лагерь поляковъ являлись перебѣжчики. То были люди съ желтыми, истомленными лицами, опухшіе отъ голода и другихъ физическихъ страданій. Всѣ они свидѣтельствовали, что, несмотря на ужасы осады, гарнизонъ Смоленска героически выполняетъ свой долгъ. Однако, къ концу 1611 года, Сигизмундъ рѣшилъ сдѣлать попытку генеральнаго штурма. Несомнѣнно, королю не хотѣлось предстать передъ Сеймомъ съ пустыми руками. Поляками была искусно подведена мина къ Смоленску. При взрывѣ ея, часть стѣны рухнула, открывъ широкую брешь. Тотчасъ со всѣхъ четырехъ сторонъ войско Сигизмунда бросилось на приступъ. Полякамъ удалось прорваться въ городъ. Немедленно Смоленскъ обратился въ море огня и крови. Теперь сопротивленіе было уже невозможно. Впрочемъ, воевода Шеинъ, засѣвшій въ одной изъ башенъ, сдался врагу лишь послѣ отчаянной обороны. Вскорѣ надъ твердынями Смоленска развѣвались польскія знамена. Во всякомъ случаѣ, русскіе потерпѣли

почетное пораженіе. Полякамъ помогло лишь счастье. Сигизмундъ былъ чрезвычайно доволенъ. 25 іюня онъ шлетъ къ Павлу V грамоту, на которой стояла помѣтка: ex arce tua Smolensco. Получивъ это посланіе, папа горячо поздравлялъ и короля, и супругу его Констанцію *).

Теперь Сигизмундъ могъ вернуться побѣдителемъ. Прежде другихъ городовъ его привѣтствовала Вильна. Королева и Владиславъ выѣхали къ королю навстрѣчу. Городъ украсился тріумфальными арками. Нунцій Симонетта произнесъ въ честь короля цѣлую рѣчь, а ученики іезуитскихъ школъ декламировали стихи, прославляя своего государя. Торжество закончилось въ церкви бернардинцевъ, гдѣ исполнено было великолѣпное Te Deum. Впрочемъ, все это было только прелюдіей. Еще болѣе восторженный пріемъ оказанъ былъ Сигизмунду въ Варшавѣ. Кульминаціоннымъ моментомъ здѣшнихъ овацій было представленіе королю плѣннаго Василія Шуйскаго и его двухъ братьевъ. Въ трогательной рѣчи Жолкѣвскій ввѣрялъ несчастнаго русскаго царя милосердію Сигизмунда. Со своей стороны, король выразилъ радость по тому поводу, что его плѣнники попали въ руки христіанина, а не какого-нибудь варвара. Конечно, то было слабымъ утѣшеніемъ для Василія Шуйскаго. Вѣдь этотъ человѣкъ видѣлъ, какъ рушилось все его дѣло. Самъ онъ служилъ трофеемъ для побѣдителя. Въ лицѣ своего бывшаго царя Россія униженно склонялась передъ торжествующей Польшей.

Все это происходило 19 октября 1611 года, на глазахъ Сейма, который засѣдалъ въ Варшавѣ уже съ 27-го сентября. Высокому собранію предстояло высказаться о русскихъ дѣлахъ. Отъ него же зависѣлъ вопросъ и о новыхъ налогахъ Понятно, что Сигизмундъ уже давно и усердно старался подготовить для себя съ этой стороны благопріятную почву.

*) Копія королевскаго письма помѣчена 26 іюня 1611 г.—Римъ, Арх. Боккомпаньи, E, 7.—Письма папы см. у Theiner'a, III, 347, n⁰ CCLXVII; Ват. Арх. Arm. 45, VII, f. II, v⁰, n⁰ XXIX.

Обращаясь къ сеймикамъ, онъ стремился представить свои планы въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Подчеркивая свои успѣхи, онъ внушалъ депутатамъ мысль, что достигнутые имъ результаты являются залогомъ окончательнаго и полнаго покоренія Россіи. Тутъ же Сигизмундъ оговаривался, что завоеванное имъ государство отнюдь не должно явиться личной собственностью его самого или королевича Владислава. Все, что будетъ пріобрѣтено, сдѣлается достояніемъ Рѣчи Посполитой. Конечно, отъ Польши потребуются извѣстныя жертвы, зато выгоды ея будутъ неисчислимы *).

Слова короля произвели свое дѣйствіе. Общественное мнѣніе склонилось въ его пользу. Этотъ поворотъ сказался и въ votumѣ Сената. Въ 1605 году въ ушахъ у сенаторовъ еще звучала громовая рѣчь Замойскаго. Вотъ почему большинство сановниковъ высказалось тогда противъ войны съ Москвою. 8 октября 1611 года всѣ 23 сенатора, съ Мнишкомъ въ томъ числѣ, единодушно выразили свое одобреніе дѣйствіямъ Сигизмунда. Послѣ всяческихъ восхваленій своего государя, сановники рѣшили, что impesa di Moscovia (выраженіе нунція) необходимо продолжать во что бы то ни стало. Разумѣется, объ этой кампаніи нужно сообщить другимъ христіанскимъ государствамъ и, особенно, Его Святѣйшеству. Для успѣшнаго же веденія дѣла надобно собрать возможно большія суммы налоговъ, уплатить войску задерживаемое жалованье и позаботиться объ изысканіи средствъ на будущее время.

Нѣкоторые изъ сенаторовъ пошли въ своемъ рвеніи еще дальше. Они напомнили собранію, что король истратилъ на веденіе войны милліонъ сто тысячъ изъ собственныхъ средствъ (эту цифру сообщаетъ нунцій); разумѣется, государство должно вернуть Сигизмунду эту сумму. То былъ весьма

---

*) Ват. Арх., Polonia, 37, A, f. 384, Instructio Sigismundi, III, Римъ, Арх. Бонкомпаньи, E, 7, 1611, 12 іюня, *Сигизмундъ III къ Вольскому*, E, 40, 1611, 2 августа, *Вольскій къ Павлу V*.

щекотливый вопросъ. Онъ имѣлъ серьезное принципіальное значеніе. Развѣ самъ король не превысилъ своей власти, когда объявилъ войну безъ согласія Сейма? Не лучше ли было предупредить на будущее время подобныя злоупотребленія, установивъ новыя нормы конституціоннаго права для Польши? Ригористы Сената стояли именно на такой точкѣ зрѣнія. Однако, среди ихъ коллегъ нашлись болѣе миролюбивые люди: они не хотѣли никакихъ нововведеній и всецѣло оправдывали образъ дѣйствій короля. При этомъ они ссылались на данную королемъ клятву—вернуть Польшѣ захваченныя у нея области; помимо того, приведено было „много другихъ серьезныхъ доводовъ въ пользу короля", какъ нѣсколько неопредѣленно выражается нунцій. Во всякомъ случаѣ, большинство депутатовъ были вполнѣ на сторонѣ короля и его политики. Блестящимъ доказательствомъ этого явились рѣчь великаго канцлера и самые результаты голосованія. Обращаясь къ делегатамъ сеймиковъ, епископъ Лаврентій Гембицкій убѣждалъ ихъ послѣдовать примѣру сенаторовъ. Пусть они единодушно поддержатъ идею войны съ Москвою. Пусть, такимъ образомъ, исполнятся неисповѣдимыя предначертанія Промысла. Быть-можетъ, плодомъ всего этого дѣла явится созданіе великой сарматской державы: во главѣ ея станетъ одинъ государь; господствовать въ ней будетъ единая, святая католическая вѣра. Однако, эти громкія слова смогли убѣдить слушателей лишь наполовину. Сеймъ одобрилъ войну съ Москвою; что касается субсидій, то онѣ были вотированы въ очень скромныхъ размѣрахъ. Притомъ же извѣстная часть этихъ суммъ должна была пойти королю, въ погашеніе понесенныхъ имъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе, impesa продолжалась*).

---

*) Римъ, Арх. Бонкомпаньи, E, 38, 1611, 8 октября *Симонетта къ Боргезе*, двѣ депеши.

III.

Свою кампанію противъ Россіи Сигизмундъ велъ съ двухъ сторонъ. Не слагая оружія, онъ дѣйствовалъ и путемъ дипломатіи. Военныя операціи не мѣшали ему сноситься съ польской партіей московскихъ бояръ. Впрочемъ, здѣсь шансы короля на успѣхъ были не велики. Камнемъ преткновенія для обѣихъ сторонъ являлось избраніе Владислава. Какъ мы знаемъ, москвичи уже успѣли дать ему присягу; теперь они требовали его прибытія въ столицу. Однако, Сигизмундъ не хотѣлъ отпускать сына. Король твердо рѣшилъ самому стать на мѣсто Владислава, хотя бы лишь на первыхъ порахъ, и, такимъ образомъ, временно захватить власть въ свои руки. Еще менѣе спѣшилъ Сигизмундъ высказаться опредѣленно относительно условій, поставленныхъ Москвою вновь избранному царю. Король запросилъ по этому поводу папу въ самый послѣдній моментъ. Отвѣтъ римскаго первосвященника представляетъ высокій интересъ. Онъ бросаетъ яркій свѣтъ на всю политику Куріи.

Уклоняясь отъ прямыхъ рѣшеній, король велъ опасную игру. Въ этомъ убѣдили его скоро событія. Послѣ отъѣзда Жолкѣвскаго, на Святой, въ апрѣлѣ 1611 года, въ Москвѣ разыгрались кровавыя сцены. Москвичамъ надоѣли поляки: они хотѣли сами быть хозяевами у себя дома и желали отдѣлаться отъ постылыхъ гостей. Поляки подмѣ-

тили это настроеніе. Очевидно, они были не такъ безпечны, какъ Названный Димитрій. При первыхъ признакахъ мятежа они вышли изъ Кремля, зажгли городъ и начали избивать и грабить населеніе. Затѣмъ они вернулись въ крѣпость и заперлись тамъ съ богатѣйшей добычей и большимъ запасомъ всего, что нужно для пропитанія. Послѣ этого, польскій гарнизонъ оказался какъ бы во вражеской странѣ. Съ минуты на минуту ему приходилось ждать расплаты. Между тѣмъ, волновалась не одна Москва. Во всей Россіи начиналось грозное національное броженіе. Центромъ его являлась Троицкая Лавра. Не даромъ сумѣла она отразить побѣдоносно приступы Сапѣги и Лисовскаго и выдержать продолжительную и страшную осаду. Пламенныя посланія расходились изъ монастыря во всѣ стороны: повсюду, не исключая самыхъ глухихъ угловъ, зажигали они огонь патріотическаго одушевленія. Лавра призывала всѣхъ добрыхъ людей взяться за оружіе и изгнать иноземцевъ. Пора положить конецъ смутѣ; время притти на помощь измученной родинѣ. Эти слова находили живой откликъ въ сердцахъ. Ихъ обаяніе еще крѣпло, благодаря обращенію къ религіозному чувству народа, встревоженнаго слухомъ объ избраніи католика на московскій престолъ. Казалось, сама земля родитъ несмѣтныя рати защитниковъ родины. Всѣ наперерывъ спѣшили пожертвовать собою для блага отчизны. Эти грозныя силы стягивались вокругъ Минина и Пожарскаго. Въ Варшавѣ поляки торжествовали свою эфемерную побѣду. Между тѣмъ, около Москвы собиралась стихійная народная сила. Поддерживая мужество москвичей, она желѣзнымъ кольцомъ охватывала поляковъ, засѣвшихъ въ Кремлѣ.

Національное движеніе принимало угрожающіе размѣры. Однако, Сигизмундъ не безпокоился. Ему все еще казалось, что справиться съ народомъ для него не представитъ никаго труда. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, король убѣдился, что имя Владислава звучитъ для русскаго уха привычнѣе,

нежели Сигизмундъ. Рѣшивъ, что пора избраннику явиться къ своимъ избирателямъ, польскій король приказалъ гетману Литовскому, Ходкѣвичу, подойти къ Москвѣ: въ концѣ 1612 года онъ уже совсѣмъ-было собрался самъ отвезти туда сына. Насколько далекъ былъ король отъ пониманія серьезности положенія, свидѣтельствуетъ то, что, отправляясь въ Москву, онъ, вмѣсто арміи, взялъ съ собою небольшой отрядъ. Эту охрану король содержалъ на свой собственный счетъ. По прибытіи Сигизмунда въ Вязьму, онъ получилъ весьма непріятныя вѣсти: истомленные усталостью, голодомъ и лишеніями всякаго рода, поляки, засѣвшіе въ Кремлѣ, сдались. Столица вмѣстѣ съ крѣпостью были теперь въ рукахъ русскихъ. Такимъ образомъ, поставить народное ополченіе между двухъ огней было уже немыслимо. Мало того, приходилось отказаться отъ всякихъ сношеній съ московскими единомышленниками.

И что же? Съ упорствомъ, которое всегда характеризовало Сигизмунда, онъ неуклонно шелъ впередъ. Такъ онъ достигъ Волоколамска. Здѣсь, наконецъ, король прозрѣлъ. Прибытіе Владислава совсѣмъ не напоминало собою побѣдоноснаго вступленія государя въ свои владѣнія. Какая разница съ тріумфальнымъ шествіемъ Димитрія! Вмѣсто того, чтобы встрѣчать своего царя, народъ запирался въ города; а эти города преграждали полякамъ дальнѣйшій путь къ Москвѣ. Сигизмундъ послалъ въ столицу своихъ агентовъ. Ихъ, безъ дальнихъ словъ, выпроводили оттуда. Очевидно, договариваться было не съ кѣмъ: бояре, сторонники Владислава, исчезли куда-то... Такимъ образомъ, Сигизмундъ стоялъ передъ враждебной ему столицей: при немъ была самая жалкая охрана; тутъ же находился новый царь, отвергаемый своими подданными. Начинались холода; припасы войска истощались. Король понялъ, что онъ — на краю пропасти. Онъ измѣрилъ взоромъ ея глубину и, наконецъ, рѣшился. Ясно было, что нужно немедленно вернуться въ Польшу вмѣстѣ съ Владиславомъ. Намѣченные планы

приходилось пока оставить: къ нимъ Сигизмундъ надѣялся возвратиться при иныхъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Отступленіе Сигизмунда спасло Россію отъ гибели. Среди ужасной смуты, несмотря на жестокую борьбу партій и отчаянное соперничество личныхъ страстей, русскій народъ избралъ себѣ государя и тѣмъ положилъ конецъ междуцарствію. Выборъ палъ на юнаго Михаила Романова. Онъ былъ коронованъ въ Москвѣ въ іюлѣ 1613 года.

Воцареніе Михаила рушило всѣ мечты королевича Владислава о московскомъ престолѣ. Разумѣется, бояре не замедлили дать это понять Сигизмунду; при этомъ они предложили ему заключить миръ и произвести обмѣнъ плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ находился отецъ молодого царя, Филаретъ. Какъ мы знаемъ, онъ былъ отправленъ въ Варшаву, въ качествѣ посла; тамъ его задержали, какъ военноплѣннаго. Конечно, то было тяжкимъ ударомъ для любящаго сына.

Сношенія съ Польшей завершились, въ концѣ-концовъ, новой войной. Прежде, нежели она привела къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ результатамъ, Михаилу пришлось считаться съ новымъ соискателемъ престола, бывшимъ еще въ колыбели. Въ Калугѣ провозгласили царемъ младенца—сына Марины. Теперь его мать была заодно съ Заруцкимъ. А мы знаемъ, что этотъ человѣкъ былъ способенъ на все и не останавливался ни передъ какими препятствіями. Мы уже упоминали о немъ нѣсколько выше. Заруцкій былъ атаманомъ донскихъ казаковъ; его единственнымъ рессурсомъ была сабля. За помощь, оказанную Лжедимитрію II, онъ былъ обласканъ и осыпанъ милостями со стороны самозванца. Въ пору междуцарствія ему пришлось играть довольно замѣтную роль. Затѣмъ, послѣ избранія Михаила Романова, Заруцкій объявилъ себя сторонникомъ сына Марины. Новому правительству удалось настиг-

нуть его и нанести ему пораженіе. Тогда онъ бѣжалъ въ Астрахань, откуда началъ агитировать противъ молодого царя среди татаръ и персовъ. Однако, защитники законнаго порядка вытѣснили его и отсюда. Заруцкій бросился дальше на востокъ, захвативъ съ собою Марину, маленькаго Ивана и нѣсколько сотенъ казаковъ. Правительственныя войска пустились за нимъ въ погоню: имъ было приказано захватить его живымъ или мертвымъ. Очевидно, бѣглецы не слишкомъ торопились. Скоро они были настигнуты и, видя себя окруженными, рѣшились выдать самаго Заруцкаго, Марину, младенца Ивана и какого-то монаха Николая, какъ сообщаетъ намъ одинъ памятникъ той эпохи. Конечно, не могло быть и рѣчи о пощадѣ такихъ плѣнниковъ. Заруцкій былъ посаженъ на колъ въ Москвѣ. Что касается Марины, то съ тѣхъ поръ слѣды ея теряются. Постигла ли ее насильственная смерть? Пришлось ли ей влачить плачевное существованіе въ глубинѣ темницы или въ кельѣ какого-нибудь монастыря? Никто не знаетъ этого. Среди бернардинцевъ сохранилось преданіе, будто несчастная дочь Юрія Мнишка была утоплена въ рѣкѣ. Такая же судьба выпала, будто бы, на долю всей ея свиты, не исключая о. Антонія. Очевидно, духовникъ несчастной царицы до конца остался ей вѣренъ.

Впрочемъ, уже со времени брака Марины съ Лжедимитріемъ II, вся жизнь ея одѣта покровомъ тайны. Вѣроятно, пережитыя потрясенія оказались роковыми для юнаго существа, измученнаго скитаніями вдали отъ родины и испытавшаго на себѣ жестокіе удары судьбы. Надо замѣтить, что исторія была столь же безпощадна къ Маринѣ, какъ и сама дѣйствительность. Какъ польскіе, такъ и русскіе писатели осыпали ее самыми тяжкими обвиненіями. Въ глазахъ этихъ судей дѣтище самборскихъ бернардинцевъ оказывается существомъ безъ стыда и совѣсти. Самый патріотизмъ Марины подвергается сомнѣнію. Зато ей приписывается необузданное честолюбіе, готовое на всевозможныя жертвы

во имя мираж царской власти, предназначенной ея сыну. Въ ослѣпленіи своими тщеславными мечтами, Марина, будто бы, пренебрежительно отвергла милостивыя предложенія Сигизмунда III. Мирной, но безвѣстной жизни она предпочла отчаянную погоню за счастьемъ. Говоря по правдѣ, дѣйствія Марины свидѣтельствуютъ скорѣе противъ нея, нежели въ ея пользу. Такъ ясно мы представляемъ себѣ эту наѣздницу въ мужскомъ платьѣ, со свитой изъ лихихъ казаковъ. Героиня большихъ дорогъ, она бѣшено скачетъ, собирая вокругъ себя темныхъ искателей приключеній... Но кто скажетъ, въ какой мѣрѣ Марина была свободна или, напротивъ, связана чужой волей въ своихъ поступкахъ? Являлась ли она жертвой собственныхъ страстей, или же ее просто подхватилъ и унесъ вихрь событій? Мы уже знаемъ, какое разсудительное и полное достоинства письмо отправила она къ королю 16 января 1610 года. Послѣ этого голосъ несчастной царицы замолкаетъ. Никому, въ сущности, неизвѣстно, какъ слѣдуетъ, какія рѣчи вела съ тѣхъ поръ Марина; никто не можетъ сказать, какими обѣщаніями или угрозами старались плѣнить ее или запугать. Во всякомъ случаѣ, между Самборомъ и Астраханью лежитъ цѣлая бездна. По этому страшному пути пришлось пройти молодой, одинокой женщинѣ. Условія, среди которыхъ она жила это время, были самыми ужасными. Неужели, испытавъ все это, Марина не можетъ разсчитывать на снисхожденіе въ виду обстоятельствъ, смягчающихъ ея вину? Нѣтъ, справедливость требуетъ, чтобы судьи считались съ этими данными,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено дополнительное слѣдствіе.

Каковъ бы ни былъ конецъ Марины, ея исчезновеніе избавило Михаила Романова отъ одной изъ многихъ опасностей или, по крайней мѣрѣ, заботъ. Власть молодого царя, созданная самимъ народомъ, пережившимъ глубокій кризисъ, мало-по-малу укрѣплялась. Вся Россія смыкалась вокругъ него, какъ около національнаго стяга. Однако,

Сигизмундъ ни за что не хотѣлъ помириться съ утратою столь богатой добычи. Въ глазахъ польскаго короля Михаилъ былъ едва ли не поповичемъ, — вообще, человѣкомъ далеко не блестящаго происхожденія. Сигизмундъ считалъ его ребенкомъ, не способнымъ къ управленію государствомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что на престолъ московскій этого государя возвела чернь, противъ воли знати. Король открыто говорилъ, что подобное избраніе онъ считаетъ величайшимъ беззаконіемъ. Единственнымъ правомочнымъ царемъ является Владиславъ. Вѣдь народъ уже присягалъ ему, а знатнѣйшіе бояре и донынѣ продолжаютъ звать его въ Москву. Во всѣхъ неудачахъ своего сына Сигизмундъ винилъ враждебныхъ ему интригановъ. Не будь ихъ, Владиславъ уже давно носилъ бы русскую корону и трудился бы надъ пріобщеніемъ своей новой державы къ семьѣ европейскихъ государствъ.

Таковы были представленія Сигизмунда о Россіи, едва пережившѐй ужасы междуцарствія. Между тѣмъ, никогда ненависть русскихъ къ полякамъ и къ латинству не достигала такой силы, какъ именно въ эту пору. Въ томъ же духѣ высказывался польскій король и при сношеніяхъ своихъ съ императоромъ Матвѣемъ, котораго русскіе избрали какъ бы третейскимъ судьею для прекращенія изнурительной борьбы съ Польшей. Императоръ самымъ серьезнымъ образомъ отнесся къ своей роли. Распространяясь на тему о коварныхъ случайностяхъ войны, онъ осторожно давалъ понять Сигизмунду, что лучшимъ средствомъ возстановить миръ между обѣими державами было бы признаніе Михаила законнымъ государемъ. Но при одной мысли объ этомъ Сигизмундъ выходилъ изъ себя. Онъ слалъ въ Вѣну одно письмо за другимъ: онъ заставлялъ королевича Владислава вести такую же переписку; ему казалось, что императоръ не обнаруживаетъ достаточнаго безпристрастія въ рѣшеніи спора. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, Сигизмундъ согласился на посредничество Матвѣя, хотя и сомнѣваясь

въ дѣйствительности такого способа уладить дѣло. Какъ нарочно, дипломатическія переговоры между сторонами завершились полной неудачей. 6-го апрѣля 1616 г. Сигизмундъ не безъ самодовольства заявляетъ, что всѣ его предсказанія оправдались. Чего же ждать отъ этихъ варваровъ съ невѣрной душой,—какъ онъ называетъ русскихъ! Въ этихъ словахъ уже таилась угроза. Дѣйствительно, четыре мѣсяца спустя, 23 іюля того же года Сигизмундъ объявилъ императору, что Сеймъ санкціонировалъ войну Рѣчи Посполитой съ Москвою *).

Въ средѣ польской молодежи царило воинственное возбужденіе. Цвѣтъ ея послѣдовалъ за Владиславомъ, который на этотъ разъ самъ сталъ во главѣ арміи. Надо замѣтить, что королевичъ былъ счастливъ избавиться отъ отцовской опеки. Расправивъ свои крылья, королевичъ заявилъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ вернется къ однообразію варшавской жизни. Стремясь мечомъ пріобрѣсти себѣ царство на сѣверѣ Европы, Владиславъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль. Во-первыхъ, онъ уходилъ отъ семейныхъ непріятностей; во-вторыхъ, онъ создавалъ себѣ независимое и блестящее положеніе**). Честолюбивыя мечты королевича залетали далеко. Очевидно, онъ раздѣлялъ иллюзіи своего отца. Во всякомъ случаѣ, онъ счелъ долгомъ открыть свою душу папѣ и испросить у него заранѣе кое-какія разрѣшенія. Удивительно, какъ торопился Владиславъ съ этимъ дѣломъ!

Королевичъ, столь неожиданно принявшій на себя роль завоевателя, былъ непоколебимо увѣренъ въ томъ, что ему придется короноваться въ Кремлѣ. Въ виду этого, онъ заранѣе хочетъ предусмотрѣть всѣ подробности предстоящаго ему обряда. Владиславъ находился почти въ такомъ же

---

*) Вѣнскій Госуд. Архивъ, Polonia, 1613, 14 апрѣля, 1615, 11 мая, 1616, 6 апрѣля, 23 іюля, *Сигизмундъ III къ Матвѣю.*

**) Краковъ, Музей Чарторыйскаго, см. Манускрипты, содержащіе важныя данныя объ этой войнѣ подъ №№ 2726, 2763.

положеніи, что и злополучный Лжедимитрій I. Разница заключалась лишь въ томъ, что одинъ былъ тайнымъ католикомъ, тогда какъ другой открыто исповѣдывалъ эту вѣру. Подобно своему предшественнику, королевичъ опасался оскорбить религіозное чувство православныхъ русскихъ людей демонстративнымъ выполненіемъ въ Москвѣ обрядовъ католическаго культа. Ему хотѣлось вступить на царскій престолъ, не афишируя своихъ вѣроисповѣдныхъ симпатій и ничѣмъ не омрачая радости своихъ новыхъ подданныхъ. Гдѣ же найти золотую середину? Таковъ былъ вопросъ, который старались разрѣшить и самъ Владиславъ, и вся его свита. Одни совѣтники королевича обнаруживали непреклонный ригоризмъ. Другіе, напротивъ, высказывались за необходимость самыхъ широкихъ компромиссовъ. Къ послѣднему мнѣнію примыкалъ, между прочимъ, проповѣдникъ короля, о. Вембо. Обѣ стороны согласны были въ одномъ, а именно, что необходимо представить данный вопросъ на благовоззрѣніе папы и затѣмъ подчиниться его рѣшенію. Въ сущности, такъ же дѣйствовалъ и Мнишекъ, когда ему нужно было улаживать дѣло Лжедимитрія I. Инпціатива обращенія въ Римѣ, естественно, должна была принадлежать Владиславу. Случай для этого представлялся самъ собою. Королевичъ готовился принять огненное крещеніе войны. При подобныхъ условіяхъ было какъ нельзя болѣе умѣстно заручиться благословеніемъ римскаго первосвященника, какъ то приличествовало отпрыску династіи, исповѣдующей католицизмъ. 6-го апрѣля 1617 года молодой завоеватель обратился съ соотвѣтствующей просьбой въ Римъ. Онъ заявлялъ, что намѣренъ послужить своимъ мечомъ вѣрѣ и родинѣ. За первымъ посланіемъ Владислава въ тотъ же день было отправлено второе. Оно касалось предстоящей Владиславу коронаціи *). Редакція этого письма принадлежитъ самому королевичу. Однако, въ его словахъ

*) Ватик. Арх., Отд. Боргезе, II, 74, f. 32; II, 68, f. 478.

ясно чувствуется вліяніе отцовскихъ настроеній. Въ главныхъ чертахъ содержаніе этого документа сводилось къ слѣдующему.

„Предки мои", пишетъ Владиславъ, „понимали, какую великую важность имѣло бы *возвращеніе* русскихъ въ лоно христіанской республики и католической церкви. Но, по большей части, у нихъ не было средствъ осуществить это дѣло. Въ настоящее время условія дѣйствительности слагаются болѣе благопріятнымъ образомъ для насъ. Прежняя династія московскихъ государей прекратилась. Всѣ классы русскаго общества высказались за мое избраніе. Правда, дѣло сильно затянулось; тѣмъ не менѣе, значительное число московскихъ людей и донынѣ сохраняютъ мнѣ вѣрность. Вотъ почему мы рѣшили использовать столь удобный моментъ. При этомъ мы надѣемся не только расширить границы Польши, но и раздвинуть область христіанской республики и распространить католическую вѣру. Съ своей стороны, я спѣшу выполнить предначертанія Промысла и повинуюсь волѣ моего отца".

Однако, стоя на рубежѣ, за которымъ открывается столь блестящее будущее, королевичъ видитъ передъ собой весьма серьезныя затрудненія. Какъ извѣстно, русскіе всей душой преданы своимъ религіознымъ обычаямъ. Владислава ожидаетъ короноваціе въ Москвѣ. По этому поводу его будущіе подданные могутъ предъявить нѣкоторыя требованія, съ которыми необходимо заранѣе считаться. Принимая тонъ человѣка, прекрасно освѣдомленнаго о значеніи обрядовъ Церкви и объ отношеніи ихъ къ догматамъ вѣры, Владиславъ вполнѣ опредѣленно формулируетъ сущность своей просьбы. Прежде всего, онъ высказываетъ категорическое желаніе, чтобы ему предоставлено было, какъ угодно, сообразоваться съ обрядами греко-уніатской Церкви. Вѣдь короновать его будетъ, навѣрное, епископъ-уніатъ; въ такомъ случаѣ, королевичъ вкуситъ причастіе подъ обоими видами. Впрочемъ, допуская, что обрядъ коронованія можетъ совершить, по

требованію русскихъ, какой-нибудь православный іерархъ, Владиславъ въ этомъ случаѣ проситъ папу о разрѣшеніи пойти на уступки. Такъ или иначе, онъ обращается къ нему за совѣтомъ и указаніемъ.

Письмо Владислава возбуждало національные и религіозные вопросы чрезвычайной важности. Обращеніе къ обрядовымъ формамъ греко-уніатской церкви могло знаменовать собою новую эру въ исторіи сношеній латинскаго Запада съ православнымъ Востокомъ. При такихъ условіяхъ, между главою римской Церкви и великой русской державой сразу устанавливалось вполнѣ опредѣленное общеніе. Конечно, какъ та, такъ и другая сторона должны были бы сойтись на однѣхъ и тѣхъ же формахъ культа: такое богослужебное единство, конечно, могло бы облегчить и дѣло догматическаго примиренія. Подобный компромиссъ былъ вполнѣ въ духѣ Флорентійскаго собора, рѣшенія котораго подготовлялись уже въ Брестѣ. Однако, повидимому, въ Римѣ не поняли, какія широкія перспективы открывались при такой постановкѣ вопроса. То, о чемъ просилъ Владиславъ, принято было за казусъ чисто-вѣроисповѣднаго свойства, который приходится разсматривать, исключительно, съ богословской точки зрѣнія. Впрочемъ, Павелъ V рѣшилъ самъ заняться этимъ дѣломъ. По его распоряженію, были собраны требуемыя справки, послѣ чего вопросъ былъ переданъ на заключеніе св. Инквизиціи. Это было въ іюлѣ 1617 года. Членамъ высокаго судилища было предложено высказаться по тремъ пунктамъ. Во-первыхъ, можетъ ли Владиславъ согласиться на коронованіе его при участіи православнаго іерарха, принимая во вниманіе благо всего христіанскаго міра? Во-вторыхъ, дозволительно ли разрѣшить ему причащеніе подъ обоими видами? Въ-третьихъ, наконецъ, допустимо ли, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, королевичъ выполнилъ и всѣ другіе обряды восточной Церкви?

Вопросы, поставленные такимъ образомъ, не заключали въ себѣ, собственно говоря, ничего новаго или неожидан-

наго. Для того, чтобы рѣшить ихъ, нужно было только справиться, какія резолюціи были еще такъ недавно приняты въ аналогичныхъ дѣлахъ Сигизмунда III или Названнаго Димитрія. Несомнѣнно, отвѣчая папѣ, инквизиціонный трибуналъ руководился этими данными; впрочемъ, онъ подкрѣплялъ ихъ ссылками на постановленія церковныхъ соборовъ—Лаодикійскаго, Карѳагенскаго и Латеранскаго. Выходило такъ, что вся позднѣйшая практика слагалась въ соотвѣтствіи съ этими каноническими традиціями. Въ томъ же смыслѣ высказывались и знаменитѣйшіе авторитеты богословской науки; наконецъ, тѣ же истины были запечатлѣны кровью мучениковъ... Во всякомъ случаѣ, вопросы Владислава могли служить темами цѣлыхъ трактатовъ. И надо отдать справедливость Инквизиціи. Она позаботилась о возможно болѣе солидномъ документальномъ обоснованіи своихъ выводовъ, хотя по всѣмъ тремъ пунктамъ заключенія ея были непримиримо отрицательнаго свойства. Впрочемъ, члены трибунала кое-что оставили и безъ отвѣта. Какъ мы видѣли, Владиславъ исходилъ изъ двоякаго предположенія: съ этимъ, однако, совершенно не считались его судьи. Они все время имѣли въ виду, что іерархъ, совершающій коронованіе, будетъ православнымъ, между тѣмъ, какъ королевичъ допускалъ въ этомъ случаѣ и участіе греко-уніатскаго епископа *).

Отвѣтъ самого папы былъ гораздо полнѣе и уже не оставлялъ ничего недоговореннаго. Конечно, съ первыхъ же словъ Павелъ V въ самой категорической формѣ поддерживалъ резолюцію инквизиторовъ, касавшуюся того случая, когда обрядъ коронованія будетъ совершать православный іерархъ. При такихъ обстоятельствахъ,—заявлялъ папа,—мы воздерживаемся давать какія бы то ни было разрѣшенія или санкціи. Другое дѣло, если вѣнчать Владислава на царство будетъ греко-уніатъ. Его участіе папа признавалъ весьма

*) Римъ, Арх. св. Инквизиціи, IV, 94 сл.

желательнымъ, причемъ допускалъ, чтобы Владиславъ причастился подъ обоими видами. Такъ или иначе, и подобное разрѣшеніе Римъ давалъ всего навсего на одинъ разъ, да и то скрѣпя сердце. Папа и не думалъ скрывать своихъ желаній. Разумѣется, всѣ его симпатіи были на сторонѣ католическаго ритуала; если бы то было возможно, папа предпочелъ бы, чтобы помазаніе Владислава на царство было совершено католикомъ; пусть королевичъ приметъ св. Причастіе по правиламъ Западной церкви и, вообще, не будетъ допущено никакихъ отступленій отъ началъ римско-католическаго обряда. Имѣя въ виду такой исходъ, Павелъ V заранѣе указывалъ и лицо, которое должно будетъ совершить коронованіе въ Кремлѣ: то былъ епископъ житомірскій, Андрей Липскій, которому папа предоставлялъ всѣ необходимыя полномочія. Повидимому, римскій первосвященникъ не находилъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что на московскомъ тронѣ возсядетъ католикъ, который будетъ царствовать надъ православной страной. Напротивъ, папѣ казалось, что осуществить все это не такъ трудно: стоитъ только какъ слѣдуетъ взяться за дѣло. Однако, какъ и римскіе инквизиторы, Павелъ V не выходилъ за предѣлы даннаго вопроса. То, о чемъ ходатайствовалъ Владиславъ, представлялось ему казусомъ совершенно частнаго свойства, не имѣющимъ никакой связи съ общими задачами будущаго соединенія церквей. Такимъ образомъ, въ самомъ существенномъ пунктѣ польскій королевичъ сталкивался съ тѣми же неодолимыми преградами, передъ которыми пришлось остановиться и Лжедимитрію I.

Пока въ Римѣ разсуждали о богословскихъ вопросахъ, Владиславъ уже выступилъ въ походъ. Папа не пожелалъ прямо и непосредственно отвѣтить королевичу на его вопросы. Онъ ограничился извѣщеніемъ, что заключенія Куріи будутъ сообщены Владиславу черезъ нунція. При этомъ были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы дать понять молодому завоевателю невозможность дальнѣйшихъ уступокъ.

Особенно старались внушить Владиславу мысль о неумѣстности излишней настойчивости съ его стороны. Краковскому нунцію, Франческо Діоталлеви, епископу Сантъ-Анджело, было предписано никому не показывать текста папской депеши. Пусть онъ составитъ извлеченіе изъ нея и передастъ его Владиславу—на отдѣльномъ листѣ и даже безъ подписи. Конечно, нашлись посредники-добровольцы, которые охотно взялись выяснить королевичу, каковы границы и сущность сдѣланныхъ Римомъ уступокъ. Такимъ образомъ, все обошлось какъ нельзя лучше. Въ то время Владиславъ находился въ Вязьмѣ. Первые шаги его на военномъ поприщѣ оказались довольно удачными: королевичъ былъ преисполненъ самыхъ радужныхъ, хотя и нѣсколько преждевременныхъ надеждъ. При такомъ настроеніи все представлялось ему въ розовомъ свѣтѣ. Такъ же отнесся онъ и къ рѣшеніямъ, сообщеннымъ ему отъ лица папы *).

Впрочемъ, Владиславу такъ и не пришлось воспользоваться уступками, которыя сдѣлалъ для него Ватиканъ. Несмотря на помощь казаковъ, вооруженныя силы королевича были слишкомъ незначительны. Въ денежныхъ средствахъ онъ также ощущалъ недостатокъ. При такихъ условіяхъ, естественно, ему не удалось овладѣть Москвою. Наступательныя дѣйствія его встрѣтили могучій отпоръ. Въ концѣ-концовъ Владиславу пришлось начать съ русскими переговоры. 1-го декабря 1618 года, по старому стилю, въ Деулинѣ былъ заключенъ миръ на четырнадцать лѣтъ. Условія его были болѣе выгодны для поляковъ, чѣмъ они сами могли разсчитывать. За Польшей остались столь важные укрѣпленные пункты, какъ Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и др. Очевидно, русскіе были слишкомъ истощены для того, чтобы вести дальнѣйшую борьбу.

---

*) Ватик. Арх., отд. Боргезе, II, 68, f. 480; II, 225, f. 169; II, 241, 1617, 1 сентября. *Діоталлеви къ Боргезе*; II, 427, f. 183; II, 74, f. 54.

Зато, съ своей стороны, они добились освобожденія Филарета Романова и получили обратно нѣсколько захваченныхъ поляками крѣпостей. Честь обѣихъ сторонъ была соблюдена. Однако, историческая тяжба двухъ славянскихъ народностей далеко еще не была кончена.

СИГИЗМУНДЪ III. Король польскій.

(Съ современ. карт.)

ГЛАВА II.

Немного критики.

Историческая загадка.—Таинственное дитя у Бориса Годунова.—Появленіе Димитрія.—Отношеніе къ нему со стороны общества.—Мнѣніе протестантскихъ авторовъ.—Защитники Димитрія. Его собственный разсказъ о себѣ Вишневецкому.—Важность этого документа.—Ошибка Костомарова.—Подлинность автобіографіи Димитрія.—Доказательства. Главнѣйшіе пункты. Уязвимость показаній Димитрія.—Упорное замалчиваніе нѣкоторыхъ вопросовъ.—Однородная тактика Мнишка.—Свидѣтельства за и противъ.—Выводъ.—Возможныя предположенія.—Національность Димитрія по его письму къ Клименту VIII. Филологическая дедукція, подкрѣпляемая исторіей.—Связи Димитрія съ духовенствомъ и идея патріаршества.—Слѣдствіе, произведенное патріархомъ Іовомъ. Димитрій Гришка Отрепьевъ.—Безплодныя ухищренія Бориса Бодунова.—Согласныя показанія русскихъ источниковъ. Извѣтъ Варлаама.—Двойной фактъ, подкрѣпляемый надписью. Три этапа.—Значеніе Извѣта. Свидѣтельство кн. Катыревъ-Ростовскаго.—Связь Извѣта съ доненесеніемъ Вишневецкаго.—Черты біографіи Димитрія. Родъ Отрепьевыхъ въ 1671 г.—Царь Алексѣй удовлетворяетъ ихъ просьбу.—Три записки Льва Сапѣги.—Сужденія его о Димитріи.—Совпаденіе взглядовъ Сапѣги съ версіей русскихъ.—Рывотскій и Ростовскій.—Показаніе противъ.—Свидѣтельство капелановъ и Маржерета.—Наиболѣе пріемлемый выводъ.—Закулисная сторона самозванства. Признаніе самого Димитрія.—Русскій характеръ.—Способность перенимать чужое, соединенная съ эластичностью. Недостатокъ оригинальности.—Религіозная эволюція.—Авансы по отношенію къ Риму.—Благосклонность папъ.—Отвѣтственность Сигизмунда III.—Внезапное крушеніе самозванца.—Роковыя послѣдствія его незавершеннаго царствованія.

Первые годы XVII вѣка именуются, обыкновенно, Смутнымъ временемъ. Въ самомъ началѣ этой мрачной поры центральную роль на исторической сценѣ играла загадочная личность, называвшаяся царевичемъ Димитріемъ. На пред-

шествующихъ страницахъ мы уже постарались изобразить ея фантастическую судьбу. Кто же былъ этотъ человѣкъ? Являлся ли онъ подлиннымъ сыномъ Ивана IV или былъ геніальнымъ авантюристомъ? Одно ли онъ лицо съ пресловутымъ Гришкой Отрепьевымъ, или, напротивъ, не имѣлъ съ нимъ ничего общаго? Этотъ вопросъ остается открытымъ вотъ уже цѣлыхъ три столѣтія. И въ настоящее время мы еще не можемъ рѣшить его окончательно. Пусть такъ. Какъ бы ничтожны ни оказались положительные результаты его изслѣдованія, какъ ни трудно было бы намъ избѣжать повтореній, мы, во всякомъ случаѣ, должны еще разъ пересмотрѣть эту историческую проблему. Самый фактъ существованія Названнаго Димитрія представляетъ капитальную важность. Это явленіе не могло не наложить своего отпечатка на ходъ тогдашнихъ событій.

Порою кажется, что Димитрій Угличкій самой судьбой былъ предназначенъ для того, чтобы мистифицировать историковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его гибели, когда, со смертью царя Ѳеодора, московскій престолъ опять остался вакантнымъ, одинъ польскій агентъ доносилъ въ 1598 году канцлеру литовскому, Льву Сапѣгѣ, что Борисъ Годуновъ держитъ у себя въ домѣ мальчика, отличающагося поразительнымъ сходствомъ съ царевичемъ Димитріемъ; очевидно, этотъ ребенокъ долженъ былъ играть роль безвременно погибшаго сына Ивана IV. Въ связи съ этимъ, по словамъ польскаго шпіона, какого-то несчастнаго подвергли пыткѣ. Нѣкоторымъ боярамъ, безпокоившимся за будущее, удалось вырвать у него сознаніе, что, по приказу Годунова, онъ умертвилъ маленькаго царевича *). Во всякомъ случаѣ, смерть законнаго наслѣдника Грознаго считалась совершившимся фактомъ. Страшные толки о немъ уже давно стали забываться... Вдругъ въ Польшѣ появился таинственный Димитрій. Какъ же отнеслось къ нему русское об-

*) *Архивъ Дома Сапѣги.* т. I, 177, № 214.

щественное мнѣніе? Взгляды соотечественниковъ царевича раздѣлились. Одни готовы были признать въ лицѣ претендента законнаго и полноправнаго сына Грознаго. Другіе называли его воромъ и самозванцемъ. Однако, наступилъ моментъ, когда передъ Димитріемъ склонилась вся Россія. Европа заговорила о немъ съ изумленіемъ. Затѣмъ разразилась катастрофа. Реакція противъ всеобщаго увлеченія была тѣмъ сильнѣе, что къ дѣлу примѣшались чисто партійные счеты. Обнаружилось, что погибшій царь велъ сношенія съ папою, съ краковскимъ нунціемъ и съ іезуитами. Враги Димитрія захватили всю его корреспонденцію. Она предана была гласности, и, конечно, получился скандалъ. Вслѣдъ за русскими, за Димитрія принялись протестантскіе авторы. Въ изображеніи этихъ нѣмцевъ, голландцевъ и англичанъ злополучный царь оказывается какимъ-то чудовищемъ, которое создалъ католицизмъ въ надеждѣ утвердить свою власть въ Россіи. На этой канвѣ вышивались самые причудливые узоры. Всякій изобрѣталъ то, что ему было нужно. Немудрено, что на нѣкоторое время о Димитріи, какъ о подлинномъ сынѣ Ивана IV, почти не было рѣчи. Однако, скоро на сцену опять выступили защитники этой загадочной личности. По ихъ словамъ, дѣло Димитрія еще далеко не проиграно. Рано или поздно они представятъ такія свидѣтельства въ его пользу, передъ которыми противникамъ придется окончательно капитулировать. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что въ настоящее время намъ извѣстны такія данныя, изъ которыхъ приходится вывести совершенно противоположное заключеніе. Повидимому, они неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что названный Димитрій и не думалъ быть сыномъ Ивана IV.

Попробуемъ же, наконецъ, разобраться въ этомъ вопросѣ. Въ сущности, всѣ данныя, говорящія въ пользу тождества Димитрія I съ жертвой угличской катастрофы—послѣднимъ отпрыскомъ династіи Рюриковичей—сводятся къ одному главному источнику. Мы разумѣемъ автобіографію Ди-

митрія, которую тотъ разсказалъ князю Адаму Вишневецкому; какъ извѣстно, послѣдній въ особомъ донесеніи сообщилъ ее королю. До сихъ поръ этому документу не удѣлялось должнаго вниманія; никто не оцѣнилъ достойнымъ образомъ его исключительной важности. Правда, разсказъ Димитрія былъ извѣстенъ Костомарову, который пользовался нѣсколько искаженной версіей Товіаловскаго. Къ сожалѣнію, авторъ Монографій не далъ себѣ труда обратиться къ первоисточнику, т.-е. къ ватиканской редакціи, изданной Новаковскимъ, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями и съ невѣрной датой 1606 года. Вообще, историческое значеніе автобіографіи Названнаго Димитрія представлялось Костомарову весьма второстепеннымъ *). А, между тѣмъ, дѣло обстоитъ иначе. Впрочемъ, условимся первоначально относительно предмета спора. Конечно, мы не говоримъ о достовѣрности показаній Димитрія. То, что онъ сообщаетъ Вишневецкому, представляетъ мѣстами слишкомъ очевидный вымыселъ. Совсѣмъ не намѣрены мы и полемизировать изъ-за личности автора. Мы вполнѣ допускаемъ, что весь этотъ разсказъ могъ придумать за Димитрія кто-нибудь другой. Насъ занимаетъ совсѣмъ иной вопросъ. Мы хотимъ знать, можно ли отождествить автобіографію Димитрія съ тѣми данными, которыя были представлены Сигизмунду, сообщены затѣмъ сенаторамъ и впослѣдствіи послужили основой для всѣхъ дальнѣйшихъ споровъ по этому поводу? Если этотъ вопросъ рѣшается утвердительно, мы располагаемъ документомъ огромной важности. Передъ нами, такъ сказать, паспортъ Димитрія или свидѣтельство о его гражданскомъ состояніи. Пусть даже въ немъ есть доля вымысла. Во всякомъ случаѣ, мы узнаемъ, что говорилъ о себѣ пресловутый Претендентъ.

Какъ разъ по этому поводу мы можемъ сослаться на вполнѣ опредѣленное свидѣтельство Рангони. 8-го ноября

*) *Костомаровъ*, „Кто былъ...“, с. 35.

1603 года нунцій раздобылъ себѣ донесеніе Вишневецкаго, возможно точнѣе перевелъ его съ польскаго языка на латинскій и немедленно отправилъ въ Римъ. Въ своей депешѣ отъ 2-го іюля 1605 г. Рангони вновь воспроизводитъ этотъ документъ, но уже на итальянскомъ языкѣ и со значительными купюрами и варіантами. Впрочемъ, онъ оговаривается, что его текстъ слово въ слово совпадаетъ съ разсказомъ самого Димитрія, сообщеннымъ Сигизмунду княземъ Вишневецкимъ *).

Является вопросъ, пользовались ли Рангони и польскій король однимъ и тѣмъ же первоисточникомъ? На этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Обратимся къ циркулярному письму Сигизмунда, разосланному сенаторамъ 15-го февраля 1604 года; какъ извѣстно, здѣсь Сигизмундъ резюмируетъ вкратцѣ всю исторію Димитрія. Припомнимъ, какой отвѣтъ дали сенаторы, въ особенности Барановскій, епископъ Плоцкій **). Сопоставимъ съ этимъ матеріаломъ тотъ разсказъ, который Рангони приписываетъ Димитрію. Мы немпнуемо придемъ къ заключенію, что вездѣ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же данныхъ. Очевидно, обѣ стороны пользовались однимъ документомъ. До такой степени разительно совпаденіе ихъ свѣдѣній.

Какой же выводъ должны мы сдѣлать прежде всего? Несомнѣнно, приходится признать существованіе извѣстной версіи разсказа о жизни и приключеніяхъ Димитрія, которая циркулировала въ оффиціальныхъ сферахъ Польши. Именно ее и сообщилъ Рангони въ Ватиканъ 8-го ноября 1603 года. Уже одна эта дата представляется въ высшей степени знаменательной. Опираясь на нее, мы можемъ заключить, что хронологическое старшинство между всѣми версіями, не исключая редакціи Товіановскаго, принадлежитъ первоначальному тексту, препровожденному въ

*) Ватик. Арх., отд. Боргезе, III, 90, a.

**) Арх. М. Ю. въ Москвѣ, *Лит. Метр. Нов. Кн.*, т. 55, л. 87.

Ватиканъ. Это обстоятельство сразу упрощаетъ задачу критики. Мы какъ будто поднимаемся на горную высь, откуда взглядъ нашъ безпрепятственно проникаетъ въ долины. На глазахъ нашихъ изъ земли бьетъ родникъ, воды котораго струятся вдаль. И, дѣйствительно, всѣ позднѣйшіе разсказы, отождествляющіе Названнаго Димитрія съ царевичемъ, жившимъ въ Угличѣ, являются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ лишь воспроизведеніемъ извѣстнаго рапорта, представленнаго Вишневецкимъ королю. Стоитъ сравнить между собою всѣ эти сообщенія, и мы тотчасъ признаемъ между ними существованіе нѣкоторой родственной связи. Всѣ они носятъ на себѣ печать общаго происхожденія и, по большей части, рабски слѣдуютъ своему оригиналу. Гдѣ онъ многословенъ, тамъ не скупятся на подробности и они; гдѣ изложеніе его сухо и сдержанно, и они, видимо, взвѣшиваютъ каждое выраженіе. Такимъ образомъ, достаточно проанализировать первоисточникъ, т.-е. автобіографію Димитрія, чтобы тѣмъ самымъ подвергнуть той же операціи всѣхъ позднѣйшихъ авторовъ, которые переписывали, резюмировали, гдѣ нужно, по-своему дополняли или нѣсколько видоизмѣняли первоначальный матеріалъ. Итакъ, какова же цѣнность этого документа? Если мы примемъ во вниманіе только его происхожденіе, то намъ придется произнести надъ этимъ памятникомъ уничтожающій приговоръ. Вѣдь, Димитрій свидѣтельствуетъ въ немъ въ свою собственную пользу. Можно ли допустить, что при такихъ обстоятельствахъ онъ окажется совершенно безпристрастнымъ? Во всякомъ случаѣ, чего бы ни стоила въ этомъ отношеніи автобіографія будущаго царя московскаго, она заслуживаетъ ближайшаго изученія.

Припомнимъ прежде всего, при какихъ условіяхъ возникъ указанный нами документъ. Какъ мы знаемъ, поводомъ къ его составленію явился запросъ короля Сигизмунда, который хотѣлъ выяснить себѣ дѣло Димитрія. Это было въ тотъ самый моментъ, когда Претендентъ только что

успѣлъ объявить себя царевичемъ и больше всего нуждался въ помощи польскаго короля. Ничто, казалось, не препятствовало ему раскрыть свою тайну тѣсному кругу лицъ-заинтересовавшихся его судьбою; напротивъ, все, повидимому, побуждало его высказаться вполнѣ чистосердечно и представить неопровержимыя доказательства своего высокаго происхожденія. Все будущее Димитрія зависѣло отъ этихъ признаній. Итакъ, можно было ожидать, что Претендентъ представитъ самый полный и убѣдительный разсказъ о своей судьбѣ. И что же? Передъ нами документъ, въ которомъ все окутано тайной, гдѣ на каждомъ шагу чувствуется нѣчто недоговоренное, гдѣ смыслъ затемняется риторическими ухищреніями и слишкомъ очевидными, сознательными недомолвками...

Съ самаго начала весьма странное впечатлѣніе производитъ на читателя явное отсутствіе въ автобіографіи Димитрія не только сыновняго почтенія, но и самой элементарной сдержанности по отношенію къ памяти отца. Мнимый наслѣдникъ Ивана IV оказывается безпощаднымъ судьею его дѣятельности. Онъ видитъ въ ней лишь тиранію и служеніе низменнымъ страстямъ. Онъ осыпаетъ горькими упреками Грознаго, который собственноручно убилъ старшаго сына, надругался надъ святостью брака, заточалъ своихъ многочисленныхъ женъ въ монастыри и попиралъ во прахъ добродѣтель. Трудно спорить съ Димитріемъ. Обвиненія, выдвигаемыя имъ, вполнѣ правдоподобны. Однако, казалось бы, безъ всякаго ущерба для дѣла можно было бы на сей разъ и не повторять ихъ.

Съ исторической точки зрѣнія, страшностью этой автобіографіи является сочетаніе въ ней грубѣйшихъ фактическихъ ошибокъ съ такими подробностями, которыя не многимъ были извѣстны и въ самой Россіи и оставались безусловной тайной для поляковъ. Сюда относится, между прочимъ, сообщеніе о горѣ, постигшемъ Ивана IV въ 1553 году. Въ это время погибъ въ водахъ Бѣлоозера первенецъ

Грознаго, Димитрій, который, повидимому, явился жертвой какой-то случайности *).

Указанія на этотъ счетъ мы находимъ у дьяка Тимоѳеева. Тотъ же фактъ упоминается у Масса. Другіе авторы говорятъ о немъ весьма рѣдко. На ряду съ этимъ авторъ разсказа приводитъ имена нѣсколькихъ женъ Ивана IV. Онъ называетъ Анастасію Романовну, Марію Темрюковну, Марфу, Собакину, Анну Колтовскую, Марію Нагую. Онъ знаетъ, что Грозный затѣвалъ какой-то фантастическій брачный союзъ въ Англіи Наконецъ, ему прекрасно извѣстно, какіе три города были даны въ удѣлъ царевичу Димитрію. Съ тѣмъ большимъ удивленіемъ читаемъ мы на слѣдующей же страницѣ, что Ѳеодоръ отказался отъ престола; послѣ этого онъ, будто бы, удалился въ монастырь св. Кирилла, а его „пѣстуны“ были преданы смерти Борисомъ Годуновымъ.

Допустимъ, всѣ эти ошибки были сдѣланы авторомъ разсказа вполнѣ сознательно. Въ такомъ случаѣ, ихъ можно объяснить только ненавистью къ Годунову. Вѣдь, ясно, что всѣ усилія „Царевича“ были направлены противъ этого царя. Погубить его—такова завѣтная цѣль Димитрія Немудрено, что въ его изображеніи, преемникъ Ѳеодора надѣляется тѣми же самыми чертами, съ какими выступаетъ онъ у позднѣйшихъ лѣтописцевъ и въ оффиціозной литературѣ эпохи Василія Шуйскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, Борису приписываются тѣ же коварные замыслы, тѣ же мстительныя побужденія и злодѣйства. Замѣтимъ, впрочемъ, что на ряду съ этимъ всѣ авторы признаютъ за нимъ выдающіяся дарованія и гибкій, лукавый умъ. Возвысившись, благодаря вліянію сестры своей Ирины, Годуновъ сдѣлался всемогущимъ правителемъ государства въ царствованіе Ѳеодора. При своемъ ненасытномъ честолюбіи, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ достигнуть царскаго престола, который вскорѣ долженъ былъ освободиться. На

*) *Платоновъ.* Древнерусскія сказанія, с. 138, пр. 3.

пути смѣлаго авантюриста стояло лишь одно препятствіе. То былъ законный наслѣдникъ Грознаго, Димитрій Угличкій. Тогда Годуновъ рѣшилъ устранить его.

Дойдя до этого момента, разсказъ сразу мѣняетъ свой характеръ; въ немъ все яснѣе и яснѣе начинаютъ проступать риторическія уловки. До той поры авторъ охотно называлъ дѣйствующихъ лицъ по именамъ. Теперь онъ всячески старается избѣгать этого. Въ каждомъ словѣ его чувствуется боязнь вызвать у читателя недовѣріе. Мы знаемъ, въ чемъ обвиняли впослѣдствіи Годунова русскіе лѣтописцы. Все это фигурируетъ цѣликомъ въ автобіографіи Димитрія. Претендентъ на московскій престолъ разсказываетъ, что раньше того, какъ обратиться къ содѣйствію наемныхъ убійцъ, царь Борисъ попробовалъ отравить Димитрія. Однако, попытка не имѣла успѣха. Что касается самой картины убійства, то она воспроизводится разсказчикомъ со всѣми подробностями. Дѣло происходитъ ночью. „Пѣстунъ“ царевича, не называемый по имени, былъ во-время предупрежденъ о грозящей опасности. Тогда въ постель Димитрія положили какого-то двоюроднаго его брата. Убійцы умертвили его, а Димитрія удалось спасти. Конечно, авторъ разсказа не могъ не знать о слѣдствіи, произведенномъ въ Угличѣ по распоряженію Годунова. Тѣмъ не менѣе, онъ не упоминаетъ объ этомъ ни словомъ. Напротивъ, Борисъ немедленно выступаетъ на сцену. Онъ хочетъ обмануть царя Ѳеодора. Онъ убѣждаетъ его, что Димитрій самъ умертвилъ себя въ припадкѣ черной немочи. Какъ извѣстно, къ этому же сводилось заключеніе слѣдственной комиссіи, во главѣ которой стоялъ Василій Шуйскій. Но и это имя почему-то обходится молчаніемъ. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ личность князя и факты, связанные съ его дѣятельностью. Что касается Клешнина и митрополита Геласія, то о нихъ онъ упоминаетъ. Правда, они выступаютъ въ его разсказѣ не какъ члены слѣдственной комиссіи, а въ качествѣ лицъ, которымъ было поручено присутствовать при погребеніи

Димитрія. Пока происходятъ эти событія, безыменный пѣстунъ царевича хранитъ и воспитываетъ ребенка, котораго Борисъ считалъ уже погибшимъ. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ поручаетъ царственнаго младенца вѣрному человѣку. Его имени авторъ опять-таки не сообщаетъ читателямъ. Умираетъ и вѣрный человѣкъ. Передъ смертью онъ совѣтуетъ своему питомцу, уже достигшему юношескаго возраста, облечься въ рясу и скрываться, странствуя по монастырямъ. Димитрій такъ и дѣлаетъ. Онъ столь усердно старается уйти въ безвѣстность, что слѣды его исчезаютъ совершенно. Затѣмъ, словно deus ex machina античной трагедіи, онъ появляется въ Польшѣ. Авторъ указываетъ только три послѣднихъ этапа на пути Димитрія до этого момента. То были Острогъ, Гоща, Брагинъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это сообщеніе послужитъ намъ нѣкоторой точкой опоры.

Во всякомъ случаѣ, авторъ разсказа прекрасно чувствовалъ, что положеніе его далеко не неуязвимо. Онъ предвидитъ тѣ возраженія, какія могутъ ему сдѣлать. Онъ предупреждаетъ ихъ заранѣе заготовленными отвѣтами, стараясь ослабить удары своихъ противниковъ. Впрочемъ, это ему не удается, такъ какъ несостоятельность его слишкомъ очевидна для каждаго. Въ самомъ дѣлѣ: онъ изображаетъ намъ, какъ мать царевича обнимала трупъ своего ребенка. Является вопросъ, какимъ образомъ не замѣтила она, что въ рукахъ у нея находится тѣло чужого ребенка? Убитый уже поспѣлъ,—объясняетъ намъ разсказчикъ,—а мать была внѣ себя отъ горя. Далѣе, допустимъ, что подмѣна царевича, дѣйствительно, произошла и что, вмѣсто Димитрія, убитъ былъ какой-то другой мальчикъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ исчезнуть изъ среды живыхъ. Какъ же это осталось незамѣченнымъ? Въ суматохѣ было перебито около 30-ти дѣтей, — отвѣчаетъ намъ авторъ разсказа, — къ нимъ отнесли и погибшаго двоюроднаго брата царевича. Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить весьма страннаго объясненія,

которое дается бѣгству Димитрія въ Польшу. Оказывается, какой-то монахъ, словно осѣненный свыше, узналъ царевича по его осанкѣ. Послѣ этого пребываніе въ Россіи стало для Димитрія опаснымъ. Потому-то онъ и рѣшилъ скрыться за рубежъ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, автобіографія Димитрія имѣетъ несомнѣнную историческую цѣнность. Конечно, претендентъ на московскій престолъ зналъ содержаніе того донесенія, которое готовилъ Вишневецкій королю Сигизмунду III. Очевидно, онъ рѣшилъ самъ воспользоваться этими данными. Однако, прибѣгая къ нимъ въ цѣляхъ самозащиты, онъ тѣмъ самымъ открылъ свои карты. Дѣйствительно, мы имѣемъ полное право заключить, что кромѣ доказательствъ, приводимыхъ княземъ Адамомъ въ пользу царственнаго происхожденія претендента, самъ Димитрій не могъ сослаться ни на одно. Вотъ почему онъ старается не столько выяснить, гдѣ и когда былъ онъ въ Россіи, сколько замести всякіе слѣды, оставленные имъ на родинѣ. При такихъ условіяхъ становится вполнѣ понятнымъ заявленіе Льва Сапѣги въ Сеймѣ 1605 года. „Подлинный царевичъ,—говорилъ канцлеръ,—нашелъ бы иныя средства для доказательства своихъ правъ".

Надо замѣтить, что Димитрій никогда не измѣнялъ своей политикѣ умолчаній. Напротивъ, въ теченіе всей своей жизни онъ оставался ей вѣренъ. Его излюбленная формула сводилась, въ сущности, къ слѣдующему: сперва онъ чудеснымъ образомъ избѣгъ козней Годунова; затѣмъ его хранила неисповѣдимая сила благого Промысла. Все остальное онъ обходитъ молчаніемъ. А, между тѣмъ, сколько разъ представлялся ему случай выступить съ неотразимыми доказательствами своихъ правъ! И что же? Онъ неизмѣнно старается отдѣлаться нѣсколькими незначительными словами, говоря о событіяхъ своей прежней жизни. Когда Димитрію пришлось вступить въ сношенія съ папою, онъ предоставилъ нунцію Рангони сообщить въ Римъ

все, что касалось личности претендента. Самъ же въ письмѣ отъ 24-го Апрѣля 1604 года онъ ограничился общими мѣстами. Пока на престолѣ московскомъ возсѣдалъ Борисъ Годуновъ, подобную тактику еще можно было объяснять соображеніями осторожности, желаніемъ предупредить кары, которыми царь могъ поразить лицъ, связанныхъ съ претендентомъ. Однако, вскорѣ врагъ Димитрія умеръ. Почему же накапунѣ своего полнаго тріумфа или въ моментъ торжественнаго вѣнчанія на царство не раскрылъ Названный Царевичъ столь долго хранимой тайны? Мы обращаемся къ грамотамъ этого царя, разсылавшимся по всему государству *). Мы вспоминаемъ рѣчи самого Димитрія I. Что же мы видимъ? И здѣсь такъ же мало конкретныхъ указаній, какъ и во всемъ, что говорилось раньше. Хотя бы одинъ намекъ на людей, оказавшихъ услуги законному наслѣднику Ивана IV! Хотя бы какое-нибудь упоминаніе о тѣхъ монастыряхъ, гдѣ онъ искалъ себѣ убѣжища!

Что касается воеводы Мнишка, то онъ такъ же мало откровененъ, какъ и его зять. Мы знаемъ, что этотъ польскій вельможа являлся самымъ горячимъ адвокатомъ названнаго Димитрія. Но повидимому, имъ руководила скорѣе слѣпая вѣра въ высокое происхожденіе зятя, нежели вполнѣ сознательное убѣжденіе въ его правахъ. По крайней мѣрѣ, всякій разъ, когда Сандомирскому воеводѣ приходилось объясняться по этому поводу подробнѣе, онъ высказывался въ положительномъ смыслѣ. И что же? Всегда слова его отличались расплывчатостью и были лишены конкретнаго содержанія. Какъ извѣстно, тотчасъ послѣ катастрофы 27-го мая 1606 года бояре московскіе потребовали отъ захваченнаго ими Мнишка сознанія во всемъ. Какимъ бы торжествомъ для Сандомирскаго воеводы было сразить своихъ судей! Какъ счастливъ былъ бы онъ, если бы могъ вполнѣ оправдать свой образъ дѣйствій

*) *Акты* и *Археогр. Экс.*, II, 76, № 26; 89, № 34; 92, № 37.

и подтвердить права Марины на власть! Для этого нужно было только представить неопровержимыя доказательства царственнаго происхожденія Димитрія. Что же сдѣлалъ Мнишекъ? Ничего. Онъ лишь ссылался на самихъ русскихъ, утверждая, что починъ въ дѣлѣ царевича принадлежалъ имъ. Ему говорили: „Докажите, что Димитрій былъ настоящимъ сыномъ Ивана IV“.—„Вы же сами признали его таковымъ“, отвѣчалъ воевода. Къ этому онъ не могъ прибавить ничего. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мнишекъ подвергся новой аттакѣ, но на этотъ разъ со стороны поляковъ. Впрочемъ, соотечественники еще менѣе церемонились съ престарѣлымъ воеводой, нежели чуждые ему московскіе бояре. Это второе объясненіе Мнишка происходило въ 1611 году, въ собраніи Сейма. На одномъ изъ засѣданій московская экспедиція Мнишка подверглась самой жестокой критикѣ. Застрѣльщикомъ явился каштелянъ Калишскій, Адамъ Стадницкій. Онъ выступилъ противъ Сандомирскаго воеводы съ чрезвычайно рѣзкой рѣчью. Его поддержалъ вице-канцлеръ Крискій. Ораторы обвиняли Мнишка въ себялюбіи и алчности. Они почти называли его измѣнникомъ, не желая простить ему того, что онъ покровительствовалъ самозванцу и подвергалъ риску все государство. На собраніи присутствовали король и крупнѣйшіе польскіе магнаты. Тяжкія оскорбленія были брошены Мнишку прямо въ лицо. Конечно, онъ не пожелалъ оставить это безнаказаннымъ. Между Стадницкимъ и воеводой Сандомирскимъ произошла горячая схватка. Но когда Мнишку было предоставлено слово для самозащиты, онъ прибѣгъ къ тому же пріему для посрамленія своихъ противниковъ, какимъ когда-то воспользовался въ Москвѣ. Вѣдь обрученіе Марины происходило въ Краковѣ? Вѣдь, отправлялись же въ Москву послы изъ Польши, чтобы засвидѣтельствовать Димитрію дружеское расположеніе короля и Рѣчи Посполитой? Вотъ какимъ оружіемъ оборонялся Мнишекъ противъ своихъ враговъ. И надо отдать ему справедливость: удары его были неотразимы.

Однако, центральный вопросъ—о правахъ Димитрія на московскій престолъ такъ и остался открытымъ *).

Учитывая всѣ эти факты, изслѣдователь нащупываетъ подъ собою болѣе твердую почву. Передъ нимъ — показанія ближайшихъ свидѣтелей. Все это — лица, наиболѣе освѣдомленныя и къ тому же болѣе всего заинтересованныя въ успѣхѣ предпріятія Названнаго Димитрія. Какой же выводъ приходится сдѣлать изъ этихъ данныхъ? Совершенно очевидно, что ни Димитрій, ни воевода Мнишекъ, ни князь Вишневецкій ни разу не смогли представить не только рѣшительныхъ, но хотя бы просто болѣе или менѣе вѣскихъ доводовъ въ пользу царственнаго происхожденія того, кто сдѣлался московскимъ государемъ въ 1605 году. Почему же не удалось имъ доказать это? Потому, что въ распоряженіи ихъ не было фактовъ. Почему же ихъ не было? Надобно думать, потому, что ихъ нельзя было добыть. Если такъ, то, при теперешнемъ состояніи исторической науки, мы должны признать, что наслѣдственныя права Димитрія доказаны далеко не въ достаточной степени. Напротивъ, все склоняетъ насъ къ тому выводу, что Названный Царевичъ былъ совсѣмъ инымъ лицомъ, нежели Димитрій Угличкій.

Конечно, для того, чтобы такое заключеніе было совершено непоколебимымъ, нужно было бы вполнѣ точно опредѣлить личность и подлинное имя того, кто выдавалъ себя за наслѣдника Ивана IV. Но тутъ-то и начинается главное затрудненіе. Сколько перьевъ было поломано изъ-за этого! Сколько смѣлыхъ догадокъ было высказано съ разныхъ сторонъ! Было бы скучно и безполезно повторять ихъ здѣсь. Вѣдь утверждали же нѣкоторые, что Димитрій былъ незаконнымъ сыномъ короля Стефана! Вѣдь ссылались же на его страсть къ охотѣ, какъ на характерную черту наслѣдственности! По правдѣ говоря, если принять въ серьезъ такія доказательства, можно совсѣмъ запутаться въ дѣлѣ

*) Библіотека Ягеллоновъ въ Краковѣ, № 102, л. 457.

отысканія отца. Вѣдь столько государей прославилось своей любовью къ охотѣ! Къ счастью, въ нашемъ распоряженіи имѣются другія данныя. Они гораздо лучше помогаютъ намъ разобраться въ вопросѣ, нежели произвольныя и безплодныя гипотезы.

Прежде всего, разумѣется, мы должны задаться вопросомъ, какова была національность Димитрія? Былъ ли онъ русскимъ или полякомъ? Уже по этому поводу показанія расходятся. Мы знаемъ о письмѣ Названнаго Царевича къ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 года. Оно хранится въ архивѣ св. Инквизиціи въ Римѣ и лишь въ недавнее время было предано гласности. Пожалуй, это единственный документъ, опираясь на который можно рѣшить интересующій насъ вопросъ. Указанное письмо представляетъ собою автографъ на польскомъ языкѣ. Оно переслано было папѣ нунціемъ Рангони. Написано оно 18-го апрѣля, на самой Пасхѣ, но помѣчено 24 числомъ того же мѣсяца. Другими словами, Димитрій составлялъ свое посланіе немедленно послѣ перехода въ католицизмъ. Опасаясь выдать свою тайну, Димитрій не хотѣлъ присутствовать въ церкви, на богослуженіи. Вмѣсто этого свой досугъ онъ посвятилъ сочиненію письма папѣ, которое и передалъ затѣмъ нунцію 24-го апрѣля, скромно прося извинить ему погрѣшности каллиграфіи и стиля. Съ своей стороны, Рангони добавляетъ, что латинскій переводъ польскаго оригинала былъ сдѣланъ о. Савицкимъ, который „по доброй волѣ и по порученію нунція“ слѣдилъ за всѣмъ этимъ дѣломъ *). Такимъ образомъ, Рангони вполнѣ опредѣленно констатируетъ, что въ составленіи письма Димитрія принималъ участіе полякъ; тѣмъ самымъ объясняются нѣкоторыя особенности и даже странности упомянутаго документа. Каждая фраза, каждая буква этого письма были подвергнуты самому тщательному

*) Ватик. Арх., отд. Борг., III, 90, в., f. 107. Rome et Démetrius, 186, nº 12.

научному изслѣдованію. Съ нимъ сопоставлялись другіе русскіе и польскіе памятники той же эпохи. Можно сказать, исчерпаны были всѣ средства филологіи. Результатомъ всего этого явилось совершенно опредѣленное заключеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что посланіе Димитрія къ папѣ есть дѣло рукъ не одного автора. Надъ нимъ трудились, по крайней мѣрѣ, двое—писецъ и редакторъ. Это, во всякомъ случаѣ, разныя лица. Первый изъ нихъ—русскій, второй—полякъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, мы убѣждаемся, что редакторъ письма Димитрія вполнѣ владѣетъ польскимъ языкомъ. Мало того, онъ знаетъ всѣ его тайны. Излагая свою мысль, онъ всегда находитъ соотвѣтственное слово въ своемъ обширномъ и богатомъ лексиконѣ. Онъ передаетъ самые тонкіе оттѣнки чувствъ. Въ его выборѣ выраженій нѣтъ рѣшительно ничего случайнаго. Напротивъ, форма у него какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ содержанію, причемъ стиль его носитъ печать опредѣленной индивидуальности. Языкъ его богатъ. Преувеличенное стремленіе къ точности выражается въ нѣкоторомъ нагроможденіи синонимовъ и эпитетовъ. На ряду съ этимъ замѣтна склонность къ кудреватости изложенія; фраза всегда закруглена, хотя бы отъ этого и страдала иногда ясность мысли. Обращаясь къ синтаксической сторонѣ письма, мы не найдемъ ни одного оборота, который не былъ бы правильнымъ; кое-гдѣ попадаются идіотизмы, свидѣтельствующіе о глубокомъ теоретическомъ и практическомъ знаніи языка. Очевидно, что редакторъ письма превосходно чувствовалъ духъ польской рѣчи: такъ свободно распоряжается онъ въ области грамматики, такъ умѣло владѣетъ онъ формами, такъ безукоризненна его орѳографія. Словомъ, въ смыслѣ композиціи посланіе Димитрія является несомнѣннымъ произведеніемъ литературно-образованнаго человѣка и притомъ поляка.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе выносимъ мы изъ анализа чисто внѣшней, технической стороны письма. Тотъ, кто держитъ перо и пишетъ буквы, выводитъ ихъ самымъ стара-

тельнымъ образомъ; однако, въ рукѣ его нѣтъ достаточной увѣренности. Онъ постоянно подправляетъ и измѣняетъ написанное. Очевидно, онъ не привыкъ писать по-польски. Несомнѣнно, онъ очень старается писать безукоризненно, однако, ему не удается преодолѣть затрудненія, и перо его дѣлаетъ самыя элементарныя ошибки, которыя ясно обнаруживаютъ національность пишущаго. Какъ бы по инерціи, его рука невольно воспроизводитъ привычныя формы языка; инстинктивно она передаетъ бумагѣ то, что подсказываетъ слухъ, воспитанный на вполнѣ опредѣленномъ произношеніи. Въ большинствѣ случаевъ, писецъ пользуется русскими оборотами рѣчи; вся его фонетика также чисто русская. Эти особенности мы отмѣчаемъ во всемъ письмѣ, съ начала до конца: онѣ повторяются въ немъ постоянно и систематически. Очевидно, это явленіе не случайное: наоборотъ, передъ нами слѣдствіе неистребимой привычки. Противъ своей воли, писецъ выдаетъ свое русское происхожденіе.

На помощь филологіи приходитъ исторія. О. Савицкій, который, по свидѣтельству Рангони, слѣдилъ за работою Димитрія, былъ настоящимъ знатокомъ польскаго языка. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и его ораторскіе успѣхи въ Краковѣ, и нѣкоторыя изъ его литературныхъ произведеній. Ясно, что ему принадлежала редакція письма къ папѣ. Что касается графической стороны, то она была дѣломъ рукъ самаго Димитрія. По свидѣтельству того же Рангони, именно царевичъ писалъ свое посланіе и скрѣпилъ его своимъ именемъ. Однако, мы видѣли, что посланіе къ папѣ было написано русскимъ человѣкомъ. Остается сдѣлать единственный возможный выводъ. Несомнѣнно, Димитрій также былъ русскимъ по происхожденію.

Столь же достовѣрны еще два обстоятельства, относящіяся къ жизни Названнаго Димитрія. Мы говоримъ, во-первыхъ, о его связи съ монашествомъ и, во-вторыхъ, о его ясномъ пониманіи значенія патріаршеской власти. 24-го апрѣля 1604 г. царевичъ самъ признавался Клименту VIII,

что ему долго пришлось жить въ монастыряхъ. Припомнимъ тѣ рѣчи, которыя велъ Димитрій въ Путивлѣ относительно монаховъ, ихъ образѣ жизни и необходимости реформъ въ этой области. Все выдавало въ лицѣ Димитрія бывшаго странника по монастырямъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было часто наблюдать эту среду, чтобы обнаружить такое детальное съ ней знакомство. Будучи суровымъ цензоромъ иноческой жизни, Димитрій являлся, однако, сторонникомъ патріаршества въ Россіи. Любопытно, что никто и не говорилъ ему объ уничтоженіи этого института. Церковная унія вовсе не требовала этого. Царевичъ по собственному почину высказался передъ краковскимъ нунціемъ за сохраненіе патріаршеской власти. Невольно навязывается любопытное сопоставленіе. Мы знаемъ, что патріархъ Іовъ игралъ видную роль въ царствованіе Бориса Годунова. Димитрій всячески старался заручиться содѣйствіемъ Игнатія,—и мы знаемъ, что онъ сумѣлъ извлечь пользу изъ угодливости этого іерарха. Разумѣется, если Димитрій столь задолго заговорилъ о необходимости патріаршеской власти, очевидно, онъ отлично зналъ, насколько полезенъ можетъ быть глава русской церкви своему государю.

Руководясь всѣми этими соображеніями, мы, быть-можетъ, легче нападемъ на слѣдъ того, кого мы ищемъ. Въ январѣ 1605 г. московское правительство, напуганное призракомъ самозванца, поручило патріарху Іову произвести о немъ оффиціальное разслѣдованіе. Результатомъ этого явилась извѣстная версія, утверждавшая, что мнимый царевичъ есть не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ *). Нашлись и свидѣтели, которые возстановили всю біографію этой загадочной личности; эти данныя оказались весьма интересными. Свѣдущіе люди говорили, что когда-то Гришка служилъ у Романовыхъ; затѣмъ, желая избѣгнуть грозившей ему смертной казни, онъ постригся въ монахи и, послѣ долгихъ

*) *Акты Археогр. Экс.*, II, 78, № 28.

странствованій изъ одной обители въ другую, поселился, наконецъ, въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ. Здѣсь онъ былъ посвященъ во діаконы и исполнялъ обязанности писца при дворѣ патріарха. Однако, скоро въ немъ опять пробудились его порочныя влеченія. Отрепьевъ оказался замѣшанъ въ темныхъ дѣлахъ и, спасаясь отъ кары, вновь бѣжалъ,—на этотъ разъ въ Польшу.Съ нимъ ушли Варлаамъ Яцкій и Мисаилъ Повадинъ; оба они были монахами того же самаго Чудова монастыря. Всѣхъ этихъ бѣглецовъ видѣли въ Кіевѣ, гдѣ они посѣтили князя Острожскаго. Въ концѣ-концовъ, Гришка Отрепьевъ оказался въ Брагинѣ; тутъ онъ и объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ.

Выводы слѣдствія, произведеннаго патріархомъ Іовомъ, были утверждены Борисомъ Годуновымъ; затѣмъ царь принялъ соотвѣтственныя мѣры. Является, однако, вопросъ — какъ дѣйствовалъ царь? Шелъ ли онъ наобумъ или, напротивъ, руководился глубокимъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ? По мнѣнію Костомарова, имя Гришки Отрепьева было пущено въ оборотъ совершенно случайно. Конечно, наилучшимъ средствомъ дискредитировать претендента было отождествить его съ какой-нибудь сомнительной личностью. Такъ и поступило растерявшееся московское правительство: для своей цѣли оно воспользовалось именемъ бродячаго монаха. Извѣстное посольство Смирного-Отрепьева въ Краковъ должно было подкрѣпить позицію московской власти, которая сама стояла на распутьи. Борисъ Годуновъ даже не рѣшился назвать своего уполномоченнаго дядей пресловутаго Гришки, хотя Смирной-Отрепьевъ и находился съ бѣглымъ монахомъ именно въ такомъ родствѣ. Послу было просто поручено, насколько возможно, позондировать почву въ Польшѣ *).

Разсужденія Костомарова едва ли можно признать достаточно убѣдительными. Какъ русскія лѣтописи, такъ и

*) *Костомаровъ*, Кто былъ..., с. 2.

донесенія Рангони единодушно свидѣтельствуютъ, что Смирной открыто объявлялъ себя дядей Гришки. Злополучный посолъ Годунова не только не боялся очной ставки со своимъ племянникомъ, но, напротивъ, всячески добивался этого случая. Если же такое свиданіе и не состоялось, то винною тому были, исключительно, сами поляки, которые рѣшительно воспротивились требованіямъ Смирного. Съ другой стороны, поведеніе „царевича“ въ этотъ моментъ было не менѣе странно, нежели образъ дѣйствія самого Годунова. Димитрій зналъ, что его выдаютъ за Гришку Отрепьева. Ему было извѣстно, что Смирной караулитъ его въ Краковѣ. Нужно было во что бы то ни стало опровергнуть московскія инсинуаціи. И что же? Претендентъ ограничился двусмысленными заявленіями. По его словамъ, Смирной совсѣмъ не дядя „царевичу“. Впрочемъ, и со стороны Бориса Годунова было замѣтно нѣкоторое колебаніе. Правда, онъ ни разу не назвалъ другого имени, кромѣ Гришки,—и это очень характерно; однако, порою имъ овладѣвали, повидимому, смущеніе и тревога. Онъ задавался мучительнымъ вопросомъ—да умеръ ли, въ самомъ дѣлѣ, Димитрій? Вотъ почему Годуновъ заявлялъ императору Рудольфу, что, если бы даже претендентъ былъ подлиннымъ сыномъ Ивана IV, онъ все же не имѣлъ бы никакихъ правъ на московскій престолъ, ибо это противно каноническимъ требованіямъ. Между тѣмъ, Смирной заявлялъ, что, буде „царевичъ“ докажетъ свою кровную связь съ московскими государями, онъ первый покорится ему и доставитъ всякую поддержку. Очевидно, Годуновъ признавалъ одно изъ двухъ: претендентъ, явившійся въ Польшѣ, или Гришка Отрепьевъ, или Димитрій. Впрочемъ, такую альтернативу царь допускалъ только въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, въ цѣляхъ самозащиты, да и то изрѣдка. При этомъ онъ избѣгалъ точно формулировать ее и, вообще старался представить ее въ видѣ курьезнаго и невѣроятнаго предположенія.

Если забыть объ этихъ колебаніяхъ Годунова, то окажется, что, по мнѣнію всѣхъ русскихъ источниковъ, Названный Димитрій былъ не кѣмъ инымъ, какъ разстригою, Гришкой Отрепьевымъ *). Возникнувъ при Борисѣ Годуновѣ, эта версія благополучно дожила до нашихъ дней. Среди памятниковъ, гдѣ она воспроизводится, особаго вниманія заслуживаетъ такъ называемый „Извѣтъ Варлаама". Онъ относится уже къ эпохѣ Шуйскаго. Костомаровъ дважды изслѣдовалъ этотъ документъ. Во второй разъ онъ исправилъ нѣкоторыя свои ошибки. Тѣмъ не менѣе ему такъ и не удалось стать на правильную научную почву **).

Но кто же такой этотъ Варлаамъ? То былъ монахъ, неизвѣстно какого монастыря. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ большимъ любителемъ паломничества. Вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ онъ сопровождалъ Гришку Отрепьева, когда послѣдній переходилъ московскую границу. Такъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, патріархъ Іовъ; Варлаамъ, съ своей стороны, подтверждаетъ это свидѣтельство: всѣ трое отправились вмѣстѣ. Послѣ Кіева первая ихъ остановка была въ Острогѣ у князя Константина.

Оказывается, что путешествіе Гришки съ Варлаамомъ и Мисаиломъ и посѣщеніе ими Острога есть несомнѣнный фактъ. Неоспоримое свидѣтельство въ пользу этого имѣется въ Загоровскомъ монастырѣ на Волыни: къ счастью, его пощадило время. Здѣсь хранится славянскій переводъ книги св. Василія, архіепископа Кесарійскаго. Изданіе это напечатано въ Острогѣ, въ 1594 г. Оно украшено гербами князя Константина; помимо того, на немъ можно прочесть драгоцѣнную для насъ надпись слѣдующаго содержанія: „Лѣта

*) Большая часть древнихъ русскихъ памятниковъ эпохи переиздана *Пятницкимъ*; этотъ матеріалъ вошелъ въ VIII томъ *Русской исторической Библіотеки*. Тотъ же авторъ далъ превосходный комментарій къ этимъ памятникамъ въ *Древнерусскихъ сказаніяхъ*.

**) *Русск. Истор. Библіотека*, т. XIII, ст. 18. *Костомаровъ*.—Кто былъ, с. 20. Смутное Время, II, 62.

отъ сотворенія міра 7110 мѣсяца августа въ 31 день, сію книгу Великаго Василія далъ намъ, Григорію съ братіями Варлаамомъ да Мисаиломъ, Константинъ Константиновичъ, нареченный во св. крещеніи Василій, Божіею милостію пресвѣтлое княже Острожское Воевода Кіевскій". Подъ словомъ „Григорій" приписано другою рукою,—очевидно, въ позднѣйшее время: „Царевичу Московскому". Конечно, нельзя придавать этой вставкѣ особенно важное значеніе; однако, если даже оставить ее въ сторонѣ, указанная надпись имѣетъ для насъ крупную цѣнность. Мы узнаемъ изъ нея, что Варлаамъ, дѣйствительно, совершалъ паломничество съ Гришкой и Мисаиломъ, и что въ августѣ 1602 г. всѣ трое были у князя Острожскаго *).

Еще большую важность представляютъ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ сопоставленія „Извѣта Варлаама", съ донесеніемъ князя Вишневецкаго Сигизмунду. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что Названный Димитрій—одно лицо съ тѣмъ человѣкомъ, который, побывавъ въ Гощѣ и Острогѣ, объявилъ себя царевичемъ въ Брагинѣ. Опираясь на показанія самого Димитрія, Вишневецкій совершенно опредѣленно отмѣчаетъ эти три этапа на его пути. Между тѣмъ, повидимому, также не подлежитъ спору, что странникъ, побывавшій въ Гощѣ, Острогѣ и Брагинѣ,—не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. На этотъ счетъ свидѣтельство Извѣта въ достаточной мѣрѣ категорично. Намъ кажется, что согласіе между Варлаамомъ и Димитріемъ по вопросу о трехъ важнѣйшихъ этапахъ на ихъ пути имѣетъ исключительную важность. Такимъ образомъ устанавливается связь между исторіей названнаго Димитрія и судьбою Гришки Отрепьева. Восполняется чувствительный пробѣлъ загадочной одиссеи будущаго московскаго царя; Димитрій I оказывается однимъ лицомъ съ разстриженнымъ монахомъ. Здѣсь—соединительное звено, въ которомъ переплетаются обѣ біографіи. До

*) *Добротворскій*, 56—73.

сихъ поръ этому обстоятельству не придавали должнаго значенія. Зависѣло это отъ недостаточнаго вниманія къ донесенію Вишневецкаго. Отмѣченное нами совпаденіе покажется еще болѣе разительнымъ, если мы вспомнимъ, что оба свидѣтельства исходятъ отъ діаметрально противоположныхъ сторонъ. Какъ извѣстно. Варлаамъ считаетъ Лжедимитрія Гришкою Отрепьевымъ; самъ Названный Димитрій выдаетъ себя за настоящаго царевича. И тотъ, и другой, совершенно независимо другъ отъ друга, отождествляютъ загадочную личность претендента на московскій престолъ со странникомъ, побывавшимъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагинѣ. Конечно, когда Варлаамъ писалъ свой Извѣтъ въ 1606 г., онъ и не подозрѣвалъ, что его показанія подтверждаются свидѣтельствомъ самого Димитрія, даннымъ еще въ 1603 г. По крайней мѣрѣ, ничто не говоритъ о томъ, чтобы Варлааму было извѣстно донесеніе Вишневецкаго. Нельзя не согласиться, что въ такомъ случаѣ совпаденіе обоихъ источниковъ имѣетъ для насъ чрезвычайную важность.

Отмѣтимъ далѣе еще одно обстоятельство, которое увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ значеніе Извѣта, придавая ему самостоятельную цѣнность. Именно, на эту сторону дѣла Костомаровъ и не обратилъ должнаго вниманія. По словамъ Варлаама, онъ самъ предупредилъ Годунова о замыслахъ мнимаго царевича. Тогда Борисъ отправилъ его въ Самборъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Яковомъ Пыхачевымъ. Здѣсь Димитрій выдалъ ихъ за убійцъ, подосланныхъ Борисомъ. Якова казнили. Что касается самого Варлаама, то его будто бы посадили въ тюрьму, откуда его освободила Марина лишь послѣ отъѣзда Димитрія. Конечно, весь этотъ разсказъ неясенъ. Однако, въ основѣ своей, онъ подтверждается свидѣтельствомъ самого Мнишка. 18-го сентября 1904 г. Сандомирскій воевода пишетъ Рангони, сообщая ему, что Борисъ подославъ было убійцъ къ царевичу. Кто-то изъ русскихъ открылъ заговоръ и былъ казненъ въ Самборѣ. Фраза Мнишка построена крайне неудачно. Разумѣется, никто не

казнилъ доносчика; ясно, однако, что этой жертвой былъ русскій человѣкъ. По этому поводу необходимо замѣтить слѣдующее. Русскія лѣтописи ничего не говорятъ о казни. Не упоминаютъ о ней и польскіе свидѣтели, за исключеніемъ Мнишка. Почему же знаетъ о томъ Варлаамъ? Очевидно, въ распоряженіи его были источники, недоступные для другихъ.

Впрочемъ, можно быть хорошо освѣдомленнымъ и въ то же время недостаточно безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Какъ разъ съ этой стороны Варлаамъ внушаетъ нѣкоторыя подозрѣнія. Въ немъ чувствуются какія-то заднія мысли; пріемы его аргументаціи натянуты; къ тому же, у него вполнѣ опредѣленныя связи съ правительствомъ. Вотъ почему мы ссылались лишь на тѣ его показанія, которыя могутъ быть провѣрены. Оставимъ этого единомышленника Шуйскихъ. Обратимся къ свидѣтелю другой стороны. Мы разумѣемъ князя Катырева-Ростовскаго. Какъ извѣстно, онъ былъ въ родствѣ съ Романовыми и раздѣлялъ ихъ политическіе взгляды. Оффиціальное положеніе его было блестяще. Князь Катыревъ-Ростовскій подписывалъ избирательную грамоту Бориса Годунова. Онъ же игралъ видную роль при бракосочетаніи Димитрія съ Мариною въ 1606 г.; два года спустя, такъ же точно ему пришлось фигурировать на вѣнчаніи Василія Шуйскаго съ одною изъ своихъ родственницъ. Однако, новыя связи нисколько не измѣнили образа мыслей Катырева-Ростовскаго. Онъ остался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. За это онъ впалъ въ немилость и, послѣ цѣлаго ряда испытаній, вернулся въ Москву только въ 1613 г., когда на престолъ былъ избранъ его шуринъ, Михаилъ Романовъ. Князь Катыревъ-Ростовскій оставилъ послѣ себя записки, которыя имѣютъ для насъ чрезвычайную важность. Особенностью этого документа является уже самый его стиль. Онъ серьезенъ и строгъ. Изложеніе ведется въ умѣренномъ тонѣ; авторъ, очевидно, старается стать выше партійности. Во всякомъ случаѣ, передъ нами свидѣтельство

интеллигентнаго и заслуженнаго человѣка, которому отлично извѣстна закулисная сторона событій. Его не такъ легко заподозрѣть въ недобросовѣстности или сознательномъ извращеніи фактовъ. Только однажды Катыревъ-Ростовскій даетъ себѣ волю и разражается длинной и страстной тирадой: это тогда, когда онъ оцѣниваетъ дѣянія Димитрія. Князь осыпаетъ Самозванца проклятіями. Въ его глазахъ Воръ — не кто иной, какъ монахъ разстрига изъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ... Вообще, въ сужденіяхъ своихъ о Названномъ Димитріи Катыревъ-Ростовскій выражаетъ господствующіе взгляды противниковъ Самозванца *).

Обращаясь къ русскимъ лѣтописямъ, мы должны отмѣтить, что, при всѣхъ своихъ различіяхъ въ области политическихъ и всякихъ иныхъ симпатій, онѣ сходятся въ вопросѣ о личности Самозванца. Въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ того, сочувствуютъ ли ихъ авторы Шуйскимъ или Романовымъ, всѣ онѣ,—разумѣется, съ извѣстными варіантами,—повторяютъ то, что впервые было заявлено еще при Борисѣ Годуновѣ устами его креатуры, патріарха Іова. Конечно, между Годуновыми, Шуйскими и Романовыми не было ничего общаго въ смыслѣ партійныхъ интересовъ. Не существовало между ними никогда прочнаго согласія. Почему же въ этомъ вопросѣ всѣ они держатся одного взгляда? Разумѣется, не потому, что ими руководила какая-либо предвзятость.

Самая жизнь Названнаго Димитрія поясняетъ намъ многое изъ лѣтописныхъ данныхъ. Припомнимъ, что еще до своего прибытія въ Москву „царевичъ“ принялъ мѣру исключительной важности, явившуюся нѣкоторымъ отступленіемъ отъ его обычной программы. Мы говоримъ о ссылкѣ патріарха Іова. Конечно, для Димитрія было необходимо сохранить добрыя отношенія съ духовенствомъ; съ другой сто-

*) *Русск. Ист. Библ.*, т. XIII, стр. 559 сл. *Платоновъ*, Древ. сказ. 203. Того же взгляда держался и *Дм. Пожарскій*.

ропы, онъ постоянно заботился объ интересахъ православія. Почему же, спрашивается, рѣшился онъ на столь непопулярный шагъ? Несомнѣнно, на это у него были весьма серьезныя основанія. Очевидно, Названному Царевичу хотѣлось избѣгнуть встрѣчи съ патріархомъ. Невольно является вопросъ — не боялся ли Димитрій, что глава церкви узнаетъ въ немъ самозванца? Любопытно, что кары постигли и Чудовъ монастырь. Впрочемъ, на этотъ счетъ показанія источниковъ расходятся. Одни говорятъ, что монахи этой обители были раскассированы; другіе же утверждаютъ, что съ иноками поступили болѣе жестоко. Мы знаемъ, какимъ надежнымъ свидѣтелемъ является для насъ архіепископъ Арсеній. Онъ сообщаетъ, что вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ отправлены были въ ссылку двое архимандритовъ; одинъ изъ нихъ былъ игуменомъ Чудова монастыря. Въ настоящее время невозможно провѣрить всѣ эти данныя; нельзя и сдѣлать изъ нихъ какого-либо окончательнаго вывода. Какъ бы то ни было, общее впечатлѣніе таково: повидимому, Димитрій опасался Чудова монастыря и не очень-то стремился встрѣтиться съ его архимандритомъ *).

Свидѣтелемъ по дѣлу Названнаго Димитрія является, между прочимъ, родъ Отрепьевыхъ. Правда, его выступленіе по этому поводу произошло значительно позднѣе. Тѣмъ не менѣе, важность самаго факта остается неоспоримой. Со времени самозванца, имя Гришки Отрепьева было покрыто позоромъ. Каждый годъ церковь торжественно предавала его анаѳемѣ. Въ глазахъ народа онъ былъ отступникомъ, еретикомъ и злѣйшимъ врагомъ родины. Прошло болѣе полутораста лѣтія со времени катастрофы 1606 года. Однако, родъ Отрепьевыхъ все еще находился подъ гнетомъ общественнаго презрѣнія: ему не могли простить того, что

---

*) *Поповъ*, Изборникъ, 212. *Русск. Ист. Библ.*, т. XIII, стр. 652. *Димитріевскій*, 100. Отмѣтимъ, что, повидимому, въ это время въ Чудовѣ монастырѣ смѣненъ былъ архимандритъ.

изъ среды его явился такой злодѣй. Подобное отношеніе казалось Отрепьевымъ тѣмъ болѣе жестокимъ и невыносимымъ, что они гордились преданностью своей законнымъ государямъ; помимо того, они помнили о выдающихся заслугахъ своихъ передъ родиной на полѣ брани. Самымъ лучшимъ средствомъ оградить себя отъ обидъ была бы перемѣна имени. Весьма кстати Отрепьевы вспомнили, что у нихъ не одно родовое имя. Поэтому въ 1671 году они обратились къ царю Алексѣю съ просьбой разрѣшить имъ зваться постарому. Челобитная Отрепьевыхъ проникнута горечью и печалью. Повидимому, они глубоко удручены несправедливостью, жертвой которой являются. Конечно, они стараются отпарировать направляемые противъ нихъ удары. Но замѣчательно, что имъ и въ голову не приходитъ отрицать свое родство съ Гришкой, превратившимся впослѣдствіи въ царевича Димитрія. Очевидно, самый фактъ былъ слишкомъ несомнѣненъ и общеизвѣстенъ. Они принимаютъ его безъ всякихъ оговорокъ. Всѣ ихъ усилія направлены лишь къ тому, чтобы отдѣлить себя отъ самозванца и даже вмѣнить себѣ въ заслугу преслѣдованія, которымъ они подвергаются. Отрепьевы заявляютъ, что Смирной былъ отправленъ въ Краковъ для очной ставки съ племянникомъ. По ихъ словамъ, нѣкоторые члены ихъ рода сами и притомъ открыто изобличали царя-самозванца. За это они были жестоко наказаны, подверглись гоненіямъ и ссылкѣ въ Сибирь, откуда ихъ вернулъ только Василій Шуйскій. Такая самозащита Отрепьевыхъ была какъ нельзя болѣе на-руку правительству. Понятно, что просьба ихъ была удовлетворена. Царь Алексѣй разрѣшилъ имъ именоваться впредь постарому, Нелидовыми. Время и забвеніе довершили остальное *).

До сихъ поръ свидѣтелями передъ нами выступали русскіе люди. Послушаемъ, что скажутъ теперь поляки. Какъ извѣстно, король Сигизмундъ заявлялъ, что Названъ-

*) *Щепкинъ. Кратк. Изв.*, 9.

ный Димитрій не былъ сыномъ Ивана IV. Обратимся къ Льву Сапѣгѣ: отъ него мы узнаемъ, что претендентъ былъ подлиннымъ царевичемъ. А, между тѣмъ, канцлеръ литовскій былъ прекрасно освѣдомленъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Къ его услугамъ была внутренняя полиція. Ему были открыты всякія дипломатическія тайны. Съ нимъ же сносились Смирной и Огаревъ по поводу данныхъ имъ инструкцій. Правда, что Сапѣга велъ двойную игру. На Сеймѣ 1605 года онъ былъ, какъ мы знаемъ, въ оппозиціи; напротивъ, при обрученіи Марины онъ превозносилъ Димитрія самыми восторженными похвалами. Впослѣдствіи, когда на сцену выступилъ Лжедимитрій II, и между Москвой и Польшей началась война, канцлеръ снова вернулся къ тому же предмету. При этомъ раскрылся истинный смыслъ его рѣчи, произнесенной на Сеймѣ. Все, что относится къ этому вопросу, мы находимъ въ трехъ запискахъ Сапѣги *). Одинъ изъ этихъ документовъ въ особенности достоинъ вниманія. Онъ представляетъ собою автографъ и адресованъ Сапѣгою королю. Здѣсь подробно излагается вся исторія Димитрія. Нельзя не отмѣтить разительнаго совпаденія между взглядами канцлера и сужденіями русскихъ людей. Это согласіе настолько полно, что порою кажется, будто Сапѣга просто воспроизводитъ чужія мысли. Однако, даже Сапѣга ничего не принимаетъ безъ предварительной провѣрки. Слѣды этой критической работы мы видимъ въ самой его запискѣ. Между прочимъ, Сапѣга отождествляетъ Димитрія съ нѣкіемъ Григоріемъ Богдановичемъ Отрепьевымъ. По его словамъ, послѣдній былъ монахомъ не столько по призванію, сколько поневолѣ. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ состоялъ діакономъ Чудова монастыря и одновременно служилъ у патріарха Іова. И тутъ же канцлеръ добавляетъ, что Отрепьевъ былъ изъ сыновей боярскихъ; такимъ образомъ, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ лицъ, онъ не имѣлъ ничего общаго

*) Моск. Арх. Ин. Дѣль, Метр. Вел. кн. Лит., 1554—1615, I.

съ простонародьемъ. О донесеніи Вишневецкаго Сапѣга прямо не упоминаетъ. Однако, несомнѣнно, онъ имѣетъ въ виду именно этотъ документъ, говоря о „грубыхъ ухищреніяхъ“, которыми Димитрій подтверждаетъ свои наслѣдственныя права на русскій престолъ. По мнѣнію Сапѣги, сами русскіе создали ореолъ вокругъ личности претендента. По ненависти ли къ Борису Годунову или же въ силу слѣпой преданности своей прежней династіи, но они радостно привѣтствовали въ его лицѣ подлиннаго сына Ивана IV. Далѣе Сапѣга приводитъ рядъ фактовъ, изобличающихъ самозванство Лжедимитрія. Онъ напоминаетъ, что еще до вступленія мнимаго царя въ столицу, еще, быть-можетъ, въ Тулѣ, нѣкоторыя изъ русскихъ людей уже признали въ немъ бѣглаго монаха и бывшаго діакона, Гришку Отрепьева. Затѣмъ, уже тогда, когда Димитрій утвердился на престолѣ, кое-кто изъ духовенства и мірянъ открыто говорили о немъ, какъ объ обманщикѣ и ворѣ. Въ числѣ этихъ лицъ былъ родной дядя царя. Конечно, Димитрій не остался въ долгу. Защищая себя, онъ подвергъ вишовныхъ казнямъ и ссылкѣ. Что касается дяди, то царь попытался привлечь его на свою сторону соблазнительными обѣщаніями. Когда же это оказалось напраснымъ, онъ отправилъ его въ отдаленную ссылку, гдѣ несчастный и пропалъ безслѣдно. Повидимому, въ глазахъ Сапѣги, эти доказательства были достаточно вѣскими. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался ими, убѣждая короля въ самозванствѣ московскаго царя. Между прочимъ, извѣстный панегиристъ канцлера, іезуитъ Янъ Рывоцкій, вмѣнялъ ему въ особую заслугу то, что онъ былъ постояннымъ противникомъ Димитрія *). По свидѣтельству этого писателя, Сапѣга все время старался противодѣйствовать замысламъ самозванца и совѣтовалъ правительству ни въ какомъ случаѣ не оказывать ему поддержки. Упомянемъ кстати, что историкъ іезуитскаго ордена въ Литвѣ, о. Ростовскій, такъ же

*) Имп. Публ. Библ. въ СПБ., Латинская, 0, IV, 16, f. 39.

точно считаетъ царя Димитрія за одно лицо съ Гришкой Отрепьевымъ *).

Что же можемъ мы противопоставить столь единодушнымъ показаніямъ поляковъ и русскихъ? Одно изъ самыхъ вѣскихъ свидѣтельствъ въ защиту Димитрія исходитъ отъ капелланова, оо. Николая и Андрея. 8-го марта 1605 г. они сообщаютъ провинціалу польскихъ іезуитовъ, Стриверп, слѣдующую новость. „Сюда... привели Гришку Отрепьева. Это—опасный чародѣй, извѣстный всей Московіи. Годуновъ распространяетъ слухъ, будто царевичъ, явившійся изъ Польши съ ляхами и стремящійся завладѣть московскимъ престоломъ,—одно лицо съ этимъ колдуномъ. Однако, для всѣхъ русскихъ людей теперь ясно, что Димитрій Ивановичъ совсѣмъ не то, что Гришка Отрепьевъ". Капелланы разсказываютъ объ этомъ эпизодѣ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. Тонъ ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они нисколько не сомнѣваются въ достовѣрности сообщаемаго факта. Вѣроятно, все дѣло происходило на ихъ глазахъ... О Гришкѣ Отрепьевѣ упоминаетъ и Маржеретъ. И онъ отнюдь не считаетъ его однимъ лицомъ съ Димитріемъ. По его свидѣтельству, Отрепьевъ былъ сосланъ въ Ярославль, а потомъ и совсѣмъ исчезъ со сцены. На первый взглядъ, эти показанія достаточно убѣдительны. Однако, основываясь на лѣтописяхъ, мы можемъ значительно ослабить ихъ силу. Дѣло въ томъ, что самъ Димитрій, будто бы, выдалъ кого-то за Гришку Отрепьева. Такимъ образомъ, и капелланы, и Маржеретъ могли вполнѣ естественно стать жертвою обмана со стороны хитраго самозванца **). Справедливость требуетъ, впрочемъ, извѣстной оговорки. Сами лѣтописи не вполнѣ согласны между собою относительно того лица, которымъ сумѣлъ воспользоваться Димитрій. Здѣсь самый

---

*) *Ростовскій*, 207.

**) Rome et Démétrius, 293, no 3, Margeret, 156; *Русск. Ист. Библ.*, XIII, ст. 48, 156.

темный пунктъ всего вопроса; впрочемъ, онъ и не единственный.

Допустимъ, однако, что тождество Димитрія и Гришки Отрепьева является окончательно доказаннымъ фактомъ. Въ такомъ случаѣ, неизбѣжно возникаетъ вопросъ—какимъ образомъ бѣглый монахъ, противъ котораго опалился гнѣвомъ самъ патріархъ, могъ увлечь за собою всю Россію и возложить на голову себѣ царскій вѣнецъ? Мы уже отмѣтили выше, мимоходомъ, нѣкоторыя общія условія, облегчающія пониманіе этого феномена: повторимъ здѣсь, что *самозванство* было продуктомъ соціальнаго распада. Гораздо труднѣе установить точно, кто, собственно говоря, руководилъ Димитріемъ и скрывался за его спиной. Несомнѣнно, дѣло самозванца явилось слѣдствіемъ обширнаго и искусно выполненнаго заговора. Кто же былъ его душою? Вожаки такъ ловко замели свои слѣды, что волей-неволей намъ приходится ограничиться однѣми догадками. Впрочемъ, имѣется еще одинъ источникъ свѣдѣній о Названномъ Димитріи; къ сожалѣнію, имъ пользовались пока еще слишкомъ мало. Мы говоримъ о собственныхъ признаніяхъ „царевича“. Правда, данныя эти не очень-то богаты; во всякомъ случаѣ, на ихъ сторонѣ непосредственность и подлинность. Какъ мы знаемъ, Димитрій умѣлъ и любилъ поговорить. Однако, при этомъ онъ прекрасно владѣлъ собою. Ни разу онъ не выдалъ себя. Только въ Краковѣ, въ 1604 г., онъ позволилъ себѣ нѣкоторую откровенность съ нунціемъ Рангони. Наступалъ самый благопріятный моментъ для начала кампаніи противъ Москвы. Между тѣмъ, Сигизмундъ ни самъ не спѣшилъ принять въ ней участіе, ни давалъ дѣйствовать претенденту. Димитрій сгаралъ отъ нетерпѣнія. Желая выяснить нунцію, какія печальныя послѣдствія можетъ имѣть политика короля, онъ заговорилъ съ нимъ о своемъ критическомъ положеніи. По словамъ царевича, въ Москвѣ у него имѣется цѣлая партія. Она уже давно настоятельно, хотя и тайно, призываетъ его къ себѣ. Дальше

уклоняться отъ исполненія этихъ просьбъ невозможно. Иначе грозитъ одно изъ двухъ: либо сторонники царевича утомятся напраснымъ ожиданіемъ и охладѣютъ къ дѣлу, либо замыселъ ихъ будетъ раскрытъ правительствомъ, и участники его подвергнутся наказанію. Еще болѣе заботила Димитрія возможная смерть Бориса Годунова. „Если царь умретъ въ то время, пока я еще нахожусь въ Польшѣ“, разсуждалъ претендентъ, „кто-нибудь другой можетъ занять мое мѣсто“. Поэтому необходимо торопиться. Нужно предупредить событія, не дожидаясь, пока явятся соперники. Чѣмъ скорѣе дѣйствовать, тѣмъ лучше... И Димитрій уже мечталъ о томъ, какъ онъ идетъ прямо на Москву, вступаетъ въ Кремль и принимаетъ вѣнецъ и скипетръ своихъ отцовъ. Эти картины преслѣдовали его неотступно; онѣ пріобрѣтали яркость настоящей галлюцинаціи. Претендентъ говорилъ о своемъ будущемъ торжествѣ съ совершенной увѣренностью, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ. Онъ предусматривалъ всѣ его подробности и заранѣе взвѣшивалъ предстоящія мѣропріятія. Онъ убѣжденъ былъ, что стоитъ только кликнуть кличъ и развернуть свое знамя на рубежѣ,—и все сдѣлается само собою. Словомъ, онъ твердо надѣялся, что побѣда обезпечена за нимъ вполнѣ и притомъ обойдется почти безъ всякихъ жертвъ.

Въ своихъ донесеніяхъ Курін Рангони добросовѣстно сообщалъ все то, что передавалъ ему Димитрій. Однако, онъ не слишкомъ вникалъ въ слова претендента и даже, повидимому, не былъ въ состояніи провѣрить ихъ должнымъ образомъ. Конечно, отнюдь не слѣдуетъ заходить черезчуръ далеко и приписывать „царевичу“ то, чего онъ не говорилъ самъ. Но, сопоставляя нѣкоторые его намеки съ дальнѣйшими событіями, невольно приходишь къ заключенію, что вся дѣятельность Названнаго Димитрія развивалась по заранѣе выработанному плану. Этотъ планъ, очевидно, составленъ былъ скорѣе въ Москвѣ, нежели въ Польшѣ. Не

даромъ въ его выполненіи русскіе принимали гораздо большее участіе, нежели поляки.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ фантастической исторіи претендента, какъ разсказываетъ ее Вишневецкій. Въ ней слишкомъ ясно чувствуются внушенія, идущія изъ Москвы. Но урокъ заученъ плохо и разсказанъ неудачно. Отсюда это смѣшеніе правды съ вымысломъ, это сочетаніе исключительной освѣдомленности съ самыми грубыми фактическими ошибками. Конечно, настоящій авторъ біографіи царевича отлично знаетъ, что можно и чего нельзя сказать. Вотъ почему онъ обходитъ молчаніемъ всю исторію правительственнаго слѣдствія по угличскому дѣлу. По его словамъ, участники извѣстной комиссіи были отправлены въ Угличъ для присутствія на погребеніи царевича. Характерно, что при этомъ онъ называетъ только Геласія и Клешнина. Что касается Василія Шуйскаго, который, какъ мы знаемъ, игралъ главную роль въ комиссіи, то имя его совсѣмъ не упоминается. Естественно, спрашиваешь себя, что это такое? Невольное упущеніе или сознательная попытка оставить въ тѣни истиннаго вдохновителя всей интриги?

Мы помнимъ, какова была первоначальная мысль Димитрія. Она была весьма проста, даже элементарна. Царевичъ намѣревался набрать казаковъ и татаръ и съ ними итти на Москву. Въ этомъ планѣ чувствуется русскій духъ; тѣмъ самымъ обнаруживается и его происхожденіе. Претендентъ не имѣетъ въ виду ни поляковъ, ни единенія церквей; онъ отправляется отъ чисто политической, если угодно, даже династической идеи. Разумѣется, король Сигизмундъ и канцлеръ Замойскій не могли сразу понять, въ чемъ дѣло. Естественно, что въ ихъ глазахъ весь замыселъ Димитрія былъ чѣмъ-то химерическимъ и даже нелѣпымъ. Поэтому польскіе друзья „царевича“ постарались раздвинуть рамки его проекта. Мы уже видѣли, въ чемъ заключалась эта переработка. Несомнѣнно, только поляки могли внести въ программу Димитрія начала общеевропейской политики. Только

благодаря ихъ вліянію, претендентъ заговорилъ о распространеніи истинной вѣры на Востокѣ и о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Но лишь только приступили къ дѣлу, произошла новая метаморфоза. Поляки куда-то исчезаютъ. Ихъ проекты остаются въ области утопій. Напротивъ, то, что ранѣе признавалось безумiемъ, осуществляется на глазахъ у всѣхъ при содѣйствіи русскихъ. Далѣе, все происходитъ такъ, какъ предвидѣлъ Димитрій. Его осторожные намеки оказываются настоящими пророчествами... При первомъ же извѣстіи о „царевичѣ“ народъ приходитъ въ движеніе. Никто почти не сопротивляется претенденту. Борисъ Годуновъ умираетъ. Путь на Москву открытъ, и, наконецъ, самозванецъ торжественно вѣнчается на царство въ Кремлѣ. Всѣ эти сказочные успѣхи были предсказаны заранѣе и дались нашему герою безъ всякаго труда. Не значитъ ли это, что между нимъ и Москвою уже давно установились связи?

Впрочемъ, если москвичи и дали Димитрію руководящую идею и снабдили его необходимыми средствами, то онъ внесъ въ свою дѣятельность и кое-что личное, индивидуальное. Въ смѣломъ предпріятіи „царевича“ обнаружились свойства блестящаго авантюриста. Повидимому, голова претендента была устроена не такъ, какъ у другихъ. Въ ней мирно и, пожалуй, безсознательно уживались самыя удивительныя противорѣчія. Димитрій былъ богато одаренной, хотя и не слишкомъ глубокой натурой. Способности его и таланты были скорѣе внѣшними. Наиболѣе характерной его особенностью, порою принимавшей уродливую форму, была склонность къ ассимиляціи. Съ нею сочеталась замѣчательная душевная эластичность. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ, чтобы Димитрій заронилъ на ниву народную хотя бы одно плодоносное зерно; онъ былъ чуждъ широкихъ идеаловъ, которымъ могъ бы предаться съ настоящей страстью. Правда, онъ мечталъ объ императорскомъ санѣ, о крестовомъ походѣ на турокъ, о будущихъ своихъ подвигахъ завоевателя. Отчасти, все

это являлось продуктомъ чрезмѣрно возбужденной фантазіи, отчасти же было навѣяно вліяніями среды и традиціями московской политики. Былъ у Димитрія еще одинъ проектъ, о которомъ онъ говорилъ постоянно, и который онъ даже пытался осуществить. Мы имѣемъ въ виду распространеніе образованія въ Россіи и насажденіе школъ. Однако, ни въ самой идеѣ, ни въ пріемахъ ея практическаго осуществленія мы опять не находимъ ничего оригинальнаго или широко задуманнаго. Въ сущности, и здѣсь Димитрій слѣдуетъ чужому примѣру. Не даромъ побывалъ онъ въ Польшѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы тѣ же іезуиты явились и въ Россію, дабы создать здѣсь коллегіи и академіи. Конечно, нужно отдать должное царевичу. Онъ ясно понималъ важность просвѣщенія и твердо рѣшилъ пріобщить къ нему свою державу. Но для этихъ обширныхъ плановъ не нужно было обладать геніальнымъ умомъ. Въ головѣ Димитрія, просто-напросто, живы были впечатлѣнія, вынесенныя изъ Польши.

Мы уже отмѣтили необычайную душевную гибкость Димитрія. Это свойство особенно ярко обнаружилось въ религіозной эволюціи „царевича.“ Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно заключать о немъ, какъ о человѣкѣ лицемѣрномъ и безразличномъ къ вопросамъ религіи; было бы несправедливо утверждать, что всю свою жизнь онъ игралъ какую-то кощунственную комедію. Подобное сужденіе грѣшило бы излишней категоричностью; оно не мирилось бы съ конкретными фактами, относящимися къ исторіи религіознаго развитія Димитрія. Конечно, при первомъ появленіи претендента въ Польшѣ, однимъ изъ лучшихъ средствъ пріобрѣсти расположеніе короля и папы было для него отреченіе отъ православія. Однако, съ другой стороны, такая политика „царевича“ была чрезвычайно опасна. Вѣдь, за каждымъ шагомъ его внимательно слѣдили русскіе люди; а мы знаемъ, какое отвращеніе они питали къ католикамъ. Такимъ образомъ, весь расчетъ Димитрія могъ оказаться ложнымъ. Повидимому, въ этотъ періодъ своей жизни пре-

тендентъ руководился не одними эгоистическими побужденіями. Вспомнимъ, какая среда его окружала, какіе примѣры видѣлъ онъ передъ своими глазами... Онъ слышалъ рѣчи благочестивыхъ и ученыхъ людей; въ довершеніе всего, онъ былъ страстно увлеченъ прекрасной полячкой. Все это должно было дѣйствовать на его душу. Кажется, Димитрію самому свойственна была та слабость, въ которой онъ укорялъ соотечественниковъ: въ сердцѣ его жила какая-то суевѣрная преданность внѣшнимъ, обрядовымъ формамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ, по преимуществу, выражалось его благочестивое настроеніе? Въ паломничествахъ, въ благословеніяхъ, въ знаменіяхъ креста, въ почитаніи иконъ, мощей и другихъ святынь... Находясь въ критическихъ обстоятельствахъ, онъ могъ видѣть въ своемъ переходѣ въ католичество залогъ спасенія и будущаго торжества. Вѣдь, сердце человѣческое склонно подчасъ поддаваться самымъ страннымъ иллюзіямъ: стоитъ взяться за безумное дѣло, и тотчасъ захочется увѣровать въ него, и всячески стараешься успокоить свою совѣсть...

Все время, пока Димитрій стремился къ своей цѣли, онъ оставался вѣренъ тѣмъ чувствамъ, которыя въ трогательномъ сердечномъ порывѣ обнаружилъ когда-то передъ Рангони, наканунѣ своего отъѣзда изъ Кракова. Это настроеніе держалось въ немъ въ теченіе всего похода на Москву. Особенно ярко проявлялось оно въ нѣкоторые критическіе моменты, когда надъ головою претендента собирались тучи. Вспомнимъ, что послѣ отъѣзда Мнишка около „царевича“ не оставалось никого, кто могъ бы поддержать его и руководить имъ. Въ эту пору Димитрій часто видѣлся съ капелланами. Онъ просилъ ихъ молиться за него, благоговѣйно принималъ отъ нихъ святыни, обѣщалъ построить въ Россіи католическія церкви и исповѣдаться наканунѣ вѣнчанія на царство. Покинутый людьми, онъ прибѣгалъ къ Богу... И кто скажетъ намъ, гдѣ въ этомъ религіозномъ экстазѣ кончалась искренность и начиналось притворство?

Но немедленно послѣ торжества наступила реакція. Баловень судьбы превратился въ вольнодумца; сквозь замашки свободомыслящаго человѣка сталъ проглядывать скептицизмъ, граничащій съ полнымъ безразличіемъ къ вѣрѣ. Несомнѣнно, эти склонности уже давно дремали въ душѣ Димитрія. Но пробужденію ихъ все время мѣшали впечатлѣнія другого рода. Теперь, въ Москвѣ, царь былъ ослѣпленъ собственнымъ величіемъ; скрытые дотолѣ инстинкты прорвались наружу... Та же самая эластичность Димитрія сказалась въ его удивительно ловкомъ балансированіи между католиками и православными. По свидѣтельству архіепископа Арсенія, за немногими исключеніями, русское духовенство было вполнѣ довольно своимъ новымъ государемъ. Царь относился къ іерархамъ со всяческимъ вниманіемъ, осыпалъ ихъ почестями и щедрыми дарами. А іезуиты во всемъ этомъ видѣли только осторожность Димитрія. Кармелитовъ онъ совершенно очаровалъ оказаннымъ имъ пріемомъ... Александръ Рангони уѣхалъ изъ Москвы, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ... Очевидно, Димитрій такъ хорошо разсчитывалъ свои слова и дѣйствія, что обѣ стороны поддались обману и питали всяческія иллюзіи.

Особенно характерно проявилась эта ловкость самозванца въ сношеніяхъ его съ римской Куріей. Здѣсь Димитрію не только принадлежала инициатива: онъ сразу упростилъ дѣло, предложивъ папамъ свои услуги и принявъ безъ всякихъ оговорокъ ихъ программу. Конечно, то было нѣчто невиданное и неслыханное. Бывало порою, что московскіе цари искренне или ради видимости заявляли о своей готовности къ сближенію съ Римомъ. Однако, ни одинъ еще государь русскій не примыкалъ такъ рѣшительно къ Ватикану. Димитрій явился первымъ, кто сдѣлалъ этотъ шагъ: тѣмъ самымъ онъ пріобрѣлъ расположеніе Куріи. И здѣсь самозванецъ дѣйствовалъ съ удивительнымъ искусствомъ. Нунція Рангони онъ манилъ за собою кардинальскимъ пурпуромъ,

который долженъ былъ вознаградить прелата за его энергію. Іезуитамъ онъ рисовалъ въ перспективѣ Россію, усѣянную костелами и коллегіями. Кармелитамъ онъ обѣщалъ свободный проѣздъ въ Персію. Съ папами онъ неутомимо разсуждалъ о мирѣ всего міра и о единеніи всѣхъ подъ властью римскаго первосвященника...

Понятно, что Курія не устояла передъ этой тактикой. Какъ извѣстно, Климентъ VIII сперва заподозрѣлъ въ Димитріи новаго Ляже-Себастіана Португальскаго. Но это первоначальное впечатлѣніе изгладилось, когда папа узналъ о неожиданномъ переходѣ претендента въ католичество. Затѣмъ послѣдовали другъ за другомъ два конклава. Они отвлекли вниманіе Куріи отъ восточныхъ дѣлъ. Когда же Павелъ V вспомнилъ о Димитріи, то на сторонѣ послѣдняго было уже общественное мнѣніе, склонившееся въ его пользу, благодаря сказочнымъ успѣхамъ самозванца. При видѣ того, какъ легко онъ завладѣлъ престоломъ, и съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчалъ его народъ, естественно, являлась мысль, что только законный государь могъ добиться столь блистательныхъ побѣдъ. Немудрено, что со всѣхъ сторонъ въ Римъ приходили самыя благопріятныя свѣдѣнія о Димитріи. Папа былъ тѣмъ болѣе склоненъ отнестись къ нимъ съ довѣріемъ, что переходъ Димитрія въ католичество, повидимому, служилъ гарантіей его искренности. Могъ ли оказаться наглымъ обманщикомъ или темнымъ искателемъ приключеній тотъ человѣкъ, который такъ заботился о спасеніи своей души и далъ столько свидѣтельствъ своего благочестія? Для этого онъ долженъ былъ родиться настоящимъ чудовищемъ... Такимъ образомъ, все поддерживало въ Римѣ пріятныя иллюзіи. Этому содѣйствовали и заявленія самого претендента, и пріемъ, оказанный ему соотечественниками, и сообщенія о немъ третьихъ лицъ.

Въ дѣлѣ Названнаго Димитрія значительная доля отвѣтственности падаетъ на Сигизмунда III. Правда, невозможно опредѣлить съ точностью, когда и какъ измѣнилось мнѣніе

польскаго короля о претендентѣ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ 1606 году, когда произошла катастрофа, колебаніямъ со стороны Сигизмунда уже не было мѣста: король прекрасно выяснилъ себѣ все дѣло, при чемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, взгляды его опредѣлились еще раньше. И что же? До ауді̀енціи венеціанскаго посланника Сигизмундъ ни разу не выдалъ своей тайны и ни словомъ не предупредилъ римской Куріи объ обманѣ, жертвой котораго она являлась. Раньше король втихомолку предоставлялъ претенденту свободу дѣйствій и даже оказывалъ ему негласную поддержку. Впослѣдствіи, когда Димитрій сталъ царемъ, король сносился съ нимъ, какъ равный съ равнымъ; онъ обмѣнивался съ нимъ посольствами и ничѣмъ не проявлялъ своихъ подозрѣній. Ту же скрытность наблюдаемъ мы и въ письмахъ его къ Павлу V; и эта политика умолчанія проводилась въ то самое время, когда папа превозносилъ претендента до небесъ и горячо призывалъ польскаго короля поддержать московскаго государя. Что же отвѣчалъ Сигизмундъ папѣ? Онъ лишь напоминалъ ему о своей преданности римскому престолу и Церкви и завѣрялъ въ своей готовности сдѣлать все, что будетъ необходимо. Такимъ образомъ, исконная программа Ватикана, казалось, близка была къ осуществленію.

Что же притупило проницательность Куріи? Что ослѣпляло тѣхъ, кто такъ легко могъ раскрыть обманъ? Совершенно очевидно, что Римъ былъ слишкомъ увлеченъ надеждами на скорое и безпрепятственное заключеніе уніи.

Что касается Димитрія, то мракомъ покрыта не только его личность. Весьма неопредѣленный характеръ носитъ и вся его дѣятельность, прерванная столь внезапно въ самомъ своемъ началѣ. Въ частности, было бы совершенно безплодно строить какія бы то ни было догадки о томъ, къ чему могли привести сношенія этого царя съ Римомъ. Безспорно, почва для союза была недостаточно подготовлена. Затрудненія возникали со всѣхъ сторонъ. Самъ

Димитрій только въ началѣ своей карьеры обнаруживалъ благочестивое рвеніе; впослѣдствіи главными мотивами его политики стали личные интересы и нужды русскаго государства. Впрочемъ, будемъ говорить только о фактахъ. Съ такой точки зрѣнія, какъ бы ни оцѣнивали мы замыслы Димитрія, приходится признать, что конечные результаты его царствованія оказались весьма печальными. Пропасть, раздѣлявшая и раньше Кремль съ Ватиканомъ, разверзлась еще шире и глубже.

Пошли толки, будто самозванецъ-царь далъ клятву обманнымъ путемъ обратить русскую землю въ латинство. Проекты церковной уніи были истолкованы въ смыслѣ насильственнаго искорененія православной вѣры. Присутствіе поляковъ въ столицѣ еще болѣе усилило подозрѣнія. Когда же въ рукахъ противниковъ Названнаго Димитрія очутились письма папы и Рангони, всѣ отнеслись къ нимъ, какъ къ неопровержимому свидѣтельству противъ самозванца. Память объ этой попыткѣ Вора слилась съ мрачными преданіями „Смутнаго времени“. Грубыя историческія ошибки укрѣпились на почвѣ вѣковыхъ предразсудковъ... И, вмѣстѣ съ самимъ Лжедимитріемъ, апаѳемѣ подверглись дѣйствительные или мнимые его подстрекатели и сообщники.

Конецъ.

Изданія „Сфинкса“,

выпущенныя въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣс. 1911 г.

Историческая Библіотека „Сфинкса“.

Томъ I. **Мемуары графини Головиной**, урожденной княжны Голицыной.

Предисловіе К. Валишевскаго. Перев. съ франц. К. Папудогло

СОДЕРЖАНІЕ: Послѣдніе годы царствованія Екатерины II.— Императоръ Павелъ I. -Царствованіе Александра I. **Цѣна 2 руб**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Въ литературѣ мемуаровъ, русскихъ и иностранныхъ, накоплено немалое количество данныхъ для характеристики русскаго Двора конца XVIII и начала XIX столѣтій. Большею частью эти данныя носятъ разрозненный характеръ, и требуется спеціальная подготовительная работа для того, чтобы слѣпить эти кусочки въ цѣльную картину. Цѣннымъ подспорьемъ для такой работы могутъ служить только-что появившіяся въ новомъ русскомъ изданіи мемуары графини Головиной, переведенные съ французскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями г. Валишевскаго. Эти мемуары не составляютъ полной новости; они издавались и ранѣе, но всегда съ обширными купюрами. Только теперь мы получаемъ ихъ полный текстъ. Воспоминанія графини охватываютъ конецъ царствованія Екатерины II, царствованіе Павла Петровича и первую половину царствованія Александра I. Многія сообщенія графини извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе мемуары ея особенно интересны именно объединеніемъ всѣхъ этихъ свѣдѣній въ одну цѣльную картину.

Составительница мемуаровъ занимала очень удобную позицію для наблюденій.

Конечно, на ея отзывы о событіяхъ и лицахъ, которыхъ она касается въ своихъ мемуарахъ, не мало повліяли ея личныя отношенія, превратность ея личной судьбы. Этотъ элементъ необходимо учесть. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя ея мемуары съ другими имѣющимися у насъ свѣдѣніями, надлежитъ признать, что общій тонъ данной ею картины дышитъ исторической правдой.

Ея маленькіе разсказы лучше всякихъ пространныхъ описаній рисуютъ атмосферу непринужденности, благожелательства, спокойствія, царившую при Дворѣ Екатерины. И они же всего лучше даютъ понять, какой вихреобразный переворотъ въ нравахъ Двора совершился съ воцареніемъ императора Павла.

(**А. Кизеветтеръ.** „*Русскія Вѣдомости*“, *30 апр. 1911 года.)*

Мемуары Головиной были извѣстны до сихъ поръ лишь частично, и только теперь появляются въ полномъ видѣ. Для исторіи русскаго двора за время царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I это весьма важный источникъ. Исторія чисто придворной жизни той поры со многими интимными и закулисными подробностями, рисующими характеры различныхъ историческихъ лицъ, представлена въ запискахъ графини въ довольно яркихъ краскахъ. Въ этомъ направленіи графиня была очень хорошо освѣдомлена: помимо личныхъ наблюденій она пользовалась при составленіи своихъ мемуаровъ указаніями супруги Александра I, Елизаветы Алексѣевны, которая одно время была очень дружна съ графиней Головиной, знала о работахъ послѣдней по сочиненію мемуаровъ и дѣлилась съ ней историческими матеріалами. И въ повѣствованіи графини мы находимъ не мало сообщеній о такихъ фактахъ изъ исторіи придворныхъ отношеній конца XVIII и начала XIX столѣтій, которые не могли входить въ поле зрѣнія прочихъ мемуаристовъ. Вотъ почему опубликованіе полнаго текста этихъ записокъ нельзя не привѣтствовать.

(Русская Мысль, май 1911 г.)

Можно только привѣтствовать появленіе въ полномъ переводѣ мемуаровъ гр. Головиной. Они уже давно пользуются славой и неоднократно опубликовывались за границей. У насъ они вышли въ 1900 г. въ очень сокращеномъ видѣ. Мемуары пріобрѣли интересъ не только потому, что въ нихъ затронуты многія интимныя стороны тогдашней русской жизни, но и потому, что въ составленіи ихъ принимала участіе Императрица Елисавета, супруга Александра I. Переводъ въ изданіи „Сфинкса“ очень хорошъ, а предисловіе г. Валишевскаго выясняетъ значеніе мемуаровъ, какъ историческаго документа. Книга издана изящно и недорого.

(Голосъ Москвы, 28 февр. 1911 г.)

Мемуары графини Головиной, охватывающіе эпоху 1760—1821 гг. и рисующіе интимную придворную жизнь въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I, читаются съ громаднымъ интересомъ. Автору этихъ мемуаровъ довелось многое видѣть и обращаться съ многими историческими лицами въ яркую по своему разнообразію и историческому значенію эпоху. Въ каждой страницѣ виденъ умный и наблюдательный и—что въ особенности цѣнно—правдивый человѣкъ, пишущій, не мудрствуя лукаво, обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Книга снабжена предисловіемъ и примѣчаніями извѣстнаго историка К. Валишевскаго.

(Нива, май 1911 г.)

Мемуары гр. Головиной появляются въ Россіи первый разъ безъ сокращеній и выпусковъ. К-во „Сфинксъ“ очень удачно остановило свой выборъ на этой интересной книгѣ, которая возбуждала острый интересъ даже за границей и особенно во Франціи, гдѣ было написано графиней много ея главъ. И насколько великъ былъ вообще интересъ къ мемуарамъ, это доказывается ихъ широкимъ распространеніемъ въ то время, когда книга принадлежала къ категоріи запрещенныхъ. Мемуары гр. Головиной охватываютъ нѣсколько крупныхъ эпохъ русской исторической жизни. Екатерина II-я въ концѣ ея царствованія, Павелъ I-й, Александръ I-й, супруги-императрицы, принцы, принцессы, самые знаменитые государственные люди, того времени—всѣ эти значительныя и большія фигуры воскресаютъ на страницахъ мемуаровъ въ живыхъ яркихъ образахъ, какъ герои великихъ политическихъ трагедій. Жизнь внѣшнюю, которая проходила подъ взоромъ всей Европы, и жизнь интимную, со всѣми ея страстями, ошибками, блескомъ и паденіями, эту царственную жизнь, малѣйшее движеніе которой могло отражаться на судьбѣ цѣлаго народа, гр. Головина описываетъ съ тончайшей женской наблюдатель-

ностью и благороднымъ безпристрастіемъ. И на фонѣ исторической дѣйствительности, сплетаясь съ ней самыми гончайшими корнями, сливаясь съ ней воедино внѣшне и внутренне, проходила жизнь самой графини — этой исключительной для своего времени женщины съ душой романтически-восторженной, страстной, сильной и до конца вѣрной своимъ идеаламъ, несмотря на превратность ея тревожной и грустной судьбы.

(*„Утро Россіи“ 18 іюня 1911 г.*)

„Смутное Время и Отечественная Война“

(къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.).

Томъ I. **о. ПИРЛИНГЪ. Димитрій Самозванецъ.**

Перев. В. П. Потемкина. Предисловіе П. Н. Милюкова.

СОДЕРЖАНІЕ: Часть первая. **Легенда объ Императорѣ.** Глава I. Конецъ одной династіи.—Глава II. Таинственный призракъ.—Глава III. Отреченіе отъ вѣры.—Часть вторая. **Походъ на Москву.**—Глава I. Побѣда и пораженіе.—Глава II. Побѣдоносное шествіе къ Москвѣ.—Часть третья. **Апогей.**—Глава I. Вѣнчаніе Димитрія на царство.—Глава II. Димитрій и паны.—Глава III. Димитрій и Польша.—Часть четвертая. **Развязка.**—Глава I. Коронованіе Марины.—Глава II. Катастрофа.—Часть пятая. **Поляки въ Кремлѣ.**

Роскошно изданный томъ, украшенный многочисленными портретами. **Цѣна 3 руб.**

Томъ II-й и III-й готовятся къ печати.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. **Вокругъ Трона.** Екатерина Великая. (Ея друзья.—Фавориты.—Интимная жизнь.)

Единственно-полный переводъ А. Гретманъ, снабженный дополненіями и подлинными письмами изъ архивн. документовъ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ: Часть I. **Екатерина Великая.** Ея фавориты: Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ.—Часть II. **Сѣверная Семирамида.** Умственная жизнь при дворѣ Екатерины.—Писатели, ученые, артисты.—Иностранные придворные.—Искатели и искательницы приключеній.—Княжна Тараканова. Часть III. **Интимная жизнь.**—Внѣшній декорумъ.—Измѣна.—Ревность.—Драма въ знатномъ дворцѣ.—Интимная корреспонденція.—Роскошь и нищета.—Утонченность и испорченность нравовъ.—Любимыя удовольствія Екатерины.

Роскошно изданный томъ большого формата. Весь текстъ заключенъ въ стильную рамку. **Цѣна 3 руб.**

Томъ II. **„Царство женщинъ“.** Екатерина I.—Анна.—Елизавета.

Единственный въ Россіи полный перев. съ франц. А. Гретманъ, снабженный подлинными письмами и дополненіями изъ архивныхъ документовъ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ: Часть I. **Жена и Внукъ.** Глава I. Рядъ государственныхъ переворотовъ. — Глава II. Фаворитизмъ. — Меншиковъ.— Глава III. Борьба прилокъ.—Морицъ Саксонскій.—Глава IV. Императоръ забавляется.—Петръ II.—Глава V. Олигархія и анархія.— Высшіе сановники.— Глава VI. Императорская трагедія. — Екатерина Долгорукая.— Часть II. **Анна I.** Глава VII. Попытки конституціоннаго строя.—Глава VIII. Имератрица и временщикъ.—Биронъ.—Глава IX. Внутренняя политика.— Глава X. Воспитанники и преемники Петра Великаго.—Глава XI. Дворъ и общество.—Смерть Анны.—Часть III. **Два регентства.**—Глава XII. Паденіе Бирона.—Глава XIII. Анна Леопольдовна.—Глава XIV. Елизавета.

Роскошно изданный томъ большого формата, украшенный многочисленными портретами. **ЦѢНА 3 рубля.**

Томъ III. **Петръ Великій.** Воспитаніе.—Личность.—Дѣло.

Единственный въ Россіи полный переводъ съ франц. А. Гретманъ, снабженный полными письмами и дополненіями изъ архивныхъ докуметовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Часть первая. **Изъ Азіи въ Европу.** Глава I. Кремль и Нѣмецкая Слобода.—Наталья Нарышкина. — Петръ—царь. — Глава II. Царевна Софія.—Теремъ въ Кремлѣ.—Дѣтство Петра.—Юность.—Женитьба.—Евдокія Лопухина. Глава III. Троицкій монастырь.—Бѣгство Петра.—Мужество Софьи. -Допросы и казни. -Глава IV. Въ школѣ цивилизованнаго міра.— Походы.—Созданіе флота.—Взятіе Азова.—Глава V. Увеселенія.—Красавицы.—Геній Петра.—Величіе Петра. Глава VI. Путешествіе.—Германія, Голландія.—Англія.—Красавица голландка.—Знакомство съ жизнью во всѣхъ ея видахъ. Часть вторая. **Въ полномъ расцвѣтѣ силъ.** Глава I. Плоть и духъ. — Наружность. — Черты характера. — Вспыльчивость. — Грубые нравы.—Оргіи.—Пьянство среди женщинъ.—Глава II. Умственныя черты.— Нравственный обликъ.—Забавы царя.—Скабрезность развлеченій. Глава III. Взгляды, принципы и пріемы правительства.—Фаворитизмъ. Часть третья. **Среда.** Глава I. Сотрудники, друзья, фавориты.—Аристократія и народъ.— Временщики. — Князь-Кесарь. — Меншиковъ. Головинъ. Толстой. — Борисъ Куракинъ.—Яковъ Брюсъ.—Остерманъ.— Французы. Глава II. Женщины.—Возлюбленныя короля и возлюбленныя царя.—Донжуанскія наклонности Петра..—Княгиня Голицына.—Грубость и цинизмъ.—Кутежи.— Дебютъ.—Женитьба.—Медовый мѣсяцъ.—Монастырь. Романъ заключенной.—Любовная переписка.—Казнь любовника.—Екатерина ревнуетъ.— Месть Евдокіи.—Первая фаворитка.—Сестры фаворита.—Дѣвицы Арсеньевы.—Екатерина Васильевна.—Теремъ и гаремъ.—Марія Гамильтонъ.— Любовникъ и палачъ. Полька.—Роль женщинъ въ жизни Петра и его роль въ судьбѣ русской женщины.—Востокъ и Византія.—Аскетическое движеніе. Глава III. Екатерина.—Прибытіе въ Россію.—Происхожденіе.— Свадьба.—Бывшая служанка, превращенная въ царицу.—Сужденіе современниковъ.—Некрасива и непріятна.—Жена офицера. Очаровательница и укротительница.—Переписка.—Близость.—Смерть Алексѣя.—Мать пасльдника.—На вершинѣ.—Коронація.—Преступная связь. — Смерть Петра и

окончательная побѣда. Часть четвертая. **Дѣло Петра.** Глава I. Отъ Нарвы до Полтавы.—Глава II. Отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго.—Глава III. Франція.—Глава IV. Армія и флотъ. Глава V. Царевичъ Алексѣй.—Глава VI. Политика. Глава VII. Завѣщаніе Петра Великаго.

Роскошно изданный томъ большого формата.—Весь текстъ отпечатанъ въ цвѣтной рамкѣ петровскаго стиля. Изданіе украшено множествомъ виньетокъ, концовокъ и заставокъ работы художника П. Афанасьева.

Цѣна 3 рубля.

Томъ IV печатается.

Эдмондъ и Жюль ГОНКУРЫ.

Полное роскошно иллюстрированное собраніе сочиненій

въ 40 томахъ,

съ портретомъ автора, съ предисловіемъ и критикобіографическимъ очеркомъ Виктора Гофмана.

Все изданіе составитъ болѣе 400 печатныхъ листовъ текста и будетъ состоять изъ 11 томовъ романовъ, 6 томовъ историческихъ произведеній, 1 тома интимныхъ портретовъ, 1 тома драматическихъ произведеній, 1 тома переписки, 9 томовъ дневника, 5 томовъ по искусству, 2 тома художественно-критическихъ и путевыхъ набросковъ и этюдовъ, 4 тома монографій о знаменитыхъ артисткахъ и фавориткахъ XVIII вѣка.

Всѣ переводы для этого изданія будутъ сдѣланы съ послѣдняго французскаго изданія, предпринятаго извѣстной фирмой **Charpentier** въ Парижѣ. Оно отличается не только критически провѣреннымъ текстомъ, чрезвычайно цѣнными историко-литературными примѣчаніями, но является **единственно полнымъ** собраніемъ сочиненій знаменитыхъ французскихъ классиковъ.

Большая часть томовъ будетъ роскошно иллюстрирована снимками съ картинъ извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ: Жаннio, Джемса Тиссо, Анри Морэка и др.

Въ переводахъ этого фундаментальнаго изданія сочиненій Б. Гонкуровъ изъявили свое согласіе принять участіе слѣдующіе писатели: Валерій Брюсовъ, Зин. Венгерова, С. Венгерова, Макс. Волошинъ, Викторъ Гофманъ, З. Журавская, Л. Вилькина Минская, Вениаминъ Корчемный, Нина Петровская, Тэффи, Анаст. Чеботаревская и др.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Томъ I. **ПРОСТИТУТКА ЭЛИЗА.** Критико-библіографическій очеркъ и предисловіе **Виктора Гофмана.** Перев. М. Бердниковой. Роскошно изданный томъ съ портретомъ автора и иллюстраціями худож. Жаннio. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Томъ II. **ЖЕРМИНИ ЛАСЕРТЭ.** (Исторія служанки). Романъ. Перев. С. Венгеровой. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Томъ III. **БРАТЬЯ ЗЕМГАННО.** Романъ. Перев. Зин. Журавской. Иллюстраціи А. Местро. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Томъ IV. **ФОСТЭНЪ.** Романъ. Перев. Нины Петровской. Иллюстраціи Мих. Соломонова. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Остальные томы печатаются.

Изъ отзывовъ о Гонкурахъ и ихъ романахъ:

„...Едва ли не главная заслуга книгоиздательства „Сфинксъ"—это изданіе Гонкуровъ, еще не разу полностью не переведенныхъ на русскій языкъ.

У Гонкуровъ есть, напримѣръ, великолѣпный дневникъ, рѣдчайшая характеристика современниковъ (даже напр. Тургенева), дневникъ, обнимающій нѣсколько десятилѣтій, который, наконецъ, цѣненъ рядомъ блестящихъ мыслей объ искусствѣ, рядомъ художественно-критическихъ замѣтокъ.

Это подлинное сокровище, входящее теперь въ полное собраніе сочиненій Гонкуровъ, предпринятое издательствомъ „Сфинксъ", почти незнакомо русской публикѣ...

А. Станкевичъ („Южный Край" 10 декабря 1910 г.).

Въ Россіи, наконецъ, появляется полное собраніе сочиненій братьевъ Гонкуровъ въ переводѣ на русскій языкъ, издаваемое к—вомъ „Сфинксъ".

Вышла новая книга—романъ „Элиза", въ тщательномъ переводѣ, съ иллюстраціями того времени. Несовременность нѣкоторыхъ деталей повѣствованія и легкая старомодность изысканно-отточеннаго стиля, который ласкаетъ слухъ длинными гармоническими періодами и плавностью изящно законченныхъ фразъ, въ сочетаніи съ безпощаднымъ натурализмомъ сюжета,—все это особое очарованіе творчества Гонкуровъ, вѣроятно, глубоко воспримется читателями, лишенными до сихъ поръ возможности познакомиться съ этимъ классическимъ произведеніемъ французской литературы. „Элиза" — героиня романа—проститутка. Жизнь „одной изъ несчастныхъ" была много разъ сюжетомъ романовъ, разсказовъ и повѣстей. Но очень часто писатели задавались цѣлью найти въ мрачномъ сюжетѣ хотя искру свѣтлой, примиряющей красоты, хотя блѣдный лучъ надежды на спасенье. Въ романѣ же Гонкуровъ постепенно и неуклонно нарастающій трагизмъ на послѣднихъ страницахъ,—въ потрясающихъ описаніяхъ медленнаго разложеніе человѣческой души, обреченной жить и умереть въ тюрьмѣ,—переходитъ въ медленный „requiem", глухіе аккорды котораго звучатъ послѣднимъ утѣшеніемъ надъ тюремно-больничной койкой № 7999.

Нина Петровская (Утро Россіи 26 февр. 1911 г.).

Книгоиздательство „Сфинксъ". М. 1911 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Книгоиздательство „Сфинксъ" сдѣлало вѣрный и нужный шагъ, предпринявъ полное собраніе сочиненій Гонкуровъ. Одинъ изъ рецензентовъ справед-

ливо отмѣтилъ „странный, почти неестественный фактъ, что сейчасъ въ Россіи нѣтъ изданія Гонкуровъ". Они близки намъ, вопросы, затронутые ими,—наши вопросы. Ихъ темы не архаичны, они сейчасъ преобладаютъ въ художественной литературѣ. Первымъ томомъ выпущена „Элиза". Въ немъ описываются разнообразныя ощущенія проститутки, исторія ея паденія, ея жизнь въ публичныхъ домахъ. Тяжелыя картины развертываютъ авторы въ послѣднихъ страницахъ. Предпринявъ изданіе полнаго собранія сочиненій извѣстныхъ французскихъ писателей, книгоиздательство „Сфинксъ" выпускаетъ его въ прекрасномъ изданіи и въ лучшихъ переводахъ. Цѣна отдѣльнаго тома, принимая во вниманіе внѣшность, недорога.

(Московск. газета 14 февраля 1911 г.)

БЛАСКО ИБАНЬЕСЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Перев. А. Вольтера.

(Исключительно съ испанскаго.)

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Томъ I. **НАГАЯ НАЛОЖНИЦА.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ II. **КРОВЬ и ПЕСОКЪ.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. **НОВЕЛЛЫ.** *Содержаніе:* Осужденная. — Заяцъ.— Двойной выстрѣлъ.—Печальная весна.—Въ морѣ.— Человѣкъ за бортомъ.—Свистъ.—Морскіе волки.— Чиновникъ.—Чудовище.—Покинутый баркасъ.—Манекенъ.—Банкетъ Розера.—У хлѣбной печи.—Чудо св. Антонія.—Мавританская месть.—Стѣна. Ц. 1 р.

Томъ IV. **СРЕДИ АПЕЛЬСИНОВЪ.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. **ОТЦЫ-ІЕЗУИТЫ.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. **ОТБРОСЫ ЖИЗНИ.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. **СОБОРЪ.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VIII. **КУРТИЗАНКА СОННИКА.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. **ТРОСТНИКЪ и ГРЯЗЬ.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. **БРАЧНАЯ НОЧЬ.** Ц. 1 р.

Томъ XI. **БИЧЪ НАРОДА.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XII. **ЛУНА БЕНАМОРЪ.** Романъ. Ц. 1 р.

Томъ XIII. **ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВІЯ.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

(Остальные томы печатаются.)

Типографія Торговаго Дома „Мысль“. Москва, Петровка, д. 17,

2007089512